

3 1761 08106694 6

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1892.

ФЕВРАЛЬ.

Москва.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

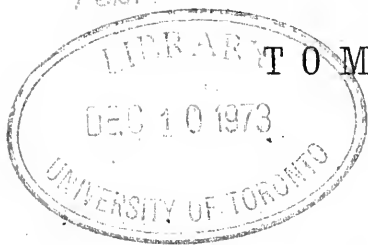
AP

50.

R86

9.3

Feb.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

	<i>Стр.</i>
I. ЛЕГЕНДАРНЫЕ ХАРАКТЕРЫ. (Опытъ систематическаго обозрѣнія.) Н. С. Лѣскова	485
II. МАХДИ СУДАНА И ЦАРСТВО ДЕРВИНЦЕЙ. (<i>Окончаніе.</i>) А. В. Елисеѣва	552
III. ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ. М. П. Соловьева	598
IV. ЧЕМУ УЧИТЬ НАСЪ ГОЛОДЪ? К. Ѳ. Головина	638
V. СТИХОТВОРЕНІЕ. Кн. Э. Э. Ухтомскаго	660
VI. ХАРАКТЕРЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. Д. А. Коропчевскаго	661
VII. НЕУРОЖАН ПРОШЛАГО ВѢКА. (По архивнымъ матеріаламъ.) П. В. Безобразова	692
VIII. НОВАЯ САНДРИЛЬОНА. Романъ. (Изъ французскихъ правовъ.) Гл. VI—X. Гр. Е. А. Салиаса	745
IX. ИЗЪ ПУТЕВАГО ДНЕВНИКА. (Въ Египтѣ.) ***.....	766
X. САЛЛИ ДОУЗЪ. Романъ Бретъ-Гарта . (Переводъ съ рукописи. Ѳ. Д.) Гл. III—V.....	785
XI. РАЗВОДЪ. (Современные нравы.) Альфонса Додз . Переводъ съ рукописи И. Гальперина-Каминскаго . Гл. X—XIV. (<i>Окончаніе</i>).....	814
XII. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо П. Г. Вельшингера	854
XIII. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. С. Васильева	874
XIV. МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Н. Д. Кашкина	886
XV. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Есть ли въ Россіи голодъ?—Идеаль и дѣйствительность по поводу ученія и дѣятельности графа Л. Н. Толстаго . — Папство и социальный вопросъ.—Паденіе министерства во Франціи.—Рѣчь императора Вильгельма ; безпорядки въ Берлинѣ; жестокое обращеніе съ солдатами въ германской арміи.— Г. Татищевъ о Стамбуловѣ .—Окончаніе спора съ <i>Московскими Вѣдомостями</i>	893
XVI. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Л. Н. Воронова	916
XVII. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:	
1) <i>Государственный банкъ</i> . Изслѣдованія его устройства, экономическаго и финансоваго значенія. Власія Судейкина . Петербургъ, 1891. XVIII+520 стр. Е. К. Нелидова	934
2) П. Ѳ. Каптеревъ . <i>Сношенія іерусалимскаго патріарха Досифея съ Русскимъ правительствомъ (1669—1707 и)</i> Москва. 1891. 359+91 стр. (приложенія: 23 документа).— П. Профессоръ Н. В. Покровскій . <i>Евангеліе въ памятникахъ иконографіи преимущественно византійскихъ и русскихъ</i> . Спб. 1892. II+LXI+496 стр. in quarto majore. Съ 226 рисунками въ текстѣ и 12 таблицами.— III. Александръ Голубцовъ . <i>Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевни Ирины Михайловны</i> . Москва 1891. V+384 стр. Н. Н. Глубоковскаго	947
3) Графъ П. Бутурлинъ . <i>Двадцать сонетовъ</i> . Кіевъ. 1891. А. П. Саломона	959

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ХАРАКТЕРЫ.

Опыт систематическаго обзорѣнія. ¹

I.

«Народъ неизменно долженъ имѣть ясное понятіе о литературныхъ памятникахъ и источникахъ, которые вліяли на образованіе его идей и представленій.»

Чт. въ Общ. Люб. Древн. Россійскихъ.

Тридцать лѣтъ назадъ, когда у насъ много писали о женскомъ вопросѣ, не разъ было упоминаемо, будто въ Россіи репутаціи женщины былъ нанесенъ большой вредъ житійными сказаніями, которымъ вѣрили наши предки. Тамъ будто женщины постоянно представляются соблазнительницами, стремившимися удалитъ мужчинъ отъ возвышенныхъ задачъ жизни и погрузитъ ихъ въ жизнь чувственную и безразсудную. Нѣкоторыми, болѣе горячими, чѣмъ основательными друзьями женскаго вопроса было выхвачено нѣсколько примѣровъ въ этомъ родѣ, и тѣ примѣры, принятыя

¹ Обзорѣніе это составлено по *древле-печатному, первоначальному* Прологу, редакція котораго не соответствуетъ тому, который издается послѣ Петра Великаго. Древле-печатный, переводный Прологъ, содержащій въ себѣ приводимыя здѣсь «прилоги», не входитъ въ кругъ церковныхъ книгъ и не только не пользуется церковнымъ авторитетомъ, но представляетъ книгу «отреченную», и сказанья его, по выраженію Феофана Прокоповича, относятся къ разряду *„пустыль и смѣху достойныхъ басенъ“*. Интересъ, имъ представляемый, есть собственно интересъ литературный и историческій. Любопытны описаніе въ немъ характеры и положенія, передающія намъ картины нравовъ временъ отдаленныхъ.

Н. Л.—вг.

безъ критики, до сей поры остаются въ непререкаемомъ значеніи убѣдительныхъ фактовъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, *это есть ложь*, и въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто пожелаетъ познаться съ женскими типами Пролога.

Это здѣсь и предлагается.

Разбирая Прологъ, какъ повѣствовательный источникъ, я нашелъ въ немъ ровно *сто* темъ или „прилоговъ“, которые даютъ болѣе или менѣе пригодный матеріалъ для воспроизведенія въ повѣствовательномъ или пластическомъ искусствѣ, а изъ этихъ ста исторій—въ тридцати пяти участвуютъ женщины.

Годъ по Прологу начинался съ 1 сентября, и первое соблазнительное дѣло описано во 5-мъ числомъ сентября.

1) „По діаволу злохитрству, внаде въ блудъ иѣкій епископъ“. Объ этомъ никто не зналъ въ его паствѣ, но епископъ былъ человѣкъ искренній и самъ не могъ снести своего грѣха, онъ пришелъ въ церковь, спялъ съ себя омофоръ и, ставъ предо всѣми на колѣни, началъ каяться „глаголя: отселѣ не могу быти вамъ епископъ“.

Словомъ—онъ принесъ публичное покаяніе въ блудномъ грѣхѣ, послѣ чего его надо было „пзвергнуть“, но какъ этотъ епископъ былъ человѣкъ очень добрый и хорошій и люди его очень любили, то имъ жаль стало потерять его, и вотъ „возопиша вси люди съ плачемъ: грѣхъ твой на насъ буди“.

Епископъ отговаривался, но народъ настаивалъ на своемъ. Тогда растроганный епископъ, заливаясь слезами, потребовалъ себѣ отъ людей наказанія, а тѣ на это согласился, лишь бы онъ у нихъ остался. Вотъ епископъ и легъ на полъ у двернаго порога и просилъ, чтобы каждый мірянинъ, выходя изъ церкви, толкнулъ его презрительно ногой. Люди его послушались, и стали его толкать, и когда послѣдній человѣкъ, выходя изъ церкви, наступилъ на согрѣшившаго архіерея, то онъ всталъ, поклонился вышедшимъ чрезъ двери людямъ и остался служить у нихъ епископомъ, и люди не чувствовали въ этомъ смущенія, а были увѣрены, что грѣхъ его прощенъ ради его искренности и смиренія. „Зане зашу его ногой своею“ и та, которая была его соучастницей въ грѣхѣ.

2) *Сентября 15*. Одного молодого пустышника страшно мучили любовныя мечтанія. Онъ пошелъ къ старцу Пахому и просилъ у него совѣта: какъ ему отъ этого избавиться. „Онъ же (то-есть старецъ) рече: не дивися дѣлу сему: азъ бо многажды обрѣтахся въ снцевыхъ. Се бо вляши мя человѣка уже стара суща

и дряхла, яко уже четьредесять лѣтъ снжу въ хижинѣ и токмо и пекуся о единомъ своемъ спасеніи, и уже тольми ветхъ сый, а и до днешняго дне еще не свободенъ.“

3) *Октября 29.* Старець Авраамій „сочетался съ женой“, но потомъ, когда винкъ въ семейную жизнь, то она ему не понравилась,—онъ нашелъ, что она очень хлопотна и безпокойна, и вообще гораздо труднѣе отшельничества, къ которому онъ уже привыкъ. Тогда Авраамій опять оставилъ жену и „отшедъ затворися въ малѣ хлевниѣ“. Теперь ему не о комъ было заботиться, но когда Авраамій просидѣлъ въ затворѣ девять лѣтъ, умеръ его братъ и оставилъ семилѣтнюю дочку. Волей-неволей Авраамію пришлось взять племянницу на свое попеченіе. Авраамій вышелъ изъ „хлевнины“, сдѣлать тутъ же рядомъ другую такую же „хлевнику“ и замуровалъ туда дѣтя. Дѣвочка прожила замурованная въ затворѣ на глазахъ у дяди тринадцать лѣтъ и никакихъ дурныхъ примѣровъ не видала, но когда пошелъ ей двадцатый годъ, „оба завистию бѣсовскою впала въ паденіе“. Непзвѣстно, какъ она замурованная чрезъ оконце „познакомилась съ блудницами“, выкарабкалась изъ затвора и ушла съ этими своими знакомками въ такую „гостиницу“, гдѣ собиравлсь въ досужное время военные люди. Военные же люди въ той странѣ такъ любили женское общество, что вездѣ подманивали къ себѣ дѣвцы, а обратно получить отъ нихъ дѣвушку было уже очень трудно. Они отпускали женщину развѣ только тогда, когда она пмъ надокучить и они сами ее прогонять. Старець ихъ усовѣщевалъ и кричалъ на нихъ и угрожалъ пмъ изъ своего затвора, но военные смѣялись, и его молоденькой затворницы ему не отдали, а увели ее и не возвращали. Тогда старецъ Авраамій обратился къ хитрости, которою и достигъ желаннаго успѣха. Въ одинъ день онъ самъ вышелъ изъ своего затвора, досталъ себѣ верховаго коня, добылъ воинскіе доспѣхи, „во образъ воинскій оболкса“ и поѣхалъ верхомъ въ ту же самую гостиницу, гдѣ веселились съ женщицами военные, къ которымъ ушла изъ затвора его племянница. Переодѣтый воинномъ, затворникъ держалъ себя въ гостиницѣ такъ искусно, что никто его не узналъ, и даже не подозревалъ, что это затворникъ, а всѣ сочли его за настоящаго военнаго. Даже и племянница его не узнала, и онъ, увидя это, самъ притворился разбитнымъ гулякой и сталъ звать неузнающую его дѣвушку, чтобъ она шла съ нимъ отсюда препроводить

дальнѣйшее время, за что Авраамій обѣщаль ей дать по обычаю „даръ“. Молодая дѣвушка, еще недавно только пустившаяся въ гулевую жизнь, ничего хитростнаго не подозревала и ушла съ Аврааміемъ изъ гостиницы, въ полномъ убѣжденіи, что ей сопутствуетъ настоящій воннъ. А когда они остались вдвоемъ, тогда Авраамій ей себя обпаружилъ и укорилъ ее и ужъ на свободу не выпустилъ, а посадилъ опять „въ малу хлевину“, гдѣ она, послѣ долгихъ стенаній и плача, „покаилась, а послѣ-жди, чудеса творяше, скоро почла“.

4) *Октябръ 29.* Была женщина Анна, которой хотѣлось спасти себя, живучи въ мужскихъ монастыряхъ. Она назвала себя Ефимьяномъ и стала жить съ монахами. Бороды у нея не расло, но это никого не соблазняло: монахи все думали, что Ефимьянъ скопецъ и ни мало этимъ не смущался. Но одинъ изъ монаховъ того монастыря на свое несчастіе былъ „воображенникъ“. Ему непремѣнно хотѣлось дознаться: отчего у Евфимьяна не растетъ борода? Къ этому еще прибавилось и искушеніе: невдалекѣ отъ ихъ монастыря жила женщина, которая знала тайну Ефимьяна и притомъ была болтлива; она сказала „воображеннику“:

— Это не скопецъ, а *жена безстрастница!*

(Сказавшая сама сейчасъ же и исчезла.)

А „воображеннику“ съ этой поры вступило въ голову во что бы то ни было „подемотрѣть Ефимьяна“.

Онъ объ этомъ и началъ стараться, „тщасяся изринути Ефимьяна“ и сотвори сіе, но бысть божественною силой до полу-сухъ. Анна же „бѣжаше отъ соблазненія, имѣя съ собой то-чю два монаха“.

5) *9 февраля.* Братъ иѣкій жилъ въ скитѣ, не видя ни одной женщины, но врагъ „вложилъ ему въ память иѣкія жены прекрасны“. Воспоминаніе о женской красотѣ ужасно беспокоило скитника. Одинъ разъ пришелъ къ нему другой братъ и началъ рассказывать, что случилось въ мірѣ новаго и упомянулъ, что красавица, которая правилась брату, умерла. Тогда этотъ несчастный, какъ дождался ночи, взялъ свой „лентій“ и побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ, по разказу, похоронили красавицу. Тутъ онъ разрылъ ея могилу, открылъ гробъ и „лотре гной ея лентіемъ и возвратися, имѣя при себѣ смрадъ той“. И это его исцѣлило. Когда ему приходило на умъ, какъ эта женщина была прекрасна, онъ доставалъ этотъ „смрадъ“ и „полагая его предъ собой“, говорилъ: вотъ то, что отъ всякой красоты остается.

6) 18 марта. Данило Египтянинъ псѣлялъ женщинъ отъ неплодства. Одинъ молодой мужъ пришелъ къ нему съ просьбой, чтобъ онъ посѣтилъ его домъ и помолился надъ его женой, которая не рождаетъ. Старецъ пошелъ по приглашенію мужа и съ того случая молодая женщина „Богу изволившу зачать во чревѣ“. Мужъ былъ очень радъ и доволенъ, но сосѣди стали смѣяться ему и говорить, будто все чудо въ томъ заключается, что жена его естественно затяжелѣла отъ старца Данилы. Когда это дошло до Данилы, онъ позвалъ къ себѣ смущеннаго молодого супруга и сказалъ ему: когда у тебя родится дитя, собери всѣхъ родственниковъ на обѣдъ, и я тогда тоже приду къ тебѣ, и все дѣло разъяснится. Молодой человекъ такъ и сдѣлалъ, какъ сказалъ ему помогательный старецъ: на двадцатый день по разрѣшеніи беременности его жены онъ собралъ къ себѣ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Пришелъ и Данила, и когда всѣ сѣли за столъ, старецъ взялъ на руки новорожденное дитя и спросилъ его: „кто твой отецъ?“ Двадцатидневное дитя протянуло ручку и, указывая пальчикомъ на молодого супруга, проговорило: „вотъ кто“.

7) 17 марта. Два брата жили въ пустынѣ и сильно между собою подружившись дали обѣтъ никогда не оставлять другъ друга, „не точію въ жизни, но и по смерти“.

Но вдругъ одинъ изъ нихъ „началъ ратоваться отъ бѣса“. Бѣсъ навелъ на него такую неодолимую скуку, что обуеваемый „не возмогъ стерпѣть“ и сказалъ брату своему: отпусти меня въ людское мѣсто; я не могу здѣсь терпѣть — хочу жить, какъ всѣ, и веселиться.

Благоразумный братъ употребилъ всѣ усилія уговорить несчастнаго, чтобъ онъ возобладалъ надъ страстью и не губилъ столькихъ лѣтъ прожитой въ чистотѣ жизни, но тотъ никакъ не могъ совладѣть съ собою и стоялъ на своемъ, что ему надо уйти и веселиться.

— Но какъ же мнѣ быть въ такомъ случаѣ? спросилъ благоразумный братъ:—вѣдь вотъ ты помни я далъ обѣтъ никогда съ тобою не разставаться!.. Какъ же мнѣ быть теперь, когда ты стремишься къ распутству, въ которое я себя допустить не желаю.

— А ужъ мнѣ до этого теперь никакой заботы нѣтъ, отвѣчалъ страстно уязвленный братъ.—Поступай, какъ знаешь, но я за этимъ остановиться не могу: я сейчасъ пойду за своимъ

намѣреніемъ, а ты оставайся, но впрочемъ, добавилъ онъ, — если ты хочешь при мнѣ быть, то пожалуй иди со мною въ городъ и повеселимся вмѣстѣ. А можетъ-быть мнѣ тамъ и не долго поправится, и я скоро почувствуюсь — тогда можетъ-быть я и возвращусь съ тобою опять сюда же.

Благоразумный братъ подумалъ: что за несчастіе съ человѣкомъ содѣялось! Совсѣмъ омраченъ онъ и можно ли отпустить его одного въ такомъ омраченіи? Одишь онъ непременно попадетъ въ компанію весельчаковъ, среднюю нынѣшнему его одержимому настроенію, и онъ къ нимъ такъ прильбится, что погибнетъ невозвратно, а надо лучше не выпускать его изъ глазъ, и ждать въ немъ перемѣны отъ времени.

— Да, разсудилъ благоразумный, — пусть лучше я самъ приближусь къ соблазну, но не оставлю человѣка совсѣмъ ослабѣвшаго. Нѣтъ, не покину его. — пойду съ нимъ и буду ждать, когда умъ и чувства его опять придутъ въ свѣтлое состояніе.

Всталъ благоразумный братъ и пошелъ въ городъ вмѣстѣ съ страстнымъ братомъ.

Ити имъ было трудно, ибо путь былъ не малъ, а страстный „бѣжа скоро“, и какъ пришелъ въ городъ, — сейчасъ же „скочи въ огражденіе садовное“, откуда неслося плесканья и пѣсни и видѣлись женскія лица и плечи. А благоразумный братъ сѣлъ на пыльной дорожкѣ предъ этимъ „огражденіемъ“, набралъ горстями земляной пыли, зарыдалъ и сталъ насыпать себѣ пыль на голову.

Люди, проходя, спрашивали его: о чемъ онъ плачетъ? А онъ имъ отвѣчалъ по правдѣ: — „Любимый братъ мой, долго жившій чистою жизнью, вошелъ вотъ туда, въ садовное огражденіе.“ Люди надъ нимъ смѣялись, говорили. — что же тебѣ? Иди и ты туда же и повеселись тамъ вмѣстѣ со всѣми съ нами. И сами туда же вошли, а благоразумный братъ все сидѣлъ въ пыли и все плакалъ.

Такъ прошла цѣлая ночь, а братъ „вскочившій въ огражденіе“ все еще не выходилъ оттуда, пока на небѣ засвѣтился новый день, и тогда вывалила изъ „огражденія“ большая толпа мужчинъ и все шумѣли и ссорились, и въ ихъ-то безпорядочномъ обществѣ находился страстный братъ, съ блѣднымъ лицомъ, помятымъ волосами и угасшимъ взоромъ. И чуть только страстный братъ вышелъ, — благоразумный братъ вскочилъ и бросился къ нему съ радостію и заговорилъ.

— Для чего ты такъ долго тамъ оставался! наслы я тебя дождался! хорошо, что ты, наконецъ, вышелъ: — вонечно, ты видишь

теперь, какъ это гадко и можетъ тебя погубить. Пойдемъ скорѣе отсюда назадъ въ нашу пустыню.

— Ахъ, отстань ты пожалуйста! отвѣчалъ страстный братъ.— Это совсѣмъ не такъ гадко, какъ ты воображаешь. Миѣ тамъ, напротивъ, очень понравилось, и я ни за что теперь не пойду въ пустыню, а ты, если хочешь, уходи. Я тебѣ не препятствую.

Какъ благоразумный братъ ни уговаривалъ страстнаго—все оказалось безуспѣшно: страстному такъ понравилось въ „огражденіи садовнѣмъ“, что онъ совсѣмъ пришелъ въ изступленіе и уже не боялся ни суда Божія, ни вѣчныхъ мукъ, и ни за что не хотѣлъ возвращаться съ благоразумнымъ въ пустыню. Онъ слушалъ благоразумнаго молча, а самъ въ себѣ только и помышлялъ о томъ, чтобы какъ-нибудь поскорѣе скоротать день, а потомъ опять попасть въ огражденіе, объ удовольствіяхъ котораго онъ чѣмъ больше думалъ, тѣмъ большую къ нимъ чувствовалъ несытость.

Видя такое страшное изступленіе несчастнаго, благоразумный братъ пересталъ его и уговаривать идти въ пустыню, но опять сталъ вопрошать самого себя: можно ли ему оставить друга и брата въ такомъ непостояствѣ? и, обдумавъ дѣло съ разныхъ сторонъ, благоразумный братъ увидалъ, что тотъ безъ него тутъ и погибнетъ въ безпутствѣ, и рѣшилъ самъ съ нимъ оставаться, пока надъ тѣмъ пройдетъ это „обладаніе“.

Но чтобы жить въ городѣ и при томъ еще веселиться въ „огражденіи“, надо было имѣть деньги, а у пустынныхъ братьевъ запасныхъ денегъ не было, и вотъ они стали оба наняться на работы. И оба работали во всю силу, какъ благоразумный, такъ и страстный, а вечеромъ страстный братъ забиралъ себѣ и свой заработокъ и заработокъ своего благоразумнаго брата и ночью все это пстрачивалъ на свои удовольствія въ „огражденіи“. Благоразумный же братъ не жалѣлъ этого и о деньгахъ своихъ со страстнымъ не спорилъ: но онъ жалѣлъ его, что тотъ такъ нравственно падъ и всякій день все глубже и глубже погружается въ смрадное болото порока, о которомъ благоразумный братъ самъ не имѣлъ никакого познанія и изумлялся силѣ грѣха, такъ страшно возобладавшаго надъ братомъ. Но при всемъ этомъ онъ вѣрилъ, что любовь его какъ-нибудь спасетъ одержимаго, и когда страстный входилъ въ „огражденіе“, благоразумный садился при дорожкѣ противъ этого „огражденія“ насыпалъ себѣ на голову дорожной пыли, и горестно плакалъ. Страстный это видѣлъ, но не останавливался и скорой стопкою уходилъ внутрь „огражденія“.

Такъ каждую ночь—одинъ гулялъ, а другой облакивалъ его безуміе.

Днемъ братья между собою уже не говорили, а становились на работу молча и уходили молча, и благоразумный братъ никогда болѣе не укорилъ страстнаго. И это, наконецъ, такъ тронуло страстника, что тотъ однажды бросился благоразумному въ ноги и воскликнулъ:

— Братъ мой любимый! Ты уязвилъ своимъ терпѣніемъ душу мою! возьми меня въ свою власть и сдѣлай со мною, что хочешь. Я не хочу оставаться такимъ, какимъ сдѣлался, но не могу собою править.

Тогда благоразумный братъ сейчасъ же поступилъ какъ почиталъ за лучшее: онъ взялъ страстнаго прямо отъ воротъ „огражденія“, гдѣ съ тѣмъ произошелъ спасительный переломъ, и увелъ его изъ города въ пустыню и „такъ приобрѣлъ себѣ брата своего“.

Видѣвъ же безумную страстность несчастнаго— благоразумный братъ и въ пустынѣ не оставилъ его на жертву его собственной воли, а заключилъ его въ тѣсную нещерку, гдѣ тотъ „черезъ малое время много преуспѣлъ и скончался“.

8) 15 апреля. Два монаха, живя вмѣстѣ, вдругъ оба наскучили одиночествомъ и пошли въ городъ. Тамъ они сейчасъ же взяли себѣ двухъ женщинъ и устроились такъ, чтобы жить съ этими подружками, а обѣты свои оставили. Но скоро они увидали, что жить съ женщинами совсѣмъ не такъ легко, какъ они ожидали, а что это довольно хлопотливо, что женщины требуютъ себѣ того и другаго, и по добру хорошихъ внушеній не слушаются, а надо ихъ много усовѣщавать и понуждать къ покорности, а черезъ то отъ совместнаго сожителства съ ними получается не столько удовольствія и радостей, сколько безпрестанныхъ досажденій. Монахи нашли, что это имъ чрезвычайно неудобно, и опять сговорилсь другъ съ другомъ покинуть взятыхъ женщинъ и убѣждали отъ нихъ назадъ въ монастырь и тамъ рассказали про все, что съ ними было во время ихъ блужденія и принесли покаяніе. Старшіе ихъ приняли и посадили въ затворъ и оставили каяться, а когда минуло время ихъ наказанія, то пришли на нихъ посмотреть, и увидѣли, что заключеніе оказало на ихъ совершенно различное вліяніе, одинъ согрѣшившій монахъ весь исхудалъ и истомился, а другой, напротивъ, былъ тѣломъ бодръ и лицомъ веселъ. Спросили исхудавшаго: „что тебѣ бысть?“ Онъ отвѣчалъ: „кость моя прильпе къ гортанц, сла вспоминаю, что сотворихъ“; тогда спросили о томъ же

бодраго, а тотъ отвѣчалъ: „я все радовался отъ какой бѣды меня Господь спасъ“.

Старцы обсудили оба отвѣта и нашли, что „оба брата пришли равно въ хорошее понятіе“.

9) 1 мая. Два брата живучи въ скитѣ занимались искуснымъ рукодѣліемъ и одинъ разъ, наготовивъ работу, пошли оба въ городъ, чтобы продать свои произведенія. Тутъ они какъ только вступили въ городскія ворота сейчасъ же и разошлись въ разныя стороны, одинъ пошелъ въ улицу, которая шла отъ воротъ направо, а другой въ улицу, которая шла влѣво. И весь день они другъ друга не видѣли. Когда же настало уговоренное время, чтобъ имъ сойтись въ условленномъ мѣстѣ и идти назадъ въ скитъ, братъ, пошедшій влѣво, сказалъ другому, пошедшему вправо:

— Знаешь ли, со мною случилось нѣчто такое послѣ чего я уже не могу идти назадъ въ скитъ.

— Что же это такое съ тобою случилось? спросилъ второй братъ.

— А то, что когда мы съ тобою разстались, то я встрѣтилъ очень красивую женщину и поддался соблазнительному влеченію, и вотъ мой обѣтъ цѣломудрія мною нарушенъ.

— Это очень дурно, отвѣчалъ другой братъ, но ужь если это случилось, то тѣмъ скорѣе должно тебѣ спѣшить отсюда въ нашу пустыню.

— Нѣтъ, братъ возлюбленный, отвѣчалъ падшій,—я уже не рѣшусь теперь оскорбить наше чистое жилище своимъ присутствіемъ.

Братъ же, ходившій въ улицу направо, еще настойчивѣе звалъ его скорѣе идти въ пустыню и самъ тянулъ его за руку, но падшій не шелъ и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, тебѣ самому будетъ тяжело со мною. Ты чистый.

— Тогда второй братъ „помысли мало и отвѣща“:— Не сокрушайся о томъ, что мнѣ будетъ тяжело въ твоемъ присутствіи, ибо когда мы съ тобою сегодня разстались и ты пошелъ направо, а я понесъ свои рукодѣлья направо, то со мною въ правой сторонѣ города случилось какъ разъ то же самое, что случилось съ тобою въ лѣвой.

Тогда первый братъ ободрился и воскликнулъ:

— Значить мы равны!

— Да, оба мы равны, ибо оба пали.

— Что же мы теперь сотворимъ далѣе?

Пойдемъ оба, какъ равные, вмѣстѣ въ свой скитъ и оба вмѣстѣ покажемся старцамъ.

— А что же намъ будетъ отъ старцевъ?

— А ужь что будетъ, то будетъ одинаково, что одному, то и другому. Не робѣй—перенесемъ вмѣстѣ по заслугамъ напимъ, а какъ я старше тебя, то вѣрно мнѣ сдѣлають наказаніе строжайшее, а тебя, младшаго—накажутъ полегче.

Братъ, ходившій вѣтво, „умлился“ и пошелъ въ скитъ. Тамъ съ ними вышло, какъ говорилъ второй братъ, который собственно не былъ грѣшнень, но только сказалъ на себя грѣхъ для того, чтобы поддержать духъ наднаго брата и тѣмъ не допустилъ его до отчаянія.

10) 21 мая. Одинъ братъ вышелъ изъ скита на рѣку, чтобы почерпнуть воды и вдругъ замѣтилъ тамъ на берегу „жену перуцу ризы“, то-есть прачку, моющую одежды, и „прилучилъ брату пасти съ нею“. По совершеніи же этого грѣха братъ зачерпнулъ воды и понесъ водоносъ въ скитъ свой, но его облѣпили бѣсы и стали кричать ему въ уши: „Чего идешь въ скитъ! Тебѣ тамъ теперь уже не мѣсто, оставайся теперь съ прачкой?“

Братъ этимъ очень смутился, но сейчасъ же понялъ, что бѣсы такъ хотятъ совсѣмъ отбить его отъ пути спасенія и сказали:

— Чего вы ко мнѣ вяжетесь, и для чего мнѣ досаждаете! Я не хочу отчаяваться.

И съ тѣмъ онъ пришелъ въ свою келью и „безмолствовалъ“, но согрѣшеніе его открылось одному старцу. Тогда братъ покался и рассказалъ, что онъ скрывалъ свой грѣхъ, боясь не упасть въ отчаяніе.—Старецъ похвалилъ его „разсужденіе“.

11) 24 мая. Одинъ старецъ, проведя всю жизнь въ скитѣ, пошелъ разъ въ Александрію продать свое рукодѣліе и тамъ увидѣлъ, какъ одинъ монахъ входитъ въ корчму. Пустынникъ сѣлъ противъ двери, въ которую вошелъ александрійскій монахъ, и сталъ дожидаться пока тотъ выйдетъ. Когда же монахъ черезъ нѣкоторое время показался на порогѣ, скитникъ бросился къ нему, обхватилъ его руками и, удерживая его, сталъ говорить:

— Что ты, несчастный, дѣлаешь! Или ты не вѣдаешь, что носишь ангельскій чинъ! Зачѣмъ же ты лѣзешь во вражьи сѣти, для чегоходишь въ корчемницу, гдѣ сходятся неподобные мужи и женщины! Молю тебя: бѣги къ намъ въ пустыню, тамъ ты спасешься.

Молодой же городской монахъ отвѣлъ руки скитника и сказалъ ему:

— Иди себѣ калугере,—Богъ ничего не ищетъ кромѣ чистаго сердца.

Старець „воздвигъ руки къ небу“ и сказалъ:

„Я въ пустынѣ не стяжалъ чистаго сердца, а сей ходящій въ корчемницы стяжалъ.“

13) *Юня 3.* Встрѣтилъ отецъ Пафнугій въ пустынѣ нагого человѣка, закрывавшагося своимъ волосамъ, и сталъ его разспрашивать объ его прежнемъ житѣ. Нагой человѣкъ сказалъ, что онъ жилъ сначала въ монастырѣ и былъ ткачемъ, но, наконецъ, ему не понравилось жить въ монастырѣ, а вздумалось, что лучше жить одному: „я такъ и сдѣлалъ, и сталъ работать и жить очень хорошо“, но это шло только „пока позавидовалъ мнѣ дьяволъ. Попросила меня одна черноризница устроить ей полотно. Я сдѣлалъ. Она попросила устроить другое. Я сдѣлалъ и другое, и яко уже свычай мн бысть съ нею и часъ съ часу дерзновение большее, то она зачениши родила беззаконіе“. Тогда нашло на него раскаяніе, и онъ, бросивъ черноризницу, бѣжалъ въ пустыню, гдѣ Пафнугій и встрѣтилъ его нагого.

Пафнугій съ нимъ разговорился и спросилъ: что же—я думаю—сначала-то тебѣ здѣсь и тяжело было?

„— Вельми пзнемогахъ, отвѣчалъ нагой, — и лежахъ въ пещерѣ, въ тузѣ и въ страсти“. Опять хотѣлось ему возвратиться „къ черноризницѣ“, но „пришелъ нѣкій мужъ, какъ бы ножомъ нрѣзалъ всю мою утробу, очистилъ ее и опять вложилъ, и руками замазалъ,—и съ той поры туга и страсти оставиша мя.“

13) *20 юня.* Жилъ въ дальней пустынѣ одинъ благочестивый старецъ и имѣлъ близкую родственницу, оставшуюся въ мірѣ. Долго онъ не видался, но вдругъ этой женщиной какъ-то соскучилось и захотѣлось сходить навѣстить своего родственника. При этомъ женщина не имѣла никакого дурнаго умысла, а только хотѣла узнать чисто по родственному: живъ ли пустынный, или онъ уже умеръ, если же онъ живъ, то она хотѣла побесѣдовать съ нимъ о божественномъ и чѣмъ-нибудь послужить ему по силамъ своимъ. Плутала она долго по пустынѣ, пока встрѣтила „кампларя“, или пастуха, который пасъ верблюдовъ. Женщина рассказала ему, кого она ищетъ. Пастухъ верблюжий зналъ пустытника и показалъ ей, какъ найти его пещерку, которая была тутъ же не по-далеку. Женщина разыскала своего родствен-

ника. Онъ ее уже не могъ узнать, но она сказала ему, что „средница твоя есмь“. Тогда пустынный ее принялъ. Потомъ они стали съ нимъ бесѣдовать, но „егда приде ночь“,—то старецъ „преступи съ ней свой обѣтъ целомудрія“. Это сейчасъ случилось извѣстно необычайнымъ случаемъ. Въ этой же самой пустынѣ, на нѣкоторомъ разстояніи жилъ другой старецъ, который ни мало не интересовался тѣмъ, что произошло у сосѣдняго старца, но онъ пошелъ почерпнуть воды, и только-что погрузилъ свою чашу въ воду, какъ „чашка перевернулась“. Старецъ удивился: потому что до этого случая чашка у него никогда не переворачивалась. Онъ второй разъ зачерпнулъ чашу, но чуть ее поставилъ, какъ она опять перевернулась.

Тогда пустынный подумалъ:

„Вѣрно это по усмотрѣнію Божию.“

А такъ какъ онъ въ одиночествѣ никакъ не могъ себѣ раз-яснить: къ чему ему давалось такое знаменіе? То онъ, не теряя времени, пошелъ къ другому пустыннику, спасавшемуся въ той же пустынѣ, но въ другомъ мѣстѣ.

— Пойду и разскажу ему, думалъ старецъ,—а вдвоемъ съ нимъ мы это лучше обсудимъ.

А старецъ, къ которому онъ собрался идти, какъ разъ и былъ тотъ самый, у котораго въ это время гостила родственница.

Пошелъ къ нему пустынный на свиданіе, но въ одинъ день не дошелъ, а заночевалъ дорогой подъ стѣнами идолекаго капища и тутъ обо всемъ узналъ. Случилось такъ, что въ этомъ капищѣ именно въ эту ночь собрался бѣсы и въ чрезвычайной радости завели шумное торжество, и стали хвастать, что соблазнили одного извѣстнаго и опытнаго пустынника, причемъ не разъ называли соблазненнаго и по имени.

Это былъ какъ разъ тотъ, къ кому шелъ путешествующій. Но путникъ хотя и смутился этимъ, однако все-таки пришелъ къ тому, который палъ во грѣхъ съ родственницей, и, поздоровавшись, спросилъ у него:

„— Чтò убо сотворю, отче,—еда наполю чашу мою водой и она во время свѣденія превращается?“

А тотъ посмотрѣлъ на него и вмѣсто отвѣта самъ предложилъ вопросъ:

„— А чтò убо азъ сотворю, яко азъ впадохъ въ блудъ?“

— Да, уже я это знаю, отвѣчалъ гость, — я слышалъ объ этомъ „въ церкви идолестей“.

Тогда преступившійся старецъ какъ только услышалъ, что о немъ уже говорятъ даже дьяволы, вскочилъ и отчаянно закричалъ:

— Ну, если это такъ, то ужъ все равно — я пойду въ міръ!

Но тотъ, у котораго чашка переворачивалась, отговорилъ его отъ этого, а присовѣтовалъ прогнать только отъ себя родственницу.

„Старецъ послушался и исправилъ житіе свое.“

14) 27 іюня. Отцы Данилъ и Палладій, прїдя въ Александрію, встрѣтили молодаго монаха, выходящаго пзъ бань. Имъ это показалось подозрительно и непристойно. и они ему это сказали, а тотъ, вмѣсто того, чтобы покаяться, отвѣчалъ имъ: „не судите и не судимы будьте“. Старцы попросили у него прощенія, но скорбѣли о немъ потому, что видѣли, какъ около него вертятся два мурна. Спустя же нѣкоторое время они узнали, что этотъ молодой красавецъ монахъ пришелъ въ Александрію пзъ Константинополя и вступилъ въ связь „съ женой епарха“, а слуги епарха изловили его и желая сдѣлать евнухомъ, такъ его изуродовали, что онъ чрезъ три дня умеръ „и бысть всѣмъ мнхомъ поруганіе и урокъ“.

15) 22 іюля. Жилъ въ одномъ скитѣ многолѣтній старецъ и ослабѣлъ силами. Трудъ, который онъ до сего времени исполнялъ, пришлось разложить на другихъ. Это старика очень стѣсняло, и чтобы не ѣсть даромъ хлѣба, онъ рѣшился уйти въ Египетъ. Тамъ же жилъ съ нимъ въ скитѣ другой старецъ Моисей, который ранѣе бывалъ въ Египтѣ, и вообще былъ чело-вѣкъ очень опытный, онъ сказалъ старцу: „не ходи въ Египетъ, — тамъ много женщинъ и ты соблазнишься“.

А старецъ этому не повѣрилъ и даже обидѣлся.

— Чтò ты мнѣ несообразное говоришь! возразилъ онъ Моисею. — Ты бы долженъ постыдиться даже вспоминать мнѣ объ этомъ! Или ты не видишь, какъ я старъ, и все тѣло мое уже одряхлѣло и умерло!

Моисей же все стоялъ на своемъ и говорилъ, что какъ чело-вѣкъ ни будь старъ, но пока онъ живъ, ему все равно не безопасно побывать въ Египтѣ.

Старецъ такъ разсердился, что назвалъ Моисея нескромнымъ и соблазнительнымъ, а самъ сейчасъ же всталъ и ушелъ отъ него въ Египетъ. Слава же этого старца была столь велика, что его уже и въ Египтѣ знали, и объ его замѣчательной жизни рассказывали другъ другу. А потому, какъ только старецъ появился въ Египтѣ, такъ и стали приходить къ нему разные люди за

духовными наставленіями и за исцѣленіями. И сначала все шло очень хорошо, но одинъ разъ „принде также по вѣрѣ Божіи послужити ему и цѣкая дѣва“. Она была чѣмъ-то непереносимо больна, но „по лѣтѣ единемъ старецъ исцѣли ее и внадѣ съ нею въ грѣхъ и она явися непрадна“. Люди, приходящіе къ старцу, стали замѣчать особенное положеніе дѣвушки и начали говорить объ этомъ различно. „А простая же чадь прямо вопроси ее: откуда се ямаши?“ Дѣвушка отвѣчала имъ: „отъ старца“. Одни ей вѣрили, а другіе не вѣрили, ибо „бѣ той старецъ вельми многолѣтенъ“. Но старецъ, услыхавъ эти разногласія, самъ подтвердилъ слова дѣвушки. Онъ сказалъ: „се азъ сотворихъ сіе, и вы сохраните отроча рождающееся“. „И ради просьбы его бысть роднесся отроча отдоено“. Спустя же нѣкоторое время въ скитѣ былъ праздникъ и собралось много народа, и тогда посреди толны вдругъ появился оный старецъ, „нося на рамѣ своемъ отроча отдоенное“ и вошелъ въ церковь и оборотясь къ скитникамъ сказалъ: „Видите ли это дитя? Это есть плодъ моего непослушанія. Берегите себя отъ этого, потому что ежели такое дѣло могло случиться со мною, при моей старости, то тѣмъ легче это можетъ случиться со всякимъ въ молодости“.

„И видѣвшіе это всѣ заплакали.“

16) 25 *доля*. Въ одномъ египетскомъ монастырѣ былъ знаменитый, „славный“ дьяконъ. Случилось, что мѣстный князь той страны преслѣдовалъ одного простолюдина, у котораго была очень красивая жена. Преслѣдуемый, укрываясь отъ князя, прибѣжалъ съ семьей въ монастырь, чтобы здѣсь укрыли его жену отъ страстныхъ преслѣдованій нестоваго князя. Монахи приютили супруговъ, но мужъ отъ этого ничего не выигралъ, ибо тутъ „удариста во дьякона непріязненныя силы вражія“, и съ женой простолюдина таки случилось то самое, чѣмъ угрожало ей нестовство князя. Дьяконъ, замѣнившій князя, былъ изобличенъ и пристыженъ, и его опредѣлили „погребсти живаго въ темницу“, и такъ и сдѣлали. Дьяконъ долго оставался замурованный, но въ краѣ томъ настала продолжительная засуха и сколько ни молились о ниспосланіи съ неба дождя.—дождя все не было. Тогда явлено было оному старцу, что надо „извести наружу и поставить къ служенію сокрытаго славнаго дьякона“. Сдѣлали по этому внушенію, и когда размуровали затворъ „и дьяконъ изшедъ и вземши санъ свой“ началъ молебствовать—„сошелъ дождь на землю“.

17) 12 августа. Въ царствованіе Леона, царя Константинопольскаго, жилъ одинъ очень славный и богатый человекъ, который при томъ былъ и чрезвычайно добръ, но въ то же время былъ и большой грѣшникъ. Онъ имѣлъ неодолимое влеченіе къ красѣ женщинъ и находился въ постоянномъ съ ними обращеніи, и такъ къ этому привыкъ, что каковъ былъ смолоду—точно такимъ же оставался и въ старости,—„занеже устарѣлся въ немъ той злой обычай“. Въ такомъ страстномъ обдержаніи этотъ пменитый и добрый человекъ и умеръ. При погребеніи его у патриарха Гермогена и епископовъ, а также и у мірскихъ знатныхъ лицъ въ Византіи возникло огромное сомнѣніе: какъ почитать этого усопшаго, за праведника, или за грѣшника, и въ какомъ мѣстѣ онъ долженъ быть помѣщенъ послѣ смерти, то-есть въ раю ли съ праведниками, — чего онъ былъ достоинъ по свойствамъ своей доброй души, или въ аду съ грѣшниками, куда ему слѣдовало идти за свой любострастный „обычай“. Долго объ этомъ разсуждали пменитые люди въ Византіи и никакъ не могли придти къ рѣшенію. Тогда патриархъ Гермогенъ повелѣлъ всѣмъ монастырямъ и затворникамъ молиться, чтобы „явлено было о человекѣ семь пользы ради человекскія“. И открыто было нѣкоторому затворнику слѣдующее: „видѣлъ онъ мѣсто нѣкое, пмущее одесную рай, а ошую езеро огненное и между ближняго рая и страшнаго пламене стояше привязанъ умершій мужъ и злѣ стонаше, позпрая на рай. А ангель Господень говорилъ ему: напрасно, человекче, стонещи, пбо ради милосердія твоего избавленъ еси отъ муки,—за скверну же любострастія лишенъ рая“.

Прослѣдованное нами въ семнадцати „прилогахъ“ ясно показываетъ, что изъ тридцати пяти случаевъ, гдѣ имѣеть мѣсто любовный соблазнъ,—въ семнадцати случаяхъ женщины Пролога не обнаруживаютъ никакого обольстительнаго коварства для совращенія мужчинъ, а, напротивъ, мужчины сами увлекаются въ эту сторону съ чрезвычайною неразборчивостью и легкостью.

Этимъ кончается первая категорія женскихъ лицъ, за которую слѣдуютъ другія, представляющія собою характеры болѣе сложные и болѣе интересные.

II.

Прямими соблазнительницами женщины Пролога являются въ слѣдующихъ исторіяхъ:

18) (1) *Октябръ 7.* Въ Александріи былъ славный художникъ, дѣлавшій необыкновенно изящныя вещи изъ серебра и золота. Его звали Зенонъ (въ Прологѣ онъ называется „златокузнецъ“). Онъ былъ ютаенный христіанинъ. По художеству его ему нигдѣ не было равнаго. Самыя именитыя женщины роскошнаго города нанеребой непремѣнно хотѣли имѣть украшенія, слѣзанныя этимъ искуснымъ мастеромъ, а Зенонъ не усѣвалъ исполнять всѣхъ дѣлаемыхъ ему заказовъ. Богатыя щеголихи Александріи или нанеребой одна передъ другой и платили очень дорого, чтобы перещеголять другъ друга, но только и это не помогало. Тогда въ Александрію пріѣхала изъ Антіохіи одна молодая красавица, необычайно своенравнаго и настойчиваго характера. Она имѣла привычку ни предъ чѣмъ не останавливаться для достиженія своей самомалѣйшей цѣли, а цѣль ея въ Александріи была превзойти здѣсь своею пышностію всѣхъ александрійскихъ женщинъ. Имя ея было Нефорисъ или Нефора. Вся Антіохія знала ее, какъ самую первую красавицу, затмѣвавшую собою всѣхъ пышекъ въ рошѣ Дафны. Она захотѣла во что бы то ни стало имѣть „головную утварь на красоту своего тѣла“ и не послала звать къ себѣ художника, потому что знала, что Зенонъ откажется, а она взяла золото и драгоценныя камни и сама пошла къ нему и стала его „умолять“—сдѣлать для нея такое головное украшеніе, которое какъ можно болѣе шло бы къ ней и еще сильнѣе возвысило „красоту ея изящнаго тѣла“.

Зенонъ, удаляясь отъ шума, жилъ за городомъ въ красной мѣстности, до которой было довольно далеко. Нефора шла сначала тѣпистою аллейю, по которой ей встрѣчались рабы, несшіе въ паланкинахъ женщинъ, и съ грохотомъ проѣзжали колесницы на коняхъ съ подстриженными гривами, потому путь становился безлюднѣе и тише. Отъ аллей начинались мелкіе свертки по тропинкамъ въ долины, утонувшія въ рощахъ. У одного изъ этихъ свертковъ подъ вѣтвистымъ деревомъ сидѣлъ старикъ и кормилъ своего верблюда. Нефора спросила его, гдѣ живетъ Зенонъ златокузнецъ. Онъ ей указалъ на поляну, гдѣ зрѣли ароматныя

дыни, межъ спрени, жасминовъ п розъ, а сзади катился ручей п за нимъ въ чащѣ кустовъ стоялъ бѣлый домикъ. Вокругъ было тихо—только черные дрозды сидѣли на бѣломъ карнизѣ п пѣли. Дверей не было видно. Нефора ударила три раза въ стѣну п передъ ней раздвинулась панель п ее встрѣтилъ Зенонъ.

Онъ былъ пораженъ п недоволенъ ея посѣщеніемъ, но принялъ ее въ свою мастерскую. Это была большая, квадратная комната безъ оконъ,—свѣтъ проникалъ въ нее черезъ потолокъ, сквозь фіолетовую слюду, отчего всѣ вещи казались обвитыми какою-то тонкой дымкой. По серединѣ комнаты стоялъ бронзовый пбисъ п пзъ его клюва струилась свѣжая вода; въ углахъ помѣщались обшпрные тазы, въ которыхъ росъ златоглавый мускусъ п наполалъ всю атмосферу своимъ запахомъ. Всѣ стѣны были покрыты художественными произведеніями искусства. Здѣсь были п Аписъ, п Фараоновы кони, п шести, п носуда.

Застигнутый дома врасплохъ, „златокузнецъ“ не могъ отдѣлаться отъ этой бойкой п настойчивой гостыи п сталъ съ ней разговаривать, невольно замѣчая, что она чрезвычайно красива п одѣта къ лицу, такъ что красота ея выдается еще ярче. Чернокудрая голова ея была покрыта широкимъ п тонкимъ полосатымъ кефье, мягкія складки котораго облегали, какъ воздухъ, ея черноснія кудри. Кефье перевязано было желтымъ шнуромъ. Ея уши, руки п пальцы были украшены серьгами, кольцами п браслетами, а на шеѣ было золотое ожерелье пзъ множества тонкихъ цѣпочекъ п на концѣ пзъ каждой пзъ нихъ дрожали жемчужные перлы. Рѣспнды ея были подведены, а концы пальцевъ подрумянены п тонкіе ногти отлпвали радужнымъ перламутромъ. На поясъ ея, который обхватывалъ пріятнаго сѣраго цвѣта тушку съ красною каймой, висѣло маленькое зеркальце п такой же маленькой посудѣ съ пахучею индійскою эссенціей.

Она сѣла, не ожидая приглашенія хозяйина, поглядѣлась въ свое зеркало, приснула на себя п передъ собою духами п пригласила художника, чтобъ онъ помогъ ей обсуждать: какъ ей можно еще „приумножить ея красоту“. И когда увидала, что онъ растерялся, то дабы не дать ему опомниться п сразу преклонить его на свою сторону п получить отъ него такую изящную „утварь“, какой нѣтъ ни у какой другой именитой женщины во всей Александріи, она стала прельщать его своею красотой, съ намѣреніемъ довести это до крайняго результата. „Тогда, думала она,—онъ какъ любовникъ своей сдѣлаетъ для меня уборъ всѣхъ лучше, а вреда

моей чести отъ этого никакого не будетъ, ибо никто даже и не подумаетъ, что я, будучи столь знатна и богата, согласилась бы такую цѣной златокузину его кушить“. Подходы щеголихи были такъ ясны, что художникъ не могъ ихъ не понять, но она еще ихъ усилила,—она сказала ему:

— Здѣсь жарко, и ты долженъ видѣть тѣло мое безъ постороннихъ прикрасъ: сѣрый и красный цвѣтъ отгѣняютъ цвѣтъ моей кожи. И должна сбросить тунику. И она ее сбросила, и въ это же время вилась передъ нимъ, перемѣняя прически, а онъ примѣривалъ къ ея лицу и головѣ, то тѣ, то другія свизы и провизы и безпрестанно имѣлъ въ своихъ объятіяхъ ея тѣло, покрытое одною сорочкой, которая держалась застежкой на правомъ плечѣ и шла внизъ подъ лѣвую руку, такъ что въ глаза ему была и ея грудь и спина, и эта близость свѣжихъ прелестей невыносимо его туманила... Художникъ „блазняшася на ню“, а она ему „подаеше помизаніе очима и неподобенъ смѣхъ“. Онъ опускалъ свои вѣки, чтобъ ея не видѣть, но она, смѣясь, насильно открывала ихъ своими тонкими пальцами,—онъ опять ее видѣлъ и душа его играла и прыгала, какъ молодая лань въ горахъ, или какъ горшій потокъ въ стремнинахъ Ливана. Зенонъ просилъ ее удалиться. Нефора смѣялась и тихо шептала „зачѣмъ?“

— И хочу быть царемъ моей совѣсти!

— Э! оставь это! Веселѣй быть червемъ, гложущимъ тутовый листъ въ роцѣ Дафны, чѣмъ томиться въ царственной скукѣ. Дай миѣ вина и лобзанье въ память нагого ребенка!

Зенонъ ей подаль фіаль, она отпила половину, а другую половину, смѣясь, впила ему во уста, и держала его все это время въ своихъ объятіяхъ а потомъ, бросивъ пустой фіаль, поцѣловала Зенона въ честь Вакха...

Страсть, какъ темная гора, покрыла сердце Зенона.

Случай могъ быть чрезвычайно опаснымъ для обоихъ, но златокузнецъ александрійскій былъ тайный христіанинъ, и это спасло обоихъ. Въ самую безумную минуту, „еда устремися уже грѣху,—помяуся художному мужу слово евангельское: аще соблазняеть тебя рука твоя или нога—отсѣцы ее, или око—избоди е“. „И онъ възрѣвъ на жену рече: „мало ми отступи“ (отойди немножко) „и вземъ пожъ ударю ся въ око десное и рече: Видѣ, Господи, яко сохранитель заповѣди твоя есмь,—да егда

и азъ востребую помощи отъ тебя—Ты не удался“. Соблазнительница ужаснулась и убѣжала.

Вскорѣ въ Александріи случилось гоненіе на христіанъ. Гонитель ихъ былъ челоѣкъ не только жестокой, но и насмѣшливый,—онъ хотѣлъ издѣваться надъ христіанами и, призвавъ ихъ епископа, сказалъ ему: „Не нахожу въ вашей вѣрѣ ничего основательнаго и твердаго, да не вѣрю, чтобы вы и сами могли вѣрять въ то, о чемъ рассказываете. Вотъ я задамъ вамъ рѣшительное испытаніе: если вы его выдержите, то вы цѣлы останетесь и все, что у васъ есть,—ваше будетъ; а если не выдержите,—тогда я поступлю съ вами, какъ съ обманщиками, и оберу у васъ все, что вы имѣете на государя. Испытаніе же вѣрѣ вашей назначаю вамъ по вашимъ книгамъ, тамъ написано: *если кто имѣетъ веру* и скажетъ горѣ—„стронься съ мѣста и иди въ воду“, то будто гора непременно тронется и пойдетъ. Вонъ, видите, тамъ недалеко отъ берега Нила есть гора Адеръ. Она стоитъ тамъ много лѣтъ, огнемъ земнымъ выдвинутая еще въ началѣ созданія земли, когда не было ни пирамидъ, ни сфинксовъ, ни праотцевъ нашихъ, трудившихся надъ этими постройками. Выберете изъ себя такого крѣпкаго вѣрующаго, который могъ бы сдѣлать надъ Адеромъ то, что представляется за возможное въ вашихъ книгахъ; если гора Адеръ стронется съ мѣста и пойдетъ, то я повѣрю, что въ вашихъ книгахъ писана правда, а если вы ничего этого не сдѣлаете, то вы тѣмъ докажете, что всѣ вы лгуны, и тогда я поступлю съ вами, какъ съ недостойнымъ уваженія обманщикомъ, а всѣ ваши имущества возьму у васъ на государя.

Христіане пришли въ ужасъ. Они знали, что ихъ правитель жестокъ и пощадъ имъ отъ него не будетъ, если гора Адеръ не тронется со своего мѣста и не пойдетъ въ Нилъ, тогда всѣмъ имъ доведется погибнуть съ позоромъ, а все добро, которое они собрали трудами въ теченіе всей своей жизни, будетъ расхвачано или поверстано въ казну, а дѣти ихъ останутся нищими и съ осмѣянною религіей и безъ руководства родителей перейдутъ въ вѣру торжествующихъ отцовскихъ мучителей...

Въ такомъ ужасномъ положеніи всѣ христіане, жившіе въ соседствѣ горы Адера, надѣли на себя неподрубленные одежды печали, постились, молились и плакали, а между тѣмъ время шло и приближался уже срокъ, назначенный правителемъ. Никто,—

ни одинъ изъ христіанъ не чувствовалъ въ себѣ той увѣренности, чтобы сказать горѣ при людяхъ: „стронься съ мѣста и иди въ воду“.

Скорбь христіанъ сдѣлалась извѣстна и пновѣрнымъ людямъ въ городѣ, и тогда къ христіанскому епископу пришла тайно та самая египетская красавица, которая ранѣе приходила соблазнять „златокузнецѣ“, и она сказала епископу:

— Я узнала о вашемъ горѣ и мнѣ васъ жалко, но вы, можетъ-быть, напрасно приходите въ отчаяніе, ибо если только вѣрѣ все возможно, то у васъ есть такой человекъ, который имѣетъ настоящую вѣру, и его вѣра можетъ выдержать всякое испытаніе.

— Какъ! воскликнулъ епископъ:—неужели ты, нехристіанка, увѣрена, что гора можетъ сдвинуться!

— Да, я вѣрю въ это потому, что я видѣла вѣру, которая преодолѣла законы естества, но меня очень удивляетъ, что этого-то одного человека я и не вижу между тѣми, которыми ты себя здѣсь окружаешь и съ которыми совѣтуешься!

— Скажи же скорѣе, сострадательная госпожа,—кто онъ такой?

— Онъ златокузнецъ, художникъ.

— Неужто Зенонъ окривѣлый, который дѣлаетъ кумпры и утварь для женскихъ уборовъ.

— Да, это Зенонъ.

— Помилуй, воскликнулъ христіанскій епископъ,— ты говоришь невозможную вещь.

— Почему?

— Зенонъ искусный художникъ, ни слова объ этомъ; но онъ въ вѣрѣ нашей не крѣпокъ, онъ въ постоянномъ общеніи съ людьми разныхъ вѣрѣ и ты пмя его можешь увидѣть на псподахъ различныхъ кумпровъ,—крокодиловъ мерзостныхъ, страстного пбиса и быка съ чернымъ пятномъ и коней Фараона; при томъ Зенонъ часто бываетъ лѣнивъ: онъ не поспѣваетъ въ общей со всѣми молитвѣ, въ день недѣльный; когда много заказовъ, онъ одинаково трудится будто какъ въ будень; онъ живетъ безъ жены и ни мало не занятъ тою мыслію, чтобы учредить себѣ семью, или удалиться въ пустыню, а онъ охотно разговариваетъ съ посторонними женщинами, которымъ онъ нуженъ и угождаетъ ихъ суетности.

— Можетъ-быть все это правда, отвѣчала гостя,—но быть-можетъ и то, что все это не такъ важно, какъ тебѣ кажется.

— Ахъ, нѣтъ, госпожа! Повѣрь мнѣ, что намъ это ближе извѣстно.

— Я и не спору, отвѣчала Нефорисъ:— такъ и должно быть, чтобы вамъ все было лучше извѣстно, но услышите и то, что я знаю о вѣрѣ Зенона.

— Что же тебѣ стало извѣстно?

— Мнѣ извѣстно, что Зенонъ покорилъ себя волѣ Учителя вашего, котораго всѣ вы зовете сыномъ вашего Бога, и явилъ при моемъ очезрѣніи такую силу, какой, я увѣрена, никто изъ живущихъ не видѣлъ.

Епископъ попросилъ ее чтобы она рассказала, что такое она видѣла, и Нефорисъ съ полною откровенностью рассказала ему всю соблазнительную сцену, которую устроила художнику изъ желанія имѣть отъ него искусный уборъ на голову.

Старецъ всплеснулъ руками. Ему было извѣстно, что златокузнецъ недавно окривѣлъ на одинъ глазъ, но онъ не зналъ отъ чего это случилось съ Зенономъ. Услыхавъ рассказъ красной Нефоры, епископъ понялъ всю трудность борьбы, которую одолевъ художникъ, и далъ цѣну его поступку. Онъ благодарилъ гостью и сказалъ ей:

— Вѣрь, прекрасная госпожа, это никогда не позабудется въ нашемъ народѣ, что ты пожалѣла о насъ и не скрыла этого пропшества, которое при совершеннѣйшей красотѣ твоей для всякаго должно быть удивительно, и я согласенъ съ тобою, что Зенонъ доказалъ свою вѣру своимъ послушаніемъ: я сейчасъ пошлю звать его, чтобы онъ сдвинулъ гору.

Въ тотъ же часъ отъ епископа пошли за Зенономъ послы, чтобы онъ немедленно явился, а антиохійская модница, рассказавъ свою тайну и тайну Зенона, ушла, чтобы съ нимъ тутъ не встрѣтиться. Ни епископъ, ни бывшіе при немъ люди не уразумѣли настоящихъ намѣреній гостьи. Египтянка Нефора, растливая умъ свой въ Антиохіи на безумныхъ пирахъ въ роцѣ Дафны, не знакома была со состраданіемъ, но мстила Зенону за его равнодушіе и нарочно выставляла его на самую отвѣтственную роль, въ которой онъ долженъ быть народомъ осмѣянъ.

Кривой златокузнецъ не скоро пришелъ изъ своего загороднаго дома, а когда пришелъ, и епископъ рассказалъ ему, что отъ него требуется, чтобы онъ сдвинулъ гору, то онъ этому очень удивился и отвѣчалъ:

— Господи, Боже мой! Что только я слышу! Или вы это вздумали въ шутку, чтобы поемѣться надо мной?

— Какъ, отвѣчали ему, да ты развѣ не знаешь какое надъ нами случилось бѣдствіе!

— Скажите скорѣе! я живу далеко и отъ молвы городской въ сторонѣ, и ничего не знаю.

— Нашъ правитель велѣлъ намъ для испытанія вѣры нашей, чтобы мы двинули съ мѣста гору Адеръ.

— О Боже великій! кто-жь это долженъ исполнить?

На это всё вдругъ ему отвѣтили:

— Ты!

Художникъ подумалъ, что онъ ослышался и воскликнулъ:

— Что? Я не слышу, что вы сказали?

Но народъ еще громче вскричалъ въ одно слово:

— Ты, Зенонъ, ты двинешь гору!

Зенонъ закрылъ себѣ ладонями уши и стоялъ въ молчаніи минуту, а когда открылъ слухъ, опять оглушилъ его тотъ же самый крикъ:

— Ты, Зенонъ, двинешь гору!

— Такъ это не въ шутку на меня возложили?

— Да, Зенонъ, да! Ты это сдѣлай. Мы всё тебя просимъ.

Зенонъ покачалъ головой и сказалъ:

— Кто научилъ васъ задавать мнѣ такую задачу? Неужели я во всей общинѣ всѣхъ лучше вѣрю, и нѣтъ человѣка, котораго смѣлѣе можно бы выставить на такое великое дѣло—испытаніе вѣры!

А епископъ ему отвѣчалъ:

— Напрасно, Зенонъ, ты стараешься сиритаться за свое смиреніе! Мы сами считали тебя въ вѣрѣ не крѣпкимъ, но узнали одну твою тайну и теперь перемѣнили свое мнѣніе. Ты напрасно будешь отговариваться: ты одинъ можешь свдвинуть гору.

— Но объясните мнѣ... о какой такой моей тайнѣ вы говорите!

— А отчего ты потерялъ глазъ?

— Глазъ?

— Да!

Зенонъ сконфузился и поникъ головой.

— То-то и дѣло, сказалъ ему, ударяя его по плечу рукой епископъ,—сюда приходила красная госпожа и все про тебя рассказала. Въ тебѣ природа повинуется Богу. Мы знаемъ

теперь какъ ты освободилъ себя отъ соблазновъ, входившихъ въ сердце твое черезъ глазъ: ты его выкололъ. Не марай себя ложью, скажи намъ, такъ это было?

— Такъ, уронилъ тихо Зенонъ.

— Я старъ, но не даромъ я избранъ въ епископы, я понимаю какое ты сильное одолѣлъ искушеніе. Вѣрѣ твоей больше нельзя, да и не должно тапаться, какъ старшій въ общинѣ нашей, я совлекаю съ тебя темный хитонъ твоего смиренія. Отсели ты, Зенонъ, долженъ просіять всему міру и спасти насъ передъ идѣвающимся гонителемъ.

Кривой художникъ очень долго отказывался, но епископъ не освобождалъ его отъ труднаго послушанія, а видя его непреклонность, сказалъ людямъ, чтобы всѣ люди Зенона просили, и тѣ всѣ стали плакать, бить себя въ груди и громко кричать:

— Или ты строя крокодиловъ изъ золота и самъ уже сталъ крокодилъ, а не человѣкъ, и не имѣешь состраданія? Отчего же ты умѣлъ спасти себя одного, а теперь все множество людей хочешь оставить въ жесточайшемъ бѣдствіи. Устыдись своего жестокосердія, попробуй свою вѣру, повели горѣ Адеру двинуться и идти въ воду, чтобы всѣ мы остались цѣлы въ нашихъ жилищахъ.

Такого общаго жалостнаго вопля художникъ не выдержалъ.

— Братъ мой, сказалъ онъ,—не укоряйте меня въ томъ, что я мастерствомъ моимъ произвожу изъ камней и изъ золота подобія созданныхъ въ природѣ твореній. Отъ этого нѣтъ никакого зла и самъ я не сдѣлался черезъ то ни камнемъ, ни золотомъ и скорбь ваша жжетъ мое сердце. Повѣрьте, что еслибы для спасенія вашего нужно вамъ было, чтобы я выкололъ себѣ второй глазъ, то я бы это сейчасъ же сдѣлалъ и не искалъ бы себѣ за то ни возмездія, ни славы, но повелѣть горѣ, чтобы она двинулась съ мѣста и поверглась въ Нилъ—я не могу, потому что я не вѣрю, чтобы слабая вѣра моя на это годилась. Не себѣ, а всѣмъ вамъ, всѣмъ христіанамъ, я боюсь сдѣлать укоръ и ученію Христа постыженіе, ибо не мнѣ ту вмѣнять неудачу, а Его стануть укорять безразсудно.

А тѣ отвѣчали:

— Оставь, Зенонъ, оставь! И мы, и епископъ всѣ тебѣ вѣримъ, что крѣпка твоя вѣра и потому не медли, спѣши прославить всеобщее упованіе на вѣру твою: помолись и повели горѣ идти съ мѣста.

Кривой златокузнецъ воздвигнулъ плечами и воскликнулъ:

— Всемогущій и Вѣчный Отецъ! Ты видишь скорби этихъ людей, которымъ Ты далъ уразумѣть Тебя черезъ Иисуса, Отрока Твоего! Передъ Тобою открыта безконечность вселенной и всѣ глубины бездны, но Ты же видишь и терзаніе моего сердца, которое не можетъ снести слезъ моихъ братьевъ. Прости мнѣ, что смѣю Тебя умолять, не постыди насъ всѣхъ оживившихся вѣрою и соверши невозможное, какъ возможное, ибо Твоя есть сила и слава во вѣки.

Всѣ александрійскіе христіане повторили эту краткую молитву криваго художника и всѣ сразу, поднявшись, зашѣли исаломъ и пошли изъ города въ смиреннѣ толпой къ горѣ Адеру, а впереди ихъ шель тихо молясь ихъ епископъ.

О движеніи христіанъ въ тотъ же часъ дали знать градоправителю, у котораго въ ту пору было много именитыхъ гостей, и онъ, и всѣ его гости захотѣли поѣхать къ горѣ, гдѣ надѣялись видѣть какъ будутъ смѣшны христіане. Градоправитель въ пуриуровой съ золотомъ тогѣ ѣхалъ впереди всѣхъ въ колесницѣ выложенной серебромъ и слоновою костью съ львиными головами на гайкахъ, гдѣ колеса были привернуты къ оси. Воронье кони его были прямые потомки копей Фараона, ихъ челки и остриженныя гривы покрыты золотою тяжелою сѣткою работы Зедона, новодья изъ золотистаго желтаго шелка съ золотою бахромой. Въ другихъ колесницахъ также парадно ѣхали гости. Къ нимъ приставали по пути прохожіе на убранныхъ ослахъ и дорого стоввшихъ бѣлыхъ верблюдахъ съ пушистою шерстью. Пѣшіе люди въ большомъ изобиліи ихъ окружали несмѣтною толпой. Явились крестьянки съ кувшинами свѣжей воды и съ карзинами фруктовъ. Толпа становилась все больше и больше, и всѣ шутили и смѣялись, ожидая, что, когда гора не пойдетъ, то правитель дастъ знакъ отряду слѣдовавшихъ за ними вопиовъ, и они сгонять христіанъ къ Ницу и всѣхъ ихъ помечутъ съ берега въ воду. Появились на старыхъ ослахъ и закладчики съ мѣшками монетъ и съ таблицами, на которыхъ писали заклады. Никто ни секина не хотѣлъ держать за то, что гора сдвинется, но держали за то: всѣхъ ли утопить правитель или только немногихъ, а другихъ отдать въ рабство.

Между тѣмъ христіане съ епископомъ не слѣша подошли къ подошвѣ горы, оная помолвились и пошли обходить гору вокругъ. Со смиренною молитвой они обошли „все основаніе горы“ и, когда возвратились на то мѣсто, откуда начали обходъ, то епископъ сказалъ кривому художнику, чтобъ онъ еще помоллся. И чуть художникъ преклонилъ колѣно, какъ подъ землей послышался гулъ, и гора Адеръ колыхнулась, какъ шапка на сонномъ Феллахѣ.

Толпа горожанъ, забывъ смѣхъ и заклады, шарахнулась назадъ и испугала коней и верблюдовъ; вышло смятеніе, колесницы одна зацѣпляла другую, верблюды зафыркали и подняли вверхъ шеп, а ослы закричали и начали биться...

Напрасно трубили въ рожокъ и напрасно кричали градоправитель: „Уймитесь! безумцы! Это не больше, какъ грохотъ колесъ, или простой гулъ отъ волнъ Нила!“

Всякій чувствовалъ, что земля подъ нимъ колебалась, и замѣтили всѣ, какъ кремнистыя ребра горы ввали, потомъ вдругъ напряглись, вышли наружу и стали крошиться. Оскретки острыхъ кремней и песокъ сыпался внизъ, и порой, какъ изъ пращи, разлетались въ стороны съ трескомъ, внизу же необъятнымъ пластомъ ползли оползни глины... Казалось, какъ будто разрушалось созданіе горы, а разстояніе, которое отдѣляло Адеръ отъ Нила, на виду у всѣхъ начало убавляться съ обѣихъ сторонъ, ибо вода въ рѣкѣ также шумѣла, билась на берегъ и затопляла пространство...

Тутъ не только тѣ, которые были на мѣстѣ, но всѣ, кто оставался въ Александріи, такъ испугались, что потеряли всякое обладаніе собой, всѣ бросились скорѣе вонъ изъ своихъ колебавшихся домовъ и устремились бѣгомъ къ подножію Адера. Среди ихъ, то мѣшаясь въ толпѣ, то выдвигаясь впередъ, шла въ волненіи Нефорисъ и говорила всѣмъ о своемъ поведеніи, и о стыдѣ, и о страхѣ, которые испытывала она у Зепона, и этотъ Зепонъ теперь по ея винѣ погибаетъ. На нее смотрѣли, какъ на сумашедшую. Гдѣ спокойно стояли одни христіане со своимъ епископомъ и кривымъ художникомъ, и всѣ тѣ, которые пришли сюда съ торжествомъ и насмѣшками, метались, рыдали и, хватаясь одинъ за другаго, другъ друга отталкивали, чтобы не стать тяжелѣе отъ того, что другой человѣкъ держится и не провалиться съ нимъ вмѣстѣ въ трещины, которыя, къ вящему ужасу, стали обозначаться подъ осѣдавшею глиной.

Тогда прибѣжавшіе Александрійцы издали закричали христіанамъ:

— Безчинные люди! вотъ до чего довело насъ милосердіе, съ которымъ мы васъ терпѣли! Чтò вамъ за польза дѣлать намъ зло? Для чего вы ведете недвижную Аддеръ гору съ ея вѣковѣчнаго мѣста? Для чего хотите затонить нашу рѣку? Нилъ орошаетъ всѣ наши поля и дышныя гряды: черезъ его мѣрный разливъ земля всѣхъ насъ кормить, а вы хотите сдѣлать такъ, чтобы гора запрудила заразъ всю воду, и чтобы Нилъ выступилъ вдругъ, и началось по всѣмъ полямъ и по дышнымъ грядамъ потопленіе! О, проклятый народъ! о, жестокіе люди! И вы еще смѣете уничтожать крокодиловъ! Нѣтъ людей хуже васъ во вселенной! Вы злѣй гальскихъ друновъ и вашъ Богъ Аримана персидскаго злѣе!

Тогда христіанскій епископъ поднялъ руку и отвѣчалъ Александрійцамъ:

— Богъ христіанскій проститъ и въ вину не поставитъ вамъ то, чтò вы, не зная Его, о Немъ говорите. Онъ есть Отецъ всѣхъ и Отецъ милосердія. Вы въ заблужденіи. Не мы христіане хотѣли, чтобы нарушенъ былъ священный покой мірозданія. Если же гору ведемъ, то не своею мы это дѣлаемъ волей.

— Кто же могъ вамъ это велѣть?

— Спросите о томъ своего градоправителя, это онъ повелѣлъ намъ, а мы христіане повинемся власти.

Въ это время проносили въ носилкахъ градоправителя, которому въ суматохѣ переѣхало колесницей ноги, и онъ услышалъ это и тяжело стоная отъ мучительной боли, воскликнулъ:

— О, какъ я наказанъ, и какъ о безумствѣ моемъ сожалѣю! Но довольно, я вѣрю вамъ, вѣрю, великъ Богъ христіанскій, и я не хочу впередъ съ Нимъ состязаться! Если вы въ самомъ дѣлѣ не противитесь власти, то теперь я повелѣваю вамъ: сейчасъ же остановите гору!

— Господниъ, отвѣчалъ ему христіанскій епископъ,—мы власти покорны, но мы не знаемъ, можемъ ли мы исполнить второе твое повелѣніе. Ты вѣдь самъ перечиталъ наши книги и ихъ знаешь: тамъ точно сказано, что можно велѣть горѣ *двинуться* и *идти въ воду*, но припомни, тамъ вѣдь нѣтъ ничего о томъ: можно ли остановить гору, когда она уже тронулась и пошла со своего мѣста.

Земли же между горой и Ниломъ въ это время все убавля-

лось, ползучая глина тѣснила народъ съ одной стороны, а вода хлестала съ другой, и песокъ въ промежуткѣ засыпалъ людей по колѣно.

— Земля поглощаетъ насъ! воскликнули люди.—Проклятіе правителю! Смерть ему ненавистнику! Великъ Богъ христіанскій!

Тогда правитель остановилъ носилки и сталъ просить Александрійцевъ простить ему его дерзость, но тѣ его не слушали, а сами упали предъ христіанами на колѣни и завопили:

— Святая вѣра ваша, и всѣ мы хотимъ принять эту вѣру. Возьмите нашего правителя, мы отдаемъ вамъ его и даже сами сейчасъ бросимъ его въ Нилъ предъ вами, только спасите насъ, пусть гора станеть.

Епископъ сказалъ имъ:

— Нѣтъ. Вы не знаете какого мы духа. Намъ нежеланна погибель ничья. Богъ не хочетъ смерти грѣшныхъ. Со смертью кончается путь къ исправленію. Всякій же здѣсь себя обязанъ исправить. И правитель нашъ тоже жизнь имѣеть отъ Бога. Пусть живетъ пока дни его совершатся. Злое отвергну, въ сердцѣ съ одною любовью воскликнемъ всѣ безъ различія:

— Помилуй Владыко!

— Помилуй! помилуй! прокатило въ народъ, и всѣ пали лицами въ землю.

Все стало стихать; вѣтеръ умчался, осыпи крѣпли, сухіе камни перестали лопаться и крошиться, влажные оползни огустѣвали и твердѣли. Епископъ все тихо молился. Порядокъ возстановился. Гора, которая *двинулась* по вѣрѣ художника, стала на своемъ мѣстѣ по молитвѣ епископа. Люди и животные какъ бы пробуждались отъ сна. Всѣ наслаждались покоемъ, кони трясли головами, а верблюды лежали, поджавъ подъ себя широко-копытныя лапы и жевали свою безконечную жвачку. На деревьяхъ показались глиноцвѣтные голуби и заворковали. Нефорисъ благовѣствовала: она незамѣтно подошла тихо къ Зенону и, держа его за руку, говорила:

— О, еслибы ты зналъ, какъ мнѣ тебя жаль, и какъ я чту и люблю твоего Бога и какъ укоряю себя.

— Въ чемъ ты себя укоряешь?

— Око... твое гдѣ, твое око, бѣдный Зенонъ!

— Оставь это. Зенонъ блаженъ, а не бѣденъ. Я счастливъ, Нефора, что вижу въ тебѣ однимъ окомъ теперь тихую мысль христіанки, и ты сама мнѣ милѣй, чѣмъ тогда... когда я въ два глаза смотрѣлъ, какъ лицо твое рдѣло безстыдствомъ порока.

— О, замолчи... Я призналась во всемъ передъ всѣми...

— Ты очень достойно поступила, Нефора.

— Да, теперь я удаюсь... въ пустыню.

— Въ пустыню!.. Помедли, на тебѣ есть мой долгъ.

— Долгъ мой!.. Тебѣ! удивилась Нефора.

— Да! мы родились съ тобой однимъ духомъ. Я отдаю мой глазъ, ты нѣсколько больше, ты обнажила свой грѣхъ сокровенный. Такіе люди рождены, чтобы быть подпорой другъ другу... Нефора! будь другимъ глазомъ моимъ—женой будь Зенона.

— Будь чѣмъ ты захочешь Нефорѣ—Нефора будетъ всѣмъ для тебя.

Отсюда видимъ, что соблазнъ, устроенный художнику модницей Ш вѣка, не имѣлъ успѣха. Египетская красавица не только не могла соблазнить нравственнаго человѣка, но еще сама была поражена твердостью христіанскихъ правилъ, и вся эта исторія послужила къ обращенію въ христіанство множества людей, не признававшихъ до тѣхъ поръ ничего выше соблазновъ чувственности.

Кривой художникъ „сдвинулъ“ эту гору. ¹

Второй случай соблазна.

19) (2) *24 декабря*. Былъ монахъ Никола, который прежде служилъ въ войска. Когда при Никифорѣ царѣ случилась война, онъ не утерпѣлъ, чтобы оставаться при мирныхъ занятіяхъ въ монастырѣ и опять пошелъ воевать.

Никола былъ родомъ Грекъ и находился въ цвѣтущей порѣ возраста. Онъ былъ высокій ростомъ, статный, сильный и красивый и съ молодецкою, военною выправкой.

Когда Никола проходилъ по Болгаріи, на него постоянно обращали вниманіе женщины, а онъ не замѣчалъ ихъ, но вотъ случилось ему разъ зайти переочевать въ одну болгарскую гостиницу и тутъ случилось съ нимъ нѣчто опасное.

Пока онъ ходилъ, вечерялъ и потомъ укладывался спать, „примѣтила его юная Болгарыня, дѣвица, весьма молодая, дочь гостинщика болгарскаго, и плѣнилась его красотой“. Инокъ же, воинственный Никола, ничего этого не замѣтилъ, онъ спокойно

¹ Нельзя не подивиться, какъ это сказаніе могло оставаться до сихъ поръ незамѣченнымъ тѣми, которые держатся буквального пониманія словъ „отсѣки и брось“!

поужиналъ, помолился Богу и легъ спать, и какъ онъ отъ дороги очень усталъ, то сейчасъ же и заснулъ очень крѣпко. Но только-что онъ разоспался „ко второй стражѣ ночи“, неожиданно почувствовалъ, что его кто-то тихо, но неотступно толкаетъ. Монахъ простеръ руки и ощутилъ горячее человѣческое тѣло и встрѣтилъ молодя, тонкія руки, которыя страстно сплелся съ его руками, и въ то же время чьи-то страстныя уста во тьмѣ стали покрывать лицо его поцѣлуями. А при этомъ всѣ прочіе люди, ночевавшіе въ гостиницѣ, спали крѣпкимъ сномъ и никто не могъ бы помѣшать страстной сценѣ, но пнокъ самъ освободился отъ искушенія.

Никола „воспряну“, отстранилъ отъ себя ласкающую его престелницу и спросилъ ее: „кто еси и чего хоцещи?“

„Она же отвѣща ему: дщерь есмь гостинникова,—раченіемъ любви къ тебѣ узвѣлена и притекоша влекущися страсти ради неизцѣльныя.“

Монахъ началъ останавливать страстную Болгарку и напомнилъ ей какъ она еще молода и что ей должно стараться соблюсти свою дѣвичью чистоту, чтобы вступить честно въ бракъ, или сдѣлаться инокиней, но дѣвушка такъ имъ увлеклась, что не слушала его нравственныхъ увѣщаній и совѣтовъ, а обратилась къ хитростямъ, чтобы выиграть время и опять напасть на него не надѣлавъ шума. Она „отползла отъ него“, улеглась потихоньку на своей постели и притворилась—какъ будто заснула, но „къ третьей стражѣ ночи паки припале къ нему влекущи“. Тогда Никола опять заговорилъ съ нею уже строго и притомъ громко. Этого дѣвушка испугалась, чтобы другіе отъ ихъ переговоровъ не проснулись, и она „сега ради отступи мало“ отъ Николы, но тяжело дышала и „клегцающе“, какъ клегчатъ въ гнѣздахъ молодя орлицы, опять кинулась цѣловать Николу. Это уже переполнило „мѣру терпѣнія инокъ“. Монахъ Никола икнулъ, сказалъ: „ты бѣсь, а не дѣвушка“, -- и вставъ ушелъ ночью изъ гостиницы. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Слѣдовательно и вторая соблазнительница тоже не могла соблазнить нравственнаго мужичну. Теперь увидимъ какой успѣхъ ждалъ третью, — женщину самую смѣлую и самую настойчивую въ искусствѣ соблазна.

20) (3) *декабря 27.* Въ одной нижне-египетской пустынѣ жилъ очень воздержный отшельникъ, о которомъ разсказывали много необычайнаго, и особенно хвалили его за то, что онъ не поддается никакимъ соблазнамъ. Соблазнить его считалось невозможнымъ. Одинъ этому вѣрилъ, а другіе нѣтъ. Разъ знатные люди, пировавшіе съ городскими гетерами, переходя отъ одного соблазнительнаго разговора къ другому, заговорили объ этомъ пустынникѣ, и кто-то изъ нихъ—шутникъ и затѣйникъ—сказалъ одной изъ самыхъ славныхъ гетеръ:

— Вотъ этотъ человекъ—не то что мы,—онъ васъ, женщины, презираетъ и ты не соблазнишь его.

Гетера же отвѣчала:

— Это пустыяки: я никогда не повѣрю, чтобы какой-нибудь мужчина могъ устоять передъ женщиной, если она хороша изъ себя и хочетъ его привлечь къ своимъ ласкамъ.

Съ этихъ словъ завязался оживленный разговоръ, въ которомъ приняли участіе все пировавшія вмѣстѣ гетеры и угощавшія ихъ знатныя лица, и, будучи распалены виномъ и взаимнымъ сближеніемъ половъ, все они стали спорить: возможно ли нѣтъ, чтобы мужчина, хоть и благочестивый и постыкъ, устоялъ передъ соблазномъ, который поставитъ ему красивая женщина, если она рѣшится ни передъ чѣмъ ни останавливаться для достиженія своей цѣли. И гетеры и знатные богачи высказывали на этотъ счетъ разныя предположенія, и споры ихъ не предвидѣлось конца; но тогда одна самая красивая изъ всехъ тутъ бывшихъ гетеръ сказала: „Чтобы намъ не толковать объ этомъ долго безъ доказательства—я предлагаю вамъ: не хотите ли рѣшить споръ нашъ примѣромъ:—положимъ сейчасъ же закладъ: могу ли я соблазнить вашего отшельника или нѣтъ. Это будетъ гораздо интереснѣе. А потомъ я пойду и попробую силу моей красоты надъ его благочестіемъ, и мы увидимъ на дѣлѣ: кто изъ насъ правѣе: вы ли, которые думаете, что на свѣтѣ есть мужи, недоступные силѣ женской красоты, или мы, женщины, которыя стояли за силу нашей власти надъ природою мужчины?“

Иврующіе же еще больше раздражали споромъ пылкую гетеру и довели ее до того, что она вскричала:

— Что еще слова тратить даромъ: вотъ я инолицѣ увѣрена, что могу изложить все цѣломудріе вашего хваленаго пустытника, но только я не стану дѣлать этого задаромъ: я хочу знать,

что вы мнѣ за это дадите болѣе противъ того заклада, какой я сама за себя положу вамъ?

Провавашия же друзья пообѣщали дать ей „очень дорогую вещь“.

— Хорошо, сказала гетера,—я, не теряя времени, сейчасъ отправляюсь къ пустышнику, а вы вставайте завтра утромъ раньше передъ тѣмъ, когда изъ-за горъ поднимается солнце; возьмите съ собою цвѣтовъ и вѣтвей со смолистыми шишками кедра, пусть за вами несутъ кошипы съ сочными гроздами и пусть будетъ все, какъ надо идти къ новобрачнымъ, а подъ одежды себѣ сокройте свирѣль и пектиду, а когда вы придете къ пустынной пещерѣ, то приближайтесь тихонько, и тихо туда черезъ тынъ загляните:—я вамъ ручаюсь, что анахоретъ вашъ въ утомленіи страсти будетъ лежать въ крѣпкомъ снѣ, преклонясь къ своимъ ногамъ,—и вотъ это будетъ отвѣтъ вамъ на всѣ ваши споры со мною!

Собесѣдники всѣ согласились такъ сдѣлать. Тогда гетера безъ малѣйшаго промедленія переодѣлась въ сѣрую одежду съ неподрубленными краями и, имѣя видъ скромной странницы, вышла изъ города, а къ вечеру дошла до пещеры отшельника. Придя же къ самой двери отшельника, она притворилась страшно утомленною до изнеможения и стала просить, чтобъ онъ пустилъ ее къ себѣ переночевать. Старецъ былъ остороженъ и ни за что не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы пустить къ себѣ женщину: онъ отгонялъ ее прочь всякій разъ какъ она къ нему „вопѣяла“, но она не отставала, и была очень искусна въ притворствѣ. Послѣ того, какъ старецъ отогналъ ее нѣсколько разъ, она начала преежалобно плакать и представлять ему какимъ страшнымъ опасностямъ она вскорѣ подвергнется, если онъ не пуститъ ее хоть за ограду окружающую его пещерку и она должна будетъ остаться на всю ночь въ неогражденномъ мѣстѣ.

— Разсуди, отче, говорила она,—вѣдь и я человѣкъ, подобный тебѣ...

— Въ томъ-то и дѣло, что—„подобный“, отвѣчалъ тихо, какъ бы про себя старецъ.

— Такъ куда же мнѣ дѣться?

— А развѣ мала пустыня и нѣтъ въ ней пещерокъ? Иди и поищи себѣ приюта.

Но переодѣтая притворщица отвѣчала:

— Ахъ, я не знаю—гдѣ искать, и къ тому же я сегодня такъ

много прошла, что мор ноги уже не посятъ болѣ моего уста-
лага тѣла: я не могу больше идти и бродить впотьмахъ въ
пустыни.

Старець молчалъ.

Гетера выдержала нѣсколько минутъ и продолжала со скорб-
ною рѣшимостію.

— Ну, пусть будетъ такъ:—ты не открываешь мнѣ двери,
такъ я все равно лягу здѣсь на голыхъ камняхъ у кольевъ твоей
загородки, и тутъ найдутъ меня тигръ, или левъ, и пусть они
здѣсь же меня разтерзаютъ.

Старець опять не отвѣчалъ, а она продолжала:

— Вотъ пусть здѣсь и найдутъ мои кости у пещеры христіан-
скаго отшельника. Это будетъ тебѣ похвала за то, какъ ты соб-
людалъ свою славу, что согласился, чтобы женщину разорвали
у твоего порога. лишь бы о тебѣ какой-нибудь болтунъ не ска-
залъ пустаго слова въ корчмѣ, или на торжищѣ, и не посмѣи-
лся бы надъ тобой бабы, полоская бѣлье у заруды.

Старца начало уязвлять это, но онъ все-таки не подавалъ го-
лоса, а та сказала:

— Муки и смерть моя навсегда останутся тебѣ укоривной.
Оставляй меня на съѣденіе звѣрю и будешь самъ одного достои-
нства со звѣремъ.

Рѣчь эта тронула пустыинника. Онъ слушалъ ее держась ру-
ками за подножье деревяннаго распятія, которое было у него въ
пещерѣ во впадникѣ и все сильнѣе и сильнѣе сжималъ его въ
рукахъ своихъ, но когда женщина представила въ словахъ, какъ
звѣри будутъ терзать ее за его частоколомъ,—сердце старца ста-
ло смягчаться состраданіемъ, руки ослабѣвая освобождались и
самъ онъ, обращаясь понемногу лицомъ къ двери, черезъ кото-
рую у нихъ шелъ разговоръ, сказалъ пришедшей:

— Окаяница! Чтò за напасть ты мнѣ несешь, и откуда ты
ко мнѣ навязалась?

— О, старче Божій! отвѣчала пекунительница.—Не все ли это
равно для тебя! откуда я пришла? Стыдись объ этомъ вопро-
шать! „Аще богобоиень и челоувѣколюбивъ еси“, то довольно съ
тебя того, что я челоувѣкъ, что я изнемогаю и что жизнь моя
въ смертной опасности: а ты можешь избавить меня отъ этой
опасности и ничего не дѣлаешь, да даже, кажется, еще думаешь
угодить своимъ безчувствіемъ Богу, Который создалъ людей и
слышитъ всѣ ихъ стоны и жалобы. О! какъ ты удаляешь себя

отъ Бога! И хоть очень бѣдственно мое теперешнее положеніе, но я ни за что не согласилась бы промѣнять его на твое! Оставайся въ затворѣ жестокой старикъ,—я не хочу болѣе отягчать мученіями твою совѣсть,—я не хочу, чтобы люди укоряли тебя за твою жестокость. Пусть никто, кромѣ Бога и меня не знаетъ, какое у тебя безсострадательное сердце,—я удаляюсь въ пустыню, и пусть звѣри меня разтерзаютъ.

Пустыннику сдѣлалось жалко ее, сердце его сжалось отъ представленія объ ожидающемъ ея ужасѣ и онъ воскликнулъ:

— Не уходи, окаянница,—я впустию тебя.

— Ну, я благодарю Бога, что онъ послалъ состраданіе ко мнѣ въ твое сердце, скромно отозвалась гетера.

— Да; но только я все-таки не пущу тебя въ мою пещерку, а впусти только войти въ огородочку.

— Все равно,—для меня будетъ довольно и этого: лишь бы не съѣли меня звѣри.

Пустынникъ вытащилъ изъ частокола двѣ плахи и, открывъ лазъ, впустилъ гетеру, не глядя въ лицо ей, и опять задвинулъ лазъ плахами, а ей сказала, чтобы она пріютилась тутъ въ этой загородкѣ и не просилась бы далѣе въ самую пещеру.

Гетера согласилась и дала ему обѣщаніе болѣе его не беспокоить до утра, но едва прошло малое время и старецъ сталъ на ночную молитву, какъ она начала потихоньку царапаться и постукивать въ его дверь, а голосомъ нѣжно жаловалась, что ея одежды слишкомъ легки, а ночь становится будто очень холодна и вотъ для нея явилась новая мука: она теперь сильно зябнетъ.

Старецъ выбросилъ ей черезъ окопце свое ветхое рубище и сказалъ:

— Вотъ тебѣ, окаянница, все, что у меня есть! Возьми это себѣ и помни, что больше теперь уже ничего для тебя нѣтъ! Укрой этимъ свою смрадную плоть и не мѣшай мнѣ молиться.

Гетера его благодарила и отбросивъ отъ себя прочь рубище пустытника, которое казалось ей столь же смраднымъ, какъ тому была смрадна ея плоть,—обѣщала быть спокойною и ничѣмъ болѣе не нарушать его моленій.

Но обѣщаніе это, разумѣется, опять было непскренно. и спустя небольшое время, какъ только старецъ, начавшій продолжать прерванную молитву „устремилъ свой умъ на высокая“—безпокойная гетера опять начала къ нему тихо царапаться и тереться, напсрая всѣмъ тѣломъ на узкую дверку его пещеры.

Старець смутился, потому что дверка, сколоченная его не-искусными руками, была непрочна и при томъ дурно сложена, и во многихъ мѣстахъ свѣтилась.

— Чтò же еще нужно тебѣ, окаянница? спросилъ старецъ.

— Ахъ, я ужасно претерпѣваю! отозвалась гетера.—Посмотри, здѣсь на меня прыгаютъ съ земли асиды! Ахъ я несчастная! Какъ это ужасно!

— Я помолюсь за тебя, и асиды тебѣ зла не сдѣлають.

Но она горько расплакалась и говорила, что уже теперь страшно страдаетъ, чувствуя опасный зудъ отъ уязвленій, сдѣланныхъ ей асидами.

— Я буду молиться и объ этомъ, сказала старецъ, но она же, какъ бы не внимая сему, или не довѣряя таинственной силѣ молитвъ, вскричала съ болью и гнѣвомъ:

— Нѣтъ, ты мнѣ не то говоришь!.. Ты злой и гордый старецъ, или ты трусъ, надъ которымъ посмѣется врагъ твой, дьяволъ, за то, что ты боишься бѣдной, слабой женщины и не хочешь прикоснуться своею святою рукою къ моему страждущему тѣлу и исцѣлить меня отъ укушенія асидовъ!

Старець ей отвѣтилъ:

— Не прикоснуся! и вложивъ въ уши свои персты началъ качать головой и громко молиться.

Но какъ только гетера увидала, что онъ началъ этакъ молиться, то она столь сильно застучала въ дверь, что „все всколебалось“ и старецъ левольно обратился къ ней съ вопросомъ:

— Теперь еще чтò тебѣ, окаянница?

— Я слышу, какъ ползуть огромныя змѣи: вотъ онѣ шуршатъ по травѣ.—вотъ изгибаются, чтобы проникнуть межъ кольевъ—сейчасъ онѣ меня уязвятъ и обольютъ смертоноснымъ ядомъ.

— О, еслибы ты, окаянная, знала, колко ты сама для меня хуже всякой змѣи, но вотъ на тебѣ мой посохъ,—онъ изъ такого дерева, котораго змѣи боятся. Возьми его и положи возлѣ себя и снй. Когда посохъ мой будетъ возлѣ тебя—змѣи отъ тебя удалятся.

И подумаль старецъ, что теперь уже всѣ опасности для но-чующей въ огралѣ женщины предотвращены, и хозяйну, и гостѣ, обоимъ можно мирно уснуть, каждому на своемъ мѣстѣ.

Онъ уже хотѣлъ загасить мерцавшій предъ нимъ свѣтильникъ и лечь на свое жесткое, тростниковое ложе, какъ женщина вдругъ бросилась на его дверь съ страшнымъ воплемъ и въ неописуе-момъ ужасѣ закричала:

— О старец! старец! впусти меня скорѣе къ себѣ! Я погибаю!

— Да что же еще тебѣ приключилось? вскричалъ разгнѣванный старецъ.

— Ахъ, неужели же ты столько глухъ сколь и жестокосердъ, что не слышалъ какъ страшные звѣри рыщутъ вокругъ твоей огорожи!

— Я ничего особеннаго не слышу, отвѣчалъ старецъ.

— Это оттого, что ты затворилъ свое сердце, и вотъ затворяется слухъ твой и скоро затворятся очи. Но отпирай мнѣ сейчасъ!—вотъ уже одинъ левъ съ палящею пастью поднялся на лапы, вотъ онъ бьетъ себя хвостомъ по бокамъ и уже перевѣсилъ сюда голову... О скорѣй, скорѣй,—вотъ онъ уже трогаетъ мое тѣло своимъ языкомъ... Твои ветхія колья сейчасъ обломатся, и кости мои затрепещутъ въ его пасть...

Пустышникъ отодвинулъ трепещущею отъ страха рукой задвижку двери, чтобъ удостовѣриться въ томъ, справедливо ли сказывала ему лукавая женщина, а она не дала ему опомниться и сейчасъ же „впала“ къ нему „въ его затворецъ“, и съ тѣмъ вмѣстѣ, и дверь за собою захлопнула, и вырвала изъ рукъ старца деревянный ключъ и бросила за оконце...

— А—га, окаяница, такъ,—вскочила! пропзнесъ, увидя себя обманутымъ старецъ.

Она же посмотрѣла „безстыдно“ и отвѣтила:

— Да, ты теперь въ моей власти!

И затѣмъ она сейчасъ же сѣла въ уголь и глядя съ безстыдною улыбкой на старца, начала снимать съ себя одежды одну за другою, и съ страшною быстротою сняла съ себя все, даже до послѣднихъ покрововъ...

Цѣломудренный отшельникъ былъ такъ пораженъ этимъ, что не успѣлъ ничѣмъ помѣшать поступку своей наглой гостью, но увидя ее уже раздѣтою, всплеснулъ руками и бросился лицомъ внизъ на землю стоная и моля гетеру:

— О жестокая! о окаянная! О пощадь меня!.. Скройся!

Она же ему отвѣтила:

— Что тебѣ до меня. Я тебя и не касаюсь! Ты во власти у Бога, и обладаешь собой, а я вольна надъ собой; мнѣ тяжелы мои ризы и для того я сняла ихъ.

Пустышникъ ей что-то хотѣлъ отвѣчать, но вдругъ ощутилъ, что въ немъ побѣждало „адово пламя“, и впало ему въ мысли „повлестись“ къ этой женщицѣ. И тутъ онъ одолѣлъ и себя, и

ее, и любителя всякой нечистоты—дѣвола. Онъ искочилъ съ земли, быстро расправилъ огонь въ своемъ свѣтильникѣ какъ можно пылче, и вложивъ въ пламя свою руку, началъ жечь ее...

Кожа его затрещала и по щещерѣ пополозь острый смрадъ горящаго тѣла.

Гетера ужаснулась и хотѣла вырвать у него фитиль, но онъ не далъ и оттолкнулъ ее. Тогда она отошла отъ него и заговорила:

— Оставь это безумство! — я лучше уйду отъ тебя, ибо мнѣ противно обонять запахъ твоего горящаго тѣла!

Но, увы, ей выйти изъ щещеры было невозможно, потому что двери ея же хитростію были заперты и пошевелѣ она и пустынный должны были почевать вмѣстѣ. И напрасно она во всю ночь молила его перестать жечь себя,—пустынный оставался непреклоненъ и все продолжалъ свою муку, а самъ смотрѣлъ въ сторону, ибо и при терзаніи себя огнемъ онъ все-таки еще боялся смотрѣть на обнаженную соблазнительницу, а она, оцѣпенѣвъ отъ страха, не могла собрать свои платья и одѣться.

Такъ прошла цѣлая ночь, и къ утру рука у пустынного была вся обуглена, а гетера „окаменѣла отъ ужаса“.

Когда стала заниматься заря, то по условію между гетерой и ея пріятелями къ щещерѣ пришли ювонии и съ ними подруги этой несчастной, которая взиалась соблазнить отшельника, всѣ они были еще въ пьяномъ загулѣ и приближались къ щещерѣ съ виноградными гроздями и жаренымъ мясомъ и мѣхомъ вина, а также съ нахучными шишками смолстыхъ деревьевъ и ставъ у дверей частокола заиграли на своихъ свирѣляхъ, но гетера имъ не отвѣчала. Тогда они поднялись и заглянули черезъ оконце въ щещеру и увидали, что отшельникъ продолжаетъ жечь себя на огнѣ, а гетера сидитъ окаменѣвши отъ ужаса.

Тутъ они выломали дверь и вывели на свѣжій воздухъ свою липившуюся чувствъ сообщницу, и она имъ созналась, что не могла соблазнить старца, и горько въ своемъ намѣреніи каялась.

Такимъ образомъ выходитъ, что и третья соблазнительница тоже не имѣла успѣха, какъ и двѣ первыя, напавшія на такихъ людей, которые не искали любовныхъ забавъ. Теперь остается четвертая, которую приходится ставить въ эту группу.

21) (4) *апрѣля 1.* Житіе преподобной Маріи Египетской въ первомъ періодѣ ея жизни описываетъ цѣлый рядъ грѣхопадений все противъ одной и той же заповѣди о цѣломудріи. Эта, дѣйствительно, успѣвала въ соблазнѣ молодыхъ людей, но какъ она

причислена къ лрку святыхъ, и притомъ житіе ея весьма общепзвѣстно, то здѣсь никакихъ извлеченій изъ него дѣлать не будемъ. Но для своихъ систематическихъ выводовъ замѣтимъ однако, что въ первомъ періодѣ жизни Маріи Египтянки—соблазнительное поведеніе составляло ея профессію такъ, что и она тоже отнюдь не прилагала заботъ къ тому, чтобы соблазнять людей цѣломудренныхъ и удалявшихся отъ сближенія съ непостоянными женщинами, а она обращалась съ беспорядочными и развратными мужчинами просто потому, что жила въ такомъ кругу, гдѣ она иначе и не могла жить, пока ей открылось, что такая жизнь унижаетъ человѣка и она,—опять къ чести ея женской природы,—сама эту позорную жизнь оставила.

Соблазнительницъ или прелестницъ на 35 женщинъ, описанныхъ въ древнемъ, отреченномъ Прологѣ оказывается *всего три*, и то изъ нихъ одна гетера, для которой это дѣло было ея ремесломъ. Стало-быть, отъ нея никакой высшей нравственности невозможно и требовать; другая соблазнительница, представившая ночью къ монаху Николѣ въ болгарской гостиницѣ, несовершеннолѣтняя дѣвочка, была очевидно больная, всего вѣроятно нервно-разстроенная, и затѣмъ, значить, въ настоящей, соблазнительной роли остается *только одна*, египетская щеголиха, употребившая чары своей красоты на то, чтобы соблазнить художника, дѣлавшаго красивые женскіе уборы. Эта красавица изъ высшего круга александрійскихъ горожанокъ дѣйствовала какъ настоящая соблазнительница изъ-за того, что хотѣла приобрести себѣ цѣной своей красоты уборы на голову. Слѣдовательно по разсмотрѣніи всей этой галереи мы находимъ всего только *одну* соблазнительницу на тридцать пять женщинъ... Надо признаться, что эта доля чрезвычайно малая, но притомъ и эта изящная женщина, равно какъ и историческая болгарская дѣвченка и гетера—все въ своихъ пекательствахъ на мужчинъ не имѣли успѣха...

Послѣ этого позволительно спросить: изъ чего же можно вывести, будто житійная литература представляетъ женщинъ въ особенно худомъ видѣ сравнительно съ мужчинами? Систематическое обзорѣніе нашего источника не показываетъ основаній для такого вывода.

Продолжая нашъ обзоръ, увидимъ нѣчто еще болѣе интересное и еще спльнѣе противорѣчащее старому повѣрью.

III.

22) *Сентября 29.* „Быль монахъ Кононъ — понь саомъ и устроень бѣ на крещеніе.“ Когда онъ крестилъ дѣтей или мужчинъ, все дѣло шло у него благополучно, но когда Конону приходилось крестить взрослыхъ женщинъ — ему были искушенія: „егда мазана жена — люте соблазняшеся“. Какъ ни старался понь Кононъ возобладать надъ этимъ искушеніемъ — оно отъ него не отступало, и терзалъ такимъ образомъ при всякой новокрещеницѣ, понь Кононъ рѣшился оставить свое соблазнительное послушаніе и бѣжать изъ монастыря. Онъ уже и привелъ свое намѣреніе въ исполненіе, то-есть вышелъ изъ монастыря и пошелъ куда глаза глядятъ, только чтобъ удалиться отъ монастыря и никогда болѣе не крестить взрослыхъ женщинъ, но не успѣлъ Кононъ далеко отойти изъ монастыря, какъ ему въ степи „явился Іоаниъ Креститель“ и сказалъ ему: „не ходи,—я тебя облегчу отъ этой брани“. Понь Кононъ повѣрилъ словамъ Крестителя и воротился опять къ своему дѣлу въ монастырь. И нѣкоторое время не жалѣлъ объ этомъ. Теперь попу Конону въ самомъ дѣлѣ какъ будто было сноснѣе, такъ что онъ уже могъ помазывать новокрещеницъ безъ особеннаго для себя мученія, но вдругъ отъ одного незначительнаго, новидимому, случая все испортилось. Пришла въ монастырь креститься одна молодая Персіанка, и Кононъ ее окрестилъ въ водѣ, но ни какъ не могъ помазать своими руками тѣло ея освященнымъ масломъ, — „бѣ бо толпко красна лицемъ Персіаншия, яко не мощи попови помазати погу ея.“ Дѣлалось съ нимъ что-то такое, что нередко всѣми обнаруживало въ немъ большое страданіе, котораго онъ ни скрыть, ни преодолѣть не могъ. Чтò такое именно было съ Конономъ и какими принадлежками выражалось — въ древнемъ сказаніи не объяснено. Цѣлый день мучился съ этимъ искушеніемъ понь Кононъ и все-таки никакъ не могъ помазать Персіанку. О происшествіи этомъ сообщили епископу Петру, — и епископъ велѣлъ сейчасъ же привести Персіанку къ себѣ, но отъ этого сдѣлалось не лучше, а хуже, ибо и самъ епископъ Петръ, „увидавъ Персіанку, удивися добродію ея и восхоте пояти ея къ себѣ за діакона“. Молодая же Персіанка, хотя еще и мало была наставлена въ истинахъ христіанской вѣры и даже была еще не совсѣмъ докрещена, однако,

она не захотѣла согласиться на предложеніе епископа Петра, — чтобы жить при немъ подъ видомъ діакона и, несмотря на всѣ убѣжденія епископа, „не сотвори сего“. Такъ она и осталась съ непомазанными ногами, потому что когда Персіанку повели къ епископу, попъ Кононъ „разгнѣвася, вземъ ризы своя и отиде въ горы“. Теперь онъ уже ни за что не хотѣлъ идти назадъ въ монастырь и муропомазывать Персіанку. Но когда попъ Кононъ, разсердясь на своего епископа, блуждалъ по пустынь, его опять встрѣтилъ Іоаннъ Креститель и сказалъ ему: „возвратися, поне, въ монастырь, уже азъ облегчу тебя теперь отъ бранн“.

„Тогда Кононъ рече съ гнѣвомъ: не обращуся, многажды бо обѣщался облегчити ми и не сотвори.“

„Емъ же его Св. Іоаннъ посади и откры ризы его и знаменіемъ крестнымъ перекрести и глаголя: хотѣлъ, дабы ты имѣлъ мзду бранн, но понеже не хочещи, се уже облегчихъ тя, но мзды уже не имаша отъ вещи сея.“

„И возвратися въ монастырь пресвитеръ, на утро же крестивъ помага Персіанку, даже яко бы не разумѣвъ яко жена есть естествомъ.“

Вниманіе читателя не должно проскользнуть безъ замѣчанія мимо того, что оба мужичины, то-есть попъ Кононъ и епископъ Петръ страдали, и Кононъ даже не могъ справиться съ собою безъ особаго чуда со стороны Іоанна Крестителя, а Персіанка, дѣвушка, безъ особыхъ успій охраняла себя и воздержала отъ паденія обоихъ священнослужителей. ¹

¹ Въ тѣ времена, къ которымъ относится разсказъ, крестильныя обязанности соединены были для крещающаго съ довольно значительными трудами. Въ знаменитомъ «Ученіи двѣнадцати апостоловъ», открытомъ Бріеніемъ, встрѣчаемъ слѣдующее (См. переводъ журнала *Дѣтская Помощь*, М. 1885 г. № 8): «Что касается до омовенія (по кievскому переводу «крещенія»), то омывайте (кievск. «крестите») такъ: напередъ скажите тому, кого вы омываете, все что тутъ сказано (о пути жизни и о пути смерти) и *потомъ омывайте* во имя Отца и Сына и Св. Духа, въ водѣ проточной. Если же не имѣешь проточной воды, то омывай въ другой водѣ, если нѣтъ ни той, ни другой, то облей три раза водой голову. Предъ омовеніемъ же *пусть постытсѣ тотъ, котораго будутъ омывать, и тотъ, который будетъ омывать и другіе если могутъ.* «Попъ, учрежденный на крещеніе», прежде чѣмъ омывать крещаемую, имѣлъ обязанность постытсѣ съ ней и внушать ей: «берегись тѣлесныхъ и мірскихъ побужденій, не предубодѣйствуй, не распутничай, не умерщвляй младенца въ утробѣ и рожденнаго не убивай, не сквернословь, не скверномысли и не озирайся на то, чего тебѣ не надо видѣть—это ведетъ къ распутству» (стр. 426).

23) *Апрѣля 29.* Нѣкоторый монахъ, жившій въ недостаточномъ монастырѣ, былъ посланъ во время рабочей поры въ мѣръ, чтобы поработать на людей и, прокормивъ себя, принесъ бы также что-нибудь въ обитель. Монахъ этотъ зналъ одного очень честнаго и довѣрчиваго поселенна въ пришелъ къ нему предложить свои услуги. Поселенникъ принялъ его съ полнымъ довѣрїемъ и встрѣтивъ надобность отлучиться изъ дома, оставилъ монаха на хозяйствѣ „домоглядѣльцемъ“, поручивъ ему также свою очень молодую дочь, которая была замужемъ всего только одинъ годъ и овдовѣла.

Судя по тому, въ какіе ранніе годы возраста выдавали тогда дѣвочекъ замужъ на Востокъ, надо полагать, что эта молодая вдовица, съ которою монахъ остался „домоглядѣльцемъ“, имѣла что-нибудь около 12—13 лѣтъ, то-есть по нашимъ нынѣшнимъ представленіямъ она сама была еще почти дитя.

Оставшись съ этою юницею, монахъ, которому было поручено охранять ее, вдругъ самъ началъ чувствовать, что „онъ побѣждается ею“. Не сказано—какъ „побѣждаемый“ боролся, но сказано, что онъ сразу же сталъ вести себя такъ странно, что и побѣдительница его стала это замѣчать и побѣда его надъ нимъ была ей нежелательною. Она испугалась своего положенія, которое и въ самомъ дѣлѣ было небезопасно, такъ какъ она оставалась съ монахомъ съ глаза на глазъ одна, и даже возлѣ дома ихъ не было близко сосѣдей, которые могли бы ей подать помощь. Молодая женщина все это сообразила и поняла, что она ни откуда не могла надѣяться получить себѣ защиту въ томъ случаѣ, если „побѣждаемый“ монахъ совсѣмъ побѣдится и, утративъ самообладаніе, обратится къ дерзкимъ мѣрамъ насилія. Она не могла рассчитывать на свою силу, чтобы отразить его. А, къ несчастію, скоро въ этомъ оказалась надобность. Монахъ однажды „пришелъ по обычаю нача смущаться и къ ней подвизаться“. Приступъ его былъ столь рѣшителенъ, что молодица казалось уже невозможно въ этотъ разъ спастись отъ его рукъ, но она, однако, отыскала средство къ спасенію. „Бывъ смыслена и благоразумна“, молодица не стала сопротивляться силой, и даже не подняла никакого безллезнаго шума, такъ какъ она понимала, что при всякомъ сопротивленіи „побѣжденному“, перевѣсъ оказался бы не на ея побѣдной сторонѣ, и вотъ она не захотѣла сопротивляться ему какъ животному, а отважилась повліять на лучшую сторону его духовной природы,

не на его взбунтовавшіяся физическія силы, а на его совѣстливость.

— О, отче! сказала она ему,—для чего ты такъ усиленно на меня нападаешь! Развѣ я и безъ того не въ твоей власти! Мы съ тобой вдвоемъ въ цѣломъ домѣ, и я слышюмъ слаба, чтобы тебѣ сопротивляться. Не загоразивай же напрасно всѣ двери и окна, я не птица и не муха и не могу отсюда ни улетѣть, ни выйти. Сейчасъ я буду вся въ твоей власти, но только оставь мнѣ одно малое мгновеніе въ моей власти, чтобы я могла сдѣлать то, что желаю.

Монахъ сказалъ: сдѣлай!

А она попросила, чтобы и онъ, „аще милосердъ“, сдѣлалъ бы то же.

— Что же ты хочешь сотворить? спросилъ монахъ.

— Хочу рещи глаголь нѣкій Богу, отвѣчала молодница,—а такъ какъ сіе и твое есть дѣло, то потому давай оба вмѣстѣ помолмся и потомъ ты, помолясь Богу, поступай со мной какъ пожелаешь.

Монахъ нашель, что это ему совершенно неудобно и не только не захотѣлъ молиться, а еще болѣе „побѣждался, мятошася отъ брани“. Тогда молодница стала умолять его, чтобы онъ хоть ей далъ время помолиться. На это монахъ согласился и она сейчасъ же начала молиться и молплась вслухъ, выражая въ словахъ, относимыхъ къ Богу, свою беззащитность и свою покорность предъ несчастіемъ, которое можетъ надъ ней совершиться; а притомъ излила и свое горячее сожалѣніе о несчастномъ человѣкѣ, который хочетъ оскорбить ея чистоту и просила простить ему грѣхъ его, потому что онъ далъ надъ собой такую власть страсти, что сталъ хуже всякаго животнаго, ибо посягаетъ на цѣломудріе женщины, которая сама довѣрилась его защитѣ... Монахъ все ее слушалъ—и совѣсть его стала пробуждаться и, наконецъ, дѣло дошло до того, что онъ прослезился и вдругъ увидалъ, что молящуюся женщину окружаютъ какіе-то свѣтлые духи, и онъ испугался и убѣжалъ отъ нея.

Можно подумать, что этотъ легендарный случай былъ извѣстенъ Мильтону и что онъ вызвалъ у него прекрасныя строфы:

„Такъ свято предъ очами неба дѣвство,
Что если искренно душа блюдетъ его завѣты—
Тьмы ангеловъ на службу ей готовы.“

Послѣ такихъ юныхъ, пѣжныхъ и граціозныхъ женскихъ лицъ, какъ эта молодица и Персіанка, встрѣчаемъ опять цѣломудренную и энергическую женщину степеннаго возраста, которая, сообразно своей житейской опытности, не только себя оберегла отъ соблазна, но еще дала прекрасный урокъ соблазнителю. Эта степенная женщина тоже обрезаиваетъ и спасаетъ монаха, но совѣтъ инымъ приѣмомъ.

24) *Юня 13.* „Братъ пѣкій посланъ бысть изъ монастыря по службѣ“ и плути дорогою „пришелъ на мѣсто пѣкое, имущее воду“. Здѣсь ему понравилось положеніе и онъ присѣлъ, чтобъ отдохнуть и подкрѣпить себя пищей, но едва расположился, какъ примѣтилъ женщину, которая стоя на берегу мыла „платно“. Разстояніе мѣшало брату опредѣлить возрастъ и разсмотрѣть черты лица женщины, но тѣмъ не менѣе братъ засмотрѣлся, какъ она моетъ и нагибается, и на него сейчасъ же „приде брань“: братъ былъ неопытный и не могъ долго бороться; онъ сейчасъ же пошелъ къ этой женщинѣ близко и не стѣсняясь тѣмъ, что женщина была значительно старше его, сдѣлать ей предложеніе, чтобъ она раздѣлила съ нимъ удовольствія загорѣвшейся въ немъ страсти.

А женщина, надо полагать, была разсудительная и спокойная: она посмотрѣла на взволнованнаго плоча безо всякаго страха, и отвѣчала ему съ прозіей:

— Миѣ нетрудно тебя послушаться, но только смотри не пришла бы тебѣ послѣ отъ этого скорбь?

— А кака я миѣ можетъ быть скорбь?

— Не стала бы тебя мучить совѣсть и не впасть бы ты въ отчаяніе?

— Нѣтъ, я этого ничега не боюсь, отвѣчала монахъ.

— Ну смотри.

— Да, нѣтъ; ужь я себя знаю.

— Нѣтъ, ты хорошенько подумай: не сталъ бы ты сильно жалѣть?

— Да нѣтъ же, не безпокойся: ни о чемъ я жалѣть не буду!

— А ты сколько лѣтъ прожилъ уже въ монастырѣ?

— Семнадцать.

— И неужели тебѣ не жаль ихъ?

— Ни мало.

— А ты знаешь ли еще (имашь ли искусь, то-есть испыталъ ли?), что есть жена?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну такъ какъ же ты, не зная, *что есть*, соглашаешься бросить за это невѣдомое то, въ чемъ наставлень и чего добывался цѣлыя семнадцать лѣтъ? Ты знай, что взять женщину, это значитъ взять на себя большое обязательство. Я, изволь, соглашусь на что ты махнешь меня и пусть это будетъ по твоему, но помни, что потомъ я отъ тебя не отстану и можетъ случиться, что тебѣ придется принять на себя еще и большую тягость.

— Какую же еще большую тягость?

— А такую, что есть ли у тебя гдѣ содержать меня и дѣтей, и чѣмъ кормить насъ?

— Нѣтъ, у меня жилья нѣтъ и кормить васъ нечѣмъ.

— Такъ какъ же ты смѣешь меня звать?

— Я объ этомъ не думалъ.

— Ты, вѣрно, думалъ, что послѣ можешь удалиться?

— Да, я вотъ именно такъ намѣревался.

— Ну, такъ ты очень глупъ, а ты впередъ знай, что женщины не для того только созданы, чтобъ угашать въ васъ огонь вашей страсти, а что онѣ имѣютъ стыдъ и любовь къ дѣтямъ, и себя и своихъ дѣтей оберегаютъ и за виновникомъ ихъ рожденія всюду готовы слѣдовать. Осмѣйся-ка тронь меня, я посмотрю куда ты отъ меня дѣнешься? Я пойду къ твоему аввѣ и скажу: авва! не давай ему ни хлѣба, ни сочива и прогони его вонъ: я черезъ него стала тяжелою, и не могу больше гнутья,— пусть онъ идетъ со мною и кормитъ меня, и вмѣстѣ со мною и то, что имѣетъ родиться. Авва твой тебя и выгонитъ, а я тогда заставлю тебя полоскать вмѣсто меня въ водѣ портомойню.

— Ты меня вельми просвѣтила, отвѣчалъ монахъ.

— То-то и есть. Образумься. Если ты ужъ пошелъ въ монахи, то иди скорѣй въ свой монастырь, а не стой по такимъ мѣстамъ, гдѣ женщины моютъ на рѣчкѣ.

Братъ почувствовалъ себя пристыженнымъ и, испугавшись того, чѣмъ призрашила его прачка, возвратился бѣгомъ въ монастырь, и никогда больше не засматривался на женщинъ, ибо всегда помнилъ эту прачку и со встрѣчи съ нею питалъ опасеніе къ рѣшительности женскихъ характеровъ.

Трогательны и способны вызывать живое сочувствіе выведенные вслѣдъ за симъ типы профессиональных „блудницъ“ и „блудницъ нищеты ради уготованныхъ“.

25) *Августа 3.* Въ городъ Тиръ пришли разъ два черноризца

и когда они проходили по уединенному мѣсту, гдѣ притаивались городскія блудницы, то одна изъ этихъ несчастныхъ женщинъ, по имени Порфирія, томимая голодомъ, бросилась къ одному изъ братьевъ и рыдая восклицала: „Отче! спаси меня, какъ Христосъ спасъ блудницу!“ Тутъ же были проходящіе люди и все это видѣли.

Черноризецъ зналъ, что тогдашніе люди имѣли самое невысокое мнѣніе о монашескомъ цѣломудріи и, теперь, увидя его съ блудницей, навѣрное станутъ смѣяться надъ нимъ и осуждать его,—особенно если онъ исполнитъ просьбу блудницы и станетъ о ней заботиться, но съ другой стороны, думалось ему,—что же важнѣе: снести ли напрасное осужденіе отъ толпы, или явно отвергнуть человѣка, который умоляетъ „спасти“ его во имя Христова? Выбрать правильное рѣшеніе, разумѣется, было нетрудно, и черноризецъ отвѣтилъ блудницѣ: „или за мною“ и „взявъ ее за руки повелъ ее сквозь народъ изъ города“.

Тогда по всему городу и по окрестностямъ быстро распространилась молва, что „черноризецъ поятъ себѣ блудницу Порфирію“, и всѣ видѣли въ этомъ большой соблазвъ, но ни черноризецъ, ни его игумень не обращали на это никакого вниманія, а спасенная отъ позорнаго промысла блудница Порфирія, отдохнувъ и поправивъ у брата, обнаружила въ себѣ большую сердечную доброту и пѣжнность. Она нашла у какого-то уединеннаго бѣднаго храма брошенное дитя и, исполнившись къ нему жалости, взяла его и стала его воспитывать. „Но лѣтъ же единымъ проста чадъ (то-есть простолюдинъ) изъ Тира“ пришли для молитвенныхъ цѣлей въ обитель, куда укрыта была Порфирія, и узнали ее, а увидавъ при ней годовое дитя, заговорили: „дobre чернице-черничница еси породила!“ Люди эти рассказали въ Тирѣ, что видѣли у черноризца Порфирію и при ней годоваго ребенка, какъ разъ будто похожаго на того брата, который взялъ ее и провель съ собою черезъ весь городъ. Черноризецъ слышалъ объ этомъ и семь лѣтъ молчалъ, а въ это время пріемышъ Порфиріи выросъ, а она сама сдѣлалась монахиней. Тогда чернецъ, чувствуя приближеніе смерти, взялъ эту женщину и ея пріемыша и пошли всѣ трое вмѣстѣ въ Тиръ. Здѣсь шнокъ собралъ въ одно мѣсто сто человѣкъ и велѣлъ принести полную кадильницу жарко горящихъ угольевъ, и при всѣхъ ссыпалъ эти пламеннющіе уголья въ свой стихарь. Стихарь не загорѣлся и даже не чадилъ. Всѣ это видѣли и удивлялись, а черноризецъ сказалъ: — „Вотъ и

смотрите: въ этомъ есть знаменіе, что я отъ рожденія своего никогда не зналъ грѣха женскаго.“ Раздѣлявшая же съ нимъ на-праслнну Порфирія, прежде бывшая тирская блудница, а потомъ благочестивая отшельница, посвятила остатокъ своей жизни спасенію другихъ женщинъ, переносившихъ въ Тирѣ такое же самое унижительное положеніе, изъ котораго она вырвалась при со-страданіи монаха, котораго она никогда не склопiała къ любов-ному сблженію съ собою, а хранила къ нему только высокое чувство благодарности и уваженія.

Другая блудница къ самому паденію своему приводится такимъ трогательнымъ путемъ, какому не представляетъ равнаго ни ка-кой художественный вымыселъ.

26) *апрѣля 8.* Въ Александріи жила одна очень молодая и очень красивая дѣвушка, Египтянка, по имени Аза. За ея красоту ее на-зывали „Прекрасною Азой“. Она была круглая спрота. Родители ея умерли едва только она вышла изъ дѣтства и оставили ей хо-рошій достатокъ. Аза имѣла благоустроенный домъ и обширный виноградный садъ по скату къ рѣкѣ Нилу. Наслѣдства, которое получила Аза, достаточно было бы, чтобъ ей прожить цѣлую жизнь въ довольствѣ, но молодая Египтянка была чрезвычайно участлива ко всякому человѣческому горю, и ничего не жалѣла для того, чтобъ помочь людямъ впадающимъ въ бѣдствіе. Черезъ это съ нею произошелъ слѣдующій роковой случай.

Разъ передъ вечеромъ, когда слышнлъ палицій египетскій жаръ, Аза пошла со своими служанками купаться къ Нилу. Она выкупалась и, освѣженная, покрывшись легкимъ покрываломъ, тихо возвращалась къ себѣ назадъ черезъ свой виноградникъ. Служанки ея этимъ временемъ оставались еще на рѣкѣ, чтобъ убрать купальныя вещи.

Вечеръ послѣ знойнаго дня былъ прелестный; работники, окон-чивъ свое дѣло, ушли и виноградникъ былъ пустъ. Аза могла быть увѣрена, что она одна въ своемъ саду, но вдругъ къ удив-ленію своему она замѣтила въ одной куртнѣ присутствіе ка-кого-то незнакомаго ей человѣка. Онъ какъ будто скрывался и въ то же время торопливо дѣлалъ что-то у одного плодovitаго дерева. Можетъ-быть онъ рвалъ плоды и оглядывался, боясь, что его поймаютъ вертоградари.

Египтянкѣ пришло на мысль подойти ближе къ незнакомцу съ тѣмъ, чтобы помочь ему скорѣе нарвать больше плодовъ и потомъ тихо проводить его черезъ ходъ, выведившій на берегъ

Пшла къ кучальнѣ. Съ этою цѣлью Аза и пошла къ незнакомцу.

Но когда Египтянка подошла ближе, то она увидала, что этотъ незнакомецъ не срываетъ плоды, а дѣлать что-то совсѣмъ другое: онъ закрѣпляетъ для чего-то шнуръ къ суку стараго дерева. Это показалось Азѣ непонятно, и она притаилась, чтобы видѣть, что будетъ дальше, а незнакомецъ сдѣлалъ изъ шнура петлю и вложилъ въ нее свою голову... Еще одно мгновеніе и онъ удушенъ бы въ этой петлѣ, изъ которой слабой дѣвушкѣ не по силамъ было бы его вынуть, а пока она успѣла бы позвать на помощь людей—удавленникъ успѣлъ бы умереть... Надо было помѣшкать этому немедленно.

Египтянка закричала „остановись!“ и бросаясь къ самоубійцѣ, схватила руками за петлю веревки.

Незнакомецъ былъ пожелтой человѣкъ, Эллипъ, съ печальнымъ лицомъ и въ печальной одеждѣ, съ неподрубленнымъ краемъ. Увидавъ Египтянку, онъ не столько испугался, сколько пришелъ въ досаду и сказалъ ей:

— Какое несчастіе! Злой демонъ что ли выслалъ тебя сюда, чтобы остановить мою рѣшимость?

— Для чего ты хочешь умереть, когда жизнь такъ прекрасна? отвѣчала ему Египтянка.

— Можетъ-быть жизнь и прекрасна для тебя и для подобныхъ тебѣ, которыя живутъ въ полномъ довольствѣ. Раньше и я находилъ въ ней хорошее, но нынче судьба отъ меня отвернулась и жизнь моя составляетъ мнѣ несносное бремя: ты не права, что мѣшаешь мнѣ умереть. Иди, отсюда, своею дорогою и оставь мнѣ возможность вылѣзть по моей веревкѣ воиъ изъ этой житейской ямы, гдѣ я не хочу болѣе терзаться между грязью и каменными угольями.

Дѣвушка не соглашалась его оставить и сказала:

— Я не позволю тебѣ удушиться: я крикну и сейчасъ прибѣгутъ мои люди. Лучше возьми свой шнурокъ подъ одежду и поди за мною въ мой домъ: расскажи мнѣ тамъ твою горе, и если есть возможность облегчить его, то я это сдѣлаю, а если оно въ самомъ дѣлѣ такъ беспомощно, какъ ты думаешь, тогда... выходи отъ меня со своимъ шнуромъ куда хочешь: я тебѣ ни въ чемъ не помѣшаю, и ты еще не опоздаешь тогда повиснуть на деревѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ незнакомецъ.—и какъ мнѣ ни тяжело

медлить на землѣ, но ты мнѣ кажешься такою участливою, въ глазахъ твоихъ столько ума, а въ голосѣ ласки, что я тебѣ хочу повноваться. Вотъ уже шнуръ мой спрятанъ подъ мою одежду и я готовъ идти за тобою.

Египтянка привела отчаяннаго въ свой благоустроенный домъ, приказала служанкѣ подать фрукты и прохладительное питье и, усадивъ гостя среди мягкихъ подушекъ на пышномъ коврѣ, вышла, чтобы переѣмнить свое купальное платье на другое. Когда же Аза возвратилась, то она сѣла тутъ же рядомъ съ гостемъ, а за ними стали двѣ черныя служанки и легкимъ движеніемъ шелковыхъ кистей начали приводить въ колебаніе спускавшееся съ потолка огромное напиганное ароматами опахало изъ большихъ пестрыхъ перьевъ.

Египтянка желала какъ можно скорѣе узнать горестную исторію незнакомца, что онъ и исполнилъ. Разсказъ его былъ простъ и немногосложенъ. Покусившійся на самоубійство Эллингъ недавно еще имѣлъ большое состояніе, но потерпѣлъ неудачи въ дѣлахъ и до того задолжалъ, что не могъ расплатиться со своимъ кредиторомъ. Въ этомъ затрудненіи онъ прибѣгнулъ къ его состраданію, но это было напрасно: богачъ соглашался оказать ему вспоможеніе, но не иначе, какъ на одномъ ужасномъ условіи.

— Въ чемъ же заключается это условіе? спросила Египтянка.

— Я не могу сказать тебѣ этого при твоихъ слугахъ.

Аза велѣла служанкамъ удалиться.

— У меня есть дочь, дѣвушка твоихъ лѣтъ, по имени Іо. Она такъ же, какъ ты, стройна станомъ и прекрасна лицомъ, а о сердцѣ ея суди какъ можешь по слѣдующему. Кредиторъ мой, большой и безнравственный сластолюбецъ, сказалъ мнѣ: „отдай мнѣ твою Іо на ложе, и тогда я освобожу тебя отъ темницы—иначе ты задохнешься въ колодезѣ“. Я оскорбился и не хотѣлъ слышать объ этомъ. Это было мнѣ тѣмъ болѣе тяжело, что у моей бѣдной Іо есть женихъ. Онъ бѣденъ, но имѣетъ возвышенный умъ и дочь моя горячо любитъ его съ самаго дѣтства; кромѣ того и жена моя не снесетъ такого безчестья, чтобы дочь наша стала наложницей. Но бѣда настываетъ бѣду: предстать себѣ новое горе: дочь моя все это узнала и сегодня сказала мнѣ тако:

„— Отецъ, я все знаю... я уже не ребенокъ... я рѣшилась, отецъ... Чтобы на твою старую шею не набили колодку.. Прости мнѣ, отецъ... я рѣшилась...“

Ю зарыдала, и я вмѣстѣ съ нею рыдалъ еще больше и сталъ ее отговаривать, но она отвѣчала:

„— Любовь къ тебѣ и къ матери, которая не снесетъ твоего униженія, во мнѣ теперь говоритъ сильнѣй любви къ моему жениху: онъ молодъ, продолжала она, глотая бѣжавшія слезы,— онъ полюбитъ другую и съ ней пусть узнаетъ счастье супружеской жизни, а я... я твоя дочь... я дочь моей матери... вы меня воспитали... вы стары... Не говори мнѣ больше ни слова, отецъ, потому что я твердо рѣшилась.“

Притомъ она пригрозила, что если я буду ей противорѣчить, то она не станетъ ждать завтрашняго дня, когда заимодавецъ назначилъ мнѣ срокъ, а уйдетъ къ нему сію же минуту.

Незнакомецъ отеръ набѣжавшія на лицо его слезы и кончилъ:
— Что еще скажу тебѣ дальше. Ю вмѣстѣ рѣшительный правъ и нѣжно насъ съ матерью любить... Что она порѣшила, противъ того напрасно съ ней спорить... Я упробилъ ее только подождать до завтра, и солгалъ ей, будто имѣю еще на кого-то надежду... День цѣлый я ходилъ, какъ безумный, потомъ возвратился домой, обнялъ мою жену, обнялъ нѣжную Ю, и оставилъ ихъ вмѣстѣ, взявъ тихонько шиурокъ и побѣжалъ искать уединеннаго мѣста, гдѣ могъ бы окончить мои страданія. Ты мнѣ помѣшала, но за то облегчила горе мое своимъ сердобольнымъ участіемъ. Мнѣ мило видѣть лицо твое, прекрасное и доброе, какъ лицо моей Ю. Пусть благословитъ тебя Небо, а теперь прощай и не мѣшай мнѣ: я пойду и окончу съ собой. Когда я не буду въ живыхъ, Ю не станетъ бояться колодки, которую могутъ набить на шею отцу и она выйдетъ замужъ за своего жениха, а не продастъ себя, ради отца, богачу на безчестное ложе.

Египтянка внимательно выслушала весь разговоръ незнакомца, а потомъ сказала, глядя ему твердо въ лицо:

— Я понимаю во всемъ твою милую дочь и мнѣ нравится Ю—она добрая дѣвушка.

— Тѣмъ это тяжелѣй для меня, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Я понимаю и это; но скажи мнѣ—сколько ты долженъ заимодавцу?

— О, очень много, отвѣчалъ незнакомецъ, и назвалъ очень знатную сумму.

Это равнялось всему состоянію Египтянки.

— Приди ко мнѣ завтра—я дамъ тебѣ эту сумму.

Незнакомецъ изумился: онъ и радовался, и не могъ вѣрить тому, что слышитъ, а потомъ сталъ ей говорить, что онъ даже не смѣетъ принять отъ нея такую великую помощь. Онъ напомнилъ ей, что долгъ его составляетъ слишкомъ значительную сумму и просилъ ее подумать, не подвергается ли она себя слишкомъ большой жертвѣ, которой онъ даже не въ состояніи и обѣщать возратить ей.

— Это не твое дѣло, отвѣчала Египтянка.

— Притомъ же, сказалъ онъ,—припомни и то, что я изъ другаго народа—я Эллина, и другой съ тобой вѣры.

Аза на мгновеніе опустила рѣсницы своихъ длинныхъ, какъ миндалины, глазъ и отвѣчала ему:

— Я не знаю въ чемъ твоя вѣра: это касается нашихъ жрецовъ; но я вѣрю, что грязь также мараетъ ногу Гречанки, какъ и ноги всякой иной, и одинаково каждую жжетъ уголь каленый. Не смущай меня, Грекъ; Ио покорила себѣ мое сердце,—иди обними твою дочь и жену и приходи ко мнѣ завтра.

А когда незнакомецъ ушелъ, Аза тотчасъ же опять взяла свое покрывало и пошла къ богатому ростовщику. Она заложила ему за высокую цѣну все свое имущество и взятое золото отдала на другой день незнакомцу.

Черезъ малое же время, когда прошелъ срокъ сдѣланнаго заклада, ростовщикъ пришелъ съ закладной и взялъ за себя все имущество Азы, а она должна была оставить свой домъ и впонограднше и выйти въ одномъ бѣдномъ носильномъ платьѣ. Теперь у нея не было ни средствъ, ни пріюта.

Скоро увидѣли ее въ этомъ положеніи прежніе знакомые ея родителей и стали говорить ей:

— Ты безумная дѣвушка, Аза: смотри, до чего тебя довела твоя безразсудная доброта!

Аза отвѣчала, что ея доброта не была безразсудна, потому что теперь она лишь одна потерпѣла несчастье, а безъ этого погибало цѣлое семейство. Она рассказала имъ все о несчастіи Эллина.

— Такъ ты вдвое безумна, если сдѣлала это все для людей чужой вѣры!

— Не порода и вѣра, а люди страдали, отвѣтила Аза.

Услыхавъ такой отвѣтъ, знакомые почувствовали противъ Азы еще большее раздраженіе.

— Ты хочешь блистать своею добротой къ чужевѣрнымъ при-

нелюдямъ, ну, такъ живи же, какъ знаешь, — и всѣ предоставили ее судьбѣ, а судьба приготовила ей жестокое испытаніе.

Аза не могла избѣжать тяжкихъ бѣдствій по причинамъ, которыя крылись въ ея воспитаніи: она совсѣмъ не была приготовлена къ тому, чтобы добывать себѣ средства своими трудами. Она имѣла молодость, красоту и свѣтлый, даже проникающій умъ и возвышенную душу, но не была обучена никакому ремеслу. Прелестное, дѣвственное тѣло ея было слабо для того, чтобы исполнять грубыя работы — береговья поденщицы ее отгоняли; она не могла носить ни корзины съ плодами, ни киринчи на постройкѣ, и когда она хотѣла мыть бѣлье на рѣкѣ, то зола изъ сторбѣннаго нильскаго тростника разъѣдала ея нѣжныя руки, а текучая вода производила на нее головокруженіе, такъ что она упала въ воду и ее, полуживую, безъ чувствъ, вытащили изъ Нила.

Аза очутилась въ отчаянномъ положеніи. Она была въ мокромъ платьѣ и голодная. Съ ней подѣлилась сухою ячменною лепешкой береговая блудница, — одна изъ тѣхъ, которыя во множествѣ бродили по берегу Нила, дожидая проходившихъ здѣсь вечеромъ чужеземныхъ матросовъ (навклировъ); одна эта женщина подѣлилась съ Азой и на ночь своею циновкой, она же прикрыла ее и отъ стужи ночью своею сухою одеждой, а потомъ... Аза стала такою же, какъ эта — прибрежною блудницей.

* * *

Всѣ знавшіе Азу отъ нея отвратились — она погибала. Иногда она приходила въ свой бывшій виноградникъ, подъ то самое дерево, на вѣтвяхъ котораго хотѣлъ удавиться избавленный ею незнакомецъ, и воспоминала его разсказъ, и всегда находила, что не могла поступить иначе, какъ поступила: пусть страдаетъ она, но Ю и ея старики спасены!.. Это радовало Азу и давало ей смѣлу терпѣть ея униженіе; но въ другія минуты она была близка къ отчаянію и готова была броситься въ Нилъ. Тогда она садилась надъ ручей на красномъ, какъ огустѣлый комъ крови, песчаномъ холмѣ и размыслила о томъ: неизбежно ли такъ должно быть, чтобы добрый всегда былъ между грязью и калеными угольями?

— Или будь безучастенъ къ горю людскому, или утопи въ горѣ самъ? Третій выборъ — плетись между грязью и углемъ. Для чего же тогда нашимъ сердцамъ дано знать состраданіе? Или небо жестоко? Зачѣмъ оттуда никто не сойдетъ и не укажетъ — какъ людемъ слѣдуетъ жить свою жизнь лучше, чтобы отвержен-

ныхъ не было, и чтобы не было гордыхъ, преемщеныхъ и пишыхъ? О, еслибы снизошелъ оттуда такой великій учитель! если былъ бы такой человекъ, — какъ бы она, бѣдная Аза, хотѣла рыдать у его ногъ, и во всю жизнь исполнять все, что онъ ей прикажетъ.

Въ такомъ настроеніи Аза однажды тихо брела вдоль берега Нпла, по уединенному мѣсту и не встрѣчала сегодня даже буйныхъ мореходцевъ. Она уже два дня не ѣла и чувствовала мучительный голодъ. Въ глазахъ у Азы мутилось. Она подошла къ рѣкѣ и нагнулась, чтобы напиться, но сейчасъ же отскочила въ испугъ: такъ самой ей показалось страшно ея изнуренное лицо, съ померкнувшимъ взглядомъ. А такъ недавно еще никто не рѣшался ее иначе назвать, какъ „прекрасная Аза“.

— О, я понимаю теперь, что это значить. Я уже больше не „прекрасная Аза“, — я страшна даже самымъ потеряннѣмъ людямъ!.. Голодъ приблизился, мучительный голодъ... но я не роищу... Я посылаю послѣдній привѣтъ мой Небу, которое виушило мнѣ рѣшенье любить другихъ больше себя и съ тѣмъ умираю!

Она бросилась къ рѣкѣ, чтобы утонуть и непремѣнно бы исполнила это, но ее неожиданно кто-то удержалъ за плечо и она, оглянувшись, увидала предъ собой пожилаго человекъ, скромнаго вида и въ чужестранной одеждѣ.

Аза приняла его за одного изъ чужестранцевъ, приходящихъ на это мѣсто съ цѣлями, о которыхъ ей было извѣстно, и сказала ему:

— Оставь меня въ покоѣ: я не хочу идти сегодня съ тобой.

Но чужеземецъ не отошелъ, а взглянулъ на нее ласково и сказалъ ей:

— Напрасно думаешь, сестра моя, что я былъ намѣренъ сказать тебѣ что-либо дурное. Мнѣ показалось, что ты въ какомъ-то бореньи съ собой.

— Да; я вынимаю ноги мои изъ грязи и хочу ступить на горячіе уголья. Это требуетъ силы.

— Ты очень слаба.

— Я два дня не ѣла.

— Такъ ѣшь же скорѣе: со мной ѣсть хлѣбъ и печеная рыба.

Чужеземецъ поспѣшно перебросилъ изъ-за спины холщевую сумку и подаль Азѣ рыбу и хлѣбъ, и флягу воды, страшенной съ виномъ.

Аза стала ѣсть, запивая глотками воды, страшенной съ ви-

помъ, а когда первый мучительный голодъ ей былъ утоленъ, она повела глазами на незнакомца и тихо сказала:

— Нехорошо, что я ѣмъ твою пищу, ты путешествуешь и тебѣ нуженъ запасъ для себя.

— Не безпокойся, сестра,—я могу потерять, и повѣрь, что терять гораздо отраднѣй, чѣмъ видѣть терпящихъ.

Аза вздрогнула.

— Чужестранецъ! сказала она:—ты меня накормилъ и хорошо говоришь... но зачѣмъ ты два раза уже называлъ меня своею сестрой? Развѣ не понимаешь ты, кто я такай?

— Ты такое-жъ созданіе Бога, какъ я, и сестра мнѣ. Какое мнѣ дѣло, чѣмъ житейское горе и жестокость людей тебя теперь сдѣлал.

Аза вперила въ него свои глаза, опять засверкавшіе бывалымъ огнемъ, и вскричала:

— Ты жжешь меня своими словами: ты быть-можетъ посланникъ боговъ?

— Нѣтъ, я такой же, какъ ты, простой человѣкъ.

— Но кто научилъ тебя такъ говорить, что сердце мое горитъ и трепещетъ?

— Сядемъ здѣсь вмѣстѣ и я расскажу тебѣ, кто научилъ меня такъ говорить.

Несчастная Аза еще больше смутилась.

— Какъ? сказала она: — ты хочешь сидѣть со мной рядомъ! Тебя могутъ увидѣть съ блудницей почтенные люди, и что ты имъ скажешь тогда въ свое оправданіе?

— Я скажу имъ, что Тотъ, который всѣхъ ихъ почтеннѣй, не гнушался такою, о какой ты вспоминаешь.

— Кто-жъ это былъ онъ?. Я о такомъ не слыхала... но ты о немъ говоришь и слова твои льютъ новую жизнь въ мое сердце... Можетъ-быть онъ-то и есть твой учитель?

— Ты не ошиблась. Это онъ, мой учитель.

Аза заплакала.

— Какъ ты счастливъ, какъ ты счастливъ, чужестранецъ! Гдѣ же онъ, гдѣ этотъ небесный посланникъ?

— Онъ съ нами.

— Съ нами!.. со мной!.. Не смѣйся надъ бѣдною Азой!.. Аза несчастна... Скажи мнѣ, гдѣ онъ, и я побѣгу... Я стану его умолять... и быть-можетъ мнѣ онъ дастъ новую жизнь!

Чужеземецъ самъ взволновался.

— Успокойся, сказалъ онъ: ты ее будешь имѣть — новую

жизнь,—развяжись только съ старой,—развяжись скорѣй съ тѣмъ, что гнететъ тебя въ прошломъ.

— Слушай же, кто я такая! воскликнула съ оживленіемъ Аза и рассказала все, что съ ней было, и когда повѣсть ея была кончена, она добавила въ свое оправданіе:

— Говорять, будто мнѣ надлежало иначе размыслить, но я не могла: мое сердце тогда одолѣло разсудокъ.

— Кто кладетъ руку на плугъ и самъ озпирается вснять, тотъ не пахарь. Не жалѣй о томъ, какъ ты поступила.

Аза потупила взоръ и сказала:

— Я не о томъ сожалѣю... но мнѣ тягостно думать о томъ, что было послѣ...

— Послѣ того, когда ты совершила святѣйшее дѣло любви, прервалъ ее чужестранецъ;— послѣ того, когда ты позабыла себя для спасенія другихъ... Оставь сокрушенія эти!.. Когда каленое уголье жжетъ ноги, ноги ползутъ въ холодную грязь, но любовь покрываетъ много грѣховъ и багровыя пятна бѣлитъ, какъ волну на ягненкѣ... Подними лицо твое вверхъ... Прими отъ меня привѣтъ христіанскій и знай, что *Онъ*, къ кому душа твоя рвется, перстомъ на сыпучемъ пескѣ твой грѣхъ написалъ и оставилъ смести его вѣтру.

Аза подняла лицо свое и плакала, а христіанинъ глядѣлъ на нее, колѣни его незамѣтно согнулись, онъ поклонился ей въ ноги, и тихо промолвилъ:

— Живая! живая!

Утѣшеніе совершилось,—пришла новая жизнь въ смущенную душу Азы. Христіанинъ раскрылъ ей въ короткихъ словахъ ученіе Христова и снова закончилъ похвалою ея сердцу, но Аза непремѣнно хотѣла знать: есть ли люди, живущіе по этому ученію, во взаимной любви, при которой нѣтъ ни осужденія, ни зла, ни нищеты.

— Они были, отвѣчаль христіанинъ.

— Отчего же не все такъ и теперь?

— Это трудно, сестра.

— Въ чемъ же тутъ трудность?

— Слушай, какъ они жили.

Христіанинъ прочелъ ей на память мѣста изъ *Дьякній*:

„У множества увѣровавшихъ въ спасительность Его ученія было одно сердце и одна душа, — никто изъ племѣнія своего ничего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее и все, что

у нихъ было, они раздѣляли по нуждѣ каклаго и каждый день собирались вмѣстѣ и вмѣстѣ принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца“ (Дѣян. IV, 32).

— Какъ это прекрасно! воскликнула Аза.

— Но какъ это трудно.

„Такъ Юссія, прозванный отъ апостоловъ Варнавою, что значить „сынъ утѣшенія“ — девицъ, родомъ изъ Кипра, у котораго было свое помѣстье, — продалъ его и принесъ деньги къ ногамъ апостоловъ“ (37).

Послѣ многихъ сумрачныхъ дней лицо Азы освѣтилось отрадною улыбкой: Варнава отдалъ помѣстье и назвалъ его: „сынъ утѣшенія“...

Аза выше подняла лицо и сказала:

— Это петрулю.

— Такъ или же отсюда, куда я тебя научу, и Расскажи тѣмъ людямъ, къ которымъ придеши, все, что ты мнѣ разсказала.

Чужеземецъ назвалъ ей мѣсто, гдѣ сходятся христіане Александрии и кто ихъ епископъ.

Аза, ни минуты не медля, встала и пошла по его указанію.

Когда Аза пришла, ее сейчасъ же узналъ одинъ клирикъ и сказалъ ей:

— Мнѣ знакомо лицо твое: ты очень похожа на блудницу, которая часто ходила по берегу Нила?

— Я сама и есть та блудница, отвѣчала Аза, — но я не хочу возвращаться туда, гдѣ ты могъ меня видѣть, — я хочу быть христіанкой.

— Это прекрасно, но ты должна прежде очистить себя постомъ и раскаяніемъ.

— Я все готова исполнить, что нужно.

Ей сказали, какъ надо поститься, она пошла и долго постилась, питаясь тѣмъ, что ей давали изъ состраданія. Наконецъ, она изнемогла и пришла снова съ просьбой крестить ее и принять со всѣми въ общеніе. Клирики сказали ей: ты должна принести при всѣхъ покаяніе.

— Да, я затѣмъ и пришла, чтобы сказать всѣмъ, какъ дурна моя жизнь, но я изнемогаю и боюсь, что скоро умру. Пропу васъ: скажите епископу, что я пропущу скорѣе принять меня въ общеніе.

Клирикъ сказалъ епископу, а тотъ велѣлъ назначить ей катихизатора, который долженъ былъ протолковать ей символъ и

всѣ догматы вѣры и потомъ удостовѣрить ея познанія и тогда Азу будутъ крестить.

Но Аза этого не дождалась; нетерпѣливое желаніе ея получить христіанское имя и жить съ христіанами вмѣстѣ сдѣдало ее; она жаловалась и плакала, „а всѣ пренебрегали ея“.

Тогда совершилось чудо: когда отверженная Египтянка лежала больная „въ малой хлевнѣ“, туда къ ней среди ночи вошли „два свѣтлые мужа“ и одѣли ее въ бѣлыя, „крестильныя ризы“. Въ нихъ и осталось на землѣ мертвое тѣло Азы, а живой духъ ея отлетѣлъ въ обитель живыхъ.

Кончина Азы, одѣтой въ крестильныя ризы, сдѣлала затрудненіе клирикамъ: они недоумѣвали, по какому обряду надо похоронить эту женщину, но неожиданно пришелъ тотъ чужестранецъ, который говорилъ съ усопшею Азой у берега Нила. Онъ былъ философъ и пресвитеръ сирійскій, другъ Исаака-Сирійца— онъ вернулся сюда съ дороги по внушенію духа. Онъ наклонился надъ Азой и сталъ читать христіанскія молитвы, а пока онъ моллился, тѣло Азы зарыли въ землю, но Сиріецъ еще долго стоялъ и смотрѣлъ вдаль — онъ что-то думалъ, онъ былъ въ восторгѣ и двигалъ устами.

Его спросили:

— Вѣрно ты чудное что-нибудь видишь?

— Да, отвѣчалъ онъ: я вижу какъ будто бы небо отверзто... и туда... кто-то входитъ...

— Неужто блудница?

— О нѣтъ!.. блудницу вы закопали въ грязь—я вижу... какъ легкая струйка съ каленаго угля сплываетъ съ свѣтомъ — мнѣ кажется, это восходитъ *дочь утѣшенья*.

IV.

Слѣдующее женское лицо является въ иной, но не менѣе трогательной обстановкѣ, также ярко рисующей и общую картину нравовъ V вѣка.

27) *іюня 14*. Евсевій пзъ Аскалона рассказывалъ, что у нихъ въ городѣ былъ купецъ, имѣвшій свои корабли, на которыхъ онъ возилъ дорогіе товары въ Африку. Разъ сдѣлалось кораблекрушеніе, и купецъ этотъ сразу обѣднѣлъ: корабли его потонули, а выкинутые на берегъ товары были расхищены. Тогда запмо-

давицы посадили этого купца въ тюрьму, а его молодая и очень красивая жена ходила на поденщину и что успѣвала зарабатывать, на то приготовляла нишу и приносила ее мужу въ темницу. При этихъ посѣщеніяхъ она иногда долго засиживалась съ заключеннымъ, старалась облегчить его несноепое томленіе. Въ Аскалонѣ же у знатныхъ людей было обыкновеніе, чтобы по особливимъ днямъ ходить посѣщать содержащихся въ тюрьмахъ и подавать имъ милостыню. Одинъ изъ такихъ знатныхъ людей пришелъ разъ въ темницу, когда жена разорившагося купца сидѣла у своего мужа, и какъ только взглянулъ на нее, такъ и плѣнился ею. „Узвися вельможа сердцемъ, види красоту ея, бѣ бо по-истинѣ красна зѣло.“ Вельможа сейчасъ же „подосла къ ней нѣкоего странника“, чтобы она подошла къ нему „пріяти милостыню“.

Женщина, не подозрѣвая ничего дурнаго со стороны вельможи, встала и подошла къ нему, чтобы „пріять его милосердіе“, а онъ сталъ ее спрашивать: за что она сидитъ въ темницѣ? Женщина отвѣчала, что заключенъ здѣсь ея мужъ, а она только приходитъ посѣщать его и остается съ нимъ по любви и состраданію, чтобы облегчать его участь. Тогда вельможа сказать ей прямо: „я тебѣ помогу: приходи нынче вечеромъ и пробудь со мной ночь, а я завтра выкуплю твоего мужа изъ темницы.“

Женщина не обнаружила ни гнѣва, ни досады и не стала устыжать вельможу за то, какъ онъ пользуется затрудненіями бѣдности, а сказала ему:

— Я должна спросить объ этомъ своего мужа, и какъ онъ скажетъ, такъ я и сдѣлаю. Хочешь—я пойду и спрошу его?

Вельможа не стѣбился и отвѣтилъ ей: спроси.

Она подошла къ мужу и передала ему съ совершенною простотой предложеніе, сдѣланное ей вельможей.

Купецъ заплакалъ и, глубоко вздохнувши, сказалъ:

— Да, не даромъ сказано: „не надѣйтесь на князи и сыны человѣческіе“. Пусть проститъ ему Богъ обиду, которою онъ хотѣлъ насъ унижить еще болѣе, чѣмъ мы унижены. Подойди къ нему и скажи, что мы не хотимъ купить свободу такую цѣной.

Жена пошла и въ той же самой простотѣ передала слова мужа вельможѣ. Вельможа разсердился и вышелъ. Сидѣлъ же тутъ неподалеку отъ купца въ другомъ углу темницы одинъ дорожный разбойникъ, который все это видѣлъ и слышалъ. Взаимная любовь и вѣрность супруговъ его тронули и онъ „поману

къ себѣ жену и рече ей: азъ умлчихся видя цѣломудріе ваше. Азъ разбойникъ есмь и пмамы злато сокровенно въ здаши граднѣмъ. Иди на мѣсто, пма рекъ, расконай и возьми злато тамъ сокровенное на воздаяніе долга мужа твоего и иныя потребности ваши“.

Женщина пошла и нашла золото и испустила мужа мплосердіемъ разбойника.

За симъ наступаетъ типъ возвышеннѣйшей деликатности.

28) *мая 30* Блаженный отецъ Маркъ плылъ однажды на кораблѣ въ Константинополь, но поднялась буря и загнала его „кораблець“ къ „нѣкоторому пустынному острову“. Пока корабельщики справлялись съ поврежденными свастями, блаженный Маркъ сошелъ походить на безлюдный островъ и къ удивленію своему вдругъ замѣтилъ на пескѣ слѣды ногъ человѣческой. Онъ пошелъ дальше по этому слѣду и вскорѣ увидѣлъ въ отдаленіи человѣка (который впрочемъ былъ въ очень странномъ и непонятномъ видѣ), и замѣтивъ Марка видимо старался отъ него скрыться. Блаженный Маркъ, заинтересованный неожиданною встрѣчей, погнался за удалявшимся жильцомъ необитаемаго острова и скоро сталъ его настигать. Тогда преслѣдуемый имъ дикій или полудикій человѣкъ, видя, что ему уже не скрыться отъ настагающаго пришельца, сталъ передъ нимъ „присѣдатель“, спбояясь къ землѣ и что-то говоря ему неразборчивымъ и жалобнымъ голосомъ. Бл. Маркъ, слыша этотъ жалкій и слабый стонъ или мольбу, пріостановился и сказалъ:

— Не убѣгай отъ меня: я христіанинъ и не намѣренъ сдѣлать тебѣ никакого зла.

А присѣдавшій дикарь еще ниже пригнулся и отвѣчаетъ:

— Я не боюсь тебя, но стыжусь, ибо я нагая женщина, а ты мужъ, и потому я ухожу отъ твоего взгляда. Если же ты мплостивъ и хочешь со мной говорить,—то брось мнѣ, что-нибудь изъ твоей одежды, чтобъ я могла хоть немножко закрыться,—тогда я стану къ тебѣ лицомъ, и мы можемъ поговорить.

Бл. Маркъ имѣлъ на себѣ въ ту пору двѣ ризы. Одну онъ оставилъ на себѣ, а другую свернулъ комкомъ и бросилъ нагой женщицѣ, а самъ отворотился. Женщина подхватила одежду, покрылась ею и подошла къ бл. Марку. Они сѣли, и когда разговорились, то бл. Маркъ узналъ отъ нея слѣдующее: женщина эта родилась въ простомъ и бѣдномъ семействѣ и притомъ родители ея скоро умерли, а она осталась совершенно без-

помощною сиротой. Попалась она какъ-то разъ на глаза одному именитому и богатому человеку, который тронулся ея положеніемъ, изъ жалости взять ее къ себѣ въ домъ и стать воспитывать вмѣстѣ со своими дѣтьми. У него она выросла и стала красива, и обнаружилась умъ, и добрый характеръ, и этимъ пансла себѣ такое благорасположеніе у своего воспитателя, что онъ не хотѣлъ искать для своего сына лучшей жены, какъ эта сиротка. Молодой человекъ тоже любилъ ее и тоже не хотѣлъ себѣ иной невѣсты, но родственники и знакомые съ матерней стороны жениха имѣли непремѣнное намѣреніе женить „наслѣдника всего имѣнія“ на дѣвушкѣ богатой и знатнаго рода. Это повело къ большимъ семейнымъ непріятностямъ, отъ которыхъ молодой человекъ много страдалъ и, наконецъ, сильно заболѣлъ, но и лежа въ огнѣ болѣзни все одно повторялъ: „люба ми есть та, еже воспита мой отецъ“. Тогда, чтобъ онъ не лишился жизни,— ихъ соединили. Молодые супруги были вполне счастливы,— особенно мужъ, который и послѣ свадьбы все еще повторялъ: „люба ми есть, еже дахъ мой отецъ!“—но мать его и ея знакомые и родственники постоянно старались сѣять раздоръ въ домѣ, поносили молодого человека за его любовь къ женѣ, избранной имъ изъ бѣднаго и низкаго круга. Тогда эта молодая женщина, видя, что семейныя смуты въ домѣ и страданія любимаго ею мужа не прекратятся, пока ее видятъ въ домѣ,—рѣшилась пожертвовать собою и, для водворенія семейнаго спокойствія, бѣжала изъ дома. Сначала она шла, куда глаза глядятъ, а потомъ вплыла на корабль, но корабль разбило и ее выбросило на этотъ самый безлюдный островъ, гдѣ нашелъ ее блаженный Маркъ. Здѣсь она испытала холодъ, голодь и безпріютность и вдобавокъ ощутила въ себѣ младенца, котораго и родила, воспитала и живетъ съ нимъ уже тридцатый годъ, не видя лица человѣческаго. Блаженный Маркъ видѣлъ и сына этой самоотверженной женщины: совсѣмъ нагой, онъ прятался въ пещерѣ, и былъ пораженъ ужасомъ и удивленіемъ при видѣ третьяго человека, при томъ покрытаго одеждами.

Слѣдующій очеркъ представляетъ женскій типъ и очень энергическій и не лишенный своеобразной ироніи, напоминающей русскую княгиню Ольгу въ ея дѣлѣ съ Древлѣянами.

29) *Августа 14*. Въ одномъ прибрежномъ, торговомъ мѣстѣ жили въ большой дружбѣ два купца, одинъ женатый, а другой холостой. У женатаго жена была очень красивая, а при томъ

очень умная и дѣломудренная, но супружеское счастье ихъ не было продолжительно: мужъ внезапно умеръ, а красавица жена его осталась вдовой, и какъ она очень любила своего мужа, то не хотѣла вступать во второй бракъ, а желала посвятить остальную жизнь служенію добрымъ дѣламъ. Между тѣмъ ея красота и извѣстная скромность ея въ сожителствѣ съ первымъ мужемъ влекли къ ней многихъ жениховъ, которымъ она всемъ спокойно отказывала, сзѣвтуя имъ брать себѣ въ жены дѣвушекъ. Многихъ она такъ отводила, по явился одинъ такой пылкій сопскатель, съ которымъ ей нелегко было раздѣлаться. Это былъ тотъ самый искренній другъ ея перваго мужа, въ которомъ она и не подозрѣвала, что и онъ увлеченъ ея красотой, а онъ такъ „уязвился къ ней страстію неиздѣльною, что мало не изгубе“.

Тогда эта красавица, какъ женщина уже опытная и не разъ видѣвшая предъ собою влюбленныхъ, замѣтила томленія друга своего покойнаго мужа и безъ ошибки разгадала, какого они свойства. Она признала за лучшее вывести дѣло на чистоту и потомъ оказать этому человѣку помощь.

— Друзе! сказала она ему,—я вижу, что ты самъ не въ себѣ, когда говоришь со мною. Не должна ли я изъ этого заключить, что ты вѣрно имѣешь ко мнѣ что-нибудь особенное, но стѣсняешься сказать это. Прошу тебя не продолжай далѣе такого для тебя вреднаго, да и для меня безпокойнаго состоянія, потому что я не хочу видѣть тебя страдающимъ. Скажи мнѣ, что тебѣ отъ меня надобно, и будь увѣренъ, что я сдѣлаю все къ лучшему, и надъ словомъ твоимъ не посмѣюся.

Онъ же, услыжавъ такое поощреніе, очень обрадовался и съ откровенностію ей сказалъ, что плѣненъ ея красотой, почитаетъ извѣстныя ему ея душевныя качества и желаетъ взять ее себѣ въ жены.

Разсудительная вдова поблагодарила его за уваженіе, но отвѣчала ему, что, испытавъ радости брака съ мужемъ любимымъ, она уже не желаетъ второй разъ испытывать того же самаго съ другимъ человѣкомъ, ибо думаетъ, что лучшее время жизни уже не повторится, а худшее родитъ только сожалѣнія о прежнемъ и не составитъ ни для той, ни для другой стороны счастья. А потому она предпочитаетъ не вступать въ новый союзъ ни съ кѣмъ, а будетъ жить для дѣтей и для общественныхъ заботъ, которыя всегда достойны вниманія и поглощаютъ досугъ съ

пользой для ближняго. Молодому же человѣку она указывала на молодыхъ, только дошедшихъ до брачнаго возраста дѣвушекъ, съ которыми и совѣтовала ему вступить въ бракъ, ибо съ такою онъ можетъ жить въ любви, свободной отъ воспоминаній о прошломъ.

Но молодой человѣкъ „только уязвился любовью ко вдовицѣ, иже вся вины ни за что вмѣняя“, — онъ не слушалъ никакихъ доводовъ и указаній на дѣвушекъ, а нетерпѣливо „припадалъ ко вдовѣ и молилъ ее быть его женой“, причемъ онъ „люте настаивать“, былъ унылъ и „ко гробу склонися, ходилъ неистовъ яко бы бѣсенъ“.

Такая докучная неотвязчивость и непріятное приставаніе нестерпимо надоѣло вдовицѣ, которая разсуждала такъ, что не можетъ же она „ради влеченія его исполнить все, елико онъ хочетъ“!.. И тогда, чтобы покончить съ нимъ, она ему сказала:

— Чтѣ ты терзаешь себя и меня? долго ли это еще будетъ?

Онъ же отвѣчалъ ей, — такъ будетъ до вѣку, пока я или ты живемъ на свѣтѣ, потому что душа моя и сердце все стремится къ тебѣ, и ты напрасно говоришь мнѣ о юныхъ дѣвахъ. Я ихъ вины не вижу и онѣ чужды желаніямъ моего сердца, а по тебѣ настаиваютъ всѣ силы моего тѣла и мозгъ костей моихъ сворачивается. Исцѣли меня, уязвленного твоею красотой: стань женой моею, или я иначе умру.

— Горе мнѣ съ тобою! отвѣчала вдова, и замысливъ нѣчто въ умѣ своемъ сказала:— да не обманываешься ли еще ты, будто такъ меня любишь, что и жить не можешь? Неужели въ самомъ дѣлѣ для счастья твоего нѣтъ ничего драгоценнѣе моей взаимности?

Кунецъ клялся въ этомъ, а она ему отвѣчала какъ бы въ недобрѣи.

— Остановись клясться предо мною, такъ какъ я уже не дѣвица и страстными мужскимъ словамъ не доврѣяю. Всѣ вы таковы, что когда плѣняетесь женщиной, то становитесь безразсудны, и въ ту пору уста у васъ черезъ мѣру полны восхищеній, но послѣ бываетъ иное. Я потребую отъ тебя доказательствъ, что для твоего счастья всего потребнѣе обладаніе мною, и ничто иное тебя привлечь къ себѣ не можетъ.

Кунецъ съ радостію воскликнулъ:

— „О, я вельми готовъ, и аще мнѣ міръ весь предложить—не взгляну на него, а къ тебѣ устремлюся.“

Вдова улыбунулась и отвѣчала:

— Миръ весь не нашъ, а Божій, и такой великой области для искушенія твоего предложить не имѣю, но нѣчто меньшее тебѣ поставлю, и увидимъ: не устремившись ли къ тому, а меня отринешь.

— Никогда этого не случится! воскликнулъ влюбленный.

— Иди же сейчасъ отсюда домой, затворишь въ своей верхней комнатѣ и никого ни съ чѣмъ къ себѣ не пускай, пока я пришлю за тобой. Обѣщаешь ли мнѣ это исполнить?

— О, конечно, исполню.

— Хорошо, и если потомъ твое стремленіе будетъ все то же, то я даю тебѣ слово, что оставлю память объ умершемъ мужѣ и отдамъ себя въ твое угожденіе. Теперь, съ этой минуты, все, чему быть, отъ тебя самого зависить.

Купецъ побѣжалъ домой весело, потому что почиталъ свое дѣло выиграннымъ. Онъ вошелъ въ домъ свой и веселою рукою затворилъ у себя въ верхней горницѣ, а ключъ выбросилъ въ окно и велѣлъ отнести его вдовѣ въ доказательство, что онъ свой урокъ уже началъ. Вдова же приняла ключъ и все выслушала, но ничего новаго не сказала.

Купецъ пробылъ въ горницѣ день, провожая часы ожиданья въ любовныхъ мечтаніяхъ и ожидая въ чемъ будетъ дальше его испытаніе, но сутки прошли, а вдова ни о чемъ новомъ ему не сообщала. На другой день онъ опять думалъ о вдовѣ, но вспомнилъ также нѣсколько разъ и о своемъ желудкѣ, который былъ пустъ и требовалъ пищи, а на третій день голодъ сталъ такъ напоминать ему о себѣ, что купецъ не обращался въ сладкихъ мечтахъ ко вдовѣ, а гнѣвался на нее и все думалъ о пищѣ, а въ ночи не могъ спать, потому что и сонъ его наполнялся не видѣніями обольстительной вдовы, а видомъ и запахомъ явствъ. Утро же четвертаго дня купецъ встрѣтилъ въ мучительныхъ боляхъ желудка и послалъ преданнаго ему человѣка ко вдовѣ спросить: не забыла ли она о немъ? Вдова отвѣчала, что она не забыла.

— Но онъ умраеть! сказалъ ей посланецъ.

— Не пугай меня этимъ, отвѣчала вдова сквозь улыбку, -- до смерти еще далеко. Но не хочу томить его дольше. Пусть онъ теперь одѣвается въ гостинное платье, я за нимъ скоро пришлю и будетъ ему все, чего онъ пожелаетъ.

Въ предъобѣденный же часъ въ домъ купца пришла довѣ-

решая отъ вдовы и имѣя ключъ отъ его двери, открыла ее и сказала:

— Радуйся, господишъ! ты вполнѣ сдержалъ свое обѣщаніе, иди же теперь къ моеѣ госпожѣ: она тебя ожидаетъ и, со своей стороны, свое обѣщаніе сдержитъ.

Но кунецъ, одѣтый въ гостинное платье, смотрѣлъ на посланницу ввѣвшими глазами и уныло, слабымъ голосомъ, отвѣчалъ, что готовъ за ней слѣдовать. Онъ былъ такъ изнуренъ, что надо было позвать людей, которые взяли его подъ руки и помогли ему идти.

Вдова встрѣтила гости въ дверяхъ своего жилища. Она была во всемъ блескѣ своей красоты, ибо и она тоже смѣнила одежду вдовства и налѣла легкотканную одежду, державшуюся на ея плечахъ самоцѣбными стяжками и открывавшую шею и руки, съ которыхъ несло благоуханіе амбры.

Принявъ входившаго гостя подъ руки, вдова ввела его въ большую горницу, которая была раздѣлена на двое повѣшеннымъ на кольцахъ ковромъ. Въ одной половинѣ, ближайшей ко входу, былъ накрытъ столъ, уставленный прозрачными кувшинами съ искрометнымъ питьемъ и блюдами, изъ которыхъ одно было покрыто, а на другой половинѣ возвышалось пышное ложе съ двойнымъ изголовьемъ.

— Ты теперь господишъ въ моемъ домѣ, сказала вдова,—и я тебѣ повинуюсь. Вотъ здѣсь трапеза, здѣсь ложе. Избѣрай, что ты хочешь, я готова раздѣлить съ тобой то и другое.

Кунецъ же отвѣчалъ ей:

— Ахъ, помилуй меня,—„азъ вельми истощахъ, дай миѣ впередъ насытиться“, и онъ потянулся къ столу и возлегъ, озирая посуду.

— Мы пьемъ достаточно время, такъ какъ яства въ приѣхшии еще не поспѣли, сказала вдова.

— А это здѣсь что же покрыто на блюдѣ?

— Это ишено,—оно безвкусно, пока къ нему не поспѣтъ облива.

— Миѣ все теперь вкусно, воскликнулъ кунецъ, и открывъ блюдо, сталъ насыщаться ишеномъ, безъ облива, а вдова сказала ему:

— Вотъ ты теперь видишь: потреба потребѣ есть рознь: безъ одного жить человѣку нельзя, а безъ другаго жить можно, и съ

этимъ она велѣла подавать кушанья и опустила коверъ, который навсегда закрыть отъ купца ея ложе.

30) *Апрѣля 5.* Стремясь возвышаться надъ силой страстей, женщины Пролога представляютъ еще одинъ такой высокій характеръ, которому удачи и безмятежное счастье были даже въ тягость.

Одинъ изъ александрийскихъ отцовъ увидѣлъ разъ женщину, которая чрезвычайно усердно молилась, и притомъ горько плакала. Это его тронуло и онъ спросилъ молившуюся: какое у нея горе? Она же отвѣчала ему: „ахъ, я очень счастлива, и у меня нѣтъ никакого горя, но я живу среди людей и вижу много огорченныхъ, и теперь молю Бога, чтобъ Онъ отдѣлилъ на мою долю часть ихъ страданія, дабы я не пристрастилась къ здѣшней жизни“. Александрийскій отецъ подивился этой благоразумной женщиной, которая лучше многихъ знала въ чемъ заключается высшая опасность для человѣка.

Этимъ оканчивается группа женскихъ лицъ, которыя то удивляютъ мужчинъ высотой своихъ порывовъ, то исправляютъ ихъ, отвлекая отъ чувственной грубости, то прямо спасаютъ людей съ полнымъ самоотверженіемъ и потомъ безъ малѣйшаго ропота сами несутъ отверженіе, нищету и всевозможныя униженія. Въ такомъ санѣ превосходной чистоты мы насчитываемъ по Прологу *девять* женщинъ.

V.

Систематическая схема наша являетъ намъ теперь такую пропорцію: изъ 35 женщинъ, составляющихъ цѣлую треть лицъ, представляющихъ интересъ въ повѣствовательномъ родѣ, 17 не соблазнили мужчинъ, а пострадали отъ ихъ соблазновъ и насилій; 4 соблазнили—одна съ успѣхомъ, а три безъ успѣха, причемъ изъ нихъ безъ успѣха остались одна свѣтская дама изъ Александріи, одна гетера, нанятая знатными богачами, и одна припадочная болгарская дѣвченка. Успѣвала въ своихъ намѣреніяхъ только Марія изъ Египта, но и она, впрочемъ, держала себя, какъ простая „блудница“, какою она была до возвышеннаго поворота во второй половинѣ ея жизни. Девять же не только останавливали

мужчинъ отъ ихъ грубыхъ страстей, но даже научили ихъ обуздывать свою природу и жить для божіе возвышеннѣйшихъ цѣлей.

Въ дурномъ видѣ Прологъ представляетъ только *двухъ* женщинъ, изъ которыхъ одна обнаруживаетъ жестокое сердце, омраченное страстью къ мужчине, а исторія другой такъ мало понятна, что ее, слѣдуя опредѣленію Оеофана Прокоповича, очевидно, остается только отнести къ разряду „пустыхъ басенъ“.

31) *мартъ 19*. Молодая вдова по имени Марія, имѣя двухъ маленькихъ дѣтей, влюбилась въ одного „воинъ“ и захотѣла выйти за него замужъ. Воинъ же, хотя и былъ близокъ съ ней, но не хотѣлъ брать ее въ замужество. Онъ нагло выставлялъ на видъ свой эгоизмъ и отказывался тѣмъ, что не желаетъ „печися о дѣтихъ перваго мужа“. Тогда влюбленная Марія, подлѣвантїемъ страсти, заколола обоихъ дѣтей и послала вѣсть воинну, что у нея уже нѣтъ дѣтей“. Воинъ, когда получилъ эту „вѣсть“, тотчасъ же догадался въ чемъ дѣло и поправился на другой ладъ: онъ „покаялся не брать дѣтоубійцы“. Онъ остался правъ, а женщина погибла. Случай въ этомъ родѣ съ замѣчательнымъ тождествомъ мотивовъ и частныхъ повторяются въ изобилїи даже и до сего дня.

32) *мая 5*. Одна „постница“ тщательно берегла себя: она много постилась и молилась, и избѣгала всякаго сообщества мірскихъ людей, а держалась только съ клириками, но и тутъ по неосторожности сблизилась съ однимъ пѣвчимъ, который, по сказанїю, самъ не былъ ни въ чемъ повиненъ передъ ней, а она сама „растлилась и зачала“. Увидѣвъ такое серьезное и, какъ видно, нежеланное послѣдствїе отъ своего сблїженїя, постница опять обратилась къ Богу и начала пламенно молиться, „чтобы зачатое ею въ беззаконїи *родилось мертво*“, и это такъ и случилось.

Два эти сейчасъ приведенные случая (31 и 32) представляютъ самое худшее, что есть въ ряду всѣхъ исторїй съ женщинами, описанными въ прологѣ; но если и на эти два самые худшіе „прилога“ смотрѣть безпристрастно, что отъ критики безусловно требуется, то нельзя не видѣть, что обѣ здѣсь представленныя женщины тоже отнюдь не являютъ собою особеннаго коварства къ погубленїю мужчинъ, а напротивъ, онѣ по своему безразсудству и страстности губятъ только себя и своихъ дѣтей.

Слѣдуетъ также замѣтить и то, что у всѣхъ прологовыхъ женщинъ высшаго настроенія, при большой примитивности ихъ приемовъ, постоянно видна ясность въ ихъ цѣляхъ и отчетливость въ дѣйствіяхъ, чего нѣтъ въ описаніяхъ, изображающихъ мужчинъ, желавшихъ исправлять женщинъ. У женщинъ (кроме двухъ дѣтоубійць) *совсѣмъ нѣтъ грубости*, а у мужчинъ безъ нея ни какое дѣло не обходится.

33) Нѣкто Виталій изъ Капра послужилъ при кельѣ старца Спридона шестьдесятъ лѣтъ и ушелъ въ Александрію, потому что не захотѣлъ болѣе аскетической славы, а „нача жить на соблазнѣ“, то-есть юродовать. Самое соблазнительное въ юродствѣ этого старика, которому не могло быть менѣе какъ лѣтъ семьдесятъ, было то, что Виталій всякую ночь шелъ туда, гдѣ собирался блудницы. Опъ это затѣялъ, какъ прежде увидимъ, не съ дурною, а съ доброю цѣлью и это ему стоило не мало хлопотъ и трудовъ, ибо для такого рода жизни нужно было постоянно имѣть съ собою изрядныя деньги. Виталій и старался имѣть нужныя ему средства: онъ вставалъ рано утромъ, выходилъ на поденщину и цѣлый день работалъ, получая серебрянникъ за день, а пошавшись, тотчасъ же несъ этотъ серебрянникъ въ блудный домъ, занималъ себѣ за эту цѣну блудницу, и когда оставался съ нею наединѣ, то передавалъ ей серебрянникъ, говорилъ: „вотъ, дочь моя, я за эту монету цѣлый день проработалъ, а ты теперь возьми ее себѣ и цѣлую ночь за нее просни спокойно.“

Женщина, которой Виталій, такимъ образомъ, покушалъ возможность спокойно провести ночь, ложилась и спала, а Виталій становился тамъ же возлѣ нее, какъ возлѣ ребенка, и не смущаясь ни ея присутствіемъ, ни тѣмъ, что достигало до его слуха изъ-за утлыхъ перегородокъ и завѣсъ переполненнаго буйными гостями жилища, возносилъ въ молитвахъ за міръ духъ свой къ Богу, а утромъ оная поспѣвалъ на работу. И такъ юродливый Виталій дѣлалъ всякій день, причемъ онъ обыкновенно упрашивалъ бывшихъ съ нимъ женщинъ, чтобъ онѣ никому не рассказывали, какъ обыкновенно онъ съ ними обходится, а говорили бы, что онъ точно такой же, какъ и всѣ другіе, входяе въ ихъ жилище. Многія женщины такъ и говорили, и тайна Виталія долго оставалась неизвѣстною, но вдругъ одна изъ женщинъ рассказала, что она любитъ Виталія за то, что онъ, оставаясь съ нею, не беспокоитъ ее, а только молится во всю ночь. Другія же женщины оспаривали эту и говорили какъ хотѣлъ Виталій,

то-есть что онъ бывасть у нихъ за тѣмъ же самымъ, за чѣмъ и всѣ прочіе ихъ посѣщающіе мужчины.

Услыхавъ объ этомъ спорѣ Виталій и огорчился, что одна женщина выдала тайну его юродства,—тогда онъ „помолился и женщина избѣжалась“. Это отвѣчало дальнѣйшимъ цѣлымъ юродиваго Виталія, потому что слова „бѣшеной“ уже не пользовались ничѣмъ довѣріемъ, а онъ хотѣлъ, чтобъ о добродѣтели его не знали, а считали его грѣшникомъ.

Такъ цѣлая группа открыто промышленившихъ собою блудницъ оберегали тайну юродиваго, оказывавшаго имъ трогательное участіе.

34 и 35) Въ заключеніе видимъ сразу двухъ женщинъ: мать и дочь—въ ужасномъ положеніи. У одной матери было двое дѣтей, —сынъ и дочь. Сынъ не захотѣлъ работать для поддержанія жизни матери и сестры, а покинулъ ихъ и ушелъ въ монахи. Онъ постригся и сталъ жить въ монастырѣ очень строго. Старуха же осталась на рукахъ одинокой дочери, которая никакъ не могла честнымъ трудомъ заработать столько, чтобы прокормить и одѣть себя и старуху. „Отъ нищеты она поползнула и впаде въ напасть въ огражденіи баніѣмъ“ (то-есть на банномъ дворѣ) Въ странѣ той, гдѣ это было, женщинъ строго карали за распутство, и эту дѣвушку „взялъ князь“ и „по закону хотяше убить ю“. По строгости такого рѣшенія надо думать, что „напасть во огражденіи баніѣмъ“ заключалась въ какомъ-нибудь особенномъ безстыдномъ дѣяніи, за которое „по закону“ полагалось убивать для устрашенія другихъ. Такіе случаи бывали, но рассказывать о нихъ неудобно. Мать осужденной на смерть дѣвушки пришла къ князю и просила его не казнить ее дочь, потому что послѣ этого не будетъ кому напоить ее старуху водой. А если уже дочь за ее беззаконіе нельзя помиловать, то старуха умоляла князя, чтобы повелѣлъ и ее саму тоже убить одновременно вмѣстѣ съ дочерью. Князь спросилъ: „развѣ у тебя нѣтъ больше дѣтей?“

— У меня есть сынъ, отвѣчала старуха,—но онъ монахъ и не живеть съ нами.

— Пусть придетъ ко мнѣ этотъ монахъ и поговоритъ о сестрѣ, сказалъ князь.

Старуха отправила въ монастырь къ сыну, но она потрудила напрасно: монахъ не пошелъ къ князю говорить о сестрѣ, а сказалъ еще:

„— Вѣру ими ми мати, аще п тебѣ побіють съ нею—азъ п о томъ орудія не имамъ. Умрохъ бо міру.“

Старуха пересказала это князю, п князь помпловаль дочь старухи безъ разговора съ монахомъ.

Этими тридцатью пятью женскими лицами представлено полное обозрѣніе женскихъ типовъ Пролога, какъ древняго житійнаго источника, отреченнаго церковною критикой, но до сихъ поръ уважаемаго русскимъ старовѣріемъ. Держась самой сжатой краткости, мы имѣли цѣлью показать, что въ этомъ житійномъ сборникѣ женщины представлены отнюдь не такъ дурно, какъ это думаютъ п утверждаютъ люди, не потрудившіеся обозрѣвать подобныя сборники обстоятельно п безпристрастно. Если мы этого хоть мало достигли, то весьма тому радуемся, да не повторяется впередъ стародавняя ложь.

Николай Лѣсковъ.

МАХДИ СУДАНА И ЦАРСТВО ДЕРВИШЕЙ.

(Окончаніе.)

Въ началѣ нашего очерка мы старались въ возможно краткихъ общихъ чертахъ обрисовать почву, на которой могло легко развиться и возрасти каждое движеніе, направленное въ духѣ соотвѣтствующемъ фанатизму мусульманина, задѣтаго за живое; мы пытались также перечислить главнѣйшіе факторы, способствовавшіе увеличенію силы и престижа махди, какъ высшаго посетеля идеи дорогой для каждаго мусульманина. Теперь намъ остается остановиться нѣсколько подробнѣе на суланскомъ махди, представляющемъ самое яркое явленіе въ современномъ мусульманскомъ мірѣ.

Хотя и трудно установить болѣе или менѣе правильное отношеніе между махди Джербуба, стоящимъ во главѣ великаго союза сенуситовъ, и махди Судана, также отчасти выдвинутымъ сенуситами, тѣмъ не менѣе между ними есть нѣчто общее или, лучше сказать, одинъ дополняетъ другаго. Въ то время, какъ махди Джербуба не заявлялъ громко о своемъ божественномъ назначеніи, а между тѣмъ признается за посланника Божія милліонами мусульманъ, махди Судана провозгласилъ самъ о своей высокой миссіи и увлекъ за собой цѣлыя массы послѣдователей. Владыка Джербуба есть вождь Божіей рати, только въ будущемъ готовящійся выступить на борьбу съ невѣрными, тогда какъ махди Судана уже объявилъ во всеуслышаніе священную борьбу и началъ ее съ успѣхомъ, поразившимъ не одинъ

мусульманскій міръ. Такимъ образомъ, оба махди, хотя по духу своей пропаганды и по идеямъ, которыхъ они являются носителями и представляются совершенно еродными другъ другу, тѣмъ не менѣе глава сенусситовъ есть пока еще сила покоряющая, тогда какъ махди Судана—уже сила активная, отчасти изливающаяся въ своемъ проявленіи. У насъ нѣтъ данныхъ, чтобы судить о томъ, какъ отнесся владыка сенусситовъ къ появленію суданскаго пророка, но можно полагать, что во всякомъ случаѣ онъ не посмотрѣлъ на него, какъ на своего соперника и скорѣе сочувствовалъ его успѣхамъ, чѣмъ старался имъ помѣшать. Одно участіе сенусситовъ въ суданскомъ возстаніи указываетъ на благосклонное отношеніе къ этому послѣднему со стороны владыки Джербуба; безпрекословное повиновеніе сенуссита предписаніямъ и волѣ его духовнаго главы не позволило бы членамъ великаго союза принять какое-нибудь участіе въ движеніи, подобномъ суданскому возстанію, еслибы это послѣднее было неприятно для Джербуба. Строго говоря, владыка сенусситовъ могъ быть только доволенъ дѣяніями суданскаго махди, тѣмъ болѣе, что они сопровождалсь блестящими успѣхами и служили на пользу той же цѣли, которую преслѣдовали и сенусситы. Быть-можетъ суданскій лжепророкъ и былъ спленъ тою скрытою нравственною поддержкой, которую ему оказали сенусситы и ихъ великій духовный глава. Какъ бы то ни было, въ настоящее время интересы обохъ махди настолько переплетаются въ Центральной Африкѣ, что еслибы существовало между ними какое-нибудь соперничество, оно непременно должно было бы обнаружиться. Если мы припомнимъ изъ предыдущаго, что вліяніе и духовная власть махди Джербуба распространяются по всей Сѣверной Африкѣ до озера Цадъ и верховьевъ Конго въ обширномъ районѣ, занятомъ махдистами и царствомъ дервишей, то развѣ возможны были дальнѣйшіе успѣхи суданскаго махди въ сферѣ вліянія его соперника безо всякихъ признаковъ какой-нибудь борьбы. Быть-можетъ владыка Джербуба смотритъ на махди Судана, какъ на своего полководца или вассала, начавшаго безъ спроса сюзерена выгодное завоеваніе; блестящій успѣхъ покрываетъ все, сюзерену было бы даже невыгоднымъ при настоящемъ положеніи дѣлъ отказаться отъ нѣкоторой солидарности со своимъ вассаломъ. Съ другой стороны, быть-можетъ махди Судана, считая себя одного настоящимъ посланникомъ Божиимъ, находитъ полезнымъ признавать владыку Джербуба, какъ силу, которую ни въ какомъ случаѣ нельзя

презирать. Переходи теперь къ дѣятельности самого суданскаго махди, мы должны отмѣтить, что свѣдѣнія относительно ея страдают не только неполнотой, но и значительнымъ искаженіемъ фактовъ, такъ что намъ придется ограничиться лишь немногимъ болѣе или менѣе достовернымъ.

Махди Судана—сынъ простаго плотника, родомъ изъ Донголы, по имени Мохаммедъ-бейъ-Ахмедъ, выступилъ на арену громкой политической дѣятельности въ августѣ 1881 года, въ пору наибольшаго угнетенія Судана Египтянами. Будущій махди родился въ 1843 году и еще въ молодости отличался такими острыми способностями, что двѣнадцати лѣтъ, говорятъ, зналъ уже весь Коранъ; къ 25 годамъ своей жизни Мохаммедъ-бен-Ахмедъ окончилъ свое образованіе и поселился на островѣ Аба на верховьяхъ Нила, гдѣ и посвятилъ себя молитвѣ и созерцанію. Слава о молодомъ отшельникѣ и его подвижнической жизни распространилась быстро по всему Судану: пятнадцать лѣтъ прожилъ будущій махди въ одиночествѣ въ тѣсномъ подземельѣ, оплакивая постоянно паденіе ислама и всеобщую грѣховность человѣчества. Могущественное племя Баггара, жившее на берегахъ Нила, признало Мохаммеда-бен-Ахмеда святымъ, отмѣченнымъ перстомъ и дыханіемъ Аллаха; такимъ образомъ, еще за долго до своего объявленія въ качествѣ махди отшельникъ острова Аба игралъ роль пророка для окружающей страны. Рядъ обстоятельствъ, отчасти указанныхъ нами, приготавлилъ его къ роли еще болѣе обширной и высокой.

Немногіе изъ очевидцевъ, видѣвшихъ Мохаммеда-бейъ-Ахмеда, описываютъ его, какъ мужчину лѣтъ сорока, средняго роста и удивительной худобы, свидѣтельствующей объ его долгихъ подвижническихъ трудахъ. Цвѣтъ кожи его тѣла свѣтло-коричневый (*café au lait* французскихъ авторовъ): сложенъ онъ прекрасно; глубоко впадыя щеки его отмѣчены тремя продольными насѣчками (пророческою печатью въ глазахъ Суданцевъ), а большіе черные съ огненнымъ взляломъ глаза освѣщаютъ подвижническое лицо, окаймленное небольшою черною, какъ смоль, арабскою бородкой. Никогда не носитъ Мохаммедъ-бен-Ахмедъ особенно роскошныхъ одеждъ; простые турецкіе шаровары, длинная, бѣлая сорочка изъ бумажной матеріи, зеленый тюрбанъ на головѣ и деревянные сандалии на ногахъ—вотъ и весь костюмъ новаго халифа-повелителя правовѣрныхъ; это простое одѣяніе дополняется длинными четками, намотанными на шеѣ, состоящими изъ 99

зеренъ по числу свойствъ, приписываемыхъ Богу пелама и, наконецъ, обыкновеннымъ плащемъ, въ который иногда драпшируется вмѣстѣ съ головой Мохаммедъ-бенъ-Ахмедъ.

Существуютъ различныя версіи великаго событія—объявленія давно ожидаемымъ махди простаго отшельника изъ острова Аба: по однимъ разсказамъ, самъ Мохаммедъ-бенъ-Ахмедъ дошелъ въ своемъ уединѣніи до того сознанія, что онъ и есть давно обѣщанный мусульманскому міру махди, по другимъ версіямъ, его объявили великимъ пророкомъ его давнишніе друзья Баггара и сенусснты, для которыхъ отшельникъ Аба показался вполне подходящимъ для этой роли. Надо замѣтить, что еще съ конца шестидесятыхъ годовъ Мохаммедъ-бенъ-Ахмедъ вступилъ въ число членовъ могущественнаго религіознаго братства эль-Джилани, къ началу восьмидесятыхъ годовъ начавшаго сливаться съ еще болѣе могущественнымъ союзомъ сенусснтовъ. Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что оба эти ордена принимали самое дѣятельное участіе въ пропагандѣ и выдвиганіи отшельника Абы въ роли великаго махди. Необходимо также прибавить, что 1881 годъ или 1300 лѣтъ эгиры, по древнимъ мусульманскимъ преданіямъ, былъ назначенъ годомъ появленія махди и окончательнаго торжества пелама; для панисламистическихъ цѣлей сенусснтовъ, понявшихъ, какого козыря они могутъ имѣть въ Центральной Африкѣ, стонущей отъ тираніи Египтянъ, въ случаѣ, если они дадутъ мусульманскому міру изъ своихъ рукъ махди, было чрезвычайно важно воспользоваться древнимъ предсказаніемъ.

Подвижническая жизнь, слава Мохаммеда, какъ суроваго отшельника, его богословскія познанія, званіе шейха и факира, сорокалѣтній возрастъ (пророческій) и пророческіе знаки—все это располагало къ тому, чтобы признавать въ немъ настоящаго махди. Полковникъ Геннебертъ разсказываетъ такъ о провозглашеніи Мохаммеда-бенъ-Ахмеда въ роли великаго махди.

Племя Баггара—самые отчаянные работорговцы—болѣе другихъ Суданцевъ ненавидѣли египетское иго, особенно съ его администраторами изъ Европейцевъ, за то, что съ каждымъ годомъ ставились новыя стѣсненія дотошъ свободной торговли рабами; поэтому они въ свое время энергично поддерживали бунтъ работорговцевъ, поднятый Зеберомъ; въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, не видя пехода своему неопредѣленному положенію, они порѣшили покончить со властью хедива въ Суданѣ и стали во главѣ партіи націоналовъ или недовольныхъ, подобной

тѣмъ, который въ то время образовался во всемъ Египтѣ, и соединившись, произвели всеѣмъ извѣстный бунтъ Араби-наши. Есть данія думать, что и этотъ послѣдній точно также былъ выдвинутъ Баггарасами и сенуситами, какъ и Мохаммедъ-бен-Ахмедъ. Какъ бы то ни было, Баггарасы закупили много оружія и вооружили имъ цѣлую армію невольниковъ, призванныхъ для того, чтобы бороться съ тѣми, кто шель освободить этихъ послѣднихъ отъ тяжелаго ига рабства. Приготовивъ, такимъ образомъ, нѣкоторую матеріальную силу, могущую обезпечить первые шаги возстанія, Баггарасы обратились къ отшельнику на остр. Аба съ просьбой стать во главѣ этого движенія. После продолжительнаго совѣщанія, состоявшагося между Баггарасами и старѣйшими сенуситовъ, рѣшено было для большаго успѣха движенія объявить во главѣ его давно ожидаемаго махди и предложить титулъ его скромному отшельнику Аба. Когда прибыла депутация съ этимъ предложеніемъ къ Мохаммеду-бен-Ахмеду, святой отшельникъ стоялъ на молитвѣ и посланцы союза долго не рѣшались беспокоить его. Одинъ изъ посланцевъ, наконецъ, осмѣлился прервать молитву факира и, когда тотъ обернулся, началъ вести длинную рѣчь, прося Мохаммеда принять начальствованіе надъ арміей, собранною во имя Божіе на защиту родной страны; святой отшельникъ притворился непонимающимъ и просилъ повторить предложеніе, обратясь затѣмъ съ легкой улыбкой къ группѣ посланцевъ, Мохаммедъ долго молчалъ и, наконецъ, отвѣтилъ, что онъ давно уже отрѣшился отъ всего земнаго и долженъ, по повелѣнію свыше, жить вдаль отъ тревоженій міра, пока Аллахъ укажетъ ему назначеніе.

— Именно того и хочетъ Богъ, возразили посланцы.—Ты и есть тотъ человекъ, котораго Аллахъ избралъ между нами. Шейхъ-Сиди-эс-Сенусси имѣлъ откровеніе, въ которомъ на тебя было указано, какъ на великаго махди. Въ своемъ глубокомъ смиреніи ты и не подозревалъ, что Господь предназначилъ тебя къ роли своего великаго посланца.

Мохаммедъ долго не соглашался съ предложеніемъ баггарасовъ и только послѣ долгихъ просьбъ согласился посвятить себя великому дѣлу; онъ принялъ на себя начальствованіе надъ арміей Суданцевъ, хотя и находилъ себя недостойнымъ титула великаго махди; онъ обѣщался быть только хорошимъ мусульманномъ и, повидному, былъ вполнѣ искрененъ по крайней мѣрѣ въ тѣ роковыя для него минуты.

Скромный отшельник Мохаммедъ вышелъ изъ своего подземелья уже въ роли пророка, еще болѣе великаго чѣмъ Магометъ, въ званіи халифа правовѣрныхъ и въ качествѣ „Руки Всевышняго“, предназначенной для сокрушенія невѣрныхъ и доставленія торжества псламу. Доселѣ нищій и жившій подаваніями факиръ, онъ сталъ теперь обладателемъ всѣхъ богатствъ неба и земли, облеченнымъ безграничною властью и препоясаннымъ „секкиномъ“, великимъ мечемъ вѣры.

Первыми словами новоявленного пророка было восхваленіе имя божія—хамду лillah! воскликнулъ онъ, выходя изъ своего подземелья и встѣдъ затѣмъ, обратясь къ депутаціи Баггарасовъ, объявилъ священную борьбу за вѣру противъ враговъ пслама.

Никто, разумѣется, не могъ и думать, чтобъ изъ театральной сцены пвеституры новаго лже-пророка могло вырости грандіозное историческое событіе, перестраивающее судьбы Африки и грозящее потрясти весь мусульманскій міръ. Самъ Мохаммедъ всего менѣе могъ надѣяться на какой-нибудь успѣхъ, а потому такъ скромно намѣтилъ вначалѣ свою роль, какъ добраго правовѣрнаго и послѣдователя Корана. Еще менѣе могли видѣть что-нибудь серьезное въ событіи, совершившемся на островѣ Аба, ближайшіе чиновники и администраторы Египта. Это презрѣніе къ народившемуся врагу прежнихъ порядковъ въ Суданѣ погубило дѣло Египта въ этой странѣ и возвеличило съ первыхъ дней успѣхи новоявленного махди.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пвеституры новый махди разослалъ массу писемъ не только Баггарасамъ, но и разнымъ арабскимъ и нубійскимъ племенамъ, и даже египетскимъ чиновникамъ съ цѣлью пропагандированія своего появленія. Въ этихъ письмахъ говорилось, между прочимъ: „Господь призвалъ меня (Мохаммеда) на калифатъ и посадилъ меня, какъ давно ожидаемаго махди, на свой престолъ превыше князей и сильныхъ міра сего. Черезъ своихъ ангеловъ, пророковъ и джинновъ Господь поддержалъ меня и въ знакъ того поставилъ мнѣ пророческую печать. И Господь сказалъ, что кто мнѣ враждебенъ, тотъ безбожникъ, и кто поведетъ со мной войну, останется безъ утѣшенія и покинутымъ, и на землѣ, и на небесахъ...“

Получивъ одно изъ подобныхъ писемъ, генераль-губернаторъ Хартума Реуфъ-паша послалъ нѣкоего Абу-Сауда привезти факира живьемъ; разумѣется, это не удалось, потому что посланецъ

губернатора засталъ махди на тронѣ окруженными нѣсколькимистами дервишей, описанныхъ цѣпами и съ обнаженными мечами въ рукахъ. Тогда приказано было доставить Мохаммеда силой, для чего отраженъ былъ отрядъ въ триста египетскихъ солдатъ съ однимъ орудіемъ. Но и эта экспедиція кончилась ничѣмъ, потому что половина солдатъ была изрублена, а другіе бѣжали. Это была первая побѣда махди, очень подлившая духъ его приверженцевъ. Несмотря на это, Мохаммедъ, зная хорошо, что вѣлѣтъ за небольшимъ отрядомъ, придетъ большой, успѣшилъ отступить отъ Нила къ Теккелійскимъ горамъ вмѣстѣ со своими приверженцами. Около Фашоды былъ устроенъ первый укрѣпленный лагерь махди. Здѣсь его нѣсколько разъ атаковали Египтяне, но безуспѣшно. Махди нѣсколько разъ со своими Баггарасами и дервишами наносилъ кровавыя пораженія правительственнымъ войскамъ. Въ этихъ неудачахъ, зависѣвшихъ прямо отъ нераспорядительности египетскаго начальства, Египтяне потеряли болѣе четырехъ мѣсяцевъ, что дало время еще болѣе укрѣпиться махди, а на сѣверѣ — вспыхнуть бунту Араби-паши, заставившему отчасти занести дѣла въ Суданъ и отвлечь въ окрестности Каира всѣ свободныя египетскія войска. Губернаторъ Хартума долженъ былъ надѣяться лишь на свои собственные силы, крайне недостаточныя сравнительно съ тѣми массами, которыми къ концу 1881 года уже могъ располагать махди.

* * *

Успѣху первыхъ дѣйствій махди много содѣйствовали волненія, вспыхнувшія въ Дарфурѣ, Сенаарѣ, среди Роофовъ и Коаловъ на Голубомъ Нилѣ и среди Башариновъ у Бербера; всѣ эти волненія, отвлекавшія часть суданскихъ войскъ и отчасти не позволявшія генераль-губернатору Хартума дѣйствовать болѣе энергично, такъ же какъ и бунтъ Араби-паши, безъ сомнѣнія, были подготовлены тѣми, которымъ былъ дорогъ успѣхъ махди. Вѣлѣтъ затѣмъ послѣдовала отставка Реуфа-паши и назначеніе Абдъ-эль-Кадера генераль-губернаторомъ Судана: Баварецъ Гиглеръ-паша, бывший вице-губернаторомъ Хартума, временно исполнялъ обязанности главнаго начальника края. Въ надеждѣ до прибытія Абдъ-эль-Кадера сломить силу махди, Гиглеръ-паша сварилъ большую, хорошо вооруженную экспедицію противъ махди, подъ начальствомъ сенаарскаго губернатора

Юсуфа-паша, выдающегося работорговца. Не успѣла эта экспедиція выйти изъ Хартума, какъ часть нерегулярныхъ войскъ ея уже бѣжала и перешла на сторону махди. Все это происходило въ срединѣ марта 1882 года, а въ началѣ апрѣля часть скопищъ махди, предводительствуемая его родственникомъ Амръ-эль-Макашефомъ появилась предъ Сенааромъ. Самъ же махди попрежнему оставался въ своей укрѣпленной позиціи у Джебель-Гедра. Нашествіе на Сенааръ ошеломило Хартумъ, откуда невозможно было въ скоромъ времени подать помощь одной изъ лучшихъ провинцій Судана. Скоро городъ былъ разграбленъ дикими Баггарасами, и масса жителей была перебита, гарнизонъ же заперся въ цитадели. Одновременно съ этимъ возстаніе шилуковъ стало угрожать Дарфуру.

При такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ Гиглеръ-паша собралъ всѣ войска, бывшія подъ рукою и корпусъ башбузуконъ, и лично двинулся на освобожденіе Сенаара. Уже самая столица Судана Хартумъ стала ощущать безпокойство и проживавшіе тамъ Европейцы соединились вмѣстѣ для принятія мѣръ къ защитѣ, причемъ приспособили для обороны зданіе католической церкви. Весь Кордофанъ представлялъ уже такое броженіе, которое указывало на полное разстройство дѣлъ въ странѣ. Телеграфы были прерваны, но всѣмъ дорогамъ появились разбойничьи шайки; въ столицѣ провинціи Эль-Обейдѣ царствовала такая паника, что всѣ лавки были заперты и жители готовились къ смерти.

Гиглеръ-паша уже на пути къ Сенаару встрѣчалъ цѣлыя селенія, передавшіяся махди; въ нѣкоторыхъ деревняхъ солдаты наши встрѣчали оружіемъ, причемъ дрались ожесточенно даже дѣвушки, возбужденныя фанатизмомъ. Приходъ подкрѣпленій выручилъ Гиглеръ-пашу, положеніе котораго стало критическимъ. При помощи отряда шукуровъ, одѣтыхъ въ стальные брони и шлемы, паша сломилъ отчаянное сопротивленіе дервишей, стоявшихъ у Абу-Гарраса подъ предводительствомъ нѣкоего шерифа Магомета, называвшаго себя визиремъ великаго махди и препоясанаго его мечемъ. Двигаясь далѣе къ Сенаару, Гиглеръ-паша узналъ, что городъ этотъ уже освобожденъ отрядомъ шилуковъ, пробившихся черезъ мятежниковъ къ осажденной цитадели; пашѣ оставалось только довершить пораженіе махдистовъ и такимъ образомъ Сенаарская провинція на время была зампрена, еще до пріѣзда новаго суданскаго генераль-губер-

истора Абдъ-эль-Кадера, прибывшаго въ Хартумъ лишь въ маѣ 1882 года.

Война между прочимъ шла съ переменнымъ счастьемъ и Абдъ-эль-Кадеръ занялся сформированіемъ новыхъ войскъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, когда страшный погромъ отряда Юсуфа-паша, произведенный самимъ махди у Джебель-Гейра, перевернулъ все дальнѣйшіе планы Египтянъ. Кровавое дѣло было страшное; немногимъ удалось спастись. Велѣвъ зятѣмъ махди покинуть Текелійскія горы и возвѣстивъ о своемъ движеніи въ Кордофанъ, который обѣщали скоро завоевать, что и исполнилъ въ какіе-нибудь полгода. Въ началѣ сентября Мохаммедъ-бей-Ахмедъ съ сотысячною толпою прибылъ къ стѣнамъ Эль-Обейда—столицы Кордофана и на другой же день штурмовалъ его, но безуспѣшно; точно также отбиты были и два другіе приступа, причемъ махди потеряли до 15 тысячъ человѣкъ. Тогда приступлено было къ правильной осадѣ города, и въ январѣ 1883 года Эль-Обейдъ, побѣжденный голодомъ и болѣзнями, сдался махдистамъ, и Мохаммедъ-бей-Ахмедъ торжественно въѣхалъ въ городъ, ставшій отнынѣ одною изъ столицъ царства дервишей. Съ тѣхъ поръ уже весь Кордофанъ былъ потерянъ для Египтянъ и сталъ зерномъ обширной имперіи дервишей. Нельзя сказать, чтобъ Абдъ-эль-Кадеръ не дѣлалъ всѣхъ усилій, чтобы спасти отъ завоеванія Кордофанъ, но все попытки его кончались неудачами и полнымъ уничтоженіемъ Египтянъ. Въ концѣ ноября 1882 года генераль-губернаторъ Судана призналъ необходимымъ воздвигнуть укрѣпленія вокругъ самаго Хартума.

Къ концу того же года для Судана наступаетъ новая эра, такъ какъ велѣвъ за разгромомъ арміи Араби-паша подъ Тель-эль-Кебиромъ, Англія налагаетъ свою тяжелую руку на Египетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на Суданъ: отнынѣ борьбой съ махдистами начинаетъ руководить не хедивъ и его совѣтники, а англійскій министръ резидентъ въ Каирѣ и политики Сен.-Джемскаго кабинета. Уже въ декабрѣ въ Хартумъ прибываетъ англійскій полковникъ Стюартъ для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ Суданѣ. Генераль-губернаторъ Хартума между прочимъ постепенно продолжаетъ свое дѣло замиренія страны и ведетъ его успѣшно, особенно въ Сенаарѣ, который совершенно очищаетъ отъ мятежниковъ. Внезапная отставка Абдъ-эль-Кадера и замѣна его Алахомъ-эд-Дшомъ-пашой останавливаетъ успѣхи Египтянъ, по крайней мѣрѣ, въ областяхъ, еще не занятыхъ махдистами.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Абдъ-эль-Кадера командующимъ суданскими войсками назначенъ былъ англійскій полковникъ Гиксъ, человекъ рѣшительный и храбрый, но совершенно не знавшій страны и не хотѣвшій понять войскъ, которыми прибылъ командовать. Какъ Гиксъ-паша, такъ и его офицеры-Англичане, съ презрѣніемъ смотрѣли на бывалыя и храбрыя египетскія войска, и потому не могли заслужить ихъ расположенія. Небольшіе частныя усилія, одержанные Гиксъ-пашой и сильно раздутые англійскими газетами, дѣлали, повидному, совершенно погибшимъ дѣло возстанія, но такъ казалось только Англичанамъ, а мятежъ продолжалъ разгораться. Гиксъ-паша рѣшился завоевать снова Кардофанъ и вырвать Эль-Обецъ изъ рукъ махди; съ этою цѣлью и состоялся печальной памяти знаменитый Кардофанскій походъ, вопреки мнѣнію лорда Дюфферина, совѣтовавшаго предоставить собственной участи какъ Кардофанъ, такъ и Дарфуръ. Между тѣмъ подметныя письма махди получались уже въ самомъ Хартумѣ.

Послѣ долгихъ приготовленій, прічемъ особенное вниманіе было обращено на снабженіе арміи продуктами и водой, вначалѣ сентября 1883 года Гиксъ-паша выступилъ въ походъ съ десяти-тысячною арміей, хорошо вооруженною и снабженною пушками, скорострѣлками и митральезами; штабомъ этой арміи завѣдывали англійскіе офицеры. Походъ былъ очень труденъ, люди и животныя падали отъ зноя и недостатка въ водѣ; при движеніи впередъ не устанавливаемо было никакой связи съ тыломъ, сообщеніе это быстро прерывалось махдистами, двгавшимися велѣдъ за арміей, и въ то время, какъ развѣдчики лжепророка сообщали ему о каждомъ шагѣ Гикса-паши, этотъ послѣдній бродилъ словно въ туманѣ, потому что всеобщая къ нему ненависть не позволяла организовать вѣрныхъ развѣдчиковъ. Проводники и развѣдчики обманывали и постоянно путали Гиксъ-пашу, къ тому же еще раздѣлявшаго свою армію на двѣ части, изъ которыхъ вторая была предоставлена Аллаху-эд-Дину, съ коимъ Гиксъ-паша былъ въ ссорѣ; отряды пошли различными дорогами. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ заботы Гикса-паши объ обезпеченіи усилія этого похода, армія его шла на вѣрное пораженіе. Перваго ноября Гиксъ былъ заведенъ измѣнникомъ проводникомъ въ скалистое, покрытое лѣсомъ, ущелье Кашгиль и здѣсь атакованъ стотысячною арміей махди. Сраженіе продолжалось трое сутокъ, Египтяне отбивались въ стройныхъ каре отъ бѣшеныхъ атакъ Суданцевъ, которые падали тысячамъ, но въ

конецъ концовъ недостатокъ снаряговъ заставилъ регулярныя войска перейти на руковоинный бой, и тогда перевѣсъ перешелъ на сторону дикой и фанатичной толпы. Сраженіе кончилось полнымъ разгромомъ египетской арміи; измученные трехдневнымъ боемъ, страшнымъ зноемъ и жаждой египетскіе солдаты сражались однако отчаянно и почти все были зарублены вмѣстѣ съ Гиксомъ, Аллахъ-ад-Диномъ, англійскими офицерами и всеми боями и пашами; кровопролитіе было страшное, почти не осталось вѣтника пораженія; ошвыбенные кровью Суданцы рѣзали обезяненныхъ солдатъ ножами и крошили ихъ на куски. А когда на ужасномъ полѣ сраженія смолкли стоны и вопли побѣжденныхъ и раздалась дикіе, подобныя реву зѣбры, клики побѣды, великій махидъ взошелъ на кучу вражескихъ труповъ и, поднявъ руки къ небу, прокричалъ трижды—хамду иллахи!!!

Послѣ этого ужаснаго сраженія, Суданъ былъ уже потерянъ для Египта и судьба Хартума рѣшена. Его не могли спасти даже Англичане, шедшіе на помощь Гиксъ-пашѣ. Они нещитали на себя силу махидетовъ векорѣ послѣ разгрома египетской арміи подъ Кангилемъ или Хасгатомъ, и вѣнокъ Мохаммеда-бэн-Ахмеда украсился новыми лаврами побѣды.

Несчастія не приходятъ одни, и не прошло нѣсколькихъ дней послѣ Кангильской катастрофы, какъ новыя неудачи постигли Англичанъ: отрядъ Гикса, отправившійся въ Суданъ черезъ Хартумъ, имѣлъ своею базой линію Суакимъ-Верберъ-Хартумъ; по этой линіи онъ двигался чрезъ пустыню къ берегамъ Нила, отсюда же подходили подкрѣпенія и боевыя привасы, подводимыя пароходами въ Суакимъ. Эту-то линію операцій суданскіе мятежники перерѣзали тотчасъ за Кангильскою катастрофой; сперва въ Токарскомъ ущельѣ былъ уничтоженъ горцами небольшой отрядъ капитана Монкрифа, шедшій на подкрѣпленіе арміи Гикса-пашы; нѣсколько позже, въ началѣ 1884 года, махидетами былъ уничтоженъ отрядъ Беккера-пашы, вѣстунившій изъ Суакима для освобожденія города Синката. Побѣдителямъ достался весь лагерь, оружіе и масса скорострѣлокъ, а вѣдѣвъ затѣмъ и самый Синкатъ, послѣ отчаянной защиты; весь гарнизонъ былъ перерѣзанъ, комендантъ крѣпости палъ съ оружіемъ въ рукахъ, послѣ того, какъ заклепалъ все орудія и взорвалъ на воздухъ укрѣпленія и форты. За паденіемъ Синката долго не могъ удержаться и Токаръ, гарнизонъ котораго положили оружіе предъ войсками махиди.

Во всѣхъ дѣлахъ, происходившихъ на линіи Суакима, въ качествѣ командующаго войсками же-пророка, главную роль игралъ Османъ-дигма—родственникъ махди, выдвигающійся отнынѣ въ качествѣ правой руки Мохаммеда-беп-Ахмеда. Будучи въ числѣ разорившихся работорговцевъ, онъ отъ души ненавидѣлъ Европейцевъ, какъ главныхъ виновниковъ этого разоренія. Принужденный, вслѣдствіе гоненія, воздвигнутаго европейскими администраторами на работорговлю, заняться мелкою торговлей, онъ одинъ изъ первыхъ примкнулъ къ махди и былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ помощниковъ въ сраженіяхъ подъ Теккелійскими горами и во время похода махдистовъ въ Кардофанъ. Посланный отсюда съ письмами пророка въ Суакимъ, Токаръ и Спикать, для возбужденія возстанія среди полудикихъ племенъ, жившихъ между берегомъ моря, горами Габеша и долиной Нпла, Османъ-дигма прекрасно выполнилъ свою роль. Собравъ толпу фанатиковъ, онъ прямо приступилъ къ военнымъ дѣйствіямъ, и въ этомъ, какъ мы видѣли, былъ счастливъ не менѣе, чѣмъ въ возбужденіи бунта.

Успѣхи, достигнутые Османъ-дигмой около Суакима, настолько встревожили Англичанъ, что командующій оккупационнымъ корпусомъ, генераль Стефенсонъ, приказалъ сосредоточить отрядъ въ нѣсколько тысячъ человекъ и парализовать успѣхи родственника махди. Главную силу отряда составляли Англичане, къ которымъ было присоединено нѣсколько батальоновъ египетскихъ войскъ. Отряду этому удалось нанести серьезныя потери махдистамъ и отнять у нихъ Токаръ. Генераль Грагамъ обратился тогда къ Османъ-дигмѣ съ требованіемъ покорности, но этотъ отвѣчалъ рѣшеніемъ „наняться крови Турокъ и всѣхъ тѣхъ, кто оказываетъ имъ поддержку“. Англичане рѣшились тогда атаковать махдистовъ въ ихъ укрѣпленномъ лагерѣ у Таманіа. Послѣ ожесточеннаго боя, Османъ-дигма отступилъ, но Англичане напрасно описываютъ это сраженіе, какъ блистательную побѣду; во время боя, какъ оказалось послѣдствіемъ, одно время были сняты англійскіе каре и махдисты едва не овладѣли артиллеріей. Въ общемъ Англичане не достигли никакого успѣха, такъ какъ спрятались снова въ Суакимъ, а Османъ-дигма занялъ прежнюю позицію, съ которой попрежнему сталъ угрожать Суакиму. Такимъ образомъ, началась осада Суакима, которая не окончилась до сего дня; Англичане, при помощи своихъ дальпобойныхъ орудій и броненосцевъ, до сихъ поръ отстаиваютъ

эту важную гавань Краснаго Моря, а махисты держать его въ тѣсной блокадѣ, не будучи въ состояніи овладѣть полуостровною крѣпостью, поддерживаемую англійскими броненосцами.

Важность Суакима не исчерпывается только тѣмъ, что онъ служитъ главною гаванью всего Красноморскаго побережья и единственнымъ морскимъ портомъ для Судана, въ которомъ сходится дороги, ведущія изъ середины Африки: „капитальное значеніе Суакима для политическаго могущества, говоритъ Реклю, вполнѣ оцѣнено воюющими сторонами, кровопролитныя дѣла, имѣвшія мѣсто въ его окрестностяхъ, доказываютъ то, какъ важно было бы мусульманскому міру установить свободныя сообщенія съ Меккой, духовною столицей ислама, и Африкой, самую обширную его провинцію, населенную самыми пылкими и ревностными его послѣдователями“. Суданъ и Аравія составляютъ два огнедышащія вулкана, которые еще долго будутъ извергать огонь и лаву фанатизма, и Суакимъ, вмѣстѣ съ Джебдой, составляетъ сообщающійся каналъ между ними, пока еще запертый Англичанами. Припомнимъ, что въ самой Меккѣ еще въ 1882 году ожидали появленія не суданскаго, а собственнаго арабійскаго махди, и турецкая полиція сбѣла всѣ погн. ожидая и отыскивая его. Османъ-дигма, не хуже чѣмъ Англичане, оцѣнивая важность Суакима для дальнѣйшей судьбы возстанія, продолжаетъ упорно блокировать этотъ портъ до сего дня, пренебрегая другими, болѣе блестящими, лаврами.

Какъ подобное упорство Османа-дигмы, такъ и всѣ движенія махди, изобличающія его недюжинныя военныя дарованія и умѣніе пользоваться случаемъ, показываютъ, что возстаніе находится въ умѣлыхъ рукахъ и потому является съ каждымъ годомъ серьезнѣе, чѣмъ того можно было ожидать по началу. Своевременное отступленіе махди къ Теккелійскимъ горамъ, разгромъ Египтянъ по частямъ, побѣдоносный походъ въ Кордофанъ, заплата, приготовленная для арміи Гикса-паша и, наконецъ, движеніе на Хартумъ, вполнѣ подготовленное и обдуманное,—все это дѣлаетъ честь военной тактикѣ отшельника изъ Аба и его сотоварищей. Пораженные усѣхами махдистовъ, какъ англійскіе военачальники, такъ и европейская печать, жадно слѣдившая за суданскими событіями, отыскивала повсюду руку европейскихъ авантюристовъ, будто бы руководившихъ предпріятіями Мохаммеда-бен-Ахмеда, но, какъ показали послѣдствія, въ арміи дервишей не было ни европейскихъ инструкторовъ, ни какихъ

другихъ руководителей, кромѣ монаховъ Деркау. Напрасно Англичане подозрѣвали несчастнаго Оливье Пэна, разстрѣленнаго ими впоследствии, въ руководительство дѣйствіями махди, напрасно искали у этого послѣдняго и другихъ помощниковъ изъ Европейцевъ; если они и были въ арміи махди, то не играли тамъ важной роли и всѣ выдающіяся дѣянія махдистовъ выполнены по планамъ и соображеніямъ самого великаго махди.

Послѣ разгрома арміи Гиксъ-паши и отрядовъ, шедшихъ ему на помощь, надобно было думать уже не столько о завоеваніи Судана, сколько о спасеніи Хартума, отрѣзаннаго отъ моря и южныхъ экваторіальныхъ провинцій Египта. Положеніе дѣлъ уже въ эту минуту признавалось настолько серіознымъ, что Англичанамъ, взявшимъ опеку надъ Египтомъ, нѣкоторые изъ дальновидныхъ ихъ государственныхъ людей совѣтовали не только предоставить собственной участи Суданъ, но и совершенно очистить страну фараоновъ. Маркизъ Салisbury, однако, нашелъ, что покинуть Египетъ въ такую минуту значитъ признать себя побѣжденнымъ въ глазахъ всего европейскаго и мусульманскаго міра. Надлежало спасти честь старой Англій, и для этого всѣми силами отстаивать Хартумъ. Для спасенія этого послѣдняго, однако, Англичане, всегда скупые на своихъ солдатъ, предпочли послать всего одного настоящаго воина и на него возложить тяжесть спасенія Хартума и заперія Судана; было рѣшено снова призвать знаменитаго Гордона, поставить его на защиту Хартума, а потомъ уже организовать и кое-какія военныя подкрѣпленія. На половину сдѣланное дѣло, разумѣется, не могло принести хорошихъ плодовъ, и дальнѣйшія неудачи въ Суданѣ надо приписать на половину нерѣшительнымъ и вялымъ распоряженіямъ кабинета Гладстона.

Кромѣ Хартума въ египетскомъ Суданѣ, уже совершенно охваченномъ огнемъ возстанія, которое повсюду возбудили эмиссары махди, находилось не менѣе одиннадцати пунктовъ въ одномъ бассейнѣ Верхняго Нила, занятыхъ еще египетскими войсками и заключавшихъ много Европейцевъ и другихъ христіанъ, запертыхъ войсками махдистовъ между Абиссиніей, Ниломъ, болотами междурѣчья и Красноморскими пустынями, отрѣзанныхъ отрядами Османа-дигмы отъ остальнаго Египта. Въ числѣ этихъ пунктовъ, отчасти уже осаждавшихся махдистами, находились Фашеръ, Гондако, Фалюда, Сеннааръ, Кассала, Токаръ, Сиккатъ, Берберъ и Донгола. Спасеніе ихъ гарнизоновъ и христіанскаго

населенія, и въ особенноти Европейцевъ, становилось честию Англій, и она должна была ихъ во что бы то ни стало спасти. Къ сожалѣнію, приготовленія къ ихъ спасенію велись крайне медленно, тогда какъ махдисты не спали и все тѣснѣе сжимали свое кольцо, стягивавшее весь Суданъ. Между тѣмъ, вслѣдъ за рѣшеніемъ Англичанъ очистить Суданъ, гарнизоны и христіане перечисленныхъ городовъ были обречены на вѣрную смерть. Многіе изъ египетскихъ министровъ не хотѣли допустить самой мысли расчлененія Египта и тайнѣ надѣялись, что Англичане въ концѣ-концовъ возьмутся за очищеніе Судана; поговаривали даже о содѣйствіи имъ со стороны Италіи, въ это время только начинавшей запутываться въ африканскія дѣла. Англійская пресса тоже до известной степени пропагандировала новое завоеваніе Судана, указывая на тѣ опасности, которымъ подвергается Индійская имперія, если возстаніе махди не будетъ уничтожено въ самомъ своемъ корнѣ, а также на то, что стыдно гордымъ Бриттамъ уступать поле битвы предъ торговцами рабобъ. Указывалось, между прочимъ, и на обязанность Англій сохранить Суданъ для европейской цивилизаціи, уничтожить въ корнѣ торговлю рабами и открыть новые рынки для англійской торговли. Пробовали возбудить интересъ къ Судану среди своихъ соотечественниковъ указаніемъ на Францію, будто бы готовящуюся чрезъ Конго колонизовать экваторіальныя провинціи Египта.

Подъ давленіемъ всего этого, Англичанами была сдѣлана новая неудачная попытка поправить дѣла въ Суданѣ даже послѣ того, какъ рѣшено было его полное очищеніе. Гордонъ, только что собиравшійся въ Конго, куда его Бельгійскій король назначалъ генераль-губернаторомъ, долженъ былъ, по зову своего отечества, снѣшиться въ Египетъ, чтобы въ Хартумѣ исправлять многочисленныя ошибки своихъ предшественниковъ и замѣстителей на генераль-губернаторскомъ посту, покинутомъ съ 1880 г. При отравленіи своемъ изъ Англій, Гордонъ получилъ *carte blanche* для своихъ будущихъ дѣйствій, съ тѣмъ только, чтобъ онъ не вызывалъ никакой военной демонстраціи со стороны Англій; онъ долженъ былъ только совершенно отрѣзать Суданъ отъ Египта и отдѣлнить этотъ послѣдній отъ лавины, которая увлекала его къ дальнѣйшему паденію. Фирманъ хедява, назначавшій его генераль-губернаторомъ Судана, также указывалъ, какъ на главнѣйшую его задачу, очищеніе страны и обезпе-

ченіе возвращенія войскъ, чиновниковъ и всѣхъ тѣхъ изъ обитателей, которые не пожелаютъ оставаться въ странѣ, занятой бунтовщиками; это очищеніе Судана, однако, относилось только къ Кордофану и Дарфуру и не должно было касаться даже областей Верхняго Нила. Изъ этого видно, какъ неоднаково смотрѣли на миссію Гордона, и неизвѣстно даже, чего собственно хотѣли отъ него правительства Англій и хедива.

Не легкокъ былъ путь Гордона въ Хартумъ, уже отрѣзанный мятежниками со стороны Суакима; изъ Короско ему выѣсть съ его адъютантомъ Стюартомъ пришлось идти черезъ пустыню на верблюдахъ до самаго Бербера. Въ Хартумъ новый генералъ-губернаторъ былъ пріветствуемъ съ большимъ восторгомъ, какъ освободитель города, потому что съ прибытіемъ его возвращались многія доселѣ затеряныя надежды, которыхъ недавно погибшіи Аллахъ эд-Динъ съ его нерѣшительностью не могъ поддержать. Тотчасъ по прибытіи въ Хартумъ Гордона началась его изумительная дѣятельность. Онъ началъ съ того, что уволилъ англійскаго полковника, бывшаго до него комендантомъ Хартума, и далъ свободу многимъ узникамъ, заключеннымъ безъ особыхъ уважительныхъ причинъ въ тюрьмы предшественниками Гордона; это одно уже увеличило еще болѣе популярность новаго начальника края. Съ ранняго утра до поздняго вечера работалъ Гордонъ; онъ держалъ себя доступнымъ для всѣхъ, постоянно былъ на глазахъ у народа, причѣмъ каждый могъ обращаться къ нему; онъ учредилъ совѣтъ старѣйшинъ, самъ отправлялъ правосудіе, уничтожилъ многія пошлины и сборы, и развѣсилъ по городу ящики, въ которые каждый Суданецъ могъ опускать свои жалобы. Довѣривъ защиту Хартума суданскимъ баталіонамъ, Гордонъ перевелъ египетскія войска въ Омдурманъ на лѣвый берегъ Нила и самъ поддерживалъ падающій духъ солдатъ. Для успокоенія умовъ Суданцевъ, онъ издалъ и тотъ странный декретъ, который противорѣчилъ его личному убѣжденію и его прошедшей славной дѣятельности, декретъ, поразившій всю Европу и особенно ея филантроповъ, думавшихъ, что все уже покончено съ рабствомъ. Декретъ этотъ объявлялъ Суданъ отнынѣ самостоятельнымъ и признавалъ въ немъ снова рабство, уничтоженное еще недавно фирманомъ хедива отъ Ассуана до страны Великихъ Озеръ. Напрасно въ Европѣ обвиняли Гордона за этотъ декретъ, будто бы возстановлявшій официально торговлю рабами; онъ не говорилъ объ этомъ, но только позволялъ

каждому имѣть для своихъ надобностей слугу, хотя и купленнаго на рынкѣ, то-есть дозволять то, что практиковалось во всей Африкѣ съ незапамятныхъ временъ и составляетъ въ ней крайнюю необходимость; подобнаго рабства никогда не могли уничтожить никакіе декреты хедива и платоническія скорби филантроповъ. Странно было бы, не зная всѣхъ обстоятельствъ дѣла, обвинять честнаго и безкорытнаго Гордона съ безупречнымъ именемъ и доказавшаго смертью свои рыцарскіе взгляды на жизнь, въ томъ, что будто бы онъ изъ личныхъ цѣлей издалъ декретъ, возстановляющій до извѣстной степени рабство. Не говоря уже о томъ, что декретомъ Гордонъ признавалъ *de jure* лишь то, что *de facto* существовало даже при полномъ официальному на него гоненіи, мы видимъ въ этомъ поступкѣ генералъ-губернатора лишь актъ, дѣлающій честь его административному уму. Посланный управлять провинціей огромною, бунтующеюя отчасти вслѣдствіе запрещенія рабства, обязанный спасать до пятидесяти тысячъ жизней, довѣренныхъ ему и не имѣющій на то никакихъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя заключались въ обаяніи его личности, Гордонъ могъ вполне добросовѣстно рѣшиться на это. Обстоятельства показали, насколько въ данномъ случаѣ Гордонъ былъ правъ: одинъ этотъ декретъ увеличилъ его престижъ до колоссальныхъ размѣровъ и вернулъ симпатію тѣхъ, кто доселѣ косялся на него; гуманность же, правосудіе и безкорыстіе Гордона сдѣлали то, что даже самыя дикія суданскія племена называли его отцомъ, султаномъ и спасителемъ Кордофана: между тѣмъ скажемъ къ случаю, только Гордонъ призналъ Мохаммеда-бен-Ахмеда въ качествѣ эмира Кордофана.

Обширный, но увлекающійся умъ Гордона былъ нечуждъ странностей. Въ числѣ этихъ послѣднихъ указываютъ на желаніе его вызвать махди на личное свиданіе и для переговоровъ о судьбахъ Судана; Гордонъ надѣялся подѣлить этотъ послѣдній полюбовно съ махди, уже увѣнчаннымъ лаврами побѣдъ и не знающимъ себя преградъ. Вслѣдъ затѣмъ Гордонъ просилъ у хедива тысячъ три войскъ, будто бы достаточныхъ для подавленія возстанія; когда и въ этомъ ему было отказано, онъ предложилъ новый не менѣе страшный планъ—вызвать извѣстнаго работорговца Зебера, нѣкогда поднявшаго знаменитый бунтъ работорговцевъ и находившагося подъ наблюденіемъ въ Каирѣ. Гордонъ думалъ, назначивъ его губернаторомъ нѣкоторыхъ Суданскихъ провинцій, противопоставить вліяніе Зебера возрастающему

значенію махди. Разумѣется, и въ этомъ Гордону было отказано, несмотря на то, что безъ Зебера онъ не считалъ себя въ силахъ справиться съ возложенною на него задачей.

Не прошло и мѣсяца по прибытіи Гордона въ Хартумъ, какъ новый генераль-губернаторъ Судана уже считалъ невозможнымъ полное оппщеніе страны, на чемъ настаивали англійскій резидентъ, министерство Гладстона и самъ хедивъ. Гордонъ понималъ хорошо, что его выступленіе изъ Хартума послужитъ сигналомъ къ общему возстанію, горючій матеріалъ котораго сдерживается лишь присутствіемъ египетской власти и остатка войскъ. При быстро вспыхнувшемъ возстаніи, полагалъ справедливо Гордонъ, невозможно будетъ не только спасти запасовъ и складовъ, сложенныхъ въ Хартумѣ, Кассалѣ и Донголѣ, но даже и самыхъ войскъ. Онъ рѣшилъ поэтому пока остаться въ Хартумѣ, принося себя въ жертву общему дѣлу, которое онъ еще надѣялся поправить и спасти. Для большей опоры онъ просилъ прислать ему въ Хартумъ хотя сотни двѣ, три Англичанъ, лишь для того, чтобы показать, что онъ не лишень европейской поддержки, но и въ этомъ ему было отказано. Въ отчаяніи Гордонъ думалъ однажды отступить въ провинцію Бахрѣ-эль-Хазаль и держаться тамъ, отдавъ себя и эту часть Судана подъ покровительство Бельгійскаго короля. Но что ни придумывалъ Гордонъ, ни малѣйшей помощи ему ждать не приходилось ни откуда; очевидно, онъ былъ заброшенъ въ глубь Судана въ качествѣ англійскаго генераль-губернатора, но безъ малѣйшей поддержки Англии, на этотъ разъ предоставлявшей гибели одного изъ благороднѣйшихъ и безкорыстнѣйшихъ своихъ сыновъ. Изъ многочисленныхъ телеграммъ, обмѣненныхъ имъ съ англійскимъ правительствомъ, онъ понималъ, что Англія и сама не знаетъ, какъ поступить ей съ Суданомъ, представившимъ много колючекъ для того, чтобы проглотить его такъ легко, какъ Египетъ послѣ бунта Араби-паши.

Покинутый совершенно всѣми, даже тѣми, кто заманилъ его въ эту западню, Гордонъ рѣшился скорѣе умереть на своемъ посту, чѣмъ бѣжать и погубить тысячи надѣявшихся на него. Прежде всего онъ приступилъ къ укрѣпленію Хартума и стягиванію остатковъ войскъ, разбѣянныхъ мелкими партіями въ Суданѣ и сдѣлавъ нѣсколько небольшихъ счастливыхъ экскурсій около Хартума. Махдисты между тѣмъ мало-по-малу становились смѣлѣе и поддерживаемые всеобщимъ возстаніемъ, разли-

шимей уже по всей странѣ, становились все смѣльче и смѣльче и стали, наконецъ, появляться подъ стѣнами Хартума. Скоро окрестности столицы Судана стали уже театромъ военныхъ дѣйствій, и городъ мало-по-мало оказался блокированнымъ полчищами махди.

Уже въ серединѣ марта 1884 г. дѣла Судана были такъ плохи, что Гордонъ понималъ хорошо, что для него впереди остается уже немного надежды. Вся страна была объята огнемъ возстанія; не только Суакимъ, но и Берберъ, и Фашода, и Кассала оказались осажденными бунтовщиками, махди отвергнувъ все мирныя предложенія, высказанныя со стороны Гордона, въ гарнизонѣ самого Хартума замѣтно было броженіе, но Англія попрежнему не хотѣла жертвовать ни однимъ солдатомъ для спасенія Судана. Въ апрѣлѣ Гордонъ писалъ сэръ-Бернгу отчаянное письмо, угрожая ему въ случаѣ, если попрежнему не будутъ посылать ему подкрѣпленія, покинуть Хартумъ, предоставить собственной судьбѣ гарнизона Судана и уйти за экваторъ; но это были только страшныя слова, на дѣлѣ Гордонъ никогда не поступилъ бы такимъ образомъ и уже давно рѣшился умереть на своемъ посту. Попрежнему онъ предпринималъ небольшія военныя экскурсіи изъ Хартума и разбивалъ мятежниковъ, гдѣ только могъ; пароходы Гордона безпрестанно крейсировали по Нилу и снабжали его съѣстными припасами. Но желѣзныя кольца, постепенно облагавшія Хартумъ, все болѣе и болѣе сжимались. Несмотря на частыя успѣхи, одержанныя Гордономъ и Мудиромъ Данголы надъ бунтовщиками и бомбардировку Шенди и Метамме пароходами Гордона, Берберъ палъ и весь гарнизонъ его былъ перерѣзанъ махдистами; въ октябрѣ 1884 г. самый Хартумъ уже тѣсно былъ блокированъ бунтовщиками, и полковникъ Стюартъ, отправившійся на пароходѣ по Нилу вмѣстѣ съ французскимъ консуломъ, потерпѣвъ крушеніе на порогахъ, были убиты туземцами. Хотя Гордонъ попрежнему поддерживалъ увѣренность въ томъ, что Хартумъ можетъ продержаться еще хотя четыре года, тѣмъ не менѣе уже въ декабрѣ онъ писалъ письмо, въ которомъ сообщалъ, что ждетъ черезъ нѣсколько дней катастрофы и посылалъ всею свой прощальный привѣтъ. Съ марта до января продолжалась тѣсная блокада города и безпрестанныя отчаянныя атаки махдистовъ; Мохаммедъ - бен - Ахмедъ самъ руководилъ осадой и обѣщалъ скоро завладѣть Хартумомъ. Гордонъ

защищался геройски, несмотря на то, что войска дрались не особенно стойко съ бунтовщиками, которымъ многіе изъ нихъ сочувствовали. Въ безпрестанныхъ стычкахъ и отъ дезертирства, гарнизонъ Хартума съ каждымъ днемъ уменьшался, тогда какъ полчища врага росли и фанатизмъ ихъ укрѣплялся еще болѣе.

Наконецъ, наступилъ печальныйъ день 26 января 1884 г., когда преданный измѣной Хартумъ палъ, ворота его были отворены передъ махдистами, и Гордонъ былъ убитъ ружейною пулей въ то самое время, когда онъ шелъ къ своему другу австрійскому консулу Ханзалю, чтобы попрощаться съ нимъ навсегда. Махди торжественно вступилъ въ столицу Судана, и полковникъ Вильсонъ, спѣшившій съ подкрѣпленіемъ къ Хартуму и прибывшій черезъ два дня, увидалъ лишь клубы дыма, поднимавшіеся изъ зажженныхъ укрѣпленій Хартума и зеленое знамя махди, развѣвавшееся надъ дворцомъ Гордона.

* * *

Между тѣмъ, давно жданная помощь уже спѣшила изъ Нижняго Египта къ Хартуму, и Гордонъ зналъ объ этомъ, выславъ ей на встрѣчу четыре свои парохода, нагруженные съѣстными припасами. Помощь пришла слишкомъ поздно, и ей пришлось ретироваться самой передъ фактомъ, совершившимся по вѣнѣ Англичанъ. Уже слишкомъ долго они оттягивали, надѣясь на какой-то счастливый рокъ, который могъ бы сохранить для нихъ Суданъ, но, наконецъ, кабинетъ Гладстона, уступая общественному мнѣнію, рѣшилъ послать туда экспедицію подъ начальствомъ лучшаго изъ англійскихъ генераловъ, Уольслея — побѣдителя Ашантиевъ и Араби-паши. Въ началѣ октября лордъ Уольсей вмѣстѣ со своими войсками прибылъ къ Уади-Хальфа; нѣсколько пароходовъ и много парусныхъ судовъ везли англійскій отрядъ по Нилу; экспедиція, доселѣ долго откладываемая, теперь спѣшила, англійскіе солдаты и офицеры словно хотѣли своимъ форсированнымъ маршемъ загладить медленность своего правительства. Весь экспедиціонный отрядъ состоялъ изъ отборныхъ войскъ пѣхоты и небольшой колонны кавалеріи, посаженной на верблюдовъ, всего численностью до десяти тысячъ человекъ прекрасно вооруженныхъ, снабженныхъ превосходною артиллеріей и массой съѣстныхъ припасовъ. Къ началу ноября англійская

экспедиція была уже въ Донголь, гдѣ и расположилась на нѣсколько дней для того, чтобы собраться и стянуть всѣ эшелоны, прибывавшіе медленно по случаю спада воды въ Нилѣ. Въ срединѣ декабря весь экспедиціонный отрядъ уже собрался въ городкѣ Корти, гдѣ былъ устроенъ укрѣпленный лагерь; отсюда же начались и военныя дѣйствія Англичанъ противъ махдистовъ, занимавшихъ оба берега Нила. Генераль Стюартъ съ полутора тысячею человекъ и отрядомъ, посаженнымъ на верблюдовъ, сталъ пробиваться впередъ, чтобы скорѣе подать помощь тогда еще не взятому Хартуму. Въ началѣ января 1885 г. Стюартъ, вытунивъ изъ Корти, овладѣлъ колодцами Гадкуля, сбиль неприятеля съ позиціи, но вскорѣ у колодцевъ Абу-Клеа былъ окруженъ превосходными силами махдистовъ. Въ началѣ бѣшеная атака Арабовъ прорвала каре Англичанъ, но потомъ они оправились и отбили попытку махдистовъ. На другой день бой возобновился, и Англичане лишь съ большимъ трудомъ и немалыми потерями могли пробить себѣ дорогу. Всѣ тяжести и припасы были сложены въ небольшомъ укрѣпленіи и оставлены подъ Абу-Клеа. Въ послѣднемъ дѣлѣ смертельно были ранены Стюартъ и многіе офицеры; подъ начальствомъ Вильсона, принявшаго начальство послѣ Стюарта, Англичане дошли до Гюбата, гдѣ остановились въ укрѣпленномъ лагерѣ. Тутъ они дождались пароходовъ, высланныхъ Гордономъ вмѣстѣ съ отрядомъ Египтянъ; на одномъ изъ этихъ пароходовъ Вильсонъ, оставивъ въ Гюбатѣ обезсиленный предыдущими боями отрядъ, отправился было къ Хартуму, но 28 января, не доѣзжая до него, увидѣлъ дымъ зажженного города и поспѣшилъ ретироваться. Съ большимъ трудомъ добрался Вильсонъ до своего отряда, которому было приказано отстунить отъ Абу-Клеа въ главную квартиру. Лишь благодаря прибывшимъ подкрѣпленіямъ, англійская колонна благополучно вернулась въ Корти послѣ неудачной попытки освободить Хартумъ. Большая часть верблюдовъ, лошадей и обоза была потеряна при этомъ, далеко не побѣдопосномъ отступленіи.

Въ то время когда колонна Стюарта двигалась по направленію къ Абу-Клеа, генераль Эрль съ другимъ отрядомъ долженъ былъ дойти до Бербера, чтобы тамъ поддержать Стюарта. Колоннѣ этой пришлось перенести много лишеній при движеніи по берегамъ Нила, по пустынной мѣстности среди безирестанныхъ стычекъ съ туземцами. Около Кербикана ей пришлось наконецъ

вступить въ ожесточенный бой съ племенемъ Монассировъ, въ которомъ были убиты генералъ Эрль и оба полковника, командовавшие бригадами. Съ большимъ трудомъ добравшіеся до Абу-Хаммеда Англичане были остановлены приказомъ лорда Уольслея, предписывавшимъ имъ вернуться въ Донголу, куда была перенесена главная квартира изъ Кортг. Махди не преслѣдовали Англичанъ, и воплѣ довольный достигнутыми успѣхами, собиралъ все свои силы, дабы продолжать далѣе дѣло своего завоеванія Судана.

Въ то время, когда по линіи Берберъ-Хартумъ Англичане предпринимали свою экспедицію, кончившуюся ничѣмъ, Османъ-дигма продолжалъ держать въ осадѣ Суакимъ и съ каждымъ днемъ становился все смѣлѣе и смѣлѣе; онъ дѣлалъ безпрестанныя нападенія на Англичанъ и въ началѣ февраля успѣлъ даже нанести чувствительное пораженіе англійской кавалеріи возлѣ Гандуба. Арабы готовились уже завладѣть укрѣпленіями Суакима, когда солидные подкрѣпленія, прибывшія изъ Англіи, остановили нѣсколько ихъ успѣхъ. Генералъ Грэмъ, располагая двумя тысячами европейскаго войска, вздумалъ наказать Османъ-дигму и съ этою цѣлью вышелъ изъ Суакима. Сбивъ Арабовъ съ ближайшихъ укрѣпленій, Грэмъ занялся постройкой фортовъ, но тутъ на него обрушились махдисты съ такою силой, что только смертоносный огонь суакимскихъ укрѣпленій спасъ колонну черзчуръ увлекшагося Грэма. Вслѣдъ за тѣмъ Грэму удалось занять Гандубъ, Тамбукъ и нѣкоторыя другія деревни около Суакима и продолжить линію желѣзной дороги отъ Суакима, но эти успѣхи Англичанъ были непрочно, и безпримѣрная въ лѣтописяхъ блокада, осада Суакима, тянувшаяся съ переменнымъ счастьемъ до сего дня, показываетъ, что Англичане далеко не одерживаютъ, да и не одерживали блистательныхъ побѣдъ.

Какъ бы то ни было, послѣ паденія Хартума Англичане рѣшили окончательно предоставить собственной участи Суданъ; генералъ Уольслей, стянувъ все силы своего оккупационнаго отряда у Донголы, постановилъ Вади-Гальфу или Асуанъ сдѣлать крайними центрами защиты Египта противъ дальнѣйшихъ вторженій махди. Для закрѣпленія этой позиціи были проведены даже стратегическія желѣзныя дороги, при помощи которыхъ и до сего дня тамъ держатся Англичане.

Такова вкратцѣ исторія постепеннаго отторженія отъ Египта Судана, вырваннаго изъ рукъ хедива силой обстоятельствъ, на

которые года три тому назад еще не хотѣли обращать особаго вниманія. Для интересовъ Европы и европейской культуры въ Суданѣ было уже все потеряно, но для Египта и Англичанъ оставалось тамъ еще три вопроса, которые такъ или иначе необходимо было рѣшить. Вопросы эти заключались въ дальнѣйшей судьбѣ египетскихъ гарнизоновъ, оставшихся запертыми въ Суданѣ, и двухъ провинцій, управляемыхъ европейскими пашами и совершенно отрѣзанныхъ отъ Египта и всего остальнаго міра.

Что касается до гарнизоновъ, о которыхъ мы уже говорили впередъ. Англичане, убѣдившіеся послѣ паденія Хартума, что имъ не спасти несчастныхъ запертыхъ въ Суданѣ солдатъ, начали переговоры о спасеніи ихъ съ Абиссинскимъ негусомъ, всегдашнимъ врагомъ ислама. Давно уже Англичане, пользуясь этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, подговаривали негуса Іоанна помочь имъ въ борьбѣ съ махди и способствовать очищенію Судана. Въ вознагражденіе за услуги Англичане предлагали императору Абиссиніи кромѣ денегъ, массы скорострѣльныхъ ружей и боевыхъ снарядовъ, еще присоединеніе Кассалы, Ахмедиа, Сахита и страны Богоса, которые онъ долженъ былъ ранѣе освободить, а также Массовы—самой подходящей гавани для Габеша. Въ іюнѣ 1884 года адмиралъ Хеветтъ подписалъ въ Адуа договоръ съ негусомъ, на основаніи котораго этотъ послѣдній взялся помочь Англичанамъ. Съ помощью своего талантливаго полководца Расъ-Алулы, негусъ Іоаннъ успѣлъ одержать нѣсколько значительныхъ побѣдъ надъ махдистами и освободить нѣкоторые изъ египетскихъ гарнизоновъ, запертыхъ этими послѣдними. Не удалось Абиссинцамъ помочь только Кассалѣ, павшей ранѣе того, какъ пришли къ ней на помощь; по обыкновенію своему, махдисты вырѣзали весь гарнизонъ несчастнаго города, поднаващаго въ ихъ руки. Негусъ Іоаннъ, выполнивъ довольно удачно свое обѣщаніе, получилъ страну Богоса, вырвавъ ее изъ рукъ махдистовъ и направился уже по берегу моря для того, чтобы занять Массову, но тутъ коварные Англичане, разсудивъ, что съ негуса имъ болѣе получить паче, надумали своихъ добрыхъ друзей занять Массову въ награду за усердіе и прилежаніе. Итальянцы, давно жаждавшіе порта въ Красномъ Морѣ, съ безумною охотой приняли предложеніе Англіи и заняли Массову въ февралѣ 1885 года, несмотря на протестъ со стороны Абиссиніи. Съ той поры и началась несчастная война Італіи съ Габешемъ, покрывшая позоромъ итальянское оружіе

и не доставившая Италиі никакихъ выгодъ, а только затраты. Печально Итальянцы начали свою колониальную политику въ Африкѣ, благодаря инициативѣ Англичанъ.

Быстрое движеніе махдистовъ по линіи между берегомъ Нила и Суакимомъ отрѣзало кромѣ Богоса и Хартума отъ Египта провинцію Бахри-эль-Хазаль, находившуюся подъ управленіемъ Англичанина Люптона и Экваторіальную провинцію, во главѣ которой находился столь пзвѣстный нынѣ Ог Шницлеръ или Эминъ-паша. Въ обѣихъ этихъ областяхъ власть хедива со времени недавняго ихъ завоеванія поддерживалась рядомъ небольшихъ укрѣпленныхъ станцій или городковъ, занятыхъ нѣсколькими стами солдатъ, по преимуществу освобожденныхъ рабовъ изъ всѣхъ національностей Судана, находившихся подъ начальствомъ египетскихъ офицеровъ; этихъ небольшихъ укрѣпленій, защищенныхъ часто однимъ рвомъ и палисадниками, было достаточно, чтобы сдерживать темнокожихъ туземцевъ, но они, разумѣется, оказались мало состоятельными, когда пришлось останавливать напоръ махдистовъ, уже ослабленныхъ болѣе грандіозными успѣхами. Самыми главными городками или дзерибами Бахрѣ-эль-Хазальской провинціи были Румбекъ, Баръ, Мешра-эр-Рекъ, Ахмади и наконецъ Дем-Сулейманъ, нѣкогда столица временнаго царства работорговцевъ Сулеймана—Зебера. Еще болѣе такихъ городковъ было въ Экваторіальной провинціи, гдѣ, благодаря дѣятельности такихъ губернаторовъ, какъ Бэкеръ, Гордонъ и Эминъ, европейская культура сдѣлала еще большіе успѣхи. Ладо, Гандокоро, Реджафъ, Дуфлэ, Лаборэ, Фалоро, Фатико, Фовеירו, Магунго, Уанди и Ваделаи, ставшее послѣ Ладо столицей Эминъ-пашы,— все это пункты, имѣющіе значеніе въ исторіи экваторіальныхъ путешествій или въ послѣдующихъ событіяхъ при возстаніи бунтовщиковъ.

Возстаніе въ пользу махдистовъ, благодаря ихъ эмиссарамъ, началось прежде всего въ провинціи Бахрѣ-эль-Хазаль, гдѣ его подняло вопиственное негрптянское племя Денка. Восемнадцать мѣсяцевъ отрѣзанный отъ всякой помощи со стороны Египта боролся съ этимъ возстаніемъ Люптонъ-бей, но не успѣлъ подавить его, благодаря недостатку войскъ. Скоро примѣру Денка послѣдовали другія черныя племена, которыя взяли и разрушили египетское укрѣпленіе Румбекъ. Война эта была настолько кровопролитна, что въ одинъ годъ Люптону пришлось вынести до двадцати сраженій съ бунтовщиками, которымъ помогали и

махдисты. Несмотря на все геройскія усилія Люттона, возстаніе охватило всю его область и дошло даже до Экваторіи.

Приблизительно ко времени прибытія Гордона въ Хартумъ и обложенія этого послѣдняго махдистами, положеніе дѣлъ въ провинціи Бахръ-эль-Хазаль было настолько плохо, что часть ея была занята махдистами, все негритянскія племена бунтовали, а войска мало-по-малу покидали Люттона. Въ концѣ концовъ этотъ послѣдній долженъ былъ сложить оружіе предъ махдистами и былъ отведенъ въ плѣнъ въ Кордофанъ. Вскорѣ во всей провинціи не осталось ни одного вѣрнаго солдата хедиву и почти все станціи попали въ руки бунтовщиковъ.

Когда извѣстіе объ этомъ печальномъ исходѣ возстанія дошло до Эминъ-бея (тогда еще не бывшаго нашею) въ Ладю, гдѣ гостили извѣстный русскій путешественникъ Dr Юнкеръ и итальянскій капитанъ Казати, пришло туда одновременно посольство отъ махдистовъ, которымъ одинъ изъ военачальниковъ пророка Карамъ-Аллахъ приглашалъ къ себѣ Эмина, какъ губернатора провинціи, уже номинально присоединенной къ владѣніямъ махди. Эминъ, желая выиграть время, отвѣчалъ, что онъ во избѣжаніе напраснаго пролитія крови не прочь принять это предложеніе, но что враждебное настроеніе туземцевъ пока мѣшаетъ ему покинуть провинцію: желая съ одной стороны сохранить ее для махди, а съ другой — спасти жизнь вѣранныхъ ему солдатъ, онъ, Эминъ, ждетъ только себѣ замѣстителя, чтобы ввѣрить ему свою власть надъ страной. Ведя переговоры такого рода, губернаторъ Экваторіальной провинціи стягивалъ все свои войска, снимая гарнизоны самыхъ отдаленныхъ постовъ и принимая все мѣры къ оказанію самаго энергичнаго сопротивленія попыткамъ махдистовъ, становившихся чрезвычайно смѣлыми послѣ успѣховъ въ Суданѣ.

Въ концѣ 1884 года, когда махдисты уже торжествовали повсюду, новый эмиръ Карамъ-Аллахъ со значительными силами явился для того, чтобы завоевать Экваторіальную провинцію. Не доходя пяти дней пути до столицы Эмина, вождь махдистовъ началъ осаду Амади, занятую небольшимъ гарнизономъ Негровъ. Войска выказали отчаянное сопротивленіе и отразили попытки бунтовщиковъ: когда недостатокъ въ продовольствіи не позволилъ имъ держаться долѣе, они сдѣлали блистательную вылазку, пробившись черезъ толпы махдистовъ и, постоянно сражаясь, отступили до Макрака, вызвавъ справедливое удивленіе со стороны

Эмина, не находившаго словъ восхваленія храбрости этихъ черныхъ солдатъ.

Въ виду захвата махдистами сѣверной части Экваторіальной провинціи Эминъ рѣшилъ перенести свою резиденцію, всѣ военные припасы, а также всю администрацію провинціи съ женами и дѣтьми изъ Ладо въ Дуффиле подальше отъ врага. Новыя посланія со стороны Карамъ-Аллаха, объявившаго себя эмиромъ Бахрѣ-эль-Хазаль и Экваторіи, а также конія съ письма махди, извѣщавшаго своего намѣстника о паденіи Хартума, были получены Эминомъ въ началѣ 1885 года. Все это ставило Эмина въ весьма печальное, можно сказать, безысходное положеніе; гибель Гордона, плѣнъ Луптона, приближеніе махдистовъ, потеря части провинціи, недовольство въ войскахъ, угрозы Карамъ-Аллаха— все это показывало, что и для Экваторіи и ея защитниковъ подходит роковой конецъ. Чтобы нѣсколько отдалить его, Эминъ рѣшился сдѣлать нѣкоторую острстку наступавшимъ Арабамъ. Во главѣ нѣсколькихъ баталіоновъ и союзниковъ Негровъ Момбутту, онъ напалъ на махдистовъ подъ Реміо и нанесъ имъ довольно чувствительное пораженіе. Эта побѣда на время спасла Экваторію и остановила успѣхи махдистовъ; Карамъ-Аллахъ остановился неизвѣстно почему; едва ли его напугала побѣда Эмина или англійская экспедиція, шедшая по направленію къ Хартуму. Скорѣе всего самъ махди, находя еще несвоевременнымъ забраться далеко къ югу, остановилъ движеніе своего эмира. Какъ бы то ни было, но Ладо, уже ожидавшее нападенія махдистовъ, было спасено, и враги всею массой отхлынули по направленію къ Кордофану. Чтобъ еще лучше сконцентрировать свою защиту и оборону Экваторіи, Эминъ перенесъ свою резиденцію еще далѣе въ Ваделап, гдѣ собраны были всѣ войска, боевые снаряды и вообще всѣ мѣры къ послѣднему сопротивленію.

Потерявъ всякую надежду получить помощь съ сѣвера, Эминъ-бей невольно обратилъ свои взоры на юго-востокъ къ Занзибару, съ которымъ Дг Юнкеръ для спасенія своего друга обѣщаль войти въ сношенія; попытка смѣлаго путешественника пробраться черезъ Уганду послѣ десятидневнаго пребыванія у Ланго кончилась неудачей, и Юнкеръ вернулся въ Ваделап въ то время, когда положеніе Эмина стало критическимъ, несмотря на то, что махдисты отхлынули въ Кордофанъ. Одинъ среди полувраждебнаго населенія, волнуемаго эмиссарами махди, съ полутора тысячами черныхъ солдатъ, хорошо вооруженныхъ, но

вѣрности весьма сомнительной, несмотря на команду египетскихъ и суданскихъ офицеровъ, Эминъ былъ слишкомъ безсиленъ для того, чтобы держаться при малѣйшемъ ухудшеніи дѣла, котораго ежеминутно можно было ожидать. Все силы его были разбросаны на девяти станціяхъ на Нилѣ, сообщеніе между которыми поддерживалось двумя пароходами, перевезенными сюда еще во время Гордона. Кромѣ этихъ силъ Эминъ могъ еще опереться отчасти на двѣ сотни египетскихъ чиновниковъ, ихъ семейства и рабовъ. Всего въ большемъ или меньшемъ повиновеніи у Эмина, считая всѣхъ этихъ послѣднихъ и солдатъ, находилось до восьми или десяти тысячъ человекъ, о спасеніи которыхъ онъ долженъ былъ заботиться на случай новаго нашествія полчищъ махди. Несмотря на свое стѣпенное положеніе, Эминъ не унывалъ духомъ и сумѣлъ долго поддержать бодрость среди своихъ невольныхъ спутниковъ по заключенію. Глубокій миръ царствовалъ, по его словамъ, послѣ изгнанія махдистовъ, и губернаторъ могъ даже очищать свою провинцію отъ охотниковъ за рабами. Чтобы занять скучающіе гарнизоны, Эминъ заинтересовалъ ихъ полевыми работами; люди Эмина усердно занимались культивировкой табака и хлопчатой бумаги, научились ткать и дѣлать мыло, свѣчи и др. домашнія вещи. Самъ Эминъ во время этого долгаго суданскаго плѣненія коллектировалъ и занимался естественными науками, надъ чѣмъ впослѣдствіи такъ злобно смѣялся Стэнли.

Такъ проходило для Эмина и товарищей время его невольнаго плѣненія въ экваторіи; дѣла махдистовъ шли все лучше и лучше, все крѣпче заирался Суданъ для всякаго посторонняго вліянія, все болѣе былъ отчуждаемъ отъ всего міра Эминъ. Въ такомъ неключительномъ положеніи забытый съ 1883 г. всею Европой, мужественный Нѣмецъ и его товарищи отдались заботамъ о содержаніи, одеждѣ и прокормленіи десяти тысячъ народа, бывшаго на ихъ попеченіи; съ этой стороны они были настоящими добрыми гениями своего народа. Въ самомъ концѣ 1885 г. было рѣшено, чтобы Казати попытался освободить своихъ товарищей со стороны Нила, тогда какъ д-ръ Юнкеръ долженъ былъ черезъ Уніоро и Уганду пробиться на Занзибаръ. Обѣ попытки были рискованными, но ничего болѣе не оставалось дѣлать для Эмина, который при обстоятельствахъ даннаго времени не могъ повторить новаго отступленія „десяти тысячъ“ черезъ малоизвѣстныя страны Африки, лишеныя путей сообщенія и населенныя

воинственными племенами; подобное отступление повело бы лишь к неизбежной катастрофе. Разумеется, Эминь с европейцами и войсками мог бы гораздо легче пробить себе дорогу к берегу моря, но он не хотѣлъ и допускать подобной мысли, счлвившей гибель всѣмъ остальнымъ сотоварищамъ по суданскому плѣненію. Эминь стоялъ твердо на своемъ посту, смотря на себя какъ на послѣдняго изъ штаба Гордона, отстаивающаго права цивилизаціи въ далекой покинутой всѣми странѣ. Несмотря на самыя стѣсненные обстоятельства, Эминь все надѣялся на спасеніе своихъ товарищей, хотя и не зналъ, откуда оно могло придти. Мы знаемъ, что это ожиданіе не обмануло героя, и что цивилизованная Европа поспѣшила къ нему на освобожденіе, выславъ одного изъ выдающихся людей XIX вѣка.

Мы знаемъ, что Юнкеръ, съ опасностью для собственной жизни, пробился къ Зазибару, а оттуда послѣ семилѣтняго пребыванія въ Африкѣ прибылъ въ Европу для того, чтобы тамъ кликнуть ключъ для освобожденія Экваторіи и ея мужественнаго губернатора Эмина. Мы знаемъ въ подробностяхъ, какъ была организована знаменитая освободительная экспедиція Стэнли, какихъ трудовъ стоило ему пройти поперекъ Африки, чтобы добраться до Эмина, какихъ жертвъ стоило самое освобожденіе, какъ оно было совершено и доведено до конца. Изъ всей новѣйшей исторіи послѣ знаменитыхъ походовъ испанскихъ Конквистадоровъ въ неизвѣданныя дебри Новаго Свѣта мы не знаемъ событій болѣе легендарныхъ, казущихся скорѣе мѣамъ, чѣмъ дѣйствительностью, какъ послѣдній походъ Стэнли и освобожденіе Эмина. Это своего рода волшебная сказка, происходившая въ самомъ концѣ XIX вѣка.

Пока Юнкеръ пробивался къ Зазибару, организовалась экспедиція Стэнли и пробиралась черезъ середину темнаго материка, положеніе Эмина было не блестящее, хотя гораздо лучше, чѣмъ то рисовали въ Европѣ на основаніи отрывочныхъ свѣдѣній, доходившихъ изъ Судана. Нѣсколько разъ въ Европу приходили телеграммы изъ Африки, что Экваторія совершенно занята махдистами, всѣ египетскія войска перерѣзаны, а самъ Эминь и европейцы, состоявшіе при немъ (Казати), взяты въ плѣнъ и по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ даже умерщвлены. О занятіи Экваторіи махдистами полуоффициально сообщалъ и Османъ-дигма, стоявшій подъ Суакимомъ и воевавшій съ генераломъ Гринфелемъ, оставленнымъ тамъ послѣ экспедиціи Уольслея.

Быть-можетъ, многіе помнятъ эти два года, полныя неизвѣстности не только о судьбѣ Эмина, но и экспедиціи Стэнли, шедшей на его освобожденіе. Одно извѣстіе, противорѣчащее другому, шло постоянно изъ Африки относительно двухъ Европейцевъ, судьба которыхъ интересовала весь цивилизованный міръ.

За все время, протекшее съ ухода Юнкера изъ Ладо, Эминъ вмѣстѣ съ Казати, не достигшимъ успѣха, несмотря на все геройство, проживали довольно спокойно въ Экваторіи; махдисты не безпокоили его, войска оставались вѣрными губернатору, работали, исполняли его приказанія; поля манса, сорго и маниока, и тысячи головъ скота составляли богатство гарнизоновъ, попрежнему занимавшихъ до десятка станцій въ Экваторіи. Самое освобожденіе пришло какъ-то неожиданно для Эмина и его солдатъ; все они такъ сжились со своимъ положеніемъ, что, разумѣется, не могли покинуть сразу своихъ наспяженныхъ мѣстъ и идти вѣлѣть за внезапно появившимся освободителемъ, требовавшимъ немедленнаго выступленія. Немудрено поэтому, что при первой встрѣчѣ Стэнли съ Эминомъ, происшедшей 9 января 1888 г., этотъ послѣдній далъ уклончивый отвѣтъ, столь возмутившій побѣдителя. Стэнли не зналъ и не хотѣлъ понимать положенія Эмина, настолько сжившагося съ Экваторіей, что немедленнаго выступленія онъ не могъ предпринять; когда Эминъ попросилъ нѣкотораго времени для выясненія вопроса и собранія голосовъ своихъ офицеровъ и солдатъ, которымъ, по его мнѣнію, очень не дурно жилось въ Суданѣ, произошла первая размолвка обонихъ Европейцевъ, съ такимъ трудомъ встрѣтившихся на берегахъ Альберта-Ньянца.

Давая Эмину время одуматься, Стэнли отправился на поискъ оставленнаго въ безконечныхъ лѣсахъ майора Берто, а одинъ изъ помощниковъ его Джефсонъ остался при губернаторѣ Экваторіи. Когда почти чрезъ полгода послѣ ужаснаго похода Стэнли въ январѣ 1889 года вернулся снова къ берегамъ Альберта-Ньянца, чтобы вести Эмина къ Заинбару, дѣла этого послѣдняго были уже гораздо хуже, чѣмъ годъ тому назадъ, когда произошла первая встрѣча. Доселѣ вѣрныя своему губернатору войска Экваторіи возстали въ виду новаго приближенія махдистовъ, и Эминъ вмѣстѣ съ Джефсономъ были въ плѣну у своихъ собственныхъ солдатъ. Махдисты наступали на этотъ разъ не менѣе энергично и, пользуясь невольнымъ бездѣйствіемъ Эмина, разбили войска Египтянъ, взяли рядъ укрѣпленныхъ городковъ

Экваторіи и ждали только подкрѣпленій для окончательнаго ея завоеванія. Положеніе Стэнли становилось не менѣе затруднительнымъ, какъ и Эмина; подобно Уольслею, повидимому, онъ опоздалъ для спасенія того, кого шель освободить. Обстоятельства, пзмѣнившія совершенно положеніе дѣлъ въ Экваторіи, были слѣдующія. Между прочимъ ихъ проявленію способствовало самое прибытіе Стэнли.

Суданскія войска, не дурно жившія въ Экваторіи и обзаведшіяся даже родственными связями, дѣйствительно не захотѣли пдти вслѣдъ за невѣдомымъ освободителемъ и притомъ по дорогѣ пмъ неизвѣстной и, по ихъ мнѣнію, не ведущей въ Египеть, а наоборотъ, отвоящей отъ него. Наущаемые нѣкоторыми офицерами, солдаты требовали, чтобъ ихъ вели на сѣверъ по прямому направленію къ Египту, а не на югъ къ берегу моря, гдѣ, какъ циркулировали слухи, ихъ хотѣли наказать за непослушаніе, а потомъ продать въ рабство бѣлымъ. Эти нелѣпыя слухи поддерживали и эмиссары махди. Войска стали волноваться и не слушать паша, авторитетъ котораго падалъ съ каждымъ днемъ; ученый Нѣмецъ, правда, не обладалъ энергіей военачальника и занимался науками въ то время, когда нужно было принимать рѣшительныя мѣры. Какъ бы то ни было, но войска, стоявшія въ Дуфиле, первыя подняли знамя бунта, часть возставшихъ прибыла и въ Ваделаи и стала возмущать его гарнизонъ. Когда Эминъ-паша вмѣстѣ съ Джефсономъ прибыли въ Дуфиле, бунтовщики захватили ихъ въ плѣнъ и не выпускали ни на шагъ. Положеніе обоихъ Европейцевъ было критическое, ихъ держали въ оковахъ и не разъ даже угрожали смертью. Только вѣрность черныхъ солдатъ, „возбужденныхъ насильно Египтянами, спасла Эмина и Джефсона; послѣдній скоро получилъ нѣкоторую свободу, тогда какъ паша еще оставался узникомъ своихъ солдатъ. Плѣнъ Эмина состоялся въ средній августа 1888 года, а въ средній октября на мѣстѣ покпнутой станціи въ Ладо расположился отрядъ махдистовъ, прибывшихъ изъ Хартума на пароходахъ подъ начальствомъ Омаръ-Салеха. Черезъ нѣсколько дней трое изъ посланцевъ дервишей прибыли въ Дуфиле съ письмомъ своего вождя и требовали свиданія съ губернаторомъ Экваторіи. Въ письмѣ требовалась покорность со стороны суданскихъ войскъ и полное преклопеніе воли махди.

Вѣсто всякаго отвѣта взбунтовавшіеся офицеры убили присланныхъ дервишей и стали готовиться къ сопротивленію.

Махдисты скоро завладѣли Реджефомъ, перебили его гарнизонъ и стали наступать далѣе; къ нимъ присоединилось племя Бари, всегда недовольное египетскимъ игомъ и еще сравнительно недавно усмиренное Эминомъ. При этихъ вѣстахъ страшная паника распространилась между солдатами: всѣ они, такъ же какъ и ихъ семейства, бѣжали, покинувъ свое имущество, въ Лаборе. Кругомъ обоихъ Европейцевъ, ежедневно ожидавшихъ смерти, происходилъ такой хаосъ, въ которомъ трудно было разобраться. Раздались тогда даже голоса, желавшіе скорѣйшаго прибытія Стэнли и немедленнаго отступленія на югъ. Положеніе Эмина и Джефсона все еще не улучшалось, и въ серединѣ ноября они уже совершенно отчаявались въ своемъ спасеніи. Новое несчастье способствовало улучшенію участи обоихъ Европейцевъ. Бунтовщики попытались было отнять у махдистовъ Реджафъ, но были отброшены съ большими потерями. Паника стала еще сильнѣе, и черные солдаты сами потребовали отъ своихъ офицеровъ освобожденія Эмина и отравленія его въ Ваделан. Въ то время, когда махдисты отравили свои пароходы въ Хартумъ за подкрѣпленіями, сами взбунтовавшіеся убѣдились въ томъ, что отъ одного прибытія Стэнли они могутъ ожидать спасенія, тѣмъ болѣе, что махдисты, завладѣвъ уже рядомъ военныхъ постовъ Экваторіи, въ концѣ ноября обложили самое Дуффиле. Гарнизонъ защищался мужественно и не только отразилъ дерзновеній, но и заставилъ ихъ отступить къ Реджафу, гдѣ они и остановились въ ожиданіи новыхъ подкрѣпленій. Положеніе наши и его сотоварища все-таки не улучшалось, и они попрежнему были недалеко отъ смерти. Но освобожденіе было уже недалеко. Прибывшія въ началѣ января 1889 года шпеша отъ Стэнли говорили о скоромъ приходѣ экспедиціи освобожденія, и 17 февраля совершилось вторичное соединеніе Стэнли и Эмина. Мы не станемъ слѣдовать далѣе за Эминомъ и отступленіемъ полутора тысячъ человекъ подъ предводительствомъ Стэнли, потому что это уже выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи и стало болѣе или менѣе общезвѣстно. Мы упомянемъ, что только 5 декабря 1889 года огромный караванъ Стэнли и Эмина прибылъ въ Богамою, и тѣмъ заключалась великая перипетія событій, вызванныхъ движеніемъ махдистовъ на Экваторію.

Каково положеніе дѣлъ въ этой послѣдней, велѣдъ за выступленіемъ Эмина, представлявшаго послѣднюю тѣнь власти хедива въ области Великихъ Озеръ и на верховьяхъ Нила,—сказать

трудно, но нѣтъ сомнѣнія, что махдисты, получивъ подрѣзленія, заняли всю Экваторію, истребивъ остатки правительственныхъ войскъ, не ушедшихъ за Стэбли и не примкнувшихъ къ знаменамъ махди. Изъ недавнихъ извѣстій, прішедшихъ изъ Африки, мы знаемъ только, что Эминъ, поступившій на службу германской африканской кампаніи, снова появился на театрѣ дѣйствій, доставившихъ ему всемірную извѣстность; и какъ сообщали лѣтомъ нынѣшняго года, во главѣ значительнаго отряда, пробился въ Экваторію и будто бы выбилъ махдистовъ и изъ Ваделана. Насколько это извѣстіе справедливо—мы не знаемъ, но надо вообще болѣе чѣмъ критически относиться ко всѣмъ извѣстіямъ, приходящимъ изъ глубины Африки.

* * *

Выше мы уже указывали, насколько противорѣчивы могутъ быть свѣдѣнія, получаемыя случайно изъ Судана, при помощи паломниковъ, купцовъ и разныхъ проходивцевъ, такъ или иначе попадающихъ въ область, занятую махдистами. Это условіе надо имѣть постоянно въ виду, говоря о дальнѣйшихъ событіяхъ въ Суданѣ, происшедшихъ вслѣдъ за отступленіемъ военной экспедиціи Уольслея и знаменитой экспедиціи освобожденія Стэбли въ 1883 году. Суданъ уже совершенно занертъ махдистами не только для Европейцевъ, но и для Египтянъ; далѣе Вади-Хальфы по Нилу уже прекращается всякое правильное сообщеніе, и вся область Судана и всей Центральной Африки погружена совершенно въ неизвѣстность относительно того, что творится въ ней. Съ этою оговоркой мы и скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшихъ успѣхахъ махдистовъ.

Неудача экспедиціи Уольслея и отступленіе Англичанъ до крайней линіи обороны Вади-Хальфа-Суакимъ, съ одной стороны, окончательно предоставили въ руки махдистовъ всю Нубію и Суданъ, а съ другой—указали имъ предѣлы, къ сѣверу отъ которыхъ они могли встрѣтить довольно энергичное сопротивленіе даже со стороны Европейцевъ, тогда какъ къ югу и западу имъ предоставлялось обширное поле для дальнѣйшихъ захватовъ. Махдисты поняли хорошо, что двигаться къ сѣверу, или вообще къ берегу моря, было для нихъ невыгодно, такъ какъ тамъ они легко могли бы встрѣтиться съ препятствіями неодолимыми и невыгодными для престожа всегда побѣждающаго махди; совсѣмъ

иначе представлялась имъ глубина Африки, уже подверженная вліянію ислама и не представляющая такихъ препятствій, о которыя могла бы разбитъся мощь Мохаммеда-бен-Ахмеда. Удовольствовались поэтому успѣхами, достигнутыми въ сѣверной Пубіи, махдисты обложили еще тѣмѣе Суакимъ, оставили рядъ наблюдательныхъ постовъ по Инду и Атбарѣ и всѣми силами устремились на завоеванія въ Центральной Африкѣ. Скоро было закончено завоеваніе Кордофана и Дарфура, покорена была область Бахрѣ-эль-Хазель и часть Экваторіи, а затѣмъ махдисты ударили съ одной стороны на Абиссинію, а съ другой—на Удай. Война съ Абиссиніей, собственно говоря, была продолженіемъ той, которую началъ исгусъ Іоаннъ, въ качествѣ поборника цивилизаціи и христіанства, за освобожденіе египетскихъ гарнизоновъ въ Суданѣ. Война эта, несмотря на рядъ побѣдъ, одержанныхъ Іоанномъ и его полководцемъ Расъ-Алулой, кончилась для Абиссиніи не особенно счастливо: хотя махдисты въ концѣ-концовъ и должны были отступить отъ подножія альпъ Габеша, тѣмъ не менѣе, вся страна до озера Цана, вмѣстѣ съ древнею столицей Абиссиніи—Гондаромъ, была разорена и часть жителей уведена въ плѣнъ; въ одномъ изъ сраженій съ махдистами палъ и благородный исгусъ Іоаннъ.

Отнюдь, аналогичный полученному махдистами со стороны Абиссиніи, эти послѣдніе, кажется, получили и на дальномъ югѣ, куда устремились они послѣ завоеванія Экваторіи. Воинственный царь Уганды, обладающій многими десятками тысячъ храбрыхъ воиновъ, отразилъ набѣги махдистовъ въ область Великихъ Озеръ. Такого энергичнаго сопротивленія дервиши, однако не получили со стороны Удая и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, вся эта богатая страна уже года два какъ завоевана махдистами. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что завоеванія ихъ распространились до озера Цадъ, въ земли Багирми, и до подножія горъ Тибести, лежащихъ въ глубинѣ Сахары. Съ другой стороны, нѣкоторыя извѣстія, получаемыя изъ Конго, указываютъ намъ на распространеніе дервишей въ самую территорию свободнаго государства Конго. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ границы его къ сѣверо-востоку переходить въ занятую дервишами Экваторію.

Какъ бы то ни было, по къ настоящему году границы теократической имперіи дервишей занимаютъ огромное пространство Центральной Африки, населенное, по меньшей мѣрѣ, 50—60

милліонами человѣкъ. Не имѣя возможности указать точныхъ предѣловъ владѣнія махдистовъ, мы укажемъ только приблизительно пункты, до которыхъ распространяется въ 1891 году непосредственная власть и вліяніе махдп. Проведя линію отъ береговъ озера Цадъ къ Суакиму и отъ этого послѣдняго, минуя Абиссинское плато, къ югу, почти до самаго Викторія-Ньянца, и соединивъ его воображаемою линіей, захватывающею уголь Конгойскаго государства и продолженною до озера Цадъ, мы получили огромное треугольное пространство, въ которомъ въ настоящее время болѣе или менѣе распоряжаются махдисты, и которое представляетъ настоящее царство дервишей. Главными городами этой теократической монархіи являются Хартумъ и эль-Обендъ; Мохаммедъ-бен-Ахмедъ даже предпочиталъ этотъ послѣдній, какъ центръ болѣе удаленный отъ ненавистныхъ Европейцевъ и Египтянъ.

Главную силу этой огромной имперіи, народившейся въ цѣ- сколько лѣтъ на нашихъ глазахъ, представляютъ, какъ мы знаемъ, дервиши, или, скорѣе сказать, члены релігіознаго братства Деркауа, составляющіе главный штабъ Суданскаго махди. Несмотря на то, что Мохаммедъ - бен - Ахмедъ по происхожденію Суданецъ, а не Арабъ, различныя арабскія племена, начиная съ Баггарасовъ, составляли всегда ядро его огромной арміи, достигающей по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ. Вокругъ арабскаго ядра собрался подъ знамена махди всевозможныя націи Судана, преимущественно темнокожія племена; исламъ, недавно просвѣтившій ихъ, въ этихъ простыхъ черныхъ людяхъ нашелъ себѣ самыхъ фанатичныхъ защитниковъ, готовыхъ доставить ему торжество цѣной собственной жизни и пронести его знамена до самыхъ береговъ морей. Рядомъ съ Арабами благородной крови въ арміи махди можно встрѣтить цвѣтныхъ Суданцевъ, разнообразныя негритянскія племена, метисированныя народности Нубіи, Богоса и страны Великихъ Озеръ: рядомъ съ работорговцами тутъ идутъ даже свободные Туарегп, на своихъ высокихъ мехари; вихрь священной войны соединилъ и несетъ всѣ эти разнообразныя племена по мановенію руки пророка, и нѣтъ въ мірѣ силы, которая могла бы въ настоящее время уничтожить эту огромную армію ислама въ самомъ гнѣздѣ ея, въ недоступныхъ дебряхъ темнаго материка. Махдисты знаютъ свою силу въ своей неприступности и послѣ нѣкоторыхъ уроковъ, полученныхъ на периферіи, они не охотно выходятъ изъ глубины своихъ недоступныхъ пустынь; сюда не угнаться

за ними никакимъ европейскимъ войскамъ; участь арміи Гикса-наши постигнетъ великій европейскій отрядъ, который осмѣлится проникнуть въ таинственное царство махди.

Большинство воиновъ изъ арміи дервишской полуобнажено, многіе ходятъ почти совершенно нагими и это придаетъ особый imponирующій видъ войскамъ, сражающимся по имя ислама. Какъ ни богаты были Баггарасы, вооружившіе первую шайку махдистовъ, они все-таки не могли вооружить ихъ даже такъ, какъ вооружены были Египтяне; воины Мохаммеда-бен-Ахмеда дрались поэтому по преимуществу холоднымъ оружіемъ и этимъ объясняется съ одной стороны значительность ихъ потерь, а съ другой— то страшное ожесточеніе, которое слѣдуетъ всегда за отчаянною рукопашною схваткой. Впередѣ мы не разъ указывали, какъ гарнизоны египетскихъ крѣпостей, по завладѣніи этихъ послѣднихъ махдистами, вырѣзывались до послѣдняго человѣка. Ноголовное избіеніе пенитали на себѣ отрядъ Юсуфа и, наконецъ, армія Гикса-наши. Недостатокъ въ огнестрѣльномъ оружіи въ самомъ началѣ настолько былъ чувствителенъ у махдистовъ, что они не только исключительно сражались холоднымъ оружіемъ, но и хватались тѣмъ, что великій махди не позволяеть имъ употреблять никакого другаго оружія, кромѣ копій и мечей. Очевидцы описываютъ ужасное впечатлѣніе, производимое на непривычныя войска бѣшеною атакою Суданцевъ. Одинъ изъ французскихъ офицеровъ, бывшій въ Суданѣ и присутствовавшій при нѣкоторыхъ сраженіяхъ съ махдистами, говорилъ намъ, что едва ли найдется какое-либо войско, которое могло бы безтрепетно выдержать и принять эту бѣшеную атаку дикарей, обнаженныхъ или обмазанныхъ грязью и кровью, бѣгущихъ съ дикими криками, съ коньями и саблями въ рукахъ и ножами въ зубахъ на свернутыя колонны или крѣпостныя стѣны, встрѣчающія ихъ губительнымъ огнемъ скорострѣлокъ и крѣпостныхъ орудій. Какъ ни страшно осыпаютъ атакующихъ пули, гранаты и картечь, они не обращаютъ вниманія на сотни свалившихся товарищей и продолжаютъ бѣжать бѣшеною завывающею толпой на сомкнутые ряды враговъ. Все спасеніе регулярныхъ войскъ состоитъ въ томъ, чтобы не допустить Суданцевъ до рукопашнаго боя и истребить ихъ возможно болѣе во время самой атаки, дабы лишь немногіе могли броситься на скрещенные штыки. Если же силы атакующихъ не были достаточно ослаблены ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ и значительная толпа махдистовъ успѣла

добъжать до сомкнутыхъ колоннъ, эти послѣднія уже не могутъ имъ противустоять. Въ рукопашномъ бою перевѣсъ былъ всегда на сторонѣ озлобленныхъ и нафанатизированныхъ бойцовъ, и страшное кровопролитіе обыкновенно заканчивало торжество побѣдителей. Извѣстны сраженія, гдѣ со стороны однихъ махдистовъ оставалось до 10—12 тысячъ убитыми.

Позднѣе, когда послѣ петреленія ряда египетскихъ гарнизоновъ, взятія нѣсколькихъ городовъ и особенно послѣ разгрома арміи Гикса-паша въ рукахъ у махдистовъ очутилась масса всевозможнаго огнестрѣльнаго оружія и боевыхъ припасовъ, махди разрѣшили употребленіе этихъ послѣднихъ, и съ тѣхъ поръ его орды стали лучше вооружены; мы знаемъ, что въ бою съ Англичанами махдисты употребляли и ружья, и пушки; Стюартъ, отступая, оставилъ имъ также нѣсколько полевыхъ орудій; подъ Хартумомъ армія махди явилась уже съ пушками и долго бомбардировала столицу Судана, ядра такъ и летали надъ Хартумомъ, говорили очевидцы.

Такимъ образомъ, многочисленная армія махдистовъ, оберегающая въ настоящее время входъ въ Суданъ и завоевывающая постепенно всю середину Африки, теперь вооружена не однимъ холоднымъ оружіемъ, и пушки махди громилъ уже столицу Уадаля. Быть-можетъ, часть огнестрѣльнаго оружія доставлена махди и сенусейтами, а также арабскими торговцами со стороны Занзибара. Сила Суданскаго лже-пророка стала поэтому еще значительнѣе, и понятны тѣ опасенія, которыя онъ внушаетъ всѣмъ независимымъ царькамъ Африки и границамъ свободнаго государства Конго. Сочувствіе сенусейтовъ, прекрасно подготовившихъ для него почву во всей Сѣверной Африкѣ, облегчаетъ всѣ предпріятія Суданскаго махди, который и при настоящемъ положеніи дѣлъ является сильнѣе самого владыки Джербубы, все еще только собирающагося завоевать міръ. Глядя на карту распространенія сенусейтовъ въ глубинѣ чернаго материка, мы видимъ, что дзауи этихъ послѣднихъ находятся вокругъ озера Чадъ въ земляхъ Аиръ, Тиббу и др. оазисахъ великой пустыни, идущихъ до самаго Сенегала къ западу и Варварійскаго побережья на сѣверъ. Но этимъ дзауями, какъ по ряду своихъ собственныхъ крѣпостей, влияніе махдистовъ можетъ дойти до береговъ океановъ и морей, и съ нимъ придется примириться, какъ съ fait accompli и владыкѣ Джербуба. Еще въ 1854 г., пробираясь изъ

Гриноли въ Фецданъ, мы были остановлены волненіями, вызванными успѣхами махди въ области великой пустыни; это одно уже показываетъ, что престоика Суданскаго махди не можетъ затмить даже слава и вліяніе владыки Джербубба.

* * *

Представивъ въ общихъ чертахъ исторію появленія Суданскаго махди, его первыхъ успѣховъ и образованія обширнаго теократическаго государства въ центрѣ Африки, мы теперь должны остановиться на вопросѣ о дальнѣйшей судьбѣ этого грандіознаго движенія, вызваннаго появленіемъ махди: мы должны прежде всего разобрать отношеніе этого послѣдняго ко всему мусульманскому міру и особенно къ махди Джербубба; судьба новообразованнаго государства зависитъ не столько отъ личности самого махди, сколько отъ прочности движенія, вызваннаго воплощеніемъ мессіанской идеи мусульманъ.

Прежде всего мы должны сознаться, что ни для одного изъ махди, доселѣ появившихся въ исламѣ, не была такъ хорошо подготовлена почва, какъ для Мохаммеда-бен-Ахмеда-эл-Махди. Для него уже много лѣтъ работала внутри Африки мусульманская пропаганда, вмѣстѣ съ нею разставляли свои сѣти и хитрые сенусситы-іезуиты ислама; народы Судана, измученные игомъ Египтянъ, рады были вырваться на свободу и съ радостью пошли вслѣдъ за великимъ освободителемъ, лишь бы онъ сумѣлъ внушить имъ эти надежды. Могучая сила въ лицѣ работоторговцевъ также встала на сторону новооявленнаго махди съ первыхъ же дней его объявленія. За Мохаммеда-бен-Ахмеда было самое время появленія, предсказанное древнею легендой, quasi пророческіе знаки, всеобщее ожиданіе мусульманскаго мессіи на Востокѣ и, наконецъ, та слабость египетскаго правительства, которая облегчила его первые успѣхи. Ни одинъ изъ махди ислама не являлся такъ своевременно, какъ Мохаммедъ-бенъ-Ахмедъ въ пору наибольшаго пораженія всего Востока Европейцами, и ни одинъ изъ махди не одерживалъ такихъ блистательныхъ успѣховъ и не имѣлъ столько послѣдователей и не образовывалъ болѣе обширнаго государства. Съ внѣшней стороны поэтому успѣхъ Суданскаго махди обезпеченъ, а съ ними обезпечена и самая судьба возстанія. Несмотря однако на громаднѣйшій престижъ новаго пророка ислама, и на обаяніе, внушаемое имъ всему мусульманскому міру,

Мохаммедъ-бен-Ахмедъ едва ли можетъ быть принятъ настоящимъ обѣщаннымъ Кораномъ панисламистическимъ махди. Капониизация этого послѣдняго должна исходить изъ Мекки, и самъ махди долженъ быть родомъ изъ Аравіи. Шерифы священнаго города не могутъ допустить, чтобы давно ожидаемый мессія ислама могъ появиться не среди ихъ благородныхъ семействъ, а гдѣ-нибудь въ полудикомъ Суданѣ. Недовольный появленіемъ махди своего соперника по халифату, султанъ въ началѣ 1882 г. совѣтовался съ улемами знаменитой мечети Эль-Азгара въ Каирѣ, современномъ центрѣ мусульманской учености, по поводу письма Мохаммеда-бен-Ахмеда, возвышающаго міру о своемъ явленіи. Улемы отвѣчали уклончиво, тоже указывая не на арабское происхожденіе новаго пророка и на другія обстоятельства, не соответствующія подлинности махди. Громкіе усилія Мохаммеда-бен-Ахмеда позднѣе заставили нѣсколько перемѣнить о немъ мнѣніе, и многіе изъ невѣровавшихъ въ божественность его миссіи превратились въ самыхъ дѣятельныхъ его приверженцевъ. Въ мечетяхъ самого Каира шла пропаганда въ пользу новаго пророка, и, что удивительно всего, теологическія тонкости улемовъ подыскали даже соответствующаго настоящему махди антихриста Деджали въ лицѣ Гордона, знаменитаго защитника Хартума. Одинъ изъ эмпрвовъ Бербера, извѣщая о взятіи Хартума и смерти Гордона, указываетъ на этого послѣдняго, какъ на измѣнника, указываемаго преданіемъ. Смерть Гордона, какъ Деджала, ставится такимъ образомъ въ заслугу махди, который, согласно писанію, долженъ прежде всего сокрушить лже-пророка подобно тому, какъ Мессія долженъ поразить антихриста.

Профессоръ Дармстетеръ въ своемъ изслѣдованіи о махди остроумно сравниваетъ движеніе, вызываемое этимъ послѣднимъ въ исламѣ, съ революціоннымъ движеніемъ въ цивилизованномъ мірѣ; „несмотря на видимую противоположность обѣихъ этихъ движеній народныхъ массъ, одинъ и тотъ же импульсъ руководитъ и массой, дѣлающею революцію, и толпой, идущею вслѣдъ за махди. Припомнимъ слова пророка, такъ опредѣляющаго характеристику этого послѣдняго. „Это человѣкъ, который своею справедливостью напомнитъ весь міръ, погруженный въ бездну беззаконій.“ „Одно и то же вдохновеніе внушаетъ революціонную идею у насъ и надежду на мессію избавителя въ исламѣ. Это одно и то же стремленіе къ общему идеалу, идущее черезъ потоки крови и безчисленныя несчастія людей. Народы, пропитанные

такимъ стремленіемъ, можно уничтожить, но нельзя ихъ заставить подчиниться своей судьбѣ.“ Съ этой точки зрѣнія, движеніе на дальномъ африканскомъ Востоѣ махди имѣетъ всѣ данныя для прочности, которую не можетъ поколебать самая смерть Мохаммеда-бен-Ахмеда, о которой ужъ писали не разъ. Отголоски возстанія, начатаго въ глубинѣ Судана, отзываются многообразными путями на всемъ Востоѣ; это своего рода година великой революціи, обновившей строй прежней Европы. Англичане скоро поняли, что своею кровью ихъ не затушить пожара, начатаго въ Суданѣ; они постарались его только локализовать, и въ видѣ своего оккупационнаго корпуса въ Египтѣ поставили тамъ своего рода пожарную команду, которая не должна пускать огонь возстанія за линію Ассуанъ-Суакимъ.

Насколько достигнута эта локализациа, пока еще трудно сказать; огонь во всякомъ случаѣ распространился глубоко въ дѣбри темнаго материка, а искры его разлетѣлись по всей сѣверной и даже срединной экваторіальной Африкѣ, буди повсюду придавленные гнетомъ туземныя племена. Въ началѣ нашего этюда мы указывали на различныя вѣтвики африканскихъ туземцевъ въ колоніяхъ европейскихъ народовъ, дѣйствовавшія на нихъ на подобіе грома среди безоблачнаго неба. Иѣмцы въ своихъ экваторіальныхъ владѣніяхъ въ Африкѣ, Французы въ Сенегамбін уже ощутили удары той подземной волны, которая глухо раскатилась со стороны Судана. Во всей области великой пустыни чувствуется броженіе, оно не улеглось ни въ Марокко, ни въ Алжирѣ; Иемепское возстаніе въ глубинѣ Аравіи, вызванное тоже репрессаліями Турокъ, взыхнуло, безъ сомнѣнія, отъ искорокъ, перенесенныхъ изъ Судана, и Англичане, сидя въ осажденномъ Суакимѣ, ихъ не могли задержать.

Выше мы говорили также и объ отношеніяхъ владыки Джербуба къ новопоявленному пророку Судана; мы высказывали взглядъ, что эти отношенія, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, могутъ быть индеферентными, но едва ли враждебными до того, чтобы махди Сенусситовъ могъ изречь проклятiе на Суданскаго махди, какъ говорили еще въ 1884 году. Участіе Сенусситовъ во всемъ этомъ грандіозномъ движеніи было констатировано еще въ 1881 году; безъ него Мохаммедъ-бен-Ахмедъ далеко не имѣлъ бы такихъ успѣховъ, а участіе многочисленныхъ агентовъ этой могущественной секты въ предиріятіяхъ новаго махди, при ихъ безграничномъ послушаніи своему духовному

начальству, не могло состояться безъ извѣстнаго сочувствія и поущенія со стороны владыки Джербуба, слѣдящаго зорко за всѣмъ тѣмъ, что творится въ Суданѣ. Шейхъ Абдалла, принадлежавшій къ сектѣ Сенусситовъ и сопровождавшій нашъ караванъ изъ Триполи, говорилъ не разъ съ благоговѣнiемъ о Мохаммедъ-бен-Ахмедѣ, какъ братѣ и военачальникѣ владыки Джербуба Сиди-Мохаммеда-эль-Махди.

Будучи увѣреннымъ въ извѣстнаго рода добрыхъ отношенiяхъ, существующихъ между махди Сенусситовъ и махди Судана, мы видимъ въ этомъ ихъ взаимномъ сочувствiи залогъ прочности возстанiя, начатаго и продолжаемаго Сенусситами и ихъ братьями ордена въ Деркауа и Джелани. Имѣющее лишь религiозную подкладку, а на самомъ дѣлѣ вызванное глубокими политико-экономическими причинами, Суданское движенiе можетъ сдѣлаться панисламистическимъ, и, какъ мы видѣли, стремится къ этому, обладая достаточными къ тому силами. Что движенiе это мало зависитъ отъ самой личности махди, то указываетъ и самая смерть Мохаммедъ-бен-Ахмеда, умершаго отъ оспы въ 1885 году и разныя обстоятельства, не благоприятствующiя ему, вродѣ отрицанiя его божественной мисси, сдѣланнаго улемами Мекки и Эль-Азгара. Религiознымъ братствамъ, выдвинувшимъ Суданскаго махди вродѣ мстителя за оскорбленныхъ, какъ живой палладиумъ для подъема духа въ угнетенномъ исламѣ, важна не личность пророка, а самая идея его, безъ которой едва ли возможна будетъ дальнѣйшая судьба возстанiя. Махди можетъ умереть, какъ человѣкъ, но какъ воплощенiе извѣстнаго идеала и заветныхъ стремленiй, онъ никогда не умретъ. Вслѣдъ за сошедшимъ со сцены Мохаммедъ-бен-Ахмедомъ явился его преемникъ, на котораго было перенесено званiе и вмѣстѣ съ тѣмъ ореолъ святости махди. *Le roi est mort vive le roi!* Махди долго будетъ во главѣ начатаго на Востокѣ движенiя, если ему не суждено вслѣдствiе какихъ-нибудь причинъ замереть на время, но далеко не навсегда. Онъ пришелъ для миллионовъ, повѣрившихъ въ его миссию мусульманъ, и было бы безумiемъ для руководителей движенiя не воспользоваться его столь блистательнымъ появленiемъ. Земная роль послѣдняго пророка махди, по словамъ Магомета, должна продолжиться всего семь лѣтъ. Суданское движенiе, начатое еще въ 1881 году, уже десять лѣтъ ведется подъ краснымъ знаменемъ махди; быть-можетъ, во исполненiе словъ пророка, Мохаммедъ-бен-Ахмедъ долженъ былъ умереть или, скорѣе сказать,

исчезнуть на время изъ глазъ своихъ послѣдователей, дабы перевоплотиться въ другую личность на подобіе древняго умирающаго и воскресавшаго Адописа. Идея мессіанизма, прошедшая почти черезъ всю религію древняго міра, допускаетъ такое перевоплощеніе, и прескннѣ махди ислама въ глазахъ ихъ послѣдователей не умирали, а лишь скрывались на время до поры новаго воплощенія. Нѣкоторое развитіе идеи о махди у современныхъ мусульманъ могло идти и далѣе; въ глазахъ Суданцевъ, не знающихъ тонкостей Корана, быть-можетъ, воишѣ возможно безконечное перевоплощеніе махди; точно также въ этомъ направленіи могли толковать о продолженіи земной роли махди и мусульманскіе богословы, понимающіе часто иносказательно, а не въ прямомъ смыслѣ слова пророка тогда, когда это полезно для видовъ ислама.

Какъ бы то ни было, но разъ появившійся махди не можетъ остановиться и удовольствоваться лаврами, которые ему удалось болѣе или менѣе легко завоевать; престижъ настоящаго махди долженъ поддерживаться постоянными побѣдами надъ невѣрными и безконечнымъ торжествомъ ислама; разъ онъ остановится на своемъ побѣдоносномъ пути, вѣра въ его божественную миссію поколеблется сразу, и миллионы его приверженцевъ скажутъ, что то не былъ настоящій обѣщанный Кораномъ махди. Руководители махдистскаго движенія хорошо понимаютъ опасность съ этой стороны, а потому сознавая воишѣ, что движеніе къ периферіи можетъ быть для нихъ небезопаснымъ, направляютъ побѣдоносное оружіе махди въ середину Африки, гдѣ нѣтъ силы способной ему противустоять. Пока махдистское поступательное движеніе ограничится недоступными дебрями темнаго материка, успѣхъ его обеспеченъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и престижъ самого махди. Внутри Африки еще слишкомъ много мѣста для распренія имперіи махдистовъ и много лавровъ для болѣе или менѣе дешевыхъ побѣдъ. Вся внутренность огромнаго материка отъ Конго до границъ Марокко, Алжира и Сенегамбіи, уже подверженная большому или меньшему вліянію ислама, можетъ быть присоединена къ царству дервишей безо всякой опасности для этихъ послѣднихъ столкнуться съ тѣми или другими европейскими войсками. Отъ благоразумія руководителей суданскаго движенія будетъ зависѣть дальнѣйшій ростъ имперіи махдистовъ и ея внутренней прочности, основанная на религіозной идѣѣ. Знаменитый „Наполеонъ Африки“ Отманъ - данъ - Фодіо, объединившій

государства Феллата и основавшей обширную монархию внутри Африки, во всяком случае не имела такой силы, как завоеватель, вышедший недавно из Судана.

Если дела махдистов и в будущем пойдут так хорошо, как они шли доселе, то, без сомнения, скоро в центр Африки мы будем иметь огромное мусульманское теократическое государство, объединяемое и поддерживаемое одною религиозною идеей и фанатизмом, подобного которому мир уже не видал давно. Это могущественное государство, которое может вместить больше шестидесяти миллионов подданных всевозможных рас, национальностей и цветов, явится самым сильным препятствием для дальнейшего движения Европейцев внутрь темного материка. Мирное завоевание Африки путем постепенной колонизации и торговых сношений надолго станет невозможным; цивилизация, добывшая ценой стольких жертв и благородных жизней многочисленных исследователей, павших за идею мирного завоевания Африки, теряет всю ее внутренность для дальнейшего своей пропаганды, как потеряла в настоящее время Судан, стоявший также немало жертв со стороны Европы.

Если нарождающееся в Середней Африке царство дервишей укрепитя больше или меньше на прочных основаниях, то неопределенность его границ, сдерживаемых только берегами океанов, занятых теми или другими Европейцами, рано или поздно приведет его в столкновение с этими последними. Даже в том случае, если махдисты будут более благоразумны и постараются, по возможности, не придвигаться к берегам морей, чтобы не входить в столкновение с туземцами, существование обширного и сильного мусульманского вполне независимого государства в центре Африки не может не отзываться неблагоприятно на положении многочисленных европейских колоний, как оно отражается даже в настоящее время.

Французы, понимая хорошо опасность для своих африканских владений со стороны религиозного движения, начатаго в Африке, уже в настоящее время принимают некоторые меры предосторожности в Сенегамбии, Алжире и Тунисе; Итальянцы также зорко смотрят за своею пресловутою эритрейскою колонией, охраняя ее не только от Абиссинцев, но и со стороны Судана. Ради обеспечения этой колонии, Италия даже готова была года два тому назад принять участие в новом походе

противъ махдистовъ, который одно время задумывали Англичане. Свободное Конгойское государство почти беззащитно противъ возможныхъ покушеній со стороны махдистовъ, хотя и тамъ принимаются и некоторыя мѣры защиты. Новая экспедиція Эмина въ Ваделан, если справедливы извѣстія о ней, есть тоже своего рода мѣра, принимаемая Нѣмцами для защиты своихъ восточно-африканскихъ владѣній. Всего менѣе заботится о суданскомъ движеніи Турція, которой, какъ сюзерена Египта и главы мусульманскаго міра, оно всего болѣе касается. Если еще событія въ Суданѣ прямо не затрагиваютъ интересовъ Турціи, то пропаганда сенусситизма и образованіе его крѣпкихъ позцій на Варварійскомъ берегу и Триполитанскихъ владѣніяхъ султана должно было бы безпокоить болѣе Османовъ. Новый махди долженъ сокрушить могущество Турокъ и христіанъ за разъ, какъ одинаковыхъ враговъ настоящаго преповѣдуемаго имъ ислама. Выше мы указывали также на ту грядущую опасность и борьбу, которою грозитъ могущественный союзъ сенусситовъ не только Туркамъ, но и всему христіанскому міру.

Если сбудутся надежды сенусситовъ и союзъ ихъ, прекрасно организованный для прочнаго существованія и дальнѣйшей пропаганды охватить весь мусульманскій міръ, быть-можетъ, и вспыхнетъ та послѣдняя религіозная борьба полумѣсяца съ крестомъ, для которой работаетъ союзъ эсъ-Сенуссит. Когда все будетъ готово, махди Джербуба подниметъ красное знамя возстанія, и окликъ священной войны пронесется по всему Востоку, быть-можетъ, глухой даже до Кавказа. Казахи и Самаркандъ; не тысячи, а сотни тысячъ фанатичныхъ бойцовъ пойдутъ подъ знаменами новаго сильнѣйшаго во сто кратъ махди, и не только горсти, но и цѣлымъ европейскимъ корпусамъ отборныхъ войскъ не легко будетъ побороть посланника Аллаха, нпосланныаго на помощь удрученному исламу. Разумѣется, Европа побѣдитъ, но дороговъ цѣлой дастся ей эта побѣда надъ сильнымъ духомъ, но слабымъ культурой исламомъ: ей придется тогда тушить пожаръ на огромномъ пространствѣ, принявъ все мѣры, которыя ей продиктуютъ инстинкты самосохраненія, и интересы торговыя, политическіе и экономическіе, которые она въ камнъ привыкла связывать съ Востокомъ. Для насъ, Русскихъ, вмѣющихъ въ своей сферѣ мощи свыше десятка милліоновъ мусульманъ, не можетъ быть безразличнымъ этотъ становящійся серьезнымъ вопросъ, и задачей нашихъ властей на русскихъ окраинахъ должно

быть охраненіе нашихъ мусульманскихъ подданныхъ, какъ отъ вторженія идей Сенусси, такъ и эмиссаровъ махди. Намъ нечего и говорить о томъ, что у насъ вовсе не организовано наблюденіе не только за мусульманскою пропагандой, ведомою въ мечетяхъ, но даже и въ тысячахъ мусульманскихъ школъ-медресе; мы совершенно не имѣемъ органовъ, которые могли бы слѣдить за тѣмъ, что говорится и проповѣдуется въ мечетяхъ и школахъ нашихъ мусульманъ. Фанатичныхъ въ Средней Азіи не меньше, чѣмъ въ Аравіи и Суданѣ. Еще бѣльшаго наблюденія заслуживаютъ паломники-мусульмане, ходящіе ежегодно цѣлыми тысячами въ Мекку и Медину — самые центры мусульманской пропаганды и фанатизма. Не менѣе опасны и бродячіе дервиши, которыхъ такъ много у насъ въ Средней Азіи. Какъ между паломниками хаджами, такъ и этими дервишами, могутъ быть настоящіе эмиссары сенусситовъ и махди. Вотъ почему мы неособенно хладнокровно можемъ смотрѣть на развитіе религіознаго союза сенусситовъ и движеніе Суданскаго махди; не забудемъ и того, что пропаганда въ пользу тѣхъ и другихъ уже давно ведется и на нашемъ Востокѣ; мы должны формально преслѣдовать подобныхъ пропагандистовъ не только въ Крыму и на Кавказѣ, но и въ Бухарѣ, Самаркандѣ и Хивѣ, зная насколько чревато послѣдствіями можетъ быть ихъ появленіе въ любомъ уголкѣ мусульманскаго міра. Намъ нечего, разумѣется, опасаться поголовнаго возстанія нашихъ мусульманскихъ подданныхъ, даже въ Туркестанѣ, но религіозныя броженія среди нихъ всегда могутъ тормозить дѣло нашей культуры и гражданскаго благоустройства.

Быть-можетъ, до этого и не дойдетъ, но для предупрежденія самыхъ слуховъ объ этой возможности и увѣренности въ своихъ силахъ сенусситовъ хорошо было, еслибы Турція смогла, пока еще возможно, раздавить гидру сенусситскаго союза въ самомъ его гнѣздѣ, сокрушивъ Джербубскій престолъ и разрушивъ всѣ дзауи сенусситовъ; теперь еще не совѣмъ поздно, хотя дѣло уже обстоитъ нелегко. Военная экскурсія въ оазисъ Аммоа въ настоящее время могла бы еще спасти Турцію отъ многихъ печальныхъ послѣдствій, и махди Джербуба не даромъ еще боятся незваныхъ гостей. Лѣтъ черезъ 25—50 подобная экскурсія едва ли будетъ мыслима, если еще уцѣлѣетъ союзъ сенусситовъ (а итътъ никакихъ причинъ къ его распаденію), потому что онъ поколеблетъ весь Востокъ и можетъ отразиться на расположающихся частяхъ имперіи Османовъ. Борьба съ сенусси-

тами пока еще дѣло частное Турціи, самого султана, котораго не признають сенусситы, и Турція могла бы еще бороться съ могущественнымъ союзомъ, хотя на полный успѣхъ надѣяться и теперь трудно, если среди самихъ сенусситовъ не появятся признаки ихъ распада.

Въ противоположность борьбѣ съ сенусситами, борьба съ царствомъ дервишей, если она будетъ увеличиваться и укрѣпляться, какъ то было до сего дня, является скорѣе дѣломъ не Турціи, а Европы, болѣе заинтересованной ею по отношенію къ различнымъ колониальнымъ вопросамъ. Несмотря на это, борьба съ махдистами едва ли возможна для настоящаго времени, и Англія, несмотря на обѣщанное содѣйствіе Италіи, вполнѣ благо-разумно отказалась отъ вторичной экспедиціи въ Суданъ, которая могла быть только гибельною и во всякомъ случаѣ бесполезною.

Махдисты держатся благо-разумно вдали отъ морскихъ береговъ въ самой глубинѣ странъ, наиболѣе недоступныхъ въ Африкѣ: отдѣленное непроходимыми пустынями, лишенными корма и воды, безграничнымъ каменистымъ плато, непролазными болотами области великихъ рѣкъ и озеръ, безконечными лѣсами со стороны Конго, царство дервишей защищено отъ покушеній Европейцевъ бездорожьемъ, страшнымъ зноемъ, крайне нездоровымъ климатомъ, губительнымъ для бѣлаго пришельца и сотнями тысячъ липкихъ нафатпзировавшихся бойцовъ. Для новой экспедиціи въ Суданъ, въ самое сердце имперіи дервишей, потребовалась бы экспедиція тысячъ въ 25—30 человекъ, хорошо вооруженныхъ и снабженныхъ артиллеріей войскъ. Не говоря о томъ, что и этихъ силъ едва ли будетъ достаточно для нанесенія рѣшительнаго удара возстанію и оперирования въ такой обширной и неудобной для стратегическихъ движеній странѣ, какъ Суданъ, экспедиція рискуетъ потерять еще болѣе солдатъ отъ солнечнаго удара, страшныхъ лихорадокъ и всякихъ лишеній, чѣмъ отъ оружія махдистовъ: при такихъ условіяхъ ни одна изъ европейскихъ державъ не рискнетъ пока на эту попытку новаго завоеванія Судана и открытія его для европейской культуры, потому что настоятельныхъ интересовъ къ этому пока еще ни у кого нѣтъ, да и никому не хочется вынимать для сосѣдей камнаты изъ огня. Англіи дорого обошлась платоническая попытка обратнаго завоеванія Судана для европейской цивилизаціи, и ея опыта вѣроятно долго еще никто не рѣшится повторить. Царство дервишей поэтому

можетъ долго укрѣпляться, расти и процвѣтать, если внутри его найдется достаточно силъ для этой обширной задачи.

Насколько прочно и устойчиво оно, насколько могучъ и силенъ еще престижъ махди, не несетъ ли теократическая монархія, созданная имъ, какихъ-нибудь роковыхъ недуговъ въ своей груди, предвѣщающихъ скорое ея крушеніе, и каково вообще положеніе дѣлъ въ Центральной Африкѣ, куда съ 1882 г. не пропикалъ еще Европеецъ—все это вопросы интересные не съ одной научной стороны. За неимѣніемъ достовѣрныхъ и достаточныхъ свѣдѣній о нихъ, мы пока можемъ говорить о нихъ лишь на основаніи предположеній. Для болѣе или менѣе фактическаго освѣщенія всѣхъ этихъ вопросовъ, пользуясь нѣкоторыми исключительно благоприятными обстоятельствами, мы и рѣшились предпринять поѣздку въ глубинцу Судана въ самое гнѣздо махдистскаго движенія.

А. Елисеѣвъ.

Лѣсное, 15 ноября
1891 г.

ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

I.

Отъ Яффы до Иерусалима

Въ ясное, безоблачное утро 24 сентября пароходъ сталъ въ виду Яффы. Голубое море лежало какъ зеркало. Предъ нашими глазами лежали желтыя стѣны и дома съ плоскими крышами, тонувшіе въ массѣ темнозеленыхъ авельсинныхъ садовъ, среди которыхъ высились стройныя стволы пальмъ, увѣчанныя густооперенными ваями. Нѣсколько невысокихъ минаретовъ и круглыхъ куполовъ подчеркивали мусульманскій характеръ страны. Позади города сплѣли Иудейскія горы, отдѣлившія насъ отъ Святаго Града. Благодаря полному затмию, мы и не замѣтили той grids подводныхъ камней, черезъ которыя приходится переплывать ѣдущимъ на берегъ. Современные большіе корабли не могутъ подходить ни къ одному изъ портовъ Сиріи и Палестины вплоть до берега, какъ дѣлали древніе мореплаватели на своихъ утлыхъ судахъ. Яффскій рифъ, равно какъ Бейрутскій, Родосскій и Хиосскій, вѣроятно, составляетъ остатокъ древняго разрушеннаго мола. Теперь приходится перескакивать черезъ него въ лодкѣ, что сопряжено съ немалыми опасностями въ непокойную погоду и перѣдко сопровождается гибелью лодочниковъ и пассажировъ. Насъ же Святая Земля приняла въ своемъ первомъ городѣ ласково и кротко, волны бережно несли консульскую шляпку къ порогу Святой Земли и тихо лизали каменную набережную города. Неизмѣнная внимательность русскаго вице-консула въ Яффѣ, Влад. Пнк. Тимошеева, столь извѣстная всѣмъ

русскимъ паломникамъ въ Яфѣ, устранила всѣ береговья затрудненія. Багажъ тотчасъ перенесли въ агентство Русскаго Общества Пароходства и Торговли, экипажъ былъ нанятъ и мы, горя нетерпѣннѣе узнѣть Св. Градъ, рѣшились пожертвовать сомнительными священно-историческими древностями Юппи и отправились на рынокъ, на краю города, гдѣ ждали насъ лошади. Улицы Яфѣ такъ узки, что по нимъ можно только ходить пѣшкомъ, или ѣхать верхомъ. Сѣрые каменные дома высоко поднимались по сторонамъ улицы, чернѣя рѣдкими окнами съ частыми рѣшетками и узкими дверями. Среди арабскихъ построекъ настроено уже много европейскихъ гостиницъ, торговыхъ помѣщеній, консульскихъ домовъ, монастырей. Городъ замѣтно европеизуется. Утромъ и днемъ по улицамъ непрерывно толкуются люди и идутъ гуськомъ караваны верблюдовъ, привязанные къ передовому маленькому ослику. Умный ушастый осликъ обдуманнѣе и увѣреннѣе шагомъ идетъ рядомъ съ погонщикомъ, который нерѣдко взлѣзаетъ на него, доставая ногами землю; сзади величаво шлепаютъ мягкими, тяжелыми ступнями „корабли пустыни“, презрительно бросая взгляды на проходящихъ и считая, повидному, своего осла — предводителя за наемнаго проводника — мальчишку или пажа. Всѣ лавки были давно открыты. Пестрая толпа Феллаховъ и Бедуиновъ, сильно уже разбавленная Греками и Европейцами, представляетъ оригинальное зрѣлище. Хотя еврейская иммиграція идетъ черезъ Яфѣ и ротшильдовскія колоніи лежатъ почти у воротъ города, жидовъ въ городѣ, покамѣстъ, незамѣтно. Космополитическіе шиджаки и котелки сталкиваются съ широкими бедунскими плащами, сшитыми изъ полосъ коричневой или черной и суровой, небѣленой шерстяной ткани, съ маленькими сирійскими чалмами, фесками, ярко-красными у мусульманъ и темно-красными у турецкихъ христіанъ, и бѣлыми шапочками Арабовъ-христіанъ, Феллаховъ. Въ толпѣ осторожно скользятъ мусульманки, закутанныя въ черныя и синія чадры и христіанки въ убогомъ платьѣ, съ открытыми лицами, все пожилыя и некрасивыя. Иногда важно проходятъ тучные муллы въ обычныхъ сѣроголубыхъ широкихъ кафтанахъ и бѣлоспѣжныхъ чалмахъ. Въ неопрятныхъ улицахъ, усаженныхъ камнями, изборозжденныхъ рывтинами, покрытыхъ сводами, держится еще утрення прохлада и тѣнь. Невѣдомо зачѣмъ глухія арки висятъ надъ головами, соединяя противоположные дома. Изъ освѣщенныхъ улицъ вы попадаете на площадку,

валитую солнцемъ. Въ лучахъ его темныя, бронзовыя лица туземцевъ, сухощавыя фигуры, широко задранированныя плащами, или скудноприкрытыя грязно-бѣлыми и синими хитонами, приобрѣтають живошность и колоритность, возможную только при палестинскомъ солнцѣ: оно бросаетъ яркія и темныя пятна на сѣрыя и черныя ткани, на темныя обнаженныя части тѣла. Черномазыя ребятишки пытаются выпросить бакшинъ, но не особенно назойливо. Испитыя женщины робко идутъ за вами и потихоцьку молятъ о милостынѣ. Разгруженные верблюды съ обычною монументальностью расположились на отдыхъ. Пикѣмъ нетревожныя собаки, стаями и въ одиночку, спятъ среди улицъ. На Востокѣ домашнихъ собакъ нѣтъ. Онѣ составляютъ особый классъ городского населенія, очищающій города отъ помоевъ и отбросовъ: онѣ не лають на проходящихъ и никогда не бѣсятся. Вотъ, наконецъ, и экипажъ. За 27 франковъ намъ доставили четырехмѣстный шарабанъ, на рессорахъ, съ павѣсомъ и непромокаемымъ завѣскамъ съ трехъ сторонъ, запряженный тройкой лошадей. Захвативъ корзинку съ виноградомъ, бананами, зелеными апельсинами (очень сладкими и прохладительными), мы скоро выѣхали за городскія ворота и, вступивъ въ поясъ садовъ, окружающій Яффу, покатали среди кактусовыхъ изгородей. Восточныя сады не похожи на наши. Восточный человекъ не любитъ движенія, не признаетъ прогулки и не нуждается въ гладкихъ, укатанныхъ дорожкахъ. Газонъ и трава немислмы въ странѣ, полгода сожигаемой палящимъ солнцемъ. Палестинскіе сады не что иное какъ огороженные мѣста, густо засаженныя пальмами, бананами, миндальными, лимонными и апельсиновыми деревьями, смоковницами и маслинами, или огороды съ грядами дынь, тыквъ и огурцовъ, съ ползучими по землѣ длинными перепутанными лозами винограда. Между насажденіями вьются тропинки для рабочихъ и садовника и канавки для воды, которая берется изъ домашней цистерны или проводится изъ общественаго водопровода, буде таковой имѣется. Хозяинъ наслаждается садомъ или принимаетъ гостей, сидя на коврѣ въ тѣни дерева. Сорныя травы или сухія колючки, обыкновенно, занимають пространство между деревьями, столь же каменное и неприбранное, какъ улицы и пустыри. Вообще, слово садъ имѣетъ на Востокѣ иное значеніе, чѣмъ у насъ. Одна Левантинка рассказывала мнѣ, что у нихъ въ Яффѣ большой домъ и при немъ большой садъ, но въ немъ, вслѣдствіе морскихъ вѣтровъ, не растутъ

ни деревьевъ, ни винограда, ни цвѣтовъ. О такихъ садахъ мнѣ говорили и въ Грузіи. Яффскіе сады огорожены высокими кактусами. Разъ посаженный, кактусъ не истребимъ и широко выпускаетъ свои безобразныя келючія лапы во всѣ стороны. На его сѣрозеленыхъ, волнистыхъ отросткахъ появляются мелкіе желтые и красные цвѣтки, а потомъ ягоды, покрытыя жесткою шелухой, употребляемыя туземцами какъ прохладительная пища, но, по отзывамъ Европейцевъ, невкусныя. Оторванные лопасти кактусовъ подвергаются быстрому гніенію. Изъ-за стѣнки кактусовъ мы видѣли густую массу деревьевъ, покрытыхъ тяжелыми гирляндами апельсинами и, выѣхавъ за предѣлы садовъ, долго, до Иерихона и Хеврона, простилсъ съ древесною зеленью.

Дорога шла по превосходному шоссе, устроенному между Яффою и Иерусалимомъ по повелѣнію султана, благодаря Великому Князю Александрѣ Іосифовичѣ. Посѣтивъ Константинополь на возвратномъ пути изъ Святой Земли, въ 1858 г. Ея Императорское Высочество обратила вниманіе падишаха на ужасное состояніе дорогъ въ Палестинѣ, и онъ немедленно приказалъ устроить нынѣшній путь, не уступающій ни южнобережному, ни военно-грузинскому шоссе по своему удобству и порядку и представлявшій почти такія же трудности для инженеровъ. По гористой мѣстности, пересѣченной глубокими, сухими протоками, уади, шоссе идетъ прихотливыми зигзагами, то поднимаясь, то опускаясь незамѣтными уклонами. На всемъ протяженіи шоссе отъ Яффы до Иерусалима устроено 17 сторожевыхъ башенъ на разстояніи 25 минутъ ѣзды одна отъ другой. Прежній путь шелъ по горамъ, между обрывами, круто спускаясь и поднимаясь изъ глубокихъ долинъ на каменныя холмы. Бедныя, это отребіе человѣчества, выпущенное арабскими завоевателями изъ пустынь Аравіи въ мврную земледѣльческую Палестину, разорили страну и дѣлали всевозможныя насилія надъ паломниками—до сороковыхъ годовъ нашего столѣтія. Знаменитый нашъ паломникъ, Барскій, ходившій въ Святой Землѣ въ 1726 году, потрясающими чертами изобразилъ возмутительныя угнетенія, которымъ подвергался тогдашніе паломники. За пропускъ изъ Яффы мѣряне платили нашѣ по 7½ талеровъ, а шюки—по 3½; за это паломники получали конвой. Путешествовать можно было только караваномъ. Несмотря на турецкую охрану, за воротами Яффы путниковъ уже стерегли „Араби, скитающіеся по полямъ въ худихъ и раздраннихъ одеждахъ, взмающе коній за бродомъ и

не пушающе далѣй шествовати, искаху отъ всякаго прѣчто отъ низизей, глаголище Арапскимъ языкомъ альбакшиштъ, то-есть даждь даръ и роздаиху сребренники на многихъ мѣстехъ; аще же кто не хотише дати, то бѣяху жезліемъ, во слѣдъ гоняще осла или коня; искаху же и отъ мене, но не даяхъ имъ ничтоже и поихаху мя, посмѣвающе".¹ Выйдя изъ Рамли, Барскій былъ избитъ такими же Бедуинами. Такое же грабительство ожидало караванъ при входѣ въ Иудейскія горы. Во второе путешествіе, въ 1729 г., Барскій былъ ограбленъ до-нага и едва остался живъ. Бедуины разбойничали у самыхъ стѣнъ Іерусалима. Путь былъ не безопасенъ еще въ 1858 г., когда ѣхалъ въ Іерусалимъ покойный арх. Леонидъ.² До сихъ поръ разбойники шныряютъ около ежегодныхъ русскихъ каравановъ, но почти всегда жестоко платятся за покушенія. Два раза они разорили пріютъ, устроенный протестантомъ Шнеллеромъ за стѣнами Іерусалима для малолѣтнихъ сирійскихъ сиротъ, родители которыхъ были избиты во время рѣзни на Ливанѣ. Когда были устроены частые караулы на іерусалимской дорогѣ, безчистства почти прекратились.

Экспедиція катилася по широкой и плодородной Саронской равнинѣ, бывшей морскимъ дномъ въ незапамятную древность. Не-глубокій слой красноватой земли, перемежаемой съ крупнозернистымъ камнемъ, даетъ прекрасные урожаи. Кругомъ все поля были воздѣланы. Кукуруза и пшеница уже были сняты. Желтобурая равнина разнообразилась только группами зеленоватыхъ масличъ, тощихъ и невысокихъ. Почти рядомъ съ дорогой тянулось полотно строящагося рельсоваго пути, соединяющаго Яффу съ Іерусалимомъ; на немъ копошились кучки Феллаховъ и Арабовъ въ бѣлыхъ и синихъ рубахахъ. Работы плутъ дѣятельно подъ надзоромъ европейскихъ десятниковъ. Ожидали открытія движенія до Латруна, на полпути къ Святому Граду, въ іюнѣ сего года, но это не состоялось. Самая трудная часть постройки — впередъ, отъ Латруна, среди обрывистыхъ холмовъ Іудей. Построеніе дороги совершенно измѣнитъ прежній характеръ паломничества. Рѣжущимъ ухо диссонансомъ звучатъ свистки, возгласы кондукторовъ, остановка у буфетовъ, пыхтѣнье паровозовъ на *Филистимской* равнинѣ, среди пещеръ, въ которыхъ

¹ *Странствованія В. Гр. Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 г.* Т. I, стр. 285 и сл. Изданіе Пр. Пал. Общества, Сиб. 1885 г.

² *Старый Іерусалимъ и его окрестности.* Москва. 1878 г.

обиталь Самсонъ, между которыми бродилъ гонимый Давидъ, въ мѣстахъ, освященныхъ воспоминаніямъ объ Иосифѣ Аримаѳейскомъ, благоразумномъ разбойникѣ, Эммаусской вечери Спасителя. Последние слѣды древняго, труднаго паломничества исчезаютъ. Материализмъ плотоугодной цивилизаціи открываетъ всѣмъ, достойнымъ и недостойнымъ, широкія врата и удобный путь къ святынямъ Палестины. Коммерческое значеніе дороги представляется крайне сомнительнымъ. Конечный пунктъ ея — Иерусалимъ. На огромномъ протяженіи отъ него страна кругомъ пустынна, лишена мало-мальски значительныхъ поселеній, не обладаетъ естественными произведеніями для выгоднаго вывоза за границу, а въ то же время безчисленные овраги, безводные и безлѣсные, каменистые пустыри, кольцомъ окружившіе Иерусалимъ, въ высшей степени затрудняютъ инженерную работу. Самъ Иерусалимъ и его ближайшія окрестности не производятъ ничего. Заіорданье снабжаетъ Іудею пшеницей, но отъ Іордана до Св. Града около 60 верстъ труднаго пути. Около Вилеема и Хеврона развивается значительное въсподѣліе и производство елѣя; вино и масло прекраснаго качества; но это производство только-что начинается, и нельзя ожидать, чтобъ оно развивалось очень быстро: подготовка почвы для культуры въ такой каменистой странѣ сопряжена съ большимъ затрудненіемъ, а податная система такъ несовершенна, что разоряетъ земледѣльца, отнюдь не обогащая казначейства. Нѣмецкія колоніи, еле-еле сводящія концы съ концами, свидѣтельствуютъ, что не одна восточная лѣнь мѣшаетъ процвѣтанію Палестины, а между тѣмъ колонисты успѣли занять лучшія мѣста Св. Земли. Неужели можетъ окупаться содержаніе дороги передвиженіемъ какой-нибудь сотни тысячъ пассажировъ въ теченіе года? Тѣмъ не менѣе, двѣ французскія компаніи взялись за дѣло и проложили рельсы почти на половинѣ пути. Ожидали даже открытія движенія до Рамлеха нынѣшнимъ лѣтомъ, но, однако, это не состоялось. Рамле или Рамলেখъ находится въ двухъ часахъ пути отъ Яффы. Издали уже видны его тополи, кипарисы и минареты. Это обычная первая станція паломниковъ по дорогѣ въ Иерусалимъ. Городку, одинаково пріятелю мающему путника среди дня и къ вечеру, старался найти опредѣленное приуроченіе къ какому-нибудь библейскому городу, но напрасно. Своимъ развитіемъ онъ обязанъ арабскимъ властителямъ въ смутное время распаденья халифата на полунезависимыя области. Тогда здѣсь появились

значительныя сооруженія, развалины которыхъ стоять среди города до сихъ поръ. Въроятно, тогда же появилась высокая башня, перестроенная крестоносцами, извѣстная подъ именемъ башни сорока мучениковъ. Мусульмане, по удачѣ крестоносцевъ, удержали христіанское названіе, построивъ на этомъ имени легенду о какихъ-то сорока сподвижникахъ пророка. Въ полдневный зной городъ казался вымершимъ. Бѣлыя стѣны католическаго монастыря, сѣрыя развалины, бѣлые куполы мечетей, бѣловатая пыльная почва дышали огнемъ. Въ тѣни молчаливо сидѣли черныя фигуры мусульманъ. Какой-то негръ сладко спалъ въ канавѣ у монастырской ограды. Съ наслажденіемъ мы вошли въ прохладную и чистенькую заднюю иѣмецкаго пріюта, пока наши лошади пользовались передышкой. Иѣмецкая гостиница содержится однимъ изъ яффскихъ колонистовъ-храмовниковъ. Они вышли въ началѣ сороковыхъ годовъ изъ Виртемберга, увлеченные проповѣдью иѣкоего Гартмана. Ученіе ихъ составляетъ странную смѣсь крайняго рачіонализма и мистичизма. Ихъ храмъ—не храмъ Соломона или Гроба Господня, но самъ человекъ, какъ вмѣститель Духа Божія, подлежащее усовершенствованію, которое, однако, достигается въ соотвѣтственномъ общественномъ устройствѣ. Современное соціальное положеніе въ Германіи непригодно для достиженія цѣлей секты. Само христіанское ученіе не представляетъ достаточныхъ основъ для соціальнаго переустройства, имѣя въ виду преимущественно богословскія истины. Ветхозавѣтный законъ въ этомъ отношеніи даетъ болѣе опредѣленныя указанія для общественной организаціи. Осуществленіе своихъ идеаловъ храмовники задумали на священной почвѣ Палестины. Двѣ колоніи, въ Яффѣ и Іерусалимѣ, въ настоящее время насчитываютъ до 700 душъ. Священниковъ у нихъ нѣтъ. Община собирается по воскресеньямъ для пѣнія гимновъ, проповѣдей и конфирмаціи. Конечно, среди общины возникли разныя фереины, безъ которыхъ немислива иѣмецкая жизнь: фереины дѣвицъ, холостыхъ, дѣтей. Въ гостиницѣ Рамлеха хозяйничаетъ иѣмецкое семейство, но на стѣнахъ развѣшаны англійскіе листки съ назидательными изреченіями изъ Библіи.

Часа черезъ полтора отъ Рамлеха начинается „восхожденіе къ Іерусалиму“. Евангеліе съ удивительною точностью употребляетъ выраженіе „восходи къ Іерусалиму“, вмѣсто „приближаясь къ Іерусалиму“. Откуда ни идти, съ Іордана, изъ Галилеи, съ юга или съ запада, приходится сначала идти въ гору и почти у

стѣнь Иерусалима нужно спускаться внизъ. Съ правой стороны отъ шоссе видѣлась прежняя дорога, шедшая по крутымъ отлогостямъ Иудейскихъ горъ, недоступнымъ для колесныхъ экипажей, мучительнымъ для пѣшиходовъ. По сторонамъ пути бродили хищные разбойники Бедуны, грабившіе странниковъ и земледѣльцевъ. Теперь всѣ гарнизоны выведены изъ всѣхъ сторожевыхъ башенъ. Опытъ немногихъ лѣтъ далъ вполне удовлетворительные результаты: на яффской дорогѣ бедуинскія безчинства прекратились. Знаменитые разбойники, вродѣ Абу-Гоша, которые разыгрывали роль какихъ-то независимыхъ владѣльцевъ, и собирали дань съ проходящихъ каравановъ и безчинствовали въ нагорной странѣ до стѣнь Иерусалима, отошли въ область исторіи. Эти трусливые шакалы постепенно отодвигаются къ востоку и въ настоящее время лишь изрѣдка встрѣчаяся по сю сторону Иордана. Пребываніе Бедуновъ оказывало и оказываетъ развращающее вліяніе на мусульманское осѣдлое населеніе Палестины, поддерживая хищническіе инстинкты относительно христіанъ и среди осѣдлыхъ жителей. До сихъ поръ случаются грабежи одинокихъ или невооруженныхъ путниковъ по дорогѣ въ Вифлеемъ и Хевронъ. Нападенія чаще въ пустынѣ между Иерусалимомъ и Иерихонскою долиною. До сихъ поръ признается необходимымъ, чтобы шейхъ Вифанскій посылалъ кого-нибудь изъ своихъ, или ѣхалъ самъ провожать идущихъ къ Иордану. Но до какой степени трусливы эти разбойники видно изъ того, что одному изъ русскихъ паломниковъ совершенно достаточно оказалось взять съ собою одного пѣхотнца изъ четырехъ, держащихъ стражу въ Иерихонѣ, для того, чтобы переѣхать поперекъ 40-верстную пустыню, въ которой, по полученнымъ извѣстіямъ, рыскали Бедуны, перебравшіеся изъ Заиорданья. Можно съ увѣренностью сказать, что нѣсколько хорошихъ и безопасныхъ уроковъ укротили бы навсегда бедуинскую сволочь на всемъ протяженіи Святой Земли. Усиленный наплывъ Европейцевъ дѣлаетъ свое дѣло. Мусульманское арабское населеніе впадаетъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Европейецъ господномъ разѣзжаетъ по Палестинѣ, заставляя туземцевъ усвоивать необходимыя слова чуждыхъ имъ языковъ, не выказывая никакого страха предъ туземцами, смѣясь надъ ихъ кремневыми пистолетами и ятаганами, пугая ихъ своими револьверами. Всякій Европейецъ въ глазахъ мѣстныхъ мусульманъ и христіанъ-хаваджи, знатный господинъ, у котораго можно только просить подачку, да и подачки даются теперь гораздо рѣже.

Дорога поднимается въ пору до Латруна. Лошади уже не бѣгутъ, но тащатъ шагомъ нашу колымагу. Переваль идетъ за переваломъ. Давно уже горы заслонили голубую поверхность Средиземнаго моря. По мѣрѣ восхожденія, небо теряетъ свою блѣдную окраску, становится синѣе, пріобрѣтаетъ полную силу густаго ультрамарина, возвышаемую яркими бѣлыми и желтыми скалами. Только рѣдкими клочками въ глубинѣ балокъ и по уступамъ каменныхъ горъ видны воздѣланныя поля, нерѣдко подпертыя каменною кладкой отъ стремительныхъ дождевыхъ потоковъ въ зимнее время. Пальмы уже прекратились и, за исключеніемъ трехъ или четырехъ въ Иерусалимѣ и финика Св. Саввы, встрѣтятся снова только въ Иерихонской долинкѣ, на другомъ склонѣ іудейской возвышенности. Изъ деревьевъ видны только съ трудомъ разведенныя маслины, корявыя, скорченныя, съ толстыми расщепленными корневищами, сливающимися въ общій стволъ высоко надъ землей, такъ что будто бы нѣсколько стволовъ сростаются въ одно дерево. Красноватыя горы во многихъ мѣстахъ размыты до твердо каменныхъ слоевъ, ступенями нагроможденныхъ одинъ на другой. Силою воды и эти песчаники породы изборожены, продырявлены, и нерѣдко кажутся заглохшими развалинами древнихъ зданій, или чернѣютъ глубокими впадинами и пещерами. Не мало попадается и настоящихъ развалинь. Тамъ и сямъ замѣчаются руины мелкаго бураго камня, залитаго цементомъ, составлявшаго сердцевину стѣнъ, снаружи обложенныхъ плитами, или тесаннымъ камнемъ, который давно растащили мусульмане для своихъ построекъ. Еще чаще попадаются безформенныя груды древнихъ руинъ. На гребняхъ горъ видны средневѣковые замки, или запустѣлыя, или занятыя мусульманами. Такой, напримѣръ, стоитъ около Латруна. Глядя на обнаженную скалу, на этотъ обширный замокъ, къ которому такъ затруднителенъ доступъ, едва вѣрится, чтобы когда-то люди мѣняли тучныя поля сѣверной Франціи или пышный и богатый Провансъ на эту безлѣсную, безволную Палестину, и жили подъ этимъ раскаленнымъ небомъ, среди ежечасныхъ опасностей отъ мусульманъ, среди населенія, христіанство котораго крестноносцы считали схизматическимъ, припущеннаго въ политическомъ отношеніи хуже чѣмъ при мусульманахъ и потому враждебнаго феодальнымъ пришельцамъ. Въ библейскихъ урочищахъ завелась совершенно неподходящая средневѣковая рыцарская жизнь, съ авантюрами, о которыхъ даетъ понятіе исторія Андроника Комнина. Явившись

чужеземнымъ растеніемъ на ветхозавѣтныхъ руинахъ Святой Земли, Франкское королевство было самымъ кратковременнымъ изъ чужеземныхъ владычествъ въ Палестинѣ, вѣчно изнывающей въ ожиданіи смѣны своихъ повелителей. ¹ Три поколѣнія западныхъ крестоносцевъ прожили здѣсь, плодились, множились и смѣшивались съ туземцами, выродившись, наконецъ, въ разслабленное и изнѣженное племя пуллановъ, съ которыми уже нетрудно было справиться египетскимъ султанамъ. Освѣжившись у Латруна, двигаемся далѣе. Горы растутъ, балки становятся глубже. Старая дорога идетъ гораздо выше, прямѣе, но доступна только всадникамъ. Новое шоссе, сопровождаемое сторожевыми башнями, дѣлаетъ широкіе зигзаги, вьется змѣей по склонамъ горъ, показываясь внизу многими прихотливыми извилами. Начинаетъ вечерѣть. Въ воздухѣ чувствуется свѣжесть. Мы дѣлаемъ большой спускъ и подъѣзжаемъ къ Кялоніе, когда солнце уже скрылось за пройденными горами и опускается въ нагрѣтыя волны моря.

Пока лошади, измученныя переходомъ, ѣдятъ и пьютъ, мы сидимъ на террасѣ чистенькаго хана, гдѣ толстый Турокъ подноситъ намъ холодную воду и зеленые апельсины. Прохладное ущелье все засажено маслинами и апельсиновыми деревьями, между которыми, какъ безформенныя кучи сухой грязи, стоятъ хижины Феллаховъ. Направо поднимается Горняя—высокая гора, съ обширными францисканскими садами и виноградниками; выше ихъ бѣлѣютъ среди зелени маленькіе бѣлые домики русскихъ монаховъ, поселившихся на земляхъ архимандрита Антонина, принадлежитъ имъ же значительная масличная плантація, садъ. Далѣе, въ уходящемъ вдаль ущельѣ, потянулись виноградники Феллаховъ. Сборъ винограда еще не конченъ, и жители проводятъ время въ лѣтнихъ помѣщеніяхъ среди своихъ садовъ. Огоньки теплятся по склопу горы какъ свѣтляки. Небо уже темнѣетъ и зажигаются въ вышнихъ чудныя звѣзды Палестинской тверди. Онѣ разгораются все ярче и ярче, по мѣрѣ того, какъ мы съ освѣженными силами поднимаемся на послѣднюю ступень іерусалимскаго восхожденія. Еще часъ ѣзды—и все погружается въ глубокій мракъ. Млечный путь бѣловатымъ, искристымъ

¹ И во днѣхъ царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство, еже во вѣки не разсыплется и царство его людямъ нѣмъ не останется, истинитъ и развѣетъ вся царства, тое же станетъ во вѣки. *Даніилъ*, 2, 44.

поясомъ перехватываешь темное небо, усаженное блистающими брилліантами. Свѣтъ звѣздъ такъ силенъ, что небо не становится чернымъ, но сохраняетъ снѣій оттѣнокъ. Начинаятъ встрѣчаться какія-то постройки, ограды, сначала по одиночкѣ, потомъ чаще, тѣснѣе и обращаются въ непрерывную улицу; ровное шоссе смѣняется непроходимую восточную улицей. Показываются ряды огней. „Вотъ и Іерусалимъ!“ говорить моя спутница. Конецъ нашего пути. Еще нѣсколько поворотовъ, — и у ярко освѣщеннаго крыльца, въ широкихъ свѣжахъ огромнаго русскаго подворья насъ уже радушно встрѣчаетъ уполномоченный Палестинскаго Общества Николай Григорьевичъ Михайловъ.

II.

Іерусалимъ.

Оглядываясь на пройденный путь, дойдя до вратъ Св. Града, я испытывала чувство неудовольствія и самоуничиженія: такъ ли нужно идти во Святую Землю? Такъ ли ходили и ходятъ паломники? Говорю: паломники, потому что *туристъ* въ этой священной странѣ представляется чѣмъ-то уродливо неестественнымъ. Размыкивать скуку, освѣжаться послѣ утомившаго труда дома, любясь красотами природы, произведеніями искусства, входя въ веселый круговоротъ бойкой, пестрой шоземной жизни, въ Палестинѣ невозможно. Для туриста нѣтъ страны болѣе скучной, непривѣтливой, неблагоустроенной. Научныхъ задачъ у меня не было никакихъ. Свойственное образованнымъ людямъ любопытство увидать мѣста событій, извѣстныхъ ему съ ранняго возраста, здѣсь удовлетворяется крайне условно. Въ научномъ отношеніи Палестина такая страна, въ которой чѣмъ ни шагъ, то спорное предположеніе. Въ Римѣ и Аѳинахъ, наиримѣръ, чуть не каждый камень имѣетъ документальную исторію; въ Іерусалимѣ можно спорить даже о подлинности нынѣшней Сіонской горы, а между тѣмъ нѣтъ вершка земли, въ глубинѣ которой не нашлось бы древнихъ развалинъ, нѣтъ клочка земли, къ которому не приурочивалось бы то или другое событіе. Всемирноисторическія событія сокрушительнымъ вихремъ проходили по Святой Землѣ, обращая брѣнныя дѣла рукъ человѣческихъ въ безформенныя груды мусора, превращая въ прахъ пышныя созданія

монументальнаго искусства, пстреляя письменные памятники, разбрасывая коренное населеніе съ его историческимъ сознани-емъ за предѣлы страны и смѣняя его новыми приплыми насель-никами. Съ трудомъ добираешься до древнѣйшихъ преданій, ибо въ смѣнѣ народныхъ вѣрованій кореннаго, господствующаго на-селенія преданія, нарастая слоями, неминуемо подвергалсь опас-ности утратить свою опредѣленность и точность. Легендарные циклы густою навликой, или вѣрифе—получими колючками Палестины, обвили всѣ урочища и руины Святой Земли. Съ перваго шага на Филистимскомъ поморѣ путника окружаетъ облако великихъ тѣней прошлаго; ихъ неуловимые образы преслѣдуютъ его своими именами, своими дѣяніями; но прикрѣпить то и другое къ видимой мѣстности нельзя иначе, какъ при полной вѣрѣ въ преданіе. Настоящій паломникъ идетъ съ душой, отверзтой для вѣры во всякое преданіе. Для него нѣтъ сомнѣній и контроверсовъ. Историческое событіе для него есть оболочка вѣчной нравственно-религіозной идеи и потому не отходитъ со своею эпохой на кладбище исторіи, а живетъ и совершается вѣчно и непрерывно, притягивая и его къ участию въ себѣ, оживотворяя, вдохновляя и умиляя его душу, размягчая его сердце. Среди священ-ныхъ мѣсть, въ кругу священныхъ гробницъ живѣе чувствуется благодать и божественная сила, избравшая эту страну мѣстомъ своего непосредственнаго проявленія. Никто не идетъ въ Иерусалимъ со своимъ радостями: имъ наслаждаются дома, онѣ тѣсно связаны со своею родиной, ради ихъ зачѣмъ бѣжать оттуда, гдѣ онѣ обрѣтены? Въ Иерусалимъ несутъ съ собою бремя скорбей и печалей, идутъ съ наболѣвшею душой, съ изъязвленнымъ серд-цемъ; къ Святому Гробу, на Голгооу, въ Геосиманію и Вилоею несутъ свои жизненные недочеты съ упованіемъ сложить свою жизненную тяготу у святыхъ мѣсть, смыть въ волнахъ Иордана житейскую истому и вернуться съ утѣшеннымъ, примиреннымъ духомъ. Хочется вѣрить, что въ священной странѣ Духъ-Утѣши-тель осѣнитъ настрадавшуюся душу и здѣсь гмменно зажжетъ новымъ огнемъ путеводный свѣточъ правды и терпѣнія на даль-нѣйшее жизненное поприще.

Съ такими побужденіями ходили и ходятъ наши и воо бщ восточные паломники. Въ древнихъ народныхъ былинахъ, въ новѣйшихъ хожденіяхъ нашихъ священниковъ и монаховъ читаются одніи и тѣ же мысли, намѣренія, душевное настроеніе. Ихъ вле-четъ душевное томленіе, духовный гладъ и жажда, и неужно

смѣшивать ихъ искреннихъ сказаній съ расплывчатыми жанровыми набросками вперемежку съ библейскими цитатами у заправскихъ, прислужныхъ туристовъ. Самый путь паломника былъ приготовленіемъ къ заветной цѣли странствованія. Чѣмъ тяжелѣе онъ, тѣмъ ярче вдали свѣтится Сіонъ и Святой Гробъ. Чего-чего не перенесетъ странникъ на длинномъ пути изъ какого-нибудь медвѣжьяго угла, прежде чѣмъ доберется до желѣзной дороги и парохода! Наши отвратительные третьеклассные вагоны уже кажутся ему мѣстомъ отдохновенія. А путешествіе на палубѣ или въ трюмѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ перевозимымъ скотомъ, непривычный мореконный путь, лишеніе теплой пищи, крайне безцеремонное отношеніе къ сѣрымъ паломникамъ нашихъ мореходовъ—все это составляетъ рядъ испытаній, которыя продолжаются и по высадкѣ на берегъ въ Яфѣ. До сихъ поръ слышалась русская рѣчь, жилось при знакомыхъ русскихъ порядкахъ, тутъ является чужая, назойливая толпа иноязычныхъ и иноверныхъ людей, хозяевъ страны; среди нихъ приходится совершить долгій путь, въ 60 слишкомъ верстъ, пока доберешься до просторныхъ и чистыхъ палатъ русскаго подворья, если, при этомъ, удастся тамъ во-время захватить койку или уголокъ, а не то—новыя испытанія въ сырыхъ и темныхъ подвалахъ греческихъ монастырей. Проходя эти искушенія, паломникъ совершаетъ подвигъ и, какъ вѣнецъ, добытый тяжкими усиліями и трудомъ, безконечно сильно чувствуется отрада помолиться и поплакать у Гроба Господня. Такая награда вполне заслужена. Елей яркой лампы, зажженной въ душѣ странника, купленъ праведною цѣною. Подъемъ духа неслышится благостно и справедливо. Спокойно, съ уравновѣшенной душевною силой возвращается онъ домой. ¹ Духовное просвѣтленіе озаряетъ его сказанія о видѣнномъ, по возвращеніи на родину, и могущественно дѣйствуетъ на внимательныхъ слушателей въ долгіе зимне вечера, въ далекихъ селеніяхъ и городахъ, запесенныхъ снѣгомъ...

Думая объ этихъ вѣрующихъ идеалистахъ, я чувствовала стыдъ и угрызения совѣсти, когда сопоставляла съ ихъ подвижничествомъ комфортъ своего путешествія, праздничное плаваніе по прекрасному морю, населенному изящными созданіями античнаго генія („ты виргилианинъ, а не христіанинъ!“ упрекала св. Иеронима іудейская пустыня), пріятный переѣздъ по іудейской

¹ Прекрасно выражено это настроеніе духа у Барскаго, т. I, 300 сл.

возвышенности, вкусную пищу и снѣжнобѣлую, прохладную комнату свою на русскомъ подворьѣ. Современныя удобства, бывшія въ моемъ распоряженіи, мнѣ казались несогласными съ посѣщеніемъ Святой Земли. Они подрываютъ внутренній смыслъ паломничества. Элементъ подвижническаго приуготовленія совсѣмъ не показывался. Въ немъ не было никакой виѣшней, принудительной необходимости, а коль скоро не было необходимости, онъ становился нескренимымъ, выдуманымъ для показа, для оригинальности и возбуждалъ бы только соблазнъ или тщеславіе.

Въ Палестинѣ встають рано, съ восходомъ солнца, дорожа утреннею прохладой. Въ сентябрѣ и октябрѣ хотя и не такъ жарко, какъ въ маѣ—августѣ, но все-таки средняя температура не спускается ниже 20°, а при мнѣ все время стояла гораздо выше, доходя на солнцѣ за 40°. Даже ночи давали только сравнительную прохладу. Лѣтнія мошки жужжали всю ночь, пролѣзая даже сквозь мустикиры, безъ которыхъ спать почти невозможно. Поднявшись рано я поспѣшилъ на плоскую крышу гостиницы взглянуть на вождѣланный городъ. Русскія постройки, справедливо удивляющія иностранцевъ своими обширными размѣрами, красотой строеній, благолѣпіемъ храма миссіи и новаго собора, еще неосвященнаго, лежатъ за стѣнами города, на Яффской дорогѣ, с.-з. отъ Іерусалима. Онѣ заложены на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась главная квартира Тпта. Отсюда онъ распоряжался осадными работами. Отсюда мы ведемъ нашу борьбу за православіе въ Палестинѣ противъ закоспѣлыхъ злоупотребленій святогробцевъ и православнои пропаганды. Около русскихъ построекъ возникаетъ теперь Новый Іерусалимъ, населенный Франками и жидами, расширяющійся къ западу и близко подошедшій къ городской стѣнѣ, которую въ 1536 году выстроилъ изъ древняго матеріала султанъ Сулейманъ вокругъ города, причемъ исчезли двойныя стѣны, защищавшія городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Судьба этой стѣны—исчезнуть въ свою очередь подъ напоромъ развивающейся жизни города. Съ террасы предо мной открылся обширный видъ, обрамленный вблизи бурными каменными возвышенностями, а вдали голубою стѣной Моавскихъ горъ по ту сторону Іордана. Выше всего поднималась на Елеонской горѣ, прямая какъ стрѣлка, колокольня русской церкви Вознесенія, увѣн-

чанши блестящимъ золотымъ крестомъ. Выше, по Сіону, Моріи, Акрѣ грозилось множество сѣрыхъ зданій, сѣрыхъ куполовъ, мечетей, башенъ. Ни однимъ клочкомъ зелени не нарушалъ сѣропеленный тонъ картины. Длинная сѣрая стѣна съ массивными башнями отдѣляла широкою полосой Старый Іерусалимъ отъ бѣлыхъ домовъ новаго предмѣстья, которое выросло въ послѣдніи пятнадцать лѣтъ около русскаго подворья за стѣнами города, но и предмѣстье сохраняло общій каменный тонъ. Среди сѣрой массы Святаго Града я сталъ различать знакомые каждому по рисункамъ куполы Святаго Гроба, Воскресенія и куполь Скалы, Куббетъ эс-Сахра, которую всегда смѣшиваютъ съ Омаровою мечетью, Эль-Акса, стоящей рядомъ. Прекраснымъ пятномъ возвышалось массивное зданіе католической семинаріи, полагая свою тяжелую, неразделенную массу храмъ Святаго Гроба; немного далѣе къ югу на самомъ Сіонѣ видѣлись круглые, византійскіе куполы двухъ обширныхъ спагоговъ. Горячій свѣтъ обливалъ всю эту каменную громаду. Глаза, утомленные печальнымъ однообразіемъ сѣрыхъ и коричневыхъ тоновъ, невольно обращались къ чудному сапфировому небу, единственной краскѣ, которой не могъ лишиться Іудею человекъ.

До Яффскихъ воротъ ходьбы не болѣе десяти минутъ. Дорога плетъ среди строящихся домовъ армянскихъ, французскихъ, еврейскихъ. По этой новой улицѣ, усѣянной обломками камня, покрытой бѣлою пылью, происходитъ безпрерывное движеніе. Феллахи въ широкихъ абахъ, Греки въ шаджакахъ, жида съ пейсами, ослы, верблюды, экипажи придаютъ мѣсту очень оживленный видъ. Кавасъ, съ бичемъ въ рукахъ, внушительно покрикиваетъ на встрѣчныхъ, но, на самомъ дѣлѣ, безъ необходимости, потому что при всей толкотнѣ люди и животныя движутся очень осторожно, никого не задѣвая, даже собакъ, которыя разгуливаютъ и лежатъ на дорогѣ. Меня всегда удивляло согласіе, въ которомъ живутъ на Востокѣ люди и домашнія животныя. Никогда я не видалъ, чтобы понукали ослонъ, верблюдовъ или лошадей иначе, какъ крикомъ, особымъ для каждаго пзъ этихъ животныхъ, или грубо обращались съ бездомными псами, наполняющими улицы. Въ свою очередь разнообразныя животныя не лччатся и не пугаются другъ друга. Въ замѣчательной смѣтливости ослонъ и лошадей убѣждаютъ все съ перваго шага внутрь страны. Если кому создана совершенно несправедливая репутація глупости, то это безъ сомнѣнія разсудительному, выносливому и

безконечно терпѣливому ослу. Нельзя не почувствовать прекрещенной симпатіи къ этому милому животному. При этомъ осель очень изящно сложенъ и голова его, съ большими, кроткими и умными глазами, очень красива, гораздо привлекательнѣе, чѣмъ у муловъ и лошаковъ. Ъзда на крупномъ ослѣ, на широкомъ и мягкомъ восточномъ сѣдлѣ чрезвычайно покойна и пріятна, а выносивъ онъ чуть ли не болѣе лошади.

Толкотня усиливается по мѣрѣ того, какъ подходимъ къ городскимъ воротамъ. Здѣсь уже магазины съ европейскими товарами, съ произведеніями Вплеема и другихъ мѣстъ, назначенными для поклонниковъ. Налѣво отъ воротъ массивная „башня Давида“, массивный четверугольный замокъ, бывшая башня Фазаэль, крѣпкая цитадель, выстроенная Иродомъ. Она имѣетъ до двадцати метровъ вышины, и массивные выпускные камни свидѣтельствуютъ объ ея древности. Тѣтъ при разореніи Іерусалима оставилъ эту башню въ цѣлости, какъ образецъ тѣхъ сильныхъ укрѣпленій, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло. При взятіи Іерусалима крестноносцами эта башня защищалась долѣе всѣхъ. При раздѣлѣ добычи она досталась Пизанцамъ, вмѣстѣ съ Яффскими воротами. Она была реставрирована въ XIV и XVI столѣтіяхъ. Теперь Турки содержатъ тамъ стражу. Въ казематахъ стоятъ ржавыя пушки, очень опасныя для стрѣляющихъ изъ нихъ, и хранится порохъ, грозящій ежечаснымъ взрывомъ вслѣдствіе крайней небрежности храненія и неосторожности турецкихъ солдатъ. Внутри укрѣпленія сохранился только древній цистерны. Не подлежитъ сомнѣнію, что Фазаэль, какъ и другія Иродовы постройки, былъ соединенъ подземнымъ ходомъ съ дворцомъ, Антоніей и храмомъ, но это сообщеніе пока еще не обнаружено. Ровъ около Фазаэля нынѣ засыпанъ и густо поросъ кактусами и колючками.

Тотчасъ за воротами начинается запутанный лабиринтъ іерусалимскихъ улицъ, настолько узкихъ, что движеніе экипажей по нимъ невозможно. Улицы идутъ прихотливыми ломаными линіями, то спускаясь, то поднимаясь среди высокихъ сѣрыхъ домовъ, въ стѣнахъ которыхъ видны крупныя древнія камни, непохожіе на остальной жалкій строительный матеріалъ, колонны съ искалѣченнымъ капителями коринтскаго и византійскаго стиля, заложенные арки, глубоко ушедшія въ землю. Иногда узкій, какъ щель, переулокъ уходитъ сбоку внизъ, зіяя по сторонамъ черными дырами тѣсныхъ воротъ или дверей, съ крошечными окнами въ

стѣнахъ, задѣланными массивною желѣзною рѣшеткой. Сверху, на сѣвемъ небѣ яркими пятнами свѣтятся арки, переброшенные черезъ улицу, восточные балконы, непроницаемые для постороннихъ взглядовъ, или дома, неожиданно оказавшіеся надъ крышами улицы на высотахъ естественныхъ или наносныхъ. Внизу лавки, циркульи, кофейни, тѣнь и сырость въ домахъ, заставляющая Іерусалимлянъ даже лѣтомъ кутаться въ теплую одежду. Монахи, обитатели греческихъ монастырей, даже лѣтомъ носятъ подъ рясою шубку. Вблизи греческой патриархіи, въ одномъ изъ проходоу къ Святому Гробу, Латиняне и Греки воздвигаютъ обширныя постройки. Блаженнѣйшій владыка іерусалимскій отстраиваетъ большую гостиницу, которая, надѣеся, будетъ болѣе удобна для православныхъ паломниковъ, нежели пынѣшній греческій страннопріимница.

Западная часть города населена преимущественно христіанами, тѣснящимися около своей величайшей святыни. Храмъ находится въ среднѣмъ четырехугольникѣ, ограниченнаго четырьмя улицами, стороны котораго на сѣверѣ (турецкая госпитальная улица) имѣетъ около 155 метровъ длины, на востокѣ (базаръ Ханъ еи-Цейтъ)—120 м., на югѣ (Ед. Доббагинъ)—140 м. и на западѣ (Христіанская улица) 110 метровъ. Большая часть Христіанской улицы, по правой сторонѣ, напротивъ греческой патриархіи, и с.-з. уголь по Госпитальной занятъ мусульманскими постройками: на углу—Саладинова больница (Ханка), въ среднѣмъ—частное владѣніе, смежное съ часовней Сиріанъ, самымъ западнымъ выступомъ ротонды Святаго Гроба, и южнѣе—небольшая мечеть. Мусульманамъ принадлежитъ самая ничтожная часть упомянутой четырехугольной площади. Въ среднѣмъ западной половины ея лежитъ самый храмъ, облѣленный греческими, латинскими, коптскими, абиссинскими и русскими постройками настолько, что лишь метровъ пятнадцать южной стѣны его, съ единственнымъ входомъ, свободны отъ загражденій. Кромѣ этого клочка стѣны только куполь Ротонды и куполь греческаго собора Воскресенія видны снаружи. Грекамъ принадлежитъ львиная доля въ этой площади: вся ю.-з. сторона и обширный Харлампіевскій монастырь на с.-в. Съ ю.-в. угла, отдѣляя храмъ отъ базара, подходитъ къ храму русское мѣсто, застроевное гостиницей и базиликой. Отъ крайняго восточнаго отдѣленія храма—прѣдѣла Обрѣтенія Креста—русское зданіе отстоитъ только на пять метровъ, занятыхъ стѣнами абиссинскаго монастыря. Латиняне и

Армяне владѣютъ наименьшимъ пространствомъ, но ихъ построй-ки имѣютъ непосредственное сообщеніе съ храмомъ. Такимъ образомъ, отъ христіанъ зависѣтъ освободить храмъ отъ окружающихъ построекъ, окружить его значительною площадью, возстановить на ней величавую постройку Св. Елены съ прежними дворами и проплеями. Даже сохраненіе маленькой турецкой мечети на Христіанской улицѣ не мѣшало бы дѣлу, тогда какъ отчужденіе турецкаго дома у сирійской капеллы составляетъ только вопросъ денежный. Въ 1865 году императрица Евгенія обратилась къ императрицамъ и королевамъ Европы съ приглашеніемъ возстановить храмъ Гроба Господня въ его прежнемъ величїи. Предполагалось расширить его, предоставить правую сторону Латинянамъ, лѣвую — православнымъ, среднюю же оставить въ пользованїи всѣхъ христіанъ безъ различїя. Конечно, имѣлась въ виду реставрація не въ стилѣ константиновской эпохи, а въ готическомъ, XII вѣка. Хотя предоставлялось конкурсу всѣхъ европейскихъ художниковъ выработать лучший проектъ, но вопросъ уже былъ предрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что реставрація поручалась Виолле-ле-Дюку, величайшему знатоку средневѣковой архитектуры. Конечно, никто не отозвался на этотъ призывъ, обнаруживающій полное невѣдѣніе палестинскихъ отношенїй. Хотя храмъ и былъ обстроенъ крестоносцами въ готическомъ стилѣ, чему свидѣтельствомъ остался вышнїй порталъ, но нѣтъ никакого основанїя придерживаться готики при реставраціи константиновскихъ сооружений, до сихъ поръ еще замѣтныхъ внутри. Обновленіе храма по общему соглашенію всѣхъ совладѣльцевъ православныхъ, Латинянъ, Армянъ, Сирїйцевъ, Коптовъ никогда не состоится. Это важное дѣло можетъ совершиться только сплнною государственною властью, которая отмѣнитъ вѣковыя права представителей различныхъ вѣроисповѣданїй и установитъ ихъ отношенїя къ святынѣ на новыхъ основанїяхъ.

Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ мы пришли къ лѣстницѣ въ узкомъ проходѣ между старою греческою патриархіей и мечетью и, спустившись по ней, неожиданно очутились предъ вратами храма на небольшой площадкѣ. Базисы колоннъ указывали, что отъ улицы она была отдѣлена нѣкогда аркадой изъ пяти арокъ: широкой въ среднїй и четырехъ болѣе узкихъ, по двѣ съ каждой стороны, составляя открытый церковный дворъ. Отъ бывшей аркады три ступени внизъ ведутъ на упомянутую площадку, на которой справа стоятъ высокія греческія часовни (въ одномъ

маіин) Св. Іакова, брата Божія, Маріи Магдалины и Сорока Мучениковъ; стѣна—греческій Авраамія монастырь, коптская и армянская церкви. Натѣ Сорока Мучениками высятся колокольня: готическая башня, верхній этажъ которой разрушенъ, но по стариннымъ рисункамъ башня имѣла еще въ XV столѣтіи три этажа, зубчатый карнизъ и восьмигранный куполь; она стояла отдѣльно отъ храма, нынѣ же вошла въ составъ его. Время построения ея опредѣляютъ въ 1160—1180 годахъ.

Неизраченъ единственный фасадъ храма. Высокій прямоугольникъ, почти квадратъ, стѣны, сложенной изъ неровныхъ тесаныхъ камней на толстомъ слое цемента, пересѣченъ сильно выступающимъ карнизомъ на половинѣ высоты. Внизу и вверху по двойной готической аркѣ, почти круглой, опирающейся на тройныя колонны съ коринтскими кантелями. Колонны вверху обрублены въ капитальной стѣнѣ изъ тѣхъ же камней, внизу онѣ мраморныя. Въ верхнихъ аркахъ, въ особыхъ нишахъ, украшенныхъ небольшими колонками, два окна, по одному въ аркѣ, готической формы; имъ соответствуютъ внизу широкія двери, занимающія все пространство арки въ ширину, а въ вышину не болѣе 2/3, наравнѣ съ колоннами, подпирающими арку, внутри которой видна мраморный фризъ съ изображеніемъ различныхъ моментовъ воскресенія Лазаря, входа Господня въ Іерусалимъ и Тайной Вечери; надъ второю (правою) аркой фризъ представляетъ растительную волюту, въ которой находятся люди, птицы, плоды, цвѣты, можетъ-быть, имѣющіе символическое значеніе. Фризы изваяны изъ мрамора во времена латинскихъ королей. Верхняя часть арокъ надъ фризомъ состоитъ изъ глухой стѣны. Только въ лѣвой аркѣ находятся массивныя двери, единственный проходъ въ храмъ, правая арка заложена камнями. Были и другія двери въ храмѣ, стѣны которыхъ существуютъ на западной и восточной стѣнѣ; онѣ заложены Турками, когда храмъ былъ обращенъ въ мусульманскую доходную статью, чѣмъ отчасти остается и до сего дня. Такой же карнизъ, который раздѣляетъ верхнія арки отъ нижнихъ, вѣнчаетъ фасадъ. Наружный видъ храма Святаго Гроба, по видимому, не измѣнился съ конца Среднихъ Вѣковъ. Древнѣйшее изображеніе храма находится въ напечатанномъ въ Майнцѣ въ 1486 году путешествіи Брейденбаха, который посѣтилъ Св. Градъ въ 1483 году. Мы воспроизводимъ гравюру этой рѣдкой книги.

Мы нашли двери запертыми. Храмъ отворяется съ восходомъ

солнца, то-есть часовъ въ 6—7, затѣмъ въ 10¹/₂ часовъ заширается до 2—3 часовъ, а въ 6 часовъ опять заширается. Литургія при Гробѣ Господнемъ всегда совершается ночью, съ полуночи до восхода солнца. Чтобы присутствовать при ней, нужно провести цѣлую ночь въ храмѣ, подъ замкомъ турецкой стражи. На площадкѣ бродили греческіе монахи и неподвижно, какъ статуи, сидѣли темноплицыя Эѳіопы, красиво драпнуясь въ черныя и бѣлыя плащи изъ легкой шерстяной ткани. Мы не ожидали этого пренятствія, совершенно забывъ о здѣшнихъ порядкахъ. Я, впрочемъ, былъ доволенъ такою задержкой. Чѣмъ ближе я подходилъ къ храму, тѣмъ болѣе овладѣвало мной смущеніе. Я чувствовалъ себя неготовымъ приблизиться къ Голгоѣ и Святому Гробу: не архитектурное же произведеніе пришелъ я смотрѣть! Поэтому я предложилъ моимъ спутникамъ познакомиться съ русскими постройками, которыя были открыты и освящены нѣсколько дней тому назадъ.

III.

Древній городской порогъ.—Копты и Эѳіопы.

Участокъ земли, занятый русскою базиликой и гостиницей, имѣеть громадное значеніе для топографіи древняго Иерусалима и первостепенную важность среди святынь Иерусалима.

Голгова и пещера Святаго Гроба находятся внутри города, за стѣной, реставрированной въ 1536 году на фундаментѣ древней городской стѣны. Хотя Иисусъ Христосъ пострадалъ внѣ вратъ, хотя древніе еврейскіе учителя признавали необходимымъ не допускать мѣсть погребенія ближе 50 локтей отъ городской стѣны, нахожденіе этихъ святынь внутри города нимало не смущало вѣрующихъ въ теченіе пятнадцати вѣковъ. Непрерывная традиція опредѣленно указывала мѣсто страданія, смерти и воскресенія Богочеловѣка. Христіанская община, порвавъ связи съ юдаизмомъ, по разрушеніи храма, вернулась на Сіонъ и, конечно, хранила память о мѣстахъ пекунптельнаго страданія Спасителя. Враждебный христіанамъ Адрианъ, преслѣдуя ихъ, сталъ невольнымъ виновникомъ еще большаго огражденія подлинности христіанской святыни: онъ повелѣлъ засыпать Голгову и примыкающую къ ней котловину съ гробницами и построить на Голгоѣ капище Венеры-Астарты, а надъ пещерой—Юпитера-Сераписа.

Сохранились двѣ монеты Антонина Пиа, на которыхъ изображена кумирня и въ ней Астарта съ черепомъ въ рукахъ; профессоръ Олесницкій полагаетъ, что изображеніе относится къ Голгофѣ.¹ Такъ какъ Сераписъ—воскресшій Озирисъ, то и языческіе памятники указывали на смерть и воскресеніе въ этихъ мѣстахъ. Равноапостольной царицѣ Еленѣ безъ затрудненія указали мѣсто, и когда храмъ Астарты былъ срытъ и снита насыпъ, сдѣланная Адрианомъ, Гробъ Господень и Голгофа оказались въ совершенной цѣлости. Тѣмъ не менѣе въ наши вѣкъ возникли сомнѣнія въ подлинности сихъ мѣстъ именно вслѣдствіе находженія ихъ внутри города. Было извѣстно, что Іерусалимъ три раза мѣнялъ свою окружную черту, присоединяя къ древнему городу Іевусеевъ и Давида предмѣстья, выросавшія съ сѣверо-западной стороны. Нееми возстановилъ вторую стѣну, которая существовала во времена Христа, а Иродъ Агриппа, въ 43 году, обвелъ новое предмѣстье третьей стѣной. Въ этомъ же сѣверо-западномъ направленіи растетъ Іерусалимъ и въ наше время. Но если третья стѣна уцѣлѣла въ общихъ чертахъ донынѣ, если существуютъ слѣды древнѣйшей стѣны царей іудейскихъ, то нельзя того же сказать о второй стѣнѣ, которая, казалось, исчезла безслѣдно подъ позднѣйшими городскими постройками. Определить направленіе второй стѣны значило рѣшить вопросъ о подлинности Голгофы и Святаго Гроба. Единственное связное описаніе ея находится въ книгѣ Нееми, подробно повѣствующей о возобновленіи разрушенныхъ стѣнъ Іерусалима въ послѣдовательномъ порядкѣ участковъ стѣны, порученныхъ отдѣльными товариществами изъ Іудеевъ, вернувшихся изъ вавилонскаго плѣненія, но топографическія указанія Нееми слишкомъ неопредѣленны, чтобы на основаніи ихъ можно было въ точности прослѣдить лпнію обновленной стѣны. Отдавая преимущество мусору и камнямъ, нежели церковной памяти, уфривавъ въ лопату и вилку паче, нежели въ живое свидѣтельство пятнадцативѣковаго преданія, англійскіе и нѣмецкіе ученые протестанты² утверждали, что и во времена Христа вторая стѣна захватывала внутри города нашу Голгофу и пещеру Воскресенія. Достаточно взглянуть на предположенныя ими направленія второй стѣны, чтобы убѣдиться въ полной произвольности такихъ гипотезъ. Отвергая традиціонныя

¹ *Святая Земля*, ч. I, стр. 420.

² Робинсонъ 1841 г., Фергюсонъ 1847 г., Тоблеръ 1876 г., Шильк 1876 г.

мѣста страданія и воскресенія Христа, протестанты должны были, однако, указать на истинную настоящую Голгову: того требовалъ ихъ религіозный принципъ безусловнаго, исключительнаго довѣрія къ писанію, изъ котораго Голговы и новаго гроба Иосифа Аримаѳейскаго выкинуть нельзя. Приходилось искать оба мѣста подалеже и ихъ нашли на сѣверѣ отъ Іерусалима, сначала въ такъ-называемой пещерѣ пр. Іереміи, а потомъ въ недавнее время Кондеръ, командированный англійскимъ палестинскимъ обществомъ (Palestine Exploration Fund), еще сѣвернѣе. Приводилось въ подтвержденіе этого предположенія и то, что отъ преторіи къ новооткрытой Голговѣ ближе, чѣмъ къ прежней, а преторія полагалась тамъ, гдѣ латинская традиція назначаетъ исходную точку для крестнаго шествія по Іерусалиму, то-есть въ цитадели Антоніи, гдѣ нынѣ турецкія казармы, въ сѣверной части Харамы. Бѣда въ томъ, что въ писаніи и древнихъ извѣстіяхъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній о мѣстѣ нахождения сей преторіи; такимъ образомъ одно предположеніе подкрѣпляется столь же недосказаннымъ другимъ предположеніемъ и протестантская Голгова все-таки висѣла на воздухѣ. Высказывались догадки о положеніи второй стѣны, которую все-таки нельзя же было отождествить со стѣной Ирода-Агриппы, но самой второй стѣны никто не видалъ. Казалось бы, дѣло рѣшалось просто: стоило произвести раскопки, скупивъ для этого намѣченные зданія и разрывъ мѣстность до почвенной скалы, но въ Іерусалимѣ, въ особенности въ окрестностяхъ храма Воскресенія, гдѣ сталкиваются взаимовраждующіе интересы различныхъ развѣтвленій христіанскаго міра, гдѣ каждая пядь земли ревниво оберегается его владѣльцемъ, такое рѣшеніе спорнаго вопроса, возбужденнаго протестантами, оказалось невозможнымъ. Прошло 40 лѣтъ прежде, нежели данъ былъ отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Равноапостольный царь Константинъ увѣковѣчилъ святыню Іерусалима великолѣпными сооруженіями, въ 333 г., но они дважды были разрушены до основанія, при Хозроѣ и Гакемѣ, никогда затѣмъ не возобновлялись въ прежнемъ видѣ и относительно ихъ размѣра, расположенія и формъ царствуетъ такая же неопредѣленность, какъ и въ древнихъ описаніяхъ Іерусалимскихъ стѣнъ: раскопки и въ этомъ случаѣ были однаково необходимы и столь же затруднительны.

Въ 1859 году Русское правительство купило у коптскаго священника мѣсто, пространствомъ въ 200 кв. саж., отстоящее на

двѣ сажени къ востоку отъ придела Обрѣтенія Креста въ храмѣ Воскресенія, отдѣленное отъ сего послѣдняго постройками абиссинскаго монастыря. Мѣста оказалось мало для консульства и обширной страннопріимницы и участокъ лежалъ ввустѣ. Въ 1861 году гр. Мельхиору Вогюю было дано нашимъ консуломъ разрѣшеніе произвести поверхностныя раскопки, причемъ обнаружился уголь древнееврейской стѣны и остатки византийской арки. За нѣмъ послѣдовали цѣлый рядъ изслѣдованій Вильсона (1864 г.), Кондера (1872 г.), Клермона Ганно (1874 г.), найдены и исчезли бронзовыя венцы, надписи на камнѣ, каменная престильня; увезены были въ Дублинскую галерею въ Лондонѣ пращевые камни, слѣды осады Іерусалима Титомъ.

Въ маѣ 1881 года заглохнѣй русскій пустырь былъ посѣщенъ Великими Князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами. Немедленно по открытіи Палестинскаго Общества, Августѣйшій предѣдатель его далъ необходимыя средства для полной расчистки этого мѣста. Нынѣшнею осенью Палестинское Общество отправило ученую экспедицію въ Заіорданье. Послѣ долгихъ проволочекъ русское посольство не могло добиться даже султанскаго фирмана; пришлось удовольствоваться письмомъ визиря къ дамасскому генераль-губернатору; этотъ сановникъ взвалилъ на бюджетъ комиссіи цѣлую араву ненужныхъ чиновниковъ, въ качествѣ соглядатаевъ, и военный конвой разрѣшилъ только осмотръ, запретивъ раскопки, и къ довершенію всего совсѣмъ не пустилъ въ Заіорданье, подъ предлогомъ неспокойнаго положенія туземныхъ арабскихъ ордъ. Въ результатъ - альбомъ фотографій и невозможность какихъ бы то ни было серьезныхъ научныхъ результатовъ, такъ какъ комиссія проѣхалась по западному Хаурану, уже прекрасно изслѣдованному иностранцами раньше насъ. Мы уже касались въ книгѣ *Святая Земля и Православное Императорское Палестинское Общество* (М. 1891 г.) закоренѣлой враждебности греческаго святогробскаго братства ко всякому русскому начинанію во Святой Землѣ и объ этомъ пока распространяться не будемъ. Въ данномъ случаѣ потребовалась огромная переписка, длившаяся почти годъ, прежде чѣмъ добился разрѣшенія расчистить нашъ участокъ. Подъ наблюденіемъ и руководствомъ начальника русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, о. архимандрита Автоица и при непосредственномъ участіи іерусалимскаго архитектора Шика, раскопки дали слѣдующіе результаты:

1) Остатки принадлежатъ двумъ эпохамъ: къ древнееврейской отнесется стѣны и пороги, къ позднѣйшей: колонны, арка, остовы столбовъ и поперечныя стѣны.

2) Древнееврейскія стѣны составляютъ уголь зданія, обращенный лицевою стороною къ *городу*, одна стѣна идетъ съ сѣвера на югъ, другая съ востока на западъ, продолжаясь, послѣ соединенія съ первою, на востокъ.

3) На этомъ продолженіи она прерывается древнимъ порогомъ изъ цѣльной плиты, на которой сохранились гнѣзда вереи; послѣ порога, къ востоку, новый кусокъ стѣны.

4) Отъ этого куска идетъ съ сѣвера на югъ еще стѣнка древней постройки.

5) Супротивъ этой стѣны, нѣсколько короче ея, параллельно ей возвышается рядъ плитъ указывающій на возвышенный древній помостъ, прислоненный къ южной стѣнѣ, идущій съ востока на западъ, въ которой открыты были три прохода.

6) Очищенная отъ мусора, до скалистой почвы, мѣстность замѣтно повышается съ востока на западъ, по направленію къ Голгоѣ.

Такимъ образомъ, было зданіе, отъ котораго уцѣлѣли стѣны, обращенныя къ городу, мимо которыхъ шель путь, проходившій возлѣ помоста, пристроеннаго снаружи стѣнѣ. Гдѣ же остальные стѣны, составлявшія уголь сѣверо-восточный, и находился ли этотъ уголь внутри или внѣ города?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дали изслѣдованія Шика, произведенныя ранѣе.

Иерусалимъ, какъ извѣстно, расположенъ на отрогахъ возвышенности, понижаящейся съ сѣвера на югъ. Южныя части его Сіонъ, Моріа, Офель съ трехъ сторонъ окружены глубокими оврагамъ. Съ сѣверо-западной стороны такой естественной защиты нѣтъ и потому необходимо было укрѣпить стѣны города съ этой стороны—ровомъ, который и былъ вырубленъ въ скалистой почвѣ. Если исчезла стѣна, то слѣды ея сохранились и при проведеніи водосточныхъ и отводныхъ каналовъ Шикъ началъ на этотъ ровъ въ многихъ мѣстахъ, давшихъ ему возможность опредѣлить общее направленіе его. Шириной онъ былъ почти въ 17 метровъ, около 8 сажень. Ровъ въ этомъ мѣстѣ, идучи съ сѣвера на югъ, поворачивалъ на западъ, а потомъ опять шель на югъ и затѣмъ снова принималъ западное направленіе. Такимъ образомъ, дѣлалъ на сѣверо-западѣ уголь

выходящій, а на сѣверо-востокѣ уголь входящій, равно какъ и на юго-западѣ. Соединяя входящіе углы рва съ остатками стѣнъ, получаемъ четырехугольникъ, обращенный сѣвѣрною и западною сторонами къ городскому рву, то-есть за городъ.

Юго-западный уголь (входящій) былъ ближайшимъ къ Голгоѣ и здѣсь находились упомянутыя у Нееманъ ворота Ефремовы; отъ нихъ до Голговы около 17 сажень или около 80 еврейскихъ локтей. Проходившіе въ городъ чрезъ эти ворота шли мимо возвышеннаго холма и кивали головами на распятыхъ тамъ.

Открытый четырехугольникъ былъ площадью привратнаго укрѣпленія, въ родѣ того, какимъ является цитадель Фазаэль у Яффскихъ воротъ, существующая донынѣ. Изъ города дорога шла черезъ порогъ, огибала помость, пристроенный снаружи къ цитадели—съ южной стороны и, поворачивая къ сѣверу, направлялась къ воротамъ Ефремовымъ, ближайшимъ къ мѣсту казни. Дщери іерусалимскія (Лук. XXIII, 27), конечно, плакали на улицахъ Іерусалима, а не внѣ города, встрѣчая Божественнаго Учителя, изнемогающаго подъ бременемъ креста; всего естественнѣе представить при спускѣ въ ровъ паденіе Спасителя подъ тяжестью ужасной ноши и встрѣчу Симона Кириинейскаго: обѣ эти подробности не требуютъ болѣе подходящей обстановки, какъ путь, указываемый изложенною реставраціей обломковъ, найденныхъ на русскомъ мѣстѣ. Все говоритъ въ пользу того, что найденный порогъ былъ именно тѣмъ порогомъ, чрезъ который прошелъ Богочеловѣкъ на вольное страданіе и крестную смерть. Замѣтимъ при этомъ, что Константинова базилика *южною* стороною захватила городскую территорію и при этомъ древняя стѣна или остатки ея вошли въ составъ храма вмѣстѣ съ Ефремовыми воротами. Преданіе о проходѣ Спасителя на Голгову чрезъ эти именно ворота уцѣлѣло въ извѣстін арабскаго географа Идриси (1154 г.), который, описывая храмъ, называетъ *южныя* врата—*вратами распятія* (al Salūbiyah).¹

О значеніи помоста скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Открытие порога произвело въ Іерусалимѣ глубокое впечатлѣніе. Иновѣрцы и православные не могли сомнѣваться въ подлинности находки. Тутъ не было сомнѣній, которыя всякому дозвоительно имѣть относительно, напримѣръ, всѣхъ 12 станцій латинскаго крестнаго пути или различныхъ урочищъ въ храмѣ

¹ См. *Le strange, Palestine under the Moslems*, London, 1891 г.

Св. Гроба, въ родѣ мѣста стоянія Маріи Магдалны, не говоря уже о разныхъ „святыняхъ“ іерусалимскихъ окрестностей. Этотъ узкій, пзѣденный временемъ, истоптанный проходящими древній камень былъ несомнѣнно освященъ стопами Спасителя въ послѣдній великій день Его земной жизни. Нужно замѣтить, что латинскіе палестиновѣды первые признали рѣшающее значеніе нашихъ раскопокъ для топографіи древняго Іерусалима. „Это одинъ изъ важнѣйшихъ развалинъ въ Іерусалимѣ, говоритъ аббатъ Монике. ¹ Слѣдуетъ радоваться, что развалины эти достались въ руки самыхъ честныхъ и самыхъ ученыхъ схизматиковъ Іерусалима. Имъ слѣдуетъ сохранить эту святыню неприкосновенною и, кажется, они къ этому расположены.“ Прошло слишкомъ три года прежде, чѣмъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ добилося отъ турецкаго правительства разрѣшенія выстроить на этомъ мѣстѣ зданіе по представленному плану. 13 сентября 1887 года въ день, когда 1554 года тому назадъ былъ освященъ на этомъ самомъ мѣстѣ первый христіанскій храмъ святою царницей Еленой, былъ положенъ первый камень перваго русскаго дома, первой русской церкви въ Св. Градѣ! Прошло еще три года. Преодолѣли массу техническихъ затрудненій, не щадя трудовъ и денегъ. Іерусалимскій архитекторъ Франгіа велъ постройку. На неправильной площади участка воздвигалась церковь въ сѣверной части, жилья помѣщенія, отдѣльныя комнаты 3 классовъ и общія палаты для поклонниковъ, столовая, службы—въ южной. Помость, прислоненный къ стѣнамъ, послужилъ площадью для церкви, высокой, свѣтлой, устроенной въ формѣ базилики, безъ купола.

Черный Арабъ, свергая великолѣпными зубами и пославъ намъ на встрѣчу воздушный поцѣлуй, ласково отворилъ намъ двери новаго русскаго дома. Инстинктивно, какъ бы сговорясь, мы оттягивали приближеніе къ порогу и начали съ осмотра жилыхъ помѣщеній сверху до низу. Изъ нихъ мы спустились въ базилику. Запустѣніемъ вѣяло на мѣстѣ святѣ. Она на помостѣ, но помость не имѣетъ уже вида лпѣостратона: мраморный пестрый полъ изъ черныхъ и бѣлыхъ плитъ, какъ представляютъ себѣ лпѣостратонъ, если такой здѣсь и былъ, уже исчезъ; остался только помость, да и то отчасти, на которомъ находилась

¹ Прекрасная статья аббата Монике переведена въ 7 выпускѣ *Православнаго Палестинскаго Сборника*, 1884 г., стр. 185 сл.

александрійская мозаика (opus alexandrinum). Однорусный иконостасъ ушло стоять у алтарной стѣнки. Образа — очень не важной живописи, значительно хуже тѣхъ, которые висятъ въ верхнемъ ярусѣ по стѣнамъ. Особенно неудовлетворительна за престольная икона Христа Спасителя, возблвщаго на *ютиче-скомъ* (1) троѣѣ. На восточной стѣнѣ, въ троичаствномъ окнѣ, на стеклахъ написано Распятіе. Не отвергая эффектности подобнаго церковнаго украшенія, нельзя не замѣтить, что православная церковь не одобряетъ свещенныхъ изображеній на хрупкихъ материалахъ, какъ стекло. Живопись была бы, сама по себѣ, дурна, еслибы тѣло Христа не было такъ массивно. Этотъ недостатокъ въ особенности замѣтенъ именно въ живописи на стеклѣ, придающей фигурамъ преимущественно воздушный, безтѣлесный характеръ. Миѣ кажется, что одинъ изъ тѣхъ символическихъ крестовъ, которые эмблематически напоминаютъ Распятіе и которыми такъ богато древнехристіанское и средневѣковое искусство, въ нашей базилкѣ былъ бы уместѣе.

Обойдя базилику, мы спустились къ проходу и пошли на встрѣчу къ древнему городу по тому пути, по которому Спаситель несъ крестъ. Повернувъ налево, между массивныхъ обломковъ древней стѣны, мы подошли къ рѣшеткѣ, ограждающей порогъ. Онъ состоитъ изъ двухъ громадныхъ плитъ, весьма потертыхъ и какъ бы вылощенныхъ отъ долговременной ходьбы по нимъ. Линія большихъ дверныхъ створокъ видна совершенно отчетливо, обозначенная выбоиною въ камнѣ на протяженіи 2,5 метра, съ двумя по краямъ ямками не равной величины для утвержденія пяти бывшихъ створчатыхъ дверей. Средина порога, именно въ мѣстѣ соединенія плитъ, несмотря на то, что глубоко выбита стопами людскими, представляетъ очеркъ четверугольной ямки, въ которой утверждался дверной засовъ, когда ворота были на половину или совсѣмъ запертыми. Послеъ того, какъ ямка была не въ мѣру развѣдена желѣзомъ, по сосѣдству же съ нею, но уже не въ срединѣ двернаго поперечника, выдолблена была другая, имѣющая видъ пятки обыкновеннаго ключа.^{4 1}

12 июня (4 апрѣля) 33 года густая озлобленная толпа садукейскихъ клеветовъ тѣснлась въ этомъ узкомъ проходѣ, наполняя воздухъ семитическимъ гортаннымъ воемъ. Легіонеры лонгиновой сотни грубо и презрительно осаживали насѣдающую

⁴ *Прав. Палест. Сборникъ*, выпускъ 7, стр. 26.

чернь коньями, охраняя осужденныхъ, ведомыхъ на мѣсто казни. Среди безчувственныхъ или искаженныхъ злобой лицъ одинъ только ликъ, блѣдный и измученный, сиялъ кроткимъ свѣтомъ безропотной покорности Божественной волѣ, одинъ только изъ всѣхъ осужденныхъ выспимъ, нечеловѣческимъ и человѣческимъ, здѣшнимъ судомъ, помышлялъ не о себѣ, а о дѣтяхъ и женахъ, оплакавшихъ Его уже на пути и черезъ силу, изнемогая, влачили по пыльнымъ камнямъ тяжелое крестное древо до послѣдней мучительной остановки на земномъ пути. Она была уже близка, она была возлѣ...

Мы преклонили колѣна у сѣрой плиты и молплись, сотрясаемые воспоминаніями. Тотъ, Кого душа наша ощущаетъ въ моментъ величайшихъ радостей и къ Кому взываетъ въ безвыходномъ горѣ, былъ близко отъ насъ въ эти минуты...

Мы вновь поднялись на кровлю русскаго дома. Къ востоку отъ насъ, какъ на ладони, лежалъ дворъ Соломонова или Ирода храма, харамъ-эшъ-шерифъ съ великолѣпною мечетью, осѣняющею скалистое гумно Орны Іевуссея, святое святыхъ, недоступное мѣсто кпвота завѣта въ древнемъ храмѣ Давида и его преемниковъ. Обложенная драгоценнымъ мраморомъ, голубымъ и желтымъ пзразцами, подъ раздутымъ тяжелымъ куполомъ пзъ черноснпяго свпнца, мечеть была подернута горячею мглой жаркаго осеняго дня. На широкомъ, пустынномъ дворѣ были разбросаны кипарисы, видѣлись портнки, невѣдомо зачѣмъ построенные и массивное зданіе обширѣйшаго пзъ іерусалимскихъ зданій,—Омаровой мечети эль-Акса—великой базилики Ирода, въ которой училъ Христось, позднѣе—христіанскаго храма въ честь Богоматери, затѣмъ—монастыря рыцарей храма. Изъ-за домовъ подпмалпсь на Сіонѣ куполы ротшильдовскихъ синагогъ. „Если въ городѣ будутъ зданія выше синагогъ, они должны быть разрушены“, училъ Талмудъ. Прямо около насъ къ западу примыкаютъ къ нашей террасѣ кровля Аврааміевскаго монастыря и абиссинскій монастырь.

Такъ какъ храмъ еще былъ запертъ, мы отправились къ Абисинцамъ и Коптамъ, нашимъ ближайшимъ сосѣдямъ. Мы ровно ничего не дѣлаемъ для нихъ, но едва ли кто-либо пзъ пновѣрцевъ и даже единовѣрцевъ въ Іерусалимѣ относится къ Россіи съ бѳльшимъ почтеніемъ и дружелюбіемъ, какъ эти бѣдные африканскіе еретики: Копты и Эеіюны—монофелиты, послѣдователи Евтихія. Не взирая на общность вѣропсвѣданія, обѣ народ-

ности держатся другъ отъ друга особнякомъ, вслѣдствіе различія въ богослужебномъ языкѣ. Фактически Эѳіопская церковь пользуется полною независимостью и, вслѣдствіе уединеннаго положенія Эѳіопіи, одичала и отличается многими особенностями. Обособленію Эѳіоповъ отъ Коптовъ способствуетъ и различіе въ языкѣ. Коренные Египтяне, Копты давно подверглись полной арабизаціи. Коптскій языкъ, имѣвшій уже во второмъ или третьемъ вѣкѣ полный переводъ священнаго писанія, въ настоящее время извѣстенъ только ориенталистамъ и коптскому духовенству, хотя, попрежнему, богослуженіе совершается на коптскомъ языкѣ. Жестокое угнетеніе было постоянною и неизмѣнимою судьбой туземцевъ Нильской долины. Изъ пятимилліоннаго коптскаго населенія Египта только 408.903 души, ¹ утративъ языкъ, остались вѣрны христіанству, и не поддаются даже прельщеніямъ западной пропаганды. Въ X вѣкѣ съ ихъ помощью патріархи возстановляютъ храмъ Гроба Господня, разоренный Арабами-мусульманами. ² Коптскій монастырь, примыкающій къ храму Гроба Господня, упоминается уже въ XV вѣкѣ. Привиженные и обнищавые Копты съ египетскимъ терифіемъ удержались при Гробѣ Господнемъ, сохранивъ даже маленькую часовню при самой пещерѣ. Коптскій домъ удивилъ насъ солидностью постройки, просторными залами и сравнительнымъ благолѣпіемъ церкви. Устройство ея почти ничѣмъ не отличается отъ православнаго храма. Алтарь отдѣленъ иконостасомъ, предъ которымъ такіе же высокіе подсвѣчники, какъ у насъ. Противъ сѣверныхъ и южныхъ вратъ клиросы съ аналоями, на которыхъ лежатъ книги, писанныя крупными коптскими буквами, съ кивонарью, на толстой лощеной бумагѣ. Царскія врата были открыты и завѣшаны красною завѣсой. На иконѣ за клиросомъ былъ изображенъ евангелистъ апостолъ Маркъ, первый епископъ Александрійскій, въ архіерейскомъ облаченіи. Живопись вообще чрезвычайно аляповата, безвкусна и безхарактерна. Всѣ иконы писаны здѣсь греческими иконописцами. Древнихъ иконъ нѣтъ. Коптскій епископъ живетъ въ Яффѣ, но здѣсь собирается синодъ, и пріемныя комнаты хорошо меблированы и украшены въ арабскомъ стилѣ стѣнною живописью. Здѣсь же находится и ризница. Коптскихъ церковнослужителей немного. Я не видалъ ни одного монаха въ

¹ *The Encyclopaedia of Missions*. V. 1, 10, New York, 1891.

² *Илл. Сб.*, XI, 265.

этомъ монастырѣ. На лѣстницѣ, ведущей въ монастырь, въ стѣнѣ видны остатки византійской арки и капитель византійскаго стѣла.

Несравненно бѣднѣе и характернѣе эіопскій монастырь. Эти темнолюкіе христіане не любятъ, чтобъ ихъ называли *Хабеси*. Абиссинцамъ,—слово придуманное Арабамъ, и сами себя именуютъ Эіопами. Но прежде чѣмъ говорить о томъ, что мы встрѣтили у нихъ, не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ объ Эіопахъ. Они заслуживаютъ нашего вниманія во многихъ отношеніяхъ. Безъ благожелательнаго отношенія къ Русскимъ этихъ христіанъ, намъ не пришлось бы ни купить приобрѣтеннаго мѣста, ни произвести раскопокъ, ни возвести построекъ. Тяготѣние восточныхъ христіанъ къ Россіи, явно идущей на смѣну Грекамъ въ качествѣ первенствующей православной національности, давно уже проявилось среди Коптовъ и воздерживается только жестокимъ давленіемъ мусульманскихъ властителей страны. Симпатіи къ далекой Россіи зарождаются и въ тропической Эіопіи. Новѣйшая исторія втягиваетъ въ свой круговоротъ отдаленнѣйшія страны, до сихъ поръ жившія изолированной жизнью, въ качествѣ живыхъ политическихъ факторовъ, а не какъ предметъ одной экономической эксплуатаціи. Чередъ пришелъ и для Эіопіи, съ тѣхъ поръ какъ Суэзскій каналъ обратилъ Красное Море въ одно изъ наиболѣе посѣщаемыхъ морей земнаго шара, и придалъ его побережьямъ важное значеніе; изъ странъ же, прилегающихъ къ водамъ Краснаго Моря, Эіопія, щедро надѣленная природными богатствами, съ превосходнымъ климатомъ, занимаетъ, вѣроятно, первое мѣсто. Египетскій вопросъ, приобрѣтающій съ каждымъ годомъ большее значеніе и, быть-можетъ, составляющій начало окончательнаго рѣшенія вопроса о мусульманскомъ владычествѣ въ древнехристіанскихъ областяхъ восточной имперіи, придаетъ еще болѣе значенія христіанскому государству въ тропической Африкѣ, для Россіи отнюдь не безразличнаго.

Эіопія можетъ быть по справедливости названа африканскою Швейцаріей. Горная возвышенность въ 9.000 ф. надъ моремъ круто обрывается на востокѣ, къ знойной низменности, отдѣляющей ее отъ моря, и постепенно понижается къ западу. Внутри страны проходятъ хребты снѣговыхъ горъ и глубокія долины, орошаемыя быстрыми рѣчками. Пространствомъ Эіопія болѣе Франціи (244 т. кв. миль). Горы раздѣляютъ страну на пять главныхъ провинцій, политическая связь которыхъ довольно

неустойчива. Населеніе достигаетъ 6—7 милліоновъ весьма смѣшаннаго происхожденія, откуда и арабское названіе страны—Хабашъ, смѣшеніе. Коренное населеніе родственно древне-египетскому, и ему приписываютъ туранское начало, но оно въ значительной степени воспріяло въ себя негритяскій и семитическій элементы. Семиты изъ юго-запада Аравіи принесли въ страну языкъ, политическое устройство и религію. Эѳіопія получила христіанство изъ Египта въ IV вѣкѣ. Объ этомъ повѣствуется такъ. Турскій философъ Мероній отправился путешествовать въ Индію (сѣвродно въ Южную Аравію), взявъ съ собою племянниковъ Эдесія и Фрументія. На возвратномъ пути, во время остановки у западныхъ береговъ Краснаго Моря, на корабль напали туземцы, ограбили корабль, избили всѣхъ бывшихъ на немъ и пощадилъ только Эдесія и Фрументія, которыхъ продали царю Элоаду въ Аксумѣ. Царь вскорѣ замѣтилъ даровитость юныхъ Сиріянь, приблизилъ ихъ къ себѣ, а по смерти его имъ вѣрено было воспитаніе и почительство надъ малолѣтнимъ преемникомъ престола. Воспитатели обратили отрока-цари въ христіанскую вѣру. Аксумъ въ то время часто посѣщался египетскими купцами изъ Грековъ. По ихъ ходатайству, Фрументій выстроилъ храмъ и принялъ на себя обязанности священнослужителя. Церковь начала распространяться. Когда царь достигъ совершеннолѣтія, братьямъ даровано было право возвратиться на родину, но Фрументій, пренебреженный ревностію о церкви, не пошелъ далѣе Александріи и, явившись къ великому Аонасію, повѣдалъ ему о состояніи христіанства въ Эѳіопіи. Аонасіи и епископы рѣшили, что никто, кромѣ Фрументія, не въ состояніи разсѣять грубое невѣдѣніе народа и озарить его свѣтомъ евангелія, и посветили Фрументія во епископы Эѳіопіи, куда онъ и вернулся продолжать начатое дѣло. Пользуясь благоклонностію царя, Фрументій сталъ проповѣдывать и подъ конецъ жизни имѣлъ удовольствіе видѣть торжество креста во всей Эѳіопіи. Христіанство безкровно утвердилось въ этой обширной странѣ, и до сихъ поръ тамошняя церковь прославляетъ подвиги Фрументія, именуя его „Вратами Мира“—Абу-Салама. Всѣ книги Св. Писанія въ IV вѣкѣ были уже переведены на эѳіопскій языкъ, вмѣстѣ со многими святоотеческими писаніями и апокрифами, изъ коихъ многіе сохранились только въ этомъ переводѣ. Христіанство распространялось въ окрестныхъ странахъ, въ Нубіи и Кордофанѣ, укрѣпило царскую власть въ Эѳіопіи и дружественныя отношенія

могущественныхъ негусовъ съ восточными императорами. Интереснымъ эпизодомъ этихъ отношеній является походъ эіопскаго царя въ Южную Аравію при Юстинѣ старшемъ.¹ Южная Аравія въ это время находилась въ нѣкоторой зависности отъ Эіопіи, которой, повидимому, принадлежали оба берега Краснаго Моря, слѣдовательно и территория Массавы, захваченная нынѣ Итальянцами. При Констанціи, сынѣ Константина Великаго, въ области города Неджрана (Награна, Негры) утвердилось христіанство. Этотъ городъ, лежавшій на пути между Сааной и Меккой, съ областью входилъ въ составъ Омпритскаго (Омпритскаго) царства, нѣкогда сильнаго, но въ V вѣкѣ пришедшаго въ упадокъ и раздираемаго религіозно-политическими междоусобіями. Евреи составляли могущественную партію и съ помощію ихъ узурпаторъ Дунаанъ, или Ибнъ-Ноуасъ, ревностный прозелитъ и свирѣпый врагъ христіанъ, овладѣлъ властью и началъ жестокое гоненіе противъ Христовой вѣры. Овладѣвъ обманомъ Неджранскою областью, онъ безъ милосердія избивалъ всѣхъ, непожелавшихъ отступить отъ вѣры, и разорилъ всѣ церкви. Въ это время пострадалъ и св. Ареа, старецъ, стоявшій во главѣ мѣстной аристократіи. Одному изъ гонимыхъ удалось бѣжать и онъ представилъ Юстину старшему полусожженное Евангеліе, какъ свидѣтельство еврейскихъ гоненій. Императоръ обратился къ негусу съ просьбой вступить за христіанъ. Царь Эласбаанъ (Елезвой) переправился съ великими затрудненіями въ Аравію, побѣдилъ враговъ и собственноручно умертвилъ плѣчнаго Дунаана, тщетно призывавшаго на помощь персидскаго царя-огнепоклонника въ общей борьбѣ съ христіанствомъ. Христіанство было возстановлено такими же крутыми мѣрами, какія употреблялись противъ него. На престолъ Омпритскій былъ посаженъ христіанинъ Авраамій, не принадлежавшій къ мѣстному царскому роду, который, повидимому, уже прекратился. Помощникомъ и руководителемъ ему явился св. Григорій, епископъ Омпритскій, пришедшій изъ Верхней Италіи. Они возстановили храмы и возвратили въ лоно церкви отпавшихъ въ идоловодство. Неджранская область вновь была подчинена эіопскимъ царямъ, самъ же Эласбаанъ, совершивъ свой подвигъ, по обѣту отослалъ свой

¹ См. Гиббонъ, гл. 43, Encyclopaedia of Missions, Четы-Мисси. житіе св. Григорія Омпритскаго и страданіе св. Ареы и иже съ нимъ, ноябрь 20 октября и 12 декабря—главный источникъ для этихъ событій.

царскій вѣнецъ въ даръ Гробу Господню и, по возвращеніи въ Эѳіопію, отрекается отъ престола и затворился въ монастырѣ, назидая всѣхъ своимъ шоческимъ подвижничествомъ. Абиссинская церковь до сихъ поръ прославляетъ неджранскихъ мучениковъ въ слѣдующемъ тропарѣ: „радуйся красота звѣздъ неджранскихъ, камни многоцѣнные, мѣрь озаряющіе! Да будетъ краса наша миромъ и успокоеніемъ! Когда явится грѣхи мои предъ Божественнымъ Судіей, укажите Ему кровь свою, пролитую во свидѣтельство имени Его!“ Послѣ этого героическаго подвига исторію Эѳіопіи покрываетъ непроглядный тысячелѣтній мракъ. Съ появленіемъ Магомета исчезаетъ христіанство въ Египтѣ, Аравіи, Нубіи и Суданѣ. Полудикія орды наводняютъ Нубію и отрѣзаютъ Эѳіопію отъ моря. Среди магометанскаго потопа, среди взволнованныхъ черныхъ язычниковъ, Эѳіопія, подобно Грузіи, во многомъ напоминающей ее, стойко обороняетъ свою христіанскую самобытность, вѣками борьбы закаляя свою вѣру, отражаетъ могущественныхъ Арабовъ и не поддается католическимъ и протестантскимъ миссіонерамъ, изгоняя ихъ безъ снисхожденія изъ страны и строго карая отступниковъ отъ народнои вѣры и церкви. Со временъ Фрументія Эѳіопія хранитъ связь съ Александрійскою церковью и вмѣстѣ съ Контами уклонилась въ моноелитство. Эѳіопекій примасть, абуна, посвящается Контскимъ патріархомъ, причемъ патріархъ сообщаетъ даръ Св. Духа посредствомъ дыханія въ уста абуны. Говорятъ, что при перерывѣ сообщеній между Египтомъ и Эѳіопіей, патріархъ посылаетъ избранному абунѣ въ Эѳіопію свое дыханіе въ герметически-закрытомъ кожаномъ мѣхѣ. Обряды церкви содержатъ много іудейскаго. Обрѣзаніе во всеобщемъ употребленіи. Богослуженіе совершается на древнемъ языкѣ. Посты занимаютъ 192 дня въ году. Новый годъ начинается 1 сентября. Воздвиженіе Креста, 14 сентября, празднуется какъ и въ православной церкви, и въ Эѳіопіи считается однимъ изъ главнѣйшихъ праздниковъ. Духовенство владѣетъ обширными поземельными имуществами и пользуется большимъ вліяніемъ въ народѣ. Продолжительная изолированность и тяжелыя политическія условія остановили ростъ эѳіопскаго просвѣщенія. Есть слѣды древнихъ отношеній къ Грузіи и Арменіи чрезъ грузинскихъ и армянскихъ монаховъ, жившихъ въ пустыняхъ Египта. Нѣкоторое сходство замѣчается въ начертаніи церковныхъ письменъ Грузіи съ эѳіопскою азбукой. По словамъ священниковъ, въ какомъ-то монастырѣ, стоящемъ

среди озера на западѣ отъ Абиссиніи, хранятся нхъ древнѣйшія святыни и книги, но никто изъ европейскихъ путешественниковъ не проникалъ туда. ¹ Хотя Эѳіопы упоминаются при Гробѣ Господнемъ уже въ XV вѣкѣ, но, вѣроятно, они уже ранѣе имѣли участіе въ пользованіи храмомъ. Въ концѣ XVI вѣка имъ принадлежало участіе въ Голгоѣѣ и капелла сзади греческаго собора Воскресенія. Значительное мѣсто, которое они занимаютъ у храма *надъ церковью св. Елены*, также указываетъ на давность нхъ осѣдлости въ святомъ градѣ. Одно время, въ XVII вѣкѣ эѳіопскимъ монахамъ принадлежало право избирать абуну, ² утверждаемаго потомъ Коптскимъ патріархомъ.

Мы поднялись на кровлю церкви св. Елены, гдѣ расположенъ эѳіопскій монастырь. Среди обширнаго мощенаго двора выступалъ круглый куполъ церкви, находящейся внизу, въ храмѣ Святаго Гроба; по сторонамъ стояли одиночно и по нѣскольку вмѣстѣ каменные кубическія низенькія кельи. Темнолицые мужчины, безбородые и бородатые, въ бѣлыхъ повязкахъ, темныхъ хитонахъ и черныхъ мантияхъ мѣряли пшеницу, мололи ее на ручныхъ мельницахъ, или сидѣли въ открытыхъ кельяхъ съ книгами. Между ними были такія же черныя старухи. Насъ встрѣтили ласково и привѣтливо и предоставили полную свободу разсматривать помещеніе. Справа отъ входа видѣлась въ стѣнѣ часть красивой разрушенной арки, которую Тоблеръ относитъ къ временамъ крестоносцевъ. Мы прошли узкимъ корридормъ въ небольшую длинную церковь. Идя съ востока, нужно пройти вдоль по церкви, огороженной желѣзною рѣшеткой, для того чтобы, повернувъ налѣво, войти въ огороженное пространство, изображающее церковь въ собственномъ смыслѣ слова. Здѣсь также есть алтарь, иконостасъ, пикрустированный по арабски перламутромъ по дереву, соея и клиросы, какъ и у Коптовъ, только живопись еще непскусиѣе и вся обстановка гораздо бѣднѣе. Между иконами были изображенія пр. Макарія Египетскаго, Георгія Побѣдоносца и старинный образъ Вседержителя, греческій. За то, несмотря на отсутствіе богослуженія, церковь была накурена прекраснымъ іерусалимскимъ ладаномъ. Къ рѣшеткѣ были прислонены трости съ длинными поперечницами, на которыя опираются во время чрезвычайно продолжительныхъ

¹ Розовъ, «Христіанство въ Нубіи». Кіевъ. 1890.

² Tobler, Golgotha, 538.

эѳіонскихъ моленій. Изъ этой церкви, къ западу, узенькій корридоръ привелъ насъ въ болѣе свѣтлую, просторную церковь Михаила Архангела, выходящую окнами на площадку предъ храмомъ Святаго Гроба, столь же опрятную, бѣдную и наполненную оміамамъ. Оригинальнымъ въ обѣихъ церквахъ былъ крестъ, нашитый на зеленыхъ алтарныхъ завѣсахъ (катапетастмахъ). Онъ изъ красной шелковой матеріи, равноконечный, украшенный на каждомъ концѣ двумя квадратиками, принятыми угломъ и окруженъ четырьмя маленькими крестами того же вида, но безъ квадратиковъ, по два съ каждой стороны. Такой же крестъ мы видѣли въ новомъ эѳіонскомъ храмѣ, близъ русскихъ построекъ за Ифскими воротами и, если память не изменяетъ, въ *Palaeographie universelle* Сильвестра. Чтобы не возвращаться къ Эѳіонамъ, скажемъ здѣсь же и о послѣднемъ храмѣ. Онъ восьмиугольный, съ круглымъ куполомъ, изъ прекраснаго бѣлаго камня. Алтарь устроенъ посреди храма, имѣетъ три входа съ разныхъ сторонъ и представляетъ круглое, обнесенное стѣной пространство. Въ лѣвыя двери входятъ священники, прямо противъ престола причащаются мужчины, а въ правыхъ—женщины. Вокругъ него идетъ галерея изъ колоннъ. Внутри храмъ представляетъ такимъ образомъ двѣ концентрическія галлерей. Женщинамъ отведена задняя галерея. Живопись на стѣнахъ отличается обыкновенною іерусалимскою нестротою и безвкусіемъ. Для иконостаса и алтаря петербургская покровская община подарила Эѳіонамъ двѣ прекрасныя иконы Спасителя и Богоматери. Покойный Кіевскій митрополитъ Платонъ пожертвовалъ облаченіе для священнослужителей. Другой утвари нѣтъ, церковь бѣдна и ждетъ всего отъ Бога и добрыхъ людей. Эѳіоны строили ее на пожертвованія царя Іоанна, который далъ 800 золотыхъ лиръ и на деньги, выручаемыя изъ продажи смежныхъ съ церковью участковъ земли, уступленныхъ Англичанами и Нѣмцами. Тутъ же не-далекъ порядочный домъ архимандрита. Монахъ, показывавшій намъ эту церковь, отказался отъ обычнаго повсюду бакшиша и предложилъ опустить наше приношеніе въ кружку у дверей церкви: единственную, которую мы видѣли въ Іерусалимѣ.

Своею кротостью, нестяжательностью, непритворною набожностью и аскетизмомъ Эѳіоны внушаютъ глубокое сочувствіе во всѣхъ прѣзжихъ чужеземцахъ. Въ храмѣ Святаго Гроба зачастую видишь, гдѣ-нибудь въ уголкѣ, за колонной, черную фигуру Эѳіона, погруженнаго въ безмолвную бесѣду съ Богомъ, иногда

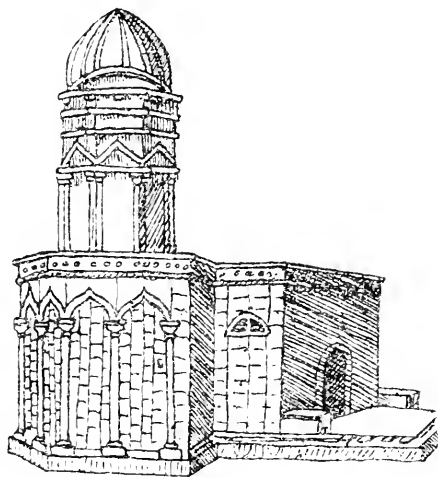
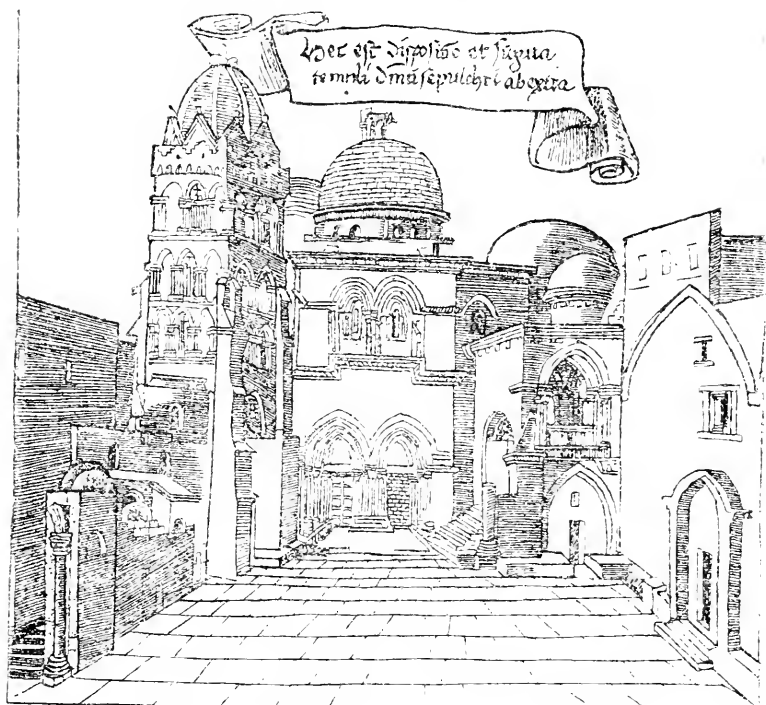
Эѳіопъ неожиданно выступить изъ темной пещеры, молча протягивая вамъ свѣчку, которою вы забыли запастись, и отходить ничего не требуя. Предъ праздникомъ Пасхи многіе изъ нихъ, захвативъ немного хлѣба, старую рукописную книгу и баранью шкуру, удаляются на пустынные берега Иордана и постятся въ тамошнихъ пещерахъ, предаваясь уединенному созерцанію. Не проходитъ года, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не погибалъ тамъ отъ руки Бедуиновъ.

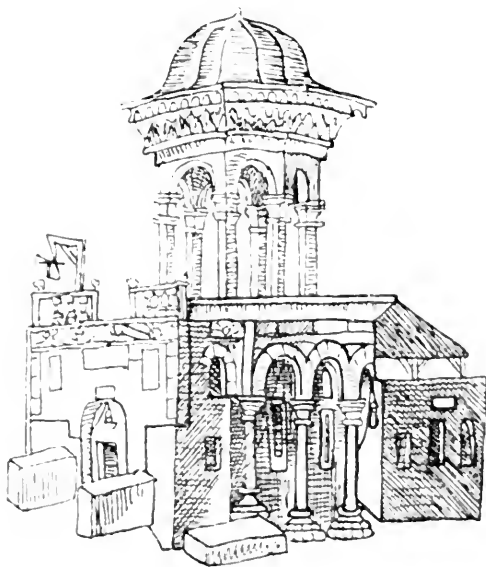
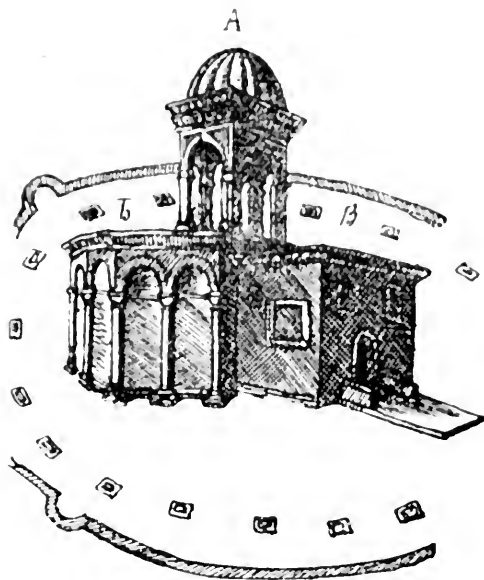
Вѣднхъ Коптовъ и Эѳіоповъ, крѣпкихъ стояльцевъ за свою вѣру противъ мусульманскихъ псувѣровъ, противъ искusstелей Франковъ, я назвалъ еретиками: но справедливо ли возлагать на нихъ всю тяжесть послѣдствій, сопряженныхъ съ этимъ наименованіемъ? Въ большинствѣ случаевъ осужденное лжеученіе само по себѣ увлекаетъ за собою крайне незначительное число людей своимъ догматическимъ содержаніемъ; масса или слѣдуетъ за своимъ пастыремъ, или руководится соображеніями недогматическаго свойства. Да и самое лжеученіе не всегда имѣетъ исключительно религіозную подкладку, безъ примѣси личныхъ, эгоистическихъ поводовъ, честолюбія, корыстолюбія и т. п. Эпоха вселенскихъ соборовъ была временемъ неудержимаго крушенія римскаго государственнаго порядка. На Западѣ варвары силой меча дробили единую имперію на національныя области, на которыхъ сверху лежалъ тонкій слой объединяющаго латинизма; въ то же время на Востокѣ, въ странахъ древней, высокой и самостоятельной культуры, народности сами стремились стряхнуть съ себя гнетъ второй государственной національности, которая, овладѣвъ церковною силой, выражалась въ формѣ эллинизма и, взявъ знамя едино-спасающей вѣры, проникала въ глубокія области народнаго духа, въ дохристіанскую эпоху представлявшія удовлетвореніе сердцу и совѣсти народностей въ образѣ его національныхъ боговъ. Къ эллинистической религіи, культу, служителямъ церкви ни Сиріецъ, ни Коптъ, ни Эѳіопъ, ни Арабъ не могли относиться съ тою теплотою и родственною любовью, какъ къ прежнимъ идоламъ; требовать быстраго душевнаго переворота въ этомъ отношеніи отъ массы невозможно, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Кромѣ того, распаденіе имперіи обуславливалось крупными несовершенствами администраціи и тяжкими злоупотребленіями правительственныхъ лицъ. Ересь становилась политическимъ знаменемъ протеста противъ имперіи, великія удобства которой болѣе не искупали наличныхъ злоупотребленій. При

появлении Арабовъ, Копты и Сирійцы еретическихъ исповѣданій отшатнулись отъ законной власти, пассивно и активно стали на сторону враговъ имперій, обманувшихъ эти народности обѣщаніемъ вѣротерпимости и экономической неприкосновенности. Долгий и мучительный гнѣтъ поздно раскрылъ глаза обманутымъ христіанамъ. Призракъ имперій съ ея христіанскою цивилизаціей снова поднялся предъ ихъ очами среди безпросвѣтнаго мрака мусульманскаго ига. Навсегда исчезъ миражъ универсальнаго эллинизма, но чувство вѣры, очищенное въ горнилахъ страданія, указало на зарю возможнаго, хотя и далекаго будущаго христіанскаго царства подъ единымъ, какъ вѣкогда, христіанскимъ царемъ. Христіанскій Востокъ робко вздохнулъ и пробуждается въ инстинктивномъ ожиданіи съ выступленіемъ Россіи въ качествѣ міроваго историческаго дѣятеля.

Но теперь благовременно было бы испытать, сохранили ли мифіи Несторія, Евтихія и т. п. прежнюю притягательность для восточныхъ еретиковъ? Мы убѣждены въ противномъ на основаніи тѣхъ успѣховъ, которыми увеличивается пропаганда латинянъ и протестантовъ, пошедшая на встрѣчу утомленныхъ устарѣлою догматическою рознью христіанъ Востока. Последніе ищутъ воссоединенія, ибо даже среди заблудшихъ христіанство оставило глубокое впечатлѣніе своимъ вселенскимъ, единымъ характеромъ и стремленіе не порознь, а вкушъ любить, уповать и вѣрить, сознавать, что предъ лицомъ Бога все люди равны, все чело-вѣчество—одна семья дѣтей Божіихъ. Что же дѣлается въ этомъ отношеніи со стороны восточной православной церкви? Ничего. Достоинно высшей похвалы крестить Кораковъ и Юкагпровъ, но нельзя забывать древнѣйшихъ христіанъ, отпадшихъ по недоразумѣнію отъ вселенскаго единства. Мы дипломатически корректы и сдержанны относительно гибнущей коптской церкви. Мы неразумно и возмутительно зубокалимъ на счетъ нуждающихся сношеній съ Філіпіей, простирающей къ намъ, закаленную въ бояхъ за христіанство, руку.

Распространившись съ этими чернецами въ простотѣ духа искренно спасающими душу и среди нашей грубо-матеріалистической эпохи, живущими идеалистическою жизнью древнихъ египетскихъ аскетовъ, мы пошли къ Святому Гробу и двери храма открылись предъ нами.

М. Соловьевъ.

ЧЕМУ УЧИТЬ НАСЪ ГОЛОДЪ?

Нужда постоянно была нашею лучшею учительницей. Не разъ ужь она побуждала насъ оглянуться на себя и сдѣлать хотя нѣсколько робкихъ шаговъ на пути къ исправленію. Такъ было еще недавно, во время такъ-называемаго хлѣбнаго кризиса, то-есть въ девятилѣтній періодъ сильнаго пониженія хлѣбныхъ цѣнъ, отъ 1882 до 1890 гг. Землевладельцы тогда громко зывали къ правительству, возлагая всѣ свои надежды на казенныя пособія въ видѣ дешеваго кредита. Но серьезную помощь оказали имъ не Дворянскій Банкъ своими льготными ссудами, и на разумную дорогу вышли тѣ лишь изъ нихъ, которые сумѣли увеличить производительность своихъ имѣній болѣе рачительною системою обработки. Правда, такихъ оказалось сравнительно немного, но все-таки хлѣбный кризисъ, круто наступившій послѣ ряда обильныхъ годовъ съ высокими цѣнами, послужилъ для нашего чернозема толчкомъ къ болѣе успешному и производительному хозяйству. Пока цѣны стояли высоко и на зерно и на арендуемая земли, черноземные помѣщички ограничивались отдачей большей части своихъ полей крестьянамъ на однолѣтній посѣвъ и плохую обработкой остальной части, съ помощью крестьянскихъ же лошаенокъ, оставаясь вѣрными завѣтному трехполью. Видно пословица „громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится“ у насъ примѣнима не къ одному мужику. То, чего не могли сдѣлать блестящіе доходы семидесятыхъ годовъ, было отчасти достигнуто благодаря наступившей затѣмъ нуждѣ. Не случись пониженія цѣнъ—и до сихъ поръ, вѣроятно, огромное большинство помѣщичьихъ хозяйствъ средней земледѣльческой

полосы осталось бы при стародавнихъ порядкахъ. Когда наглядный опытъ показалъ, что нельзя уже такъ безхитростно загребать деньги, отдавая подъ зерновые хлѣба все, что можно было поднять сохой и разсчитывая при этомъ лишь на испытанную щедрость и нетребовательность чернозема, помѣщики средней полосы стали одинъ за другимъ прибѣгать къ глубокой пахотѣ, съ помощью улучшенныхъ орудій и переходить къ батрачному хозяйству; а кое-кто изъ нихъ рѣшился сократить площадь зерновыхъ посѣвовъ и ввести въ сѣвооборотъ кормовыя растенія. Сдѣланные успѣхи, конечно, до сихъ поръ не Богъ вѣсть какъ велики, но все-таки за послѣднiя 10 лѣтъ громадная площадь средняго чернозема перестала быть сплошнымъ царствомъ трехполья, разсчитаннаго преимущественно на добыванiе озимыхъ хлѣбовъ. Плугъ замѣнилъ соху почти во всѣхъ помѣнiяхъ, гдѣ хозяйство ведется отъ владѣльца, а мѣстами, спорадически, кормовыя травы, масличныя растенія и корнеплоды нѣсколько поспестрили однообразные посѣвы ржи и овса. Такимъ образомъ, тяжелые года хлѣбнаго кризиса послужили испытанiемъ, пробѣжкой для помѣщичьихъ хозяйствъ. Многие изъ нихъ этого испытанiя не выдержали и, какъ провалившiеся ученики, были вычеркнуты изъ списковъ. Меньшинство, однако, вышло изъ кризиса съ честью, и благополучно перешло въ слѣдующiй классъ, то-есть къ хозяйству болѣе интенсивному.

Такимъ же испытанiямъ, такою же пробѣжкой настоящей тяжелой годъ, тяжелый уже по совершенно инымъ причинамъ, послужилъ для крестьянскаго хозяйства. Почти сплошной неурожай въ 18 губернiяхъ ярко обнаружилъ предъ нами такiя черты народнаго быта, которыхъ мы до сихъ поръ видѣть не хотѣли. Мы долго тѣшили себя мыслью, что гораздо усѣпшиѣе Западной Европы разрѣшили поземельный вопросъ, надѣливъ землей все, или почти все, населенiе Россiи, и оградивъ народное землевладѣнiе общиннымъ устройствомъ отъ хищничества другихъ классовъ по крайней мѣрѣ въ великороссiйскихъ губернiяхъ. Правда, не всѣ у насъ раздѣляли эти иллюзiи, и отъ времени до времени въ нашей печати раздавались голоса, предостерегавшiе отъ оптимистическихъ взглядовъ на мнимую обезпеченность народа и на спасительное дѣйствiе общины и круговой поруки. Но большинство и круговой поруки. Но большинство не слушало этихъ голосовъ, предпочитая вѣрить тѣмъ органамъ печати, которые хотя и признавали въ крестьянскомъ быту отрицательныя стороны, но видѣли ихъ лишь въ недоста-

точномъ надѣленіи земель, въ чрезъчуръ высокомъ обложеніи, и въ нѣкоторыхъ статьяхъ закона, подрывающихъ неприкосновенность общины и распорядительную власть міра. Вся задача, по мнѣнію этихъ органовъ, заключалась такимъ образомъ въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по тому пути, который намѣченъ Положеніями 19 февраля, и на который будто бы указываетъ вся наша исторія. Всячески содѣйствовать расширенію общиннаго землевладѣнія на счетъ частнаго и при этомъ увѣковѣчить мірское владѣніе тамъ, гдѣ оно существуетъ, а тамъ, гдѣ его нѣтъ, по возможности его ввести, сокращая при этомъ какъ можно болѣе тяжесть налога на крестьянскую землю.—вотъ къ чему сводилась эта программа. Тѣ, кто ей не давалъ вѣры, обзывались крѣпостниками, обскурантами и тому подобными лестными названіями. Возражали на это правда, что въ каждой данной мѣстности, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, отдѣльныя крестьянскія семьи стоятъ далеко не на одинаковомъ уровнѣ благосостоянія, что стало-быть въ этомъ благосостояніи не общія, а частныя причины играютъ первенствующую роль, что обезпеченность крестьянъ далеко не вездѣ пропорціональна ихъ надѣламъ, что, наконецъ, самое владѣніе землей при общинномъ устройствѣ не болѣе, а скорѣе менѣе, устойчиво, чѣмъ при подвижномъ. Но всѣ эти взгляды опять-таки приписывались злонамѣренному ослѣпленію и своекорыстному расчету.

Теперь факты налицо, факты настолько бьющіе въ глаза, что отрицать ихъ нѣтъ возможности. Постигшіи насъ въ 1891 году неурожай, конечно, вызванъ не социальными, а метеорологическими условіями. Искать его объясненіе въ томъ или другомъ аграрномъ строе, даже въ худшей или лучшей обработкѣ земли—было бы явною недѣльностью. Правда, онъ исключительно постигъ губерніи съ преобладающимъ общиннымъ владѣніемъ и нѣсколько слабѣе отразился на помѣщичьихъ, чѣмъ на крестьянскихъ земляхъ. Тѣмъ не менѣе, собранныя данныя не позволяютъ приводить его въ связь съ какою-либо системой хозяйства, вопервыхъ, потому, что мѣстности съ болѣе высокою культурой, какъ напримѣръ южная часть Тульской губерніи, поражены имъ въ равной мѣрѣ съ райономъ самаго первобытнаго западнаго хозяйства, какъ южная часть Самарской п, во вторыхъ, потому, что среди неурожайной площади встрѣчаются многочисленныя оазисы съ удовлетворительнымъ сборомъ хлѣбовъ, и эти счастливыя исключенія повсемѣстно обусловлены случайно

пешими полосами дождя. Такимъ образомъ, повторяемъ, что чисто климатическій характеръ неурожая сомнѣнію не подлежитъ. Можно, конечно, искать причину самыхъ неблагоприятныхъ климатическихъ условий въ цѣломъ рядѣ нашихъ хозяйственныхъ провинностей, какъ въ истребленіи лѣсовъ, слишкомъ безпощадной раснашкѣ степеней и т. д., но это уже иной вопросъ, который завелъ бы насъ слишкомъ далеко, и который все-таки подлежитъ нѣкоторому спору. Укажемъ мимоходомъ лишь на то обстоятельство, что губерніи, гдѣ еще много нераспаханныхъ земель, какъ Уфимская и Оренбургская, и мѣстности лѣсистыя, какъ Нижегородская, Казанская и восточная половина Костромской, тоже подверглись неурожаю, даже въ сильной степени.

Но, повторяемъ, суть дѣла не въ этомъ. Размѣръ настоящаго бѣдствія не исчерпывается недородомъ хлѣба и его дороговизной. Суть дѣла въ томъ, что земледѣльческое населеніе общирной полосы Россіи, привыкшей не только покрывать свои нужды ежегоднымъ сборомъ хлѣба, но выручать еще нѣкоторыя деньги, продавая имѣющійся у него избытокъ, въ текущемъ году въ состояніи прокормиться тѣмъ, что дала ему земля, и не имѣеть никакихъ средствъ, чтобы купить хлѣбъ на сторонѣ. Еслибы налицо было только неурожай, а населеніе обладало либо запасами, либо денежною выручкой отъ заработка, оказался бы правда крупный дефицитъ въ народномъ производствѣ, но о повальной голодовкѣ не было бы рѣчи. Не то важно, что вздорожалъ хлѣбъ—обстоятельство это само по себѣ отзовется лишь на увеличеніи размѣровъ продовольственныхъ ссудъ изъ государственнаго казначейства—важно то, что его нечѣмъ купить. Еслибы цѣны на рожь, муку и овесъ стояли бы даже на томъ низкомъ уровнѣ, на которомъ онѣ держались послѣднія девять лѣтъ, то положеніе крестьянъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ было бы оттого нпчѣмъ не лучше. Уменьшилось бы, правда, бремя ихъ долга предъ казною, но въ настоящую минуту едва ли ихъ особенно тревожитъ это бремя: каковы бы ни были его размѣры, населеніе все равно не будетъ въ состояніи расплатиться. Что бы ни говорилось въ оффиціальныхъ заявленіяхъ, на этотъ счетъ плюзии себѣ никто не дѣлаетъ. Продовольственная ссуда этого года—ссуда безвозвратная. И къ сожалѣнію, народъ совершенно притупился къ сознанію неоплатности. Да иначе оно и быть не можетъ. Столько уже лѣтъ, каковъ бы ни былъ урожай, то одно, то другое изъ губернскихъ земствъ обращалось къ казнѣ за

помощью изъ такъ-называемаго государственнаго продовольственнаго капитала, самыя плодородныя и многоземельныя губерніи, какъ Саратовская и Самарская, до того заложали предъ казной, что чувство обязательности возврата ссудъ по необходимости утратилось. И въ такомъ положеніи нищаго и голоднаго сироты находится значительная часть того крестьянства, которое одно въ цѣломъ мірѣ почти поголовно надѣлено землей, которое такимъ образомъ поставлено въ условія, несравненно болѣе благоприятныя, чѣмъ земледѣльческое населеніе всей остальной Европы. Вотъ гдѣ истинная серьезность настоящаго положенія дѣлъ и вотъ что должно заставить призадуматься всѣхъ мыслящихъ русскихъ людей. Споры нѣтъ.—прямая непосредственная задача теперь въ томъ, чтобы поскорѣе и цѣной какихъ бы то ни было жертвъ подвести хлѣбъ въ нуждающіеся районы и раздать его населенію, хотя бы никогда казначейство не вернуло сотой доли затраченныхъ суммъ? Нельзя допустить, чтобы при теперешнихъ средствахъ перевозки, хотя бы въ одномъ только уѣздѣ, хотя бы въ одной деревнѣ появились случаи голодной смерти. Это настоятельная, безусловная нужда, предъ которою умолкають всѣ прочія соображенія. Для острой болѣзни нужно энергическое лѣченіе, не мѣшаетъ подумать одного и о томъ, чтобы на будущее время избѣгнуть повторенія такой болѣзни. Тамъ, гдѣ причина зла хроническая, всякій разумный врачъ помимо лѣченія посоветуетъ улучшить гигиеническія условія.

Мы очень хорошо знаемъ, что большинство нашей публики думаетъ вовсе не такъ. Этому большинству нравятся повидимому лишь эффективныя радикальныя мѣры. Въ одной изъ нашихъ газетъ появилась статья, предлагавшая обратиться къ реквизиціи хлѣбныхъ запасовъ и эта мысль не вызвала въ нашей печати особенно живыхъ протестовъ. Высказывались фантастическія предположенія о возможности переселить голодающее населеніе въ урожайныя мѣстности и перегнать гибнущій крестьянскій скотъ туда, гдѣ имѣются запасы корма. Увлекались и тѣмъ, какъ бы придумать такія общественныя работы, которыя заняли бы все нуждающееся населеніе. Словомъ, воображеніе нашей публики не останавливалось ни предъ неприкосновенностью частной собственности, ни даже предъ тѣми неодолимыми препятствіями, которыя ставить всякому правительственному начинанію природа вещей. За то очень мало занимались другою стороною вопроса.—прискакіемъ такихъ средствъ, которыя болѣе скромно и

медленно, но за то и болѣе вѣрно устранили бы въ будущемъ повтореніе бѣдствія. Неурожай вызвалъ такимъ образомъ проекты столь же фантастическіе, какъ тѣ, которые придумывались и обсуждались у насъ по случаю недавняго хлѣбнаго кризиса въ видахъ помощи частному землевладѣнію. Въ обоихъ случаяхъ на первомъ планѣ стояло не преобразование внутренняго хозяйственнаго строя, а лишь пособіе пзвнѣ, надежда на всесплную руку государства. Идеаль, который повидимому мерещится авторамъ такихъ проектовъ, это обращеніе цѣлой страны въ какую-то огромную столовую, гдѣ всеобщимъ кухмистеромъ являлась бы казна, а всѣмъ російскимъ поданнымъ отъ мала до велика предлагались бы даровые обѣды.

И это совершенно въ порядкѣ вещей. Складъ русской жизни издавна сложился такимъ образомъ, что понятіе о самопомощи играло въ ней крайне ничтожную роль. Наша исторія въ самомъ дѣлѣ представляетъ очень любопытный контрастъ. Тотъ самый русскій человѣкъ, который обнаруживалъ необыкновенную отвагу, когда онъ вырывался изъ рамокъ общественной жизни, когда онъ гулялъ и разбойничалъ по лицу русской земли, завоевывалъ дальнія восточныя окраины или на Днѣпровскихъ порогахъ отстаивалъ нашъ южный рубежъ отъ татарской орды, внутри государства всегда оказывался лишеннымъ всякаго духа предприимчивости. И этой замѣчательной чертѣ мы остались вѣрны и нынѣ. На дальнемъ Востокѣ среди туркестанскихъ степей мы обнаруживаемъ поразительную умѣлость въ борьбѣ съ природой, выстраиваемъ полутора-тысячеверстную желѣзную дорогу по безводнымъ скамъ, заводимъ грандіозныя ирригаціонныя работы и хлопковыя плантаціи, а внутри страны на благодатномъ нашемъ черноземѣ держимся земледѣльческихъ пріемовъ, современныхъ Гостомыслу. Мы словно тогда только умѣемъ стряхнуть съ себя родную обломовщину, когда намъ приходится работать наперекоръ стихіямъ и сталкиваться съ природой и съ людьми, не признающими надъ собой никакого закона. Наоборотъ, все, чтѣ было достигнуто нами внутри страны, на древней почвѣ Московскаго государства и школы наши, и пути сообщенія, и врачебная помощь, и развитіе крупной промышленности, и само обозначеніе народнаго продовольствія, было дѣломъ не частнаго, а правительственнаго или по крайней мѣрѣ общественнаго почша. Большинство нашихъ городовъ создавалось не потому, чтобъ ихъ вызывали потребности торговли, а вслѣдствіе распоряженія

свыше. Не притокъ торговаго люда создавалъ городъ, а напротивъ, искусственно образованный городъ, гдѣ появилось нѣсколько десятковъ чиновниковъ, вызывалъ и появленіе нѣсколькихъ куцовъ. Даже наша крестьянская община, этотъ мнимый нашъ самородокъ, едва ли не была вызвана къ жизни правительственнымъ актомъ, прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ; и съ тѣхъ поръ, какъ этому прикрѣпленію положенъ конецъ правительственнымъ же актомъ, она обнаруживаетъ явную склонность къ распаденію. Наши заводы и фабрики возникали не въ силу естественныхъ условій, а зачастую вопреки имъ. Мощная рука правительства и сильный казенный сулдукъ всегда были и до сихъ поръ остались у насъ вторымъ провидѣніемъ, на которое русскій человѣкъ привыкъ возлагать свои надежды въ началѣ каждаго дѣла и къ помощи котораго онъ постоянно обращался, коль скоро это дѣло не спорилось. Но какому-то общему инстинктивному убѣжденію признается у насъ, что правительство какъ бы приняло на себя негласное страхованіе всѣхъ и каждаго отъ нужды и неудачи. И чѣмъ болѣе кто получилъ, тѣмъ настойчивѣе требуетъ онъ въ силу какой-то странной логики поддержки и впродъ. Студентъ, получавшій стипендію, твердо увѣренъ, что ему обязаны дать казенное мѣсто, разорившійся помѣщикъ, что его снабдить дешевымъ кредитомъ, занутившійся фабрикантъ, что было бы несправедливо его оставить безъ казенныхъ заказовъ. И это ожиданіе казеннаго пособія проникаетъ рѣшительно во все слои русскаго общества отъ мужика-переселенца, которому нельзя обойтись безъ даровой казенной земли, до вдовы или племянницы умершаго сановника, которымъ для поддержанія обычной роскоши нужна крупная пенсія и не только пенсія, установленная закономъ, а гораздо болѣе, вызванная потребностями прежняго образа жизни. Всю нашу гражданскую жизнь какъ-будто проникаетъ убѣжденіе, что право не пріобрѣтается, что его обуславливаетъ не трудъ, не заслуги, не наслѣдство, а размѣръ потребностей. И вся наша внутренняя политика издавна поддерживала эту вѣру. Крестьянинъ надѣлялся землей въ размѣрѣ, определенномъ заранее, а когда ему становилось тѣсно, ему отводилась иная земля въ пустопорожнихъ мѣстахъ. Надѣлялся землей и Нѣмецъ-колонистъ, только въ гораздо большемъ количествѣ, въ силу укоренившагося взгляда, что любой иностранецъ Русскому не чета, что въ сравненіи съ Русскимъ онъ какой-то природный дворянинъ. Надѣлялся землей и попъ, и

помѣщикъ, а у послѣдняго вдобавокъ въ качествѣ совершенно особой, нигдѣ кромѣ Россіи невѣданной привилегіи дворянства, дарованная земля сплошь да рядомъ отбрасалась назадъ. Подѣленіе земель помѣщиковъ и служилыхъ людей крупнаго и мелкаго ранга производилось еще очень недавно до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, а отобраніе ея въ казну прекратилось менѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ Петровскимъ указомъ о сравненіи помѣстій съ вотчинами. Россія единственная страна въ мірѣ, гдѣ кредитъ вызывается не довѣріемъ, а нищетой и разореніемъ, гдѣ торговля и промыслы создаются не тамъ, гдѣ они нужны, а тамъ, гдѣ имъ вѣдно быть, гдѣ гонораръ врачу платится не тѣмъ, кто пользуется его услугами, а цѣлымъ уѣздомъ или губерніей, гдѣ каждый имѣетъ не то, что заработалъ, а привыкъ сперва требовать жалованье, чтобы за работу приняться.

На этомъ пути, очевидно, далеко не уйдешь. Такіе приемы годятся развѣ для исключительныхъ случаевъ, для тяжелыхъ народныхъ бѣдствій, какъ переживаемое нами теперь. Примѣненные къ обыкновенному времени, какъ нормальное условіе жизни, они дѣйствуютъ на нее развращающимъ образомъ, отучая отъ самопомощи, побуждая искать спасеніе лишь въ даровомъ казенномъ пайкѣ. Есть иной, болѣе медленный, но за то и болѣе вѣрный путь—путь исправленія недостатковъ въ народномъ хозяйствѣ. Годныя бѣдствія, подобныя настоящей, могутъ намъ въ этомъ отношеніи принести ту пользу, что ярко освѣщаютъ эти недостатки. И вотъ отчего на ряду съ быстрою помощью, которая теперь прежде всего нужна, не мѣшаетъ присмотрѣться къ тѣмъ особенностямъ народной жизни, которыя такъ безжалостно обнаружили неурожай.

Чѣмъ объяснить, въ самомъ дѣлѣ, что населеніе самыхъ хлѣбородныхъ губерній оказывается безъ хлѣбныхъ запасовъ и безъ денежныхъ средствъ, чтобы купить себѣ пищу, чѣмъ объяснить себѣ, что неурожай обращается въ голодъ? Да просто тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что кромѣ обработки своихъ и арендуемыхъ земель, населеніе средней земледѣльской и восточной степной полосы не имѣетъ никакихъ, или почти никакихъ, заработковъ. Въ урожайный годъ оно продаетъ массу зерна, правда всегда по очень низкой цѣнѣ, и вдобавокъ получаетъ высокую плату за уборку хлѣбовъ въ мало населенныхъ степныхъ мѣстностяхъ. Случись недородъ—оба эти источника выручки исчезаютъ сразу. И какъ разъ эта необеспеченность заработка, свой-

ственная земледѣлю, придаетъ ему какой-то рискованный характеръ, дѣлаетъ почти продѣ азартной игры. На практикѣ оказывается, что самый осѣдлый изъ всѣхъ промысловъ, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, не располагаетъ къ бережливости, не побуждаетъ откладывать на черный день изъ выручки счастливаго года. Какимъ-то страннымъ образомъ мы до сихъ поръ какъ будто не замѣчали этой особенности быта земледѣльческой Россіи, хотя знали про нее, конечно, давно. Спрашивая у себя, отчего населеніе хлѣбородныхъ губерній не только не богатѣетъ, но обнаруживаетъ признаки разростанія въ немъ сельскаго пролетаріата, наши экономисты не могли выйти изъ заколдованнаго круга, какой начертили себѣ сами, затвердивъ, что нѣдѣлы недостаточны и обложеніе высоко. Но губерніи Саратовская и Самарская, а тѣмъ болѣе Уфимская и Оренбургская, не могутъ пожаловаться на тѣсноту надѣловъ, а онѣ принадлежатъ къ числу наиболѣе пострадавшихъ. Подушная подать отмѣнена, выкупные платежи понижены, а никакихъ симптомовъ улучшенія, никакого сокращенія недоимокъ въ восьмидесятые годы не было замѣчено. Но ранжиру недобора прямыхъ налоговъ черноземныя губерніи попрежнему стоятъ во главѣ списка, а въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ нижеволжскія и восточныя степныя. Въ отношеніи недоимокъ въ платежахъ Крестьянскому Банку наблюдается то же явленіе. Чтобъ объяснить это, стоило сопоставить черноземную Россію съ промышленною нечерноземною полосой. Отчего въ этой послѣдней недоимки значительно меньше, процентъ безлошадныхъ дворовъ болѣею частью не столь великъ и покупка земель крестьянами даже безъ помощи банка совершается въ болѣекихъ размѣрахъ? Отчего, несмотря на хроническую пужду въ привозномъ хлѣбѣ, острыхъ голодовокъ въ промышленныхъ губерніяхъ не бывало вовсе, и продовольственныя суды выдавались имъ въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ губерніяхъ черноземныхъ? Отчего, наконецъ, самая пужда въ этомъ привозномъ хлѣбѣ стала въ послѣдніе годы уменьшаться, и сельское населеніе промышленной Россіи все ближе подходитъ къ равновѣсію производства хлѣба и его потребленію? Оттого, конечно, что платежная способность населенія здѣсь болѣе обезпечена, благодаря постороннимъ неземледѣльческимъ заработкамъ, и эта сравнительная обезпеченность въ концѣ-концовъ отозвалась на самомъ земледѣліи, усиливая понемногу его производительность. Такимъ образомъ, наличность

постояннаго, болѣе или менѣе вѣрнаго заработка не только служитъ гарантіей отъ нужды, но и пріучаетъ населеніе къ болѣе-шей расчетливости. Конечно, — этого отрицать нельзя — въ сравнительной обезпеченности промышленныхъ губерній важную роль играетъ климатъ, болѣе влажный и потому не доводящій до рѣзкихъ колебаній въ урожайности. Но климатъ не измѣнился за послѣдніе годы, а бытъ населенія обнаруживаетъ несомнѣнную склонность къ росту благосостоянія. Есть тутъ, стало-быть, ясная причина, и причина эта не что иное, какъ большая производительность труда.

Въ недостаточной производительности труда и заключается въ самомъ дѣлѣ главная причина нашей бѣдности и въ особенности того коразительнаго ухудшенія крестьянскаго быта, котораго нельзя не подмѣтить въ земледѣльческой полосѣ. Если тамошніе крестьяне болѣе остальныхъ безоружны противъ всякихъ невгодъ, если неурожай для нихъ превращается въ голодъ и они такъ легко становятся добычей кулаковъ, то виной этому отсутствіе разнообразія занятій и полная безработица въ зимнее время. Тамъ, гдѣ у земледѣлія нѣтъ никакого подспорья въ иномъ промыслѣ, гдѣ семь зимнихъ мѣсяцевъ проходятъ въ совершенной праздности, единственный видъ оплоченнаго труда работа въ помѣщичьихъ хозяйствахъ совпадаетъ съ моментомъ большаго напряженія работы на собственныхъ поляхъ и, стало-быть, идетъ въ ущербъ собственному хозяйству, тамъ все благосостояніе мужика поставлено какъ бы на одну карту, и въ недородный годъ единственная возможность для него удовлетворить свои потребности заключается въ кредитѣ у сельскаго ростовщика. Этотъ кредитъ по 100%, иногда по 200%, и довелъ черноземное крестьянство до того положенія, что около половины его не имѣютъ лошадей, около трети продало или заложило свои надѣлы богачамъ, и неурожай 1891 года засталъ его безъ копѣйки денегъ и безъ запасовъ зерна. Теперь и хорошій сборъ хлѣба сразу дѣла не поправитъ, такъ какъ у многихъ крестьянъ деньги взяты подъ будущій урожай, и всѣ они, или почти всѣ, но шею завязли въ долгахъ.

А между тѣмъ единственный видъ помощи, рекомендуемый нашею печатью, конечно помимо временной помощи хлѣбомъ для голодающихъ, заключается въ переселеніи на свѣжія земли, другими словами, односторонности земледѣльческаго промысла, какъ единственнаго занятія для крестьянъ, хотѣть пособить однимъ

только расширеніемъ этого промысла. Но чего же этимъ можно достигнуть? Того развѣ, что въ урожайный годъ лишнія массы хлѣба будутъ давить на наши рынки, а въ неурожайный населеніе все-таки не прокормится. Къ тому же, если переселеніе завести на очень широкую ногу, колонизируя, напримѣръ, въ большихъ размѣрахъ южную часть Томской губерніи, Семирѣченскую или Семиналатинскую области и Уссурийскій край, земледѣліе тамъ все-таки не сразу приметъ характеръ промысла. Разсчитанное на сбытъ, оно, какъ всякій другой промыселъ, должно имѣть готовый рынокъ, а такого рынка у сказанныхъ мѣстностей еще долго не будетъ. Прошлимы лѣтомъ, когда цѣны на рожь въ Оренбургѣ уже подымались къ рублю за нудъ, въ Томской губерніи пшеница продавалась по 25 коп. Не слѣдуетъ также забывать, что колонизація новыхъ мѣстъ общинавшимъ населеніемъ самый ненадежный ея видъ, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не практикуемый. Заселять дальнія страны повсюду идутъ крестьяне съ нѣкоторымъ достаткомъ, могущіе на новыхъ мѣстахъ обзавестись всѣмъ нужнымъ. Наши переселенцы изъ безлошадниковъ и бездомниковъ должны либо умирать съ голоду на восточныхъ окраинахъ, либо получать даромъ отъ казны не только землю, но и скотъ, и рабочій инвентарь. А при такихъ условіяхъ обзавестись новымъ хозяйствомъ рѣдко удастся.

Выходъ такимъ образомъ долженъ быть прискать другой. Надо, во-первыхъ, облегчить отливъ излишняго населенія къ такимъ заработкамъ, которые даютъ постоянную выручку и не требуютъ денегъ для приступа къ дѣлу. во-вторыхъ, утилизировать даромъ пропатающіе зимніе мѣсяцы, чего, мимоходомъ сказать, восточныя степи не въ состояніи сдѣлать. Такія заработки могутъ дать только кустарные промыслы дома и фабричныя и ремесленныя работы въ отходъ. Но, скажутъ намъ, придумать и организовать искусственно то и другое нельзя. Конечно, нельзя: мы очень хорошо знаемъ, что производство страны регулируется спросомъ, а спросъ не подчиняется волѣ правительства. Но, во-первыхъ, отсутствіе промысловъ на черномѣ вызывается не однимъ только недостаткомъ спроса, а еще и другими причинами, которыя устранить можно. Для того, чтобы постепенно заниматься ремесломъ, надо прежде всего это ремесло знать, или имѣть, по крайней мѣрѣ, предъ собою готовый примѣръ. Если мы прослѣдимъ хотя бы по статистическимъ изданіямъ Московскаго земства возникновеніе разныхъ отраслей кустарной промышленности,

то мы увидимъ, что многія изъ нихъ, если не большинство, зародились и разрослись благодаря почину одного какого-нибудь лица. Не такъ ужъ они стало-быть самородны, какъ принято думать. Въ сельскомъ быту зачастую спросъ не является, потому что нечѣмъ его удовлетворить. Появился товаръ на мѣстѣ, онъ нашель бы себѣ сбытъ, хотя не очень бойкій, изъ денегъ, которыя идутъ теперь на кабакъ. Двѣ мѣры во всякомъ случаѣ возможны—введеніе подходящаго ремесленного обученія при сельскихъ школахъ и дешевый кредитъ отдѣльнымъ кустарямъ или кустарнымъ артелямъ подъ обезпеченіе товара. Въ вторыхъ, рабочее населеніе зачастую не двигается съ мѣста, потому что не знаетъ куда идти. И въ этомъ отношеніи помощь со стороны правительства и земства тоже вполне возможна. Кто, въ самомъ дѣлѣ, не поражался у насъ страннымъ контрастомъ между избыткомъ рабочихъ рукъ въ центрѣ черноземной полосы и недостаткомъ ихъ на ея окраинахъ? Кто не слышалъ про лихорадочную спѣшность, съ которою въ урожайные годы хозяева степной полосы на перебой разбираютъ припыхъ рабочихъ, между тѣмъ какъ въ годъ недорода эти самые рабочіе возвращаются домой нищія и голодныя. Всѣ эти аномаліи, благодаря которымъ иной разъ для хозяевъ Новороссіи урожайный годъ является худшимъ бѣдствіемъ, чѣмъ неурожайный, такъ какъ расходъ на уборку хлѣба покрываетъ всю его стоимость,—всѣ эти аномаліи, говоримъ мы, происходятъ отъ одного лишь, полного отсутствія правильного посредничества между нанимателями и рабочими. Еслибы, съ одной стороны, крестьяне средней полосы, уходящіе въ степь на заработки, хорошенько знали, гдѣ и сколько нужно рабочихъ рукъ, а тамошніе владѣльцы, съ другой—имѣли какія-нибудь свѣдѣнія о рабочихъ, желающихъ наняться, и убыточная дороговизна въ степяхъ и не менѣе убыточное напрасное странствованіе туда крестьянъ изъ средней Россіи могли бы быть устранены сразу. Стоило бы только въ статистической любознательности начальства, загромождающей всѣ волостныя правленія безчисленными и часто ненужными вопросами, прибавить еще одинъ такой вопросъ, отвѣтить на который вдобавокъ легче, чѣмъ на остальные. Это былъ бы вопросъ о числѣ желающихъ уходить на лѣтніе заработки. Еслибы при губернскомъ управленіи имѣлось небольшое бюро, которое собирало бы эти свѣдѣнія и затѣмъ сообщало ихъ въ подлежащія мѣстности южной и восточной окраины, еслибы въ этихъ мѣстностяхъ были организованы такія же бюро,

куда бы поступали заявления тамошнихъ сельскихъ хозяевъ, земледѣльческій отхожіи промыселъ, этотъ почти единственный заработокъ чернозема, быть бы урегулированъ довольно легко. Противъ такой формы правительственнаго вмѣшательства ничего сказать нельзя. Оно волюнѣ законно, никого не стѣсняетъ и приходится лишь на помощь частнымъ лицамъ, не могущимъ столковаться между собою.

Встрѣтыхъ, наконецъ, есть цѣлый рядъ мелкихъ косвенныхъ мѣръ, которыми добыча заработка земледѣльческимъ населеніемъ могла бы быть облегчена. Сюда относится упорядоченіе паспортной системы, обязательная для волостныхъ правленій выдача трехъ-и шести-мѣсячныхъ паспортовъ желающимъ безо всякаго стѣсненія, право возобновлять на мѣстѣ нахождения выданные свидетельства и билеты по минованіи ихъ срока, удешевленный проездъ рабочихъ по желѣзнымъ дорогамъ и т. д. Перечислять эти мѣры и вѣстать на нихъ мы здѣсь не станемъ. Про это такъ много и такъ часто говорилось, что читатель, хотя сколько-нибудь свѣдущій за печатью, легко можетъ все эти мѣры возродать въ памяти. Большинство этихъ второстепенныхъ вопросовъ до того однако тѣсно связаны съ внутреннимъ крестьянскимъ бытомъ, что мы не можемъ не обратиться лишній разъ къ нѣкоторымъ слабымъ сторонамъ этого быта, которыя благодаря неурожаю обнаружилась съ полною очевидностью. Несмотря на громкое свидетельство фактовъ, въ нашей литературѣ до сихъ поръ держится убѣжденіе, что въ каждой отдѣльной мѣстности крестьяне представляютъ сплошную массу однообразныхъ хозяйственныхъ единицъ, притомъ однообразныхъ въ смыслѣ болѣе или менѣе полнаго община. На ряду съ этимъ послѣдовательнымъ вѣрованіемъ существуетъ другое уже не только литературное, но и оффиціальное тоже, будто бы круговая порука надежное средство для обезпеченія исправнаго сбора податей и для защиты крестьянскаго міра отъ разложенія.

Что же говорить намъ относительно этихъ двухъ фантастическихъ представлений данныя о современной крестьянской нуждѣ, которыми переполнены все газеты. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, вопервыхъ, что при раздачѣ хлѣба нуждающимся и земство и администрація дѣлали строгій, иногда даже черезчуръ строгій выборъ между домохозяевами. Отличали многоработчія семьи отъ малолюдныхъ, многодушные дворы отъ мелкихъ однодушныхъ, наконецъ просто тѣхъ домохозяевъ, у которыхъ случайно оказы-

валсь запасы, отъ всѣхъ прочихъ. Земства, выказавшія наибольшую предусмотрительность въ продовольственномъ дѣлѣ, какъ напримѣръ Елецкое, съ начала осени прошлаго года приступили къ составленію списковъ нуждающихся. Нѣкоторые изъ начальниковъ губерній циркулярными предписаніями запрещали выдавать хлѣбъ многочленнымъ семьямъ, у которыхъ есть кого послать на добываніе заработковъ. А въ одномъ изъ такихъ циркуляровъ даже прямо воспрещается выдавать ссуду мужчинамъ въ рабочемъ возрастѣ. Последнее ограниченіе конечно едва ли оправдывается, такъ какъ физическая возможность работать не обезпечиваетъ еще возможности отыскать работу и ею прокормиться. Какъ бы то ни было, всѣ эти мѣры явно указываютъ на то, что мѣстные органы самоуправленія и администраціи вполне убѣждены въ неодинаковой обезпеченности крестьянъ и въ полной неосновательности системы поголовныхъ ссудъ, примененной до текущаго года повсемѣстно. Извѣстно, что круговая порука распространяется у насъ не на одну только имущественную отвѣтственность крестьянъ предъ казной, но и на право получить отъ казны продовольственную ссуду. До сихъ поръ когда признавалось, что такому-то сельскому обществу по случаю недорода слѣдуетъ выдать ссуду хлѣбомъ или деньгами, то и другое просто засчитывалось по числу женскихъ душъ. Земская и казенная благотворительность свѣтила всѣмъ, не разбирая правыхъ отъ лукавыхъ. Земскимъ дѣятелямъ это было на руку, потому что выставлять огульные цифры гораздо проще, чѣмъ трудиться надъ составленіемъ подворныхъ списковъ, а болѣе зажиточные изъ крестьянъ домохозяйевы вѣрно рассчитывали, что получить лишній хлѣбъ въ пору дороговизны никогда не мѣшаетъ. Пока требовали одновременно помощи двѣ, много три губерніи, никто не ломалъ себѣ головы надъ вопросомъ о напрасной тратѣ продовольственнаго капитала, вслѣдствіе чего этотъ капиталъ и состоитъ теперь изъ однихъ только недопмоекъ, то-есть представляетъ изъ себя величину отвлеченную. Но когда недородъ сразу обнаружился въ 18 губерніяхъ и въ перспективѣ оказывалась ссуда въ нѣсколько десятковъ милліоновъ, пришлось надъ такимъ обширнымъ способомъ удовлетворенія нужды призадуматься. И тамъ, гдѣ на мѣстѣ были произведены настоящія, а не фиктивные изслѣдованія, то-есть гдѣ свѣдѣнія собирались не полиціей, а мѣстными земледѣльцами и земскими начальниками, тотчасъ обнаружилось, что въ самыхъ голодающихъ мѣстностяхъ

у нѣкоторыхъ дворовъ имѣются запасы, которыхъ хватить то до новаго года, то до открытія весны, а то и до слѣдующаго урожая. Такимъ образомъ, впервые у насъ было неопровержимо доказано, что сплошное экономическое равенство крестьянскихъ дворовъ не болѣе какъ мифъ, что при совершенно одинаковыхъ условіяхъ наѣленія землей, плодородія почвы и податнаго обложенія можетъ развиваться далеко не одинаковая имущественная обезпеченность.

Затѣмъ, вторыхъ, всѣ полученные данныя указываютъ на то обстоятельство, что запасы имѣются только у дворовъ сравнительно многоземельныхъ или многодушевыхъ, что ницета, такимъ образомъ, гнѣздится преимущественно у дворовъ, выдѣланныхъ съ однимъ только или двумя душевыми наѣлами. Этимъ еще лишний разъ подтвердилась давно, впрочемъ, извѣстная истина, что въ раздѣлахъ или, вѣрнѣе, въ измелечаніи дворовъ коренится главная причина крестьянскаго обѣднѣнія.

Наконецъ, третьихъ, самый фактъ неодинаковаго размѣра ссудъ выявилъ несостоятельность круговой поруки, по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ ея проявленій. Трудно въ самомъ дѣлѣ требовать круговаго ручательства въ возвратѣ ссуды тамъ, гдѣ она выдана далеко не всѣмъ и во всякомъ случаѣ не всѣмъ равномѣрно. Всякій разъ, что въ прежніе годы случался частный недородъ, ссуда хлѣбомъ или деньгами безразлично распределялась между всѣми хозяевами отдѣльнаго общества подушно, и вѣдѣтніе этого, ссуда, конечно, пренышала дѣйствительные размѣры нужды. Поступать такимъ образомъ въ этомъ году было очевидно пельзя, такъ какъ это значило подвергать щедрость государственнаго казначейства непоспльному испытанію. И вотъ пришлось отступитъ на этотъ разъ отъ излюбленной нехитрой системы. Но пришлось отступитъ отъ нея и въ другомъ пунктѣ, именно при сборѣ податей въ истекшую осень. Изъ газетныхъ извѣстій видно, что по крайней мѣрѣ въ Ливенскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, полиція, усердствовавшая въ этомъ отношеніи не по разуму, все-таки ограничила до извѣстной степени свое рвеніе, взыскывая подати только съ наиболѣе достаточныхъ крестьянъ. Какими соображеніями она при этомъ руководствовалась, какъ отличала овецъ отъ козлищъ, это уже ея дѣло. Извѣстно, что окладные листы составляютъ огульно на цѣлое общество, а внутренняя раскладка принадлежитъ уже мірскимъ властямъ, и болѣшая состоятельность тѣхъ или другихъ изъ

домохозяевъ отражается лишь на поступленіи, оставаясь извѣстною только мірскому сборщику. Но если въ данномъ случаѣ сама полиція входила въ разсмотрѣніе платежной способности отдѣльныхъ крестьянъ, то значитъ такое выдѣленіе на болѣе достаточныхъ домохозяевъ пли говоря попросту обращеніе взысканія на дворъ, а не на общество, возможно даже при общинныхъ порядкахъ, и нечего уже толковать о неприкосновенности круговой поруки, этого лишняго палладіума нашей финансовой системы.

Есть и еще одно обстоятельство, на которое не мѣшало бы обратить вниманіе въ настоящую скорбную годину, такъ какъ оно оставалось неизмѣннымъ въ теченіе цѣлой послѣдней четверти вѣка и особенно рельефно выразилось при теперешнемъ неурожаѣ. Какъ мы уже замѣтили, губерніи промышленныя гораздо скромнѣе и рѣже обращались къ помощи государственнаго казначейства, чѣмъ всѣ черноземныя, и объясненіе этому факту мы выше указали. Но все же и нечерноземныя великорусскія губерніи испрашивали себѣ исподволь болѣе пли менѣе крупныя ссуды изъ государственнаго продовольственнаго капитала. За то есть въ Россіи общирная полоса, населенію которой правительственная помощь оказалась вовсе ненужною. Сюда относятся девять западныхъ губерній и три прибалтійскія. Одинъ только разъ, если не ошибаемся, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ продовольственная ссуда была ассигнована нѣкоторымъ уѣздамъ Витебской губерніи и то восточнымъ, бѣлорусскимъ уѣздамъ, гдѣ преобладаетъ общинное устройство. Въ числѣ этихъ губерній имѣются, правда, три юго-западныхъ, отличающіяся особенно благоприятными условіями климата и почвы, и остзейскія, гдѣ крестьяне-домохозяева владѣютъ большими участками, а батрацкое населеніе кормится у хозяевъ. Но за то остальные шесть губерній въ отношеніи почвы значительно уступаютъ великорусскимъ черноземнымъ, а по степени развитія промысловъ стоятъ гораздо ниже губерній подстолпчныхъ. И если мы припомнимъ вдобавокъ, что и Финляндія съ ея суровымъ климатомъ, съ ея каменистою почвой и крошечными пашнями, лишь цѣной колоссальнаго труда отвоеванными у скаль, отъ лѣсовъ и болотъ, тоже одинъ только разъ за послѣднюю четверть вѣка оказалась вынужденною обратиться за помощію къ казнѣ, мы должны будемъ признать, что въ бытѣ нашей западной окраины, въ свойствахъ труда тамошняго крестьянства есть такі

особенная черта, выгодно отличающая ее отъ остальной Россіи. Черту эту отыскать нетрудно. Она заключается въ господствующемъ здѣсь подвижномъ владѣніи.

Конечно, было бы смѣшно приписывать постигшее насъ бѣдствіе той или другой формѣ землевладѣнія. Но одно дѣло—неурожай, другое—способность населенія его выносить. И съ этой точки зрѣнія трудно отрицать, что общинные порядки, считающіеся у насъ такимъ надежнымъ средствомъ имущественнаго обезпеченія крестьянъ, въ настоящемъ случаѣ выказали свою полную неспособность къ достиженію этой цѣли. Съ одной стороны, они не только не ограждаютъ крестьянскаго землевладѣнія отъ пагубнаго измельчанія, они прямо содѣйствуютъ ускорѣнію этого процесса, образованію мелкихъ и потому слабыхъ хозяйственныхъ единицъ. Съ другой, существующее у насъ устройство продовольственнаго дѣла, то-есть общественные магазины съ обязательною засыпкой хлѣба обнаруживаютъ какъ нельзя яснѣе свою полную неспособность. Конечно, виноваты въ этомъ не одни крестьяне. Земство, которому вѣренъ надзоръ за магазинами, не выполнило почти ни гдѣ возложенной на него задачи, да едва ли и въ состояніи ее выполнить, благодаря недостаточной численности персонала земскаго управленія. Полиція со своей стороны не только не обнаружила никакой заботливости по отношенію къ магазинамъ, но по многихъ мѣстностяхъ осенью 1890 года, когда вѣроятіе неурожая въ слѣдующемъ году волиѣ обнаружилось, пренятствовала засынкѣ магазиновъ и даже распродала крестьянскіе запасы для пополненія недоимокъ. Но при всемъ томъ нельзя отрицать, что сами крестьяне, коль скоро власти не принуждаютъ ихъ къ исправному содержанію сельскихъ магазиновъ, болышею частью совершенно къ этому равнодушны, или вовсе уклоняются отъ засынки, или не возвращаютъ полученнаго ими изъ магазина зерна. А это равнодушіе уже конечно плодъ того сознанія, что исправная засынка магазиновъ не частное, а мірское дѣло и что мѣстному домохозяину, пожалуй, нѣкогда не придется воспользоваться ссудой изъ хлѣбнаго запаса, между тѣмъ какъ засынка является для него прямымъ, чувствительнымъ убыткомъ. Что это именно такъ, доказываетъ наличность зерновыхъ запасовъ въ амбарахъ зажиточныхъ крестьянъ, тамъ, гдѣ сельскіе магазины совершенно пусты. Въ то же время частныя хроническія повторенія недородовъ какъ разъ на богатыхъ почвахъ приволжскихъ губерній, между тѣмъ какъ на нашихъ за-

надныхъ окраинахъ такіе недороды лишь рѣдкое явленіе, нельзя не поставить въ нѣкоторую связь съ характеромъ поземельнаго устройства. Не всегда, быть-можетъ, свойство обработки обусловливаетъ высоту сбора хлѣба, которая можетъ иногда исключительно зависѣть отъ метеорологическихъ условій, но постоянная неряшливая обработка изъ году въ годъ съ мелкою вспашкой и съ вывозкой удобренія лишь на ближайшія къ околицѣ десятины несомнѣнно ведетъ къ учащенію неурожая. Еслибы составить таблицу размѣра сбора хлѣбовъ по отдѣльнымъ губерніямъ за послѣднія 20 лѣтъ, то окажется, что число недородныхъ годовъ гораздо значительнѣе какъ разъ тамъ, гдѣ почва всего богаче и надѣлы всего обширнѣе, то-есть въ губерніяхъ приволжскихъ и восточныхъ степныхъ, и цифры низкихъ урожаевъ постепенно уменьшаются по мѣрѣ удаленія на западъ съ мѣстностями, съ почвой сравнительно плохую, но за то съ землевладѣніемъ болѣе устойчивымъ. Изъ этого разумѣется еще не слѣдуетъ, что надо было бы приняться за ломку общины, но еще менѣе ее слѣдуетъ поддерживать искусственнымъ образомъ и видѣть въ ней навацею отъ всевозможныхъ экономическихъ золъ.

Какого бы взгляда на общину мы въ самомъ дѣлѣ ни держались, одно во всякомъ случаѣ несомнѣнно. Община не только не содѣйствуетъ улучшенію культуры крестьянскихъ земель — противъ этого, впрочемъ, никто кажется и не споритъ — она въ то же время мало содѣйствуетъ развитію въ крестьянахъ предпримчивости, дѣлаетъ ихъ мало способными встрѣчать и выносить хозяйственныя невзгоды. Происходитъ это отъ двухъ причинъ. Съ одной стороны, несмотря на явный интересъ мірскаго союза заботиться о состоятельности каждаго изъ своихъ членовъ, несмотря на право общины отбирать у несправныхъ хозяевъ ихъ надѣлы, число малодушныхъ дворовъ повсюду растетъ съ поразительною быстротою и растетъ всего быстрѣе въ мѣстностяхъ чисто-земледѣльческихъ. Семейные раздѣлы, скидка и накладка душъ и мірскіе передѣлы не только не обезпечиваютъ уравнительность крестьянскихъ хозяйствъ, то-есть не достигаютъ главной цѣли общиннаго устройства, но способствуютъ измельчанію крестьянскаго землевладѣнія и размноженію въ немъ слабыхъ хозяйственныхъ единицъ. Съ другой, связанная съ общиннымъ устройствомъ система общественныхъ магазиновъ оказывается вполнѣ несостоятельною для обезпеченія народнаго продовольствія. Крестьяне очевидно смотрятъ на засынку мага-

виновъ, какъ на тяжелую повинность, отъ которой они всячески уклоняются, торопясь получить обратно изъ общественнаго амбара отпущенный туда хлѣбъ. Страшно въ самомъ дѣлѣ возлагать какія-либо надежды на такое устройство продовольственнаго дѣла, при которомъ лишь посредствомъ настойчиваго контроля со стороны правительственныхъ или земскихъ властей можно добиться исправнаго состоянія хлѣбныхъ магазиновъ. Плохо то самоуправленіе, которое постоянно нуждается въ попуканіи извнѣ. И пусть не возражаютъ намъ, что виновато здѣсь не само мірское устройство, а постороннія причины: во-первыхъ, крестьянское малоземелье, а во-вторыхъ, бездѣйствіе властей при надзорѣ за общественными магазинами, или, наоборотъ, ихъ излишнее рвеніе при сборѣ податей, рвеніе, доходящее зачастую до принудительной распродажи хлѣбныхъ запасовъ. Мы не станемъ, конечно, отрицать ни вялости земскаго контроля, ни въ особенности полицейскихъ злоупотребленій при выколачиваніи платежей. Но, во-первыхъ, эти злоупотребленія все-таки повторяются не постоянно, а крестьянскіе магазины не только почти вездѣ пусты, но во многихъ селеніяхъ давнымъ давно распроданы самимъ обществомъ. Во-вторыхъ, если земскій контроль и слабъ, то это едва ли оправдываетъ полное равнодушіе міра къ одной изъ самыхъ вопіющихъ мірскихъ нуждъ. Что же касается малоземелья, по-истинѣ непонятно, какъ можно взваливать на это малоземелье переживаемое нами бѣдствіе, когда оно ипачуть не менѣе ощутительно въ губерніяхъ съ крупными и даже очень крупными надѣлами. Новоузенскій уѣздъ, Самарской губерніи, гдѣ высшій размѣръ указаго надѣла — 12 десятинъ на душу, едва ли не одинъ изъ самыхъ голодающихъ. Почти въ такомъ же положеніи находится Оренбургская губернія, гдѣ подушные надѣлы достигаютъ 18 десятинъ. Вятская губернія, значительная часть Пермской и сѣверные уѣзды Казанской — мѣстности сплошнаго крестьянскаго землевладѣнія, а между тѣмъ не видно кажется, чтобы тамошнее населеніе было хоть сколько-нибудь обезпечено противъ нужды и обладало какими-нибудь хлѣбными запасами. Наконецъ, въ числѣ наиболѣе голодающихъ губерній имѣется и Тобольская, гдѣ о недостаткѣ простора было бы смѣшно и говорить.

А между тѣмъ среди всеобщаго живаго интереса, съ которымъ мыслящіе русскіе люди отнеслись къ голодной невзгодѣ, среди несомнѣннаго отрезвленія, какое привнесли съ собой тяжелыя испытанія настоящей зимы, раздаются и понынѣ многочисленныя

голоса, повторяющіе старую погудку о крестьянскомъ малоземельи, какъ о причинѣ всѣхъ нашихъ бѣдствій и о необходимости во что бы то ни стало поддержать общинное устройство. Сообразно этимъ упорнодержавшимся взглядамъ, еслибы вся Русская земля была исключительно въ рукахъ крестьянъ, и крестьяне эти были закрѣпощены навѣки общинному земледѣнію, никакихъ бы бѣдствій, никакого голода у насъ бы не было. Пусть не будетъ у насъ никакой промышленности, пусть земледѣліе останется нашимъ единственнымъ промысломъ и плохая обработка земли станетъ удѣломъ всей нашей обрабатываемой площади, лишь бы крестьянское мірское владѣніе сдѣлалось единственною, плп, по крайней мѣрѣ, рѣшительно преобладающею формою аграрнаго устройства.

Трудно себѣ представить мнѣніе болѣе легкомысленное и менѣе оправданное какъ разъ теперешнимъ неурожаемъ. Крестьянское населеніе земледѣльческой полосы оказалось не только безъ хлѣба, но и безъ запасовъ и главное безо всякихъ денежныхъ средствъ. Еслибы даже хлѣбныя цѣны остались на томъ же низкомъ уровнѣ, на которомъ онѣ стояли въ предыдущіе годы, крестьянамъ все-таки нечѣмъ было бы купить зерно для обмѣненія и муку на продовольствіе. А намъ предлагаютъ не о томъ позаботиться, чтобъ открылись новые источники заработка, не о томъ, чтобы размножились крѣпкія крестьянскія хозяйства или, по крайней мѣрѣ, сохранились тѣ, которыя пока уцѣлѣли, а о томъ, чтобы заработковъ не было вовсе и чтобъ измельчаніе крестьянскихъ дворовъ безпрепятственно продолжалось. Неурожай громко свидѣтельствуешь о томъ, что продуктивность труда должна быть у насъ усилена и что должны быть приняты мѣры къ упроченію хозяйства. по крайней мѣрѣ, тѣхъ дворовъ, которые не успѣли еще разложиться; насъ хотять увѣрить, что все наше спасеніе въ однообразіи земледѣльческаго промысла, какъ единственнаго источника нашего благосостоянія и въ повсемѣстномъ распространеніи плохой крестьянской культуры. Допустить, что этотъ идеаль былъ бы уже достигнутъ въ настоящее время, и что вся обширная площадь земледѣльческой полосы сдѣлалась бы достояніемъ однихъ крестьянъ, развѣ отъ этого что-нибудь измѣнилось бы къ лучшему въ настоящемъ положеніи? Развѣ такое расширеніе крестьянскаго хозяйства уберегло бы это хозяйство отъ недорода и нищеты? Развѣ, наоборотъ, печезновеніе даже тѣхъ немногихъ заработковъ, которые

тасть населенію помѣщичья культура, не сократило бы еще болѣе его плательныя средства? Вѣдь худо ли, хорошо ли, а самая возможность прокормить, хотя бы съ грѣхомъ пополамъ, населеніе пострадавшихъ мѣстностей русскимъ, не чужимъ, хлѣбомъ зависить отъ того, что есть въ Россіи полоса, которой неурожай не коснулся, или коснулся лишь отчасти. А такъ какъ въ общей сложности, въ этомъ насъ убѣждаютъ ежегодные отчеты Департамента Земледѣлія, помѣщичьи хозяйства по урожайности стоять повелюды выше крестьянскихъ, исчезновеніе этихъ хозяйствъ несомнѣнно повело бы къ сокращенію общей массы получаемого зерна, и стало-быть отразилось бы невыгодно на продовольствіи населенія, не говоря уже о заграничномъ вывозѣ.

Не въ этомъ направленіи, стало-быть, надо искать въ будущемъ обезпеченія народнаго благосостоянія. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о формѣ землевладѣнія, вопросъ, который не можетъ быть разрѣшенъ быстро, и въ которомъ надо лишь не идти наперекоръ требованіямъ жизни, дѣятельность правительства и общества должна быть направлена къ достиженію двухъ цѣлей: къ размноженію источниковъ заработковъ, или, по крайней мѣрѣ, къ облегченію добыванія заработковъ, существующихъ и къ упрощенію крестьянскихъ хозяйственныхъ единицъ. Мѣры перваго рода не допускаютъ опредѣленной формулировки и не могутъ быть, конечно, дѣломъ одного какого-нибудь правительственнаго акта. Мы указали уже на нѣкоторыя возможныя косвенныя облегченія для крестьянъ земледѣльской полосы, плущихъ работы на сторонѣ. Независимо отъ такихъ облегченій, всякая мѣра, служащая для открытія новыхъ заработковъ, для расширенія народнаго труда, была бы истиннымъ благодѣяніемъ для земледѣльческаго населенія. А что такія мѣры возможны, что, помимо самостоятельнаго роста промышленности, государственная власть обладаетъ средствами использовать народный трудъ, доказываетъ та лихорадочная носѣнность, съ которою въ настоящее время приписываются общественныя работы для голодающихъ.

Другая, не менѣе важная, сторона вопроса заключается въ образованіи заповѣдныхъ дворовъ, не подлежащихъ раздѣлу. Мѣра эта, вопреки установившимся взглядамъ, не требуетъ вовсе упраздненія общины, если она только касается известной категоріи крестьянскихъ дворовъ, представляющей собой средній типъ хозяйства, дробленіе котораго нежелательно. Мы, впрочемъ, имѣли уже случай подробно разсматривать этотъ вопросъ на

страницахъ *Русскаго Обозрѣнія* въ 1890 году и потому считаемъ излишнимъ къ нему возвращаться вновь.

Въ заключеніе всего сказаннаго нами, мы не можемъ не остановиться предъ однимъ, истинно-страннымъ сочетаніемъ понятій, которое за послѣднее время все чаще стало повторяться и въ печати, и въ преніяхъ ученыхъ обществъ. Мы хотимъ говорить о томъ удивительномъ сліянніи во-едино двухъ видовъ произвола и опеки, которые, повидному, будучи соединенными вмѣстѣ, обладаютъ для русскаго ума какою-то странною првлекательностью. Это уродливое сочетаніе простаго стародавняго произвола администраціи съ какимъ-то сердобольнымъ социализмомъ особаго пошиба, сочетаніе, если можно такъ выразиться, произвола крутаго съ произволомъ гуманности. Оба они, впрочемъ, отмѣчаются одною характеристическою чертой—полнымъ неуваженіемъ къ человѣческой личности и пріобрѣтенному праву. Сторонники того и другаго сегодня готовы рекомендовать широкое примѣненіе розогъ, какъ воспитательнаго средства, и чиновничьяго усмотрѣнія, какъ источника всякой мудрости, а на другой день не останавливаться предъ реквизиціей хлѣба у частныхъ лицъ и обязательнымъ введеніемъ какихъ-нибудь общественныхъ запасекъ. Произволь міра надъ своими членами и полицейское полновластіе имъ однаково милы, потому что въ томъ и другомъ они однаково видятъ непризнание личной самостоятельности. Противъ этого злополучнаго направленія не могутъ достаточно бороться всѣ люди, петишно преданные своей родинѣ.

К. Головинъ

Безконечной вереницею
Затянулись дни въ пути—
Вѣчно грезншь небылицею,
Такъ что нити не найти.

Словно горы отдаленныя
Подымается туманъ:
Эти нивы обнаженныя,
Этотъ сумрачный бурьянъ. —

Все полно дремотой чуткою...
Въ омертвѣлой тишинѣ
Духъ томится мыслью жуткою,
Словно ночью въ странномъ снѣ.

Говоришь мечтѣ измученной:
Уведи меня домой
По стезѣ, давно изученной,
Гдѣ отрада и покой,

Гдѣ въ листьяхъ неумолкающихъ
Ласку шепчетъ яркій лѣсъ
Подъ лучами догорающихъ
Блѣднорозовыхъ небесъ.

ХАРАКТЕРЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Преобладаніе журнала надъ книгой въ нашей литературѣ. — Причины и послѣдствія этого явленія. — Значеніе большихъ или толстыхъ журналовъ. — Старая школа беллетристовъ: г. Лѣсковъ и его разсказъ «Полунощники». — Г-жа Крестовская въ ея романѣ «Артистка». — Новая школа: г. Боборыкинъ и его повѣсть «Обречена». — Г. Чеховъ въ его разсказѣ «Дуэль». — Г. Ясинскій и его романъ «Ординарный Профессоръ». Г. Потапенко и его разсказы «Шестеро», «Остроумно» и романъ «Не герой». Г. Эртель въ его романѣ «Смѣна».

I.

Наша литература обладаетъ особенностью, отличающею ее отъ западныхъ литературъ — преобладаніемъ журнала надъ книгой. Книга ведетъ у насъ до сихъ поръ неопредѣленное, почти проблематическое существованіе: кромѣ книгъ учебныхъ, дѣтскихъ и техническихъ, прочія появляются спорадически, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, не повинаясь какому-либо опредѣленному условіямъ спроса. Книжное дѣло считается у насъ не выгоднымъ, и число книжныхъ издателей весьма ограничено; скорѣе оно уменьшается, чѣмъ возрастаетъ. Помимо переводныхъ сочиненій и перепечатокъ произведеній, раѣе того появившихся въ журналахъ, количество самостоятельныхъ сочиненій по „общей литературѣ“, какъ говорятъ Англичане, т. е. беллетристическихъ и публицистическихъ, оказывается весьма незначительнымъ. Журналъ настолько тяготеетъ надъ книгой, что появленіе новаго романа въ отдѣльномъ изданіи считается дурною рекомендаціей его, указаніемъ, что онъ былъ отвергнутъ журналами. Сколько мы помнимъ, за послѣдніе годы отдѣльнымъ

и ланіемъ романовъ, видѣвъ прежде не напечатанныхъ, извѣстность удалось приобрести одному князю Голицыну (Муравлину). Всѣ остальные беллетристы составили свое литературное имя черезъ посредство журналовъ.

Въ то время, какъ книжное дѣло у насъ почти не развивается, наша журналистика растетъ въ пропорціи, которая еще лѣтъ десять тому назадъ была явленіемъ неизвѣстнымъ. Чтобы судить о различіи въ этомъ отношеніи между нашею и другими литературами, достаточно напомнить о слухѣ, повторившемся въ газетахъ прошлаго года, будто французскому книжному рынку угрожаетъ крахъ, вслѣдствіе переносенія его романами. Допуская преувеличенія въ этомъ слухѣ, до сихъ поръ не оправдавшемся, въ немъ можно видѣть и долю правды; каждый изъ насъ, слѣдящихъ за французскою литературою, давно уже съ изумленіемъ смотритъ на громадное количество новыхъ романовъ знакомыхъ намъ и незнакомыхъ авторовъ. Тѣмъ не менѣе, даже крайнее увеличеніе производительности французской литературы не выражается въ разростаніи журналистики. Появляющіеся тамъ новые литературные журналы — по большей части органы небольшихъ кружковъ, которые дорожатъ новизной и свободой своихъ мнѣній и хотятъ соединенными силами доставить торжество своей школѣ. Существованіе такихъ журналовъ (вродѣ *Jeune France*, *Revue Independante*, *Revue Contemporaine*, *Le Decadent*, *Le Symboliste*, и т. п.) бываетъ недолговѣчно: они исчезаютъ такъ же незамѣтно, какъ и появляются. Остаются неизблѣмыми журналы, считающіе за собою болѣе или менѣе почтенную давность и открывающіе свои страницы по строгому выбору уже прославленнымъ писателямъ. Многіе французскіе романисты никогда не печатались въ журналахъ и появляются въ газетахъ, когда они своимъ, уже знаменитымъ, именемъ могутъ поднять ихъ распространеніе: слава ихъ была завоевана ранѣе отдѣльными изданіями ихъ произведеній.

Увеличеніе числа журналовъ въ западныхъ литературахъ считается признакомъ не благоприятнымъ для ихъ процвѣтанія. Такъ, въ прошломъ году, когда въ Англіи вдругъ возрасло число ежемѣсячныхъ журналовъ, намъ приходилось встрѣчать въ англійской критикѣ сѣтованіе по поводу этого необычнаго факта, угрожавшаго стѣснить производительность книжнаго рынка, и даже нескрываемую надежду, что неожиданно возникшія *review* и *magazine*ы найдутъ себѣ скорый конецъ. Молодые француз-

скіе писатели, ненавидящіе большіе журналы за ихъ „академичность“ и газеты за ихъ непониманіе „новыхъ направленій“, выражаются о журналистикѣ недружелюбно, почти презрительно, какъ мы это видимъ у одного изъ нихъ, у Шарля Мориса, въ его книгѣ о современной литературѣ („La litterature de tout à l'heure“), гдѣ онъ говоритъ: „Я не вижу необходимости объяснять, насколько литература и журналистика, хотя онѣ и употребляютъ одну и тотъ же алфавитъ, представляютъ собой два искусства безусловно чуждыя другъ другу“. Очевидно, разсуждающіе такимъ образомъ англійскіе и французскіе писатели поддерживаютъ традиціи, заставляющія автора искать славы посредствомъ книги, съ которою онъ выступаетъ самостоятельно, лично отвѣчая за нее и пользуясь лишь собственнымъ, непосредственно заслуженнымъ успѣхомъ. Ни тиранія и эксплуатація издателей, тяжелыя въ особенности на первыхъ порахъ, ни трудность быть замѣченнымъ среди множества собратій не охлаждають предпочтенія, какое западные писатели отдають формѣ отдѣльнаго изданія своихъ произведеній. Правда, эта форма отчасти ведетъ за собой развитіе рекламы, необходимой для нея, и не избавляетъ литературу отъ посредственностей и бездарностей, но она позволяетъ работать тщательно и не спѣша, что особенно важно для даровитыхъ писателей. Она даетъ каждому настоящую мѣрку его успѣха, который зависитъ отъ качества самаго произведенія, тогда какъ при печатаніи въ журналѣ, онъ неизбежно находится въ пзвѣстной зависимости отъ распространенности и общаго литературнаго достоинства журнала.

Причину преобладанія журнала въ нашей литературѣ слѣдуетъ искать въ историческихъ условіяхъ ея развитія. Перенимая въ прошломъ вѣкѣ и духъ, и формы западныхъ литературъ, она, одновременно съ книгой, заимствовала у нихъ и журналъ. Въ названныхъ литературахъ журналъ былъ сравнительно позднимъ явленіемъ: ему предшествовала длинная, покрытая славой исторія книги. У насъ книга, за исключеніемъ духовной, пользовалась меньшимъ почетомъ и, какъ орудіе иноземнаго просвѣщенія, прививалась не легко: нужно еще было убѣдить общество въ пользѣ литературы, чтобы заставить его любить и уважать книгу. Отечественная мысль еще долго не настолько была крѣпка и самостоятельна, чтобы состязаться съ Западомъ въ созданіи оригинальной книжной литературы. Журналъ былъ легче и удобнѣе по своей формѣ; онъ давалъ много разнообразнаго чтенія за

песторогую цѣну, его можно было приравливать ко вкусамъ читателей и къ обстоятельствамъ времени; отъ его матеріала требовалось менѣе выработанности, такъ какъ каждый выпускъ предназначался для преходящаго пользованія, смѣняясь все новыми и новыми выпусками. Какъ цѣнились журналы нашими лучшими людьми и тогда, когда наша литература вступила на самостоятельный путь, мы знаемъ изъ отношенія къ нимъ Пушкина: онъ оставилъ намъ часто повторявшееся изрѣченіе: „Дай Богъ побольше журналовъ—плодить читателей они“, и подъ конецъ жизни самъ сдѣлался издателемъ журнала, хотя и принадлежалъ къ тому поколѣнію писателей, которые приобрѣли громкую славу отдѣльными изданіями своихъ сочиненій.

Съ конца тридцатыхъ годовъ окончательно устанавливается у насъ торжество журнала надъ книгой. Знаменитый въ свое время Смирдинъ не создалъ долговѣчной фирмы, не превратился въ русскаго Мѣррея или Гюшета. Его дѣло погибло вмѣстѣ съ нимъ и въ томъ размѣрѣ и съ тѣмъ же значеніемъ впоследствии уже не возрождалось. Усиленная, также усиленная журналами, потребность въ переводной литературѣ въ шестидесятыхъ годахъ вызвала къ жизни нѣсколько замѣтныхъ издательскихъ фирмъ, но онѣ исчезли одна за другою. Последующіе издатели вели дѣло въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, избирая какую-либо спеціальность или ограничиваясь перепечатками изъ журналовъ и изданіями полныхъ собраній сочиненій извѣстныхъ авторовъ. Во всякомъ случаѣ, дѣятельность ихъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе въ исторіи нашей литературы, которая по преимуществу развивалась въ журналистикѣ. Достаточно назвать *Библіотеку для чтенія*, *Москвитяинъ*, *Отечественныя Записки*, *Современникъ*, *Русскій Вѣстникъ*, *Русское слово*, *Русскую Бесѣду* и еще нѣсколько другихъ, чтобы напомнить главныя теченія и главныхъ дѣятелей нашей литературы за послѣднее пятидесятилѣтіе. Всѣ эти дѣятели впервые появлялись подъ сѣнью какого-либо журнала и упрочивали за собой извѣстность, благодаря разборамъ ихъ произведеній, появлявшимся въ другихъ журналахъ.

Господство большихъ или толстыхъ журналовъ продолжалось до конца семидесятыхъ годовъ; всѣми признавалось, что текущая литература сосредоточивается именно въ нихъ, и критика только ихъ имѣла въ виду въ своихъ отчетахъ о движеніи литературы. Шестидесятые и семидесятые годы были временемъ постепеннаго усупленія ежедневной прессы, но наибольшее

значение и распространение она приняла со времени послѣдней войны. Сознавъ свою силу, газетная пресса попробовала оспаривать у ежемѣсячныхъ журналовъ главенство, которое установилось за ними въ литературѣ; она доказывала, что „толстые“ журналы отжили свой вѣкъ, что теперь наступаетъ господство газеты, вмѣющей возможность своевременно улавливать настроеніе минуты и удовлетворять запросы читателей. Не довольствуясь публицистическими задачами, газеты стали печатать и литературные рассказы въ своихъ фельетонахъ; критики ихъ прекратили обязательныя для нихъ въ прежнія времена обзорнія большихъ журналовъ и стали игнорировать послѣдніе. Въ то же время, вмѣстѣ съ большою ежедневною прессой, все больше и больше распространялась малая пресса, завоевывая себѣ читателей въ такихъ слояхъ, гдѣ газеты еще недавно были вовсе не извѣстны; она достигала успѣха преимущественно литературнымъ отдѣломъ, въ которомъ выступали спеціальныя юмористическіе писатели. Все увеличивающійся кругъ читателей пріобрѣтали и дешевыя иллюстрированныя изданія, на первыхъ порахъ привлекая подписчиковъ „преміями“, въ видѣ олеографій, акварелей и т. п., неизмѣнными ничего общаго съ литературой. Однако, до начала восьмидесятыхъ годовъ и газетная и иллюстрированная прессы вынуждены были довольствоваться собственными силами, которыя не смѣшались съ сотрудниками „толстыхъ“ журналовъ, считавшихъ ниже своего достоинства „спускаться“ до газетъ и, тѣмъ болѣе, до иллюстрацій. Большіе журналы все еще стояли особнякомъ и, несмотря на удары газетной прессы, удерживали за собой монополию настоящей литературы. Они такъ пріучили къ себѣ публику, что та не любила другихъ журнальныхъ фирмъ; двухнедѣльные и еженедѣльные журналы, несмотря на неоднократныя попытки даже опытныхъ издателей, не прививались и должны были исчезнуть съ литературной сцены.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ произошли въ литературѣ новыя перемѣны. Издатель еженедѣльной газеты, которой приходилось долго и безуспѣшно бороться съ предубѣжденіемъ публики противъ этой формы изданія, напалъ на мысль давать своимъ подписчикамъ ежемѣсячныя книжки беллетристическаго содержанія. Нововведеніе сразу увеличило число подписчиковъ газеты въ четыре или въ пять разъ и нашло много подражателей. Къ тому времени и количество подписчиковъ дешевыхъ иллюстрированныхъ журналовъ возрасло до количества, неслы-

хашаго до тѣхъ поръ. Увеличеніе средствъ дало имъ возможность значительно повысить гонораръ въ сравненіи съ гонорарами толстыхъ журналовъ и поставить во главѣ своего литературнаго отдѣла писателей съ извѣстнымъ литературнымъ именемъ. Оба обстоятельства обезпечили для этихъ журналовъ возможность помѣщать на своихъ столбцахъ произведенія лицъ, державшихся до тѣхъ поръ однихъ лишь толстыхъ журналовъ.

Факты, на которые мы указываемъ, имѣютъ немаловажное значеніе. Журнальная статистика показываетъ, что съ семидесятыхъ годовъ число большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ осталось безъ измѣненія и нѣкоторые изъ нихъ признали необходимымъ понизить цѣну. Между тѣмъ возникло значительное число еженедѣльныхъ журналовъ съ ежемѣсячными приложениями, привлекающихъ публику дешевою платой, иллюстраціями и преміями. Просматривая списки сотрудниковъ, помѣщаемыхъ въ объявленіяхъ этихъ журналовъ, мы, за немногими исключеніями, находимъ тамъ имена, составившія себѣ извѣстность въ большихъ журналахъ и замѣчаемъ, что они, по крайней мѣрѣ, имена беллетристическія, почти вездѣ одни и тѣ же. Такимъ образомъ, одному и тому же сравнительно небольшому контингенту беллетристовъ приходится удовлетворить многочисленнымъ запросамъ, которые предъявляются къ нимъ. Еще лѣтъ десять тому назадъ, каждый беллетристъ работалъ на одинъ, на два журнала; въ настоящее время работы нѣкоторыхъ изъ нихъ можно найти одновременно въ пяти, шести и болѣе журналахъ. Подобное обстоятельство не можетъ не оказывать вліянія на характеръ и развитіе нашей литературы. Чтобы замѣтиѣ выяснитъ это вліяніе, мы посмотримъ, какъ оно отражается на беллетристикѣ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ которыхъ до послѣдняго времени по преимуществу сосредоточивалось движеніе нашей художественной литературы.

Что бы ни говорили о „толстыхъ“ журналахъ, какія бы ни находили злоупотребленія ихъ своимъ авторитетомъ въ прежнія времена, какое бы стѣсненіе книжнаго дѣла они не оказывали, за ними нельзя не признать большой заслуги въ исторіи нашей литературы. Всѣ литературные таланты, которые составляютъ украшеніе послѣдняго пятидесятилѣтія ея и другіе, составляющіе ея пышную трудовую силу, были выведены „толстыми“ журналами. Изъ всѣхъ извѣстныхъ литературныхъ именъ нашего времени, можно указать одного лишь г. Ант. Чехова, зарабо-

тавшагося и выдвинувшагося въ газетахъ, и газетная его работа была скорѣе случайностью для автора, которому его талантъ и образованіе всегда могли бы открыть доступъ въ любой журналъ. Престижъ „толстыхъ“ журналовъ, несмотря на презрѣніе, выражаемое къ нимъ газетами, несмотря на стремленіе ежемѣсячныхъ приложенийъ различныхъ иллюстрированныхъ и неиллюстрированныхъ изданій дать иѣчто болѣе соответствующее нашему времени, остается въ своей силѣ. Дебютанты все-таки стараются попасть на страницы большихъ журналовъ, и настоящее литературное крещеніе дается только помѣщеніемъ произведеній писателя въ этихъ журналахъ. Значеніе послѣднихъ поддерживается именно ихъ болшею строгостью выбора матеріала, ихъ послѣдованію преданіямъ „добраго стараго времени“ нашей литературы, времени ея наибольшаго роста и разцвѣта. Заимствуя у большихъ журналовъ и ихъ силы, и ихъ формы, другіе должны болѣе или менѣе „тиснуться“ за ними, подражать имъ; рассчитывая на менѣе взыскательный и менѣе культурный кругъ читателей, они не только могутъ, но и должны понижать свой литературный уровень и довольствоваться болѣе легкимъ литературнымъ матеріаломъ. Вслѣдствіе того, болѣе строгій и серьезный выборъ, болѣе высокая оцѣнка произведеній современныхъ писателей все-таки остается за большими журналами; за ними остается и роль литературныхъ органовъ по преимуществу.

Расширеніе литературы, усиленный запросъ, предъявляемый къ ея наличнымъ силамъ, ставятъ предъ большими ежемѣсячными журналами, сознающими свою настоящую литературную функцію, многія затрудненія, неизвѣстныя имъ въ прежнее время. Храня литературныя традиціи, относясь къ лицамъ, отдающимъ на ихъ судъ свои произведенія, они должны поневолѣ дѣлать уступки или въ смыслѣ направленія, или въ смыслѣ достоинства произведеній. Ихъ выборъ между послѣдними теперь болѣе ограниченъ, такъ какъ большинство писателей отдають имъ лишь часть своей дѣятельности, отвлекаемой другими журналами. Къ счастью для литературы, большіе журналы скорѣе поступаются своимъ литературнымъ симпатіями, даютъ у себя мѣсто писателямъ, которые прежде причислялись къ другимъ литературнымъ лагерямъ и не принимали участія въ этихъ журналахъ. Мы говоримъ „къ счастью“, потому что предпочтеніе, отдаваемое таланту и цѣнной работѣ предъ литературнымъ формулярнымъ спискомъ, намъ кажется отряднымъ явленіемъ. Съ другой стороны

оно указываетъ, что большіе журналы соблюдаютъ старыя почтенныя традиціи литературы и отдають должное произведеніямъ художественнымъ, выдержаннымъ по мысли и по исполненію. Въ такомъ отношеніи большихъ журналовъ къ своей задачѣ мы видимъ главный ослотъ противъ наводненія нашей литературы „легкимъ чтеніемъ“, которое могло бы угрожать ей, еслибы эти журналы только „шли по вѣтру“, заботились лишь о привлеченіи читателей вибшимъ интересомъ своего матеріала.

II.

По нашему мнѣнію, въ современной беллетристикѣ слѣдуетъ видѣть двѣ „школы“—старую и новую, которыя опредѣляются не возрастомъ и не талантомъ писателей, а ихъ отношеніемъ къ своей работѣ, ихъ пониманіемъ своей литературной задачи. Писатели „старой школы“, хранящіе прежніе завѣты и придерживающіеся прежнихъ приемовъ, пишутъ мало, работаютъ долго и тщательно, и даютъ вещи во всякомъ случаѣ законченныя. Живость ихъ произведеній зависить отъ свойства ихъ талантовъ, но они отражаютъ въ своихъ произведеніяхъ обыкновенную жизнь и выводятъ простые, понятные намъ типы. Чтобы пояснить, кого мы разумѣемъ подъ представителями „старой школы“, укажемъ на г. Лѣскова и его послѣдній рассказъ „Полунощники“, напечатанный въ XI и XII нумерахъ *Вѣстника Европы* за прошлый годъ.

Мастерство упомянутаго рассказа выступаетъ въ простотѣ его постройки и въ большой трудности его выполненія. Проѣзжій, остановившійся въ комнатахъ для богомольцевъ, слышитъ за дверями по обѣимъ сторонамъ разговоры. На одной сторонѣ бесѣдуютъ старики, мужъ и жена. Разговоръ ихъ менѣе интересенъ и скоро прекращается. По другую сторону долго тянется рассказъ купеческой приживалки, развлекающей свою хозяйку, молодую купеческую вдову. Читатель не видитъ ни той, ни другой, и составить себѣ опредѣленное понятіе о дѣйствующихъ лицахъ діалога можетъ только по ихъ рѣчи, по содержанію и по способу выраженія того, что онѣ говорятъ. Приживалка, видимо не молодая, рассказываетъ свою исторію, свою молодость, двукратное замужество и особенно распространяется о своемъ житѣ у богатыхъ купцовъ,—матери съ дочерью и братомъ,—

которыхъ знала, или о которыхъ слыжала ея новая хозяйка. Марья Мартыновна (приживалка) говоритъ вычурнымъ, исковерканнымъ языкомъ, употребляя множество словъ ей самой непонятныхъ, или понимаемыхъ ею не въ настоящемъ ихъ смыслѣ. Автору за это былъ сдѣланъ упрекъ въ печати, но мы съ этимъ упрекомъ согласиться не можемъ. „Грамматическій“ разговоръ Марьи Мартыновны, какъ она сама его называетъ, составляетъ ея орудіе въ борьбѣ за существованіе; за него ее держать и кормить въ купеческихъ домахъ; мы въ этомъ убѣждаемся, слыша похвалы ему отъ ея хозяйки. Въ своемъ родѣ, это то же, что литературный стиль для писателя и родъ краснорѣчія для адвоката. Марья Мартыновна читала переводные романы, неизвѣстные лицамъ Островскаго, которыхъ ей ставятъ въ примѣръ, и наслушалась разныхъ мудреныхъ словъ отъ полуобразованныхъ купцовъ; поэтому она и выработала себѣ своеобразный, пестрый языкъ, до извѣстной степени прельщающій ея слушательницъ-купчихъ. Въ ея разсказѣ, несмотря на его смѣшную вычурность, мы видимъ, какъ живыхъ и ее самое, и ея прежнихъ хозяевъ, добрую старуху, ни въ чемъ не противорѣчающую дочери; дочь, стремящуюся жить по Евангельской правдѣ, дядю, тратящаго жизнь на кутежъ, но человѣка не злаго, и видимъ цѣлую драматическую коллизію между этими тремя лицами, заканчивающуюся побѣдой дочери, не измѣняющей своимъ идеаламъ, отказывающейся отъ замужества послѣ смерти доктора, ея единомышленника, и посвящающей себя помощи бѣднымъ. Марья Мартыновна ни мало не сочувствуетъ Клавдію; она смѣется надъ ней и досадуетъ на нее; но и сквозь призму ея туповатой насмѣшки предъ нами ясно выступаетъ симпатичный, чистый образъ дѣвушки. Подъ конецъ мы слышимъ, что молодая вдова, съ которою разговариваетъ Марья Мартыновна, въ свою очередь, страдаетъ отъ тѣхъ же возрѣній, которыя заставили Клавдиньку расположить свою жизнь совсѣмъ не по купечески: и вдова безнадёжно любитъ молодаго человѣка изъ купеческой семьи, желающаго посвятить жизнь не пользованію богатствомъ для себя, а добродѣлю. Весь разсказъ производитъ такое жизненное и теплое впечатлѣніе, что и мы, вмѣстѣ съ авторомъ, проѣзжая мимо купеческаго дома и видя свѣтъ лампы въ окнѣ, можемъ уже предположить, что здѣсь, быть-можетъ, живетъ Клавдинька, думающая, какъ бы помочь нуждающимся и огорченнымъ.

Мы вполне понимаемъ редакцію журнала, которая дала на

своихъ страницахъ мѣсто выработанному и оригинальному разсказу г. Пескова, хотя авторъ его и не принадлежитъ къ числу обычныхъ сотрудниковъ журнала. Въ его лицѣ, она, очевидно, отдаетъ впечатленіе „старой школы“, которая для нея ближе, чѣмъ „новая“. Тѣми же соображеніями объясняемъ мы и помѣщеніе въ томъ же журналѣ большаго романа г-жи Крестовской, также впервые въ немъ появляющейся. Мы полагаемъ, что выборъ редакціи остановился на романѣ „Артистка“ потому, что онъ написанъ тщательно, просто и изображаетъ обыкновенныхъ, а не какихъ-либо исключительныхъ лицъ. Г-жа Крестовская стоитъ въ сторонѣ отъ литературнаго потока, который увлекаетъ другихъ молодыхъ писателей, и, видимо, работаетъ неторопливо и придерживается старыхъ формъ. Романъ ея отчасти впадаетъ въ крайность, противоположную общему недостатку нашихъ молодыхъ беллетристовъ: насколько ихъ произведенія отличаются недоработанностью, какъ мы увидимъ дальше, ея произведеніе грѣшитъ нѣкоторою переработанностью, излишествомъ деталей и размѣра. Впрочемъ, какъ намъ не рѣдко приходилось замѣчать, это—недостатокъ, свойственный многимъ авторамъ-женщинамъ.

Главное содержаніе романа г-жи Крестовской заключается въ любви молодого, дѣлающаго блестящую карьеру и, тѣмъ не менѣе, обладающаго нѣжною, любящею душой, чиновника Чемезова къ драматической артисткѣ Леонтьевой. Чемезовъ—сынъ почтенныхъ родителей и родственная связь съ сестрами, въ особенности со старшею, замужнею сестрой, у него очень крѣпка. Кромѣ того, онъ страстно любитъ свою служебную работу; даже въ первую пору любви, находясь на короткое время въ Москвѣ, онъ съ грустью вспоминаетъ о своемъ департаментѣ. Служба и старшая сестра мѣшаютъ его безмятежному счастью съ Ольгой Леонтьевой, которая ради него оставляетъ Москву, гдѣ публика ее обожала, и переходитъ въ Петербургъ, гдѣ къ ней относятся холодно и пристрастно. Однако, Чемезовъ не уступаетъ препятствіямъ и готовъ жениться на Ольгѣ, требуя только, чтобъ она оставила сцену. Это требованіе оказывается выше силъ Ольги, и послѣ долгой борьбы артистка въ ней побѣждаетъ женщину: не признавшись Чемезову въ своемъ намѣреніи, она потихоньку отъ него убѣгаетъ изъ Петербурга. Сюжетъ „Артистки“ можетъ быть названъ общечеловѣческимъ и не разъ былъ затронутъ знаменитыми романистами: такъ съ большою силой и оригинальностью онъ былъ обработанъ въ новѣйшее время Эдм. Гонкурромъ, въ

„Faustin“. Г-жа Крестовская не повторила ничего изъ своихъ предшественниковъ, но и не представила большой новизны и глубины въ обработкѣ своей темы. Мы понимаемъ, напримѣръ, въ романѣ Гапкура увлеченіе французской трагической артистки Англичаниномъ-лордомъ, красивымъ, богатымъ, неустрашимымъ охотникомъ за тиграми; между тѣмъ, для насъ не вполне ясно, почему именно Ольга Леонтьева съ такою страстью привязывается къ Чемезову. Для того, чтобы читатель могъ съ настоящимъ интересомъ слѣдить за развитіемъ и перипетіями сближенія героя и героини, ему должна быть раскрыта привлекательность героя въ глазахъ любящей его женщины. А мы, при всемъ уваженіи къ честнымъ и добрымъ сторонамъ характера Чемезова, не совсемъ ясно видимъ, что именно въ такой степени привлекало къ нему Ольгу, которая знала любовь и раньше и, передъ знакомствомъ съ Чемезовымъ, не терпѣла недостатка въ поклонникахъ. Для Чемезова, отличающагося большою „корректностью“ взглядовъ, толчкомъ къ вспыхнувшей въ немъ любви къ Ольгѣ могло быть возрожденіе затаявшейся съ ранней молодости привязанности: любовь его могла оказаться потокомъ чувства, хлынувшимъ уже по намѣченному руслу. Чемезовъ никого и не любилъ до встрѣчи съ Ольгой, страдалъ отъ недостатка любви, не находя никого, кому могъ бы отдать свое сердце. А Ольга, повидимому, успѣла достаточно забыть Чемезова, если и интересовалась имъ въ молодости, и для нея его образъ давно долженъ былъ заслониться другимъ. Мы понимаемъ, что Чемезовъ поѣхалъ въ Москву, чтобы ее видѣть, но не совсемъ понимаемъ, почему его сердечный порывъ сообщился ей. Авторъ нигдѣ не показываетъ намъ Чемезова такимъ, какимъ онъ долженъ былъ казаться Ольгѣ; мы все время видимъ предъ собой вполне порядочнаго, умнаго и мягкаго душой человѣка, и не угадываемъ, за что Ольга такъ сильно любитъ его? Положимъ, для любви не существуетъ законовъ; тѣмъ не менѣе, когда авторъ новѣйшаго романа, построеннаго на любви, и притомъ авторъ-женщина оставляетъ возможность указанного недоумѣнія, мы не можемъ не считать этого чувствительнымъ недостаткомъ. Чемезовъ все время проходитъ предъ нами въ обликѣ холоднаго петербургскаго чиновника, и сердце его лишь въ немногія минуты разогрѣвается настолько, что мы чувствуемъ его теплоту. Мы постоянно боимся, что именно онъ не выдержитъ ложнаго положенія, создаваемаго для него близостью съ Леонтьевой, и чувствуемъ облегченіе, когда видимъ, что чест-

ность отношеній къ любимой женщинѣ въ немъ беретъ верхъ надъ другими побужденіями и соображеніями. Слинкомъ спокойный, эпическій складъ романа дѣлаетъ еще болѣе замѣтнымъ его распространенность: дѣйствіе подвигается медленно и осложняется вводными лицами, ненужными для него (подробными описаніями семьи Леонтьевыхъ, прислуги Чемезова и т. п.) и не дающими типичныхъ бытовыхъ чертъ (кроме актерскаго вечера въ Москвѣ). Хотя, по нашему мнѣнію, романъ выигралъ бы при большей сжатости, но и въ настоящемъ видѣ онъ выказываетъ достаточное знакомство съ петербургскимъ чиновнымъ кругомъ и актерскимъ міромъ и въ главныхъ лицахъ даетъ живые и не забывающіеся образы.

III.

Насколько возрастъ мало опредѣляетъ принадлежность писателя къ старой или новой школѣ, мы можемъ видѣть на примѣрѣ г. Боборыкина, который немногимъ моложе г. Лѣскова, но по своей плодovitости и своимъ литературнымъ приѣмамъ долженъ быть вполне отнесенъ къ „новой школѣ“. Нѣкоторыя типичныя черты этой школы рельефно выдѣляются въ разсказѣ названнаго автора „Обречена“, напечатаннаго въ трехъ послѣднихъ книжкахъ *Русской Мысли* за прошлый годъ. Тема разсказа все та же, какъ и во многихъ послѣднихъ произведеніяхъ г. Боборыкина—любовь, пробуждающаяся въ человѣкѣ уже пережившемъ молодость, котораго авторъ надѣляетъ и умомъ, и теплымъ сердцемъ, и вдумчивымъ отношеніемъ къ жизни. Герой названнаго разсказа, Грубинъ, кроме довольно почтенныхъ лѣтъ (тридцати восьми), только что потерялъ жену, умершую отъ несчастныхъ родовъ. Съ женой онъ жилъ дружно и, повидимому, искренно любилъ и уважалъ ее. Собираясь за границу, онъ еще продолжаетъ жить въ Царскомъ Селѣ на той же дачѣ, гдѣ она умерла. Онъ ничего не тронулъ тамъ послѣ ея смерти, даже оставилъ колыбель, приготовленную для новорожденнаго, на томъ же мѣстѣ. Воспоминанія невольно обступаютъ его со всѣхъ сторонъ и держатъ подъ своею властью. Тѣмъ не менѣе, для него оказывается достаточнымъ увидѣть два—три раза молодую дѣвушку, чтобы забыть жену и полюбить вновь. Мы всегда признавали за г. Боборыкинскимъ особое, отличающее его отъ многихъ другихъ беллетристовъ, умѣнье выбрать живую, захватывающую тему. И теперь,

ознакомившись съ „экспозиціей“ названнаго разсказа, мы приготовились слѣдить съ интересомъ, какъ опытный беллетристъ будетъ раскрывать предъ нами любопытную душевную метаморфозу героя, которую легко предположить уже послѣ первой встрѣчи Грубина съ Марусей Аксамитовой. Въ описаніи этой дѣвушки, при всей ея виѣшности, сквозитъ желаніе автора показать намъ не только эффектную свѣтскую дѣвушку, но болѣе тонкій, чуткій женскій образъ въ сравненіи съ уровнемъ ея среды. Въ ея матери Грубинъ узнаетъ русскую даму, видѣнную имъ на заграничныхъ водахъ въ сопровожденіи иностраннаго офицера и запомнившуюся ему, по наблюденіямъ и по слухамъ, въ качествѣ „прожигательницы жизни“. Мужъ ея, видимо, играетъ при ней жалкую, подчиненную роль. Тѣмъ не менѣе, Грубинъ, котораго познакомилъ съ ними его пріятель, дѣлаетъ имъ визитъ. На первыхъ порахъ онъ не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія чего-то темнаго и подозрительнаго во всей роскоши обстановки Аксамитовыхъ и въ самой м-ше Аксамитовой, молодой и пріятельской, несмотря на свои сорокъ лѣтъ. Онъ слышитъ, наконецъ, отъ ихъ знакомаго генерала Дынина, что м-ше Аксамитова пользуется средствами какого-то милліонера. И все-таки онъ бываетъ у нихъ заинтересованный Марусей, встрѣчается съ ней въ паркѣ, случайно и по уговору, и продолжительно бесѣдуетъ съ дѣвушкой. Чѣмъ именно она притягиваетъ его къ себѣ, нельзя уловить при самомъ внимательномъ чтеніи разсказа; повидному, тѣмъ, что она выказываетъ большее знаніе жизни, чѣмъ можно предполагать у барышни, воспитанной въ католическомъ монастырѣ, и читаетъ Поля Бурже. Однако, каждый изъ этихъ разговоровъ въ паркѣ, по плану автора, дѣлаетъ свое дѣло. Но какъ дѣлаетъ? Чисто механически, какъ будто душа Грубина—какой-то самый несложный инструментъ, отражающій одни виѣшнія вліянія. Одинъ разъ, возвратившись вечеромъ домой и проходя мимо пустой колыбели и запертой комнаты жены, Грубинъ не чувствуетъ уже прежней тоски: душа его вновь щетъ женщины. Въ другой разъ, сидя одинъ въ паркѣ, онъ вспоминаетъ, что пропустилъ сороковой день послѣ смерти жены и не отслужилъ панихиды. Потомъ онъ подстригаетъ себѣ бороду и заказываетъ новое платье, чтобы казаться моложе и изящнѣе. Наконецъ, отказавшись отъ поѣздки за границу, возвращаясь изъ Петербурга въ Царское, онъ уже чувствуетъ, что его душу охватила „страсть“. Въ этомъ словѣ все дѣло: оно должно все объяснять и разрѣшить. Это та force

важенге беллетристовъ новой школы, которая замѣняется для нихъ всю сложную психологію, которую съ такимъ трудомъ изображали беллетристы прежняго времени. „Страсть“, въ ея повѣйшемъ пониманіи, — нѣчто вродѣ микроба или бациллы, которая безусловнымъ путемъ попадаетъ въ организмъ и распоряжается въ немъ по своему. Человѣкъ перестаетъ принадлежать себѣ: посторонняя сила завладѣваетъ имъ, превращаетъ въ совершенно другое существо, заставляетъ его то восторгаться, то отчаяваться, то дѣлать невѣроятныя глупости, причемъ во всемъ этомъ онъ является совершенно неотвѣтственнымъ. Намъ трудно было бы оправдать автора аргументомъ, что подобное явленіе возможно для каждаго, что любовная страсть — слѣпая сила, доводящая до преступленія, до безумія, что наше время изобилуетъ подобными примѣрами не менѣе всѣхъ другихъ эпохъ и т. д. Для того, чтобъ этотъ аргументъ имѣлъ приложеніе къ исторіи Грубина, которую рассказываетъ г. Боборыкинъ, мы должны пережить вмѣстѣ съ нимъ его душевную драму, мы должны ее чувствовать въ каждомъ ея моментѣ, должны вмѣстѣ съ нимъ испытывать неотразимо покоряющее впечатлѣніе прелести, очарованія лѣвушки, завладѣвающей имъ. Если же авторъ не можетъ или не хочетъ заставить наше сердце биться вмѣстѣ съ сердцемъ его героя, если онъ показываетъ его намъ только съ виѣшней стороны и самъ объясняетъ за него, что вотъ въ такую-то минуту въ его душѣ произошла такая-то перемѣна, то мы остаемся равнодушны ко всѣмъ страданіямъ или смятеніямъ героя. Скорѣе всего герой заставляетъ насъ испытывать недоумѣніе, когда ведетъ себя, при своемъ почтенномъ возрастѣ, какъ мальчикъ, не разбирая того, кому онъ отдаетъ свое сердце, въ комъ ищетъ сочувствія? Если Маруся и любила разговаривать съ нимъ и даже назначала ему свиданія у себя дома и въ паркѣ, то говорила только о себѣ, о своихъ взглядахъ на жизнь. Неужели этихъ полуотвлеченныхъ разговоровъ было достаточно, чтобъ у Грубина, человѣка небогатаго, незанимающаго виднаго общественнаго положенія, могли явиться серьезные надежды, послѣ того, какъ онъ видѣлъ въ домѣ Аксаметовыхъ блестящаго, титулованнаго гвардейскаго офицера, который съ перваго раза показался ему женихомъ, и молодаго богача, получающаго два милліона дохода, въ которомъ также заподозрилъ претендента. И авторъ, кромѣ этихъ разговоровъ, ничѣмъ не выясняетъ намъ Марусю. Она не думаетъ, не живетъ, не дѣйствуетъ предъ нами: о ней сообщаютъ герою различныя

подробности другія лица, ея отецъ, мать, пріятель Грубина, даже гвардеецъ. Въ нужную минуту герой встрѣчаетъ въ паркѣ лицо, дающее ему полезныя свѣдѣнія; тогда и повѣсть получаетъ дальнѣйшее движеніе. Вслѣдствіе такого упрощеннаго приѣма, рассказъ пріобрѣтаетъ характеръ наивной, старинной комедіи. Одинъ только герой волнуется, надѣется, страдаетъ, чего-то ждетъ для себя: зритель не обманывается ни на одну минуту: съ перваго явленія или съ первой главы, что въ данномъ случаѣ одно и то же, онъ уже знаетъ, чѣмъ кончится суета, происходящая на сценѣ. Пока Грубинъ вздыхаетъ, m-me Аксамптова удерживаетъ миллионера при себѣ, наводитъ справки черезъ пріятеля героя о состояніи князя-гвардейца и, получивъ удовлетворительныя свѣдѣнія, объясняетъ при встрѣчѣ съ Грубинымъ въ отсутствіи дочери, что ея дочь неспособна любить и выйдетъ за того, кого мать ей укажетъ. Въ слѣдующемъ разговорѣ съ Грубинымъ, Маруся подтверждаетъ рѣшеніе матери, объясняя ему, что она—такая же, какъ и ея мать, что ей нужна роскошь, поклонники и т. д. Грубинъ читаетъ элегію Пушкина и рыдаетъ. Читатель, который ни одной минуты не вѣрилъ, что любовь его можетъ увѣнчаться успѣхомъ, скорѣе радъ, чѣмъ огорченъ: по крайней мѣрѣ, думаетъ онъ, этотъ добродушный человѣкъ поѣдетъ за границу и тамъ успокоится или примется дома за какое-нибудь дѣло.

При чтеніи повѣсти г. Боборыкина всего болѣе бросается въ глаза чисто виѣшняя обработка сюжета. Предъ нами проходитъ вереница лицъ, съ ихъ наружностью и костюмами, обстановки квартиръ, картины парка и т. п., но эти фигуры производятъ впечатлѣніе китайскихъ тѣней, ярко раскрашенныхъ, близко напоминающихъ дѣйствительность и все-таки не настолько жизненныхъ, чтобы мы могли угадать ихъ душу, ихъ внутренній міръ, узнать ихъ при встрѣчѣ въ настоящей жизни. Какими бы нарядными красками ни рисовалъ ихъ намъ авторъ, все-таки это маски, а не живыя лица. У нихъ мелькаютъ и смѣющіяся, и горькія выраженія; намъ намекаютъ даже на какія-то драмы, происходящія между ними, но дальше виѣшности ихъ улыбокъ, костюмовъ и приемныхъ комнатъ авторъ намъ не даетъ проникнуть. Если мы и могли видѣть интересъ новизны въ рассказѣ г. Боборыкина, то именно въ изображеніи семьи Аксамптовыхъ, которая существуетъ въ наше время во многихъ видоизмѣненіяхъ и съ которою мы еще мало знакомы изъ картинъ нашихъ беллетристовъ. Между тѣмъ, авторъ показалъ ее намъ лишь издали,

дать одинъ намекъ на внутреннее содержаніе ея жизни, и сосредоточился на изображеніи любовныхъ ощущеній какого-то блѣднаго, неинтереснаго чловѣка, чуждаго той средѣ, въ какую онъ попадаетъ случайно и не могущаго имѣть для нея никакого значенія.

Мы вовсе не раздѣляемъ, однако, упрековъ въ легкомысленномъ отношеніи къ дѣлу, которымъ подвергается г. Боборыкинъ преимущественно предъ своими собратьями; возлагать на него одного обвиненія въ снѣжности и блѣдости было бы вполнѣ несправедливо. О г. Боборыкинѣ можно сказать только, что онъ ладитъ за вѣкомъ⁴. Было время, когда онъ писалъ романы съ глубокимъ захватомъ, съ изображеніемъ новыхъ типовъ и мало затронутыхъ общественныхъ слоевъ. Теперь въ его произведеніяхъ встрѣчаются лишь намеки на типы, блѣдые абрисы ихъ, вставленные въ одно и то же *passé partout*, въ постоянно повторяющуюся исторію какого-то влюбливаго, несмотря на почтенный возрастъ чловѣка. Его работа — работа нейзажиста, который пишетъ изъ году въ годъ одинъ и тотъ же неизажъ, слегка измѣняя аксесуары. Талантъ его, который не отрицаютъ и его враги, уходитъ на то, чтобы придать виѣшнюю занимательность разсказу, чтобы внести въ него какую-нибудь „*nouveauté du jour*“, показать въ перспективѣ нѣчто такое, о чемъ еще не писали. Мы искренно объ этомъ сожалѣемъ, потому что въ правѣ ожидать отъ г. Боборыкина произведеній зрѣлыхъ, обдуманыхъ, показывающихъ намъ новые типы основательно изученные авторомъ со всѣмъ ихъ душевнымъ міромъ. Но наши ожиданія слабѣютъ, когда послѣ окончанія повѣсти „Обречена“ въ декабрьской книжкѣ *Русской Мысли*, мы уже въ январской книжкѣ *Вѣстника Европы* находимъ новый большой романъ г. Боборыкина, и видимъ изъ объявленій, что имъ написано еще нѣсколько повѣстей для *Сѣвернаго Вѣстника*, *Нивы* и проч.

Легкость работы, виѣшнее отношеніе къ сюжету, отдѣлка нѣкоторыхъ частей его и оставленіе въ тѣни другихъ, болѣе трудныхъ и болѣе интересныхъ, выступающія въ повѣсти г. Боборыкина, составляютъ характерную особенность беллетристовъ, которыхъ мы называемъ „новою школой“. Все, что они пишутъ, носитъ на себѣ слѣды эскизности, незаконченности, блѣдости письма. Но нашему мнѣнію, эти качества болѣе и болѣе проникаютъ въ нашу литературу, превращая ее въ литературу очерковъ, эскизовъ, этюдовъ, набросковъ, въ какую-то живопись безъ

красокъ. Именно преобладаніе легкости и внѣшности работы, а вовсе не отсутствіе талантовъ, придаютъ ей характеръ чего-то эфемернаго, проходящаго, не закрѣпляющагося, чего-то думающаго только о сегодняшнемъ и забывающаго о завтрашнемъ днѣ.

IV.

Наши слова не должны быть поняты, какъ неодобреніе краткости въ произведеніяхъ нынѣшней беллетристики. Форма разсказа, которую особенно любятъ наши беллетристы—новѣйшая литературная форма, все болѣе и болѣе распространяющаяся и въ западныхъ литературахъ; англійскіе критики даже предсказываютъ ей въ будущемъ побѣду надъ романомъ, затрудняющимъ (въ особенности при дробленіи въ журналахъ) своимъ объемомъ занятыхъ дѣломъ, не располагающихъ досугомъ современныхъ читателей. И помимо подобныхъ соображеній практическаго характера, въ пользу разсказа можно указать и его почтенное прошлое, и безсмертныхъ мастеровъ. Достаточно вспомнить Эдгара По, чтобы видѣть до какой силы, до какой интенсивности впечатлѣнія можетъ быть доведена эта форма. Въ современной французской литературѣ работалъ еще недавно, и, надо надѣяться, будетъ работать опять, крупный художникъ, который въ разсказѣ нашель полное выраженіе своего таланта: мы говоримъ о Гюи де-Мопассанѣ. Образцомъ разсказа могутъ служить и „Записки Охотника“ Тургенева. У названныхъ писателей мы можемъ видѣть, чѣмъ долженъ быть художественный разсказъ, оставляющій, при всей своей сжатости, сильное и яркое впечатлѣніе. Онъ долженъ быть сконцентрированнымъ романомъ, въ которомъ все освѣщено и разработано и исключены всѣ второстепенныя подробности. Пусть онъ будетъ изображеніемъ одного момента въ жизни человѣка, но момента характернаго, въ которомъ человѣкъ выражается вполне искренно, съ такими сторонами души, какія остаются скрытыми въ обыденной жизни. Иначе разсказъ будетъ анекдотомъ или отрывкомъ. Писать разсказы, какъ Мопассанъ, чрезвычайно трудно, и если они, при большой производительности писателя, сохраняютъ высшій художественный уровень, то на его примѣрѣ мы видимъ, во что они обходятся автору.

Художественный разсказъ всегда цѣнился и нашими журналами;

спросъ на небольшія произведенія, возросшій съ увеличеніемъ числа еженедѣльныхъ изданій, заставилъ почти всѣхъ нашихъ беллетристовъ испробовать себя въ этой формѣ, но далеко не всѣ отдавали себѣ отчетъ насколько она трудна. Всего болѣе удавалась она, по нашему мнѣнію, гг. Чехову и Искитскому. Последний изъ названныхъ авторовъ перешелъ потомъ къ роману, а первый, имѣя, повидимому, менѣе склонности къ произведеніямъ обширнымъ по размѣру, общался, при своемъ живомъ и глубокомъ талантѣ, представить изъ себя вполнѣ художественнаго писателя разсказовъ. Однако, того прогресса, того возрастающаго совершенства, на который мы рассчитывали, цѣня талантъ г. Чехова, мы не замѣчаемъ въ послѣднихъ произведеніяхъ этого автора. На эти мысли наводитъ насъ его разсказъ „Дуэль“, печатавшійся въ осеннихъ нумерахъ *Новаго Времени* и вышедшій недавно отдѣльнымъ изданіемъ; при всѣхъ своихъ достоинствахъ онъ отличается недоработанностью въ художественномъ отношеніи. Благодаря таланту автора, его лица обнаруживаютъ много живости и оригинальности; коллизія между двумя главными лицами, Лаевскимъ, представителемъ отживающаго времени, человѣкомъ съ расшатанными нервами, страдающимъ отъ вѣчнаго несогласія между своими намѣреніями и дѣйствіями, и молодымъ натуралистомъ фонъ-Кореномъ, представителемъ дѣловой, работающей молодежи, не отдѣляющей слова отъ дѣла, — коллизія, происходящая вслѣдствіе органической ненависти этихъ двухъ людей другъ къ другу, обѣдала много новаго, еще незатронутаго въ литературѣ. Сила автора, въ которомъ психологъ соединяется съ физиологомъ, проступаетъ во многихъ мѣстахъ; страданія Лаевского и подавленное душевное состояніе его жены, когда она сознаетъ глубину своего надевія, изображены съ замѣчательною реальностью. Впечатлѣніе получается сильное, притягивающее читателя, но оно граничитъ съ болѣзненнымъ любовничествомъ, вызываемымъ проявленіемъ жестокой, неиспытанной нами муки, или созерцаніемъ казни. Въ томъ мѣстѣ разсказа, гдѣ тяжелое впечатлѣніе могло разрѣшиться художественнымъ удовлетвореніемъ, когда страданіе очищаетъ этихъ несчастныхъ людей, когда они вступаютъ въ періодъ душевнаго обновленія, авторъ прерываетъ разсказъ, сжимая наиболѣе интересную часть его, переходомъ отъ старой жизни къ новой, въ нѣсколько строкъ, заставляя другихъ лицъ разсказа объяснить намъ, что въ Лаевскомъ произошла переменна, что онъ сталъ другимъ, лучшимъ

человѣкомъ. Правда, перемиѣна отчасти предугадывается въ ночь, переживаемую Лаевскимъ предъ дуэлью, но этого мало для читателя. Тогда Лаевскій слишкомъ удрученъ всѣмъ, что съ нимъ произошло—и возможностью близкой смерти, и измѣной жены, чтобъ ясно чувствовать совершающийся въ немъ переломъ. Все, что онъ испытываетъ въ эту ночь, скорѣе бессознательный процессъ, и автору для полноты художественнаго впечатлѣнія надо было показать, какъ онъ отражается въ его сознаниіи. Безъ этого получается впечатлѣніе нѣкотораго разочарованія, ощущеніе какого-то пропуска, когда, въ заключительной главѣ, зоологъ фонъ-Корень, бывшій врагъ Лаевскаго, идетъ проститься съ нимъ, потому что уже сталъ его уважать за то, что тотъ теперь живетъ скромнѣе и обвинчался со своею подругой, съ которою прежде не былъ въ законномъ бракѣ. Неужели только изъ-за такого удовлетворенія требованій общественной морали непримиримая ненависть фонъ-Корена, ради которой онъ, безо всякаго оскорбленія со стороны Лаевскаго, вызвалъ его на дуэль и искренно желалъ убить его, сразу превратилась въ уваженіе и симпатію? Допустивъ, что авторъ намѣренно предоставляетъ читателю дополнить душевный процессъ Лаевскаго, мы не можемъ не чувствовать недоумѣнія предъ развитіемъ типа фонъ-Корена. Молодой человѣкъ, ставящій цѣлью жизни непрерывную научную работу, энергичный, правдивый, прямодушный, желающій принести пользу всякому, даже діакону, съ которымъ ежедневно общается у доктора, можетъ, пожалуй, питать антипатію къ Лаевскому, кающемуся ему дряблымъ, живымъ и нечестнымъ. Но трудно понять, какимъ образомъ простое нерасположеніе къ человѣку, съ которымъ онъ ни въ чемъ не сталкивается, который лично его ничѣмъ не затрогиваетъ, можетъ дойти до величайшаго ожесточенія, до готовности отнять жизнь у неприятнаго ему лица. Надо сознаться, что авторъ сдѣлалъ слишкомъ мало, чтобъ объяснить фактъ, возможный лишь для человѣка бездушнаго и ограбленнаго или же пылкаго, необузданнаго, тогда какъ фонъ-Корень не является въ рассказѣ ни тѣмъ, ни другимъ. Если самый вызовъ со стороны фонъ-Корена можно объяснить минутною вспышкой, то трудно понять дальнѣйшее поведеніе его, отказъ Лаевскому въ примиреніи и т. д. Неужели и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ механическою психологіей, образцы которой мы видѣли у г. Боборыкина? Неужели объясненіе должно заключаться въ томъ, что въ душѣ добродушнаго ученаго, убивающаго только

насекомыхъ и моллюсковъ, нужныхъ ему для коллекцій, вдругъ, неизвѣстно отчего, загорается злоба къ Лаевскому въ такой степени, что онъ почувствовалъ неудержимую потребность и готовность „стереть съ лица земли“ ненавистнаго человѣка? Неужели и въ его душу проникаетъ микробъ ненависти такимъ же образомъ, какъ въ душу боборыкинскихъ героевъ попадаетъ микробъ любви?—съ тою лишь разницей, что ненависть легче проходить, чѣмъ любовь, какъ мы видимъ на примѣрѣ фонъ-Корена, какъ онъ легко возненавидѣлъ, такъ же легко и простилъ Лаевского.

Впрочемъ, въ виду несомнѣннаго психологическаго искусства г. Чехова, которое проявляется и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Дуэли“, мы скорѣе склонны предположить, что фонъ-Корень „недописанъ“, какъ не доработанъ и типъ Надежды Ѳедоровны, жены Лаевского, которая даже производитъ впечатлѣніе субъекта чисто психопатическаго или находящагося въ гипнотическомъ снѣ. Она ходитъ по городу, заходитъ къ знакомымъ, измѣняетъ мужу, — одинъ разъ по мимолетному физическому влеченію, а въ другой — уже прямо ради денежной выгоды, и все это, какъ будто не отдавая себѣ отчета въ томъ, что она дѣлаетъ, не видя куда она идетъ. И сознаніе вины, которое, наконецъ, пробуждается въ ней, есть только сознаніе своего безсилія, ощущеніе грязи, въ которую она упала. Если ее жаль, то только за ея безпомощность, за неспособность удержаться отъ самаго позорнаго паденія. Авторъ, показавъ намъ ее въ послѣдній разъ послѣ того, какъ мужъ ее видѣлъ въ объятіяхъ ея случайнаго возлюбленнаго, ни однимъ словомъ не даетъ понять, какъ подѣйствовало на нее прощеніе мужа и бракосочетаніе съ нимъ. Встрѣчая у г. Чехова типъ психопатической, невмѣняемой женщины, мы готовы были бы не придавать ему большого значенія, еслибъ онъ не встрѣчался такъ часто въ нашей литературѣ. Конечно, это очень простой способъ справляться съ женскою психологіей: нѣкоторое оправданіе можетъ быть указано для него и въ размноженіи этого типа въ дѣйствительной жизни; но оба эти обстоятельства легко могутъ привести къ наводненію литературы женскими, а за ними и мужскими психопатическими типами, что отчасти уже и совершилось.

Г. Чеховъ обращаетъ на себя вниманіе публики, на него возлагаются такія надежды, что мы въ правѣ предъявлять къ нему самыя строгія требованія. Пусть намъ не говорятъ, что разсмотрѣнный разсказъ его не что иное, какъ эскизъ, легкій очеркъ,

которому авторъ и не придавалъ серьезнаго значенія. Авторъ, уважающій себя, сознающій свои силы, имѣющій уже большую извѣстность, можетъ отдавать въ печать произведенія только доведенныя имъ до возможной степени совершенства. Мы считаемъ печальнымъ недоразумѣнiемъ, когда видимъ, что наши новѣйшіе писатели, замѣтвая, сознательно или безсознательно, живописную манеру французскихъ реалистовъ, почувствовали себя родственными живописцамъ и стали перенимать ихъ техническіе приемы, термины и обычаи. Если живописцы рисуютъ эскизы, которые дѣлятся любителями иногда очень высоко, какъ проявленіе непосредственнаго вдохновенія, счастливой художественной минуты, то почему же, казалось бы, и беллетристамъ не набрасывать эскизы и не показывать ихъ дѣлителямъ? Но живописцы дѣлятся своими эскизами только съ любителями; публикѣ они даютъ видѣть ихъ изрѣдка, между прочимъ, на ряду съ большими картинами, на своихъ частныхъ выставкахъ. Едва ли какой-либо живописецъ, какова бы онъ ни былъ высокаго мнѣнія о себѣ, рѣшится выставить одни эскизы, одни незаконченные рисунки. Литература имѣетъ свои требованія, свои обычаи. Въ полномъ собраніи сочиненій писателя могутъ найти себя мѣсто и его наброски, которые онъ почему-либо не обработалъ, отрывки и т. д., но такія вещи печатаютъ больше въ посмертныхъ изданіяхъ знаменитыхъ, классическихъ авторовъ. Отъ живаго художника публика требуетъ вещей законченныхъ, вполне обработанныхъ, въ которыхъ онъ выразилъ все, что можетъ выяснитъ жизненное значеніе его произведенія. Она не можетъ стѣснять его относительно размѣровъ произведенія; пусть оно будетъ невелико, но пусть оно будетъ говорить не одному глазу, а и сердцу и уму читателя, пусть въ немъ выступаетъ душевная жизнь современнаго человѣка. Въ изображеніи послѣдняго мы должны видѣть ту жизнь, какую мы знаемъ, и искать у художника только ускользающаго отъ насъ объясненія ея; если художникъ находитъ въ жизни нѣчто намъ неизвѣстное, то мы еще съ большимъ интересомъ прилепливаемся къ нему; но это неизвѣстное должно быть правдоподобно, а выводимыя лица должны быть понятны намъ. Разсказъ или романъ, если онъ не фантастическаго или не аллегорическаго характера, долженъ казаться отраженіемъ живой дѣйствительности, долженъ производить полную иллюзію жизненной правды. Художникъ не можетъ требовать отъ насъ, чтобы мы вѣрили ему на слово, будто все

описываемое имъ произошло, или могло произойти, въ известной ему средѣ, и будто его лица дѣйствительно существуютъ, или похожи на известныхъ ему лицъ. Мы должны чувствовать сами возможность изображеннаго событія, должны чувствовать жизненность его лицъ, и отдавать себѣ ясный отчетъ въ ихъ словахъ и поступкахъ. Предъявляя эти простые требованія къ разобранному произведенію г. Чехова, мы не можемъ признать, какъ видно изъ нашихъ предыдущихъ замѣчаній, чтобъ онъ вполне удовлетворилъ ихъ.

Не вполне удовлетворяютъ имъ и послѣднія произведенія другаго виднаго представителя новѣйшей беллетристики—г. Ясинскаго. Названный писатель выказываетъ свое яркое дарованіе въ самыхъ разнообразныхъ родахъ: и въ библейскомъ разсказѣ, и въ романѣ, изображающемъ душевное настроеніе текущаго времени, и въ романѣ, рисующемъ нравы почти не затронутой литературой ученаго сословія, и въ историческомъ и въ святочномъ разсказѣ. Мы говоримъ лишь о произведеніяхъ названнаго автора, появившихся въ теченіе прошлаго года, быть-можетъ, замѣчая еще не всё. Такое обиліе темъ и разнообразіе родовъ показываетъ, что г. Ясинскій не страдаетъ недостаткомъ изобрѣтательности относительно темъ, какъ упоминаемый имъ (въ примѣчаніи къ роману „Ординарный Профессоръ“) какой-то талантливый беллетристъ, который воспользовался типами и положеніемъ изъ этого романа, первоначально напечатаннаго г. Ясинскимъ, и прямо перенесъ его въ свою повѣсть. Различіе родовъ говоритъ и за то, что г. Ясинскій интересуется и современною жизнью, и жизнью отдаленнаго, и болѣе близкаго къ намъ историческаго прошлаго, и ставитъ себѣ задачей выработку различныхъ формъ, соответственно различному содержанію. Однако, вмѣстѣ съ возрастаніемъ плодовитости и разнообразія творчества г. Ясинскаго, мы замѣчаемъ, что то и другое ведетъ къ уменьшенію поэтичности и теплоты, которыми такъ богаты были его первыя произведенія, предшествовавшія его большимъ романамъ. „Живописная“ манера, которую онъ обнаруживалъ и прежде, теперь еще болѣе выступаетъ у него на первый планъ; мы какъ будто видимъ предъ собой въ яркомъ освѣщеніи живыя картины, въ которыхъ усиленно различить лишь выраженія конечныхъ звеньевъ психологической цѣпи ощущеній дѣйствующихъ лицъ, ихъ желанія, страхъ, радость, горе, удовлетвореніе или неудовлетвореніе и т. д. Эти лица кажутся намъ загадочными, часто

таинственнымъ, потому что авторъ недостаточно вводитъ насъ въ ихъ душевный мiръ. Еслибъ они были блѣднѣе, еслибы мы видѣли ихъ прежде, мы только скользнули бы по нимъ бѣглымъ взглядомъ и вскорѣ забыли бы ихъ. Но они оригинальны, и не легко покидаютъ насъ; они насъ тревожатъ своею яркостью и оставляютъ чувство неудовлетворенности, когда выводятся авторомъ изъ круга нашего зрѣнiя, прежде чѣмъ они вполне выяснились предъ нами. Рисунокъ г. Яспискаго сталъ теперь определеннѣе, хотя отчасти утратилъ мягкость, которая такъ плѣняла въ его прежнихъ произведенiяхъ. И юморъ его приобрѣтаетъ сатирическiй оттѣнокъ, дѣлаясь, съ одной стороны, болѣе жесткимъ, а съ другой—болѣе аллегорическимъ. Всѣ эти мысли посѣщали насъ въ особенности при чтенiи „Ординарнаго Профессора“ (*Наблюдатель*, 1891, I—V). Намъ казалось, что фигура романа, которая дала ему его названiе, не заслуживаетъ злой насмѣшки: старикъ-профессоръ обезоруживалъ насъ своимъ самоотверженнымъ стремленiемъ подняться на ту высоту мысли, какая казалась ему желательною, и своею незлобивою, и своимъ невѣдѣнiемъ жизни, доведшимъ его до слѣпоты къ грѣхамъ его жены. Фигура несчастнаго ученаго-морфинома не могла даже и представить собою достаточнаго матеріала для центральнаго лица романа. Автору пришлось показать ея проекцію на фонѣ уголовного событiя, совершенно для нея посторонняго. Хотя напряженiе виѣшняго интереса и поддерживается загадочнымъ убiйствомъ, вилетеннымъ въ романъ, и личностью другаго профессора, повидному, прикосновеннаго къ нему, но читатель испытываетъ нѣкоторое разочарованiе, когда все заканчивается случайнымъ самоотравленiемъ профессора Уржумова и прекращенiемъ слѣдствiя за невозможностью рѣшить—произошла ли смерть дѣвушки отъ убiйства или самоубиства. И во всѣхъ послѣднихъ произведенiяхъ г. Яспискаго свойственная ему эскизность письма не оставляетъ его. Она до нѣкоторой степени можетъ быть у мѣста въ небольшихъ разсказахъ, но въ большихъ романахъ сообщаетъ имъ характеръ недосказанности, придаетъ имъ подобiе программъ, еще ожидающихъ окончательной отдѣлки.

Еслибы намъ замѣтили, что мы разсуждаемъ слишкомъ по старинному, что условiя литературной дѣятельности мѣняются съ теченiемъ времени, что каждый писатель воленъ писать такъ, какъ онъ хочетъ, и что нельзя полагать границъ производи-

тельности писателя, намъ нетрудно было бы отвѣтить на эти возраженія. Мы полагаемъ, что художественныя требованія, предъявляемыя къ литературнымъ произведеніямъ, во все время должны быть одни и тѣ же. Нашъ взглядъ на эти требованія мы высказали подробно въ статьѣ „Задачи литературной критики“ (*Русское Обозрѣніе*, 1891, XII) и не будемъ повторять его здѣсь. Что касается производительности, то, какъ намъ кажется, она можетъ считаться законною и позволительною для писателя лишь до той черты, за которой начинается уже его ослабленіе, регрессъ. Писатель, сознающій въ себѣ большую творческую энергію, обязанъ идти впередъ, или, по крайней мѣрѣ, оставаться на томъ же уровнѣ, если послѣдній уже достаточно высокъ. Онъ сокращаетъ количество того, что отдаетъ въ печать, или даже вовсе перестаетъ писать, если чувствуетъ упадокъ творческихъ силъ, какъ это сдѣлалъ Гончаровъ. Писатели же, которые пишутъ много и все-таки поддерживаютъ себя на прежнемъ уровнѣ, перѣдко расплачиваются за это жизнью: они умираютъ отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ, какъ это было съ Бальзакомъ и Вальтеръ-Скоттомъ. Мы не желаемъ для нашихъ талантливыхъ, много работающихъ беллетристовъ, ни того, ни другаго; мы желали бы только, чтобы они почаще прислушивались къ голосу, присущему всякому таланту, внушающему ему недовольство своею работою, стремленію сдѣлать ее еще выше, еще совершеннѣе. Мы не хотѣли бы, чтобы пылкіе беллетристы были волюнѣ довольны своими произведеніями, уже потому, что самодовольство есть смерть таланта.

V.

Г. Потапенко, о повѣстяхъ котораго, вышедшихъ въ началѣ прошлаго года, мы дали подробный отчетъ въ *Русскомъ Обозрѣніи* (№ 3, 1891), повидному, обѣщаетъ превзойти плодovitостью всѣхъ своихъ собратій. Въ концѣ прошлаго года вышло еще два тома его сочиненій, и въ теченіе его авторъ печаталъ свои произведенія въ пяти или шести журналахъ. Мы не можемъ не тревожиться за г. Потапенку, простому и симпатичному таланту котораго мы отдали должное въ нашей статьѣ. Успленная производительность отражается на немъ особенно невыгодно; она уже теперь, почти въ началѣ его литературнаго поприща,

приводить его къ повтореніямъ. Въ повѣстяхъ и разсказахъ изъ быта духовенства, который, будучи хорошо извѣстенъ ему, долженъ былъ бы давать ему особенно обильный и разнообразный матеріаль, выводится, напримѣръ, три раза одинъ и тотъ же благодушный архіерей: очевидно съ одного лица нарисованы портреты архіерея въ повѣсти „На дѣйствительной службѣ“ (вошедшей во 2-й томъ его сочиненій) и въ разсказахъ, напечатанныхъ въ прошломъ году, „Шестеро“ (*Русская Мысль*, VI) и „Остроумно“ (*Историческій Вѣстникъ*, XII). Мало того, одинъ и тотъ же діаконъ выступаетъ главнымъ лицомъ въ двухъ послѣднихъ разсказахъ, не говоря уже о благочинномъ, лицѣ второстепенномъ. Самъ по себѣ разсказъ „Шестеро“ можетъ быть причисленъ къ самымъ удачнымъ произведеніямъ г. Потапенко. Въ немъ живо и тепло изображается настоящая житейская драма, потрясающая пменно своею правдой и простотой. Сцена, когда умирающая жена діакона отираяетъ мужа просить у архіерея священническаго мѣста, пока она еще жива, разсчитывая, что владыка не откажетъ ему, въ виду близкаго сиротства шестерыхъ маленькихъ дѣтей, и невозможности медлить съ посвященіемъ, въ виду близкой возможности его вдовства, эта сцена истиннаго героизма матери глубоко трогаетъ читателя. Неподдѣльная теплота этого разсказа еще болѣе заставляетъ сожалѣть, что г. Потапенко тратитъ свои силы на такія, чисто анекдотическія повѣствованія, какъ „Остроумно“, гдѣ тотъ же діаконъ, съ такимъ же количествомъ дѣтей, но съ здоровою женой, назначенный на годъ въ монастырь за то, что случайно попался на глаза архіерею въ нетрезвомъ видѣ, привозитъ къ нему свою семью, не зная, чѣмъ ее прокормитъ во время послушанія, и за свою остроумную выдумку награждается отпущеніемъ его вины. Мы ничего не могли бы имѣть противъ автора, еслибъ онъ, заинтересовавшись какимъ-либо лицомъ, выведеннымъ въ небольшомъ разсказѣ, показалъ бы намъ его въ другомъ психологическомъ моментѣ его жизни: тогда второй разсказъ только дополнялъ бы первый, или служилъ бы его продолженіемъ. Но когда то же лицо, съ самыми незначительными измѣненіями, выступаетъ въ другомъ разсказѣ, подъ иной фамиліей и въ иной обстановкѣ, мы въ правѣ допустить, что на этотъ разъ творчество отказывалось служить автору, и онъ ограничился почти копіей своей собственной картины.

Романъ г. Потапенко „Не герой“ (*Сѣверный Вѣстникъ* IX—XII)

дасть намъ полезный матеріалъ для подтвержденія нашей мысли а ненормальности напряженнаго труда, какой несутъ многіе изъ современныхъ беллетристовъ. Намъ интересуетъ не главное лицо, которое становится любимою только въ томъ случаѣ, если авторъ считаетъ его Колумбомъ, разрѣшившимъ роковой вопросъ русскаго интеллигентнаго человѣка—что съ собой дѣлать? Если онъ такого значенія ему не приписываетъ, то Рачеевъ не что иное, какъ камера obscura, отражающая тѣ несложныя и не новыя явленія, какія авторъ почему-то считаетъ нужнымъ показать читателю; если же Рачеевъ призванъ объяснить намъ—въ чемъ для современнаго человѣка заключается нормальная и полезная жизнь, то нельзя не подивиться, что формула этой жизни можетъ выдаваться за новую, тогда какъ она нашимъ предкамъ была извѣстна гораздо лучше, чѣмъ намъ: живи сообразно своимъ привычкамъ и оказывай каждому, кто обращается къ тебѣ за помощью, эту помощь въ той мѣрѣ и въ томъ видѣ, въ какихъ она ему нужна. Изъ всего, что говоритъ Рачеевъ, бесѣды котораго съ разными лицами наполняютъ весь романъ, мы отмѣтимъ только его выводъ о русскіхъ талантахъ, подходящій къ нашей темѣ: „Талантовъ у насъ много, но дѣло отъ этого не двигается, потому что наши таланты не любятъ дѣла, а любятъ только самихъ себя.“ Повторяемъ, для насъ больше значенія имѣетъ другъ Рачеева, модный беллетристъ Баклановъ, получающій большіе гонорары уже не за достоинство своихъ произведеній, а за подпись. Рачеевъ, не издавшій его уже нѣсколько дней, заходитъ къ нему и застаётъ его за работой. Оказывается, что Баклановъ „уже дней десять не видалъ мужскаго лица“, что онъ даже совсѣмъ не выходитъ изъ дома и пишетъ отъ утра до завтрака, отъ завтрака до обѣда, отъ обѣда до чая и отъ чая до перваго сна, и пишетъ такъ „курьерскимъ поѣздомъ“, какъ выражается самъ, потому что ему „экстренно нужны деньги“. Онъ, однако, не скрываетъ отъ себя и отъ своего друга, что это „не литература, а лишь техника литературная“, признается даже, что у него „въ головѣ какой-то сумбуръ“ и что со своими „героями“ онъ, „собственно говоря, плохо знакомъ“. По крайней мѣрѣ, это откровенно. Далѣе, когда Рачеевъ, узнавъ отъ жены Бакланова, капризной, первой женщины, что тотъ трудится такъ напряженно ради удовлетворенія ея желанія—поѣхать за границу, упрекаетъ ее за это и вызываетъ негодованіе съ ея стороны, писатель очень недоволенъ,

что его другъ мѣшаетъ ему „поддерживать въ женѣ хорошее настроеніе“. Баклановъ разрѣшается цѣлою тирадой, въ которой объясняетъ, что „подъжавъ на себя бремя“ (женившись на женщинѣ съ распатанными нервами), онъ „долженъ нести его“. По его мнѣнію, „современному писателю-художнику не слѣдуетъ жепиться“, а если въ его жизни „замѣшано другое существо, то онъ не имѣетъ права жертвовать благомъ этого существа, ради чего бы то ни было“, потому что „живой человекъ—прежде всего, его права выше правъ отвлеченнаго искусства“. Такой взглядъ оправдываетъ писателя въ его собственныхъ глазахъ, и онъ, ради „блага“ своей жены, которая есть его „долгъ“, готовъ работать такъ, какъ онъ работаетъ, то-есть „спѣшно и скверно“, хотя бы ему и предстояло „унасть въ глазахъ публики“. Что ожидало бы его впоследствии, еслибъ онъ продолжалъ писать исключительно для блага своей жены, которое, повидимому, заключается въ дорогой обстановкѣ и въ поѣздкахъ за границу, мы сказать не можемъ на основаніи данныхъ г. Потапенко: Баклановъ заболѣваетъ отъ переутомленія, жена его раскаивается и увозитъ мужа, вмѣсто Рима, въ деревню. Г. Потапенко, несомнѣнно, заслуживаетъ благодарности за то, что онъ даетъ намъ „человѣческій документъ“, изображающій писателя, работающаго „курьерскимъ поѣздомъ“, указываетъ скрытыя отъ публики причины такой работы и наилучшій исходъ для писателя, находящагося въ такомъ, по истинѣ, ужасномъ положеніи. Этого исхода можно пожелать и въ дѣйствительности всѣмъ талантливымъ писателямъ, находящимся болѣе или менѣе въ положеніи Бакланова.

Мы прибавимъ еще нѣсколько словъ о мысляхъ, высказываемыхъ въ романѣ г. Потапенко издателемъ Калымовымъ, въ застольной рѣчи на обѣдѣ, который почитатели Бакланова даютъ ему въ виду его близкаго отъѣзда: въ этой рѣчи затрогивается интересный для насъ вопросъ объ отношеніи между журналомъ и книгой, но затрогивается не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало. Издатель поясняетъ, что журнальная публика и книжная публика—„два совсѣмъ отдѣльные міра“. Онъ распространяется о томъ, что первая „пшетъ въ чтеніи только развлеченія“, что въ журналѣ „статья одна другую покрываетъ или, лучше сказать, вытѣсняетъ, а въ концѣ концовъ все схвачено на лету, не прочно, не долговѣчно, не глубоко“, и что „по журнальному успѣху нельзя судить о значеніи писателя“. Наоборотъ, „читатель книжный

любить сосредоточиться. онъ любитъ долго подержать книгу въ рукахъ, вернуться къ ней и разъ, и другой, и третій, онъ хочетъ извлечь изъ нея что-нибудь не только пріятное и развлекающее, но и поучительное“. Все это достаточно справедливо и повторяетъ только нашу мысль о преимуществѣ книги предъ журналомъ для правильнаго развитія литературы. Но мы уже недоумѣваемъ, когда ораторъ свидѣтельствуетъ, что сочиненія такихъ писателей, какъ Баклановъ, могутъ имѣть „солидный и глубокий успѣхъ“. Неужели такой же успѣхъ предстоить и роману, писанному, „курьерскимъ поѣдомъ“. Во всякомъ случаѣ, за него едва ли позволительно предлагать „издательскіе тосты“. Отъ издателя, серьезно относящагося къ своему дѣлу, какимъ выставленъ Калымовъ, можно бы ожидать другаго пожеланія, — чтобъ уважаемый имъ авторъ писалъ прямо для его фирмы, поддерживая ее не прочитанными уже произведеніями, а новыми, писалъ о томъ, что онъ хорошо знаетъ и любитъ, съ искреннею преданностью своему дѣлу и сознаніемъ его важнаго значенія. Тогда онъ будетъ избавленъ отъ оскорбительныхъ предложеній издателя Онухалева, заказывающаго ему написать романъ въ десять дней, отъ напряженной работы, разрушающей его силы, и отъ необходимости оправдывать такую работу жалкими софизмами. Тогда его дѣятельность будетъ постепеннымъ ростомъ его славы и матеріальнаго вознагражденія, какое она ведетъ за собой.

VI.

Въ то время, какъ писатели, не причисляющіе себя ни къ какимъ лагерямъ, работающіе въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ, въ большей или меньшей степени злоупотребляютъ своею свободой, какъ мы это видѣли на приведенныхъ примѣрахъ, мы должны съ удовольствіемъ отмѣтить, что въ тенденціозной беллетристикѣ замѣчается ослабленіе тенденціи, большее безпристрастіе авторовъ въ отношеніи къ своимъ лицамъ. Мы не можемъ ожидать, чтобы такое превращеніе совершилось разомъ и вполнѣ, но нѣкоторые симптомы его усматриваемъ въ большомъ романѣ г. Эртеля „Смѣна“, печатавшемся въ теченіе почти всего прошлаго года въ *Русской Мысли*. По своему замыслу, этотъ романъ можно бы назвать самымъ серьезнымъ произведеніемъ всего упомянутого года. Онъ задается цѣлью избрать новый культурный

и полукультурный слой, смѣняющій въ провинціи прежній верхній или дворянскій кругъ общества. Центральная фигура романа, Мансуровъ, олицетворяетъ собою высшую культуру родового дворянства, вытѣсняемаго со сцены наплывомъ новой силы въ видѣ кулаковъ-арендаторовъ, кушцовъ — скупщиковъ имѣній и т. п. Несмотря на сопоставленіе его съ новыми, крѣпкими силами, выступающими въ видѣ интеллигенціи, вышедшей изъ народа, женская половина послѣдней отдаетъ предпочтеніе Мансурову и мужская относится къ нему съ уваженіемъ или симпатіей. Старая дворянская семья Мансуровыхъ не исчезаетъ безнадежно и беспомощно предъ давящимъ ее кулакомъ: она держится въ своемъ гнѣздѣ, она смягчаетъ нравы кулаковъ, старающихся многое перенимать отъ нея; въ ней записываютъ интеллигентные практики, уже вышедшіе въ люди.

Самый матеріалъ романа и его освѣщеніе достаточно новы и интересны, но нельзя сказать, чтобъ авторъ успѣшно справился со своею задачею. Онъ выводитъ такое количество лицъ, что читатель чувствуетъ себя окруженнымъ густою толпою, въ которой фигуры сливаются другъ съ другомъ, и среди нихъ лишь немногія выдѣляются рельефно. Болѣе другихъ, какъ и можно было ожидать, удался автору типъ стараго времени, какъ знакомые и давно установившіеся—типы стараго генерала Гнѣвышева и старика купца Алтухова; но старая помѣщица Мансурова вышла карикатурною, хотя несчастная женщина, доведенная потерей близкихъ и одиночествомъ до полубезумнаго состоянія, не должна бы располагать къ насмѣлкѣ. Изъ „новыхъ“ людей живѣе и абособленнѣе другихъ намъ показался Федоръ Прытковъ, завѣдующій губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Братъ его, арендаторъ Княжихъ Липъ „имѣнья Мансуровыхъ“, кулакъ-мѣщанинъ и компаньонъ его Колодкинъ изображены слишкомъ односторонне: они только облюбовываютъ разные „куски“, причемъ Прытковъ постоянно хохочетъ, а Колодкинъ бранится и злобствуетъ противъ образованія, видя въ немъ лишь одну неблагонадежность. Эти лица выступаютъ слишкомъ часто и, при однообразіи своихъ пріемовъ, утомляютъ читателя. Довольно симпатичнымъ женскимъ типомъ является сестра Прытковыхъ, учившаяся въ Петербургѣ и сохранившая все хорошія народныя черты—физическое и душевное здоровье и доброту. Сочувствіе автора замѣтно принадлежитъ интеллигенціи изъ новыхъ людей, хотя, за исключеніемъ Федора Прыткова, ни одинъ изъ

нихъ не имѣть не только вліятельнаго, а даже дѣловаго положенія; въ большинствѣ, несмотря на степенъ и разницу образованія, они скучиваются около земской статистики и остаются пока при одномъ стремленіи служить народу. Авторъ не отказываетъ въ сочувствіи и Мансурову, представителю болѣе тонкой, европейской культуры, утомленному жизнью ищущему изящныхъ умственныхъ и душевныхъ наслажденій, относящемуся съ идеальной точки зрѣнія къ женщинѣ, которая его любитъ, теряющему ее, благодаря адвокату, который тѣмъ временемъ смѣло завлаживаетъ ею, уѣзжающему вельдѣ затѣмъ, чтобъ избавиться отъ душевнаго потрясенія въ Испанію и т. д. При всей слабости воли и неопредѣленности стремленій, Мансуровъ рѣзко выдѣляется болѣе сложною и тонкою натурой. Къ сожалѣнію, авторъ не развязалъ, а разрубилъ узелъ своего романа, чѣмъ придалъ ему насильственный, неудовлетворительный конецъ. Мансуровъ возвращается изъ-за границы поздоровѣвшимъ и даже готовымъ работать въ родной ему мѣстности. Знакомые, кого онъ встрѣчаетъ въ своемъ губернскомъ городѣ, рады его видѣть; его стараются завербовать въ земство; женщины влюбляются въ него—и вдругъ, Мансуровъ падаетъ пораженный пулей, въ холостой компаніи, при самыхъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, а именно, его случайно убиваетъ Черкесъ, живущій у мирового судьи, который, будучи оскорбленъ однимъ изъ присутствующихъ, ѣдетъ домой, привозитъ съ собою Черкеса, заставляетъ его стрѣлять и тотъ нечаянно попадаетъ въ Мансурова. Такой конецъ крайне невыгоденъ для романа, въ которомъ, при всѣхъ недостаткахъ его построенія, нельзя не признать тщательности изученія описываемыхъ лицъ и значительности работы, вложенной во многія отдѣльныя картины, что въ нынѣшней литературѣ составляетъ не малую заслугу.

Мы не останавливаемся на другихъ, напечатанныхъ въ большихъ журналахъ прошлаго года, болѣе или менѣе обширныхъ беллетристическихъ произведеній авторовъ съ именами извѣстными въ литературѣ, не думая тѣмъ умалить ихъ достоинствъ. Мы лишь выбрали тѣ, которыя казались намъ болѣе характерными для нынѣшняго состоянія литературы. Что касается до новыхъ именъ, то мы поговоримъ о нихъ въ другой разъ. Здѣсь

мы замѣтимъ только, что ихъ появляется немного, въ виду требованій на пмена, уже имѣющія обширную извѣстность, и настоящее время для нихъ неблагопріятно. Это также одинъ изъ печальныхъ признаковъ нынѣшней литературной эпохи. Литература жветъ и поддерживается постояннымъ приливомъ свѣжихъ силъ. Пользованіе готовыми, уже заявившими себя литературными силами, разумѣется, облегчаетъ трудъ редакцій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ ограничиваютъ ихъ лучшую функцію—находить и вводить въ литературу новыя дарованія.

Для полноты характеристики нашей журнальной литературы, слѣдовало бы коснуться и журналовъ, которымъ не придается названіе большихъ или „толстых“. Но пока мы ограничимся послѣдними. Мы уже говорили, что именно на нихъ возлагаемъ надежду, какъ на оплотъ противъ возрастающаго прилива легкой, эскизной литературы. Нельзя сказать, чтобъ и онѣ не отражали на себѣ преобладанія послѣдней. Беллетристика начинаетъ и въ нихъ все болѣе и болѣе вытѣснять серіозныя статьи, которыя сокращаются въ числѣ и объемѣ; иностранная беллетристика перестаетъ быть отраженіемъ художественно-литературнаго движенія Запада, а все чаще замѣщается романами изъ древнеперсидской, древне-римской, византійской жизни и т. п., разчитанными на одинъ вышній интересъ. При размноженіи спеціальныхъ изданій—чисто беллетристическихъ, историческихъ съ отлѣломъ легкаго чтенія, библиографическихъ, спеціально-научныхъ и техническихъ,—большимъ журналамъ надо заботиться о выработкѣ своего особаго типа статей, который не былъ бы повтореніемъ статей спеціальныхъ изданій, и служилъ бы художественнымъ и научнымъ запросомъ высшаго образованнаго слоя нашего общества. Всякая уступка со стороны большихъ журналовъ болѣе легкому роду литературы грозитъ, какъ мы уже говорили, пониженіемъ уровня послѣдней, поддержаніе котораго на надлежащей высотѣ, за слабымъ развитіемъ книги, должно составлять обязанность названныхъ журналовъ.

Д. Корочевскій.

НЕУРОЖАИ ПРОШЛАГО ВѢКА.

(По архивнымъ матеріаламъ.)

Документы, хранящіеся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, надо считать сотнями тысячъ. Понятно, что этотъ богатѣйшій историческій матеріалъ не только мало извѣстенъ историкамъ и не напечатанъ, но даже не описанъ подробно. Высчитываютъ, что при теперешнемъ составѣ служащихъ попадобилось бы 1500 лѣтъ для приведенія въ порядокъ и полной каталогизаціи помянутаго архива. Благодаря памятной книжкѣ, изданной недавно скончавшимся управляющимъ архивомъ Министерства Юстиціи Н. А. Поповымъ, ученые имѣютъ возможность ориентироваться во множествѣ вѣсковъ и архивныхъ дѣлъ, и знаютъ, къ какому отдѣлу обращаться при рѣшеніи того или иного вопроса. Тѣмъ не менѣе трудно поручиться, что даже послѣ тщательныхъ поисковъ нашель въ архивѣ все документы, касающіеся изслѣдуемаго предмета, потому что въ прежнія времена на архивы не обращали должнаго вниманія и нерѣдко въ одну книгу переплетали дѣла, не имѣвшія между собою ничего общаго, а всей книгѣ давали заголовокъ по одному какому-нибудь дѣлу.

Благодаря любезному содѣйствію служащихъ въ архивѣ Министерства Юстиціи Н. Н. Шимко и А. А. Гоздаво-Голомбѣвскаго мнѣ удалось найти не мало интереснаго матеріала для исторіи нашего быта и правовъ прошлаго вѣка. Вниманіе мое остановилось прежде всего на неурожаяхъ 1733, 1734, 1748, 1749 и 1774 годовъ, и я имѣю возможность представить чита-

телямъ довольно полную картину прежнихъ голодовокъ и тогдашнихъ правительственныхъ мѣропріятій. Хотя по вышесказанной причинѣ я не могу быть увѣренъ, что исчерпалъ весь архивный матеріалъ, тѣмъ не менѣ найденные мною документы, оставшіеся до сихъ поръ совершенно неизвѣстными, проливаютъ достаточный свѣтъ на несчастные годы, когда русскіе крестьяне цухли и умралаи съ голоду въ большомъ количествѣ.

I.

Неурожай въ Смоленской губерніи 1732 года.¹

Въ 1734 году въ царствованіе Анны Іоанновны правительствующій сенатъ былъ встревоженъ почти повсемѣстнымъ въ Россіи неурожаемъ, случившимся какъ разъ въ то время, когда началась война изъ-за польскаго престола и когда хлѣбные запасы были необходимы для продовольствованія арміи.

Мѣстный неурожай, отъ котораго годомъ раньше пострадала Смоленская губернія, былъ какъ бы предвѣстникомъ общаго голода.

Въ маѣ 1733 года смоленскіе помѣщики и дворовыхъ волостей крестьяне подали прошенія въ смоленскую губернскую канцелярію и объявили, что многіе крестьяне отъ хлѣбнаго недороду пухнуть съ гладу и померли, а другіе, оставя свои жилища, разбрелись врознь, отчего подушныхъ денегъ и рекрутъ выискать не съ кого; они просили, чтобы для такой необходимой скудости крестьянамъ ихъ на пропитаніе дать займы до нова изъ смоленскаго магазина провіанта, да для застѣву овса по препорціи. 23 мая губернская канцелярія донесла объ этомъ московской сенатской конторѣ,² заявляя, что въ смоленскихъ магазинахъ³ имѣется на-

¹ Первые двѣ главы основаны почти исключительно на хранящихся въ архивѣ Министерства Юстиціи дѣлахъ, сената по камеръ-коллегіи кн. 31—840.

² Петромъ Великимъ учреждена была въ Москвѣ сенатская контора, присутствіе которой составляли одинъ сенаторъ и два ассессора. Контора приводила въ исполненіе указы сената и государя и наблюдала за дѣйствіями губернаторовъ судебна-административнаго района тянуваго къ Москвѣ.

³ Для продовольствія войска Петромъ Великимъ были устроены запасные магазины, кромѣ Петербурга и Москвы, въ разныхъ другихъ городахъ, напримѣръ, Нижнемъ, Орлѣ, Смоленскѣ, Брянскѣ, Твери, Трубчевскѣ, Архангельскѣ, Вологдѣ. (Ш. С. З., т. VI, № 3.670, 3.733, т. VII, № 4.437).

лицо ржи и муки 16.419 четвертей 5 четвериковъ, крувь 949 четвертей 6 четвериковъ, овса 1.966 четвертей, и требовала указу выдавать ли и сколько для вышенаписанной необходимой крестьянской скудости на пропитаніе провіантъ и на засѣвъ овесъ, съ обязательствомъ, вмѣсто выданнаго, непрежнему въ магазинъ возвратити въ августъ и сентябрѣ мѣсяцахъ.

Сенатская контора навела справку, въ своемъ архивѣ, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступали въ прежнее время и нашла указъ Петра Великаго, изданный по случаю голода 1723 года. Этимъ указомъ повелѣно было въ мѣстахъ, гдѣ обнаружился голодъ, описать у постороннихъ излишній хлѣбъ, чей бы онъ ни былъ и слѣвать смѣту, сколько кому всякаго хлѣба въ годъ надобно для собственнаго пропитанія и пропитанія крестьянъ, оставлять каждому хлѣба на годъ или полтора, а остальное раздавать немущимъ крестьянамъ до новаго урожая займы подъ росписки, а когда хлѣбъ уродится, возвратити тѣмъ людямъ, у которыхъ былъ взятъ; описать также хлѣбъ у купцовъ и промышленниковъ, чтобъ они скуная у продавцовъ не продавали высокою цѣной и тѣмъ не причиняли народу большой тягости.

Въ виду крайней нужды московская сенатская контора рѣшила превзойти свою компетенцію, и распорядиться самостоятельно, хотя ей надлежало снести съ сенатомъ, но „дабы за тако перепиской людямъ не учинить отъ голоду большого уроцу“, она сообщила только къ вѣдѣнію въ Петербургъ о принятыхъ ею мѣрахъ. А мѣры были приняты слѣдующія: въ Смоленскую губернію къ губернатору и на штабные дворы посланы указы съ нарочнымъ курьеромъ, и велѣно „для такого нужнаго случая о описи хлѣба у постороннихъ и о раздачѣ немущимъ пропитанія, и о возвратѣ съ нихъ, и о всемъ чинить по вышенаписанному его императорскаго величества указу (Петра Великаго), во всемъ непремѣнно, и тою описью и раздачу чинить опредѣленнымъ отъ губернской канцеляріи со обрѣтающимися на штабныхъ дворахъ штабъ- и оберъ-офицерами обще; а ежели наче чаянія у постороннихъ по описи хлѣба не явится или явится, да малое число, которымъ бѣдныхъ немущихъ сѣменами и нищею удовольствовать будетъ невозможно, то по необходимой нуждѣ на нищу давать въ займы изъ запаснаго магазина, оставя на содержаніе гарнизонныхъ полковъ на годъ, такожъ и на сѣмена паличный въ магазинахъ овесъ раздать въ займы-жъ съ росписками такимъ, которые не имѣютъ чѣмъ пропитаться, и земли осѣменить, а когда новый хлѣбъ поспѣетъ,

тогда съ нихъ возвратитъ въ магазинъ попрежнему; а который провіантъ по указамъ изъ военной коллегіи и изъ генеральнаго кригсъ-коммиссаріата ¹ велѣно готовить для прибылыхъ расходовъ (то-есть для войска временно размѣщеннаго въ Смоленской губерніи), для котораго приуготовленія посланъ генераль-провіант-мейстеръ лейтенантъ Кисловскій и того провіанта въ раздачу отнюдь не употреблять, и у подрядчиковъ не описывать, и что чинится будетъ о томъ изъ той губерніи въ сенатъ репортовать.“

Правительствующій сенатъ одобрилъ распоряженіе сенатской конторы и требовалъ только, чтобы въ Смоленскую губернію подтверждено было указомъ, дабы оный хлѣбъ раздавали такимъ, которые подлинно въ хлѣбѣ имѣютъ нужду, и чтобъ онъ возвращенъ былъ полностью, а сколько того хлѣба роздано, о томъ велѣтъ изъ той губерніи писать обстоятельно.

Но скоро оказалось, что экспроприація хлѣба не дала никакихъ существенныхъ результатовъ. Оберъ-офицеры, которымъ поручено было сдѣлать опись хлѣба въ трехъ дистриктахъ Смоленской губерніи репортовали въ губернскую канцелярію: въ Мпгновицкомъ дистриктѣ по осмотру и описи въ немъ у обывателей никакого хлѣба не найдено, а въ Дорогобужскомъ и въ Порѣцкомъ дистриктахъ хотя и явилось, да самое малое число, которымъ немущихъ хлѣба пищей и сѣменами удовольствоваться неможно. Въ Дорогобужскомъ дистриктѣ оказалось возможнымъ отобрать хлѣбъ только у двухъ лицъ и всего 69 четвертей ржи, въ Порѣцкомъ дистриктѣ лишняго хлѣба найдено 78 четвертей. Дѣйствительно трудно было предполагать, чтобъ у помѣщиковъ, пострадавшихъ отъ неурожая, оказались значительные запасы хлѣба и чтобъ охотно разставались со своимъ излишкомъ тѣ, у кого онъ дѣйствительно былъ. Когда офицеры явились описывать эти несуществующіе запасы, помѣщики показали, что крестьяне ихъ отъ голоду мрутъ и пухнуть, что „въ нынѣшнемъ году ржаному хлѣбу великій недородъ и умолотомъ не выходно, съ овина, на которомъ посажено бываетъ по 500 сноповъ, вымолочено, ржи по 2 четверика и зерномъ мелка, и такого неурожая ни въ которомъ году не бывало. Желали узнать въ какомъ положеніи находятся дворцовые крестьяне и послали къ управителямъ указы, велѣно, о

¹ Кригсъ-коммиссаріатъ, завѣдывавшій военнымъ хозяйствомъ, учрежденъ Петромъ Великимъ. Въ 1731 г. повелѣно подушному сбору быть подъ дирекціей генеральнаго кригсъ-коммиссаріата (И. С. З., т. VIII, № 5.876).

неимущество и которые мрутъ съ голоду, прислать вѣдомости; 30 мая управитель Лебедевъ показалъ: отъ недостатку хлѣба сколько изъ крестьянства померло и опухло, о томъ ему жалобъ не происходило. Но несомнѣнно, что голодали и дворовые крестьяне, потому что вмѣстѣ съ помѣщиками они просили выдать имъ ржи и муки 3.212 четвертей, овса—3.038 четвертей. Эта ссуда должна была быть выдана изъ казеннаго магазина, изъ котораго выдавалось продовольствіе войскамъ. Но оказалось, что и это невозможно, потому что какъ разъ въ это время въ Смоленской губерніи стояло нѣсколько полковъ, готовившихся перейти границу и вступить въ Польшу и нельзя было истощить всѣ хлѣбныя запасы. Поэтому губернская канцелярія сочла возможнымъ роздать лишь шестую часть требуемаго хлѣба, именно 505 четвертей муки и 1.360 четвертей овса, произведя соотвѣтственную развертку и обязавъ заемщиковъ возвратить тотъ заемный ими хлѣбъ, кто сколько взялъ сего 1733 года въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а буде возвращенъ не будетъ, по просрочкѣ отдать вдвое. Мука, выданная голодающимъ, была, какъ сейчасъ увидимъ, очень сомнительнаго достоинства.

Раздача хлѣба была произведена не раньше іюля, когда часть крестьянъ успѣла умереть съ голоду, а часть убѣжала въ Польшу. Такимъ образомъ, въ Смоленской губерніи не хватало рабочихъ рукъ, не хватало и сѣмянъ для посѣва, потому что совершенно недостаточная ссуда была скоро сѣдена.

Распоряженіе о выдачѣ ссудъ изъ казеннаго магазина было встрѣчено очень несочувственно генераль-провіантмейстеромъ Кисловскимъ, который дѣйствительно находился въ затруднительномъ положеніи, потому что долженъ былъ заготовить значительное количество провіанту въ Смоленской губерніи, гдѣ население умирало отъ голода. Кисловскій пишетъ по этому поводу чрезвычайно любопытное доношеніе въ генеральный кригсъ-коммисариатъ, которое привожу почти дословно.

...Егда я прибылъ въ Смоленскъ, а по публикамъ (то-есть по публикаціямъ) отъ меня о поставкѣ въ смоленскій магазинъ и для полковъ смоленскаго корпуса провіанта охочихъ людей продажами и подрядами явилось зѣло мало, да и тѣ за ту поставку провіанта просили цѣны высокія противъ торговыхъ цѣнъ съ немалымъ излишествомъ, а торговля цѣны въ Смоленскѣ хотя были не весьма высоки, да того хлѣба въ привозѣ было весьма малое число и то рожью, а не мукою, а крупъ и въ продажѣ не

было, о чемъ, что такихъ охочихъ людей на поставку того провіанта явлось весьма мало, а покупкою того заготовлять было не можно, я имѣлъ неусыпное попеченіе и не помню въ какой торжественный пли воскресный день случилось мнѣ идти отъ всенощнаго пѣнія въ ночи изъ церкви Божіей и незнамо какіе люди, плучи за мной разговаривали промежду собой, якобы плуты подавали въ губернію доношенія, будто де люди тають отъ голода и чтобъ имъ давать провіантъ изъ магазина, о чемъ де и въ сенатъ писано, а изъ сената де о раздачѣ той присланъ указъ и губернія де изъ смоленскихъ магазиновъ отъ довольства провіанта полевымъ полкамъ за такой раздачею хочеть отказать, точію де иѣкоторые намѣрены тотъ, взятый изъ магазиновъ провіантъ, продавать и отдавать въ займы, а писано де въ Сенатъ о немущихъ хлѣба. Выслушавъ ихъ слова, сталъ было ихъ спрашивать: что они за люди и лишь было, поворотясь, намѣрился изъ нихъ одного человека взять, но оные, знатно опаслись, что я для нихъ остановился, побѣжали отъ меня прочь и, бѣжавъ, одинъ изъ нихъ говорилъ, что будетъ де оное къ вамъ подано и письменно. Попеже я о присылкѣ того изъ правительствующаго сената въ Смоленскую губернію указа, о раздачѣ того изъ магазина хлѣба въ народъ, еще былъ несвѣдомъ, и изъ генеральнаго кригсъ-коммиссаріата для вѣдома о томъ указу ко мнѣ было еще не сообщено, о чемъ я на утро того дня увѣстился, что такой указъ о раздачѣ хлѣба въ губерніи имѣется; и хотя не обстоятельно дослыша ту народную эху, сумнѣвался о томъ, чтобы за раздачею изъ смоленскаго магазина провіанта въ народъ, полки смоленскаго корпуса не возымѣли какого недостатку и нужды. А генераль-провіантмейстеръ г. Полибинъ при отправленіи меня изъ Москвы въ Смоленскъ говорилъ: „ежели де что тебѣ будетъ сумнительно, иници ко мнѣ партикулярно, я де тебѣ могу предложить на то какой совѣтъ“. Того ради, желая себѣ на то отъ него, г. Полибина, какого разсужденія, какъ скоро то эхо народное слово услышавъ, тогда къ нему, г. Полибину, при партикулярномъ своемъ писемѣ о томъ его означенною цидулею увѣдомилъ и при той же цидулѣ о томъ же въ томъ же писемѣ особою ему, господину Полибину, цидулею объявилъ, что означенная эхо—народная рѣчь еще не ясно вѣрна и подлинна, такъ я о томъ не свѣдомъ, а ежели я увѣдомлюсь о томъ подлинно или отъ кого доношеніе подано будетъ, то буду предлагать въ генеральный кригсъ-коммиссаріатъ доношеніемъ съ обстоятельствомъ, того ради ему, г. Полибину, чтобы того

провіанту въ народъ не раздавать предложить отъ себя военной коллегіи или правительствующему сенату. По отнискѣ того моего г. Полюбину письма, больше мнѣ ни отъ кого о томъ провіантѣ такихъ словъ уже не было, также и доношенія никто не подавалъ. Точію, чтобы ту въ народъ раздачу изъ смоленскаго магазина провіанту удержать, въ тѣ же числа смоленскому губернатору и вице-губернатору въ засѣданіи ихъ въ губерніи я словесно предлагалъ, что для полковъ смоленскаго корпусу въ заготовленіи провіанту, за немѣнѣемъ охочихъ людей подрядчиковъ упованія имѣть не можно и кромѣ имѣющагося провіанта въ магазинахъ довольствоваться оный корпусъ будетъ нечѣмъ, того ради, чтобы, по силѣ указа, въ народъ живообразно такого изъ магазиновъ хлѣба, хотя и у постороннихъ не същется, не раздавать, о чемъ было и въ генеральный кригсъ-коммиссаріатъ хотѣлъ я писать. По точію на то мое предложеніе гг. губернаторъ и вице-губернаторъ сказали, что не спеснись де съ тобою. годнаго провіанту изъ магазина раздачу въ народъ чинить не будемъ. А потомъ въ оную смоленскую губернскую канцелярію промеморією отъ меня между прочимъ предложено въ такой силѣ, чтобы имѣющуюся въ смоленскомъ магазинѣ муку соблаговолено было приказать отдавать только смоленскаго корпуса на полевые полки и на нерегулярное войско. Хотя по силѣ государственной военной коллегіи указу и по силѣ же изъ генеральнаго кригсъ-коммиссаріата данной мнѣ инструкціи о приготовленіи въ смоленскій магазинъ въ пополненіе къ наличному числу, что не имѣется въ указномъ числѣ по штату, также и сверхъ того, что велѣно заготовить на смоленскій корпусъ для полевыхъ полковъ и нерегулярнаго войска, о подрядѣ провіанта изъ коммиссіи смоленскаго и стародубскаго корпусовъ чрезъ губернію Смоленскую неоднократно публиковано, но точію по тѣмъ публикаціямъ на муку подрядчиковъ явилось малое число, а которые продавцы и подрядчики хотя и явились и тѣ просятъ великія цѣны и предъ смоленскими торговыми цѣнами съ немалымъ излишкомъ, почему и въ подрядѣ того провіанта, видя такія высокія цѣны, надежды еще имѣть не можно, того ради и впродъ смоленскаго корпуса полевыхъ полковъ нерегулярнаго войска довольствоваться провіантомъ, кромѣ обрѣтающагося въ смоленскомъ магазинѣ палчнаго провіанта, на вышенамянутый вновь подрядъ упованія имѣть никакъ не можно. Затѣмъ еще прилежно смотрѣлъ, кому изъ того смоленскаго магазина въ займы провіанту будетъ въ дачѣ

и для того изъ того смоленскаго магазина о расходѣ того провіанта, въ какія оной дачи употребляется отъ провіантскихъ дѣлъ іюля по 3 число сего года имѣю справку, въ которой, чтобы тому провіанту изъ смоленскаго магазина въ займы была какая отдача, не показано.“

Кисловскій находилъ, что раздавать хлѣбъ изъ магазиновъ не надо, потому что еще вящаго народнаго голода нѣтъ, ибо на рынкахъ въ продажѣ хлѣбъ бываетъ, и свободнымъ людямъ (надо было прибавить имѣющимъ деньги) всегда купить всякому для себя возможно, а на поляхъ надо много провіанта.

Далѣе Кисловскій сообщаетъ о злоупотребленіи со стороны губернской канцеляріи, которое подало поводъ къ обширной перепискѣ между губерніей, сенатскою конторой и сенатомъ. Смоленскій шляхтичъ Лыкошъ по контракту обязанъ былъ поставить изъ Дорогобужа известное количество провіанту въ смоленскій магазинъ, и дѣйствительно подвезъ его весной на плотахъ. Но завѣдывавшій магазномъ поручикъ Жеребцовъ за негодностью того дорогобужскаго провіанта многое время не принималъ. Подрядчикъ обратился съ жалобой къ Кисловскому, который убѣдилъ губернатора принять этотъ хлѣбъ и раздать его въ полки. 1.000 четвертей дорогобужскаго провіанта было Лыкошемъ привезено еще зимнимъ путемъ, а въ смоленскій магазинъ было означеннымъ Жеребцовымъ не принято многое время и лежалъ тотъ провіантъ на его, Лыкоша, счетѣ при томъ же смоленскомъ магазинѣ въ особливыхъ амбарахъ.

„Іюля 13 дня усмотрѣлъ я, доносить Кисловскій, что ту непринятую отъ шляхтича Лыкоша муку изъ смоленскаго магазина раздаютъ въ народъ, въ томъ числѣ везли ко двору смоленскаго гарнизона къ майору Оленцу подводахъ на 10 и больше, которую муку остановив осмотрѣлъ я и по усмотрѣнію моему та дорогобужская мука явилась годная, о чемъ я, что та раздача чинится не по силѣ изъ правительствующаго сената указу, не немущимъ бѣднымъ людямъ, но такимъ довольнымъ, что живутъ со всякимъ довольствомъ, того-жъ дня означеннымъ гг. губернатору и вице-губернатору словесно объявлялъ. 17 дня того же іюля въ Смоленскую губернію я промеморіей предложилъ и на означенное мое предложеніе гг. губернаторъ и вице-губернаторъ сказали, что оную де муку, привезенную изъ Дорогобужа и не принятую у него, шляхтича Лыкоша, опредѣлено у нихъ раздать въ народъ, ибо де по вѣдомости изъ смоленскаго магазина отъ поручика

Жеребцова показана негодная; изъ той дорогобужской муки отъ того шляхтича Лыкоша выбрано на полмѣсяца августа на Тверской драгунскій да на Воронежскій полки, а за тѣмъ выборомъ той негодной дорогобужской муки осталось четвертей съ 400.⁶

Петербургскій генераль-провіантмейстеръ Подлибинъ въ частномъ письмѣ сообщилъ генераль-кригсъ-коммиссару Сухотину о замѣчвиномъ Кисловскимъ злоупотребленіи, а тотъ официально объявилъ объ этомъ въ генеральномъ кригсъ-коммиссаріатѣ. Последнее учрежденіе 28 іюля довело до свѣдѣнія сенатской конторы, что, по словамъ Кисловскаго, нѣкоторые лица намѣревались взять изъ смоленскихъ магазиновъ займы провіантъ и продавать его по высокой цѣнѣ. Изъ генеральнаго кригсъ-коммиссаріата послали Кисловскому указъ, велѣно ему въ генеральный кригсъ-коммиссаріатъ отвѣтствовать по полученіи указа въ самой скорости, изъ смоленскаго магазина провіантъ займно такимъ, у кого свой собственный хлѣбъ имѣется, какого чина людямъ и кому именно въ дачу производится и кто именно намѣренъ взять изъ магазиновъ заемный провіантъ съ повышеніемъ цѣны продавать и въ подрядъ отдавать; и ежели оиъ, Кисловскій, уемотритъ, что изъ смоленскаго магазина займно провіантъ будетъ выдаваться такимъ, которые имѣють у себя собственный хлѣбъ, о томъ ему предлагать ишемъенно смоленскому губернатору и вице-губернатору, дабы онаа дача чинена была, по силѣ присланнаго о томъ изъ сената указу, только немунцимъ. Кисловскій получилъ этотъ указъ, когда раздача хлѣба была уже окончена и когда его самого уже не было въ Смоленскѣ. Поэтому оиъ отвѣчалъ коммиссаріату 18 августа: „А пишу я обрѣтаюсь при корпусахъ въ походѣ въ Польшѣ и за означеннымъ походомъ и за многими случившимися экстраординарными дѣлами чтобъ о выдачѣ провіанту майору Оленину изслѣдовано было предлагать миѣ некогда.“

Въ началѣ августа сенатская контора со своей стороны послала въ Смоленскую губернію указъ, велѣла оной губерніи въ Москву въ сенатскую контору по полученіи указа отвѣтствовать, конечно, на первой почтѣ, въ нынѣшнемъ 1733 году смоленскіе помѣщики и дворцовыхъ волостей крестьяне, кто именно за немѣнїемъ хлѣба о дачѣ имъ въ займы до нови провіанта и для посѣву овеа въ смоленскую губернскую канцелярію прошенія подавали, и нѣтъ ли изъ тѣхъ просителей такихъ, которые и безъ займа бы собственный свой хлѣбъ имѣли и имѣють и кому именно

и сколько какого провіанта роздано и съ какимъ о немуществѣ хлѣба свидѣтельствомъ и въ платежѣ обязательствомъ, и кто при той раздачѣ отъ губерніи опредѣленные офицеры были и какое въ томъ и отъ кого за ними было смотрѣніе и не было ли того провіанта въ дачѣ такимъ, которые вмѣли и имѣютъ у себя собственный хлѣбъ, и что понынѣ, за раздачей какого провіанта въ магазинахъ налицо, и каковъ новаго хлѣба родъ (то-есть урожай) и для чего о томъ по прежде посланному указу до-нынѣ обстоятельно не писано; а ежели, паче чаянія провіантъ даванъ и впредь даваться будетъ такимъ, которые свой хлѣбъ имѣли и имѣютъ, оной губерніи о всемъ выше писанномъ изслѣдовать по указамъ накрѣпко безъ всякаго упущенія и продолженія времени и что по тому слѣдствію явится, о томъ въ сенатскую контору писать со обстоятельствомъ въ самой скорости и прислать подлинныя и перечневыя выписки съ мнѣніемъ о виновныхъ, буде по слѣдствію окажутся.

Правительствующій сенатъ, озабоченный дѣломъ о раздачѣ хлѣба въ Смоленской губерніи и не имѣя точныхъ свѣдѣній, въ концѣ августа посылаетъ вѣдѣніе въ сенатскую контору:

„По прежнему той конторы опредѣленію слѣдствіе учинить немедленно губернатору вообще съ штабъ- и оберъ-офицерами и о томъ подтвердить указомъ съ нарочнымъ курьеромъ: во 1, о тѣхъ, которые, подлогомъ объявляя нужду хлѣбную, брали и намѣрены были отдавать въ подрядъ и кон, имѣя у себя хлѣбъ, облыгали, а кто такіе именно, о томъ выше помянутому Кисловскому объявить и самому у слѣдствія быть и доказывать безо всякаго прикрытія, не упуская никому, и на кого именно такой подлогъ явится, тѣхъ до окончанія слѣдствія перепоручить добрыми поруками, чтобъ никуда изъ Смоленска не съѣзжать, а въ сенатъ объ именахъ ихъ писать съ тѣмъ же посланнымъ изъ сената, съ которымъ и то именно объявить, что до присылки сего по первымъ указамъ учинено, и сколько кому провіанта займомъ роздано и въ магазинахъ обрѣтается налицо и при томъ отвѣтствовать, для чего по сіе время, по слѣ посланныхъ указовъ, изъ той губерніи не писано.“

Исполняя приказаніе сената, контора отправляетъ въ Смоленскую губернію указъ съ крѣпкимъ подтвержденіемъ съ нарочнымъ сенатскимъ курьеромъ Иваномъ Шестинскимъ; велѣно о вышеписанномъ о всемъ, по прежде посланному въ ту губернію изъ сенатской конторы указу, учиня обстоятельное извѣстіе въ

самой скорости, конечно, по полученіи онаго указа, черезъ 3 дня послать съ тѣмъ курьеромъ прямо въ С.-Петербургъ въ правительствующій сенатъ, а котораго числа оное извѣстіе въ С.-Петербургъ съ тѣмъ курьеромъ послано будетъ, о томъ репортовать.

5 сентября сенатская контора вновь шлетъ въ Смоленскъ нарочнаго курьера Никиту Начинкина: „Велѣно, сжали съ прежде посланнымъ въ ту губернію курьеромъ о подложной раздачѣ въ Смоленскѣ изъ магазиновъ хлѣба обстоятельной вѣдомости по прежнимъ указамъ въ С.-Петербургъ въ правительствующій сенатъ не послано, то по полученіи того указу то слѣдствіе съ штабъ- и оберъ-офицерами окончить и прежде требуемую вѣдомость и что по выше писанному изъ правительствующаго сената вѣдѣнію къ тому въ дополку требуется послать въ С.-Петербургъ въ правительствующій сенатъ въ самой скорости безо всякаго медленія, а достальное тому вѣдѣнію слѣдствіе производить и окончить въ самой же скорости, и что по слѣдствію явится, о томъ въ С.-Петербургъ въ правительствующій сенатъ послать съ нарочнымъ курьеромъ обстоятельными и перечневныя выписки немедленно.“ Крисъ-коммиссаріатъ долженъ былъ знать, что Кисловскаго давно уже нѣтъ въ Смоленскѣ, но не знала этого сенатская контора, а потому она 5 же сентября посылаетъ бесполезный указъ провіантмейстеру Кисловскому о бытіи ему при томъ слѣдствіи.

Наконецъ, когда новая жатва была снята и когда слѣдовало бы извѣстить сенатъ о новомъ неурожаѣ, смоленская губернская канцелярія доноситъ, что такимъ просителямъ, которые и безъ займа собственный свой хлѣбъ имѣли и имѣютъ, дачи не было, а давано на пропитаніе крестьянамъ, и въ томъ хлѣбѣ знатныя лица были поручами, понеже крестьянамъ безъ помѣщиковъ ихъ и дать было невозможно, а изъ собственнаго хлѣба тѣмъ помѣщикамъ своимъ крестьянамъ дать было нечего, и хотя знатные люди явились просителями, просили они на крестьянъ, а не на себя.

II.

Неурожай 1733 года.

Неурожай Смоленской губернии былъ прелюдией къ голоду, охватившему на слѣдующій годъ значительную часть Россіи. Въ 1733 году хлѣбъ не родился не только въ Смоленской губернии, но и Московской и Нижегородской, а также въ Тверской и Великолуцкой провинціяхъ, что соответствуетъ теперешнимъ губерніямъ Московской, Рязанской, Костромской, Владимірской, Калужской, Тверской, Нижегородской, Новгородской, Псковской.

Въ Москвѣ и Петербургѣ объ этомъ несчастіи узнали только въ февралѣ 1734 года, когда давно уже голодали миллионы крестьянъ, узнали потому, что невозможно было собрать подушныхъ. 22 января 1734 года изъ Мигновцаго и изъ Порѣцкаго дистриктовъ капитанъ Шубинскій и поручикъ Верекинъ доносятъ майорамъ Волку и Хрущову, завѣдующимъ подушнымъ сборомъ¹ въ Смоленской провинціи, что команды изъ Архангелогородскаго полка прапорщикъ Шеметовъ и Дорогобужскаго полка сержантъ Шурыгинъ, которые ѣздить для понужденія и высылки подушныхъ денегъ и обрѣтаются въ городѣ Рославлѣ и въ приписныхъ Брянскомъ, Трубчевскомъ и въ Смоленскомъ уѣздахъ, репортуя: обыватели подушныхъ денегъ мало платятъ, а экзекуцныхъ кормовыхъ денегъ и фуража за простойше дни и ничего не даютъ для того, что великая скудость, а на городѣ Рославлѣ особливо нѣсколько тысячъ доплатъ (то-есть недоплатъ) запущено скудости ради и малолѣтства и отъ проходу полковъ обѣдами, а тѣ обыватели въ Рославлѣ и по уѣздамъ, какимъ хлѣбомъ пробавляются, прислали къ нимъ знакъ.

¹ Подушная подать, введенная Петромъ Великимъ, шла на содержаніе войска. Въ инструкціи генеральному кригсъ-комиссаріату, данной въ 1731 г., читаемъ: Подушныя деньги опредѣлено собирать съ дистриктовъ на полковныхъ вѣчныхъ квартирахъ полковникамъ, каждому на свой полкъ, а въ небытность ихъ на тѣхъ квартирахъ—командированнымъ отъ полковъ офицерамъ на два срока, первую половину въ январѣ, февралѣ и мартѣ, другую съ половины сентября по декабрь, и онымъ командированнымъ офицерамъ у того сбору быть съ перемѣною погодою. А для лучшаго въ томъ сборѣ надъ ними офицерами смотрѣнія въ провинціальныхъ городахъ въ мирное время быть изъ полковъ же одному штабъ-офицеру (П. С. З., т. VIII, № 5.904).

Водкъ и Хрущовъ донесли объ этомъ въ генеральшій кригсъ-коммиссаріатъ, который со своей стороны навелъ справку о недвижимкахъ по Смоленской губерніи: оказалось, что недвижимки очень значительны. Въ вѣдомостяхъ показано было въ недвижимкѣ отъ Архангелогородскаго полка съ 725 по 732 годъ 19,547 р. 79¹/₂ к.; на 732 годъ 11,741 р. 30¹/₄ коп.; да 733 года на первые полгода 10,683 руб. 55⁷/₈ коп., итого 41,972 руб. 48⁵/₈ коп.; Дорогобужскаго полка Порѣцкаго дистрикта съ 725 по 732 годы 1,759 руб. 98 коп., на 732 годъ 843 р. 15 коп., да 733 года на первые полгода 895 р. 30 коп., итого 3,498 р. 43 коп. Изъ этого видно, что недвижимка за два послѣдніе года равнялась недвижимкѣ за прежнія семь лѣтъ или даже превышала ее и происходило это, конечно, не отъ ослабленія офицеровъ, а отъ того, что населенію послѣ двухъ неурожаевъ платить было печѣмъ. Несмотря на это коммиссаріатъ отправилъ донесеніе въ московскую сенатскую контору и прилагая пробу хлѣба требовалъ: не повелѣно ли будетъ объ ономъ хлѣбѣ освидѣтельствовать отъ Смоленской губерніи, а штабнымъ офицерамъ велѣть отъ коммиссаріата имѣющуюся той провинціи на вѣсѣхъ дистриктахъ донмку взыскивать по всякой возможности безъ упущенія, а отъ проходу которыхъ полковъ кому именно обывателямъ какія были обиды и кто при тѣхъ полкахъ были командиры прислать въ тотъ коммиссаріатъ исправныя вѣдомости немедленно. Сенатская контора приказываетъ: объявленный хлѣбъ сообщить при вѣдѣніи въ правительствующій сенатъ, который при семъ и послать, а въ Смоленскую губернію послать указъ, велѣть о томъ какія были отъ офицеровъ и прочихъ обиды, изслѣдовать подлинно и что по слѣдствію явится, учиня о томъ подлинныя и перечневыя выписки, послать съ мѣрною въ правительствующій сенатъ.

Узнавъ, что не одна Смоленская губернія пострадала отъ неурожая сенатъ въ засѣданіи 20 февраля рѣшается, наконецъ, сдѣлать что-нибудь для облегченія голодающаго населенія и 22 февраля подаетъ ся императорскому величеству самодержицѣ всероссійской всеподданнѣйшее доношеніе, въ которомъ пишетъ:

„По инструкціи камеръ-коллежской велѣно подушныя деньги платить на опредѣленные сроки и для того помѣщикамъ, а въ небытность ихъ приказчикамъ и старостамъ и кому тѣ ихъ деревни приказаны, съ крестьянъ тѣхъ подушныя деньги собирать заранее, дабы по повѣсткамъ на указыныя сроки плачены были сполна, а кто на сроки не заплатитъ, къ такимъ посылать экзе-

куціи и покамѣсть подушныя деньги заплатятъ, брать имъ кормовыя деньги и фуражъ.“

Указавъ на то, что въ Смоленской губерніи подушныхъ денегъ мало платятъ и питаются неудовлетворительнымъ хлѣбомъ, сенатъ продолжаетъ:

„Не соизволить ли Ваше Императорское Величество всемплоствѣйше пожаловать, указать въ Смоленской губерніи о такой великой скудости и хлѣбнаго голоду освидѣтельствовать обрѣтающемуся тамо полковнику Шамордину обще съ штабными офицерами и ежели, по подлинному свидѣтельству, такая скудость и голодъ явятся, то въ платежѣ подушныхъ денегъ, какъ изъ доимки, такъ и на сей настоящей годъ, по окладу дать имъ время, насколько ваше императорское величество соизволитъ, дабы отъ правежа тѣхъ подушныхъ денегъ и отъ такой хлѣбной скудости и голода и достальныя за рубежъ и въ другія неизвѣстныя мѣста не разбѣжались; такожь не безъизвѣстно есть, что и въ другихъ провинціяхъ въ прошломъ 1733 году такоже хлѣбный недородъ былъ и крестьяне не токмо платятъ подушныя деньги не въ состояніи, но и въ пищѣ претерпѣваютъ нужду и многіе ходятъ по міру, а другіе бѣгутъ въ невѣдомыя жъ мѣста, и въ тѣхъ провинціяхъ не соизволить ли ваше императорское величество пожаловать указать о томъ освидѣтельствовать же штабъ-офицерамъ, обрѣтающимся у подушнаго сбора обще съ воеводами и гдѣ, по свидѣтельству, крестьянская скудость и голодъ явятся, съ тѣми учинить противъ вышеписанной Смоленской губерніи; а въ которыхъ провинціяхъ и уѣздахъ такой крестьянской скудости и голоду нѣтъ, въ тѣхъ подушныя деньги взыскивать по указамъ, и о томъ сенатъ всеподданнѣйше требуетъ вашего императорскаго величества указу, а приеланный изъ Смоленской губерніи хлѣбу знакъ возносится при семъ всеподданнѣйшемъ доношеніи.“

Анна Іоанновна согласилась на предложеніе сенаторовъ и по указу ея императорскаго величества правительствующій сенатъ, имѣя о томъ довольное разсужденіе, 26 февраля приговорили: во всей смоленской провинціи о вышеписанномъ крестьянскомъ въ хлѣбѣ недостаткѣ освидѣтельствовать подъ главнымъ смотрѣніемъ полковника Шамордина, обрѣтающемуся тамо полковнику жъ Чебышову, а къ нему въ помощь для того жъ свидѣтельства опредѣлить ему, Шамордину, изъ штабъ-офицеровъ и изъ другихъ чиновъ, кого онъ за способіе разсудить и ежели по ихъ

свидѣтельству, въ которыхъ деревняхъ такой въ хлѣбѣ недостатокъ, какъ въ вышесказанномъ доношеніи написано, подлинно явится, то въ тѣ деревни экзекуціи до будущаго году не посылать и кормовыхъ, и фуражныхъ денегъ, какъ за прошедшее время, въ которое въ тѣхъ деревняхъ та экзекуція была поставлена, такъ и вирель съ нихъ не требовать, а въ которыхъ деревняхъ такая экзекуція и есть, оную вывести вопъ безъ взятія жъ кормовыхъ и фуражныхъ денегъ и при томъ свидѣтельствѣ по всей же смоленской провинціи въ каждой деревнѣ наличный хлѣбъ, какъ помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ, для вѣдома, описать и взять вѣдомость, что имъ изъ того наличнаго хлѣба на домашнее содержаніе и на сѣмена въ будущее лѣто надобно, токмо того хлѣба у нихъ не отбирать и какъ въ домашніе расходы, такъ и въ продажу не запрещать; а въ которыхъ уѣздахъ и въ чьихъ деревняхъ, по свидѣтельству ихъ, хлѣбный недостатокъ явится и что на тѣхъ деревняхъ на каждой порознь подушныхъ денегъ и на которые годы въ донмѣ, о томъ вѣдомость и вышесказанному наличному хлѣбу опись прислать въ сенатъ немедленно и о томъ къ нимъ послать указы съ парочнымъ курьеромъ.

Сенатъ, не довѣряя доношеніямъ провинціальныхъ чиновниковъ, которыя казалось были достаточно убѣдительны, счелъ нужнымъ провѣрить ихъ показанія и такимъ образомъ отложилъ всякія мѣропріятія на цѣлые два мѣсяца. Между тѣмъ нужда была велика, съ голоду умирали и въ Смоленскѣ, и въ Москвѣ, и въ Твери, и въ Новгородской губерніи. Не довольствуясь размыканіями полковника Шамордина, сенатъ отправилъ въ Смоленскую губернію оберъ-коммиссара Микулина съ нѣсколькими помощниками и по ихъ изслѣдованіямъ, начатымъ въ мартѣ, оказалось въ 3.415 деревняхъ всякаго хлѣба на сѣмена и на пропитаніе помѣщиковъ и крестьянъ 87.237 четвертей (изъ чего половина была закуплена на Украинѣ и прислана изъ другихъ уѣздовъ отъ помѣщиковъ), а въ 2.378 деревняхъ хлѣба совсѣмъ не было. Даже у крупныхъ помѣщиковъ не было хлѣбныхъ запасовъ, такъ, напримѣръ, у одного владѣльца 7.031 душъ въ амбарахъ лежало всего 5.179 четвертей всякаго хлѣба (то-есть ржи, овса, ячменя и т. п.), у другаго помѣщика 6.908 душъ нашлось хлѣба 3.878 четвертей; у многихъ оставалось по 40, по 25, даже по 8, по 2 и по 1 четверти на 71, 254, 41, 52, 57 душъ. Въ Смоленской губерніи числилось по генералитетной

переписи 204 тысячъ душъ мужскаго пола, ¹ которыхъ, по словамъ Микулина, пропитать, не включая женскій полъ и копъ послѣ переписи родились, нечѣмъ. Изъ этого видно, что въ Смоленской губерніи голодало въ буквальномъ смыслѣ слова не меньше 180 тысячъ крѣпостныхъ (не считая государственныхъ крестьянъ), и остальнымъ 320 тысячамъ предстояла въ скоромъ времени такая же голодовка, потому что еслибы проѣсть и сѣмена, хлѣба могло хватить только на самое короткое время. Неудивительно, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и деревняхъ оказалось много пустыхъ дворовъ, а другія деревни и всѣ пустыя, люди вышли въ разныя мѣста для пропитанія и бѣжали въ Польшу; оставшіеся же на мѣстахъ дѣлали муку изъ гнилаго дуба, липы и сосны, и примѣшавъ къ этой мукѣ малое число какого нѣсть хлѣба, пекли этотъ суррогатъ и употребляли въ пищу, и у многихъ лошади и скотъ опали. Не лучше было положеніе дворцовыхъ крестьянъ.

Управитель Смоленскихъ дворцовыхъ волостей Обатуровъ донесъ въ главную дворцовую канцелярію: по указу изъ правительствующаго сената и по данной инструкціи за рукой полковника Шамордина, присланъ въ оныя волости, для свидѣтельства и описи наличнаго хлѣба, Вятскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Тимофей Богатыревъ, а коликое число, по описи его, Богатырева, и по свидѣтельству, Смоленскаго уѣзда въ селѣ Порѣчѣ и въ волости у крестьянъ и у мѣщанъ явилось наличнаго хлѣба, о томъ къ полковнику Шамордину отъ подпоручика Богатырева при доношеніи присланъ экстрактъ, въ которомъ показано, что по осмотру его въ ономъ селѣ Порѣчѣ и въ волости имѣется въ народѣ великая скудость и хлѣба не во многихъ дворахъ и весьма малочисленно и крестьяне для пропитанія сушатъ деревья: дубъ, пиликъ, липнякъ, сѣно, мохъ и солому и изъ того пекутъ себѣ хлѣбъ. При этомъ приложенъ слѣдующій краснорѣчивый экстрактъ.

Въ дворцовомъ селѣ *Портчи* по ревизіи написано 249 дворовъ; въ томъ числѣ по осмотру явилось въ 21 дворѣ разнаго хлѣба 162 четверти; а въ 228 дворахъ никакого хлѣба въ наличности, по осмотру, не явилось.

¹ Такъ значится въ дописаніи Микулина, по переписи же 1724 г. въ Смоленской губерніи считалось 263.633 крестьянскихъ душъ.

Въ *Порьцкой* волости:

Въ *Порьцкомъ* лавничествѣ 193 двора, въ нихъ хлѣба въ наличности не явилось.

Въ *Новицкомъ* лавничествѣ 374 двора, въ нихъ хлѣба въ наличности не явилось.

Въ *Оретовскомъ* лавничествѣ 207 дворовъ, въ томъ числѣ явилось въ восьми дворахъ разнаго хлѣба 54 четверти, а въ 199 дворахъ никакого хлѣба въ наличности не явилось.

Въ *Зувескомъ* лавничествѣ 187 дворовъ, въ томъ числѣ въ четырехъ дворахъ явилось въ наличности разнаго хлѣба 20 четвертей, а въ 183 дворахъ хлѣба наличнаго не явилось.

Въ *Кошевицкомъ* лавничествѣ 176 дворовъ, въ нихъ наличнаго хлѣба не явилось.

Въ *Верховскомъ* лавничествѣ 501 дворъ, изъ нихъ въ двухъ дворахъ оказалось наличнаго хлѣба 15 четвертей, а въ 499 наличнаго хлѣба не оказалось.

Всего въ селѣ Порьччѣ и въ волости 1.887 дворовъ, изъ нихъ въ 35 дворахъ оказалось наличнаго хлѣба 251 четверть, а въ остальныхъ 1.852 дворахъ хлѣба въ наличности не оказалось.

Сенатъ получилъ вѣдѣніе изъ Москвы, изъ сенатской конторы, гдѣ было написано, что въ Можайскомъ и Каширскомъ уѣздахъ люди отъ хлѣбной скудости питаются травой и мохомъ, и гнилою колодой, и оттого ноги и животъ пухнуть и въ головѣ бываетъ ломъ великій, отчего умирають.

Въ Московскую губернскую канцелярію изъ нижеписанныхъ городовъ и уѣздныхъ мѣстъ въ 1734 году писано, что отъ недороду хлѣбнаго въ платежѣ подушныхъ денегъ имѣють невозможность, а въ прочихъ сборахъ чинится недоборъ.

1) Марта 22 изъ Волоколамска воеводской канцеляріи объявлено: въ доношеніи въ оную канцелярію того города съ 734 года таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ бурмистра ¹ Никлфора Устинова написано: вышеозначенныхъ де сборовъ въ недоборѣ нынѣ многое число, понеже за недородомъ хлѣбнымъ отъ великаго гладу изъ Волоколамска и изъ уѣзду жителей вышло для прокормленія въ разные города болѣе трети и за тѣмъ гладомъ и за выходомъ многихъ жителей нынѣ въ Волоколамскѣ и въ уѣздѣ продажа

¹ Бурмистрская палата, позднѣе переименованная въ ратушу, учреждена Петромъ въ 1699 г. Выбранные кунчествомъ бурмистры завѣдывали таможенными и кабацкими сборами (И. С. З. т. III, № 1.674, 1.697).

штью и сборъ кабацкій весьма умаллся, такожъ и таможенный пошлинный сборъ, за немѣнѣемъ въ продажѣ и покункѣ товаровъ, самый малый.

2) Того же марта 30 дня въ доношеніи Дмитровскаго уѣзда, села Пятницы-Берендеева, бурмистра таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ Андрея Осетрова, написано: оные сборы собираютъ они съ радѣнѣемъ неотложно по присяжной должности, точію въ сборѣ имѣется малое число, для того нынѣ во ономъ селѣ отъ недороду хлѣба и за дорогою онаго куплею, приѣзду для торговъ разныхъ торговыхъ людей весьма умалилось, понеже въ продажахъ товару стало быть крайняя остановка, отчего въ таможенномъ сборѣ возмѣло быть сущее противъ прошлыхъ лѣтъ умаленіе, такожъ за онымъ же недоборомъ хлѣба и за высокою цѣной кружечнаго двора пштью и пшву расходъ имѣется самый малый, понеже какъ онаго села, такъ и разныхъ вотчинъ жители, которые завсегда для торгу бывали въ ономъ селѣ, не точію, чтобъ штья расходъ имѣть, но и кормятся Христовымъ именемъ, а прочіе для такого же прокормленія разбрелсь съ семьями, отчего въ помянутыхъ сборахъ имѣется самое умаленіе и видно, что противъ прошлыхъ лѣтъ собрать невозможно.

3) Апрѣля 5 дня изъ руской ратуши отъ бурмистровъ Анисима Тархова, Василья Корзина, написано: по присланному изъ губернской канцеляріи указу города Рузы воевода и капитанъ Бражниковъ на рускомъ купечествѣ съ 728 по сей 734 годъ подушнагобору доимку взыскиваетъ и держитъ тѣхъ годовъ бурмистровъ и сборщиковъ въ воеводской канцеляріи подъ карауломъ безъ выпуска, изъ которой доимки подушныхъ денегъ на означенные годы доправлено на рускомъ купечествѣ немалое число, которую доимку платили посадскіе люди, испродавъ всякіе свои домовные пожитки и скотину и дворовое и хоромное строеніе, а на 734 годъ съ рускаго купечества подушныхъ денегъ собирать не съ кого, понеже многіе посадскіе люди отъ недорода хлѣба пришли во всеконечную скудость и раззореніе и многіе отъ глада померли, а иные разошлись въ міръ кормиться мірскимъ подаяніемъ и въ сборѣ подушныхъ денегъ на сей 1734 годъ учинилась немалая остановка, въ чемъ руская ратуша имѣетъ немалую опасность и требовали, чтобы прошлыхъ лѣтъ и сего 734 года въ доимкѣ подушнагобору рускому купечеству дать сроку и содержащихся прошлыхъ годовъ ратушскихъ бурмистровъ и сборщиковъ изъ-подъ караула освободить.

4) Апрель 6 дня изъ звенигородской ратуши отъ бурмистра Андрея Самойлова съ товарищами написано: по переписи и свидѣтельству мужескаго полу душъ въ ономъ городѣ посадскихъ и прочихъ людей 329 человекъ въ томъ числѣ старыхъ и дряхлыхъ, которые питаются милостынею отъ мірскаго подаянія не токмо подушныя деньги чѣмъ заплатить могутъ, но и пропитанія не имѣютъ 73 человекъ, да послѣ означенной переписи и свидѣтельства штабъ- и оберъ-офицеровъ изъ оныхъ звенигородцовъ посадскихъ людей померло 48 человекъ, да въ 723 году въ солдаты въ вольницу записалось два человекъ, да послѣ переписи въ разные годы въ рекруты взято девять человекъ, за которыхъ оставшіе звенигородцы посадскіе люди, плати, пришли во всеконечное раззореніе и нищету и домашнюю рухлядь всю распродали и не имѣютъ дневныя нищи, а торговь и промысловъ, кромѣ чтобъ кормиться нахотною землею, крестьянство ничего не имѣетъ, а въ 733 году хлѣба ржанаго и яроваго въ поляхъ ничего не уродилось и отъ того посадскіе люди, покинувъ свои дворы, многіе разошлись по сторонамъ въ міръ, а оставшіеся оныя посадскіе люди не токмо подушныхъ денегъ на сей 734 годъ чѣмъ заплатить могутъ, но и за прошлые годы имѣется доимка не малая, которыхъ звенигородская канцелярія воеводскаго правленія на Звенигородскомъ посадѣ взыскиваетъ неослабно и держитъ подъ карауломъ безъ выпуску и пошылъ онымъ посадскимъ людямъ, за вышепоказаннымъ раззореніемъ и за недородомъ хлѣба и скудостію взять подушныхъ денегъ не на комъ не токмо изъ доимки, но и вновь платить нечѣмъ, понеже за недородомъ хлѣба, отъ гладу разошлись розно, а ные померли.

5) Апрель 9 дня Московскаго уѣзда, Клементьевской слободы таможи и кружечныхъ дворовъ выборнаго Игнатя Федотова написано: въ нынѣшнемъ де 734 году въ означенной Клементьевской слободѣ и въ селѣ Вратовицкѣ съ присутственными мѣстами имѣется въ помянутыхъ сборахъ недоборъ, понеже де обыватели, отъ недороду хлѣбнаго, штей ничего не пьютъ, а прежде сего въ оной слободѣ съѣзды и торги бывали немалые, а нынѣ съѣзды и торги имѣются весьма малые.

Получивъ свидѣнія о несомнѣнномъ голодѣ, сенатъ рѣшается, наконецъ, принять какія-нибудь мѣры, и въ апрѣлѣ предлагаетъ императрицѣ повелѣть такія же мѣры взять, какъ это дѣлалъ Петръ Великій (экспроприацію и раздачу хлѣба въ ссуду) и, сверхъ того, учинить:

1) Понеже нѣкоторые помѣщики о крестьянахъ своихъ не заботятся, хотя-бъ которые и довольно своего хлѣба имѣли, и ежели въ томъ собственнаго ихъ старанія не будетъ, то крестьяне не токмо впредь въ состояніи быть не могутъ, но можетъ отъ того и вредъ государству нанесенъ, того ради въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ, гдѣ такая нужда есть, не соизволить ли Ваше Императорское Величество повелѣть публиковать указами, паче же губернаторамъ и воеводамъ и на штабныхъ дворахъ офицерамъ наблюдать, чтобы всѣ помѣщики по всякой возможности въ сіе нужное время къ пропитанію и къ лучшему впредь содержанію стараніе имѣли, и сѣменами снабдили, дабы земля не залежала праздно, не токмо готовымъ своимъ тутошнимъ хлѣбомъ, но привозя изъ другихъ хлѣбныхъ мѣстъ и покупая, и въ томъ бы ихъ самихъ, а гдѣ помѣщиковъ нѣтъ, то прикащиковъ ихъ при- нуждали.

2) Чтò же надлежитъ до крестьянъ дворцовыхъ волостей и синодальнаго вѣдомства—о томъ указомъ опредѣлить, о дворцовыхъ изъ двору канцеляріи, а о синодскихъ отъ Синода, дабы тѣхъ волостей управители и экономы такоже-жъ стараніе и попеченіе имѣли, и во всемъ то же, какъ и помѣщики, вспоможеніе имъ чинили.

3) Еще-жъ не соизволить ли Ваше Императорское Величество всемплостивѣйше повелѣть, въ тѣ нужныя мѣста изъ прочихъ городовъ, гдѣ хлѣбы довольные, оттуда на продажу хлѣбъ привозить и продавать *безпошлинно*, дабы тѣмъ нѣкоторая въ цѣнѣ убавка быть могла.

4) Привозъ хлѣба въ С.-Петербургъ, кромѣ подряднаго провіанта и здѣшнихъ жителей для своего пропитанія, сколько возможно изъ внутреннихъ городовъ, по разсмотрѣнію, удержатъ, напримѣръ изъ Ярославля, изъ Твери и другихъ т. п., дабы тѣмъ наибольшей скудости въ нужнымъ мѣстахъ не учинить, а употреблять на продажу въ народъ, въ тамошнія нужныя мѣста по близости.

5) А гдѣ такія народныя нужды есть, у постороннихъ по описи хлѣба не явится и на продажу будетъ недостатокъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть провіантскіе магазины, давать въ народное пропитаніе совершенно пенмунцимъ до новаго хлѣба въ займы безденежно.

6) Хотя надежда и есть, что изъ Орла къ Москвѣ водянымъ путемъ вешнимъ временемъ привозъ хлѣба будетъ, однако,

надлежитъ онаго умножить для пропитанія многаго народа, не токмо живущихъ въ Москвѣ, но и ближнихъ уѣздовъ и городовъ отъ Москвы и для того съ Орла-жь хлѣбъ, который повезенъ будетъ въ С.-Петербургъ чрезъ Нижній, на Коломиѣ остановить и оборотить въ Москву, ибо оный черезъ Нижній путь къ здѣшнему мѣсту продолжительный и, по крайней мѣрѣ, развѣ бы могъ сюда прибыть глубокою осенью, а иногда, за мелкою водою, и въ другой годъ, когда уже здѣсь нужды быть не можетъ.

7) Не безызвѣстно есть, что въ Твери у хлѣбныхъ промышленниковъ продажнаго хлѣба есть довольно, такожь и въ Ярославлѣ, а всѣ тщатся привозить въ С.-Петербургъ, того ради изъ Твери и изъ Ярославля отпустить сюда купческаго хлѣба третью часть, а двѣ доли оставить на тамошнюю народную продажу.

8) Какъ на Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, милостыню давать не токмо запрещать, но и объявлять тѣхъ мѣсть жителямъ, дабы въ такомъ случаѣ немущимъ подаваніе чинили, и по всякой возможности въ томъ пропитаніи помогали, и на фабрики, и на заводы, и на суда, и въ городахъ и въ уѣздахъ во всякія работы съ начпортами и безъ начпортовъ, безо всякаго штрафа и безъ пожилыхъ денегъ до октября сего года принимали, а далѣе бы того срока отнюдь не держали.

9) Въ томъ во всемъ доброе смотрѣніе и распорядокъ имѣть губернаторамъ и воеводамъ съ штабными офицерами, дабы отъ какого несмотрѣнія не произошло къ государственному вреду и опасности.

10) Сверхъ всего того, состоитъ въ высочайшей Вашего Императорскаго Величества милости, ежели всемилостивѣйше соизволите повелѣть въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ въ хлѣбѣ настоящая нужда есть, взыскапія подушныхъ денегъ до того времени, какъ новый хлѣбъ поспѣеть, удержать и экзекуціи вывезть вонъ, понеже въ такое нужное время крестьяне, у кого хлѣбъ на пропитаніе и на сѣмена и могъ сыскаться, по и послѣдній скотъ и лошадей продаютъ и платятъ только офицерамъ и солдатамъ кормовыя и фуражныя деньги, а настоящая государственная подушная подать остается въ домыкѣ.

11) А чтобъ и въ С.-Петербургѣ цѣна въ хлѣбѣ не возвышалась, къ тому способъ есть такой, что по присланному извѣстію изъ Лифляндіи и Эстляндіи, ежели отнукъ чужестраннаго хлѣба удержать, можно тамошняго хлѣба купить до 50.000

четвертей гораздо здѣшняго дешевле и перевезть сюда на ластовыхъ судахъ, а казнѣ Вашего Императорскаго Величества отъ той покупки убытку не будетъ, ибо хотя тотъ хлѣбъ въ здѣшнихъ магазинахъ могъ бы быть излишній, то можно употребить въ народную продажу, и тѣмъ могутъ деньги въ казну возвратиться.

12) Также при жизни дяди Вашего Императорскаго Величества, императора Петра Великаго, въ такомъ же хлѣбномъ недостаткѣ позволено было въ С.-Петербургѣ привозить изъ чужестранныхъ государствъ хлѣбъ, а именно въ 723 году безошлинно, а въ 724 году съ половиною пошлиной, того ради не соизволить ли нынѣ ваше императорское величество въ томъ всемплодотворительнѣйшее позволеніе учинить, и когда изъ Лифляндіи и Эстляндіи также и чужестранный хлѣбъ привозить позволено будетъ, то российскіе хлѣбные промышленники, увѣдавъ сами не столько сюда изнутри государства хлѣба повезуть и стануть продавать въ народѣ дешевле, а здѣшнее мѣсто помянутымъ привознымъ удовлетворится. И въ томъ у вашего императорскаго величества сенатъ всеподданнѣйше проситъ всемплодотворительнѣйшихъ указовъ.

Вслѣдствіе этого донесенія, 25 апрѣля издавъ былъ указъ, которымъ повелѣно учинить слѣдующее:

1) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ народная въ хлѣбѣ нужда, описать помѣщиковъ излишній хлѣбъ, чей бы онъ ни былъ, которому умеренную цѣну поставить и велѣть продавать тою цѣной, оставя что на собственный ихъ расходъ потребно, тако-жъ и у купцовъ и у хлѣбныхъ промышленниковъ, чтобъ они, скуная, не продавали высокою цѣной наличный ихъ хлѣбъ, кромѣ провіантскихъ и винныхъ подрядчиковъ, потому-жъ описать и въ народъ велѣть продавать, прибавлявая сверхъ истинной ихъ цѣны по 10 коп. на рубль и ту всю продажу чинить безошлинно; 2) гдѣ такія народныя нужды есть и на продажу будетъ недостатокъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть провіантскіе магазины, давать въ народное пропитаніе совершенно немущимъ до новаго хлѣба помѣщикамъ самимъ, или прикащикамъ, съ росписками взаимы безденежно; 3) противъ 1-го пункта сенатскаго представленія, въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ такая нужда требуетъ публиковать нашимъ указами, паче же губернаторамъ и воеводамъ и на штабныхъ дворахъ офицерамъ накрѣпко смотрѣть, чтобъ всѣ помѣщики, по всякой возможности, въ сіе пужное время къ пропитанію и къ лучшему впредь содержанію стараніе имѣли и сѣменаи снабдили, дабы земля праздно не лежала не токмо

готовимъ своимъ тутовинимъ хлѣбомъ, но привозы изъ другихъ хлѣбныхъ мѣстъ и покупая, и съ томъ бы ихъ самихъ, а гдѣ помещиковъ нѣтъ, то прикащиковъ ихъ принуждали; противъ того-жъ поступать и въ нанихъ дворцовыхъ волостяхъ и въ сподальныхъ архіерейскихъ и въ монастырскихъ вотчинахъ, къ которымъ также послать крѣпкіе указы изъ дворцовой канцеляріи и изъ Синода, дабы тѣхъ волостей управители и экономы такое-жъ стараніе и попеченіе имѣли и во всемъ то же, какъ и помещики, непоможеніе имъ чинили; 4) въ тѣ нужныя мѣста изъ прочихъ городовъ, гдѣ хлѣбы довольныя, велѣть на продажу хлѣбъ привозить и продавать безошлнно, дабы для того иѣ-которая въ цѣнѣ убавка быть могла; 5) привозъ хлѣба въ С.-Петербургу, кромѣ подряднаго провіанта и здѣшнихъ жителей для своего пропитанія изъ внутреннихъ городовъ, по разсмотрѣнію сколько возможно удержатъ, а именно изъ Нижняго и прочихъ низовыхъ городовъ и употреблять на продажу въ народъ въ тамошнихъ нужныхъ мѣстахъ по близости безошлнно; 6) для пропитанія хлѣбомъ живущихъ въ Москвѣ и ближнихъ къ оному уѣздамъ и городахъ который хлѣбъ съ Орла повезенъ будетъ ииѣ въ С.-Петербургъ черезъ Нижній на Коломнѣ остановитъ и оборотитъ на Москву, какъ о томъ въ ономъ же представленіи, въ 6-мъ же пунктѣ объявлено и велѣть оныя въ Москвѣ и въ близости продавать безошлнно-жъ; 7) изъ Твери и Ярославля пропустить на продажу въ С.-Петербургъ куческаго хлѣба половину, а другую оставить на тамошнюю народную продажу и продавать тамъ безошлнно; 8) какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, для такого хлѣбнаго недостатку, милостыню давать не запрещать, дабы въ пропитаніи немущимъ вспоможеніе чинили; 9) въ вышенпсанномъ во всемъ доброе смотрѣніе и распорядокъ имѣть губернаторамъ и воеводамъ, со штабными офицерами, и гдѣ есть съ полиціймейстерскими канцеляріями; 10) сверхъ того, въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ въ хлѣбѣ постоянная нужда есть, взыскаіііе подушныхъ денегъ до того времени, какъ новый хлѣбъ поспѣетъ, удержатъ и экзекуціи вывести, только того накрѣико смотрѣть, чтобъ оное учинено было подлинно въ тѣхъ деревняхъ, которыя подлинно въ хлѣбѣ имѣютъ недостатокъ, въ чемъ должны будутъ губернаторы и воеводы и штабныхъ дворовъ офицеры отвѣтъ дать; 11) а чтобъ въ С.-Петербургѣ цѣна въ хлѣбѣ не возвышалась, то купить въ Лифляндіи и Эстляндіи, по представленію сенатскому, до 50.000 четвертей,

или сколько возможно повольною цѣной безъ передачи и перевезть сюда на ластовыхъ судахъ, для отдачи въ магазны, или въ продажу, а отпуску хлѣба внѣ государства не удерживать; 12) поданнымъ же нашимъ эстляндскимъ и лифляндскимъ жителямъ дать позволеніе привозить оттуда въ С.-Петербургъ на продажу хлѣба сколько кто похочетъ, и для уменьшенія въ цѣнѣ, какъ съ отпуску оттуда, такъ и здѣсь съ привозу, пошлины не имать, а всѣ вышеписанныя безошлинные продажи производить до октября мѣсяца нынѣшняго 1734 года, а не далѣе, а сколько гдѣ вышеобъявленной пошлины по сему увольненію взять было надлежало, о томъ во всѣхъ мѣстахъ, безъ взятыя оной, имѣть записку, и для того являть въ таможнякъ и онимъ таможнякъ прилежно смотрѣть, чтобъ оная безошлинная продажа дѣйствительно произведена была въ пользу немущимъ и замедленія для ожиданія высокой цѣны, такожде и другаго какого подлогу отнюдь не чинили, а съ прочаго хлѣба, гдѣ кромѣ такой народной нужды будетъ производиться, также изъ подряднаго во взятыя пошлины поступать по прежнимъ указамъ, а при окончаніи года, для извѣстія, собрать въ сенатъ вѣдомости. ¹

Посмотримъ, какъ эти мѣропріятія были осуществлены на практикѣ. Экспропріацію приказано было произвести въ губерніяхъ Московской и Смоленской, въ провинціяхъ Тверской и Великолудской. Подробныя свѣдѣнія имѣются только относительно послѣдней провинціи. Въ донесеніи изъ канцеляріи Великолудской провинціи (отъ 22 іюня 1734 г.) сказано: По указу правительствующаго сената, велѣно въ Великолудской провинціи, гдѣ учинился хлѣбный недородъ, отчего крестьяне въ пропитаніи своимъ претерпѣвають нужду и многіе бродятъ по міру для прошенія милостыни и подушныхъ денегъ платить не въ состояніи, описать у помѣщиковъ въ дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ всякій хлѣбъ, чей бы онъ ни былъ, изъ котораго, оставя что на собственный ихъ расходъ и на сѣмена потребно, а достальной излишній хлѣбъ, поставя губернаторамъ и воеводамъ обще съ штабъ-офицерами, съ обрѣтающимися у смотрѣнія надъ подушнымъ сборомъ, умѣренную цѣну и велѣть продавать тою востановленною цѣной въ народъ. И по тому ея императорскаго величества указу въ Великолудскій уѣздъ

¹ П. С. З., т. IX, № 6.569.

посланы были дворине для описи онаго хлѣба у помѣщиковъ, въ дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ. точію по ихъ вѣдомостямъ подавшимъ въ канцелярію Великолуцкой провинціи показано, что у великолукскихъ помѣщиковъ въ дворцовыхъ и монастырскихъ вотчинахъ ни у кого излишняго хлѣба не имѣется. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ другихъ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, излишняго хлѣба не имѣлось.

Раздача хлѣба въ ссуду была мѣрой болѣе дѣйствительною, причѣмъ, однако, надо замѣтить, что въ началѣ 1734 года казенные магазины не имѣли хлѣба, полагавшагося по штату, а такъ какъ ихъ прямое назначеніе заключалось въ продовольствованіи арміи, помѣщикамъ и крестьянамъ невозможно было раздать того количества ржи, которое требовалось для ихъ пропитанія. Это видно изъ прилагаемой вѣдомости.

Вѣдомость, коликое число, по присланной въ канцелярію главной дирекціи изъ генеральнаго кригсъ-коммиссаріата генваря 26 дня сего 731 года вѣдомости, въ означенныхъ магазинахъ имѣется наличнаго провіанта, и къ тому опредѣлено заготовить и приготолено и къ тому приготоленному приготоить въ опредѣленное число надлежитъ.

Названіе магази- новъ.	Имѣется на лицо.		Къ наличному въ магазинахъ опредѣлено за- готовить.		Въ то число приготовле- но.		Къ тому въ опредѣлен- ное число приготовить надлежитъ.	
	Муки.	Круш.	Муки.	Круш.	Муки.	Круш.	Муки.	Круш.
	В ъ ч е т в е р т я х ъ .							
Въ Смоленскѣ	7.728	599	12.271	651	12.271	651	»	»
Въ Псковѣ	4.434	290	4.000	250	»	»	4.000	250
Въ Лукахъ Великихъ	4.755	233	4.000	250	»	»	4.000	250
Въ Москвѣ	25.221	2.105	17.093	537	»	»	17.093	537
Въ Брянскѣ	4.627	80	»	44	»	»	»	44
Итого	46.767	3.858	37.364	1.732	12.271	651	25.093	1.081

Раздача хлѣба началась въ маѣ, и дѣло не обошлось безъ злоупотребленій. Въ Москвѣ этимъ дѣломъ завѣдывалъ вице-губернаторъ Вельямновъ, и хотя строжайше было приказано разрѣшать ссуды только бѣднымъ помѣщикамъ, въ дѣйствительности происходило совсѣмъ не то. Изъ московскаго магазина въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (съ 25 мая по 25 сентября) роздано

было всего 5.340 четвертей муки и 63 четверти крупы; изъ этого очень небольшого количества получили по 200 четвертей муки: московскій генераль-губернаторъ Чернышевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ и коммерцъ-коллегии президентъ, баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ, богатѣйшій сановникъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, кабинетъ-министръ, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, графиня Апраксина, 150 четвертей генераль-адъютантъ Волынскій; по 100 четвертей: архимандритъ Воскресенскаго монастыря, Николаевскій Угрѣшскій монастырь, генераль Ягужинскій, 50 четвертей архимандритъ Дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Въ суммѣ это составляетъ 1.300 четвертей, другими словами—четверть всего количества муки была роздана людямъ очень богатымъ; остальные же лица получили мелкія ссуды по 10, 20, 30 четвертей. Правда, сановники брали хлѣбъ не сами, за нимъ приходили ихъ служители и въ вѣдомостяхъ записывалось, что мука отдана въ домъ такого-то на прокормленіе его прислуги; тѣмъ не менѣе, злоупотребленіе было такъ очевидно, что дѣло дошло до сената.

2 декабря 1734 г. сенатъ приказалъ розданный изъ московскаго магазина провіантъ взыскаъ той губерніи вице-губернатору Вельяминову натурой или деньгами въ теченіе двухъ мѣсяцевъ на самихъ помѣщикахъ, а буде въ тотъ срокъ того хлѣба чего взыскаено не будетъ, тотъ доправить на немъ, вице-губернаторѣ, а за то, что онъ Вельяминовъ-Зерновъ тотъ хлѣбъ роздалъ въ противность Ея Императорскому Величеству апрѣля 25 дня сего года указу, за то взять съ него штрафу 500 рублей, буде же раздача тому хлѣбу была по приговорамъ, которые и генераль-губернаторъ обще съ нимъ, Вельяминовымъ, крѣпиль, то и съ него, генераль-губернатора, взять штрафу 500 же рублей, и на тѣ деньги велѣтъ въ московскій магазинъ купить провіанта и до будущаго указа имѣть налицо въ магазинѣ.

14 января 1735 г. Вельяминовъ въ всепокорномъ доношеніи сенату писалъ: „Розданный хлѣбъ взыскивается съ принужденіемъ и собрано его болѣе 2.000 четв., токмо достальной розданный взаимы хлѣбъ собрать трудно; за неплатежъ хлѣба въ губерніи помѣщики, а прочихъ копъ самихъ въ Москвѣ нѣтъ, люди содержатся подъ карауломъ, а хлѣба не платятъ, а иные объявляютъ, что имъ за скудостію и за недородомъ хлѣба платить нечѣмъ. Вышеозначенный положенный на мнѣ штрафъ

взыскивается въ канцелярію конфискаціи¹ съ немалымъ принужденіемъ; того ради правительствующему сенату съ покорностію доношу, что означенный провіантъ розданъ по силѣ объявленныхъ приеланныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, по подаваемымъ разныхъ чиновъ людей доношеніямъ, въ которыхъ они объявили именно: что за недородомъ у нихъ въ потчинахъ хлѣба не имѣется, а крестьяне за немѣніемъ хлѣба въ пропитаніи претерпѣваютъ не малую нужду, а другіе отъ гладу лежатъ при смерти, а иные помираютъ съ голоду, а на пропитаніе ихъ хлѣба купить не на что, чего ради по такимъ доношеніямъ та выдача учинена, опасаясь, чтобы крестьяне не бродили и не помирились съ голоду, а ежели того хлѣба раздачи не было бы произведено, то бы, какъ въ Москвѣ, такъ и въ городахъ нищество умножилось, отчего напашки имѣлъ себѣ не малое опасеніе отъ Ея Императорскаго Величества гнѣва, и о невзысканіи съ меня нижеименованныхъ объявленныхъ штрафныхъ денегъ правительствующаго сената прошу милостиваго разсмотрѣнія.

Къ 7 февраля Вельямпову удалось собрать изъ 5.340 четвертей 5 тысячъ, но штрафъ съ него все-таки взыскивали. Поэтому онъ подалъ въ канцелярію конфискаціи сказку, чтобы тотъ штрафъ ему платить досрочно, но его сказка въ той канцеляріи приговоромъ оставлена (то-есть оставлена безъ послѣдствій) и тотъ штрафъ съ него взыскивался безсрочно, за что описывали у него, вице-губернатора, дворъ и пожитки. Вельямповъ подавалъ въ сенатъ три прошенія, прося сложить съ него штрафъ или, по крайней мѣрѣ, разсрочить его. Сенатъ однако не признавалъ объясненія вице-губернатора справедливымъ и 11 марта вновь подтвердилъ, чтобы штрафъ съ него былъ взысканъ. 13 марта Вельямповъ отправилъ сенату новое всепокорное доношеніе, сообщая, что по 12 марта имъ собрано 119 четвертей, остается недобранымъ только 221 четверть и опять просилъ сложить съ него штрафъ.

11 мая въ Смоленскѣ получили указъ объ экспроприаціи и раздачѣ хлѣба, но такъ какъ при этомъ не было сдѣлано распоряженія, сколько хлѣба можно выдать изъ магазина, смоленская губернская канцелярія 14 мая пишетъ доношеніе

¹ Канцелярія конфискаціи была учреждена въ 1729 г. для завѣдыванія недвижимыми имуществами, выморочными и воступавшими отъ частныхъ лицъ въ казну за недоимки или за политическія преступленія. Этою же канцеляріей взыскивались штрафы съ должностныхъ лицъ.

сенату: „По справкѣ въ смоленскомъ магазинѣ налицо имѣется провіанта: ржи и муки 21.064 четверти 5 четвериковъ, сухарей 1.676 четвертей 7 четвериковъ, овса 918 четвертей 1 четверикъ и сверхъ штату въ излишествѣ: муки 1.064 четверти 5 четвериковъ; и пока, по силѣ онаго Ея Императорскому Величеству указу, хлѣбъ опшется и цѣна ему къ народной продажѣ опредѣлится, между тѣмъ за сближеніемъ нынѣшняго къ сѣву времени, пзъ одного овса на сѣмена немущимъ въ смоленской губернской канцеляріи опредѣлено взаимно до новы роздать 700 четвертей, а когда по опсп хлѣбъ у кого явится и умѣренная цѣна положена будетъ, а на продажу нынѣ по малому числу хотя и привозится, тобмо, за самую скудость, мало покупаютъ, и впредъ за тою скудостью немуществомъ не токмо покупкой хлѣба довольствоваться весьма неблагонадежно, по и подушнымъ платежомъ исправиться нечѣмъ, того ради правительствующій сенатъ не повелитъ ли для пропитанія изъ магазина немущимъ, за самую ихъ бѣдностью и что купить имъ не на чтò, хлѣба взаимно выдать и до колкаго числа четвертей изъ правительствующаго сената ожидаю указа.“

Въ другомъ допошеніи смоленскій губернаторъ писалъ слѣдующее: „Въ Вязьмѣ многіе крестьяне отъ голоду по пачпортамъ и безъ пачпортовъ для прокормленія разошлись въ стѣнныя мѣста, а иные крестьяне съ женами и дѣтьми приходятъ въ тотъ городъ и питаются милостыней, изъ которыхъ многіе жъ крестьяне на улицахъ, поднося къ обывательскимъ дворамъ у воротъ въ ночное время дѣтей своихъ, младенцевъ своихъ покидаютъ безъ объявленія, а обыватели ихъ въ воеводской канцеляріи объявляютъ и держать безъ указу не смѣютъ, и оны затѣмъ волочась по улицамъ съ голоду и за немѣніемъ одеждъ отъ стужи умираютъ, отъ чего опасно, дабы отъ того нестерпимаго голоду въ нынѣшнее время и лѣтомъ какаго злаго поврежденія не учинилось.“

Только 6 іюня сенаторы, принимая во вниманіе, что за великимъ недородомъ хлѣба помѣщики людей и крестьянъ своихъ пропитать не могутъ, приказали: для такой крайней нужды въ городѣ Вязьмѣ милостыню давать не запрещать и для прокормленія немущихъ пропитанія тамошнихъ жителей, хотя бы у которыхъ и пачпортовъ не было, въ дома пускать и подкдышей принимать до сентября мѣсяца 1734 года, а буде тѣхъ людей, которые взяты будутъ для прокормленія безъ пачпортовъ и

подкидышей помѣщики станутъ просить на то время о зажилыхъ деньгахъ и по тѣмъ ихъ прошеніямъ тѣхъ пожилыхъ денегъ не править, для того, что ония отъ нихъ будутъ въ такое нужное время пропиты. Въ Смоленскѣ изъ имѣющагося въ магазинѣ провіанта совершенно немущимъ пропитанія, по силѣ указа, на пропитаніе давать займы съ роспискамъ, только притомъ смотрѣть накрѣпко, дабы оныхъ губерній гарнизоннымъ и прочимъ полкамъ, обрѣтающимся въ тѣхъ губерніяхъ и командированнымъ, что надлежитъ того провіанта быть въ дачѣ, до собранія съ поля новаго хлѣба оставлено было съ удовольствомъ. Понеже въ Вязмѣ запасныхъ магазиновъ не имѣется, того ради въ томъ городѣ воеводамъ купить шнѣ хлѣба изъ наличныхъ денегъ, какія бы не были жъ, до 1.000 рублей настоящими пѣнами безъ передачи и раздавать займы немѣющимъ пропитанія съ росписками, а самимъ немущимъ, которые бродятъ, давать хлѣбъ съ запиской.

Изъ этого видно, что выдано было нѣкоторое количество сѣмянъ, но выдано довольно поздно, когда яровія поля уже должны были быть засеяны, и притомъ голоднымъ крестьянамъ. До іюня Смоленской губерніи не было оказано никакой правительственной помощи и мужикамъ предоставлено было на выборъ или бѣжать за рубежъ, или умирать голодною смертію у себя дома.

Относительно Тверской губерніи сенатъ 2 мая сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе. Посадскіе люди Тверичи договорились поставить въ с.-петербургское адмиралтейство муки 12.000 четвертей, а такъ какъ она оказалась для адмиралтейства не крайне нужной, велѣно подрядчикамъ тотъ провіантъ поставить въ Тверь и деньги заплатить имъ изъ штатсъ-конторы ¹ и изъ того хлѣба давать немущимъ до новаго хлѣба помѣщикамъ или прикащикамъ ихъ съ росписками займы безденежно. 30 мая тверская провинціальная канцелярія доноситъ сенату, что „провіантъ поставить подрядился Тверичи, посадскіе люди Семенъ да Иванъ Янковскіе муки по 1.000, Матвѣя Арефьева прикащикъ Иванъ Аонасеевъ шнѣ Пироговъ 4.000, Иванъ Волочашиновъ 2.000, Емельянъ Морозовъ 1.000, Адрианъ Монинъ 1.000, итого 10.000 четвертей, крупъ по пренорціи на сроки въ іюль,

¹ Штатсъ-контора учреждена въ 1718 г. съ назначеніемъ составлять сметы расходовъ по каждому ведомству и присутственному мѣсту и наблюдать за расходомъ казенныхъ суммъ во всѣхъ учрежденіяхъ.

августѣ, сентябрѣ, въ октябрѣ мѣсяцахъ сего 734 года. Алексѣй Янковскій въ постановкѣ провіанта на 2.000 четвертей, контракту по себѣ не собралъ затѣмъ, что въ С.-Петербургѣ въ адмиралтействѣ прикащикъ его толкое число провіанта ставить подрядился, а онъ, Алексѣй Янковскій, въ тверской провинціальной канцеляріи договорился: ежели тамо подрядъ ему не состоится, то по тверскому договору ставить станеть, а ежели тамъ состоится, оттого бѣ въ Твери быть ему свободно, о чемъ и въ сенатъ мнувшаго марта 26 числа и въ Москву, въ контору рапортовано. А нынѣ изъ оныхъ подрядчиковъ сказкамъ показали: Семень Волочаниновъ, что сына его подрядное число провіанта 2.000 четвертей и крупъ по пропорціи отпущено водянымъ путемъ въ С.-Петербургъ до получения вышеявленнаго указа, а именно мнувшаго апрѣля 20 числа, а по справкѣ съ тверскою таможеней такого отпуску въ запискѣ не явилось. Семень Янковскій, Матвѣй Арефьевъ, Емельянъ Морозовъ, Адрианъ Мошинъ, что у нихъ нынѣ того провіанта въ Твери нѣтъ ничего для того, что, по силѣ контрактовъ своихъ, тотъ хлѣбъ послали закупать въ низовыхъ городахъ и поставкой его справляться имѣли намѣреніе въ назначенные въ контрактахъ сроки, и не только де въ нынѣшнемъ маѣ, но и въ будущемъ іюнѣ мѣсяцахъ, тому хлѣбу въ Тверь привезену быть не надѣются. Подрядчика жъ Ивана Янковского жена Акулина Козмина доношеніемъ своимъ объявила, что мужъ ея на сей веснѣ умре, и за такимъ случаемъ подряднаго числа провіанта 1.000 четвертей отправлять ей невозможно и не съ кѣмъ и чтобъ ей быть отъ того свободною. А по осмотру отъ тверской провинціальной канцеляріи и отъ штабнаго двора штабъ- и оберъ офицеровъ явилось у вышеявленныхъ подрядчиковъ нынѣ налицнаго провіанта въ амбарахъ, а именно у Ем. Морозова ржи 50 четвертей, а по справкѣ съ тверскою таможеней тотъ хлѣбъ у него купленъ по 1 р. 70 к. и на ту цѣну должно ему по силѣ указа дать прибыли по гривнѣ, и съ тѣмъ тотъ хлѣбъ будетъ цѣной по 1 р. 87 к. за четверть; у Ивана Волочанинова муки ржаной 237 четвертей по 1 р. 50 к. четверть, прибыли по гривнѣ на рубль, итого будетъ по 1 р. 65 к. четверть, Адриана Мошина ржи 531 четверть по 1 р. 60 к., а съ прибыльнымъ будетъ по 1 р. 76 к. четверть; и по опредѣленіи тверской провинціальной канцеляріи и штабъ- и оберъ- офицеровъ явившейся у подрядчиковъ палочный хлѣбъ взять и раздается взаимно до

новаго хлѣба требующимъ, совершенно преимущественно по малому числу со взятіемъ объ уплатѣ его въ указанное время подлежащихъ подписокъ для того, что самые немущіе хлѣба Тверской провинціи городовъ, уѣздные обыватели уѣздовъ, многое число человекъ просятъ отъ Тверской провинціальной канцеляріи и отъ штабнаго двора неотступно, а въ дачу имъ производить не только въ семь маѣ, но и въ будущемъ іюнѣ мѣсяцѣ по показаніямъ подрядчиковъ, кромѣ вышеявленнаго числа, нечего. И того ради, у нѣкоторыхъ земледѣловъ къ засѣву ярымъ хлѣбомъ земли въ приготовленіи, точію оной засѣвать чѣмъ не имѣють. А по справкѣ съ таможенными записками нынѣ въ Твери ржаной хлѣбъ продается цѣнами, а именно по 21 и 22 к. четверикъ. И за сущимъ въ Тверской провинціи всякаго числа людей отъ недорода хлѣбовъ оскудѣишемъ, купить онаго не на что, скотъ многій померъ, а остальной тако жъ всякое крестьянское платьишко и крестьянскую приличную къ земледѣльству сбрую распродали и скотину съ голоду поѣли и въ такую крайнюю нужду пришли, что ѣсть нечего и работать безъ хлѣба не за чѣмъ и за безлошадствомъ не на чѣмъ.“

Получивъ это доношеніе сенатъ дѣлаеть распоряженіе: тверскихъ подрядчиковъ принуждать и на нихъ взыскивать, чтобы по подрядамъ своимъ хлѣбъ 10.000 четвертей поставили въ Тверь въ самой скорости, несмотря ни на какія ихъ отговорки, понеже тотъ хлѣбъ велѣно имъ поставить въ Тверь, а не въ С.-Петербургѣ, чему уже самое время той поставки приспѣло. Кромѣ того, въ Твери у прочихъ купцовъ купить муки до 2.000 четвертей и раздавать немущимъ пропитанія. 24 іюня тверская провинціальная канцелярія доноситъ сенату, что подрядчики принуждаются, держатся подъ карауломъ неослабно, что они отдали еще 970 четвертей рж. а купить удалось 1.981 четверть на сумму 2.853 рубля. 3 іюля канцелярія пишетъ вновь: „Провіантскіе подрядчики къ поставкѣ хлѣба принуждаются и за то держатся подъ карауломъ неослабно и нынѣ у нихъ у всѣхъ подрядчиковъ въ пріемъ хлѣба меньше 2.000 четвертей и тотъ и покупиной 2.000 четвертей немущимъ производится въ раздачу сего іюля по 3 число, а отъ того числа раздача немущимъ хлѣба остановилась затѣмъ, что подрядчики и изъ держанія ихъ подъ карауломъ въ отдачу провіанта ничего не объявляютъ и именно показываютъ, что подлинно у нихъ хлѣба въ Твери нѣтъ ни у кого ничего, а изъ пизовыхъ городовъ еще въ Тверь привезенъ не будетъ впредь еще

черезъ 2 недѣли, а у нѣкоторыхъ и болѣе. А немущіе хлѣба нынѣ просятъ многое число челобѣтъ, которымъ для подлиннаго ихъ въ хлѣбѣ немущества до новаго хлѣба раздавать, хотя по самому малому числу, надобно еще въ раздачу до 3.000 четвертей и болѣе, а подрядчики объявляютъ, что де у нихъ хлѣбъ купленъ въ низовыхъ городахъ недешевыми цѣнами, который съ начетами въ Тверь обойтись можетъ многимъ дороже той цѣны, какою нынѣ по указу изъ сената въ Твери отъ тверской провинціальной канцеляріи повольно купленъ.⁴

Послѣ 3 іюля подрядчики могли поставить еще 1.000 четвертей, да изъ тверскаго магазина, оставивъ тамъ 100 четвертей, сочли возможнымъ выдать 400 четвертей съ 3 по 12 іюля. Немущимъ, по словамъ тверской канцеляріи, хлѣбъ въ раздачу производился малымъ числомъ, такъ чтобъ они могли пропитаться до новаго урожая хоть не чистымъ хлѣбомъ, но примѣшавъ какого невѣянаго или яроваго.

Изъ сказаннаго видно, что вмѣсто предполагавшихся 12 тысячъ четвертей въ Твери удалось раздать всего 4 тысячи. Въ Великолуцкой провинціи изъ магазиновъ роздано подъ росписки разныхъ чиновъ людямъ муки 360 четвертей, ржи 6 четвертей и на сѣмена: жита 138 четвертей, овса 434 четверти.

Мы видѣли, что для Петербурга рѣшено было закупить хлѣбъ въ Прибалтійскомъ краѣ, чтобы хлѣбъ, шедшій обыкновенно въ столицу изъ внутреннихъ губерній, могъ быть употребленъ на мѣстныя нужды. Это основательное мѣропріятіе удалось осуществить только на половину, то-есть хлѣбъ закупили, но не нашли средствъ доставить его въ столицу. 30 апрѣля сенатъ велѣлъ лифляндскому генераль-директору экономіи Фелькерсаму закупить до 25.000 четвертей ржи и заплатить за нее изъ мѣстныхъ сборовъ, ежели же здѣшнихъ сборовъ на такую покупку неостанетъ, не умѣшкавъ въ сенатъ доносить, сколько денегъ недостааетъ, чтобъ изъ С.-Петербурга тѣ деньги заблаговременно сюда присланы или переведены быть могли. Въ началѣ мая Фелькерсамъ доносилъ сенату, что онъ всякое стараніе приложилъ пріобрѣсти рожь подешевле, но не берутъ меньше 24 ефимковъ албертовыхъ¹ за каждую ласту или 15 четвертей, нѣтъ другаго способа закупить въ здѣшнихъ мѣстахъ такое множество ржи, какъ

¹ Ефимками называли у насъ серебряные талеры. Албертовъ талеръ или ефимокъ считался равнымъ рублю.

обратившись къ мѣщанамъ хлѣбомъ торгующимъ, которые имѣютъ въ своихъ амбарахъ большіе запасы, тѣмъ болѣе, что въ теперешнее время года изъ деревень привоза не бываетъ,—особливо когда по уѣздамъ, за нуждой и довольствованіемъ мужиковъ, хлѣбъ едва не дороже городского. Но публикаціямъ о покупке необходимаго числа провіанта въ казну никто изъ деревенскихъ жителей не явился съ продажною рожью; того ради по тонкомъ разеужденіи и торгу съ здѣшними мѣщанами и кунцами, нынѣ еще сіе выграждено и договорено, что имъ ту рожь по 24 ефимка албертовыхъ за каждую ласту или за 15 четвертей на своемъ кошѣ за мѣру и провозъ до кораблей безъ всякихъ проторей коронныхъ отдать и поставить понеже за мѣру, возку и къ тому потребныя мѣшки и работниковъ, безъ чего на корабли, которые изъ С.-Петербурга для принятія посланы быть имѣютъ, отдана рожь быть не можетъ, на каждую ласту пришло и обошлось бы коронѣ близъ ефимка, кромѣ найма амбаровъ. Заплатить за кулешную рожь кунцамъ обѣщено. На такихъ условіяхъ заключены подряды на поставки 1.505 ластовъ или 22.575 четвертей, а недостающія 2.425 четвертей, Фелькерсамъ надѣялся достать на такихъ же условіяхъ. На покупку 25.000 четвертей или 1.666²/₃ ласты ржи (по 24 ефимка за ластъ) требовалось 46.000 ефимковъ албертовыхъ, а въ мѣстной кассѣ имѣлось только 13 или 14 тысячъ, но Фелькерсамъ надѣялся, что къ концу іюня соберется остальная сумма. Такимъ образомъ, можно было безъ затрудненій доставить въ Петербургъ 25 тысячъ четвертей ржи по той же приблизительно цѣнѣ, по какой она покупалась во внутреннихъ губерніяхъ.

Ревельскому губернатору фонъ-Левену приказано было закупить 30 тысячъ четвертей ржи. 6 мая губернаторъ доноситъ сенату:

„Сего мая 3 дня получилъ я указъ изъ правительствующаго сената и по силѣ онаго указа опредѣлить я тотчасъ купить для высокой короны чрезъ здѣшнихъ присяжныхъ маклеровъ хлѣба, сколько сыскать возможно, чрезъ которыхъ и куплено уже до 327 ластовъ (4.905 четвертей), именно 36 ластовъ по 25 ефимковъ, да 291 ластъ по 30 ефимковъ ластъ, понеже ниже той цѣны купить не сыскалося и впредь сколько сыщется куплено будетъ, чтобъ указное число до 30.000 четвертей набралось. Точію имѣется въ ревельской рентереѣ (казначействѣ) въ остаткѣ денегъ налицо 7 684 рубля, изъ котораго по опредѣленію статсъ-конторы,

велѣно выслать въ С.-Петербургъ 6.000 рублей и затѣмъ останется только 1.684, а сверхъ того имѣется здѣсь провіантская сумма, состоящая подъ вѣдѣніемъ генерала крѣпостс-коммиссаріата 4.375 рублей, которые употреблены потому жъ заобразно на заплату за вышеозначенный купленный хлѣбъ, а достальный взятъ на кредитъ, чтобы время не упустить и цѣна не подвысилася бы. Того ради дабы отъ высокопрравительствующаго сената высокымъ указомъ опредѣлено было прислать или перевезти сюда въ Ревель на оную покупку до 48.000 рублей безостановочно, чтобы, за неимѣніемъ денегъ, въ покупкѣ остановка, и въ цѣнѣ повышеніе не состоялось, понеже за хлѣбомъ пришли сюда разные чужестранные корабли, отчего цѣна конечно повысится, такожде оной купленной хлѣбъ лежатъ у здѣшнихъ мѣщанъ и купцовъ въ партикулярныхъ ихъ домахъ и амбарахъ и въ томъ отъ пожара и отъ прочихъ внезапныхъ припадковъ не безъ опасности: того бы для опредѣлено было для перевозу того хлѣба прислать сюда ластовыя суда безъ унущенія времени. А между тѣмъ объявлено здѣшнему мѣщанству по всемплощпвѣйшему его императорскаго величества указу, что имъ позволено отвозить отсюда въ С.-Петербургъ на продажу хлѣба, сколько кто похочетъ, безъ взятія, какъ съ отпуску здѣсь, такъ и тамъ съ привозу пошлины до октября 1734 года.“

Чтобы прислать суда надо было ихъ имѣть, а потому сенатъ запросилъ адмиралтейскую коллегію, сколько свободныхъ ластовыхъ судовъ имѣется въ Петербургѣ, Кронштадтѣ, Лифляндіи и Эстляндіи, и сколько на нихъ можно перевезти хлѣба. На это коллегія отвѣтила:

„Нынѣ адмиралтейскихъ ластовыхъ судовъ палцо свободныхъ ничего не имѣется, понеже пзъ оныхъ по именному его императорскаго величества указу наряжены большей препорціи для транспорту подъ артиллерію, а другіе употребляются къ удовольствію въ нынѣшнюю кампанію флота для перевозу отсюда пзъ Ревеля тамоняго заготовленія провіантовъ и прочихъ нужнѣйшихъ припасовъ, и сверхъ того отправляются съ нѣкоторыми припасы къ Архангелогородскому порту и въ другія нужнѣйшія послыки, и затѣмъ оныхъ судовъ къ перевозу пзъ Лифляндіи и Эстляндіи хлѣба свободныхъ ни единого быть не можетъ, понеже и при адмиралтействѣ въ тѣхъ ластовыхъ судахъ, за взятіемъ оныхъ подъ артиллерію нынѣ имѣется немалый недостатокъ и затѣмъ для необходимой нужды взято у купцовъ нѣсколько

судовъ за доплату денегъ, которыя съ адмиралтейскими въ Кронштадтъ и отправляются, а въ Лифляндіи и Эстляндіи адмиралтейскихъ ластовыхъ судовъ никакихъ не имѣется.“

Получивъ эти свѣдѣнія, сенатъ приказываетъ ревельскому губернатору: хлѣбъ въ той губерніи покупать на наличныя въ той губерніи деньги и которыя въ приходъ вступитъ по показаннымъ въ томъ доиошеніи цѣнамъ, ежели меньше сыскать не можно, а выше 30 ефимковъ ласта тако жъ и въ кредитъ, кромѣ наличныхъ денегъ, не покупать и для того изъ той губерніи изъ наличныхъ денегъ 6.000 рублей, кои по указу изъ штатсъ-конторы велѣно прислать въ С.-Петербургъ, нынѣ не высылать, а употребить на ту покунку. Кромѣ того, прислать въ сенатъ вѣдомость съ первою почтой, можно ли въ Ревелѣ для перевозу того хлѣба въ Петербургъ сыскать ластовыя суда и по чему провозу съ ласта возьмутъ и до колкаго числа ластовъ на тѣхъ судахъ перевезть можно, понеже въ доиошеніи изъ адмиралтейской коллегіи написано, что при адмиралтействѣ свободныхъ нынѣ ластовыхъ судовъ нѣтъ, также ревельскіе мѣщане по объявленному имъ его императорскаго величества указу въ С.-Петербургъ хлѣбъ на продажу безношленно перевезутъ ли и до какой суммы того хлѣба надѣяться можно, а отпуску хлѣба виѣ государства не удерживать.

Фонъ-Левенъ отвѣтилъ 16 мая: куплено здѣсь на всѣ наличныя деньги, въ томъ числѣ сколько было здѣшнихъ губернскихъ доходовъ, тако жъ провіантскихъ денегъ, состоящихъ подъ вѣдѣніемъ генерала крингсъ-коммиссаріата, 620 ластовъ (9.300 четвертей), за которые заплачено денегъ болѣе 14.500 рублей и на оную покунку уже всѣ наличныя деньги въ расходѣ, того ради и покупать болѣе не можно, пока деньги въ приходѣ или отъ правительствующаго сената присланы будутъ, понеже на кредитъ покупать не велѣно. А для перевозу того хлѣба въ С.-Петербургъ ластовыхъ судовъ здѣсь тако жъ сыскать не можно, кромѣ что одинъ шкиперъ объявилъ одно судно, въ которое можетъ погрузиться только до 70 ластовъ, а провозу требуетъ оный шкиперъ съ ласта по 5 рублей и о томъ также впрелъ ежели существуютъ ластовыя суда, о заключеніи съ ними торгу и объ отпускѣ на тѣхъ судахъ хлѣба ожидаю изъ высокоправительствующаго сената указу въ немедленномъ времени. А чтобъ здѣшніе жители повезли въ С.-Петербургъ хлѣбъ на продажу отъ себя на свой счетъ, въ томъ надежды никакой имѣть не можно; а

ежели повелѣно будетъ купить здѣсь еще хлѣба, то потребно прислать сюда еще деньги безъ упущенія времени, пока цѣна не повысится и чтобы можно было сыскать по 30 ефимковъ ластъ, понеже въ Голландію и въ прочія мѣста отвозится отсюда немалое число хлѣба и на сіе дабы стъ правительствующаго сената указомъ опредѣлено было.

Черезъ недѣлю ревельскій губернаторъ пишетъ: „Высокоправительствующему сенату репортуя чрезъ сіе съ покорностію, что къ прежнему 620 ластамъ ржи куплено еще 400 ластовъ по 24 руб. ластъ и того куплено послѣ присланнаго изъ правительствующаго сената указу по нижеписанное число 1.020 ластовъ или 14.688 четвертей; также послѣ послѣдняго моего рапорту явились здѣсь англійскихъ и голландскихъ шкиперовъ нѣсколько человекъ, которые желаютъ везти рожь на своихъ судахъ въ С.-Петербургъ и надѣются, что они возьмутъ провозу съ ластва по 4 руб., но понеже о томъ подлиннаго указа не имѣется, того ради тщался оныхъ шкиперовъ по всякой возможности задержать по тѣхъ поръ, какъ объ отвозѣ той ржи изъ правительствующаго сената прийдетъ повелительный указъ, ибо оная купленная рожь лежитъ у разныхъ партикулярныхъ людей на страхъ коронный и въ томъ имѣется многая опасность, какъ отъ пожара, такъ и отъ другихъ случаевъ и потому ожидаю объ отвозѣ той ржи указу въ немедленномъ времени.“

Военная коллегія осталась недовольна распоряженіемъ сената, что видно изъ слѣдующаго доношенія:

„По воинскому штату положено въ Ревель содержать запаснаго провіанта муки 50.000, крупъ 3.125 четвертей; а въ нынѣшнемъ 1734 году марта 30 дня по приказу присутствующаго въ кабинетѣ господина министра велѣно въ ономъ магазинѣ провіанту заготовить сверхъ штата 10 тысячъ четвертей.

„А по репорту кригсъ-коммиссаріата показано въ Ревелѣ къ апрѣлю мѣсяцу провіанта налицо муки 32.370 четвертей, крупъ 3.013 четвертей; противъ штата меньше муки 17.630, крупъ 118 четвертей. И по посланному изъ коммиссаріата указу велѣно ревельскому губернатору тотъ провіантъ заготовить. И какъ въ Ревель корабельный ходъ начался и пришли голландскіе, любскіе, шведскіе и прочіе корабли, которые нагружаются будутъ рожью, отчего повысилась цѣна и еще болѣе повысится; отъ того ежели до тѣхъ поръ, какъ магазинъ удовольствуется, о вывозѣ въ чужіе края хлѣба запрещено не будетъ, и чтобы за море

не отпущать, пока магазинъ не пополнитъ бюджетъ, подано отъ комиссаріата въ правительствующій сенатъ доношеніе, а отъ военной коллегіи требовано указа оной провіантъ за повыше-ніемъ цѣны приготовить.

„Того ради правительствующему сенату военная коллегія объявляетъ свое мнѣніе, что купленный ревельскимъ губернаторомъ провіантъ (620 ластовъ) надлежитъ сложить въ тамошній запасный магазинъ, а больше того за повыше-ніемъ цѣны, и чтобъ заморскаго отпуску не удерживать, въ тамошній магазинъ провіанта нѣтъ мнѣнія не для чего закупать, понеже по числу обрѣтающихся въ Ревель полковъ довольно будетъ и готоваго провіанта. Что же по штату въ добавку надлежитъ, то можно купить будущую осенью, какъ поспѣетъ новый хлѣбъ, дешевле нынѣшней цѣны.“

Не знаемъ, согласенъ ли сенатъ съ мнѣніемъ военной коллегіи; знаемъ только, что вывозъ хлѣба не былъ запрещенъ и требуемое количество закуплено въ Ревель. 10 іюня фонтъ-Левенъ доносилъ сенату:

„Понеже высокоправительствующему сенату репортовалъ я разнократно съ покорностью, а послѣдній разъ мая 30 дня сего года, что определенное число хлѣба 30.000 четвертей куплено и приторговано здѣсь сполна, и притомъ же просилъ, дабы для отвозу онаго хлѣба присланы были ластовыя суда въ немедленномъ времени, понеже тотъ хлѣбъ лежитъ у партикулярныхъ людей и то не безъ страху отъ пожара и другихъ припадковъ, ибо за нѣсколько дней случился здѣсь въ городѣ пожаръ и сгорѣли четыре двора, того ради доношу о томъ чрезъ сіе пакы и прошу опредѣлить меня высокимъ указомъ, чтобы мнѣ въ отвѣтъ не остаться; при семъ же доношу и послѣ того явился здѣсь нѣкоторые шкиперы, желающіе оный хлѣбъ отвезти въ С.-Петербургъ, требуя провозу съ ластва по 4 рубля, точію безъ указа не могъ я съ ними въ томъ договориться, но былъ принужденъ имъ отказать и они пошли уже со своими кораблями съ баластомъ.“

30 тысячъ четвертей ржи обошлись безъ перевозки въ 51.005 рублей, и деньги были заплачены изъ мѣстныхъ доходовъ, но перевезти хлѣбъ не удалось за немнѣніемъ судовъ. Изъ закупленныхъ въ Ригѣ и Ревель 55 тысячъ четвертей въ февралѣ слѣдующаго 1735 года оставалось на мѣстахъ 46.465 четвертей, слѣдовательно перевезены были въ Петербургъ только 8.535 четвертей. Такимъ образомъ, эстляндскій хлѣбъ не сослужилъ той

службы, какой отъ него ождали, то-есть не способствовали пониженію цѣнъ.

По именному указу 25 апрѣля велѣно было отсрочить подушныя крѣпостнымъ и монастырскимъ крестьянамъ, но о дворцовыхъ забыли. Поэтому дворцовая канцелярія доносила сенатской конторѣ, что „о дворцовыхъ доходахъ съ волостей и съ сель пострадавшихъ губерній въ означенномъ указѣ не изображено, а тѣхъ губерній и провинцій изъ дворцовыхъ волостей и сель управители доносятъ, а крестьяне прошеніями требуютъ о дачѣ имъ за скудостію и за хлѣбнымъ недородомъ и за бѣглымъ и умершимъ, въ платежѣ дворцовыхъ денежныхъ допмочныхъ и по окладу на нынѣшній 1734 г. доходовъ сроку до новаго хлѣба“. Нижегородской губерніи, Балахонскаго уѣзда, изъ Толоконцовской волости управитель Ахматовъ писалъ въ дворцовую канцелярію: по указу дворцовой канцеляріи велѣно про обиходъ Ея Императорскаго Величества собрать провіанту мукъ ржаной 371 четверть одинъ четверикъ (половину оклада), а другую половину деньгами, овса 749 четвертей два четверика и отправить въ С.-Петербургъ водянымъ путемъ на подрядныхъ судахъ и того хлѣба имѣется за наличнымъ къ отпуску въ допмкѣ 63 четверти четыре четверика, овса 130 четвертей, который хлѣбъ той волости съ крестьянъ взыскиванъ съ великимъ правеемъ, токмо оного противъ окладу, также и денежныхъ доходовъ за всеконечною крестьянскою скудостію и за хлѣбнымъ прошлаго 1733 года недородомъ, никомъ мѣрамъ доправить невозможно. Толоконцовской волости крестьяне пшцу имѣютъ самую скудную, толкутъ дуранду, сѣмя льняное, что называется пзбоина, и мѣшаютъ съ гречевою чешуей, а которые лучше крестьяне, тѣ мѣшаютъ дуранду жъ съ овсяною мукой и съ толчною мякной, и многіе изъ тѣхъ крестьянъ отъ того пухнутъ и помраютъ, такожъ и скоть весь безъ остатку выпалъ, а какимъ хлѣбомъ нынѣ крестьяне пшцу себѣ имѣютъ, тому хлѣбу прислана проба. Съ дворцовыхъ крестьянъ взыскивали не только дворцовый сборъ, но и подушныя, собрать которыя представлялось возможнымъ только разоривъ окончательно крестьянъ. Въ маѣ обрѣтающійся въ нижегородской провинціи у смотрѣнія надъ подушнымъ сборомъ майоръ Григоровъ доносилъ въ военную коллегію: дворцовыхъ волостей управители, а именно толоконцовской капитанъ Ахматовъ, заусольской капитанъ Мартаховъ, друковской и керженской Чашниковъ, въ доношеніяхъ пишутъ, что подушныя

девыи на прошлые и на нынѣшній годъ по принужденію посланы и тѣхъ волостей съ крестьянства правятся безъ всякаго послабленія, точію въ указныя времена тѣхъ денегъ доправить невозможно, ибо крестьянство, за хлѣбнымъ недородомъ, нищу имѣють скудную, а друковской и керженской волостей крестьяне съ тою же избойною мѣшаютъ толченую дубовую кору и съ гнилымъ дубомъ, да съ орѣшнику берутъ цвѣтъ и сушатъ, толкутъ и мѣшаютъ въ овсяную муку и многіе отъ того пухнутъ и помирають и скотъ помираеть же. Правительствующаго сената членъ графъ С. А. Салтыковъ съ товарищи¹ 30 мая приговорили: въ С.-Петербургъ въ правительствующій сенатъ сообщить вѣдѣніе и притомъ съ присланнаго хлѣба пробу и съ приложеннаго при доношеніи изъ дворцовой канцеляріи экстракта для разсмотрѣнія конію и требовать общаго правительствующаго сената опредѣленія: соблаговолить ли сенатъ вышенисаныхъ Нижегородской губерніи дворцовыхъ четырехъ волостей въ селахъ и деревняхъ, въ которыхъ, по свидѣтельству вице-губернатора и штабъ-офицеровъ, явится, конечно, въ хлѣбѣ недостатокъ, сборъ подушныхъ денегъ до поваго хлѣба удержать и экзекуцію вывести, такожь въ Московской и Смоленской губерніи и тверской и великолукской провинціи городовъ въ дворцовыхъ волостяхъ и селахъ и деревняхъ, въ которыхъ уже сборъ подушныхъ денегъ удержанъ, будетъ дворцовые доходы сборомъ удерживать и ежели впредь и изъ другихъ губерніи и провинцій, о такомъ же въ крестьянствѣ хлѣбномъ недостаточествѣ и сборѣ подушныхъ денегъ невозможностяхъ письменно будутъ предлагать, съ такимъ что повелѣно будетъ чинить, а по разсужденію правительствующаго сената конторы означенныхъ четырехъ волостей въ селахъ и деревняхъ, въ которыхъ ежели явится въ хлѣбѣ недостатокъ, сборъ подушныхъ денегъ до поваго хлѣба удержать надлежитъ и экзекуцію вывести; такожь въ тѣхъ же изъ Московской и Смоленской губерніи, а тверской и великолукской провинцій городовъ въ дворцовыхъ волостяхъ и въ селахъ и въ деревняхъ, въ которыхъ уже сборъ подушныхъ денегъ удержанъ, дворцовые доходы сборомъ удержать и впредь, ежели такіе-жъ въ народѣ въ хлѣбѣ недостатки и у сбора подушныхъ денегъ будутъ,

¹ Салтыковъ былъ сенаторомъ, засѣдавшимъ въ московской сенатской конторѣ, постановленія конторы пишутся отъ имени Салтыкова съ товарищи.

то, по силѣ вышеписаннаго Ея Императорскаго Величества указу, удерживать до того времени, какъ новый хлѣбъ поспѣетъ и экзекуціи сводитъ надлежитъ только подлинно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, конечно, въ хлѣбѣ недостатокъ имѣютъ, о чемъ должны будутъ губернаторы и воеводы и штабныхъ дворовъ офицеры отвѣтъ дать, понеже тотъ Ея Императорскаго Величества указъ слѣдуетъ въ пользу всего крестьянства, которые подлинно отъ хлѣбнаго недорода въ такую нищету пришли; о чемъ правительствующаго сената и въ вѣдѣніи объявлено, что съ того Ея Императорскаго Величества указу правительствующаго сената указовъ посылать (кромѣ Московской и Смоленской губерній и тверской и великолудской провинцій) въ другія провинціи не велѣно, для того что въ тѣхъ мѣстахъ хлѣбная скудость есть ли, о томъ въ сенатѣ неизвѣстно, и какое о томъ правительствующаго сената опредѣленіе учинено будетъ, о томъ бы въ сенатскую контору сообщено было вѣдѣніе; а пока о томъ въ правительствующемъ сенатѣ опредѣленіе учинено будетъ, дабы между тѣмъ отъ такого хлѣбнаго недостатка крестьянство не понесло крайней невозможности и отъ безхлѣбныи не помирали и достальные во всеконечное разореніе не пришли, велѣтъ въ вышеписанныхъ Нижегородской губерніи, дворцовыхъ волостяхъ у крестьянства въ хлѣбѣ недостатокъ немедленно освидѣтельствовать тамошнему воеводѣ и губернатору обще съ штабными офицерами и ежели подлинно явится въ тѣхъ волостяхъ въ пропитаніи народномъ нужда, то по силѣ Ея Императорскаго Высочества указа, за тѣми невозможностями, взысканію подушныхъ денегъ до того времени, какъ новый хлѣбъ поспѣетъ, удержать и экзекуцію выводить только въ тѣхъ волостяхъ и селахъ и деревняхъ, гдѣ подлинно въ хлѣбѣ недостатокъ имѣютъ, въ чемъ должны будутъ вице-губернаторъ и воеводы и штабныхъ дворовъ офицеры отвѣтъ дать. Управителей тѣхъ волостей, по силѣ онаго же Ея Императорскаго Величества указу, принуждать, дабы они во всякой возможности къ пропитанію въ сіе нужное время крестьянъ къ лучшему впередъ содержанію стараніе имѣли и сѣменами снабдили, дабы земля не лежала праздно, чего за ними и дворцовой канцеляріи смотрѣть съ привлеченіемъ. Что же та канцелярія въ доношеніи своемъ объявила о дачѣ сроку въ сборѣ дворцовыхъ доходовъ означенныхъ губерній, въ дворцовыхъ волостяхъ и селахъ и деревняхъ, въ означенномъ указѣ не изображено, а правители и крестьяне

требуютъ о томъ указу, представляя невозможности; того ради для показанныхъ на ономъ доношеніи невозможностей какъ вышеписанныхъ губерній и провинцій и городовъ въ дворцовыхъ волостяхъ и селахъ и деревняхъ, въ которыхъ взысканіе подушныхъ денегъ уже удержано, такъ и Нижегородской губерніи четырехъ волостяхъ въ селахъ и деревняхъ, въ которыхъ сборъ подушныхъ денегъ удержанъ будетъ, взысканіе дворцовыхъ доходовъ до того жь сроку по представленію той дворцовой канцеляріи удержатъ же. Даже въ Московскомъ уѣздѣ съ дворцовыхъ крестьянъ, несмотря на голодь, взыскивали всякія подати. Управитель Прокофьевъ, напримѣръ, сообщилъ, что находящіеся въ его вѣдѣніи крестьяне платить не могутъ, понеже отъ платежа подушныхъ денегъ, которыя чрезъ великій и нетерпимый праведъ заплатили въ послѣднихъ числахъ декабря (1733 г.) и разорились безъ остатку, и многіе крестьяне, покинувъ свои дворники, разбрелись врознь, а оставшіеся многіе крестьяне отъ хлѣбнаго недороду помирають голодною смертію; также и на сей 1734 г. взыскиваютъ на первую половину подушныя деньги, которыя къ сроку заплатить имъ невозможно, хотя онъ, Прокофьевъ, держитъ старость въ приказной избѣ скованными подъ карауломъ. Дворцовые крестьяне другой волости того же Московскаго уѣзда подали въ сенатскую контору прошеніе: „править съ нихъ управитель Мещерниковъ подушныя деньги и дворцовые доходы, а пмъ за хлѣбнымъ недородомъ взять педѣ; многіе крестьяне разбрелись по міру, а которые остались крестьяне и тѣ помирають голодною смертію, продать и заложить нечего, все оскудѣли безъ остатку: да съ нихъ же править дворцовыя оброчныя дрова, а ихъ взять педѣ и вывезти не на чѣмъ.“

Староста одного дворцоваго села Ржевскаго уѣзда жаловался: управитель взыскиваетъ недоимки за прошлый 1733 годъ и оброчныя деньги на нынѣшній годъ, и оный управитель оныя деньги править нестерпимымъ праведомъ, не взирая ни на какія ихъ отговорки, а нынѣ волею Божіею уже третій годъ хлѣба не родилось, и оттого хлѣбнаго недороду за скудостію и пустотою денегъ платитъ имъ педѣмъ и взять педѣ и продать нечего, и многіе крестьяне отъ нестерпимаго праведя и скудости, кинувъ свои домники, скитаются и кормятся Христовымъ пменемъ.

Въ іюні сенатъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы съ дворцовыхъ крестьянъ не требовали никакихъ платежей до новаго урожая.

Правительственныя мѣры принимаются очень поздно, хлѣбъ

раздается въ ссуду въ совершенно недостаточномъ количествѣ; населеніе пострадавшихъ губерній борется съ голодною смертію собственными средствами, съ одной стороны замѣняетъ муку частью малопитательными, частью вредными суррогатами, съ другой стороны, крестьяне уходятъ изъ деревень въ города просить Христовымъ именемъ. Отсюда два послѣдствія: сильно развѣвшееся нищенство и страшныя болѣзни.

Сенаторы узнавъ, что въ Москвѣ умножились пришлые бродящіе нищія, запросили частнымъ образомъ Салтыкова о причинѣ этого явленія и иѣтъ ли въ народѣ къ пропитанію какой скудости. Салтыковъ отвѣтилъ:

„По письму отъ вашихъ сіятельствъ и высокопревосходительствъ, въ Москвѣ чрезъ оберъ-полицмейстера секретно навѣдуюсь и о тѣхъ нищихъ отъ него, оберъ-полицмейстера, подана вѣдомость и притомъ сколько ихъ и которыхъ уѣздовъ въ Москвѣ числомъ обрѣтается опись, которая учинена секретно также, и посланные отъ меня для того же навѣдыванія Вятскаго полку оберъ-офицеры капитанъ Иванъ Норовлевъ изъ Володимира, поручикъ Прохоръ Мякшевъ изъ Сернухова, прапорщикъ Александръ Заборовской съ Вышняго Волочка въ Москву возвратились и что по означеннымъ дорогамъ обыватели о недостаточности народной къ пропитанію показали они секретно и подали при доношеніяхъ своихъ рукъ записки, да изъ камеръ-коллегии, изъ генеральнаго крѣгсъ-коммиссаріата и изъ Московской губерніи о невозможности въ сборѣ подушныхъ и таможенныхъ кабацкихъ и канцелярскихъ доходовъ за разными же случаями собранныхъ вѣдомости, изъ которыхъ въ сенатской конторѣ учиненъ экстрактъ и кунно съ выписанными подлинными вѣдомостями до вашихъ сіятельствъ и вашихъ превосходительствъ посылаю при семъ съ нарочнымъ курьеромъ и при томъ представляю, хотя такое число пришлыхъ изъ крестьянства нищеты 7.129 человекъ въ Москвѣ въ полицмейстерской вѣдомости и показано, токмо утвердиться на томъ полнѣнно невозможно, ибо оное описаніе учинено секретно и чрезъ то познать аккуратно не возможно, а повидимому, время отъ времени оныхъ всегда прибываетъ, а не убываетъ.“

Вѣдомость, колпкое число въ Москвѣ пришлыхъ бродящихъ нищихъ имѣется и которыхъ уѣздовъ:

Московского—2.299, Дмитровскаго—1.041, Звенигородскаго—208, Волоколамскаго—229, Кашинскаго—775, Клинскаго—517,

Рузскаго—141, Оболенскаго—14, Тверскаго—250, Серпуховскаго—16, Городецкаго, Бѣжецкаго—259, Переяславль-Залѣскаго—131, Вяземскаго—363, Вологодскаго—193, Ростовскаго—58, Коломенскаго—143, Можайскаго—5, Пошехонскаго—19, Тульскаго—5, Боровскаго—53, Углицкаго—14, Ярославскаго—13, Владимірскаго—205, Старицкаго—37, Рыльскаго—21, Ржевскаго—3, Зубцовскаго—2, Симбирскаго—2, Повоторжекаго—5, Галицкаго—46, Лихвинскаго—5, Суздальскаго—4, Юрьевскаго—2, Костромскаго—4 и Рязанскаго—2, всего 7.129.

О нищенствѣ въ Москвѣ сохранилось еще слѣдующее вѣдѣніе, посланное изъ московской сенатской канторы въ правительствующій сенатъ:

„Хотя по указамъ ея императорскаго величества и по должности полиціймейстерской канцеляріи вѣлно отъ той канцеляріи смотрѣть, дабы нищихъ, бродящихъ для прошенія милостыни, отнюдь не было, а понеже сего марта 29 дня она я полиція правительствующаго сената канторѣ представила доношеніемъ, что отъ той канцеляріи нынѣ видно приходищихъ изъ деревень въ Москву крестьянъ, какъ мужеска, такъ и женска полу весьма умножилось и въ полицію въ приводѣ пмѣется и допросы изъ нихъ показываютъ, что они якобы милостыни не просятъ: а сего 1734 году генваря съ 10 числа по репортамъ изъ полицейскихъ командъ явилось въ разныхъ мѣстахъ мертвыхъ тѣлъ 25 чело-вѣкъ, о которыхъ показано, что оныя померли отъ гладу и отъ нищенства, а понеже де нынѣ наступаетъ вѣшній воздухъ, и чтобъ отъ таковыхъ отъ чего, Боже сохрани, не умножилось въ Москвѣ какихъ тяжкихъ болѣзней, того ради та канцелярія правительствующаго сената канторѣ представляла, хотя де полиція непрестанное смотрѣніе и исполненіе по силѣ указовъ о нищихъ и имѣеть, однако-жъ бродящихъ крестьянъ и ихъ женъ и дѣтей нынѣ въ Москвѣ весьма умножается и что съ таковыми чинить требовали указа. Того ради, правительствующаго сената членъ графъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ съ товарищами въ такомъ нужномъ дѣлѣ для общей пользы опредѣлили: собрать всѣхъ, обрѣтающихся въ Москвѣ, изъ коллегій, канцелярій, канторъ и изъ коммисій президентовъ и членовъ и по собраніи, довольно разсуждая, постановили слѣдующее: понеже умноженіе такихъ нищихъ произошло большее число изъ крестьянъ, пришедшихъ въ Москву изъ разныхъ уѣздовъ отъ недороду хлѣбнаго, къ тому-жъ въ нынѣшнее время въ деревняхъ пашен-

ныхъ и прочихъ работъ еще по послѣдней мѣрѣ до мая мѣсяца быть не можетъ, а ежели оныхъ пришлыхъ нищихъ, по слѣдъ должности полиціймейстерской, изъ Москвы выслать и впредь въ Москву не впускать, а понеже между такимъ множественнымъ народомъ, гдѣ подаваніе милостыни, хотя и подѣ запрещеніемъ, однако же для бѣдности ихъ и хлѣбнаго недостатка происходить, явилось, по свидѣтельству медицинской конторы, что оныя помраютъ голодомъ, то напротивъ, вышедъ изъ Москвы, ослабя безъ пищи, придетъ въ послѣднее истощаніе, будутъ въ нынѣшнее холодное время въ полѣ помирать напрасно, напротивъ же того, ежели оныхъ нищихъ не выслать и впредь въ Москву входить допускать, а теплый воздухъ наступитъ, то за умноженіемъ отъ умирающихъ голодомъ въ здоровѣ пребывающему въ Москвѣ народу какой бы опасной вреду не воспослѣдовало. Также не безызвѣстно, что и по уѣздамъ отъ хлѣбнаго-жъ недостатка изъ крестьянства нищета умножилась и, оставляя жилища свои, бродятъ съ женами и со всеми своими дѣтьми, и съ сосущими младенцами. Того ради на такой нужный случай согласно разсудили: 1) нищихъ изъ Москвы, для представленныхъ резоновъ до начатія въ деревняхъ работной поры, а именно мая до 10 числа сего 1734 года, покаместъ холодной воздухъ обрѣтается, выслать не велѣть, а велѣть тѣхъ пришлыхъ чьи они, самимъ помѣщикамъ и синодальнаго вѣдомства, кому оныя поручены, также дворцовымъ и монастырскимъ управителямъ, и прочимъ владѣльцамъ, а буде самихъ помѣщиковъ нѣтъ, то кому ихъ дома приказаны, помянутое время по крайней своей возможности кормить, и у кого загородные дворы, велѣть ихъ держать на тѣхъ своихъ загородныхъ дворахъ и въ разныхъ свободныхъ мѣстахъ, а не въ тѣснотѣ. 2) Также, которые изъ таковыхъ людей и крестьянъ отъ самой своей бѣдности пришли въ Москву, какъ мужеска, такъ и женска полу, оныхъ дабы отъ голоду не помрали, означеннаго-жъ мая до 1 числа позволяется на фабрикахъ, мануфактурахъ и во всякихъ работахъ, и въ домахъ, и въ ямскихъ слободахъ держать, и на двора пускать, чьмъ бы не были, хотя и безъ найму, съ начпортами и безъ начпортовъ, только давать всевозможное пропитаніе и за то время по вышепоказанное мая 1 число сего года никакихъ пожилыхъ денегъ и штрафовъ за пріемъ и за держаніе на нихъ не взыскивать, и въ вину не ставить. 3) А понеже о неподаяніи нищимъ милостыни запрещеніе учинено для того, дабы здоровые люди,

милостыни ради удались отъ работъ, не шатались, подаване милостыни на помянутое время не только запрещать, но и позволять. 4) А изъ ратуши призвать бургомистра съ товарищами и приказать, чтобы купечество, у кого съѣстные и хлѣбные припасы въ продажѣ бывають, цѣну продажнаго хлѣба, для лишняго прибытка своего, не возвышали, о чемъ и полиціймейстерской канцеляріи по инструкціи своей смотрѣть накрѣпко, и о томъ о всемъ въ полиціймейстерскую канцелярію послать указъ. 5) А понеже, хотя для показанной нужды такое позволеніе и учинилось, ибо оное времени не тернить, однакожь въ правительствующій сенатъ послать съ нарочнымъ курьеромъ вѣдѣніе и требовать правительствующаго сената опредѣленія, соизволено ли будетъ на томъ основаніи до вышенаказаннаго времени оное оставить, и правительствующій сенатъ да благоволитъ учинить о томъ по ея императорскому величеству указу, а въ московскую полиціймейстерскую канцелярію указъ посланъ.“

Въ Твери было также скопленіе нищихъ, по тутъ полиціймейстеръ, руководствуясь общими законами, запрещавшими нищенство счелъ нужнымъ бить кошками не только нищихъ, но и купцовъ, итавниихъ голодныхъ. Сенату пришлось приказать тверескому воеводѣ объявить полиціймейстеру, чтобъ онъ милостыню давать не запрещалъ, а ежели оный полиціймейстеръ впредь такъ чинить станетъ, то ему, воеводѣ, въ томъ ему воспрещать и до того отнюдь не допускать.

О распространившихся въ разныхъ губерніяхъ болѣзняхъ правительство узнало изъ частныхъ свѣдѣній. 4 апрѣля изъ С.-Петербурга дѣйствительный тайный совѣтникъ кабинетъ-министръ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій къ графу Семену Андреевичу Салтыкову письмомъ объявилъ: изъ Нижегородской де его вотчины села Панина крестьяне между прочимъ къ нему писали, въ нынѣшнемъ де 1734 году въ томъ селѣ и во всѣхъ приселкахъ и деревняхъ во многихъ домахъ крестьяне мужеска и женска полу все лежать въ болѣзни и во многіе дома и входить невозможно, отъ которой болѣзни марта по 16 число померло мужеска и женска полу съ 360 человекъ и нынѣ непрестанно мрутъ на день человекъ по 10 и больше; и для того предлагалъ онъ, Черкасскій, не соизволено ли будетъ изъ сенатской конторы послать, кого надлежитъ и съ нимъ лѣкаря для осмотра, подлинно ли такъ и какая то болѣзнь, и ежели, наче чаянія, явится опасная, учинить надлежащую предосторожность. 11 апрѣля по

опредѣленію сенатской конторы, въ оный Нижегородскій уѣздъ посланъ полковникъ Мерзлюкинъ, да съ нимъ лѣкарь Зуръ, которымъ велѣно въ селѣ Панинѣ, приселкахъ и деревняхъ болѣзнь осмотрѣть и развѣдать, подлинно ли толикое число, какъ выше помянуто, померло и на всякій день умирають, и отчего, и какими болѣзнями; а ежели-жъ, по осмотрамъ ихъ, чего Боже сохрани, явится опасная болѣзнь, то учинить предосторожность, а какую, о томъ писано и велѣно содержать ему въ секретѣ.

А мая 20 дня въ сенатскую контору отъ полковника доношеніемъ объявлено, въ ономъ де селѣ Панинѣ и въ 38 приселкахъ и деревняхъ по свидѣтельству ихъ опасной болѣзни не явилось, а болѣзнь у многихъ горячка и лихорадка съ ломотою, а сколько въ нынѣшнемъ году генваря съ 1 мая по 8 число тою болѣзнію померло, и что по осмотру ихъ явилось больныхъ, притомъ сообщены вѣдомости, а въ нихъ показано: померло большихъ, среднихъ и малыхъ.

	Отъ 6 до 10 лѣтъ.	Отъ 10 до 20 л.	Отъ 20 до 40 л.	Отъ 40 до 60 л.	Отъ 60 до 90 л.	Отъ 1 до 6 л.	Итого.
Мужескаго полу.	11	20	40	39	11	98	219
Женскаго „	16	20	76	39	9	68	228
Всего . . .	27	40	116	78	20	166	447

А на поданныхъ де реестрахъ священники подписались, показанное де число мужеска и женска пола какими болѣзнями помирали, о томъ знать они не могли, а лежали недѣли по двѣ и по три, и больше, и меньше, а повидимому такими же, какъ и нынѣ другіе лежатъ, горячкой и лихорадкой, и прочими натуральными болѣзнями.

Въ томъ же селѣ Панинѣ съ приселками и съ деревнями, въ которыхъ числилось 3.927 душъ, имѣлось больныхъ горячкой и лихорадкой и пр. болѣзнями мужеска пола—376, женска—361, всего—737.

10 мая явился въ сенатскую контору дѣйствительнаго статскаго совѣтника Маслова (вѣроятно оберъ-прокурора сената) человекъ Семень Латышевъ и доношеніемъ объявилъ, въ Клинской де показаннаго господина его вотчинѣ, селѣ Селинскомъ съ деревнями, между крестьянами явилось много больныхъ, которыхъ де по отпискамъ отъ старостъ и выборныхъ показано, что оны болятъ горячкой и отъ того померло немалое число, а понеже де старосты и выборные въ той вотчинѣ суть крестьяне и

подлинно о больныхъ знать не могутъ, требовать, чтобъ въ господина его вотчину для осмотра той болѣзни послать кого надлежитъ и при немъ лѣкаря.

Того-жъ числа, по опредѣленію сенатской конторы, въ Клинскій уѣздъ посланъ капитанъ Поровлевъ, да съ нимъ лѣкарь Федоръ Карновъ и велѣно имъ въ ономъ селѣ и въ принадлежащихъ къ нему деревняхъ болѣзнь осмотрѣть и въ сенатскую контору репортовать, а между тѣмъ о всемъ обстоятельно развѣдать, сколько въ томъ селѣ и деревняхъ въ нынѣшнемъ году людей померло и на всякій день помирало и какими болѣзнями, и если по осмотру ихъ явится опасная болѣзнь, то учинить надлежащую предосторожность.

А того-жъ мая 18 дня въ сенатскую контору отъ означеннаго капитана Поровлева доношеніемъ означено: въ ономъ де селѣ и деревняхъ, по свидѣтельству ихъ, опасной болѣзни не явилось, а болѣзнь имѣется горячка и поносъ, а сколько въ нынѣшнемъ году съ марта мѣсяца мая по 16 число померло и нынѣ болять, тому приложенъ репортъ, въ которомъ объявлено:

	Померло.			Больныхъ.		
	Мужч.	Женщ.	Всего.	Мужч.	Женщ.	Всего.
Села Селинскаго.....	7	5	12	10	8	18
Чершутна.....	18	20	38	11	8	19
Рѣдчина.....	4	4	8	6	9	15
Кононова.....	11	16	27	7	5	12
Нованина.....	17	18	35	13	14	27
Шуманова.....	12	12	24	9	12	21

А изъ показанныхъ де больныхъ имъ объявили, что пропитаніе они имѣютъ весьма скудное, а у которыхъ хлѣбъ имѣется, и тотъ къ болѣзни ихъ весьма неспособенъ, отчего въ здоровье свое прийти не могутъ, а тѣ де больные лежатъ недѣли по четыре, по три и по двѣ, и нѣкоторые изъ нихъ въ здоровье пришли.

Велѣдствіе печальныхъ вѣстей, доходившихъ до сенаторовъ изъ ихъ вотчинъ, сенатъ послалъ въ сенатскую контору въ Москву вѣдѣніе слѣдующаго содержанія:

„Ея императорскому величеству извѣстно учинилось, что въ Москвѣ и около Москвы въ городахъ умножились разныя болѣзни, отъ которыхъ люди помираютъ, а потому развѣдавъ подлинно, въ сенатъ прислать вѣдомость съ нарочнымъ курьеромъ, какія

именно въ Москвѣ и около Москвы болѣзни умножаются и отчего именно и нѣтъ ли великаго отъ той болѣзни людямъ упадку, и ежели оное есть, то въ потребномъ случаѣ имѣть всякую предосторожность, чтобъ больше тѣ болѣзни не умножались, и что чиниться учнетъ, въ правительствующій сенатъ сообщать по вся почты; а въ города московской провинціи о томъ же послать указы изъ сенатской конторы, изъ которыхъ, что чиниться будетъ, репортовать въ сенатскую контору по вся недѣли, а изъ сенатской конторы тѣ репорты присылать въ сенатъ на почтахъ: буде же тѣ болѣзни умножаются отъ хлѣбной въ народѣ скудости, въ томъ поступать по сообщеннымъ изъ сената въ сенатскую контору ея императорскаго величества указамъ.“

14 іюня, по опредѣленію сенатской конторы, въ московскую полицмейстерскую канцелярію посланъ указъ, велѣно той канцеляріи въ Москвѣ, развѣдавъ подлинно, какія въ народѣ умножились болѣзни и отчего именно и нѣтъ ли отъ той болѣзни великаго людямъ упадка и какое мертвымъ тѣламъ отъ докторовъ свидѣтельство было и нынѣ есть, подать правительствующаго сената въ контору при доношеніи вѣдомость въ самомъ скоромъ времени; а впредь той канцеляріи о свидѣствованіи и о предосторожностяхъ въ Москвѣ, болѣзней чтобъ больше не умножалось велѣно чинить по вышеписанному ея императорскаго величества указу и по всей инструкціи непременно, и что чиниться будетъ, о томъ правительствующаго сената въ контору подавать репорты по вся недѣли; а буде, что явится опасность, то того-жъ времени, не откладывая до другаго дня, а въ Московскую губернію посланъ указъ же, велѣно той губерніи московской провинціи ¹ въ городахъ и уѣздахъ въ народѣ о болѣзняхъ и нѣтъ ли отъ того людямъ упадка развѣдавъ подлинно во всемъ противъ вышеписаннаго потому-жъ правительствующаго сената въ контору подать вѣдомость въ самой скорости и для того развѣдыванія послать нарочныхъ съ крѣпкою предосторожностью, и что учинено будетъ, въ правительствующій сенатъ репортовать, не дожидаясь другихъ посланныхъ, и, если тѣ болѣзни умножаются отъ хлѣбной въ народѣ скудости, въ томъ Московской губерніи и полицмейстерской канцеляріи поступать по состоявшимся ея императорскаго величества указамъ

¹ Губерніи, какъ извѣстно, дѣлились на провинціи, провинціи на дистрикты или уѣзды.

неотмѣнно: а въ города московской провинціи изъ сенатской же конторы посланы указы съ парочными, велѣно въ тѣхъ городахъ восводамъ учинить о томъ такое-жъ свидѣтельство и предосторожность и о томъ, что впредь чиниться будетъ, репортовать въ сенатскую контору по вся недѣли. А что до сего въ сенатской конторѣ въ поданныхъ изъ полицмейстерской канцеляріи и отъ посланныхъ изъ сенатской конторы для осмотра болѣзней въ Нижегородскую губернію отъ полковника Мерзлюкина, въ Клинской уѣздъ отъ капитана Поровлева показано учиня экстрактъ сообщить въ сенатъ при вѣдѣніи съ парочнымъ курьеромъ и оный содержать въ секретѣ; а нынѣ московская полиція подала сенатской конторѣ вѣдомость, какія въ Москвѣ съ 1 генваря по 17 іюня были болѣзни и сколько мертвыхъ тѣлъ и какія свидѣтельства медицинской конторы лѣкарями были, и при томъ объявлено, что по поданнымъ въ полицію отъ офицеровъ вѣдомостямъ показано въ Москвѣ опасности къ народному уядку не имѣется.

Вѣдомость, kolikoе число въ нынѣшнемъ 1734 г. генваря съ 1 сего іюня по 15 число имѣлось въ обывательскихъ домахъ больныхъ и какими болѣзнями, такожъ kolikoе число мертвыхъ тѣлъ было, и отчего померли, а больные какими болѣзнями были.

Въ *генварь* мертвыхъ тѣлъ 9, мужескаго пола 5, женскаго 4, по осмотру медицинской конторы лѣкаря Ягана Зура явились, померли отъ нищенства и отъ глада.

Въ *февраль* мертвыхъ тѣлъ 13 человекъ, мужескаго полу 10, женскаго 3. померли, по осмотру того же врача, отъ нищенства и гладу.

Въ *мартъ* мертвыхъ тѣлъ 36, мужскаго 21, женскаго 15, умерли отъ нищенства и гладу.

Въ *апрѣль* больныхъ 71 человекъ, по осмотру Зура и Григорія Сумашова, болѣзни явились отъ нищенства и мизирства; мертвыхъ тѣлъ 102 человекъ, мужчинъ 66, женщинъ 36, померли отъ нищенства и гладу.

Въ *май* мертвыхъ тѣлъ 37, мужчинъ 24, женщинъ 13, умерли отъ нищенства и мизирства.

Въ *іюнь* мертвыхъ 7, мужчинъ 4, изъ нихъ одинъ удавился, женщинъ 4. умерли отъ натуральныхъ своихъ болѣзней и отъ нищеты, а опасныхъ извъ не явилось.

Всего больныхъ 71, мертвыхъ 204 человекъ.

А по свѣдѣнїю указа правительствующаго сената изъ конторы Юлія съ 15 по 18 число по вѣдомостямъ изъ полицейскихъ командъ, лежащихъ въ болѣзняхъ разныхъ чиновъ людей, показано:

Во сколькохъ домахъ.		Мужскаго пола.	Женскаго пола.
7	Лихорадкой.....	12	5
21	Горячкой.....	21	15
1	Водяной.....	2	—
3	Чахоткой.....	2	1
1	Ножною.....	1	—
1	Опухолью.....	1	—
Всего....		60 человекъ.	

Кромѣ того, были посланы нарочные курьеры ко всѣмъ воеводамъ и имъ приказано сообщить точныя свѣдѣнія о распространившихся болѣзняхъ и о причинахъ этого бѣдствія. Воеводы прислали требуемыя свѣдѣнія, но старались скрыть истинныя размѣры голода; они считали возможнымъ игнорировать голодъ и болѣзни, когда въ ихъ канцелярію не поступало оффиціальныхъ жалобъ. Въ Клинскомъ уѣздѣ несомнѣнно свирѣпствовали голодный тифъ, между тѣмъ изъ Клина въ сенатскую контору доносили: Въ нынѣшнемъ году въ гор. Клину и въ Клинскомъ уѣздѣ въ помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ и синодальныхъ командахъ и всякихъ чиновъ людей въ разныхъ селахъ и деревняхъ объ умноженіи въ народѣ разныхъ болѣзней, отъ чего люди помираютъ, отъ народа никогда произношеній не было, также и отъ болѣзней людямъ великаго уадаку нѣтъ, а произносилось отъ народа, что въ городѣ Клину и въ уѣздѣ люди не во многихъ мѣстахъ помирали, и то не безвременно надлежащую смертію, а чтобъ въ народѣ отъ хлѣбнаго недороду великія болѣзни умножились и оттого бы людямъ былъ большой уадокъ, того какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ году отъ народа произношеній не было, а отъ хлѣбнаго недороду были произношенія, что разныхъ вотчинъ крестьяне въ нынѣшнемъ году бродили по міру довольное число, однакожь чтобъ отъ глада былъ великій уадокъ людямъ ничего того подлинно напередъ сего ни отъ кого прошеній и доношеній и извѣтовъ въ клинскую канцелярію не было и нѣтъ.

Вотъ другія оффиціальныя свѣдѣнія, полученныя сенатскою конторой. Изъ Волоколамска: Въ томъ городѣ умножительной

болѣзни не имѣется, а хотя въ нѣкоторыхъ немногихъ домахъ люди скорбятъ, токмо въ нынѣшнее время горячкой, а другіе разночинцы: посадскіе люди и прежнихъ служебъ солдаты изнемогаютъ въ сіе нужное время, и отъ хлѣбной скудости, понеже кормить ихъ некому, а магазиновъ въ томъ городѣ не имѣется, и опаснаго хлѣба, который велѣно немущимъ займа давать, нѣтъ, и отъ той болѣзни большого уядка людямъ нѣтъ.

Изъ Боровска: Въ городѣ нынѣ больныхъ, горячкой 245, лихорадкой 33, чахоткой 65, всего 343 человека, да умершихъ отъ такихъ же болѣзней съ марта мѣсяца сего года 80 душъ, а объ увѣданныхъ больныхъ и умершихъ нынѣ за немѣнѣемъ извѣстія и за скорымъ отвѣтомъ показать невозможно; опасной болѣзни въ городѣ Боровскѣ и въ уѣздѣ не является.

Изъ Каширы: Въ городѣ и уѣздѣ, въ монастыряхъ, въ селахъ и деревняхъ въ народѣ умножающихся разныхъ болѣзней и великаго отъ болѣзни людямъ уядка не имѣется и опасности нѣтъ, токмо де по секретномъ развѣдываніи отъ разныхъ помѣщиковъ и отъ старостъ и отъ просящихъ милостыню видно и слышно, что имѣется въ Каширскомъ уѣздѣ въ народѣ болѣзнь отъ голоду за немѣнѣемъ хлѣба, которые не имѣютъ пропитанія себѣ, ѣдятъ нарешую траву, а именно: щавель, сныть, борщъ, пушпыря, перемѣшавая по самому малому числу муки и отрубей, а другіе и безъ примѣси ѣдятъ и отъ того имѣется людямъ болѣзнь и то самое малое число, а опасныхъ болѣзней въ Каширѣ и въ Каширскомъ уѣздѣ не видно и не слышно, а по присланному изъ Московской губерніи указу въ Каширскомъ уѣздѣ опасному хлѣбу для продажи въ народѣ цѣна поставлена, рожь: четверть по 1 р. 10 коп., овесъ по 70 коп., а въ гор. Каширѣ магазина не имѣется, а Каширскаго уѣзда обыватели помѣщики и крестьяне, которые имѣютъ въ хлѣбѣ нужду, говорятъ не токмо по оной поставленной цѣнѣ купить, но хотя-бъ де была рожь четверть по 50 коп., то и по той цѣнѣ купить имъ нечѣмъ, для того, что многіе сами мелкіе помѣщики и люди ихъ и крестьяне пришли въ всеконечную скудость, а чтобъ де давать изъ опаснаго хлѣба немущимъ людемъ до новаго хлѣба въ займы, того въ присланномъ изъ Московской губерніи указѣ не изображено. А въ дальнихъ де мѣста въ Каширскомъ уѣздѣ для развѣдыванія болѣзней посланы нарочные подъячіе, которымъ велѣно о томъ развѣдывать и записывать секретно.

Да нарочно посланный Яковъ Баскаковъ объявилъ, въ ономъ

де городѣ Ямской слободы староста Григорій Еремѣевъ сказалъ: велѣно де рожь продавать указными цѣнами, а у нихъ де продають рожь по 1 р. 80 к. четверть и отъ того видпмая болѣзнь и отъ голоду разбрелсь и помирають.

Да разныхъ вотчинъ крестьяне 3 человекъ показали, что у нихъ де имѣется голодь великїй, а упадку людемъ и опасныхъ болѣзней нѣтъ.

Да Каширскаго уѣзду Троицы Сергіева монастыря деревни Патрѣева крестьянка Авдотья Матвѣева сказала, что много больныхъ и мрутъ отъ того, понеже голодь великїй, а власти хлѣба не дають.

Изъ *Дмитрова*: Въ городѣ Дмитровѣ отъ болѣзней хранимо, а есть кто горячкою временно и поболить, токмо отъ той болѣзни свободжаются и отъ смерти хранимо и упадку нѣтъ и язвъ смертельныхъ не имѣется, также и въ Дмитровскомъ уѣздѣ не слышно же. А посланный изъ губернской канцеляріи копіистъ Максимъ Автомоновъ объявилъ: обыватели городскіе и уѣздные ни о какихъ болѣзняхъ ему не объявили.

Изъ *Серпухова*: Въ городѣ и въ уѣздѣ большихъ болѣзней и упадку народа не имѣется, такожъ у народа хлѣбная нужда хотя и есть, только отъ глада народу упадка нѣтъ, а имѣется въ болѣзняхъ самое малое число, которое Божиимъ посѣщеніемъ и прежде сего по вся годы бывали.

А посланный губернской канцеляріи копіистъ Иванъ Петровъ объявилъ: по тракту отъ Москвы до Серпухова и обратно, крестьяне сказывали, что большихъ болѣзней и упадку народу нѣтъ, такожъ въ народѣ нужда хотя и есть, но упадку народу нѣтъ, а имѣется болѣзней самое малое число, которые и прежде бывали.

Изъ *Звенигорода*: Болѣзней и упадка народу нѣтъ, въ хлѣбѣ народу не безъ скудости.

Изъ *Рузы*: Въ городѣ умножающихся отъ хлѣбной скудости болѣзней нынѣ не имѣется.

А посланный въ Звенигородъ и Рузу капралъ Кондратій Филиповъ объявилъ: по тракту отъ Звенигорода и обратно крестьяне сказали, что большихъ болѣзней и упадку народа не имѣется, такожъ хлѣбная нужда въ народѣ хотя и есть, токмо упадку народу отъ глада большаго не имѣется же.

Изъ *Вереи*: Въ народѣ умножающихся болѣзней и отъ нихъ большаго упадка народу не имѣется.

А посланный въ тотъ городъ копіистъ Яковъ Матвѣевъ

объявилъ: по тракту отъ Москвы до Верей и обратно въ селахъ и деревняхъ, по развѣдыванію его, болѣзней нигдѣ не явилось.

Изъ *Коломны*: Въ городѣ и уѣздѣ опасныхъ болѣзней не имѣется. Да посланный изъ губернской канцеляріи подканцеляристъ Иванъ Араксинъ объявилъ: по развѣдыванію его по селамъ и деревнямъ болѣзней не явилось же.

Изъ *Ярославца Малого*: Въ ономъ городѣ болѣзней во умноженіи не имѣется; да посланный изъ губерніи подъячій Степанъ Савцовъ объявилъ: по развѣдыванію его въ селахъ и деревняхъ болѣзней нигдѣ не явилось же.

Изъ *Можайска*: Въ ономъ городѣ всякаго чина люди, которые лежатъ въ болѣзняхъ, свидѣтельствованы, а по свидѣтельству оныя болящіе сказками объявляютъ, что они лежатъ въ болѣзни отъ хлѣбной скудости, такожь что они отъ той скудости питаются травой, мохомъ и гнилою колодой, отъ чего ноги и животъ ухнутъ и въ головѣ бываетъ ломъ великій, отчего и умираютъ, а другихъ опасныхъ болѣзней никакихъ не имѣется.

Да посланный въ тотъ городъ капитанъ Василій Толченевъ объявилъ, по набзду де его по тракту до Можайска, уѣздные обыватели разныхъ вотчинъ крестьяне десять человѣкъ сказали, что у нихъ болѣзнуютъ пухотой и ломомъ.

Всего недѣйствительнѣе оказалось на практикѣ приказаніе помѣщикамъ кормить своихъ крестьянъ. Мелкопомѣстнымъ дворянамъ самимъ кормиться было нечѣмъ, потому что весь урожай обыкновенно пропался въ тотъ же годъ. Богатые же помѣщики мало заботились о своихъ крѣпостныхъ, предоставляя имъ питаться лебедой и ходить по міру особенно зимой, когда полевыхъ работъ не бываетъ и рабочія руки въ деревняхъ нужны въ ничтожномъ количествѣ. Когда лица, командированныя сенатскою конторой, разслѣдовали голодъ въ Московской губерніи, крестьяне Петровскаго монастыря Московскаго уѣзда и Высокаго монастыря Серпуховскаго уѣзда показали: Въ прошломъ году хлѣба у нихъ родилось мало и скотина отъ безкормицы повалилась, а монастырскаго хлѣба хотя въ житницахъ и много, токмо имъ и взаимы не даютъ, въ пропитаніи имѣютъ великую нужду.

На основаніи напечатаннаго мной архивнаго матеріала нельзя не прийти къ заключенію, что правительственныя мѣропріятія 1734 г. не спасла и населенія отъ голодной смерти.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. Безобразовъ.

НОВАЯ САНДРИЛЬОНА.

Р о м а н ъ.

(Изъ современныхъ французскихъ нравовъ.)

VI.

Уроженецъ Нормандіи Этьенъ Карадоль въ тридцатыхъ годахъ отправился попытать счастье во Французскихъ колоніяхъ Антильскихъ острововъ. Сначала ему повезло, и онъ сдѣлался скоро собственникомъ кофейныхъ плантацій на Гваделупѣ, но затѣмъ разорился сразу отъ необдуманнаго торговаго предпріятія.

Не зная, что дѣлать и куда дѣваться, онъ, скрѣпя сердце, ради обезпеченнаго существованія, рѣшился жениться на богатой туземкѣ, кровной негряткѣ, и вдобавокъ внучкѣ аборигена, то-есть Карамба.

Невольничество и рабовладѣльчество, уничтоженныя въ колоніяхъ еще во времена Директоріи, давали возможность чернымъ имѣть поземельную собственность наравнѣ съ бѣлыми, и молодая Эльзира, будучи единственною дочерью негра-плантатора, была богатою невѣстой.

Карадоль не былъ однако счастливъ со своею черною подругой жизни. Эльзира оказалась крайне ограниченою женщиной, отчасти злою, до-нельзя упрямою и вдобавокъ невѣроятно вспыльчивою. По отношенію къ бѣлому мужу, котораго Эльзира стала обожать и которому была предана, какъ собака, она, конечно, не могла быть злою и безсердечною, но одно прирожденное

свойство, почти существенная принадлежность ея расы, сдѣлала бракъ несчастнымъ. Негритянка была безумно, до безмыслия ревнива и не давала ступить шагу обожаемому мужу.

Благодаря характеру жены и въ особенности этой ревности, жизнь Карадоль стала каторгой. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ жена ни на единый мигъ не отпустила отъ себя мужа, слѣдуя за нимъ буквально по шагамъ. Даже когда Этьенъ отправлялся кунаться, то Эльзира слѣла на берегу моря... Если онъ при прогулкѣ или въ гостяхъ имѣлъ неосторожность замѣтить про какую-нибудь женщину, что она педурна собой, то домашняя распри съ бурными вепшиками гнѣва, съ проклятіями, со слезами прощенія и примиренія и съ новыми порывами дикой ревности длилась иногда цѣлую недѣлю. Эльзира терзала себя и мучила мужа.

Рожденіе на свѣтъ мальчика, красиваго мулата, не перемѣнило права Эльзирь, какъ надѣялся ея мужъ. Въ припадкахъ подозрительной ревности и гнѣва негритянка начала часто грозиться убить ребенка отъ якобы невѣрнаго мужа.

И наконецъ однажды, когда мальчику, по имени Лун, было уже три года, Эльзира въ безумномъ претупѣ ревности слегка ранила его ножомъ. Она дѣйствительно могла бы зарѣзать сына, еслибъ Этьенъ вовремя не защитилъ ребенка и не получилъ весь ударъ въ собственную руку. Тѣмъ не менѣе соскользнувшій ножъ зацѣпилъ маленькаго Лун.

Кровь младенца сына остервенела отца, и въ это мгновеніе онъ впервые созналъ или почувствовалъ, что далѣе такъ жить нельзя. Онъ ни единымъ словомъ не выдалъ себя, примирился съ женой, выслушалъ въ тысячный разъ ея мольбы о прощеніи, ея обѣщанія впередъ быть разумнѣе, излѣчиться отъ ревности и т. д. Но въ глубинѣ души онъ рѣшился на отчаянный, а равно и жестокий шагъ.

Черезъ недѣлю Карадоль вмѣстѣ съ мальчикомъ исчезъ изъ дому и исчезъ съ Гваделуны... Черезъ мѣсяць послѣ полнаго безслѣднаго исчезновенія мужа и сына, Эльзира, помѣшавшись, бросилась со скалы и убила до смерти.

Карадоль бѣжалъ съ сыномъ на корабль, отходившій въ Европу, и вскорѣ послѣ того, что негритянка отъ горя и отчаянія покончила съ жизнью, онъ достигъ береговъ родины.

На небольшую сумму денегъ, которую Карадоль привезъ съ собой, онъ купилъ ферму на берегу Нормандіи въ Кальвадосѣ

и, сдѣлавшись земледѣльцемъ, зажилъ мирно, дѣятельно и счастливо, положивъ всю душу въ сына. Единственное, что отравляло теперь его существованіе, была виѣшность мальчика. Несмотря на увѣренія и ложныя клятвы Карадоля, что сынъ прижитъ имъ отъ жены, обыкновенной Француженки, якобы уроженки Гавра, никто не вѣрилъ ему и всѣ догадывались, что Луи—креоль и настоящій мулатъ.

Карадоль стыдился теперь своего брака съ негритянкой и невольно передалъ это чувство подроставшему сыну.

Прошли года. Луи сталъ очень красивымъ молодымъ человѣкомъ, но съ бронзовымъ лицомъ, толстыми губами, съ черною, какъ смоль, курчавою шапкой волосъ и вдобавокъ сильно смахивалъ характеромъ на свою мать.

Онъ былъ уменъ и добръ въ отца, но неудержимо горячъ, вспыльчивъ и упрямъ, а возрастъ не измѣнилъ и не сгладилъ характерныхъ особенностей расы. Въ двадцать лѣтъ Луи въ тайнѣ былъ угнетаемъ и тяготился своимъ происхожденіемъ. Строгое приказаніе отца, полученное еще въ дѣтствѣ, не сказывать, что мать была негритянкой, хотя всѣ объ этомъ догадывались, шутки и насмѣшки товарищей въ школѣ надъ его цвѣтомъ кожи и курчаво короткими не отрастающими волосами, прозвище *Louis le négillon* въ отличіе отъ другихъ мальчиковъ съ тѣмъ же пшенемъ—все постоянно язвило и угнетало существованіе.

И молодой Карадоль, имѣя полное право гордиться своимъ поистинѣ красивымъ типомъ метиса, съ младенчества привыкъ стыдиться его, кровно обижался за всякій намекъ на происхожденіе. Будучи смѣлъ и силенъ, онъ, разумѣется, постоянно имѣлъ стычки со всѣми. И всѣ бѣды являлись изъ-за цвѣта лица... Не посѣй отецъ въ немъ искренняго убѣжденія съ первыхъ дней существованія, что его происхожденіе—исключительно срамное,—молодой Луи, разумѣется, не счелъ бы это несчастіемъ жизни.

Отецъ и сынъ, удаляясь ото всѣхъ, живя особнякомъ, конечно, были замѣчательно дружны, но Этьенъ Карадоль вдругъ умеръ, когда сыну едва минулъ двадцать одинъ годъ. Оставшись сиротой на свѣтѣ, Луи тотчасъ же сталъ подумывать жениться, чтобъ обзавестись и хозяйкой, и семьей. Отношенія его со всѣми обывателями были, однако, хотя не враждебны, но и не близки, не сердечны и выбрать себѣ невѣсту въ околотеѣ было трудно. Луи рѣшился искать ее подалеже отъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ онъ носилъ прозвище: *le négillon*.

Черезъ полгода онъ былъ уже жевать на молодой дѣвушкѣ, уроженкѣ Французской Фландріи. Почти бѣловолосая и голубоглазая Фламандка, разумѣется, должна была преимущественно очаровать мулата, въ силу правила *les extrémités se touchent*. Бракъ этотъ, по взаимной любви, вѣкорѣ, однако, оказался обратно схожимъ съ бракомъ Этьена и Эльзиры. Фламандка, хладнокровная и кроткая, попала въ положеніе Этьена и не могла почесть себя волюнѣ счастливою, вслѣдствіе безумной подозрительности мужа, въ которомъ ожилъ ревнивецъ Эльзира. Только лѣтъ черезъ десять сожителства сталъ Луи Карадоль нѣсколько спокойнѣе и началъ довѣрчивѣе относиться къ своей женѣ, быстро и сильно подурившей и постарившей отъ частыхъ рожденій на свѣтъ дѣтей.

Онъ сталъ нѣжнымъ отцомъ и, несмотря на то, что все тщетно ждалъ имѣть сына, относился любовно и по женски сердечно къ родившимся дочерямъ.

Семь дочерей сподрядъ родила Анна Карадоль, но изъ нихъ только три остались въ живыхъ, остальные умерли все отъ одной и той же загадочной болѣзни въ родѣ столбняка.

Всѣ умершія дѣвочки носили имя бабушки негритинки, хотя мѣстный кюре считалъ его наполовину языческимъ или „колониальнымъ“, а Анна—приносящимъ даже несчастіе. Но упрямый Луи стоялъ на своемъ. Не зная, что мать давно покончила самоубійствомъ, онъ мечталъ когда-нибудь съѣздить на Гваделуну, найти мать и представить ей внучку, носящую ея имя... Вѣдь мать, думалось ему, вѣроятно много богаче, чѣмъ онъ съ семьей!

Последняя дѣвочка, уже въ пятый разъ упрямо названная Эльзирой, была тоже при смерти, на второмъ году отъ рожденія и, сочтенная мертвою, едва не была похоронена. Малютка пришла въ себя, когда священникъ и причтъ были уже въ домѣ, а заказанный гробикъ былъ уже принесенъ.

— Эта будетъ жить! воскликнулъ Луи.—И будетъ особенно счастлива въ жизни.

VII.

Прошло двадцать лѣтъ со дня брака мулата и Фламандки, и неожиданно надъ семьей разразилась катастрофа.

Карадоль былъ человекъ недюжиннаго ума и натура непосредственная, честная и правдивая до крайности. Хорошо учившись въ школѣ, онъ пріобрѣлъ кое-какія элементарныя познанія,

давшія толчокъ къ развитію природныхъ способностей. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ человѣкъ даровитый, и за чтò ни брался— все у него ладилось и спорилось въ рукахъ. Еслибъ онъ получилъ серьезное образованіе и еслибъ обстоятельства среды и жизни могли сложиться благопріятно, то нѣтъ сомнѣнія, что изъ Карадоля вышелъ бы талантливый артистъ, по всей вѣроятности, музыкантъ. Но страсть къ музыкѣ ограничилась умѣньемъ бойко бречать на гитарѣ и прелестно играть на флейтѣ. Карадоль замѣчательно импровизировалъ на обѣихъ инструментахъ, но всѣ кругомъ относились къ этому равнодушно и заставили самого непризнаннаго артиста относиться къ своей страсти и къ своему дарованію тоже почти пренебрежительно, какъ къ праздною и отчасти нелѣпой забавѣ.

Одна прирожденная черта характера и одинъ порокъ, Богъ вѣсть почему развившіяся, прервали сравнительно мирную жизнь и привели къ несчастію.

Карадоль, будучи всегда, еще съ дѣтства, страшно вспыльчивъ, по наслѣдству отъ матери, теперь въ пныя минуты бѣшеннаго и безумнаго гнѣва, казалось, совершенно терялъ разсудокъ и способность мышленія. И постепенно онъ нажилъ себѣ во всемъ околоткѣ репутацію опаснаго *sauvageon* и даже пріобрѣлъ многихъ заклятыхъ враговъ въ числѣ обывателей, оскорбленныхъ имъ въ минуту пыла.

Кромѣ того, въ молодости онъ любилъ пзрѣдка покутить и выпить съ пріятелями, находя какое-то необъяснимое наслажденіе въ полутрезвомъ состояніи. Въ эти минуты онъ становился десяти-терю умнѣе, забавенъ, остроуменъ, колокъ, краснорѣчивъ и, главное, удивлялъ и себя и другихъ своимъ импровизированіемъ на флейтѣ. За послѣдніе годы наклонность повемногу перешла въ порокъ. Лѣтъ подь сорокъ онъ началъ уже просто напиваться и, наконецъ, сталъ пить запоемъ. Въ это время, длившееся всегда около недѣли, онъ былъ неузнаваемъ, ибо всегда добрый, скромный и вѣжливый съ людьми, нѣжный съ женою и дочерью, онъ становился грубъ, жестокъ и даже иногда страшенъ. Вся семья всячески избѣгала опьянѣлаго, а иногда и пряталась отъ него, ибо бывали случаи, что онъ изъ-за пустяка, одного слова противорѣчія, или косаго взгляда, нещадно билъ чѣмъ попало всякаго, кто подвертывался подь руку.

Младшая дочь Эльза, его любимица, тоже не избѣгала общей участи, а однажды пьяный отецъ даже избилъ ее настолько

жестоко, что шестилѣтняя дѣвочка пролежала три дня въ постели въ сняткахъ и съ болью во всѣхъ членахъ.

Когда заной проходили, Карадоль подолгу удалялся отъ людей, стыдился семьи, даже просилъ прощенія у побитыхъ дѣтей и самъ умолялъ ихъ всячески избѣгать его въ эти дни, когда онъ какъ бы не волѣвъ надъ самимъ собой.

Порокъ этотъ изъ года въ годъ усиливавшійся, одинъ, самъ по себѣ, не могъ бы еще привести къ какой-либо крупной бѣдѣ... Безумная же вспыльчивость, появившаяся изрѣдка, въ связи съ заносомъ, привела къ страшной катастрофѣ.

Однажды, сяди съ пріятелями въ кафѣ, Карадоль, будучи немного не трезвъ, поссорился изъ-за пустяковъ съ богатымъ и почитаемымъ въ мѣстности буржуа, по имени Дюге, и почти безъ новода вдругъ ударилъ его. Оскорбленный буржуа, ушавшій на полъ отъ сильного удара, потерялъ сначала отъ неожиданности всякую способность соображенія. Однако, приди въ себя, онъ былъ настолько возбужденъ, что прибѣгнувъ, зная характеръ Карадоль, къ самому вѣрному ередству узавить его.

— Ты не Французъ! Не Европеецъ! воскликнулъ онъ виѣ себя. Tu es un sauvage, un Caraïbe des Antilles. Твои же дочери всѣ красавицы и истыя французженки. Стало-быть, правдива молва, что всѣ родились не отъ тебя, а отъ пріятелей твоей жены. Одна изъ нихъ я знаю даже чья. И прямо заявляю. Она—моя!

Слова буржуа были явною ложью и клеветой на Анцу, выдумкой избѣшеннаго оскорбленіемъ челоуѣка. Но буржуа Дюге еще ни разу въ жизни не солгалъ! Первое незаслуженное и кровное оскорбленіе заставило его въ первый разъ въ жизни пагло солгать ради мщенія.

Всѣ присутствующіе были поражены и хотя съ недоумѣніемъ на лицахъ, но все-таки очевидно повѣрили неожиданному заявленію.

Карадоль при этихъ словахъ сразу преобразился изъ челоуѣка въ животное, въ тигра или въ пантеру. Съ выпученными, сверкающими глазами, съ пѣной у оскаленныхъ и стиснутыхъ зубовъ, съ вытянутою шей, на которой вспухли жилы отъ крови хлынувшей въ голову—мулатъ тихо двинулся къ буржуа и чрезъ силу выговорилъ хрипливо:

— Одна—твоя!?

— Да. Когда ты по дѣламъ ѣздилъ на мѣсяцъ въ Гавръ. Да!

едва соображая свои слова проорать остервенившийся Дюге. Я былъ тогда въ связи съ твоею женой. Твоя Марьетта—моя дочь... Даже лицомъ своимъ, она...

Но буржуа не договорилъ... Онъ дико вскрикнулъ и повалился навзничь обливаясь кровью...

Карадоль, схватившій со стола ножъ, мгновенно всадилъ его въ грудь клеветника по самую рукоять.

Буржуа былъ пораженъ на смерть и чрезъ два часа скончался. Карадоль былъ тотчасъ же арестованъ, взятъ въ жандармерію и затѣмъ увезенъ и подвергнутъ предварительному заключенію, впредь до суда.

Чрезъ полгода онъ былъ судимъ и присужденъ на десять лѣтъ на галеры. Но затѣмъ дѣло его въ *Conc d'Appel* было пересмотрѣно и кассировано, пѣо вмѣшались вдругъ никому невѣдомые покровители. И Карадоль, судимый вновь, былъ благодаря всякимъ сомнительнымъ *circonstances atténuantes* присужденъ лишь на три года въ тюрьму.

Неожиданное послабленіе мѣстная молва объяснила оскорбительнымъ для семьи мотивамъ. Общественное мнѣніе всего околотка заподозрило, что покровителемъ убійцы явился мѣстный суррефектъ, богачъ и крупный землевладѣлецъ, который якобы былъ давно серьезно влюбленъ или, быть-можетъ, даже тайный любовникъ старшей дочери Карадоль—*Venée*, замѣчательно красивой дѣвушки.

Такъ какъ Карадоль былъ заключенъ въ тюрьму недалеко отъ Парижа, то семья, продавъ землю и домъ и уплативъ много долговъ, покинула Кальвадосъ и переехала въ мѣстечко Теріэль въ департаментъ Соммы. Это было необходимо отчасти для того, чтобы быть ближе къ заключенному, а отчасти чтобы уйти отъ позора и двусмысленнаго положенія семьи преступника.

Въ новомъ мѣстѣ жительства мать и дочери заявили, что мужъ и отецъ находится въ отсутствіи во Французскихъ колоніяхъ и будетъ обратно только чрезъ три года.

Анна лишь одна получила право пзрѣдка видать мужа, но дочерямъ было въ этомъ отказано.

За это время отсутствія добраго, но строгаго отца, незамѣтно всегда наблюдавшаго за двумя старшими дочерьми, случилось много новаго. Анна слабовольная и тихая могла справиться только съ дѣвочкой Эльзой, которой минуло всего семь лѣтъ, когда случилось нежданное несчастіе. Старшія же дочери были

уже взрослыми дѣвучками еще прежде, чѣмъ Карадоль подвергся тюремному заключенію. Когда онъ явился снова въ семью, оставленную почти безо всякихъ средствъ, то благодаря старшей, дочери Реиѣ, Анна съ семьей уже пользовались помощью и услугами мѣстнаго богатаго буржуа Грожана.

Дѣвучка, которую звали уменьшительнымъ Реѣ и которой дали, за ея красивую осанку и горделивую манеру двигаться и говорить, прозвище Реѣ, была дѣйствительно въ связи съ пожитымъ богачемъ.

Явившійся Карадоль ничего не могъ предпринять противъ этого постыднаго положенія дочери, такъ какъ Реѣ-la-Reiѣ минулъ двадцать одинъ годъ и она въ качествѣ совершеннолѣтней вышла по закону изъ-подъ отцовской власти. Кромѣ того, онъ считалъ себя самого настолько опозореннымъ неволью совершеннымъ преступленіемъ и пребываніемъ въ тюрьмѣ, что всѣхъ виновныхъ въ чемъ-либо ставилъ все-таки выше себя правственно и не считалъ себя въ правѣ судить ихъ.

VIII.

Жизнь Карадоль послѣ тюрьмы и на новомъ мѣстѣ пошла на иной ладъ... Онъ сталъ грустно тихъ, повидимому тяготился даже своимъ существованіемъ, презиралъ самого себя, всячески удалялся отъ людей и проводилъ время за слесарною работою, которой обучился въ заключеніи.

Только два существа, казалось, привязывали его къ жизни и могли оживлять и будить въ немъ прежняго умнаго и добраго человѣка, честно, горячо и краснорѣчиво разсуждающаго обо всемъ и все вѣрно судящаго. Это была младшая дочь Эльза, которой было уже десять лѣтъ, и годовалый ребенокъ сынъ, котораго Карадоль, всегда желавшій имѣть сына, сталъ боготворить. Мальчикъ родился на свѣтъ за годъ до освобожденія отца и Карадоль называлъ его всегда, со слезами на глазахъ:

— L'enfant du malheur!

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ страстно любилъ младенца и нянчился съ нимъ отъ зари до зари. Малютка Этьенъ не сходилъ съ рукъ отца. Карадоль даже работалъ иногда одною рукою, чтобы держать сына на другой.

Такъ какъ при отѣзлѣ семьи изъ Кальвадоса все было продано

за безцѣнокъ, а долговъ уплачено много п, кромѣ того, Анна была обманута личностью, взявшеюся за дѣло продажп п, наконецъ, необходимость жить три года не на доходъ, а на капиталъ—все привело къ почти полному разоренію. Теперь Карадолъ, вернувшись въ семью, жилъ въ нуждѣ, а въ будущемъ грозила нищета. Слесарное мастерство, которое онъ отъ тоски полюбилъ въ тюрьмѣ, явилось по счастью подспорьемъ, тѣмъ паче, что и въ это простое незатѣйливое дѣло Карадолъ внесъ даровитость своей натуры. Новые изящные замки съ секретомъ, которые онъ самъ выдумалъ шли въ продажу шибко... Оставалось только не лѣниться.

Помимо перемены нравственной къ лучшему въ Карадолѣ рѣзко обозначилось иное новое отношеніе къ семьѣ. Онъ сталъ ходишь съ женой, замѣтивъ, что-то... чего еще никто не замѣчалъ. Въ домѣ появился панятый имъ двадцатилѣтній подмастерье Баптистъ Виганъ. Ревнивый п теперь еще болѣе подозрительный мужъ сразу угадалъ, что должно было впоследствии случиться, несмотря на пожилые годы его жены.

Къ старшей дочерп Ренъ отецъ сталъ относиться съ полнымъ презрѣніемъ п часто, даже при постороннихъ, давалъ ей цинически прямое наименованіе продажной женщины.

Чаще всего онъ выражался о Ренъ словами:

— Старшая дочь? C'est de la marchandise.

Умная п степенная дѣвушка, отчасти высококобрная, отлпчавшаяся самообладаніемъ, молча терпѣла укору п насмѣшки отца. Хотя она была уже совершеннолѣтняя, всею душой стремилась уйти поскорѣе изъ дому въ домъ богатаго любовника, но оставалась, опасаясь отца. Возлюбленный ея, пожилой Грожанъ тоже боялся человѣка, который уже отсидѣлъ въ тюрьмѣ за убійство.

Къ своей второй дочерп, Марьеттѣ, Карадолъ относился равнодушно. Крайне веселая п безпечная дѣвушка забавляла его иногда, но она любила лгать п льстить п вообще отличалась умѣньемъ поддѣлаться ко всѣмъ, равно п къ своему сурово-печальному отцу. Но сердце отца не лежало къ лукавой дочерп. Онъ чувствовалъ въ Марьеттѣ худые задатки, какъ бы прирожденные, порочность мысли, чувствъ п вкусовъ. Ему часто казалось, что она много хуже своей вповной, но гордой, прямой п честной сестры. Участь Ренъ лежала камнемъ на сердцѣ отца, но представлялась несчастною случайностью. Будущая худшая судьба Марьетты представлялась ему неизбежнымъ послѣдствіемъ ея натуры.

За то третью дочь дѣвочку, которой шель лишь одиннадцатый годъ, Карадолъ полюбилъ еще болѣе, чѣмъ прежде. Онъ видѣлъ въ ней себя самого въ женскомъ образѣ. Эльзира и лицомъ и характеромъ напоминала ему его дѣтскій возрастъ.

Одно поражало Карадоля, чего онъ не могъ себѣ однако объяснить. Изъ разсказовъ покойнаго отца своего онъ зналъ разную мелочь о жизни и правахъ кресоловъ въ колоніяхъ. Теперь многое, что онъ слышалъ отъ отца, онъ находилъ въ Эльзирѣ, не имѣвшей, конечно, никакого понятія о Гваделупѣ и ея обитателяхъ и не знавшей даже, что она—квартиронка.

Такъ, между прочимъ, маленькая дочь, носящая имя бабушки негрятянки, сама выдумала себѣ однажды висячую постель, проткнувъ простыню на веревкахъ между деревьями сада. Она умолила позволить ей спать тамъ на воздухѣ. А между тѣмъ Эльзира не могла и подозрѣвать, что давно существуетъ на свѣтѣ нѣчто называемое „гамакъ“.

Дѣвочка до безумія обожала сахаръ и настолько, что видъ большого блестящаго куска приводилъ ее въ особо возбужденное состояніе, глаза пекрились, лицо румянилось, въ рукахъ появлялись тревожныя движенія.

Кромѣ того, безукоризненнаго поведенія во всемъ, послушная, правдивая и разумная, Эльза отличалась однимъ порокомъ, съ которымъ Карадолъ долго боролся по возвращеніи въ семью и часто отчаявался... Дѣвочка подъ влияніемъ его убѣжденій, просьбъ и даже угрозъ, казалось, сама тоже боролась со своимъ порокомъ и, наконецъ, справилась съ величайшимъ трудомъ. Дѣло было въ томъ, что за время пребыванія Карадоля въ тюрьмѣ, Эльза жила въ семьѣ дикимъ звѣркомъ, ни мать, ни сестры, уже взрослые, не обращали на ребенка никакого вниманія. Дѣвочка пользовалась полною свободой и, пачезая изъ дому по цѣлымъ днямъ, бродила одна повсюду, уходила иногда за десять верстъ отъ дома, а лѣтомъ часто и не почевала.

Одновременно весь околотокъ сталъ жаловаться на вновь появившуюся бѣду, грозящую перейти въ настоящее „fléau“. Незвѣстные воры уничтожали по ночамъ фруктовые сады окрестности. Лучшіе плоды и ягоды пачезали почти повсюду. Самая зоркая бдительность починныхъ сторожей не приводила ни къ чему. И не мудрено. Они караулили и высматривали взрослыхъ воровъ и у нихъ подъ носомъ появлялся, проползалъ въ травѣ и кустами и дѣлалъ свое разорительное дѣло десятилѣтній

воришка, но ловкій, хитрый и дерзкій, не уступавшій въ искусствѣ хорьку и лисицѣ. Ни разу не попалась Эльза въ своихъ ночныхъ походахъ, и сама въ минуту откровенности призналась во всемъ вернувшемуся отцу.

И много труда стоило Карадолу отучить любимцу отъ ея единственнаго и глубоко вкоренившагося порока. Сотни разъ она клялась отцу излѣчиться отъ своей страсти и послѣ долгаго воздержанія вдругъ, когда наступило лѣто, она исчезала ночью изъ дому и съ наслажденіемъ снова предавалась своему хищничеству. И не одна жадность къ ягодамъ и фруктамъ увлекала ее, а какое-то иное непонятное ей чувство. Это было нѣчто въ родѣ страсти зажиточнаго человѣка къ браконьерству... Наслажденіе отъ опасности въ достиженіи запретнаго и наказуемаго закономъ. Восторги тайной и преступной борьбы!

Карадоль прожилъ только три года. Ничѣмъ не болѣя, онъ постепенно чахнулъ, какъ чахнетъ растеніе съ невидимо подточеннымъ корнемъ. Раскаяніе въ совершенномъ преступленіи, испытанное наказаніе, потребность удалиться отъ общества, которое онъ любилъ, наконецъ, постыдная участь старшей дочери вслѣдствіе разоренія ихъ и сомнительныя отношенія пожилой жены съ молодымъ подмастерьемъ—все вмѣстѣ легло гнетомъ на существованіе и быстро извело честнаго и добраго человѣка.

Карадоль пролежалъ въ постели съ полгода и умеръ тихо среди полной нужды, почти нищеты.

— Надо умирать! Лучше будетъ для васъ, повторялъ онъ часто.—Безъ меня *la marchandise vous fera vivre*. Крохи со стола Грожана и Рень будутъ ваши.

Умирая онъ поцѣловалъ только четырехлѣтняго сына и Эльзу и сказалъ любимицѣ одно слово:—*Le garç...*

IX.

На утро послѣ стычки съ Баптистомъ Эльза поднялась, какъ всегда, рано и плохо выспавшись. Ночью ей пришлось, какъ бывало постоянно, встать нѣсколько разъ ради того, чтобъ отпирать и запирать заставы. Только часовъ въ пять утра маленькій Этъень на новый крикъ „*la bagrière*“, проснулся прежде сестры и видя, что она спитъ глубокимъ сномъ, вышелъ съ ключемъ замѣнить ее.

Вернувшись въ горницу, онъ не легъ снова спать, а усѣлся

у открытаго окна и стала чинить и строить бумажный змѣй, стѣланный ему его другомъ Альзасцемъ Фредерикомъ. Когда при новомъ хлопаніи бича о требованіи проуска Эльза открыла глаза и хотѣла встать, Этьенъ остановилъ сестру:

— Сии, la fille! Я за тебя справаю la besogne.

Мальчикъ вышелъ, а Эльза мгновенно снова сладко заснула и проснулась только въ восемь часовъ.

И начался для нея такой же день, какъ и всѣ предыдущіе. Нанившись жидкаго кофе съ однимъ кускомъ сахара и безъ молока, дѣвочка взяла свою порцію твердаго и сѣроватаго хлѣба, настоящаго pain de ménage и задумчивая, тихо пустилась въ путь за три километра въ школу „Сестеръ Священнаго Сердца“.

Эльза уже вышедшая изъ того возраста, когда дѣвочки учатся у монахинь, продолжала теперь ходить къ „сестрамъ“ по настоянію начальницы школы, которая очень любила ее и даже собиравшись совѣмъ взять къ себѣ въ услуженіе, чтобъ избавить отъ Баптиста..

Въ школѣ время прошло такъ же, какъ шло всегда. Уныло, скучно, безсмысленно. Такъ казалось дѣвочкѣ и она, считая себя не правую, была совершенно права. Сначала бывало нѣкіе молитвъ по-латыни, наизусть, и что именно Эльза нѣла хорошъ съ другими дѣвочками, она не понимала. Затѣмъ слѣдовало писаніе въ тетрадку подъ диктантъ монахини. Но это писаніе всегда оставалось въ школѣ и не исправлялось, и учительница никогда ничего не объясняла. Ученицы поэтому не знали правильно ли онѣ пишутъ или дѣлаютъ ошибки. Затѣмъ наступалъ перерывъ на одинъ часъ ради завтрака. Дѣти выбѣгали на улицу, шалили, и всякая ученица принималась ѣсть то, что принесла съ собой. Эльза съ жадностью съѣдала свой кусокъ хлѣба съ яблокомъ. Только изрѣдка мать давала ей въ школу кусокъ сыру или десятокъ каштановъ или пирожекъ.

Послѣ перерыва начинался урокъ ариметки или географіи. Долженіе наизусть задачъ или собственныхъ именъ. Въ географіи для Эльзы была, однако, одна загадка. Часто въ урокъ по поводу разныхъ странъ свѣта упоминалась желѣзная дорога, на которой она за Баптиста исполняла сторожа, то-есть Le Nord.

Многіе страны, города, рѣки оказывались, стало-быть, по разумѣнію дѣвочки, прилегающими къ этому chemin de fer du Nord. а страны, какъ Швеція и Данія, оказывались даже со словъ монахинь-учительницъ—tout à fait au Nord. Россія была à l'extrémité

du Nord. Поэтому Эльза давно рѣшила, что послѣдняя станція ея желѣзной дороги и есть Россія. И ей очень хотѣлось достать когда-нибудь себѣ и Этьену *des permis*, или даровые билеты и, сѣвъ въ вагонъ въ Теріэль, сѣздить въ Россію, причемъ выѣхать, конечно, пораньше, чтобы вернуться къ вечеру домой.

Прокатиться до конца дороги *le Nord*, то-есть до станціи *la Russie*, стало, наконецъ, мечтой дѣвочки, но она таила это отъ всѣхъ, кромѣ одного большого друга. Баптистъ общалъ много разъ достать ей съ братомъ *des permis* ради прогулки, но не далеко, только до города Аміэна. О желаніи прокатиться до станціи *la Russie*—Эльза, конечно, ни разу не запнулась съ нимъ, но надѣялась на своего друга Фредерика. Альзасецъ общалъ дѣвочкѣ достать билеты дальше Аміэна и стало-быть, пожалуй, до *la Russie*, хотя онъ сомнѣвался, есть ли такая станція, мѣстечко или городъ. По его мнѣнію такая станція могла быть только за границей Бельгій, у которой *le Nord* уже кончается.

Монахиня-учительница, конечно, и не подозрѣвала, какую географическую загадку дала одной изъ самыхъ умныхъ своихъ ученицъ.

Около четырехъ часовъ ученье кончилось, всѣхъ дѣвочекъ, какъ всегда, выстроили попарно колонной, и онѣ порядливо двинулись изъ домика школы громко распѣвая:

— *Deux fois deux—quatre. Deux fois trois—six...* и т. д.

Маршированіе подъ пѣніе таблицы умноженія было дѣломъ спокойнѣе вѣку заведеннымъ невѣдомо зачѣмъ и чисто машиннымъ. Такъ какъ за дверями школы дѣвочки разбѣгалась всегда въ разсыпную по домамъ, а идущія въ Теріэль по шоссе разбивались на группы пріятельницъ или сосѣдокъ, не соблюдая возраста и роста, то пѣніе таблицы никогда не доходило даже до *quatre fois quatre*.

Эльзѣ таблица умноженія представлялась тѣмъ же, что и океанъ, который она видѣла въ раннемъ дѣтствѣ, живя еще въ Кальвадосѣ... Многое множество воды ограничено чертой горизонта, но за нимъ, по словамъ отца, все та же вода и вода... И такъ безъ конца. До береговъ какого-то другого свѣта! *Le nouveau monde!*.

Для Эльзы *six fois six* было уже горизонтомъ этого ея арифметическаго океана. *Six fois six, six fois sept* и т. д. плавало въ туманѣ, пзрѣдка на время прояснялось послѣ разъясненій

учительницы и снова застилалось таинственною пеленой... Вплоть всегда ясный оставался лишь одинъ морской берегъ, съ котораго она смотритъ въ даль, то-есть deux fois deux—quatre!

Ежедневно пробѣжавъ два километра съ другими дѣвочками и уже приближаясь къ мѣстечку Теризль, Эльза всегда отставала отъ товарокъ, якобы ради того, чтобы нарвать матери букетъ полевыхъ цвѣтовъ... Это случалось неизмѣнно, и всѣ дѣвочки привыкли прощаться съ Эльзой предъ входомъ въ улицы.

А между тѣмъ это было лишь предлогомъ и обманомъ со стороны Эльзы. Оставаясь одна на дорогѣ, она рвала пучекъ цвѣтовъ, и когда подруги скрывались за ближайшими домами, она бѣгомъ направлялась въ сторону отъ дороги, гдѣ саженьяхъ въ полутораста видѣлась ограда, высокія деревья и часовня. Это было кладбище.

Эльза давно рѣшила при возвращеніи изъ школы заходить на дорогую ей могилу и настолько привыкла къ этому, что оно стало для нея нравственною потребностью. Даже зимой, или въ бурю, или въ проливной дождь она не могла пройти мимо, не заглянувъ на могилу отца, хотя бы на мгновеніе.

На этотъ разъ, быстро добѣжавъ до воротъ кладбища, она, озираясь, торопливо проскользнула въ нихъ и, быстро миновавъ ряды тѣсно стоящихъ крестовъ и памятниковъ, остановилась у одной могилы, почти на самомъ краю, у ограды, вышедшей въ поле.

Постоявъ минуту предъ крестомъ этой могилы недвижно и задумчиво, она вздохнула и сѣла на землю. Собравъ и отбросивъ въ сторону вчерашніе цвѣты, она раздѣлила вновь нарванные пополамъ, разсыпала одну половину на насыпи могилы, а другую пристроила на крестѣ, засунувъ за новитую на немъ проволоку. На крестѣ этомъ, простомъ, выкрашенномъ сѣрою краской, была надпись:

„Ci-gît—Louis Caradol, natif de la Guadeloupe (Antilles) mort à Téricel (Somme) agé de 46 ans. Priez pour lui“.

Могилы почти на краю кладбища, не затѣсненная другими, и новый свѣжо-выкрашенный крестъ свидѣтельствовали, что еще не очень давно положили здѣсь обожавшаго ее человѣка, успешнаго, казалось, съ собой ея молодость и ея счастье.

Трехъ лѣтъ пѣтъ, что отецъ умеръ, а сколько воды утекло.

Простой работникъ, черезчуръ молодой и красивый, но злой и

грубый, къ тому же еще и лѣптый, кутла, деснотически помыкаетъ его вдовой и грубо обращается съ его дѣтми.

Всѣ въ околоткѣ и въ Теріэлѣ убѣждены, что связь похплой вдовы съ молодымъ человѣкомъ, сомнительнымъ чужеземцемъ, явившимся неизвѣстно откуда, не кончится добромъ. Многіе не только косятся на него, даже боятся его. А прежній пріятель отца Бретейль прямо передалъ Эльзѣ свое подозрѣніе, что le bon-ami ея матери настоящій жидъ.

— C'est un juif pur sang! Настоящій. Странствующій! сказали онъ Un juif errant. Они опасный народъ. Про нихъ даже особая книга написана, гдѣ разсказаны ихъ злодѣянія. Они не признаютъ Христа, а надъ святымъ отцомъ издѣваются. Le saint père для нихъ не только не намѣстникъ Христа, не папа и пастырь душъ, но даже не духовное лицо.

Эльзѣ съ перваго же дня сталъ ненавистенъ, этотъ непріятно красивый малый, непостижимо обворожившій ея мать. И хотя она убѣждена, что онъ самый опасный souignoіs, можетъ-быть и просто колдунъ, но однако она не боится его, а только глубоко, всею душой ненавидитъ.

Ежедневно размышляя въ часы досуга и въ часы тоски какъ избавить мать отъ Баптиста, она о томъ же и на могилѣ отца всегда мечтаетъ и какъ бы общается это ему, но горячо призываетъ отца себѣ въ помощь.

Въ этотъ день Эльза была особенно грустна и, усѣвшись около могилы, просидѣла долѣе обыкновеннаго въ глубокой задумчивости. Слова Баптиста: maudit negillon, брошенная ей вчера въ видѣ насмѣшки надъ пронохожденіемъ ея отца, подѣйствовали на дѣвочку сильнѣе чѣмъ когда-либо. Не въ первый разъ, конечно, слышала она это отъ любимца матери. Зная какъ чувствителенъ для Эльзы именно этотъ уколъ, Баптистъ въ минуты особо сильнаго озлобленія всегда называлъ ее негритенкомъ, но это случалось, однако, не болѣе разъ трехъ-четырехъ въ годъ. И каждый разъ Эльза становилась дня на три мрачна или печальна и при этомъ молчалива.

На этотъ разъ ненавистное прозвище подѣйствовало на дѣвочку какъ ударъ. Быть-можетъ потому, что она становилась старше или въ ней начинала сказываться нравственная усталость отъ жизни, которую она вела. Внутреннее чувство все чаще говорило:

„Когда же конецъ? И какой конецъ?“

Разумѣется, тайный отвѣтъ на это былъ въ ней одинъ. Если бы не братника, она бы ушла изъ дому.

Многія почтенныя женщины въ мѣстечкѣ Теріэль очень любили Эльзу и, угадывая въ дѣвочкѣ честную и усердную работницу, предлагали взять ее къ себѣ въ услуженіе, обѣщая съ перваго же дня сто франковъ въ годъ жалованья. А это казалось дѣвочкѣ, да и было въ дѣйствительности, блестящимъ предложеніемъ. Но вмѣстѣ съ братомъ, конечно, никто не захотѣлъ бы взять ее въ домъ, а съ другой стороны и Бантистъ, державшій заставы на свое имя, не согласился бы на это. Тогда опъ не могъ бы отлучаться въ Теріэль и проводить цѣлые часы съ пріятелями въ мѣстномъ кафе за игрой въ домино, или на бильярдѣ, такъ какъ некъмъ было бы себя замѣнить, чтобы *signaler le train*.

За послѣднее время Бантистъ озлобясь часто грозился, что скоро дѣвочку засадитъ за настоящую работу, но па что намекалъ опъ, Эльза не догадывалась, а мать хотя и знала, но упорно отказывалась объяснить.

„Что бы то ни было, думалось Эльзѣ, лишь бы не разлука съ братомъ.“

X.

Пробывъ около получасу на кладбищѣ, Эльза собралась домой. Достигнуть сторожеваго домика близь моста и заставъ можно было двояко, или чрезъ главную улицу мѣстечка Теріэль, или полемъ позади садовъ и огородовъ.

Когда Эльза ворочалась улицей, то разныя знакомыя женщины всегда задерживали ее по дорогѣ разговорами, иногда зывали и угощали вкуснымъ *café au lait* или сидромъ со сладкими пирожками или свѣже-испеченной, дымящейся *galette*.

Или по улицѣ, дѣвочка постоянно слышала изъ дверей или оконъ домовъ привѣтливыя оклики...

— *Bonjour Elza! Ohé! La gazelle! Ça va t'y bie?*

По этимъ голосамъ, по зываніямъ зайти отвѣдать чего-нибудь, по ласковымъ разспросамъ—что и какъ?—видно было, что дѣвочку всѣ любятъ и сочувствуютъ ея невеселому существованію подъ одною кровлей съ слабовольною матерью и съ подозрительнымъ чужеземцемъ.

Всѣ разспросы и бесѣды сводились почти всегда къ приглашенію.

— Иди къ намъ помогать по хозяйству. Будешь получать жалованье.

На этотъ разъ, будучи въ особенно грустномъ настроеніи, Эльза выбрала тропинку полемъ, чтобы миновать Теріэль. Обойдя мѣстечко, она вышла снова на шоссе, но тотчасъ же взглянувъ въ даль опять свернула въ сторону, перелѣзла изгородь какого-то огорода и защищенная кустами опустилась на траву. Она увидѣла и тотчасъ узнала одного изъ самыхъ ненавистныхъ ей людей. Это былъ тотъ же Филиппъ, работникъ съ мельницы, который всегда надѣбалъ ей глупыми и грубыми шутками, а на дняхъ вдругъ врасплохъ поймалъ ее своими лапами и поцѣловалъ...

Эльза просидѣла за кустами покуда нахальный мальчѣ, пидя за своимъ возомъ, не миновалъ ея и не скрылся за первыми домами Теріэля. Когда она снова выскочила на шоссе, лицо ея стало немного веселѣе. Она усмѣхалась... Она видѣла хорошо фигуру прошагавшаго мимо нея Филиппа, и фигура эта съ опущенною на грудь головой, лицо съ забавно вздернутомъ носомъ, съ глупо разинутымъ ртомъ, отъ какого-то глубокаго раздумья, напавшаго на этого дурака—развеселили дѣвочку. Ей показалось, что Филиппъ въ профиль поразительно похожъ на свинью.

Быстро пройдя сажень триста и уже завидя домикъ, Эльза разглядѣла заставы и около нихъ Баптиста, собиравшагося ихъ затворять, въ ожиданіи прохода того же поѣзда, который она вчера чуть не проспала. Это доказывало дѣвочкѣ, что она опоздала домой на цѣлые полчаса.

„Будетъ опять браниться!“ подумалось ей.—А не повстрѣчай этого Филиппа, поспѣла бы какъ разъ вовремя.

Эльза прибавила шагу и хотѣла даже припустить бѣгомъ, чтобъ успѣть до прохода поѣзда замѣнить Баптиста, но въ ту же секунду въ травѣ направо отъ нея раздался голосъ:

— Ohé, la fille...

Эльза остановилась и увидѣла въ десяти шагахъ отъ дороги братишку, который манилъ ее рукой къ себѣ. Этьенъ не двигался и не поднимался изъ травы, очевидно бояся, что Баптистъ можетъ увидѣть его издалека.

Эльза оторопѣла и смутилась.

„Что-нибудь новое дома?“ подумалось ей,—такъ какъ братъ только въ особыхъ случаяхъ выходилъ поджидать ея возвращенія изъ школы.

Цѣпочка глянула на заставы. Баптистъ стоялъ къ ней спиной. Она ловко, даже красиво перепрыгнула канаву шоссе и быстро подбѣжала къ сидѣвшему на корточкахъ мальчугану.

— Qu'y a-t-il? тревожно спросила она.

— Ложись! Увидишь... отозвался Этьенъ.

Эльза опустилась на землю около брата.

— Чтò ты оиоздала такъ... заговорилъ Этьенъ сурово — Я тебя жму здѣсь цѣлый часъ. У насъ новость. Приготовься.

— Ну говори...

— Были les Hauteville. Графиня, ея пасынокъ, ея два сына, которыхъ мнѣ всегда ужасно хочется одудть. А съ ними этотъ вчерашній господинъ. Le barbu. Ну, тотъ, чтò тебѣ обѣщалъ денегъ за проводы къ Отвилямъ.

— Ну, чтò же тутъ особеннаго? И какое намъ до этого дѣло? Они всякій день проѣзжаютъ чрезъ заставы.

— T'es bête, la fille. Отвили не просто проѣзжали, а у насъ были?

— Гдѣ у насъ? Не въ домѣ же! Не у матери же въ гостяхъ?!

— Mais t'es bête! вскрикнулъ мальчуганъ. — Зачѣмъ же я буду тебя цѣлый часъ тутъ дожидать. Если я хочу тебя предупредить, такъ стало - быть есть что-нибудь особенно удивительное. Tu deviens bête ma fille... Еслибы не случилось ничего чрезвычайнаго — faut il que je me dérange! важно вымолвилъ Этьенъ ту фразу, которую часто слышалъ отъ матери.

— Les Hauteville были у насъ въ домѣ? воскликнула Эльза.

— У насъ въ домѣ. Да. Всѣ. И долго.

— Такъ чтò же? Чтò? Зачѣмъ?.

— Очень важное. Le diable et toute sa boutique нагрязнули къ намъ въ домъ и долго сидѣли и ходили... Графиня говорила avec la bonne femme, бородачъ тоже болталъ, изъ кожи лѣзъ. Les gars все у насъ перетрогали, чуть не сломали маятникъ часовъ... Охъ, какъ мнѣ хотѣлось закатить пмъ обонмъ по здоровой затрещинѣ?

— Зачѣмъ же они были?

— А вотъ, разули... Не хорошо это для тебя, ma fille, нѣжно и отчасти грустно отвѣтилъ Этьенъ. — Они просили мать отнустить тебя на двѣ недѣли въ замокъ, и въ концѣ-концовъ согласились на то, что ты у нихъ пробудешь одну недѣлю, а затѣмъ только будешь ходить туда всякій день около полудня часа на три... И за это графиня обѣщала, и этотъ... le barbu тоже обѣщаль — это франковъ.

— Сто франковъ?!

— Да.

— За что?

— За то, чтобы ты прожила у нихъ недѣлю и помогала этому барбу... А въ чемъ помогать—я не понимаю. Что-то все класть, а куда и что класть — непонятно. Они все повторяли *poser* и *poser*... А бородачъ опять три раза сказалъ свое дурацкое слово. Вчерашнее... Ты не помнишь.

— Пспше... спросила Эльза.

— Ну да. Что это значить — ты еще не додумалась.

— Какъ же я додумаюсь, когда я этого слова не знаю.

Въ эту минуту раздался вдали грохотъ идущаго по мосту поѣзда и свистки.

— Вонъ... шепнула Эльза, двинувъ рукой.

— Да... Ну, что жь дѣлать! отозвался Этьенъ.

Этимъ дѣвочка напоминала, что опоздала къ проходу поѣзда и что Баптистъ опять будетъ браниться.

— Ну, что же рѣшила мать? спросила она.

— Когда Отвили убрался и вернулся домой Баптистъ, мать съ нимъ говорила. И онъ, конечно, рѣшилъ, что надо тебя послать, но деньги взять впередъ. Онъ сказалъ: это счастье, коли есть еще дураки, которымъ можетъ нравиться такая обезьяна, какъ Эльза. Я озлился и ему крикнулъ съ порога: *Des singes? J'en connais un, moi, à la maison!* Разумѣется онъ кинулся ко мнѣ и хотѣлъ меня треснуть, но я выскочилъ и удралъ изъ дома.

— Что же это? Что? тревожно выговорила Эльза.

— Ты не бойся, *fille*, отозвался Этьенъ придвигаясь, и обнимая сестру. Но это наименованіе „фифиль“, которое братишка давалъ сестрѣ только въ минуты особенной нѣжности или особой тревоги за нее, доказывало, что мальчуганъ тоже очень смущенъ неожиданнымъ происшествіемъ.

И послѣ минутнаго молчанія и раздумья Этьенъ вымолвилъ тихо:

— Одна недѣля не бѣда. А я боюсь что ты останешься совсѣмъ у нихъ въ услуженіи. Тогда я одинъ совсѣмъ пропаду съ тоски. Онъ говорилъ однако, что только на одну недѣлю *poser près de deux heures* рано утромъ и потомъ днемъ до сумерекъ еще одинъ часъ.

— *Poser?! Mais quoi poser?!*

— Вотъ въ этомъ и дѣло... Иди скорѣе домой. Узнаешь. А я поспѣю минугоу и приду. А то увидишь онъ насъ вмѣстѣ.

Эльза поднялась и быстро двинулась домой.

Бартистъ уже снова отперъ заставы, но сидѣлъ около нихъ ожидалъ времени снова завереть ихъ ради другаго пассажирскаго поезда проходящаго въ Парижъ!

Эльза сѣбло пошла прямо къ нему. Услыхавъ за собой шаги по щелбию шоссе, Бартистъ обернулся.

Эльза ждала брани, но ошиблась...

— А! Наконецъ-то! произнесъ онъ. Ну иди, садись.

Эльза приблизилась и глянула ему въ лицо. Онъ казался въ хорошемъ расположеніи духа.

— Задержали въ школѣ? А? Ну! Иги!

— Нѣтъ. Не задержали.

— Ну такъ въ Теріэльтъ застряла ради болтовни avec les commères.

— Нѣтъ. Я полемъ прошла. Встрѣтила Филиппа, спряталась отъ него и обождала, чтобъ онъ миновалъ меня. А потомъ еще сейчасъ задержалась... Теперь я могу васъ замѣтить.

Чтобъ онять заснуть, а тамъ вскочить, да предъ паровозомъ скакать. Мерси. Я лучше самъ дождусь... А вотъ чтò, ma belle, проинчески добавилъ Бартистъ. Садись-ка, да послушай.

— Я и такъ услышу..

— Завтра рано утромъ ты отправишься въ замокъ Отвиль и останешься тамъ недѣлю. Туда приѣхалъ какой-то шутъ, у котораго много лишняго времени и лишнихъ денегъ. Онъ тебя видѣлъ вчера и ужъ не знаю почему *ta frimousse* ему понравилась. Онъ хочетъ съ тебя дѣлать глиняное изображеніе. Бюстъ. Не понимаешь? Ну такъ *une poignée en terreglaise*. Ты будешь стоять или лежать, а онъ будетъ съ тебя дѣлать конію. Авось не утомительно. За то тебя будутъ тамъ сѣтиѣ кормить чѣмъ дома. А за это твоя мать получитъ съ этихъ болвановъ сто франковъ. Ну вотъ и все...

— Что же я буду дѣлать тамъ?

— Говорить тебѣ толкомъ. Два, три часа въ сутки будешь стоять или сидѣть предъ этимъ шутомъ артистомъ. Или лежать чтò ли. Я не знаю. Знаю только что нашелся дуракъ, который по глупости за твою рожу даетъ сто франковъ. А мы тутъ за годовую службу на дорогѣ получаемъ всего семьсотъ франковъ, считая съ новогодними наградами.

Наступило молчаніе.

Баптистъ присмотрѣлся къ стоящей предъ нимъ дѣвочкѣ и вида что она сумрачна и встревожена—расхохотался.

— On va te croquer là.

— Нѣтъ.... А я не знаю на что я собственно пду.

— Ну вотъ что, ma belle. Положимъ что тебя и впрямь сожрутъ тамъ. Но видишь ли, ma charmante, когда принадлежишь къ нищей братіи, quand on est d'une famille de croquants, надо радоваться если кто за хорошія деньги Veut bien vous croquer. А ты моя, красавица, не забывай, что тебѣ нечего въ жизни ждать. Только одинъ выборъ: Или быть горничной chez des bourgeois за семь франковъ или быть скушенной какимъ нибудь Парижанномъ за хорошее вознагражденіе. Впрочемъ, ты не вообрази себѣ съ дуру что мы тебя теперь продаемъ за сто франковъ. Нѣтъ. За тебя можно взять и тысячу. Но конечно не сейчасъ. А вотъ такъ чрезъ годикъ или полтора.

Эльза покачала головой и нервно расхохоталась, громко и злобно.

— Напрасно смѣешься, Mamzelle Gazelle. Сама не зная чему.

— Нѣтъ, monsieur Baptiste.— Я знаю чему смѣюсь. Мой отецъ былъ за убійство въ тюрьмѣ. Мнѣ смѣшно, что я буду пожалуй тамъ же за то же...

— Тра-де-ра... Тра-де-ри-де-ра... пропѣлъ насмѣшливо Баптистъ... А d'autres, ma charmante! Пой эту пѣсенку другимъ, а не мнѣ. Я не пѣз робкихъ... Ты меня еще мало знаешь.

— А вы меня еще того меньше знаете....

— Вотъ какъ? Vrai de vrai? презрительно усмѣхнулся Баптистъ.

— Ну да... вотъ... скоро кажется познакомимся! глухо произнесла Эльза и, отвернувшись, быстро пошла въ домъ. У матери она надѣялась узнать скорѣе и толкомъ, что за странное занятіе ей предлагаютъ у богачей Отвилей.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Гр. Салиасъ.

ИЗЪ ПУТЕВАГО ДНЕВНИКА.

Въ Египтъ.

11 ноября 1890 г.

Сегодня памятный день для Каира,—такой памятный, что еще через много лѣтъ старожилы будутъ вспоминать, какъ встрѣченъ былъ главнымъ городомъ и страной Наслѣдникъ Русскаго Престола.

Небо слегка облачно. Легко дышется. Толпы народа съ какимъ-то жужжаніемъ тѣснятся со всѣхъ сторонъ, по направленію отъ желѣзно-дорожнаго вокзала къ площади Эзбекин. Смутный говоръ все растетъ и растетъ, но мѣрѣ приближенія полудня, когда долженъ придти придворный поѣздъ. Оживленіе передается электрическимъ токомъ изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Петерфильное настроеніе послѣ двѣнадцати часовъ замѣтно на каждомъ шагу. Чу! въ гулкомъ воздухѣ съ оглушительною силой слышится рядъ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости и съ широкаго канала Измаиліа. Это—привѣтъ желаннымъ гостямъ! Скоро, значить, шествіе тронется по разукрашенному Каиру, завяжется бессознательно-глубокое общеніе этого народа съ Августѣйшими посѣтителями, заиграетъ музыка, загремятъ радостныя крики...

... И вотъ все это дѣйствительно просыпается. Волны недомѣвляющаго говора и сочувственнаго ронота бѣгутъ по скученнымъ толпамъ. Сейчасъ должны проѣхать Высокіе путешественники со свитой. Впередѣ уже видны конвоирующіе всадники.

Станція была убрана для пріема гирляндами зелени, русскими, греческими и египетскими національными цвѣтами, съ Императорскимъ орломъ и шифромъ хедива надъ ними. Потолокъ прохода обтянули матеріей. Дебаркалеръ нестрѣль многочисленнымъ обществомъ: пашами, министрами, представителями иностранной дипломатіи, депутатами отъ иностранныхъ колоній Капра.

Любопытные горожане могли убѣдиться, что играющій здѣсь огромную политическую роль сэръ-Эвелингъ Бэрингъ, англійскіе генералы Гренфель и Дормеръ, а также избранная часть англійскаго гарнизона своевременно заняли свой постъ передъ торжественною встрѣчей.

Вдоль пути слѣдованія расположены войска. Слышатся звуки „Боже, Царя храни!“ и греческаго гимна. Народное море положительно бунуетъ. Давка принимаетъ ужасающіе размѣры. Придворные экипажи, несмотря на всю распорядительность полиціи, едва-едва въ состояніи двигаться впередъ.

Въ первомъ, запряженномъ четверкой бѣлыхъ лошадей à la Daumont, на почетномъ мѣстѣ, въ парадной лейбъ-гусарской формѣ и лентѣ ордена Османію съ алмазами—Наслѣдникъ Цесаревичъ. Рядомъ—хедивъ Тевфикъ-паша, въ лентѣ ордена св. Благовѣрнаго Вел. Князя Александра Невскаго,—съ задумчивымъ, но улыбающимся лицомъ. Туземный правитель страны видимо доволенъ привѣтливостью обступающаго народа.

Слѣдомъ ѣдутъ Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Александровичъ и Его Королевское Высочество Принцъ Георгъ Греческій,—оба въ морскихъ мундирахъ. Затѣмъ—пменятѣйшіе Египтяне и свита. Конные отряды открываютъ и замыкаютъ шествіе.

Неподалеку отъ конца излюбленной для прогулокъ аллеи Шубры, у „Кантарать-эль-Лемуна“ (моста черезъ Измайлійскій каналъ) высится двойная арка съ надписью „Добро пожаловать“. Она воздвигнута Русскими. Оказывается, что въ этомъ дѣлѣ приняли энергичное участіе наши средне-азіятскіе мусульмане, Бухарцы и Хивинцы, живущіе здѣсь иногда подолгу или въ качествѣ учащихся при знаменитомъ разсадникѣ арабскаго знанія—мечети Эль-Алхаръ, или же на пути въ Мекку, ожидая когда снарядится туда обычный караванъ. Этотъ элементъ, о которомъ у насъ чрезвычайно мало извѣстно, въ данную историческую минуту проявилъ свои ничѣмъ и никѣмъ не вызванныя вѣрнопочтенныя чувства, въ глазахъ мѣстныхъ муллъ и дервишей

неотразимо высказалъ, какъ ему понятно и дорого обаяніе роднаго русскаго имени, чествованіе Сыновей Бѣлаго Царя.

Надъ нашею аркой, — у самаго вступленія въ Каиръ, — возносятся красиво сѣбланный двуглавый орелъ. Она же убрана листовъ и разноцвѣтными венеціанскими фонарями.

Шестіе съ трудомъ прокладываетъ себѣ дорогу къ центру города...

... Вотъ и пресловутая Эзбекія среди изобилующаго магазинами квартала. На мѣстѣ, гдѣ лежалъ прудъ, съ кіосками мамелюковъ на берегу, теперь раскидывается общественный садъ, устроенный въ 1870 г. парижскимъ садовникомъ — артистомъ Барилэ. Отсюда расходятся многія улицы. Со всѣхъ сторонъ наираетъ и все растетъ толпа. Какъ хороши этотъ восточный людъ, какъ живописно одѣты даже его бѣднѣйшіе представители! Или бѣлое пли синее имъ такъ къ лицу! Туземцы побогаче щеголяютъ разноцвѣтными чалмами, длинными шелковыми кафтанами... Знатные Арабы драпируются въ свои просторные плащи... Закутанныя женщины вглядываются сквозь отверстія покрывала въ невиданныхъ пріѣзжихъ, странно сверкая сильно подведенными глазами. А между гулкимъ многолюдьемъ (съ опасностью жизни подъ ногами лошадей или у колесъ), то и дѣло перебѣгаютъ полуголые мальчишки съ бритыми головами, проталкиваются Коиты, одѣтые въ темное, изъ-за зеркальныхъ стеколъ электричныхъ каретъ смотреть заавѣшенные бѣлою тканью, ревниво охраняемые свухами, обитательницы лучшихъ гаремовъ. Кого-кого только иѣтъ въ нестрой толпѣ, пріѣзжающей Августѣйшихъ путешественниковъ: Нубіецъ стоитъ рядомъ съ Туркомъ, Персъ съ Абиссинцемъ, авантюристъ-Европеецъ съ Сирійцемъ. Положительно, кажется, что всѣ сотни тысячъ городского населенія высыпали въ торжественный моментъ на улицу для неслыханнаго, неподдающагося описанію пріема. Смятеніе дѣйствуетъ положительно опьяняющимъ образомъ, особенно при сознаніи „я—Русскій“. Балконы и окна переполнены зрительницами. Дождь розовыхъ лепестковъ сыплется на путь. Неумолкающая музыка по временамъ почти заглушается ликованіями народа. Веселый безпорядокъ быстро усиливается.

Вездѣ видны фотографы съ аппаратами. Тысячи флаговъ всевозможной величины тихо развѣваются вдоль заволакиваемыхъ ими улицъ, гдѣ ѣдутъ Ихъ Императорскія Высочества. Въ саду

Эзбекин флаги прикрѣплены въ деревьямъ на высотѣ трехъ сажень надъ землею и составляютъ цѣлую массу ласкающихъ взоръ красокъ, отбѣненныхъ густотой зелени.

Близъ извѣстной Каирской гостиницы „Shepherd“ возвышается арка (въ 7½ сажень), съ восьмью колоннамъ, напоминающая по внѣшности парижскую „Arc de l'Etoile“. Съ одной стороны привѣтствіе начертано по-русски. Съ другой—простая надпись „Французы Цесаревичу“. Возгласы *да здравствуетъ Россія!* оглашаютъ все кругомъ.

Аналогичная сцена повторяется дальше на Оперной площади, у греческаго консульства, гдѣ греческая арка съ надписью „Греки Каира“. Тутъ же выстроены солдаты „Devonshire Regiment“ и „Irish Rifles“, эллипскія школы и депутаты отъ этой націи, насчитывающей въ Египтѣ около шестидесяти тысячъ душъ. Августѣйшимъ путешественникамъ подносятся букеты. Экипажи просто теряются въ напирющихъ толпахъ. Только по бѣлымъ конямъ сопровождающихъ гвардейцевъ отдаетъ себѣ отчетъ, куда направляются Высокіе посѣтители.

Такъ проходитъ часъ, другой. На улицахъ то же оживленіе. Давно уже, отвезя гостей въ русское консульство, проѣхалъ обратно во дворецъ хедивъ Тевфикъ-паша. Ему восточный людъ не дѣлаетъ шумныхъ овацій, а по обычаю кланяется молча, прикасаясь къ фескѣ и кладя руку на грудь. Не прерывается лишь безконечное „дэпто“ (да здравствуетъ!) возбужденнаго греческаго многолюдія, празднующаго для себя праздникъ изъ праздниковъ.

Затѣмъ, опять взрывъ привѣтственныхъ криковъ. Ихъ Императорскія и Его Королевское Высочества втроемъ направляются, среди почетнаго конвоя, къ Абдинской дворцовой площади, гдѣ Великихъ Князей приметъ повелитель Египта. При этомъ туземцы не спускаютъ глазъ съ казака, сидящаго на сидѣніи за экипажемъ Августѣйшихъ путешественниковъ. Мощная фигура, въ одеждѣ кавказца, видимо интригуетъ мусульманъ-горожанъ, въ сравнительно недалекомъ прошломъ имѣвшихъ постоянное общеніе съ черкесскою народностью. Половина мѣстныхъ преданій и воспомнаній историческаго характера связана именно съ этою старинной, и тѣмъ рельефнѣе выдѣляется въ яркихъ рамкахъ торжествующаго Каира по восточному принаряженный тѣлохранитель Сыновей Бѣлаго Царя.

12 ноябрѣ.

Итакъ, мы на яву въ сказочномъ городѣ арабской культуры, выросшемъ на развалинахъ глубочайшей старины. До чего пестры эти каирскія улицы! Сегодня вездѣ сравнительный порядокъ, а между тѣмъ, гдѣ только пошире, экипажи, всадники, толпа по-минутно спутываются въ узлы: то и дѣло видишь вереницу нагруженныхъ верблюдовъ, муловъ, подъ бархатною попоной и съ мѣдными побрякушками на уздѣ, конныхъ полицейскихъ, англійскихъ солдатъ, туристовъ въ шлемахъ отъ солнца, Феллаховъ, Бедуиновъ, Негровъ. Кто продаетъ воду, кто цвѣты, сласти или фрукты, кто проситъ подавнїя. На серебристо-сѣромъ осликѣ, съ краснымъ сѣдломъ, пѣтъ-пѣтъ и пробѣдетъ туземная женщина, вся въ темно-синемъ, неуклюже закутанная отъ нескромнаго взора. У высоко подобранныхъ стремянъ мелькають туфельки. Пѣтъ-подъ густаго покрывала всыхивають черныя очн. У бородатыхъ мусульманъ необыкновеннымъ достоинствомъ пропикнуты каждое плавное движеніе, каждая поза: имъ это какъ-то само собою дается, завидеть, конечно, въ сильной мѣрѣ отъ нависнувшей надъ глазами чалмы, отъ кафтана, красящихъ и драпирующихъ восточнаго человѣка.

Необыкновенно характерны узаконенные мѣстнымъ обычаемъ скороходы.

Босоногіе сансы съ палками въ рукахъ, въ расшитыхъ золотомъ курткахъ и яркихъ кушакахъ, изогнувъ корпусъ, откинувъ назадъ плечи, легко несутся передъ ретивыми лошадьми и покрикивають на прохожихъ. Рукава колышата за спиной, точно крылья у бабочекъ. Кисточки у головныхъ уборовъ (тарбушей) прыгають на бѣгу. Грація движеній — въ полной гармонїи съ изумительною проворностью этихъ не знающихъ усталости людей, обыкновенно кончающихъ чахоткой.

Говорятъ, у прадеда хедива Тевфика-паши, у Мохаммеда-Али, былъ неутомимый сансъ, никогда не отстававшій отъ повелителя. Однажды постѣднїй, заслышавъ о какомъ-то возстанїи, устремился на мѣсто происшествїя верхомъ на быстромъ дромадерѣ. Разстоянїе равнялось десяткамъ верстѣ. Скороходъ все бѣжалъ, придерживаясь за сбрую животнаго; когда же достигли цѣли, онъ уналъ бездыханный.

Черезъ сумрачныя глубокія ворота въѣзжаешь въ крѣпость (эль-Калѣ). Подъемъ въ гору хорошо вымощенъ и просторенъ. Вскорѣ становятся замѣтны и казармы европейскихъ солдатъ и

пушки иностранцевъ, направленные на городъ, небольшая площадь среди довольно скученныхъ зданій, развалины стараго мусульманскаго храма съ изразцами художественнаго персидскаго характера.

Кажется, такъ еще недавно на этомъ отрогѣ Мокаттамскаго кряжа стоялъ дворецъ султана Саладина, прославленнаго крестоносцами, и вотъ уже на мѣстѣ того видѣются красные мундиры англійскихъ часовыхъ, стройно тянутся къ небесамъ, точно руки, простертыя къ молитвѣ,—два минарета достроенной въ 1857 году мечети Мохаммеда-Али (основателя нынѣшней династїи), сама же мечеть изъ желтоватаго алебастра ослѣпительно ярко отсвѣчиваетъ среди полудня.

У входа въ нее на сапоги надо надѣвать туфли. Внутри господствуетъ сравнительно полумракъ, въ квадратномъ пространствѣ, напоминающемъ Св. Софію въ Константинополѣ. На полу—ковры, привезенные, какъ говорятъ, изъ Мекки. Видны двѣ, три колѣнопреклоненныя фигуры. По стѣнамъ отражается тотъ же алебастръ. Высокіе столбы поддерживаютъ смѣло очерченный куполь. Многочисленныя мѣдныя лампы спускаются подъ нимъ, тянутся по сторонамъ громадныхъ люстръ. Дальше, въ юго-восточномъ углу мечети, гробница Мохаммеда-Али, скончавшагося въ 1849 году. Она вся въ длинныхъ пальмовыхъ листьяхъ и за красивою позолоченною рѣшеткой окружена знаменами. Затѣмъ выходъ на площадку, обнесенную сводчатыми галлереями, съ башенными часами на китайскомъ навильончикѣ, подаренными королемъ Людовикомъ - Филиппомъ. Имъ мѣсто гдѣ-нибудь на столичной желѣзнодорожной станціи, но никакъ не здѣсь. Тутъ же обычный крытый бассейнъ для религіозныхъ омовеній. Подъ ногами чувствуешь до такой степени гладко отполированный камень, что просто скользшь.

За молитвеннымъ зданіемъ и дворомъ—длинная узкая платформа, около которой, вдоль уступовъ, зябеть обрывъ. Съ нея открывается живописнѣйшій видъ на Капръ: море домовъ, съ плоскими крышами, сады, непчислимые воздушные минареты, дворцы, бѣлые куполы, развалины, зданія съ красными полосами, и за всѣмъ этимъ синяя сверкающая лента рѣки, широко извивающейся (между зелеными полями и рощами пальмъ),—порой даже кажущаяся рядомъ мирно блестящихъ недвижныхъ озеръ, а дальше пирамиды Гизэ, желтѣющая Ливійская пустыня, къ

сѣверу необозримая дельта Нила, къ югу между двухъ сдвигающихся стѣнъ культурнаго пояса, отвоеванная у смерти.

Око расширяется отъ блеска. Кажется, какъ будто вдали огненный горизонтъ заколебался и движется.

Близко на круглой площади Румелии, подъ крѣпостью,—пунктъ, гдѣ стягивается осенью обычный караванъ богомольцевъ въ Мекку (такъ-называемыхъ хаджи), замѣчательный особенно тѣмъ, что еще со времянъ первоначальнаго мамелюккаго владычества принято снаряжать отсюда къ арабской святыни носилки на верблюды (махмаль) и черный покровъ для Каабы (бисву), расшитый изреченіями изъ Корана.

Среди несквозь, недалеко отъ города, выдѣляются безмолвныя уединенныя гробницы здѣшнихъ средневѣковыхъ владыкъ. Положительно чудится, что читаешь арабскую сказку Шехеразеды, но только она развертывается не ночью, а въ горячемъ почти серебряномъ дневномъ сіяніи. Впрочемъ, тутъ въ Каирѣ все постоянно кажется восхительнымъ сномъ, чарующею небылицей. Какъ и всѣ путешественники, мы слышимъ на этомъ мѣстѣ былъ объ истребленіи нѣсколькихъ сотъ мамелюковъ въ 1811 году. Когда ихъ всѣхъ перестрѣляли, одинъ смѣльчакъ, Аминъ - бей, на испытанномъ скакунѣ, завязавъ ему глаза чалмой, заставилъ его броситься внизъ съ крѣпостной стѣны. Конь убится. Всадникъ полуживой доползъ до ближайшаго дома и будто бы спасся. Одна версія преданія утверждаетъ, что онъ послѣ того долго жилъ (или въ Константинополѣ, или въ Верхнемъ Египтѣ) и даже получалъ пенсію, другая же гласитъ, что его пашли и умертвили вскорѣ послѣ катастрофы.

Вѣрить ли разсказу, что конскія копыта выбили здѣсь въ камнѣ предсмертный слѣдъ предъ страшнымъ прыжкомъ съ обрыва.

Отѣзжая отъ усыпальницы предка хедивовъ, невольно любоваться остатками изящныхъ фаянсовыхъ кирпичей съ зеленоватымъ отливомъ, которые еще свѣтятся на куполахъ Саладиновой мечети и называются (какъ и у насъ въ Средней Азіи, на памятникахъ Бухары, Самарканда) „кашани“. Искусство ихъ изготовленія занесено сюда бѣглецами изъ Ирана въ грозную эпоху монгольскихъ нашествій.

Часть дворцовыхъ построекъ въ крѣпости отведена подъ офицерское собраніе, а часть подъ лазаретъ стоящихъ здѣсь англійскихъ „Irish Rifles“, недавно переведенныхъ изъ Индіи въ Египетъ, гдѣ полкъ уже сражался въ началѣ вѣка противъ Французовъ

и въ память этого носить на мундирѣ серебряное изображеніе сфинкса. Нельзя быть въ крѣпости и не поинтересоваться колодезьемъ Юсуфа или Иосифа, который такъ названъ по имени великаго султана, создавшаго нынѣшнюю Калѹ. Это диковинное сооруженіе до 1865 года черпало воду на поверхности чуть ли не ниже уровня самой рѣки. Работали буйволы.

По свидѣтельству древнихъ, существованіе колодца, спускающагося спиралью къ безднѣ, подало мысль Архимеду изобрѣсти винтъ.

Идешь туда, увязая въ мелкомъ пескѣ, по наклонной и извивающейся поверхности. Ходъ крытый. Свѣтъ проникаетъ въ него черезъ широкія отверстія внутри колодезныхъ стѣнъ. Если посмотрѣть внизъ, голова кружится.

Съ какою вѣковою жалобой поднимаются изъ глубины скрипячіе отголоски каждаго поворота колесъ! Не говорятъ ли они о временахъ мѣстнаго блеска и могущества, когда мусульманскіе владыки Каира повелѣвали надъ громаднымъ царствомъ, или изъ этого именно водохранилища (теперь отличающагося почему-то солоноватымъ вкусомъ), съ надеждой глядѣли впередъ, а не на развалины прошедшаго?

Давно уже взоръ останавливался на высочайшемъ (около сорока сажень) изъ минаретовъ Каира, увѣнчивающемъ массивную, но разрушающуюся мечеть султана Гассана, красу Румелійской площади и средневѣковой старины. Глядя на это сумрачно-величественное зданіе, говоришь себѣ: исламъ XIV столѣтія имѣлъ своего Микель-Анджело, проникнутаго плеями Корана, въ эпоху, когда имя египетскихъ владыкъ внушало содроганіе. Но архитекторъ могъ быть и Европеецъ, потому что опытный взглядъ одного художника уловилъ какую-то второстепенную подробность, свидѣтельствующую о вліяніи готическаго стиля. Дѣло не въ этомъ: знаменателенъ порывъ духа.

Постройка занимаетъ около трехъ четвертей десятины, можетъ вмѣщать несмѣтное количество правовѣрныхъ, ищущихъ тутъ и пробѣжца, и утѣшенія.

Мы ѣдемъ вдоль массивныхъ стѣнъ, вдоль длиннаго и высокаго фасада отживающей мечети, вдоль котораго прежде сами правовѣрные благоговѣнно пробирались пѣшкомъ. Какъ она проста! Притомъ скорѣе похожа на крѣпость временъ феодализма, чѣмъ на домъ Божій. Впрочемъ, тутъ пролито столько крови.

что оно и повѣстно: стоить вспомнить хотя бы осень 1799 года, когда за его стѣнами защищались противъ Французовъ возставшіе туземцы. До сихъ поръ еще на восточной сторонѣ сохраняется слѣдъ отъ непріятельскихъ ядербъ.

Предъ огромною дверью ступени. Дальше—крытый темный ходъ во внутрь сооруженія. Онъ изгибается, ведетъ мимо какихъ-то углубленій по сторонамъ, гдѣ раньше сидѣли погружавшіеся въ созерцаніе, кончается дворомъ, куда на цвѣтной мраморъ пола сверху падаетъ ослѣпительный свѣтъ, и на который смотрятъ гигантскія стѣны съ могучими арками, вѣланными въ нихъ, и сажеными надписями священнаго характера. Подъ ними красуются арабески,—узоры, принятые въ архитектуру съ древнихъ азійскихъ тканей, ковровъ. Игра линий имѣетъ здѣсь своеобразнѣйшую прелесть.

Два водоема предназначены для Турокъ и для Египтявъ. У послѣдняго—голубой куполь съ полумѣсяцемъ и золотою каймой изъ арабскихъ буквъ. Дальше—главное мѣсто молитвы, иѣкогда считавшееся излюбленнымъ туземною мусульманскою властью, гдѣ она собирала народъ для объявленія ему своей воли. Самъ султанъ, создатель мечети, когда-то говорилъ здѣсь въ качествѣ богослова, предъ удивленно-внимательною толпою.

Намъ открываютъ дверь, ведущую къ обширному и величественному мавзолею. Онъ крайне простъ, и грандіозные размѣры пріобрѣтаютъ красоту исключительно благодаря художественно сгруппированнымъ сталактивамъ. Нѣкоторые камни тутъ считаются за чудотворные. Ихъ трогаютъ съ благоговѣніемъ. На нихъ молятся. На полу показываютъ темное пятно, точно отъ запекшейся крови. По преданію, Гассанъ надумалъ строить мечеть вскорѣ послѣ ужасной чумы, опустошившей 550 лѣтъ назадъ полміра. Въ Египтѣ не было тогда достаточныхъ матеріальныхъ средствъ на это. Повелитель отправился путешествовать инкогнито, временно передавъ бразды правленія мнимо-преданному визирю. Неожиданно вернувшись изъ-за границы, на правахъ иноземнаго непомѣрно богатаго купца, властитель повилъ, что его забыли и саномъ его пользуется измѣнникъ-вельможа. Незнакомецъ доставилъ многія сокровища на сооруженіе храма, но по окончаніи потребовалъ назвать его именемъ владыки Гассана. Произошло замѣнательство. Султанъ тогда явился въ полномъ блескѣ, и на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ, собственноручно закололъ вѣроломнаго визиря. Хотя на могилу предъ нами

чернь и смотреть какъ на могилу царя,—строителя мечети, это ошибочно. Буйная военная знать умертвила его при какой-то смутѣ. Тѣла не нашли. Онъ напрасно приготовлялъ себѣ вѣчное земное жилище. Судьба рѣшила иначе, точно въ наказаніе за то, будто архитектору отрубили руки по завершеиіи работъ, чтобы человекъ этотъ никогда не могъ начертать другаго столь же искуснаго плана. Вскорѣ затѣмъ на школу, основанную султаномъ для 300 мальчиковъ, упалъ минареть того же храма и всѣхъ задавилъ.

Противъ выхода изъ мечети Гассана современныя власти задумали строить нѣчто похожее на нее, но затѣя оказывается невыполнимою при нынѣшнемъ убогомъ составѣ лицъ, которыя бы рѣшили взяться за такую артистическую работу.

Мы ѣдемъ узкими улицами. Кое-гдѣ темнѣютъ массивныя, мрачныя ворота, уцѣлѣли надписи надъ живописными арками. Внутри нныхъ зданій навѣрно есть укромныя двory, куда лѣтъ сто тому назадъ горделиво вѣзжали мамлюки на безцѣнныхъ коняхъ. Теперь все это отведено подъ склады, загромождено бочками и тюками; въ качествѣ желанныхъ гостей видятъ лишь усталыхъ и пыльных верблюдовъ съ вьюками.

Солнечный свѣтъ не ложится палящимъ зноемъ на полукрытые проѣзды. Дома сдвинуты довольно близко для живительной прохлады. Она сама-собою рождается отъ малѣйшаго движенія воздуха, потому что этому способствуетъ мудрая конструкція большихъ оконъ, закрытыхъ отъ виѣшняго міра, но снабженныхъ массой отверстій и при этомъ выдвигающихся рѣзною показною стороною надъ улицей.

Такія же противоположныя окна тянутся имъ навстрѣчу, погружая тѣмъ самымъ предметы внизу въ отрадную тѣнь. Туземныя кварталы положительно выгрызаютъ отъ подобнаго устройства, и хотя, конечно, своевременно было отвести подъ европейскую часть города (заннимаемую министерствами и вилами Измаилію) не мало осужденныхъ на разрушеніе старомодныхъ домовъ, однако живописность зданій, въ связи съ непрактичностью подражанія западнымъ улицамъ и домамъ, оттого сильно потеряла. Нельзя безнаказанно пересадить чужое на новую почву, не спросивъ съ ея условіями и требованіями.

Когда по сторонамъ мелькаютъ обрывки совершенно нетрону-

таго средневѣковаго Каира, сочетаніе свѣта и тѣни такъ удачно, что некрасивое, грязное, запущенное въ углахъ Востока, невольно поэтизируется, позолоченное прокравшимся лучомъ яркаго солнца. Такъ было, такъ не можетъ быть. Вѣдь и столбики ничтожной мельчайшей пыли преобразуются въ красныя, золототренещущія полосы, когда ихъ коснется солнце, когда съ ними ласковъ день.

Великій поэтъ Аріосто, смутно знавъ мусульманскій Востокъ, говорить о Каирѣ, какъ о городѣ съ 18 000 улицъ, гдѣ въ каждомъ этажѣ помѣщается по 15.000 воиновъ съ семействами, то-есть, иными словами, разгоряченное воображеніе Итальянца допускало, что здѣсь сосредоточивается населеніе чуть ли не цѣлаго земнаго шара. Теперь намъ крайне близка и доступна картина настоящаго положенія вещей, и втайнѣ жаль, что мало подсказываетъ воображеніе.

Флорентійскій пилигримъ Фрескобальди (XIV в.), лично посѣтившій арабскую столицу Египта, видѣлъ на ея улицахъ много слоновъ, несмѣтное количество жителей (больше чѣмъ въ тогдашней Тосканѣ), роскошь и довольство, на ряду съ нарастающимъ пролетариата.

Расточительность женщинъ вызвала противъ себя карающій законъ. Только этимъ можно было обуздывать горожанъ и горожанокъ, сознававшихъ, что они въ центрѣ міровой торговли, охватывавшей три древнѣйшіе материка. Весь Востокъ находилъ тутъ сбытъ, нагромождалъ тутъ свои естественныя сокровища. Гдѣ же отблескъ этихъ яркихъ столѣтій?

Все-таки древній, строго-языческій Египетъ пережилъ сравнительно юную культуру пеллама, вершинами безсмертныхъ пирамидъ непрекешему говорить о вѣчности нныхъ сторонъ челоѣческаго творчества.

Нѣтъ-нѣтъ и вспомнишь, что въ Каирѣ до Турокъ, хоть и номинально, но имѣлъ значеніе халифатъ. Толпы привѣтствовали на улицахъ военнаго представителя этой власти. Онъ ѣхалъ обязательно на бѣлой лошади, подъ черною попоной, въ черной золототканной чалмѣ, съ черными знаменами вокругъ. И всему пришелъ конецъ съ того самаго Запада, который такъ былъ ненавистенъ мусульманамъ! Осталась память о лучшихъ дняхъ въ причудливо мерцающихъ сказкахъ *Тысячи и одной ночи*, на разрушающихся мечетяхъ, среди сухихъ арабскихъ рукописей, и больше нигдѣ...

Тщетно разукрашивалась причудами арабской архитектуры средневековая столица Египта. Теперь старое искусство въ упадкѣ. Недавно оно почти совсѣмъ не признавалось. Только благодаря вкусу и вліянію нѣкоторыхъ европейскихъ цѣнителей пробудилось стремленіе сохранять или реставрировать остатки достопамятной старины. Даже частныя лица стали коллекціонировать. Наконецъ правительство обратило на нее вниманіе, хотя въ меньшей степени чѣмъ на вѣка фараонова могущества.

Созрѣла мысль о необходимости создать музей арабскихъ древностей. Превжній англійскій консулъ Роджерсъ-бей, архитекторъ покойнаго хедива Измаила, Нѣмецъ Францъ-паша, знатокъ этихъ вещей, просвѣщенный Армянинъ Артынь-паша способствовали осуществленію подобной идеи.

Мы направляемся теперь, чтобъ ознакомиться съ такимъ артистически цѣннымъ учрежденіемъ.

Не странно ли, что для музея арабскихъ древностей временно взбрали вмѣсто мечеть Фатимидскаго халифа эль-Хакима, на Эль-Гурійской улицѣ, основанную въ 1003 году, вскорѣ послѣ возникновенія нынѣшней столицы? Онъ былъ какой-то изступленный: то шествовалъ по городу съ необычайною пышностью, то бродилъ вездѣ чуть ли не въ рубищѣ. Въ его правленіе совершались величайшія жестокости, и въ то же время собрана превосходная бібліотека для общественнаго пользованія, разросшаяся вскорѣ до милліона шестисотъ тысячъ томовъ. Саладинъ ее истребилъ, какъ разсадникъ ересей.

При входѣ въ хранилище средневековыхъ достопримѣчательностей видишь предъ собой корридоръ съ комнатами по бокамъ. Вдоль стѣнъ его расположены образчики узорчатой деревянной рѣзбы, заслонки гаремныхъ оконъ, искусныя двери мечетей. Съ потолка спускаются любопытныя по формѣ металлическія лампы. Въ одномъ отдѣлѣ находятся рѣдкія куфическія надписи, въ другомъ — старинныя свѣтильники, два красныя мѣдные стола съ серебряными пикрустаціями, перенесенныя сюда изъ молитвеннаго дома Калауна, султана - благотворителя, жившаго въ XIII столѣтіи.

Кромѣ того, неподражаемы эмальерованныя лампы, цвѣтное стекло спрійскаго издѣлія, ради береженія взятое у мечети Хасана. Имя его ясно на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Еще болѣе или менѣе замѣчательны нѣкоторыя мраморныя плиты, футляры для корановъ, разукрашенные слоновою костью, и т. д.

13 ноября.

Еще недавно, по направленію къ пирамидамъ Гизо, широко разливалось наводненіе, и среди временнаго потопа, точно островки, сѣрѣли пригорки съ деревьями. Теперь оно отошло, оставляя сравнительно незначительныя слѣды. Посѣвы видны вдоль дороги. Пѣвучіе жаворонки поднимаются съ нихъ въ залитую солнцемъ высь. Пирамиды кажутся такъ близки, что мы уже почти доѣхали до нихъ, а между тѣмъ разстояніе еще довольно значительно: это просто обманываетъ зрѣніе ихъ невѣроятная величина, отсутствіе предъ ними чего-нибудь, что разнообразило бы мѣстность, наконецъ, необыкновенная прозрачность воздуха.

Отъ деревни Гизо къ великимъ намятникамъ старины, вознесшимся на высокомъ плато у порога пустыни, ведетъ совершенно прямое шоссе, засаженное леббаховыми деревьями (акаціями), слегка приподнятое надъ наводняемою окрестностью. Листва такъ густа, что не вездѣ даже просвѣчиваетъ лазурное небо. На его свѣтломъ фонѣ не менѣе свѣтлы треугольнички пирамидъ,—и, странно сказать, въ отдаленіи онѣ представлялись еще громаднѣе.

Что онѣ такое были въ древности? для чего созданы? Прежде въ видѣ объясненія говорили: для того, чтобы хранить въ нихъ зерно, или спастись сокровища знанія отъ наводненій, или служить маяками для заблудившихся въ пустынѣ, или ради удовольворенія тщеславія фараоновъ, или, наконецъ, съ цѣлью производить астрономическія наблюденія. Теперь говорятъ: онѣ воздвигнуты исключительно какъ могилы. Но зачѣмъ эта неизмѣримая вышина, отчего не предпочталося видѣть тѣла просто въ нѣдрахъ земли?

Издали пирамиды довольно ясно напоминаютъ горы. Историки думаютъ, что Египетскій народъ, въ лицѣ оспователей его культуры, явился съ Востока. Съ другой стороны, мы знаемъ, какъ въ Азій съ незапамятныхъ временъ чтутся возвышенности: имъ придается таинственное религіозное значеніе, въ нихъ или на нихъ погребаются иные мертвецы. Можетъ-быть, это и черезчуръ смѣлая гипотеза, но почему не сказать себѣ, что разъ царство усонниихъ предполагалось на западной сторонѣ, а на этомъ берегу Нила у древней столицы (близъ Каира) не было горъ.—таковыя искусственно создавались, чуть ли не въ силу бессознательно - узорной традиціи почитать ихъ, придавать

возвышенностямъ священный характеръ, особенно желательный для погребенія именитыхъ людей. Само названіе „пирамиды“ происходитъ будто бы отъ древне-египетскаго слова „пи-рама“ (гора).

Передъ подъемомъ къ этимъ памятникамъ тысячелѣтій близъ дороги, смѣлымъ изгибомъ поднимающейся къ нимъ, предприимчивый европейскій духъ уже соорудилъ гостиницу для скучающихъ и пресыщенныхъ туристовъ, которыми ежегодно наводняется Принпльская долина. Лошади съ трудомъ тащатъ экипажъ въ гору. Море песку надвигается со всѣхъ сторонъ, беспомощно зампраетъ только у подножія трехъ главныхъ пирамидъ. Остальные надгробные слѣды одинаковаго типа, свидѣтельствующіе о погребеніи здѣсь лицъ близкихъ къ древнимъ фараонамъ, давно стали ничтожны, малозамѣтны. Чѣмъ же характерны трехугольные колоссы, уцѣлѣвшіе среди окружающаго пустыря?

Нѣкогда они были будто бы гладко отполированы, одѣты точно мраморными плитами, снабжены надписями, украшены позолотой. Нынѣ это — неуклюжія глыбы, особенно пирамида царя Хеопса. Навороченныя другъ на друга словно руками титановъ ополчившихся въ своемъ безуміи на небеса, онѣ кажутся совершенно нечеловѣческимъ, трудно постижимымъ созданіемъ. Уходя въ страшную высь, сплотившіеся во вторую Вавилонскую башню, камни пскушаютъ природу, дразнятъ позднѣйшую технику, стоятъ надъ пигмеями-людьми вродѣ стражей вѣчности.

„Все боится времени, но и оно страшится пирамидъ“, гласитъ глубокомысленное арабское изреченіе. Только находясь въ непосредственной близости отъ нихъ, понимаешь его истинное значеніе.

Насъ увѣряютъ, что надъ построеніемъ этихъ математически точно задуманныхъ и тщательно воздвигнутыхъ массъ древнее населеніе работало десятки лѣтъ, выставляя сотни тысячъ безвѣстныхъ тружениковъ. Вожаки толпы, мудрые какъ языческіе боги или какъ традиціонный змій, умѣли направлять къ определенной цѣли необычайную силу терпѣнія и кротости туземнаго народа. Фараонъ прославлялся и дѣлался равенъ небожителямъ. Подданные грѣлись въ лучахъ воплощеннаго солища, правившаго Египтомъ. Гдѣ челоуѣчество жило и мыслило при такомъ порядкѣ вещей, еще не было разлада внутри государства, и, напротивъ, царило нѣкотораго рода благополучіе.

Передъ нами высится небольшой павильонъ, приготовленный пышнымъ хедивомъ Измаиломъ для встрѣчи императрицы Евгеніи

при открытіи Суэзскаго канала. Надо замѣтить, что мусульманскій владыка принимаетъ ее тогда съ неслыханнымъ блескомъ и роскошью.—точно Соломонъ Савскую царицу.

Кругомъ все голо, увядло, едятъ въ однозвучно-желтый цвѣтъ. Подъ плато гарцуютъ Бедуины на кровныхъ коняхъ. Каждый всадникъ одѣтъ иначе, чѣмъ другіе, оригиналенъ или оружіемъ, или плащемъ, или сурово-пеннокорнымъ выраженіемъ лица.

Арабы, свыкшіеся съ пирамидами, предлагаютъ свои услуги путешественникамъ, желающимъ карабкаться наверхъ, на пирамиду Хеопса. Ступеней въ сущности нѣтъ. Надо взбираться по уступамъ, изъ конхъ многіе на половину почти въ ростъ человѣческой. Чѣмъ дальше поднимаешься отъ земли, тѣмъ страннѣе испытываемое ощущеніе. Это не то, что подыматься на башню или вообще по безконечной лѣстницѣ. Тамъ бываетъ стѣснено извиѣ и мало въ чемъ отдаешь себѣ ясный отчетъ. Тутъ же находишься постоянно подъ открытымъ знойнымъ воздухомъ. Три туземца поддерживаютъ, подталкиваютъ, притягиваютъ, не давая времени ономнитъ. Мало-по-малу дыханіе прерывается. Предметы внизу принимаютъ микроскопическій видъ. Надъ головой тянется рядъ теряющихся въ лазури громадъ, одна другой могучѣе, одна другой горделивѣе... Всѣхъ ихъ влечетъ къ вершинѣ, вмѣющей объединить отдѣльныя точки, слить ихъ въ гармоническое цѣлое, уудобить сооруженіе міровому сочетанію силъ, которымъ царь — наивысшее таинственное начало. Кровь стучитъ въ виски. Съ заветкившимися губами, съ полуслѣвленнымъ взоромъ, судорожно дыша, ввѣряешься помощи проводниковъ Арабовъ и машинально двигаешься впередъ. Они же прыгаютъ, словно дикія кошки, цѣпляются за неровную поверхность съ прозорностью обезьянъ, не проявляютъ ни малѣйшихъ признаковъ утомленія и съ какимъ-то любопытствомъ или, быть-можетъ, даже прошею всматриваются въ иностранцевъ, совершающихъ вхождение на пирамиды. Они вѣдь за это не получаютъ денегъ, напротивъ, сами тратятся, да еще, вдобавокъ, устаютъ!.. Странные чужеземцы!..

Если присядешь отдохнуть, какой-нибудь неотвязный мальчижь-туземецъ соблазняетъ глотнуть изъ грязнаго глинянаго кувшина, путешествующаго вмѣстѣ съ нимъ взадъ и впередъ по пирамидамъ. Затѣмъ слышатся сначала робкія предложенія (какъ бы вскользь), а потомъ ужъ и убѣдительныя просьбы купить мѣтко-древнія бездѣлушки. Но видишь близкую верхушку, чувствуешь себя у

желанной цѣли и простодушно относись къ простодушному лукавству этихъ кормящихся старинной людей. Они, между прочимъ, выражаютъ охоту взбѣжать на сосѣднюю огромную пирамиду Хефрена и столь же быстро сойти, рискуя каждую минуту сломать себѣ шею. Такими же способностями ископци отличались жители этой мѣстности. О томъ говорятъ классическіе писатели.

Кто не находитъ утѣхи въ подобномъ зрѣлищѣ, отклоняетъ приставающаго неутомимаго проводника и съ удвоенною энергіей торопится къ площадкѣ, образовавшейся на слегка разрушенной вершинѣ. Издали она казалась телько притупленнымъ остриемъ. Теперь убѣждаешься въ размѣрахъ этой надломленности. Площадка занимаетъ около 25 или 30 кв. футовъ. Иные вывороченные камни даютъ тѣнь въ разгарѣ дня. Воздухъ вокругъ точно хрустальный.

По направленію къ городу полосы зелени сквозятъ среди слѣдовъ недавняго наводненія. Муравьиными тропинками гдѣ-то мелькаютъ дороги. Въ голубоватомъ туманѣ теряются очертанія земныхъ жилищъ, храмовъ, дворцовъ...

А взглянешь въ сторону Ливійской пустыни (съ неизмѣряемой высоты Хеопсова сооруженія), вездѣ разстилаются пески, да торчатъ нагія скалистыя возвышенія: нѣтъ тамъ границъ ужасному безлюдью; все безцвѣтно, беззвучно, не отмѣчено даже надгробными памятниками. За то подъ нашими ногами громоздятся необозримый матеріалъ для мавзолеевъ. Его столько, что изъ него можно бы сложить десятки готическихъ соборовъ средней величины! Досужіе смертные исчислили, будто изъ этихъ глыбъ можно построить стѣну (выше роста человѣческаго) длиною вокругъ Франціи, или черезъ африканскій материкъ, или отъ Англіи до Америки.

Поверхность наверху спешрена никому не нужными именами турпистовъ-эфемеридовъ. Арабы пренаивно соскабливаютъ при же незадолго предъ тѣмъ вырѣзанныя буквы и спрашиваютъ, что писать взамѣнъ о своихъ теперешнихъ благодѣтеляхъ. И жалко, и смѣшно!..

Конечно, и тутъ подолгу съ почтеніемъ сохраняются пныя имена, принадлежащія высокимъ посѣтителемъ; но попытки всѣхъ простыхъ путешественниковъ, совершавшихъ восхожденіе, въ свою очередь прославить память о себѣ на верхушкѣ пирамиды такъ же бесполезны, какъ дикій замыселъ одного средневѣковаго внуха разрушить ее, разобрать по частямъ, сравнять съ землей.

Нѣсколько глыбъ дѣйствительно отпало. Громада осталась, повидля дерзновенныхъ презрѣнїемъ и несокрушимостью. Чтѣ собственно могло бы уничтожить эту твердыню? Развѣ только космическій переворотъ, исчезновенїе рода человѣческаго окрестъ, карающее дуновенїе Божества на цвѣтущїй Египетъ...

Отсюда, съ вѣнца сооруженїя понимаешь, что еще до ислама Аравитяне издали приходили къ таинственному подножію царской гробницы на богомолье и для жертвоприношенїй. Тутъ какъ бы сказывался безсознательный культъ времени: вѣль сооруженїю Хеопса, по меньшей мѣрѣ, минуло пять тысячъ лѣтъ!..

До сихъ поръ трудно себѣ представить сколькокъ усилїй стоило снести на порогъ Ливїйской пустыни весь требовавшїйся матеріаль изъ-за рѣки и содержать здѣсь огромнѣйшее число рабочихъ. Внослѣдствїи пирамидами стали пользоваться въ качествѣ каменоломенъ, но причинили имъ сравнительно мало вреда. Чтѣ же тогда думать о напряженїи, когда ихъ воздвигали и когда подвозились неисчислимыя глыбы? Въ сосѣднихъ двухъ намятинкахъ слѣдовавшихъ за Хеопсомъ царей клали даже въ основу темный гранитъ, славившїйся черезъ Верхнїй Египетъ по Нилу отъ пынѣшняго Асуана (на рубежѣ древней Эііопїи).

Тѣла усопшихъ правителей, скрытыя внутри созданныхъ ими вѣчныхъ жилищъ, исчезли безслѣдно. Уже Персы вторгались въ нихъ. Мусульмане тщетно искали тутъ кладовъ. Халифъ Мамунъ, преемникъ знаменитаго Гарунъ-эль-Рашида, довелъ народъ до ропота своими тратами на изслѣдованїе загадочнаго тайнохранилища съ корыстными цѣлями.

Гробницы трехъ полумифическихъ фараоновъ пусты. Посѣщенїе проложенныхъ въ камнѣ ходовъ и покоевъ утомительно, душливо,—а главное, не особенно интересно.

Въ пирамидѣ Микерїана, сына Хеопса, полковникъ Вайзъ нашелъ красивый базальтовый саркофагъ. Его послали въ Англію, но судно съ нимъ погибло у португальскаго берега. Море скрыло посмертную броню фараона.

На небольшомъ разстоянїи отъ трехъ главнѣйшихъ сооруженїй, спиной къ нимъ и лицомъ къ городу, высятся скалистое изваянїе, которое,—если ближе подойдешь и взглядишься въ его страшныя очертанїя,—получеловѣкъ, полудевъ. Верхняя часть

его, еще въ Средніе Вѣка представлявшаяся образцомъ симметріи, духовной красоты и выразительности, изуродована пушечными выстрѣлами фанатичныхъ мамелюковъ. Нижняя глубоко уходитъ въ песокъ, зысыпаетъ одинокаго многострадальнаго песчанина со слабыми остатками царственнаго головнаго убора и краски на лѣвомъ вискѣ, съ мучительно искривленнымъ ртомъ, поврежденными ноздрями, гримасой безобразнаго негра.

Туземцы называли его „Вель-хитъ“ („имѣющимъ сердце въ очахъ“, „бдительнымъ“) или же „Абуиль-Холь“ („отцомъ страха“). Онъ будто бы лежитъ при пустынѣ съ цѣлью оберегать отъ нея плодородную землю, чародѣйною силой отгонять злыя начала. Древній Египтянинъ видѣлъ въ немъ олицетвореніе солнца „Ра“ въ фазисѣ восхожденія, пробуждающаго жизнь среди оцѣненѣлой почвѣ. Рядомъ — гробницы, а онъ — символъ безсмертія. Рядомъ — душная и страшная Ливійская степь, а онъ смотритъ на Востокъ, гдѣ подъ его претальнымъ творческимъ взоромъ радостно струится рѣка, зеленѣютъ пажити и деревья, восхваляютъ небо за его дары безчисленныя человѣческія существа...

Песокъ издавна понемногу заноситъ смѣлую фигуру, точно прилегшую здѣсь отдохнуть, засыпаетъ ея туловище, крадется къ самому лику. Такъ было, такъ будетъ. Сфинксъ находится здѣсь гораздо раньше пирамидъ. Между гигантскими лапами изваянія съ незапамятнаго періода курился жертвенный алтарь. Вихри наметали на него прахъ. Служеніе прерывалось. Набожные правители заботились, какъ бы отрыть и высвободить державную святыню страны.

Веллчайшій изъ фараоновъ Тутмесь III, наидальше другихъ воителей Нила проникшій въ Азію въ середнѣй второго тысячелѣтія до нашей эры, однажды, утомленный охотой на львовъ, заснулъ у каменнаго человѣка-льва, вблизи котораго мы теперь стоимъ, — и видится монарху во снѣ, будто исполнская голова оживаетъ, обращается къ нему, какъ къ сыну, и предписываетъ удалить песокъ, стремящійся ее задушить. Царь просыпается, повелѣваетъ произвести необходимыя работы, ставитъ у могучаго таинственнаго тѣла доску съ надписью, какъ все это случилось.

Въ XIX вѣкѣ за такую же раскопку принялся морякъ Кавилья, Марьэтъ, Масперо, Грѣбо. Чѣмъ больше всматриваешься въ него, измѣряя его десятсаженную высоту, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе кажется породившая его эпоха. Неужели же люди,

существовавшіе чуть ли не до библейскаго потопа, во многомъ художественнѣе и глубже нашего умѣли выражать и воплощать свой идеаль?

Текеть книжекъ-путеводителей, упоминая о Сфинкесѣ, отводить ему второе мѣсто послѣ пирамидъ, какъ будто тутъ возможно дѣленіе на категоріи по интересу, какъ будто этотъ памятникъ, который еще гораздо древнѣе ихъ, не выше всего окружающаго: вопервыхъ, по своему историческому или точнѣе доисторическому значенію, вовторыхъ, по характерности этого изуродованнаго облика, видѣвшаго теченіе обильнѣйшихъ событіями тысячелѣтій и забывшаго про такія мелкія подробности, когда передъ каменными очами встаетъ сама вѣчность.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

САЛЛИ ДОУЗЪ.

Романъ Бретъ-Гарта, переводъ съ рукописи Э. Д.

III.

Несмотря на неловкій конецъ визита, а можетъ-быть и *вслѣдствіе* этой неловкости, Куртлендъ въ теченіе той же недѣли посѣтилъ плантацію еще разъ. Но теперь его сопровождалъ Дрёммондъ и встрѣтила ихъ миссъ Мيرانда Доузъ, старая дѣва, лѣтъ пятидесяти, длинноногая и высокаго роста; ея старосвѣтская вѣжливость слегка видоизмѣнилась и старосвѣтскіе взгляды уступили свое мѣсто подъ наплывомъ новыхъ обстоятельствъ, съ которыми она откровенно примирилась. Дрёммондъ восхищался фермой и веденіемъ хозяйства и былъ совершенно очарованъ миссъ Салли, тогда какъ Куртлендъ на этотъ разъ былъ настолько остороженъ, чтобы раздѣлить свою любезность между ею и ея теткой, и пришелъ къ выводу, расходившемуся съ убѣжденіемъ Чампнея въ томъ, что миссъ Мيرانда будто не имѣла никакого значенія. Освобожденнымъ рабамъ она все еще представлялась прежнею непреклонною владѣлицей. Повидимому, они суевѣрно убѣждены были, что она до сихъ поръ сохраняла какую-то неопредѣленную силу, съ помощью которой она по своему желанію могла бы измѣнить постановленія закона освободившаго ихъ, отъ чего, по ихъ мнѣнію, ее удерживало только вмѣшательство добродушной и чувствительной миссъ Салли. Куртлендъ скоро оцѣнилъ значеніе ея вліянія въ переходномъ состояніи недавно освобожденныхъ рабовъ и обратилъ на это вниманіе своего

начальника. Прежнія сомнѣнія и скептицизмъ Дрѣммонда, ослабѣвшія уже передъ чарами миссъ Салли, окончательно исчезли при открывшейся возможности извлечь пользу изъ этихъ остатковъ рабства. Онъ далъ себя убѣдить и даже дошелъ до энтузіазма. У заграничныхъ капиталистовъ надо приобрести ихъ права, компанія устроить и расширить имѣніе, а за владѣльцами сохранять управленіе и контроль. Какъ всегда бываетъ съ людьми предубѣжденными, обращеніе Дрѣммонда было внезапное и безповоротное, а такъ какъ онъ былъ человѣкомъ дѣловымъ, то сразу и началъ дѣйствовать. При второмъ и третьемъ свиданіи закончены были предварительные переговоры, а черезъ три недѣли послѣ перваго посѣщенія Куртлэнда плантація дѣвицъ Доузъ и часть имѣнія майора Рида вошли въ составъ „Дрѣммондовскаго синдиката“ и были обезпечены въ финансовомъ отношеніи. Куртлэндъ остался представителемъ компаніи въ Редлендсѣ, а съ уходомъ англійскихъ капиталистовъ, Чамшей тоже удалился, какъ раньше предполагалъ, и завелъ собственное дѣло на плантаціи, которую компаніи не удалось приобрести и находившуюся всего въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда.

Въ теченіе этого времени Куртлэндъ, имѣя легкій и невозбращенный доступъ къ миссъ Салли, часто видался съ ней. Хотя ничто не заставляло его ограничиваться одними только дѣловыми сношеніями, онъ больше ужъ не касался области романа и нѣжныхъ чувствъ и не упоминалъ о несчастномъ письмѣ и портретѣ, а обращался съ ней спокойно и ровно—по-сосѣдски. Многимъ, въ этомъ случаѣ, онъ былъ обязанъ привычкѣ сдерживаться и солдатской выправкѣ. Скрывавшееся въ немъ болѣе глубокое чувство не проявлялось наружу. Иногда онъ ловилъ взглядъ молодой дѣвушки, останавливавшейся на немъ съ задорнымъ любопытствомъ. Тогда какое-то странное ощущеніе заставляло его вздрагивать; мало есть положеній, столь затруднительныхъ и опасныхъ, какъ случайно установившася откровенность и пониманіе другъ друга между молодою дѣвушкой и мужчиной, даже если и не поднимался еще вопросъ о какой-либо взаимной склонности. Куртлэндъ зналъ, что миссъ Салли помнитъ начало ихъ знакомства. Быть-можетъ она и смѣялась надъ *этимъ* и даже была недовольна, но она знала *это*, помнила, и знала, что и онъ помнитъ и бромѣ ихъ самихъ *этого* никто больше не знаетъ. Оно занимало ихъ мысли, когда наступали паузы въ ихъ дѣловыхъ и свѣтскихъ бесѣдахъ, оно же обнаруживалось въ той чрезмѣрной

заботливости, съ которою, впоследствии, миссъ Салли, какъ разъ въ необходимый моментъ, старалась отвести отъ него свои задорно-смѣющіеся глаза. Однажды она пошла дальше. Куртландъ только-что кончилъ объяснять ей свой планъ о замѣнѣ небольшими фермами обычныхъ полуобработанныхъ огородовъ, излюбленныхъ неграми, и положилъ чертежи на столъ въ конторѣ, когда миссъ Салли, прислонившись къ столу и заложивъ руки за спину, пристально блестящими сѣрыми глазами посмотрѣла на его серьезное лицо.

— Клянусь и объявляю, полковникъ, сказала она, употребляя оригинальное выраженіе, свойственное ея соотечественникамъ и унаслѣдованное отъ прежнихъ временъ,—встрѣтившись съ вами тогда въ первый разъ, я и не предполагала, чтобы вы могли такъ отдаться дѣлу и тѣломъ и душой.

— Какимъ же я вамъ казался? быстро спросилъ онъ.

Склонная къ жестикуляціи, какъ все ѳужанки, миссъ Салли, поднявъ руку, покружила ею надъ головой, кокетливо изображая, какъ, по ея мнѣнію, мужчины занимаются разными пустяками, и сказала:

— О! вотъ *какимъ!*

— Значить, я не произвелъ на васъ впечатлѣнія дѣловаго человѣка? спросилъ онъ, слегка покраснѣвъ.

— Я думала, что вы слишкомъ высоко летаете, чтобы обращать вниманіе на землю. Но, кажется,—судя по тому, что вы сказали о портретѣ, добавила она съ обворожительною улыбкой,—и вы тоже нашли меня не совсѣмъ *такою*, какою мнѣ слѣдовало быть по вашему мнѣнію?

Ему захотѣлось сейчасъ же, на этомъ же мѣстѣ, признаться ей, какъ бы онъ радъ былъ, еслибы эти свѣтлые, прекрасные глаза никогда ничѣмъ не оживлялись, кромѣ любви и женственныхъ стремленій, еслибы этотъ вкрадчивый, ласкающій голосъ раздавался только у очага, или въ семейномъ кружкѣ, еслибы эта свѣтлорусая головка прислушивалась только къ восторженнымъ хваламъ, а граціозно стройная фигура, такая независимая и сдержанная, согласилась бы опереться на его руку, ища поддержки. Онъ сознавалъ, что это было у него въ мысляхъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ первый разъ ее увидѣлъ, и сознавалъ также, что въ настоящее время своею недоступною разсудительностью и дѣловитостью она еще больше приворожила его.

— Признаюсь, сказалъ онъ, заглядывая ей въ глаза и зага-

точно улыбаясь, — я не ожидать, что вы такъ скоро забудете человека, которому вы очевидно были дороги.

— То-есть мистера Четь Бруксъ, или мистера Джойсъ Мастертоунъ, или обоихъ? Это такъ похоже на васъ, мужичиъ, полковникъ! Вы думаете, что если дѣвушка вамъ нравится, такъ она должна быть за это благодарною въ продолженіе всей своей жизни и вашей тоже! Сами вы теперь другаго мѣшину, но вамъ не слѣдовало бы такъ строго держаться его на практикѣ. Она сѣхла при этомъ легкой, отрицательной жестъ, какъ бы желая отклонить какую-нибудь занозавшую любезность. — И не говорю о себѣ, полковникъ, мы съ вами и безъ того пріятели. Но сосѣднія дѣвицы думаютъ, что вы ужь слишкомъ зашлись рисою и неграми. И даже съ вашей точки зрѣнія, полковникъ, въ *дѣлалъ* такъ поступать не годится. Вы хотите сохранить свои отношенія къ майору Риду, а для этого не мѣшало бы быть полюбозивѣ съ его дамами. Октавіа и Гесса Ридъ совсѣмъ не такъ ядовиты, полковникъ, и въ воскресенье вы могли бы проводить которую-нибудь изъ нихъ изъ церкви домой; а въ слѣдующее затѣмъ воскресенье, конечно, для того только, чтобы показать, что вы безпристрастны и хотите разыграть изъ себя настоящаго поклонника женщинъ — вы могли бы дойти до дому и *со мной*. Не пугайтесь, у меня есть платье получше, чѣмъ это: я его только-что получила изъ Наввилы и надѣну ради этого случая.

Онъ не посмѣлъ сказать, что ее скромное домашнее платье изъ простой лѣтной матеріи, съ бантами изъ лентъ надъ карманами кокетливаго фартука, стало для него принадлежностью ея красоты; самъ же онъ безнадежно сознавалъ, что она была прелестна въ какомъ бы то ни было платьѣ, и готовъ былъ признаться въ этомъ. Онъ поблагодарилъ ее искренно и серьезно, но безъ особенной любезности или горячности и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что глаза у нея блестятъ тѣмъ задоривѣ, чѣмъ самъ онъ становился серьезивѣ.

— Будьте тверже, полковникъ, сказала она съ притворною заботливостью, — не сокрушайтесь объ этомъ раньше времени, сказала она и простилась съ нимъ.

Въ воскресенье онъ явился въ церковь въ Редландсѣ и послѣ службы, съ наружнымъ спокойствіемъ, но съ внутреннимъ содроганіемъ, сталъ въ ряды молодежи, которая по мѣстному обычаю выстроилась около дверей церкви. Онъ нѣсколько

удивился, замѣтивъ мистера Чампнея, который чувствовалъ себя очевидно такъ же неловко, какъ и онъ самъ, но только менѣе сдерживался. Чампней тоже стоялъ въ толпѣ ожидавшихъ кавалеровъ, но Куртлэндъ былъ увѣренъ, что молодой Англичанинъ пришелъ только для того, чтобы повидаться съ миссъ Салли. Онъ все-таки обрадовался возможности раздѣлить свое неловкое одиночество съ другимъ иностранцемъ и привѣтливо съ нимъ поздоровался. Такъ какъ Доузы были ближе къ выходу, чѣмъ Риды, то они и вышли первыми. Снявъ шляпу, полковникъ Куртлэндъ поклонился миссъ Мирандѣ и ея племянницѣ и въ то же время Чампней продвинулся впередъ и пошелъ рядомъ съ ними. Миссъ Салли уловила взглядъ полковника и сама переглянулась съ нимъ, кокетливо и многозначительно указывая, что за ней слѣдуютъ Риды. Когда тѣ подошли, Куртлэндъ присоединился къ нимъ и, очутившись рядомъ съ миссъ Октавіей, вступилъ съ ней въ разговоръ. Повидному, сдержанная страстность и угрюмая меланхолія черноокой дѣвицы вызвали въ немъ легкомысленное и веселое настроеніе, подобно тому, какъ добродушное легкомысліе миссъ Салли и ея веселая дѣловитость дѣлали его серьезнымъ. Они съ Октавіей скорѣе отстали отъ другихъ паръ и остались совершенно одни. Нѣсколько надменная, высокая и стройная въ своемъ хорошо сохранившемся черномъ гренадиновомъ платьѣ, придававшемъ ей видъ молодой, но неутѣшной вдовы, миссъ Ридъ объявила, что они не видали полковника „цѣлый вѣкъ“ и, конечно, не ожидали чести воспользоваться его обществомъ до тѣхъ поръ, пока еще останутся негры, которыхъ надо воспитывать или перекрашивать въ бѣлыхъ людей. Она надѣялась, что и онъ, и она, и Салли Доузъ были счастливы. Конечно, они еще не дошли до того, чтобы поставить негра проповѣдникомъ на мѣсто мистера Саймса, ихъ священника, но уже ходятъ слухи о томъ, что Ганинбалъ Джонсонъ—кучеръ миссъ Доузъ—на слѣдующій годъ будетъ избранъ судьей. Нѣтъ? или можетъ-быть самъ полковникъ думаетъ занять это мѣсто? Онъ можетъ смѣяться надъ ней сколько хочетъ, повидному, ему веселѣе, чѣмъ въ первый разъ, когда она съ нимъ познакомилась, только ей хотѣлось бы знать: развѣ на сѣверѣ принято смѣяться, возвращаясь изъ церкви домой? Конечно, если таковъ тамъ обычай, такъ придется принять его вмѣстѣ съ законами объ освобожденіи, но теперь она замѣчаетъ, что люди удивленно

поглядываютъ на нихъ, миссъ Салли даже обернулась въ ихъ сторону! И все же миссъ Октавія слегка покрасѣла и губы ея дрогнули.

— Но серьезно, миссъ Ридъ, какъ вы думаете, развѣ вы не предпочли бы, какъ судью, старика Ганнибала, котораго вы знаете, человеку постороннему, да еще сѣверянину, какъ я?

Искося взглянула черноокая миссъ Ридъ на красивое лицо и изящную фигуру своего кавалера; что-то вротѣ капризной улыбки появилось на ея тонкихъ губахъ.

— Выборъ былъ бы не особенно затруднителенъ, полковникъ.

— Допускаю. Мы оба признавали бы васъ своею госпожою и были бы мягки какъ воскъ въ вашихъ рукахъ.

— Вамъ слѣдовало бы сказать этотъ комплиментъ Салли Дозу; она тутъ у насъ господствуетъ. Но, добавила Октавія внезапно и пристально взглянувъ на него, — какъ это случилось, что не вы идете съ ней, а тотъ Англичанинъ? Знаете, — вѣдь это ясно, какъ день, — онъ купилъ свою землю только для того, чтобы быть поближе къ ней, когда оставилъ мѣсто агента!

Куртлендъ умѣлъ всегда сохранять хладнокровіе и относился совершенно спокойно къ миссъ Салли, когда не находился въ ея присутствіи.

— Вы знаете, сказалъ онъ улыбаясь, — что я все еще совсѣмъ чужой здѣсь и мало посвященъ въ мѣстные толки, а если бы и знать ихъ, то полагаю, что вмѣстѣ съ *землей* мы не обязаны были пріобрѣтать личнаго расположенія мистера Чампнея къ хозяйкѣ имѣнія.

— У васъ много было бы дѣла, потому что, насколько я знаю на ней лежатъ много подобныхъ обязательствъ, возразила миссъ Ридъ, но въ этомъ замѣчаніи слышалась скорѣе веселая шутка, чѣмъ ѣдкая насмѣшка. — У мистера Чампнея былъ серьезный соперникъ, одинъ изъ ея французскихъ родственниковъ, онъ пріѣзжалъ сюда. Кстати, нѣтъ ли у васъ французскихъ книгъ, полковникъ? И не одолжите ли вы ихъ мнѣ? Папа говоритъ, что вы очень много читаете по-французски, а у меня почти нѣтъ практики съ тѣхъ поръ, какъ я вышла изъ пансіона въ Сентъ-Луи. Папа не знаетъ, какія книги мнѣ брать, и по этой части иногда выходятъ ужасныя недоразумѣнія.

Разговоръ перешелъ на изящную литературу, и оказалось, что вслѣдствіе своей застѣчивой и горделивой невинности, а также и по недостаточному знанію нечестивыхъ тонкостей французскаго языка,

миссъ Октавіа читала книги нѣсколько неудобныя и неподходящія для молодой дѣвушки. Куртлэндъ обѣщаль прислать ей книгъ и даже рѣшился предложить ей нѣкоторые американскіе и англійскіе романы, написанные не исключительно въ „сѣверномъ“ духѣ и не слишкомъ „метафизическіе“, какъ думали южане. Имъ овладѣло новое чувство уваженія и сожалѣнія къ этой мрачной, одинокой дѣвушкѣ, связанной традиціями, и скорѣе подавленной, чѣмъ просвѣщенной тяжелымъ опытомъ. Онъ незамѣтно разговорился съ ней по душѣ и, смотря на эту гордую головку, густыя брови и строгій профиль, онъ даже подумалъ, какимъ бы она могла быть красавымъ, представительнымъ *братомъ*. Дойдя до дому, онъ, согласно съ обычаямъ, уѣлся на одной изъ нижнихъ ступень веранды, тогда какъ она, отряхнувъ свое платье отъ пыли, сѣла нѣсколькими ступенями выше. Это дало ему возможность лѣнливо протянуться, по мѣтному обыкновенію, и оперевшись на локоть, смотрѣть въ глаза молодой дѣвушкѣ, которая поглядывала на него сверху. Но вдругъ миссъ Ридъ наклонилась впередъ и, стараясь быстрымъ, острымъ взглядомъ проникнуть въ его мысли, замѣтила:

— И вы хотите сказать, что между вами и Салли ничего нѣтъ?

Куртлэндъ не покраснѣлъ, не вздрогнулъ, не сконфузился, и даже не смѣнился въ лицѣ.

— Какъ кажется, мы съ ней добрые пріятели, отвѣтилъ онъ спокойно, не уклоняясь отъ вопроса и безъ колебаній.

Миссъ Ридъ взглянула на него испытующимъ взглядомъ.

— Да; я думаю, что это такъ—и не больше. И поэтому-то вы и были такъ счастливы во всемъ, промолвила она тихо.

— Я не совсемъ это понимаю, возразилъ Куртлэндъ улыбаясь,—что это: парадоксъ или утѣшеніе?

— Это *истина*, серьезно сказала миссъ Ридъ.—А кто хочетъ быть ближе къ Салли Доузъ, тотъ утрачиваетъ свое счастье.

— То-есть она его отвергаетъ? Неужели она такая безжалостная? продолжалъ Куртлэндъ, смѣясь.

— Я хочу сказать, что онъ совершенно утрачиваетъ свое счастье во всемъ; съ нимъ всегда что-нибудь случается, и она ничѣмъ этому не можетъ помочь.

— Что это, миссъ Ридъ—предостереженіе Сивиллы?

— Нѣтъ; это негрнтянское повѣрье. Оно началось съ Мамми Дждди—старой няньки Салли. Это все ихъ колдовскіе обычаи. Они заколдовали миссъ Салли, когда та была еще ребенкомъ,

такъ что всѣ привязываются пока они пужны ей, а она не привязывается ни къ кому и никогда. Все ихъ счастье переходитъ къ ней, какъ только чары начинаютъ дѣйствовать, торжественно добавила она.

— Ну, а остальное мнѣ извѣстно, отвѣтилъ Куртландъ съ еще большею торжественностью.—Надо въ апрѣлѣ во время полнолунія собрать почки волшебнаго орѣшника, затѣмъ надо вырвать три волоска изъ правой брови заколдованной дѣвушки, такъ чтобъ она этого не замѣтила...

— Вы можете смѣяться, полковникъ; вы счастливы, потому что свободны...

— Я не совѣмъ въ этомъ увѣренъ, возразилъ онъ,—такъ какъ долженъ былъ бы въ эту минуту ѣхать въ больницу производить мою воскресную инспекцію. Если пріятное забвеніе времени и своихъ обязанностей является признакомъ колдовства, то боюсь, что чары Мамми Джедди не ограничились только одною изъ прелестныхъ южанокъ.

Звукъ быстрыхъ шаговъ по щебию дороги заставилъ ихъ обоимъ поднять глаза. Размахивая тяжелою ременною пагайкой приближался къ нимъ крѣпко сложенный молодой человекъ, въ очень большихъ сапогахъ съ длинными шнорами. Онъ намѣренно, съ неловкою самоувѣренностью, не обратилъ вниманія на присутствіе мистера Куртланда, наскоро поклонился миссъ Ридъ, взошелъ на веранду и не останавливаясь быстро проскользнулъ мимо нихъ и вошелъ въ домъ.

— Что у васъ за манеры, мистеръ Томъ? крикнула ему въ догонку молодая дѣвушка, и лицо ея вспыхнуло легкимъ румянцемъ.

Молодой человекъ что-то пробормоталъ изъ залы, но Куртландъ не уловилъ смысла его словъ.

— Это мой двоюродный братъ Томъ Хигби, съ пренебреженіемъ объяснила она.—У него, кажется, что-то случилось съ лошадыю, но папѣ слѣдовало бы научить его какъ себя вести. И я не думаю, чтобъ онъ особенно любилъ сѣверинъ, серьезно добавила Октавія.

Куртландъ сохранилъ полное самообладаніе, хотя ни на минуту не заблуждался въ значеніи поступка этого молодаго человека; онъ пожалъ руку миссъ Ридъ и улыбаясь простился съ ней.

— Совершенно достаточное объясненіе, сказалъ онъ,—оно можетъ служить даже и извиненіемъ.

Однако этотъ случай не произвелъ на него большаго впечатлѣнія, и онъ спокойно пошелъ назадъ въ Редландсъ. Не въ первый разъ ему приходилось испытывать на себѣ грубыя проявленія застарѣлой партійной ненависти, выражавшейся въ невѣжливости и нелюбезности, но такъ какъ они рѣдко исходили отъ его прежнихъ личныхъ противниковъ—военныхъ, а ограничивались кругомъ юношей, лицъ не участвовавшихъ въ войнѣ и политическихъ дѣльцовъ, то онъ могъ и не обращать на нихъ вниманія... Всю прошлую недѣлю онъ не видалъ миссъ Салли; металлургическіе опыты съ найденною въ имѣніи рудой заняли все его время. Ему лестно было увелчить доходы имѣнія до предѣловъ неожиданныхъ для компаніи. Миссъ Салли была права, приписывая ему способность къ всепоглощающей работѣ, хотя этой способности не предположили бы въ немъ многіе, знавшіе его спокойный разсудительный темпераментъ, но она была неправа, воображая, что этимъ исключается романтизмъ и даже идеальная мечтательность.

IV.

Въ слѣдующее воскресенье онъ рано явился въ церковь, но на этотъ разъ, въ видѣ исключенія, онъ пріѣхалъ въ легкомъ кабриолетѣ на прекрасной кровной лошади, которая можетъ-быть скорѣе годилась бы ловкому кавалерійскому офицеру, чѣмъ главноуправляющему земледѣльческимъ предпріятіемъ. Онъ сѣлъ на боковую скамью и разсѣянно поглядывалъ на стоявшій предъ нимъ пюпитръ для молитвенника, когда у церковной двери раздался шумъ, и восклицаніе любопытства и восхищенія вырвались у собравшихся. Это вошли Доузы; впереди шла миссъ Салли, на ней было ея новое платье, сшитое по послѣдней лувизильской модѣ, хотя и отсталой нѣсколько въ сравненіи съ Парижемъ и Нью-Йоркомъ.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двадцати лѣтъ. Я не буду портить эффекта этого обворожительнаго видѣнія, описывая сегодня вчерашнюю моду; достаточно того, что она давала ей возможность окружить свое прелестное лицо и золотистые волосы овальной рамкой изящныхъ цвѣтовъ и опутать шею очаровательнымъ тюлевымъ облакомъ; легкая накидка не скрывала очертаній стройной фигуры. Даже тѣ, которые шептали другъ другу, что „миссъ Салли теперь должно-быть уже двадцать

пятый годъ“, дѣлали это потому, что она была олицетвореніемъ граціи семнадцатилѣтней дѣвушки. Раздалась звуки органа, какъ бы для того, чтобы привѣтствовать ее, а когда она усаживалась на скамью; лучъ солнца, который былъ бы жестокимъ для тругой, заигралъ на ея розовыхъ щечкахъ и. гнѣдаясь во вьющихся волосахъ, какъ будто самъ преобразился. Нѣсколько потускнѣвшихъ стеклянныхъ изображеній святыхъ на окнахъ вышли изъ этого испытанія съ меньшимъ торжествомъ, и неудивительно, что набожные взоры вѣрующихъ переходили отъ нихъ къ Салли Доуэ. Когда служба кончилась и молящіеся медленно выходили на паперть, Куртлендъ безмолвно проскользнулъ за миссъ Салли. У дверей онъ ей сказалъ вполголоса:

— У меня здѣсь лошадь и кабриолетъ, быть-можетъ вы позволите мнѣ прокатить васъ... Но онъ остановился, замѣтивъ, что ея золотистыя брови недовольно нахмурились.

— Нѣтъ, отвѣтила она быстро, но и твердо,—этого нельзя, это не годится. А такъ какъ Куртлендъ въ нерѣшительности пріостановился, то она привѣтливо улыбулась:—если вы хотите, мы пройдемъ кругомъ черезъ кладбище, это займетъ какъ разъ столько же времени, какъ катанье.

Куртлендъ исчезъ, паскоро отдалъ свои приказанія и долларъ праздноватавшемуся негру и возвратился къ миссъ Салли въ то время, какъ этотъ недавно освобожденный гражданинъ съ восхищеннымъ и гордымъ влдомъ выѣзжалъ изъ воротъ. У миссъ Салли вырвался легкій вздохъ, когда мимо нея проѣхалъ красивый экипажъ.

— У васъ хорошенкій экипажъ, полковникъ, и я была бы очень рада проѣхать съ вами, еслибъ это не было нѣсколько обидно для другихъ. Тутъ Риды, Макевели и Роберты, а они слишкомъ бѣдны, чтобы держать кровныхъ лошадей и слишкомъ горды, чтобы ѣздить на плохихъ. Съ нашей стороны было бы не совѣмъ ловко промчатся мимо и засыпать ихъ пылью.

Въ этомъ подразумѣваемомъ сообщничествѣ и раздѣленіи отвѣтственности было что-то утонченно пріятное, что заставило Куртленда забыть ея рѣзкій отказъ, и онъ думалъ только о ея тактѣ. Но его обычная находчивость въ разговорахъ оказалась какъ будто заколдованною; теперь, когда въ первый разъ благодаря обычаю они остались вдвоемъ, онъ не находилъ словъ и безмысленно молчалъ, довольный тѣмъ, что плетъ рядомъ съ этимъ очарова-

тельнымъ воплощеніемъ весны, касается сладокъ ея пзящной одежды и какъ бы вдыхаетъ ея свѣжесть. Наконецъ она начала.

— Потребуется больше тысячи бревенъ, чтобы загородить коровій загонъ на Моссальскомъ пастбищѣ, а для новаго строенія съ увеличеніемъ молочной надо будетъ употребить болѣе двухъ тысячъ бревенъ. Весь старый матеріалъ пойдетъ, конечно, на ограды, въ добавокъ къ новымъ столбамъ и рельсамъ. Какъ вы думаете, не лучше ли намъ перестроить всю постройку заново?

— Да, разумѣется, нѣсколько сконфуженно отвѣтилъ Куртлэндъ.—Онъ не рассчитывалъ на подобную дѣловую бесѣду и особенно смутился отъ того, что они перегоняли другія пары, которыя нарочно замедляли шагъ, чтобы прислушаться къ ихъ разговору.

— И вопросъ о тарифѣ, весело продолжала молодая дѣвушка,— становится все серьезнѣе. У тети Мирады есть нѣсколько паевъ Бриксвельской желѣзно-дорожной вѣтви и она думаетъ, что можетъ повліять на директоровъ, чтобъ установленъ былъ новый тарифъ, если она употребитъ для этого нѣкоторое давленіе. Таллеръ говоритъ, что есть слухи о пониженіи тарифа на одну шестнадцатую процента прежде чѣмъ двинется урожай нынѣшняго года.

Куртлэндъ быстро взглянулъ въ лицо своей собесѣдницѣ. Оно было серьезно, но брови слегка дрожали.

— Не лучше ли намъ оставить эти *серьезные* вопросы до завтра? спросилъ онъ, улыбаясь.

Миссъ Салли удивленно взглянула на него.

— Вы казались такимъ спокойнымъ, и я подумала, что сегодня утромъ вы по обыкновенію погружены въ дѣловыя соображенія; но если вы предпочитаете простую болтовню, мы перемѣнимъ разговоръ... Говорятъ, что вамъ съ миссъ Ридъ не было скучно въ прошлое воскресенье. Обыкновенно она не разговорчива, но за то усиленно думаетъ. Мнѣ представляется, добавила она, критически оглядывая его,— что у васъ съ ней найдется много общаго о чемъ говорить. Она въ томъ же родѣ, какъ и вы, полковникъ: она ничего не забываетъ, но,—конецъ Салли растянула,—не знаю, лучше ли *вамъ отъ этого!*

Куртлэндъ взглянулъ на нее съ притворнымъ испугомъ.

— Если это новое таинственное предостереженіе, миссъ Доузъ, то предупреждаю васъ, что у меня отъ нихъ уже мысли перепутались. Въ прошлое воскресенье миссъ Ридъ, какъ

Касандра, цѣлый часъ пугала меня разными суевѣріями и предсказаніями. Неужели здѣсь ничего не происходитъ случайно и безъ предупрежденія? Или случай въ дѣлахъ южанъ не играетъ никакой роли?

— Я хотѣла сказать, съ обычною своею примотой, возразила молодая дѣвушка, — что Октавія Ридъ помнить много ужасовъ изъ времянь войны; ихъ слѣдовало бы забыть, а она не забываетъ. Но она говоритъ, продолжала Салли съ любопытствомъ взглянувъ на него, — что поведеніе ея двоюроднаго брата съ вами ужасно ее возмутило!

— Я думаю, что ей оно было непріятнѣе, чѣмъ мнѣ, сказалъ Куртландъ. — Очень жаль, если она придала этому слишкомъ большое значеніе, искренно добавилъ онъ.

— А вы не придаете? спросила миссъ Салли.

— Нѣтъ. Къ чему?

Однако она замѣтила, что онъ какъ бы выпрямился и подтянулся, и улыбнулась, когда онъ продолжалъ:

— Вѣроятно и я, на его мѣстѣ, чувствовалъ бы то же самое.

— Но вы не позволили бы себѣ никакого низкаго поступка, спокойно сказала она.

Когда же онъ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ, она добавила сухо:

— Не будьте слишкомъ увѣрены, чтобы всѣ стали дѣйствовать по вашему, полковникъ, и не относитесь слишкомъ легко къ тому, что вамъ придется здѣсь слышать. Вы именно такой человекъ, который способенъ надѣлать себѣ множество бессмысленныхъ враговъ — и столько же глухихъ друзей. А я не знаю отъ кого больше заботъ. Только не придавайте вы имъ всѣмъ слишкомъ малаго значенія и не держите головы такъ высоко, чтобы не замѣчать того, что ползаетъ у васъ подъ ногами. Отъ этого въ мѣстахъ, гдѣ водятся мѣдианы, лошади чаще подвергаются укушеніямъ, чѣмъ свиньи.

Она улыбнулась, но нахмурила брови съ такимъ милымъ видомъ серьезной заботливости о своемъ собесѣдникѣ, что это его тронуло.

— Я желалъ бы имѣть одного друга, котораго могъ бы называть своимъ, смѣло сказалъ онъ, взглянувъ ей прямо въ глаза. — Остальными друзьями я бы дорожилъ очень мало, а враговъ не боялся бы.

— Вы правы, полковникъ, замѣтила она, демонстративно

открывая зонтикъ и искусно притворяясь, что скрываетъ воображаемый румянецъ на лицѣ, хотя его дѣтскій розовый цвѣтъ ничуть не измѣнился,—простая болтовня гораздо пріятнѣе того, о чемъ мы раньше бесѣдовали. И предполагая, что вы говорите обо *мнѣ*—такъ какъ вы вѣроятно не сказали бы этого о другой дѣвушкѣ, кромѣ той, съ которою прогуливаетесь, въ чемъ же я провинилась?

Онъ не могъ удержаться отъ улыбки, но продолжалъ съ нерѣшительностью:

— Ничѣмъ! Только *другіе* были разочарованы...

— И это беспокоитъ *васъ*.

— Я хочу сказать его, что до сихъ поръ я не имѣю никакого права подвергнуть ваше чувство испытанію, тогда какъ...

— Бѣдный Чэтъ имѣлъ его, хотѣли вы сказать? Чтò же; вотъ мы дошли до кладбища. Я такъ и рассчитывала, что вы вернетесь къ умершимъ раньше, чѣмъ мы далеко уйдемъ; поэтому я и рѣшила зайти по дорогѣ на кладбище. Быть-можетъ это вызоветъ во мнѣ такое расположеніе духа, которое вамъ понравится.

Поднявъ глаза Куртлэндъ не могъ удержаться отъ сильнаго изумленія. Онъ не замѣтилъ, какъ, пройдя въ небольшую калитку, они сошли съ дороги. Совершенно неподготовленный, онъ вдругъ очутился на краю легкой отлогости, ведущей въ красивую лощину, и передъ нимъ открылась длинная перспектива могилъ, бѣлыхъ надгробныхъ плитъ и низкихъ крестовъ, окруженныхъ раскидистыми кипарисами и вьющимися дикими лозами; послѣднія спускались до земли и перекидывались съ вѣтки на вѣтку длинными похоронными гирляндами, а мѣстами одинокія пальмы вздымали свои перистыя короны, словно перья на катафалкѣ. Но несмотря на преобладаніе мрачныхъ, хотя и мягкихъ тѣней, изящно склоненной, тяжелой, перепутанной зелени, бахромы изъ листьевъ, развѣвавшихся траурныхъ покрововъ изъ сѣрзатаго полупрозрачнаго моха — блестящее живительное солнце улыбалось и сіяло сквозь слезы. Длинныя аллеи дышали ароматомъ лавра, южныхъ деревьевъ, сосенъ и душистыхъ кустарниковъ; ободряющій запахъ розъ чувствовался въ каждомъ дуновеніи вѣтерка, а ложбины были наполнены болѣе тяжелымъ запахомъ жасмина, каприфоля и померанцовыхъ цвѣтовъ. Куртлэндъ все это представлялось траурною одеждою красивой, молодой вдовы, прівлекающей даже въ своемъ печальномъ нарядѣ, возбуждавшемъ желанія въ силу контраста съ ея все еще свѣжею женственною

красотой. Вездѣ росла роскошная густая трава: скорая на работу земли перерождала погребенныхъ подъ нею мертвецовъ.

Они медленно шли рядомъ, говоря только о красотѣ этого мѣста и сіяніи этого лѣтняго дня, которое здѣсь какъ бы достигало высшаго совершенства. Отъ жары ли, отъ обезвѣливающего аромата или отъ какаго-либо неожиданнаго чувства, молодая дѣвушка стала такою же молчаливою и озабоченною, какъ и ея спутникъ. Она начала замедлять шагъ, отставала, останавливаясь, какъ бабочка, надъ цветущими кустарниками, или кучами лилій: при случайной встрѣчѣ въ своихъ развѣвавшихся одеждахъ она могла быть принята за нѣсколько рано явившееся и слишкомъ приятное на видъ привидѣніе. Ему показалось также, что ея свѣтлыя глаза нѣсколько омрачились легкой задумчивостью. Съ неудержимымъ порывомъ нѣжности онъ ближе подошелъ къ ней, но вдругъ она обернулась и сказала: „пойдемте“, пошла быстрыми шагами по узкой боковой тропинкѣ. Куртлендъ послѣдовалъ за ней. Они не успѣли еще уйти далеко, когда онъ замѣтилъ, что могилы выравнялись въ правильные ряды, памятники стали проще и казались болѣе дешевыми, деревянныя доски и ступени однообразнаго образца заняли мѣсто рѣзныхъ плитъ и мрамора, и онъ понялъ, что они достигли части кладбища, предоставленнаго нашимъ на войнѣ. Длинные ряды могилъ, выровненные съ военною точностью, протягивались по небольшой долинкѣ и взбирались на противоположный пригорокъ, представляя странное сходство съ военными каре и стройными колоннами. Имъ овладѣло неопредѣленное воспоминаніе о роковомъ скатѣ на Змѣиной рѣкѣ. Оно усилилось, когда шедшая впереди миссъ Салли вдругъ остановилась предъ одинокою могилою, надъ которою возвышался надломленный мраморный столбъ на пьедесталѣ съ надписью: „Честеръ Бруксъ“. У подножія лежали увядшія гирлянды и вѣнки изъ иммортелей, но на столбѣ былъ надѣтъ совершенно свѣжій вѣнокъ.

— Вы никогда не говорили, что онъ здѣсь похороненъ, быстро сказалъ Куртлендъ, нѣсколько потрясенный этимъ неожиданнымъ открытіемъ.—Развѣ онъ принадлежалъ къ этому штату?

— Нѣтъ, но его полкъ здѣсь стоялъ, отвѣтила она, критически разсматривая вѣнокъ.

— А этотъ вѣнокъ отъ васъ? вкрадчиво продолжалъ Куртлендъ.

— Да, я подумала, что вамъ пріятно будетъ найти здѣсь что-нибудь свѣжее и хорошенькое вмѣсто этихъ увядшихъ цвѣтовъ.

— А они были тоже отъ васъ? спросилъ онъ еще върачливѣе.

— О, нѣтъ! Они еще въ послѣднюю годовищину оставлены кѣмъ-то изъ ветерановъ. Это единственный, который я возложила, то-есть, собственно говоря, я попросила мистера Чампея занести его сюда по дорогѣ домой. Вы знаете, онъ живетъ недалеко отсюда.

Невозможно было устоять предъ такою неуязвимою наивностью. Куртлендъ прикусилъ губы, когда мысленно представилъ себѣ этого еще болѣе наивнаго поклонника ея, Англичанина, принесшаго сюда, по приказанію миссъ Салли, вѣнокъ, который она хотѣла возложить на могилу своего бывшего возлюбленнаго, чтобы доставить удовольствіе третьему лицу. Тѣмъ временемъ она заложила свои маленькія ручки за спину, принявъ позу „добронравной дѣвочки“, и сказала съ легкою усмѣшкой, хотя и не безъ тревоги:

— Довольны ли вы?

— Совершенно.

— Такъ уйдемте отсюда. Здѣсь ужасно жарко.

Они отошли отъ могилы и, спустившись по отлогости, вернулись подъ болѣе густую тѣнь главной аллеи. Здѣсь, повидимому, они освободились отъ строгаго напоминанія смерти. Они шли медленно; воздухъ былъ насыщенъ жгучимъ ароматомъ цвѣтовъ; дорога углублялась нѣсколько влѣво, образуя съ правой стороны возвышеніе, покрытое травой. Тутъ миссъ Салли остановилась и утомленно опустилась на землю, предложивъ Куртленду послѣдовать ея примѣру. Онъ охотно повиновался. Случай съ вѣнкомъ вызвалъ въ немъ противоположныя чувства. Она прислала вѣнокъ, чтобы угодить *ему*,—стоило ли обсуждать способъ, какимъ это было сдѣлано или мучить себя воспоминаніями прошлаго? Онъ отдалъ бы многое, чтобы отнестись къ этому съ шутиливою любезностью,—со всякою другою дѣвушкой онъ такъ бы и поступилъ,—но тутъ онъ сознавалъ, что стоять на шагъ отъ страстнаго признанія. Ставка была слишкомъ велика, чтобы рискнуть проиграть ее изъ-за легкомыслія, съ которымъ она справлялась лучше, чѣмъ онъ, а чувствительность, какъ онъ зналъ, на нее не дѣйствовала. Гордость удерживала его отъ попытки поддѣйствовать на ея странно-практическую натуру, хотя онъ признавалъ ее, освоился съ нею, и даже началъ думать, что эта сторона

ей характера составлять существенную часть ея обаянія. Но не будучи ни трусомъ, ни перфектильнымъ идеалистомъ, садясь рядомъ съ ней, онъ рѣшилъ тотчасъ же и не сходя съ мѣста узнать свою судьбу, какая бы она ни была.

Быть-можетъ эти мысли отражались у него на лицѣ.

— Миѣ показалось, что вы какъ будто поблѣднѣли, полковникъ, спокойно замѣтила она,—и я подумала, что мы можемъ немного посидѣть, а потомъ потихоньку пойдемъ домой. Вы не привыкли къ южному солнцу и въ ложицѣ было сыро.

На его отрицательное движеніе она отвѣтила съ милымъ дружескимъ превосходствомъ:

— Вотъ вы всѣ сѣверяне—такіе. Вы думаете, что можете все сдѣлать и всего достичь, какъ будто васъ для этого воспитывали, и не обращаете вниманія на разницу климата, крови, обычаевъ... Въ этомъ-то вы и ошибаетесь.

Но онъ уже наклонился къ ней и такъ пристально смотрѣлъ на нее своими черными глазами, что она не могла не понять этого взгляда.

— Рискую опять ошибиться, миссъ Доузъ, тихо сказалъ онъ, съ вкрадчивою, но безсознательною лестью повторяя ея выраженія,—я хочу просить васъ научить меня быть такимъ, какъ вы желаете, или всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно,—что еще лучше. Мы съ вами добрые друзья.—вы сами это сказали.—дайте же миѣ надежду, что мы сойдемся еще ближе. Забудьте мои недостатки, забудьте разницу національностей и позвольте миѣ сойтись съ вами въ единственной области, гдѣ я могу считать себя равноправнымъ съ вашими соотечественниками—въ области любви. Предоставьте миѣ хотя бы тѣ же шансы, которые были у того бѣднаго юноши, что лежитъ тамъ—тѣ же шансы, которые вы дали болѣе счастливому человѣку, который вмѣсто васъ возложилъ вѣнокъ на могилу.

Она слушала мило нахмуривъ брови, чуть-чуть покраснѣвъ и съ видомъ полу-насмѣшливаго, полу-серьезнаго неодобренія. Когда онъ кончилъ, она съ сожалѣніемъ вздохнула.

— Вамъ не слѣдовало бы этого говорить, но мы съ вами слишкомъ хорошіе друзья, и даже *это* не помѣшаетъ нашей дружбѣ. А въ доказательство я забуду все, что вы сказали, и вы также забудьте.

— Но я не могу забыть, быстро возразилъ онъ,—а еслибы могъ, то оказался бы недостойнымъ вашей дружбы. Если вы

меня и отвергнете, то не заставляйте стыдиться мысли, что вы можете считать меня способнымъ на пустую болтовню. Сознаю, что это признаніе для васъ неожиданно, но не таково оно для меня. Вы знаете меня всего *три мѣсяца*, а для меня эти три мѣсяца были воплощеніемъ *трехлѣтней* мечты!

Она молча смотрѣла на него блестящими глазами, въ которыхъ проглядывало любопытство, и все еще отрицательно качала головой; тогда онъ придвинулся къ ней, взявъ ея руку въ маленькой перчаткѣ, которая для нея была все-таки слишкомъ велика, и продолжалъ умоляющимъ тономъ:

— И зачѣмъ мнѣ это забывать? Къ чему запрещать говорить объ этомъ? Гдѣ преграда? Развѣ вы не свободны? Говорите же, миссъ Доузъ,—дайте мнѣ хоть какую-нибудь надежду. Миссъ Доузъ!—Салл!..

Она отодвинулась отъ него,—огорченная, протестующая и отвернувшись, а легкими движеніями руки успѣла выдернуть ее изъ перчатки, которая осталась плѣнницей въ сжатой рукѣ Куртлэнда.

— Вотъ вамъ! перчатку вы можете оставить себѣ, полковникъ, сказала она, порывисто дыша.—Сядьте! Мѣсто совсѣмъ не подходящее для шалостей.—Вы хотите знать, почему вамъ не слѣдуетъ говорить со мной о такихъ вещахъ. Сидите смиренно и я вамъ скажу!

Она оправила складки платья и усѣлась бокомъ на возвышеніи, доставая одною ногой до дороги.

— Вы не должны говорить со мной такимъ образомъ, продолжала она съ разстановкой, — потому что отъ этого можетъ-быть зависить участь вашей компаніи, зависить благосостояніе нашего имѣнія, зависить, можетъ-быть, ваша жизнь. Не хмурьтесь, полковникъ; если вы этимъ не дорожите, другіе могутъ дорожить. Говорю вамъ—сидите смиренно! Видите ли, — вы явились сюда съ сѣвера, чтобы заниматься землей, изъ-за прибыли, это простое и честное дѣло, которое всякій нойметъ; оно согласно съ сѣверными обычаями, тутъ нѣтъ вмѣшательства въ семейныя отношенія этихъ сумасбродовъ; въ ихъ кровь не вносятся никакого сѣвернаго оттѣнка, племенная рознь остается не тронутою, сынъ не отдѣляется отъ отца, сестра—отъ брата, и даже, если вы тутъ устроитесь, найдете себѣ осѣдность, они знаютъ, что всегда могутъ васъ выгнать, вѣдь ихъ пятеро на одного. Но дайте только кому-нибудь изъ нихъ узнать, что

вы ухаживаете за южанкой, за дѣвушкой, которая во время войны высказывалась за союзъ, которая смѣялась надъ ихъ глупостью, пусть они только догадаются о вашемъ желаніи смѣнать свою семью, свое племя, свое состояніе съ семьей, племенемъ и состояніемъ этой дѣвушки. Нѣтъ того глупца, вѣрующаго, что спасеніе юга заключается въ его отдѣленіи отъ сѣвера, который бы не возсталъ противъ васъ! Ни одного нѣтъ, который бы задумался разстроить вашъ синдикатъ, обобрать васъ и разорить весь Редлендсъ въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ, и при этомъ еще не признавалъ бы себя правымъ. Они съ самаго начала стали подозрѣвать васъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы все время проводили на фермѣ и около меня. Вотъ почему я и хотѣла, чтобы васъ видѣли съ другими дѣвушками; на такое ухаживаніе не обратили бы вниманія, надѣясь, что Октавія Ридъ или Лѣмми Моррисъ разобьютъ ваше сердце! Вѣдь эти сумасбролы увѣрены, что кокетливая южанка можетъ отомстить за проигранную битву или разоренную плантацію!

Въ первый разъ замѣтила миссъ Салли, какъ у Куртленда прилила кровь къ щекамъ и блеснули глаза.

— Не ожидаете же вы отъ меня, чтобы я выносилъ такое близорукое и дерзкое вмѣшательство! сказалъ онъ, вскакивая съ мѣста.

Она сдѣлала жестъ неодобренія.

— Сидите смиренно, полковникъ! Вы были военнымъ и знаете, что такое *долгъ*; а въ чемъ вашъ долгъ предъ компаніей?

— Онъ не касается моихъ личныхъ дѣлъ и не управляетъ моимъ сердцемъ. Я выйду въ отставку.

— И покинете меня, и тетю Миранду, и плантацію?

— Нѣтъ! Компанія найдетъ другаго инспектора, чтобы вести дѣла вашей тетки и приводить свои планы. А вы, Салли,—вы позволите мнѣ устроить вамъ домъ и обезпечить вашу судьбу на сѣверѣ. Тамъ для меня найдется дѣло, а для васъ — мѣсто, среди моихъ соотечественниковъ!

Съ улыбкой превосходства отрицательно покачала она головой:

— Нѣтъ, полковникъ! Я не вѣрнула въ успѣхъ войны, но самое меньшее, что я могу сдѣлать, это держаться своихъ и дѣлать съ ними предвидѣнное мной наказаніе. Глупость я презираю такъ же, какъ и вы, но бѣжать отъ нея не могу. Слушайте, полковникъ, я не стану просить васъ забыть меня, я вѣрю вашей искренности, но вы должны обѣщать, что все время пока

будете держаться компаніи, тети Мпранды и меня, вы не станете упоминать объ этомъ. Между нами, даже на видъ — не должно быть ничего.

— Но когда такъ, я могу надѣяться! возбужденно спросилъ онъ, — схвативъ ее за руку.

— Я ничего не общаю, и какъ бы я ни поступала, и что бы вамъ ни показалось, у васъ не должно быть даже и этого повода, чтобы снова заговорить.

Она замолчала и высвободила свою руку, а онъ въ это время уставился глазами вдаль. Затѣмъ, съ легкою улыбкой, но безъ малѣйшаго замѣшательства или нетерпѣнія, она сказала:

— А вотъ и мистеръ Чампней идетъ сюда. — Вѣроятно, онъ хочетъ посмотрѣть, цѣль ли его вѣнокъ.

Куртлендъ быстро взглянулъ на нее. Онъ тоже замѣтилъ, какъ соломенная шляпа молодого Англичанина мелькала надъ мпртовыми кустами, по тропинкѣ пересѣкавшей главную аллею.

— Позвольте мнѣ сдѣлать еще одинъ вопросъ, торопливо спросилъ онъ, — хоть я и знаю, что у меня нѣтъ на это никакого права. — Не имѣетъ ли мистеръ Чампней какого-нибудь отношенія къ вашему рѣшенію?

Она весело улыбнулась.

— Вы только-что спрашивали нельзя ли вамъ воспользоваться тѣми же шансами, которые имѣлъ Четь-Бруксъ и имѣетъ онъ. Что же... бѣдный Четь-Бруксъ убить, а мистеръ Чампней... впрочемъ... сейчасъ увидите! — Она возвысила голосъ и позвала: „мистеръ Чампней!“

Молодой человѣкъ скорыми шагами подошелъ къ нимъ. Когда онъ узналъ ея собесѣдника, на лицѣ у него обнаружилось легкое удивленіе, но ни малѣйшаго безпокойства.

— О, мистеръ Чампней, жалобно сказала миссъ Салл, — я потеряла перчатку въ лощинѣ, гдѣ-то около могилы несчастнаго Брукса. Не попытите ли вы ее тамъ? А потомъ приходите сюда и проводите меня домой. Полковнику надо отправляться въ больницу навѣщать своихъ негровъ.

Чампней приподнял шляпу, любезно улыбнулся Куртленду и исчезъ въ лощинѣ подъ кипарисами.

— Вамъ нечего удивляться, объяснила она, оборачиваясь къ своему собесѣднику, — мы и такъ оставались здѣсь слишкомъ долго и лучше если увидятъ, что я пойду домой съ нимъ, а не съ вамп!

— Значить, это партійное внимательство его не касается? — съ горечью спросилъ Куртлэндъ.

— Нѣтъ. Онъ — Англичанинъ; его отецъ былъ извѣстнымъ другомъ конфедератовъ и ехувалъ у нихъ хлопокъ.

Она замолчала; кокетливо, но нѣсколько нетерпѣливо посмотрѣла Куртлэнду въ лицо, и слегка надула губки.

— Полковникъ!

— Миссъ Салли?

— Вы говорите, что знали меня еще за три года до нашей встрѣчи. Ну, а я вамъ скажу, что мы одинъ разъ встрѣтились раньше, чѣмъ начали говорить другъ съ другомъ.

Съ восторгомъ и увлеченіемъ взглянулъ Куртлэндъ прямо въ улыбавшіеся ему глаза.

— Когда? спросилъ онъ.

— Въ тотъ день, когда вы въ первый разъ пріѣхали. — Вы отодвинули лѣстницу, когда я стояла на карнизѣ, и я наступила вамъ на голову. Какъ джентльменъ, вы и не занкнулись объ этомъ, а кажется я у васъ на головѣ простояла цѣлыя пять минутъ.

— Ну, не такъ долго, насколько помню, возразилъ Куртлэндъ, смѣясь.

— Итакъ, сказала миссъ Салли, и глаза ея радостно заблестѣли, — я, южанка, наступила ногой на голову франта съверянина, да еще полковника! Я!

— Пусть ваши друзья этимъ и удовлетворятся.

— Нѣтъ! Я должна извиниться. Сядьте, полковникъ.

— Но, миссъ Салли...

— Садитесь скорѣй!

Онъ послушно сѣлъ на возвышеніи, миссъ Салли стояла рядомъ съ нимъ.

— Снимите вашу шляпу, сѣръ.

Онъ исполнилъ это съ улыбкой. Въ это время миссъ Салли очутилась у него за спиной. Онъ ощутилъ на плечахъ легкое давленіе маленькихъ ручекъ; волосы у него зашевелились отъ ея теплаго дыханія и затѣмъ на темени онъ почувствовалъ прикосновеніе какъ бы дѣтскихъ губъ!..

Онъ вскочилъ на ноги, но прежде чѣмъ успѣлъ обернуться — на это затрудненіе она, очевидно, рассчитывала — оказалось уже слишкомъ поздно. Развѣвающееся платье лукавой и дерзкой миссъ Салли мелькало уже между могилами по направленію къ лощинѣ.

V.

Домъ, занимаемый въ Редлендсѣ главно-управляющимъ Дреммондовскимъ синдикатомъ — прежняя резиденція мѣстнаго юриста и мирового судьи—былъ не великъ, но обладалъ внушительнымъ портикомъ изъ деревянныхъ дорическихкихъ колоннъ, возвышавшихся до самой крыши и стоялъ на главной улицѣ. Онъ былъ покрытъ все заплывавшими вьющимися растениями, а тротуаръ предъ нимъ отдѣлялся широколиственными деревьями. Первая комната, выходившая окнами на портикъ, служила полковнику Куртлэнду конторой; гостиная и столовая за ней выходили на старый садъ съ отдѣльнымъ строеніемъ для кухни и неизбежною негрятянскою хижинкой. Былъ пасмурный вечеръ; тяжелыя тучи надвигались со стороны большой дороги, но листья на деревьяхъ висѣли безжизненно и неподвижно—предъ бурей стояло затишье. Огоньки лѣниво мелькавшихъ свѣтляковъ блестяли мягкимъ свѣтомъ и исчезали во мракѣ подъ темною листвою, или въ конторѣ, гдѣ окна были широко открыты, а свѣчи Куртлэндъ потушилъ, когда, ради прохлады, вынесъ кресло на крыльцо. Одинъ изъ огоньковъ за оградой, хотя поочередно то вспыхивалъ, то угасалъ, но казался такимъ неизмѣннымъ и неподвижнымъ, что Куртлэндъ наклонился впередъ, чтобы пристальнѣе слѣдить за нимъ. Тогда онъ исчезъ, и съ улицы раздался голосъ:

— Это вы, Куртлэндъ?

— Да; не зайдете ли вы?

Голосъ принадлежалъ Чампней, и свѣтился огонекъ его сигары. Когда онъ отворялъ калитку и медленно поднимался по ступенямъ крыльца, казалось, что его обычная нерѣшительность еще увеличилась. Глубокій вздохъ раздался подъ деревьями, но былъ тотчасъ же подавленъ.

Словно растопленный свинецъ, сквозь листву пробилась и брызнули тяжелыя капли отвѣснаго дождя.

— Вы какъ разъ избѣжали бури, привѣтливо сказала Куртлэндъ.

Онъ не видалъ Чампней съ тѣхъ поръ, какъ они встрѣтились на кладбищѣ, шесть недѣль тому назадъ.

— Да.—Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами кой-о-чемъ, Куртлэндъ, отвѣтила Чампней.

Онъ перѣшительно остановился предъ предложеннымъ стуломъ и задѣмъ добавилъ, съ осторожнымъ взглядомъ на улицу:

— Не лучше ли намъ зайти въ домъ?

— Какъ хотите; но тамъ ужасно жарко. Мы здѣсь совершенно одни; въ домѣ нѣтъ никого, а съ улицы всѣхъ прогнать буря.

Куртлэндъ былъ вполнѣ искрененъ, хотя ихъ взаимныя отношенія въ томъ, что касалось миссъ Салли, все еще были такъ неопредѣленны, что едва ли могли вызывать на откровенность.

Чампней рѣшился взять предложенный стулъ, такъ же какъ и стаканъ вина, принесенный ему Куртлэндомъ.

— Помните, я говорилъ о Дюмонѣ? сказалъ онъ перѣшительно.—Знаете, этотъ Французъ, родственникъ миссъ Доузъ? Да?—такъ онъ теперь ѣдетъ сюда; у него тутъ въ городѣ есть имущество—эти три дома напротивъ судебной палаты. Какъ я слышалъ, ѣдетъ онъ съ этими новыми французскими идеями о негритянскомъ вопросѣ—ну тамъ, знаете ли—о равенствѣ и братствѣ, о высшемъ образованіи и высокихъ должностяхъ для негровъ. Вы вѣдь знаете, какъ здѣсь объ этомъ думаютъ? Знаете, что случилось на выборахъ въ Кулдджвилѣ? Какъ бѣлые не пускали негровъ баллотировать и какая изъ-за этого вышла здоровая драка? Какъ бы что-нибудь подобное и здѣсь не случилось, если—знаете ли—миссъ Доузъ займется этими идеями...

— Но у меня есть основаніе предполагать, то-есть поправился Куртлэндъ и продолжалъ съ разстановкой,—я хочу сказать, что всякій, кому извѣстны убѣжденія миссъ Доузъ, знаетъ, что въ ся идеи это не входить. Почему же она должна заниматься ими?

— Потому что она занимается *ими*, быстро возразилъ Чампней,—и даже еслибы она сама въ это не вѣрила, ей пришлось бы дѣлать съ нимъ отвѣтственность въ глазахъ каждаго смутьяна вроде Тома Хигди и всѣхъ ихъ. И они раздѣляются съ ея неграми.

— Но я не знаю, почему ей надо отвѣчать за убѣжденія своего родственника и не совсемъ понимаю вашего выраженія: „она *имъ* занимается“? спокойно спросилъ Куртлэндъ.

Чампней омочилъ сухія губы въ вѣнѣ, и у него вырвался первый смѣхъ.

— Скажемъ, что онъ интересуется ея, какъ ея будущій мужъ, потому что онъ для этого и ѣдетъ сюда. Все это знаютъ, и вы бы знали тоже, еслибы говорили съ ней о чемъ-нибудь, кромѣ тѣла.

Яркая молнія, освѣтившая лица обоихъ собесѣдниковъ, обнаружила бы румянецъ на лицѣ у Чампнея и блѣдность Куртлэнда, еслибъ они въ это время посмотрѣли другъ на друга. Но они этого не сдѣлали; а продолжительный разкатъ грома, послѣдовавшій за молніей, помѣшалъ Куртлэнду отвѣтить и скрылъ его волненіе. Хотя онъ не вполнѣ довѣрялъ заключенію Чампнея, но былъ сильно потрясенъ его словами. Куртлэндъ въ точности исполнялъ желаніе миссъ Салли и послушно, хотя и не безнадежно, со времени бесѣды на кладбищѣ, воздерживался отъ выраженія своей любви. Кажущаяся неискренность ея отношеній къ Чампнею не возмущала его врожденной нравственности и чувства чести, но онъ никогда не оправдывалъ своего собственнаго молчаливаго соучастія и сокрытія своихъ намѣреній отъ предполагаемаго соперника. Правда, она запретила ему открыто вступать въ ряды своихъ поклонниковъ, но невинная вѣра Чампнея въ его равнодушіе къ ней и послѣдовавшая теперь откровенность возбудили въ немъ угрызения совѣсти. Повидному, ему оставался только одинъ способъ выбраться изъ этого положенія—ссора. Повѣрилъ ли онъ или нѣтъ разсказу Чампнея, было ли это только ревнивымъ преувелченіемъ со стороны соперника, или миссъ Салли дѣйствительно обманывала ихъ обоихъ—его положеніе стало невыносимо.

— Я долженъ напомнить вамъ, Чампней, сказалъ онъ ледянымъ тономъ,—что миссъ Миранда Доузъ и ея племянница наравнѣ со мной представляютъ теперь компанію Дрёммонда и что какъ теперь, такъ и впредь мнѣ неудобно выслушивать какія бы то ни было замѣчанія о томъ, *какъ* они ведутъ порученное имъ дѣло. Еще менѣе могу я обсуждать пустыя сплетни, касающіяся только личныхъ интересовъ этихъ дамъ, въ которыхъ ни я, ни вы не имѣемъ права вмѣшиваться.

Но наивность молодого Англичанина была такъ же неуязвима, какъ и наивность миссъ Салли и оказалась такою же роковою для Куртлэнда.

— Конечно, у меня нѣтъ никакого права, сказалъ Чампней, не обращая вниманія на странное вступленіе въ рѣчь своего собесѣдника,—но знаете ли, я вамъ скажу, чортъ возьми!—хоть самъ и не имѣешь никакихъ шансовъ, а все же неприятно видѣть, какъ дѣвушка отдаетъ и себя, и свое состояніе такому человѣку.

— Одну минуту, Чампней, остановилъ его Куртлэндъ, отрѣшаясь

отъ своей сдержанности подѣ вліяніемъ заразителнаго простодушія своего гостя,—вы говорите, что у васъ нѣтъ шансовъ. Желаете ли вы этимъ сказать, что вы серьезно ухаживаете за миссъ Доузъ?

— Д-д-а! нерѣшительно протянулъ молодой человекъ, какъ бы не провѣрили собственныя впечатлѣнія, но не избѣгая вопроса.—То-есть, знаете ли,—ухаживать. Но, видите ли, изъ этого ничего не могло выйти. Нельзя было! Еслибы эти подозрительные сосѣди ея—вся эта партія Южанъ, знаете ли,—узнали бы, что за ней ухаживаетъ Англичанинъ, эксплуатирующій остатки ихъ имѣній, она утратила бы свое положеніе и вліяніе надъ нами. Могу сказать вамъ, что это одна изъ причинъ, почему я оставилъ мѣсто и занялся своею плантаціей. Но даже и это не помогло, ихъ подозрѣнія уже были возбуждены.

— И миссъ Доузъ привела этотъ поводъ, чтобъ отказать намъ? спросилъ Куртландъ, растягивая слова.

— Да! Вы знаете какая она прямая и откровенная. Она не говорила пустяковъ въ родѣ того, чтобъ я „и не ожидалъ ничего подобнаго“, или, что „она будетъ мнѣ сестрой“, потому что—клянусь, она всегда больше смахиваетъ на сестру, чѣмъ на влюбленную! Конечно, мнѣ было тяжело, но я думаю, что она права.—Онъ помолчалъ и потомъ съ кроткою настойчивостью добавилъ.—не правда ли, она была права? Какъ вы думаете?

Вопросъ этотъ звучалъ такъ иронически въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило въ мысляхъ у Куртланда, что онъ, непроизвольнымъ движеніемъ, сердито наклонился къ своему собесѣднику, пытаясь взглянуть въ темнотѣ въ выраженіе его лица.

— Я не рѣшаюсь высказать опредѣленнаго мнѣнія, сказалъ онъ, обдумывая свои слова.—Отношенія миссъ Доузъ къ ея сосѣдямъ совсѣмъ особенныя. А изъ того, что вы говорили объ ея родственникѣхъ, какъ будто вытекаетъ, что нельзя волиѣ полагаться на ея желаніе мирволить имъ.

— Знаете ли, я не обвиняю ея, торопливо возразилъ Чампей.—Я еще не такая скотина, чтобы до этого дойти; я бы и не заговорилъ о своихъ дѣлахъ, еслибы вы не спросили, знаете ли... Я думалъ только, что еслибы этотъ Французъ надѣлалъ ей какихъ-нибудь затрудненій, вы бы могли поговорить съ ней; она бы послушалась васъ; она знаетъ, что вы вмѣшались бы только ради дѣла. А дѣло отъ этого можетъ дѣйствительно пострадать. Вы, можетъ-быть, не совсѣмъ довѣряете мнѣ дѣловымъ

способностямъ, полковникъ, и не положились бы на мое мнѣніе, въ особенности теперь,—но я живу здѣсь дольше васъ,—онъ слегка понизилъ голосъ и подвинулъ свой стулъ ближе къ Куртлэнду,—и мнѣ не нравится здѣшнее положеніе вещей. Среди этихъ мошенниковъ происходитъ какая-то чертовщина. Они ждутъ только случая—одной искры довольно, чтобы все всыхнуло; а пожалуй огонь уже зажженъ и тлѣть гдѣ-нибудь, какъ искра въ кипѣ хлопка. Я бы все бросилъ и уѣхалъ, еслибы не думалъ, что миссъ Доузъ еще тяжелѣе будетъ оставаться одной.

— Вы славный малый, Чампней,—сказалъ Куртлэндъ, съ внезапнымъ порывомъ опуская руку на плечо молодому человѣку,—и я прощаю вамъ, если вы забыли, что и я въ состояніи ей помочь. И въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ онъ со странною серьезностью и подавленнымъ вздохомъ,—ничего нѣтъ удивительнаго, что вы забыли. Но я долженъ вамъ напомнить, что Доузы въ дѣйствительности агенты и арендаторы представляемой мною компаніи и что пока я здѣсь—я не позволю никому касаться ихъ правъ и имущества. Однако, какъбы то ни было, добавилъ онъ еще серьезнѣе,—я не имѣю никакого права спасать миссъ Доузъ отъ опасностей, вызываемыхъ ея личными отношеніями къ знакомымъ.

Чампней всталъ и неловко пожалъ ему руку.

— Дождь немного затихъ, замѣтилъ онъ,—и я отправлюсь, пока онъ снова не разойдется. Покойной ночи! Ничего, что я къ вамъ такъ зашелъ? Не такъ ли? По совѣсти!.. вы мнѣ показались сначала нѣсколько натянутымъ... Но вы поняли, что я хотѣлъ сказать?

— Совершенно! и благодарю васъ.—Они еще разъ пожали другъ другу руки. Чампней спустился съ крыльца и дойдя до калитки исчезъ во мракѣ, какъ бы сливаясь съ нимъ. Буря еще не прошла, воздухъ опять сталъ тяжелымъ и удупливымъ. Сидя на креслѣ, Куртлэндъ задумался, повѣрить-ли рассказамъ Чампнея или нѣтъ, но чувствовалъ при этомъ, что долженъ сразу прекратить такое выжидательное положеніе. Сознаніе нѣкоторой виновности въ томъ, что онъ заботится больше о своей страсти, чѣмъ о долгѣ предъ компаніей, не дѣлало его размышленій болѣе пріятными. Но хотя ему трудно было согласовать откровенныя увѣренія миссъ Салли на кладбищѣ о равнодушіи ея соотечественниковъ къ ухаживаніямъ Чампнея, съ тѣмъ поводомъ, который, по словамъ Чампнея, она выставила, чтобы

отклонить его ухаживанія. Куртлендъ, къ сожалѣнію, не особенно огорчился ея понятіями о нравственности. Влюбленный рѣлко обвиняетъ свою возлюбленную за то, что она обманываетъ его соперника и какъ Отелло не повѣрилъ предостереженію Брабанціо, такъ и онъ неспособенъ былъ сдѣлать логическаго вывода, что она можетъ и его обмануть. Мужское чувство чести безъ колебаній принимаетъ любовь женщины при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ оно безъ колебаній возстало бы противъ дружбы съ женщиной, способнымъ на подобную измѣну. Быть-можетъ есть скрытый комплиментъ въ разрѣшеніи ей принять на себя всю нравственную отвѣтственность, а противъ этого могутъ устоять лишь немногія женщины.

Во время этого мрачнаго раздумья, Куртлендъ вдругъ поднялъ голову и прислушался.

— Като!

— Здѣсь, сѣръ.

Въ залѣ раздались тяжелые шаги, направлявшіеся изъ заднихъ комнатъ, и въ темныхъ дверяхъ появилась еще болѣе темная фигура. Это былъ его старшій надсмотрщикъ, сильный и не глупый негръ, избранный своими освобожденными товарищами, согласно съ новыми порядками, введенными Куртлендомъ.

— Откуда вы пришли, съ плантаціи, или изъ города?

— Изъ города, сѣръ.

— Лучше бы вамъ пока не ходить въ городъ по вечерамъ, сказалъ Куртлендъ тономъ спокойнаго, но неоспоримаго приказанія.

— Чтò же они онятъ заведутъ свои „патрули“¹ чтò ли? съ легкою усмѣшкой спросилъ негръ.

— Не знаю, отвѣтилъ Куртлендъ, какъ бы не замѣчая усмѣшки.—Но если они это сдѣлаютъ, вы должны будете подчиняться мѣстнымъ постановленіямъ, пока они не противорѣчатъ государственнымъ законамъ, а въ послѣднемъ случаѣ, надо обращаться къ государственнымъ властямъ. Совѣтую избѣгать всякихъ ссоръ, пока можно.

— Я думаю, меня-то они не тронутъ, посмѣиваясь замѣтилъ негръ.

Куртлендъ внимательно посмотрѣлъ на него.

— Я также думаю. Вы посите оружіе, Като? Дайте его сюда.

¹ Патрули до освобожденія наблюдали за рабами. *Примѣч. автора.*

Послѣ краткаго колебанія, тотъ снялъ съ пояса револьверъ и передалъ его Куртлэнду.

— Многіе ли изъ васъ ходятъ вооруженными по городу?

— Только тѣ, сѣрь, которыхъ оскорбляли.

— А васъ чѣмъ оскорбили?

— Господинъ Томъ Хигби на базарѣ сказалъ: „пора всѣхъ этихъ негровъ убрать въ болото“, а я отвѣтилъ, что „нищимъ и бродягамъ лучше бы убратъся подальше отъ рабочаго народа“, а онъ сказалъ, что „вырѣжетъ мнѣ сердце“.

— И вы думаете, что вашъ револьверъ удержитъ его и его друзей отъ этой операціи, если вы ихъ затронете?

— Вы сами сказали, сѣрь, что это нужно для нашей защиты, мрачно возразилъ негръ. — За чѣмъ же вы въ оружейной обучали насъ стрѣлять?

— Чтобы, въ случаѣ нападенія, вы всѣ вмѣстѣ могли защищаться, а не для того, чтобъ угрожать имъ въ одиночныхъ уличныхъ дракахъ. Вмѣстѣ вы еще можете устоять противъ этихъ людей; порознь они кажлаго изъ васъ уничтожатъ.

— Многимъ изъ негровъ я не повѣрю, чтобъ они могли устоять вмѣстѣ, угрюмо сказалъ Като. — Они побѣгутъ отъ своихъ прежнихъ господъ, если не перебѣгутъ къ нимъ. Вѣрно!

Подобное же опасеніе еще раньше мелькнуло въ умѣ Куртлэнда, но теперь онъ не сталъ его обсуждать.

— Вчера я нашелъ два ружья въ хижинахъ у рабочихъ, спокойно продолжалъ онъ. — Смотрите, чтобъ это не повторялось! Изъ оружейной ихъ нельзя брать, развѣ только для ея защиты.

— Слушаю-сь, сѣрь.

Наступило молчаніе. Оно было нарушено внезапнымъ порывомъ вѣтра, ворвавшася подъ портикъ; вьющіяся лозы задвигались; шпрокіе листья деревьевъ зашелестѣли и зашумѣли— снова начался дождь, и когда Куртлэндъ всталъ и подошелъ къ открытому окну, бѣлыя рамы и внутренность конторы освѣтились блескомъ новой молніи.

Онъ вошелъ въ контору, позвалъ Като за собой и зажегъ лампу надъ столомъ. Негръ угрюмо, но почтительно стоялъ у окна.

— Като, знаете вы что-нибудь о мистерѣ Дюмонѣ, родственникѣ миссъ Доузъ.

При свѣтѣ лампы внезапно блеснули бѣлые зубы негра.

— Какже, сѣрь.

— Онъ большой другъ вашего народа?

— Этого, сэръ, я не знаю! Только онъ большой врагъ Ридовъ и Хигби.

— Конечно, изъ-за убѣжденій?

— Нѣтъ! удивленно отвѣтилъ Като.—А изъ-за вендетты!

— Изъ-за вендетты?

— Да-съ. Старинная кровавая ссора между семьями. Это длится уже около пятидесяти лѣтъ, сэръ. Дѣдъ, отецъ и братъ Хигби были убиты дѣдомъ, отцомъ и братомъ Дюмона. Когда всѣ Хигби были покончены, Риды вступились, потому что они имъ сродни, но съ ними въ свой чередъ покончили Доузы, которые родственники Дюмонамъ.

— Какъ! И Доузы замѣшаны въ этомъ?

— Теперь нѣтъ. Въ семьѣ у Доузовъ не было ни одного мужчины съ тѣхъ поръ, какъ умеръ отецъ миссъ Салли и теперь они изъ этого вышли навсегда. Последнее убійство совершенно было Джорджемъ Дюмономъ; онъ пристрѣлилъ Джо—брата Тома Хигби и сбѣжалъ въ Европу. Говорятъ, онъ вернулся и живетъ гдѣ-то въ Аталантиѣ. Горячее будетъ время, если онъ пріѣдетъ сюда повидаться съ миссъ Салли.

— Но можетъ-быть онъ измѣнилъ свои убѣжденія, живя за границей: тамъ на это смотреть, какъ на простое убійство.

Негръ угрюмо покачалъ головой.

— Тогда бы онъ не вернулся. Нѣтъ, сэръ; онъ знаетъ, что Томъ Хигби обязанъ напасть на него или долженъ самъ уѣхать отсюда и мистеръ Джорджъ не прочь покончить съ нимъ, какъ покончилъ съ его братомъ: до сихъ поръ еще перевѣсъ на сторонѣ Хигби. А мистеръ Джорджъ знаетъ, какъ съ ружьемъ обращаться.

Въ другое время неизбежность этого наслѣдія незаконнаго варварства, о которомъ онъ столько слышала, произвела бы впечатлѣніе на Куртленда, но теперь онъ заинтересовался имъ только изъ-за невозможнаго положенія, въ которое оно ставило миссъ Салли. Имѣла ли она какое-нибудь отношеніе къ зловѣщему возвращенію ея родственника или ее ожидаетъ только участь безпомощной жертвы?

Вдругъ, бѣлая, ослѣпительная молнія освѣтила комнату, портикъ, мокрая отъ дождя деревья и улицу за ними. За ней послѣдовалъ оглушительный ударъ грома и какъ будто новая, болѣе слабая вспышка той же молнии или чего-нибудь зажженного ею.

Раскаты, потрясавшіе домъ, не успѣли еще стихнуть, какъ Куртлэндъ быстро выскочилъ изъ окна и пошелъ къ калиткѣ.

— Ударило куда-нибудь, сэръ? спросилъ испуганный негръ, когда Куртлэндъ вернулся.

— Нѣтъ, насколько я могъ убѣдиться. Ступайте въ заднія комнаты и позовите туда же Зою съ дочерью изъ хижины. Оставайтесь тамъ, пока я не приду. Ступайте! Окно я самъ закрою.

— Куда-нибудь, сэръ, да ударило, навѣрно! Тутъ сильный запахъ сѣры,—сказалъ негръ, выходя изъ комнаты.

И Куртлэндъ замѣтилъ этотъ запахъ, но онъ былъ давно знакомъ ему по полю битвы! Когда дверь затворилась за надсмотрщикомъ, онъ поднесъ лампу къ противоположной стѣнѣ и тщательно осмотрѣлъ ее. На стѣнѣ ясно было видно отверстіе сдѣланное пулей, пролетѣвшею всего на дюймъ отъ головы Като, когда тотъ стоялъ у открытаго окна.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РАЗВОДЪ.

(Современные нравы.)

(Переводъ съ рукописи П. Гальперина-Каминскаго.)

(Окончаніе.)

X.

Бурный вѣтеръ яростно шумѣлъ на Сангвинерской дорогѣ; громадныя пѣнящіяся волны, налетая одна на другую, широкою, бѣлою, вьющеюся лентой окаймляли темную, какъ почъ, безлюдную дорогу. На небѣ ни звѣзды. Волненіе, невидимое въ ночной темнотѣ, замѣчалось только при свѣтѣ маяка, то пропадавшаго, то снова появлявшагося на поверхности водъ, подобно зажженной спичкѣ, чудесно уцѣлѣвшей на гребнѣ волны.

На дорогѣ, усыпанной мелкими камнями, слышались торопливые шаги.

— Это ты, отецъ? окликнула въ полголоса одна изъ дочерей Фагана.

— Да, дѣтки мои...

Онъ удивился, что засталъ ихъ ранѣе обыкновеннаго на мѣстѣ свиданія, и приписалъ такую послѣднюю желанію пробыть подольше вмѣстѣ этотъ послѣдній вечеръ, потому что на слѣдующій день, въ часъ пополудни, де-Фаганъ отправлялся въ обратный путь на пароходѣ *Генераль Себастьяни*.

— Въ какую дурную погоду тебѣ придется уѣхать! прошептала, вздрогнувъ, Роза.

— Какъ знать?.. до завтра еще можетъ измѣниться... замѣтила младшая сестра, не желавшая, чтобъ особенно нѣжничали.—Побѣгаемъ-ка немного... какъ устоять на мѣстѣ при такой погодѣ..

Какъ бы опьяненная бурей, она схватила отца подъ руку и помчалась съ нимъ и съ сестрой, радуясь морской нѣжѣ, брызгавшей ей въ лицо.

— Но не надо уходить слишкомъ далеко, ты знаешь, Роза, мы должны сегодня рано возвратиться домой, сказала Нина, внезапно остановившись.

— Рано, да почему это? встревожился де-Фаганъ.

— А наша шарада... сегодня генеральная репетиція... въ костюмахъ. Завтра будетъ первое представленіе.

Гнѣвъ вспыхнулъ въ немъ, но онъ подавилъ его, желая предъ отъѣздомъ оставить дочерямъ своимъ пріятное впечатлѣніе, безо всякой примѣси горечи.

— Это нехорошо, какъ разъ въ послѣдній вечеръ... пробормоталъ онъ съ грустью.

— Бѣдный папа! проговорила Роза.

— Послушай, заговорила Нинетта,—вѣдь мы пришли сюда раньше тебя... спроси у сестры... мы ждали тебя добрыхъ двадцать минутъ.

Старшая сестра ничего не отвѣтила, чувствуя, насколько глупъ и жестокъ былъ этотъ торгъ пзъ-за минутъ. Всѣ трое стояли молча, неподвижно, не находя, что сказать другъ другу.

Никогда, какъ въ эту минуту, на этомъ темномъ, бурномъ берегу, Режисъ де-Фаганъ не чувствовалъ себя такимъ усталымъ, и жить, и бороться, и оспаривать дѣтей своихъ у этой женщины. Все, казалось, замерло въ немъ: и ненависть къ матери, и страсть къ любимымъ дѣтямъ. Его родительское сердце какъ бы перестало биться; то была страшная, смертельная минута, точно агонія умирающаго чувства.

Ласки Розы, вѣроятно, угадавшей его мысли, и нѣсколько ловкихъ фразъ Нинетты вывели его, наконецъ, пзъ этого душевнаго оцѣпенѣнія, о которомъ онъ потомъ всегда вспоминалъ съ каимъ-то чувствомъ боязни.

— Правда ли, что говорить мнѣ Нина, спросилъ онъ старшую дочь.—Или вы сочинили все это, чтобы разлука казалась менѣе грустною?

— Совершенная правда, отецъ... Г-ну Ремори обѣщано мѣсто

помощника прокурора въ Версали; почему свадьбу думаютъ назначить въ Парижѣ. Такимъ образомъ дочь твоя будетъ совѣтъ близко отъ тебя.

— Не считая того, прибавила Нинетта, — что вскорѣ кузень будетъ членомъ государственнаго совѣта... И мы всѣ будемъ жить тамъ... будемъ часто видѣться... А наши вкусныя воскресныя завтраки, а? Не правда ли, недурно было бы возобновить ихъ?..

— О, да!.. вздохнулъ Фаганъ, и надежды эти, лживыя или нѣтъ, нѣсколько облегчили тяжесть разлуки и грусть прощальныхъ поцѣлуевъ, которыми де-Фаганъ обмѣнивался съ дочерью среди этой темной ночи, скрывавшей отъ него лица его милыхъ дѣвочекъ.

Роза была права. На слѣдующій день, когда де-Фаганъ садился на пароходъ, шелъ мелкій дождь, вѣтеръ свирѣпо дулъ, море грозно бушевало и тяжелыя, шумныя волны ежеминутно разбивались о моль, наводняя набережную, разливаясь чуть ли не до самыхъ домовъ, куда бѣгомъ спасалась смѣющаяся толпа. Парусныя суда, пароходы, рыбацкія барки, причаливали со всѣхъ сторонъ, спѣша укрыться отъ непогоды, отъ этой ужасной битвы вѣтра съ волнами, страшный грохотъ которой доносился издалека. А тамъ, на рейдѣ, медленно приближалось громадное судно: казалось, оно летѣло въ воздухѣ, такъ высоко подбрасывали его вверхъ разсвирѣпѣвшія тяжелыя волны.

Когда даже пакеботъ такихъ размѣровъ сворачиваетъ съ пути, ища защиты, *Генераль Себастиани* смѣло могъ бы отложить свое отплытіе на слѣдующій день, но для этого ему нужно было бы имѣть другаго капитана, а не того человѣчка, чернаго и худого, съ профилемъ пидюка, который яростно ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ, стискивая въ зубахъ свою толстую красную трубку, издававшую большой шумъ, чѣмъ труба парохода.

— Садись кто хочетъ, что до меня, я отправлюсь съ лошадью, отвѣчалъ онъ на вопросы испуганныхъ, растерявшихся пассажировъ.

Онъ везъ въ Марсель около сорока маленькихъ корсиканскихъ лошадей, стоявшихъ въ углу палубы и уже пачинавшихъ ржать отъ испуга.

Эта оригинальная поѣздка по морю, одно крыло въ воздухѣ,

другое въ морской пѣнѣ, на подобіе чайки, занимала Фагана, имѣвшаго случай познакомиться съ моремъ во время своихъ путешествій съ острова Бурбона. Къ тому же, эта тоска, это одиночество, отъ котораго онъ страдалъ въ тотъ день болѣе, чѣмъ когда-либо, вселяли въ немъ чувство жажды опасности, особенно опасности стихійной, которая придаетъ смерти величіе, дѣлаетъ ее почти безличною, когда ея призракъ является какимъ-то откровеніемъ...

Тогда какъ большинство пассажировъ откладывали путешествіе на слѣдующій день, Фаганъ устранился въ лучшей каютѣ перваго класса. Звукъ колокола раздался на бакѣ, но, заглушаемый ураганомъ, онъ, казалось, доходилъ издалека. Де-Фаганъ, заслышавъ сигналъ къ отъѣзду, вышелъ на палубу.

Набережная переполненная народомъ, темные высокіе дома. бѣлая будка на мосту, все уменьшалось и исчезало по мѣрѣ того, какъ судно выходило изъ гавани въ открытое море; волна дѣлалась все тяжелѣе и выше, а грохотъ бурана становился все слышнѣе. Скоро на черномъ небѣ показался Сангвинерскій утесъ съ маякомъ на одномъ концѣ и генуэзскую башней на другомъ, а тамъ, вдали, за темною зеленью, вилась лентой дорога, обрисовывался берегъ, воскрешая въ сердцѣ Режиаса нѣжную мысль о дочеряхъ, воспоминанія объ этихъ чудныхъ вечерахъ, такъ скоро прожитыхъ!

Думали ли онъ объ отцѣ, или только о костюмахъ для вечерняго представленія?.. Какъ хороша будетъ Роза въ своемъ венеціанскомъ нарядѣ, и потѣшна рожца Нинетты въ атласномъ костюмѣ пифанты! Какъ досадно, что не удалось видѣть всего этого изъ какого-нибудь темнаго угла, хоть на такое же короткое мгновеніе, какъ остановившійся прохожій смотритъ на выходящихъ изъ каретъ разодѣтыхъ дамъ, въ то время, какъ онѣ быстро поднимаются на ярко освѣщенное крыльцо...

Страшный шумъ внезапно прервалъ его мечты. Обрушившаяся на палубу волна съ трескомъ срывала скамейки, и Фаганъ, едва успѣвшій уцѣпиться за перила навѣса, полетѣлъ головой внизъ по лѣстницѣ. Священникъ и два офицера, единственные пассажиры перваго класса, помогли ему встать и кое-какъ высушить мокрое платье; затѣмъ, послѣ приказа капитана, чтобы заперли все люки, они остались вчетверомъ въ темной, заплѣснѣлой залѣ, по диванамъ которой тамъ и сямъ

валялись тазы. Вдругъ стукъ машины замолкъ и судно стало покачиваться съ боку на бокъ въ долгомъ, страшномъ безмолвіи.

— Виптовой палъ сломанъ, попробуютъ поднять паруса, чтобы какъ-нибудь добраться до Аяччіо, сказалъ поваръ, высовывая въ полуоткрытую дверь блѣдное, какъ его блѣлый бумажный колпакъ, лицо.

Трагизмъ положенія увеличивался зрѣлищемъ сброшенныхъ волной лошадей, которыя коньгами вверхъ и съ путами на ногахъ отчаянно барахтались въ водѣ, образуя черную, движущуюся массу.

На дворѣ уже темнѣло, когда, по особенному счастью и необъяснимому чуду, *Генералъ Себастьяни*, вышедшій изъ гавани Аяччіо пароходомъ, возвращался въ нее паруснымъ судномъ.

За липовыми сумерками и взлетавшею морскою пѣной видѣлся городъ съ безчисленными огоньками, доносился шумъ барабановъ, трубъ, охотничьихъ роговъ и всевозможныхъ другихъ инструментовъ, смѣшанный съ крикомъ нестрой толпы, расхлывшейся въ послѣдній день карнавала, а вдали, въ видѣ аккомпанимента, непрерывно звучалъ густой басъ сердитаго, грознаго моря.

Фаганъ раздумывалъ, какъ ему быть. Остаться ли на пароходѣ въ грязи и сырости, или хорошенько пообѣдать и переночевать въ городѣ, среди шума и гама ряженыхъ, тогда какъ сердце его было еще полно тоскливыхъ прощальныхъ воспоминаній. Однако онъ рѣшился на послѣднее, желая быть ближе къ дочерямъ, въ надеждѣ издали взглянуть на освѣщенный балъный залъ и, быть-можетъ, лишній разъ поцѣловать ихъ.

Онъ шелъ по грязной набережной, которую отъ времени до времени омывали блѣдныя волны, какъ вдругъ столкнулся съ человѣкомъ, бѣжавшимъ куда-то съ большимъ узломъ подмышкой.

— Вотъ тебѣ разъ! де-Фаганъ... Откуда же вы, моя знаменитая старинна?.. Я думалъ вы уѣхали.

— Видите, я напротивъ пріѣхалъ.

И де-Фаганъ разсказалъ въ нѣсколькихъ словахъ о своемъ приключеніи.

— Но сами вы, баронъ, куда вы такъ сибьните съ этимъ узломъ, точно портной?

И дѣйствительно, для джентльмена, который, судя по разсказамъ, участвовалъ не разъ въ скачкахъ, совсѣмъ не пристало

нести этотъ огромный пакетъ, завязанный въ черномъ люстринѣ, *cela manquait de caviar*.

И къ довершенію замѣшательства, баронъ вдругъ вспомнилъ, что счета его съ „старою знаменитостью“ не были сведены, что онъ остался ему долженъ пятьдесятъ, шестьдесятъ золотыхъ, проигранныхъ де-Фагану въ послѣдній разъ.

— Кстатн, добрѣйшій Фаганъ, такъ какъ вечеръ вашъ свободенъ, пойдите обѣдать ко мнѣ... Послѣ обѣда мы сразимся на зеленомъ полѣ часпка два... Вся наша компанія явится за мной очень поздно...

Подъ словомъ компанія онъ разумѣлъ восемь, десять молодыхъ людей его клуба, которые, по тамошнему обычаю, въ послѣдній вечеръ карнавала ходили ряженые и замаскированные по салонамъ Аяччіо.

— Я какъ разъ принесъ костюмъ Мефистофеля... осторожиѣе, *mon bon*, здѣсь двѣ ступеньки; вотъ мы и пришли.

Фаганъ подымался по лѣстницѣ стараго дома, со стѣнъ и периль котораго такъ и текло; онъ слушалъ молча Рушуща, который шелъ впередъ.

— Будете вы въ префектурѣ во время свопхъ ночныхъ странствованій? быстро спросилъ онъ баронета.

— Въ префектурѣ?.. еще бы... тамъ будетъ балъ и домашній театръ.

— Ну, такъ милѣйшій баронъ, постарайтесь добыть мнѣ какой-нибудь костюмъ, и будьте столь любезны взять меня съ собой.

— Съ удовольствіемъ, ничего пѣтъ легче... отвѣтилъ тотъ обрадовавшись, что такимъ образомъ можно было легче уладить дѣла со своимъ заимодавцемъ.—Вся итальянская труппа Большаго Театра была къ его услугамъ; можно было попросить у баса Деодато... Нѣтъ, лучше у баритона Паганетти, онъ такой большой, длинный, какъ Фаганъ; можно достать какой угодно костюмъ на выборъ...

— А, да вотъ Фирмень... Фирмень поставь еще приборъ.. баринъ обѣдаетъ со мной.

Сырость господствовавшая на лѣстницѣ, казалось, проникла и въ самую квартиру съ высокими потолками и скудною мебелировкой. Баронъ занималъ ее у вдовы Лимперани, матери флотскаго священника, отсутствовавшаго уже много лѣтъ.

Раковины, экзотическія растенія, высушенные кораллы укра-

шали комнату; на каминѣ красовался миниатюрный фрегатъ, на стѣнахъ висѣли картинки изъ священнаго писанія, на полинялыхъ креслахъ, на треснувшихъ мраморныхъ плитахъ столовъ разложены были визаншя крючкомъ руководія, предъ стульями лежали коврики, плохо прикрывая потертый полъ, все это было холодно, неуютно, плохо освѣщено и казалось еще бѣднѣе отъ запаха лука, которымъ такъ и несло изъ кухни. Комиченъ былъ контрастъ этой жалкой обстановки и свѣтскихъ манеръ ея жильца и его величественнаго Фирмена.

Этотъ послѣдній, казалось, былъ стѣсненъ болѣе своего хозяина присутствіемъ Парижанна, посвященнаго такимъ образомъ въ ихъ домашнюю нищету; чтобы скрыть ее, онъ держался вдвое важнѣе, и болѣе торжественно выговаривать: „г-нъ баронъ, кушанье подано“. Но все это было совершенно излишне и вовсе не шло къ мизерному виду этой нетопленной столовой, съ ея высокими темными окнами, въ которыхъ видѣлись дрожащія огоньки фонарей, зажженныхъ на пристани и къ этому печальному столу, на которомъ дымился супъ изъ луковыхъ головокъ, между блюдомъ отварной рыбы и традиціонною простоквашей, извѣстное *bruccio*, безъ чего не обходится ни одинъ корсиканскій обѣдъ.

О, да! г-ну барону „кушанье было подано“, но весьма жалкимъ образомъ, что не мѣнало ему, однако, важно расправлять свой жабо и моргать маленькими плутовскими глазками, рассказывая о многочисленныхъ побѣдахъ одержанныхъ имъ на островѣ, во всѣхъ слояхъ общества.

— Кстати, а Серафима? спросилъ де-Фаганъ, переходя изъ столовой въ гостиную, гдѣ на игорномъ столѣ ихъ ожидалъ кофе и новая колода картъ.

— Серафима? О! болѣе чѣмъ когда-либо!.. идеальная женщина, знаете ли... Это только въ Корсикѣ встрѣчается... поэтъ, кухарка, ноги какъ у Діаны и не стоить мнѣ ни гроша... Но постоите, моя кочерга, вы увидите сами.

На зовъ хозяйна явилась высокая, здоровая женщина массивнаго сложенія, съ крѣпкими ногами, красныя линіи которыхъ ясно обозначались сквозь тонкую матерію тѣсно обхватывавшую ея станъ.

— Сними же это, сказалъ баронъ, стаскивая косынку, накиннутую на волосы, но частью скрывавшую также ея лицо: низкій лобъ, посреди котораго красовался длинный шрамъ, каріе глаза и крупныя, жесткія, но правильныя черты.

— Поздравляю васъ, мой другъ, отвѣтилъ де-Фаганъ на многознаменательное „гм?“ своего собесѣдника,—по откуда у нея эта изящная отмѣтка надъ глазами?

Молодая женщина поняла эти слова.

— *Contento del marito*,¹ гордо отвѣтила она.

— Да, мой другъ, этотъ грубый погонщикъ, однажды въ припадкѣ ревности... взмахомъ ножа... Бѣдная бабенка!

И поколачивая ее слегка по бокамъ одною рукой, баронъ распечатывалъ другою колоду картъ, спѣша начать игру, для чего собственно онъ и пригласилъ къ себѣ де-Фагана.

Вдругъ послышался сильный звонокъ.

— Вѣроятно вашъ костюмъ, сказалъ Рушущъ; но онъ внезапно поблѣднѣлъ, заслыша тяжелые шаги, громкій смѣхъ, раздававшіеся въ корридорѣ, потомъ въ кухнѣ, куда Фирмень ввелъ новаго посѣтителя.

— Il marito! прошептала Серафима, поспѣшно возвращаясь къ своей плитѣ въ то время, какъ баронъ потихоньку говорилъ ей: накорми его хорошенько!..

— Вы смущены?.. спросилъ его де-Фаганъ;—не появленіе ли Отелло такъ подѣйствовало на васъ?

— Нѣтъ, но это животное всегда что-нибудь просить, когда сюа является.

Въ корридорѣ послышались приближающіеся тяжелые шаги и жесткая рука стукнула въ дверь.

— Войдите, сказалъ баронъ, почти онѣмѣвъ отъ ужаса.

Въ комнату вошелъ великанъ, весь бритый, въ буркѣ на плечахъ, съ ярко-краснымъ фуляровымъ платкомъ, слабо завязаннымъ вокругъ его круглой сильной шеи, оставшейся бѣлою, несмотря на жгучее солнце горъ; твердая, какъ мраморъ, грудь его была непомѣрной ширины. Онъ вертѣлъ въ громадныхъ рукахъ старую фуражку, отъ которой такъ и несло разбойничимъ лѣсомъ и дикостью.

— Чтò новаго, Паломбо?

— Ничего хорошаго, господинъ баронъ...

И мужъ Серафимы очень спокойно разсказалъ, что въ Монте-Ротондо два его лошака,—прекрасныя животныя, попали подъ сильный дождь, простудились и кракъ! пали оба отъ *pointoura*; необходимо было немедленно замѣнить ихъ, не то дѣла остано-

¹ Ножъ мужа.

вится, а въ настоящее время, въ сезонъ, это разорило бы и его, и братьевъ. Но откуда достать столько денегъ?.. тогда онъ подумать... Серафима говорила, что *mission* быть такъ добръ относительно нея!..

Во время разсказа рысьи глазки Паломбо, затерявшіеся въ складкахъ кожи, устремлены были на косынку, забытую Серафимой на ручкѣ кресель, въ которыхъ сидѣлъ растянувшійся баронъ Рушущъ.

Но мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, голосъ его становился рѣзкимъ, почти дерзкимъ, несмотря на нѣжно сладкія выраженія, и баронъ, слѣдя за его взглядомъ и этою прогрессивно увеличивающеюся грозною интонаціей въ голосѣ, былъ такъ взволнованъ присутствіемъ оставленной Серафимой шелковой тряпки, точно мужъ засталъ его со своею женой на колѣняхъ. Бѣдный баронъ терялъ голову, лепеталъ отъ страху несвязныя слова, стараясь узнать сколько надо было этому прекраснѣйшему Паломбо, чтобы замѣнить своихъ лошаковъ.

— Восемьсотъ франковъ и ни куда менѣе.

Тутъ погонщикъ, приберегавшій эффектъ для послѣдней рѣшительной минуты, протянулъ свою громадную руку.

— Да это вѣдь Серафиминъ платокъ? сказалъ онъ грозно.

Баронъ измѣнился въ лицѣ.

— Скажите, мой старый другъ, одолжите мнѣ сорокъ золотыхъ, вы избавите меня отъ катастрофы, проговорилъ онъ едва внятнымъ голосомъ, обернувшись въ сторону де-Фагана.

И взявъ большой синій кредитный билетъ,¹ протянутый де-Фаганомъ, онъ передалъ его Паломбо съ видомъ довольства, совершенно уснокоенный.

— Восемьсотъ франковъ для твоихъ лошаковъ, остальное передай твоей женѣ.

Тотъ положилъ банковый билетъ въ карманъ, поблагодарилъ и отправился въ кухню, откуда долго еще доносились громкіе взрывы смѣха и трескъ жаренаго масла.

Послѣ этого штурма баронъ сталъ было продолжать игру, но партнеръ его отбросилъ карты и взялъ его дружески за руки.

— Итъ, дитя мое, оставьте это, прошу васъ, сказалъ онъ ласковымъ, почти отеческимъ голосомъ.

— Однако, добрѣйшій...

¹ Тысяча франковъ.

— Я знаю, вы хотите отыграться, но я хочу предложить вамъ нѣчто лучшее. Деньги, которые я выигралъ у васъ въ продолженіе этихъ десяти дней, право тяготятъ мой карманъ; вотъ почему я только-что съ такою готовностью выручилъ васъ. Позвольте же мнѣ присоединить къ этому нѣсколько тысячефранковыхъ билетовъ, которые по причинѣ вашихъ постоянныхъ неудачъ...

— О! господинъ де-Фаганъ, пробормоталъ бѣдный малый, всѣмъ растроганный.—Еслибы вы знали, что за услугу...

И не окончивъ фразы, положивъ голову на руки, какъ ребенокъ, которымъ въ сущности онъ и былъ, онъ заплакалъ навзрыдь.

Вдругъ, подъ окномъ раздались звуки трубъ.

— Вотъ они! закричалъ баронъ, вскочивъ на ноги и мигомъ осушивъ глаза... пойдете скорѣе одѣваться.

И натягивая трико Мефистофеля, надѣвая маленькую шапочку, онъ шепталъ совершенно чистосердечно: „Ахъ! этотъ старый Фаганъ, онъ все-таки очень хорошій малый!“

Но Фаганъ не отвѣчалъ ему, со своей стороны очень занятый костюмомъ, старательно надѣвая полубалахонъ и шутовской колапакъ съ бубенчиками, взятые на-прокатъ у баритона Паганетти.

Въ тѣни туманной пристани двигались взадъ и впередъ молодые люди въ маскахъ и разноцвѣтныхъ костюмахъ. Всѣ они говорили на-распѣвъ, щеголяя бульварнымъ и конюшеннымъ „argot“, заимствованнымъ у баронета Рушуда, служившаго имъ и образцомъ и преподавателемъ. Эта смѣсь якобы парижскаго „зююканья“ съ мѣстнымъ акцентомъ производила то же странное впечатлѣніе, которое можно было бы вынести изъ зрѣлища тантескихъ дамъ одѣтыхъ по послѣдней парижской модѣ.

— Мой другъ Риголетто, сказалъ баронъ представляя своего спутника.

— Въ попскахъ за дочерью, прибавилъ Фаганъ, чтобы сказать что-нибудь.

— За дочерьми... сказалъ ему тотъ на ухо.

— И въ самомъ дѣлѣ, а я и не замѣтилъ...

И отецъ улыбнулся этому случайному совпаденію принятой имъ роли и его настоящимъ положеніемъ.

— Съ чего начнемъ мы? спросилъ кто-то изъ молодыхъ людей.

— Съ префектуры, отвѣтилъ Фаганъ, нисколько не желавшій провести всю ночь внѣ дома.

Пройди два, три узкіе переулка, очень оживленные, несмотря на темноту, толпа ряженыхъ, въ сопровожденіи мальчишекъ съ разноцвѣтными фонарями, подъ пригвѣзъ сто разъ повторенный *O Rogani! O cho dotto!.. O Rogani! O cho dotto!*“ дошла до Ла-Поостеролей какъ разъ когда представленіе было только-что кончено.

Они вошли веселою толпою въ большую гостиную, среди всеобщаго шума и говора гостей, которые рады были встать, наконецъ, просидѣвши цѣлые два часа.

Всѣ эти нестрые костюмы, яркія разноцвѣтныя эгретки и султаны были встрѣчены криками и хохотомъ. Пока пошли докладывать хозяйкамъ о пришедшихъ, Фаганъ, остановившись предъ большимъ зеркаломъ вправленнымъ въ стѣнѣ, замѣтилъ не безъ удовольствія, что онъ былъ неузнаваемъ, и что никогинто его будетъ сохранено. Нѣтъ, даже самой ех-супругѣ не узнать его никогда подъ этою бархатною маскою, обшитою широкою кружевною оборкой, съ этимъ громаднымъ жабо подходящимъ подъ самое горло!

Успокоившись насчетъ этого, онъ, какъ школьникъ, радовался своему неожиданному приключенію, въ восторгѣ отъ возможности увидѣть дочерей въ свѣтскомъ кругу, ту сторону ихъ жизни, ознакомленіе съ которой ему было недоступно.

Всѣ ряженые съ барономъ во главѣ прошли одинъ за другимъ передъ г-номъ и г-жей Ла-Поостероль, затѣмъ направились въ гостиница и залы сопровождаемые толпою гостей. Когда Режисъ, находившійся позади всѣхъ, подошелъ къ этой женщинѣ, бывшей столько лѣтъ его женой, онъ съ трудомъ узналъ ее. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, она успѣла пополнить и еще разъ переменить цвѣтъ волосъ; они были напудрены до-бѣла, что представляло красивый контрастъ съ ея плечами и руками еще молодыми и дѣтскимъ выраженіемъ лица, смотрѣвшаго изъ-за нынѣшнихъ буфъ ея костюма. Но во взглядѣ, на губахъ, во всѣхъ чертахъ ея лица все та же хитрая лукавая улыбка, неуловимая и въ то же время пронизывающая, улыбка, при видѣ которой у него по тѣлу пробѣжала легкая дрожь. Она столько причинила ему зла, и такъ много могла еще причинить!

Поклонившись ей чуть ли не до земли, не смѣя взглянуть на нее, онъ поспѣшилъ предстать затѣмъ мужу, этому сиѣсивому

болвану, этой пустой и звонкой тыквѣ, которая замѣнила его въ альковѣ г-жи Раво!

„Эти глаза знакомы мнѣ“, подумала г-жа префектша, смотря вслѣдъ удалявшимся ряженымъ.

— Кто это? спросила она обернувшись къ Ла-Постеролю.

— Не знаю... отвѣтилъ онъ уклончиво.

Проходя между рядами открытыхъ плечъ, цвѣтовъ, перьевъ, черныхъ фраговъ и золотыхъ галуновъ, Фаганъ только и слышалъ „кто это?.. кто это?..“ шепотомъ перелетавшее изъ устъ въ уста. Несмотря на искусное переодѣваніе, измѣненіе голоса и походы, всѣ ряженные были тотчасъ же узнаны, несмотря на смѣхъ ихъ и отрицательное покачиваніе головами.

— Э! Форчолли... а! Пешино... добрый вечеръ баронъ...—слышалось со всѣхъ сторонъ. Но этотъ высокій, послѣдній, который не говорилъ ни слова, побрякивая только бубенчиками своего шутовскаго колпака, кто былъ онъ, чортъ возьми?

Но онъ думалъ только о своихъ дочеряхъ, удивляясь, что до сихъ поръ не видитъ ихъ. Гдѣ-же были онѣ наконецъ? Быть-можетъ, пошли переодѣться послѣ представленія? Онъ спрашивалъ себя какимъ образомъ дожидаться ихъ, стѣсненный всеобщимъ любопытствомъ, какъ вдругъ онѣ обѣ появились въ дверяхъ втораго салона. Онѣ были тутъ, его Роза, его Нинетта! и какъ прелестны!.. Поневолю продолжая слѣдовать гуськомъ все въ томъ же порядкѣ, проходя мимо младшей, онъ вскользь шепнулъ ей на ухо: „добрый вечеръ, прелестная инфанта“... такъ нѣжно, что дѣвочка задрожала подъ атласными бантами своего длиннаго корсажа и угадывая истину, искала глазами отца, уже исчезнушаго въ поискахъ за старшею сестрой.

Съ распущенными золотистыми волосами, падавшими на юбку изъ толстаго, стариннаго шелка, Роза смотрѣла на ряженныхъ, опираясь на руку краснаго молодого человѣка съ очень юнымъ лицомъ и торжественно плѣшивую головой, настоящая голова представителя закона въ зародышѣ.

Вдругъ она почувствовала на рукѣ своей прикосновеніе бархатной маски и въ то же время знакомый мнѣлый голосъ того, котораго со вчерашняго дня она считала въ дорогѣ, прозвучалъ надъ ней:

— Добрай ночи, прекрасная Венеціанка!..

Растроганная, взволнованная, она хотѣла было отвѣтить нѣсколько словъ, но шутовская щелкушка Риголетто, съ минуту

погрѣвъ около нея и повертѣвшись надъ головами присутствующихъ исчезла по направленію къ саду. Желая узнать въ чемъ дѣло, Роза бросилась искать Иннетту и наконецъ нашла ее въ первой гостиной, въ совѣщаніи съ госпожей Ла-Постероль, поблѣднѣвшей подъ слоемъ румянъ.

— Я отомщу ему, мой милый... клянусь, онъ дорого заплатитъ мнѣ за это!... говорила она шепотомъ, какъ бы обращаясь къ перьямъ своего вѣера и по лицу ея пробѣжала одна изъ ея опасныхъ извѣстныхъ улыбокъ.

Затѣмъ оркестръ заигралъ вальсъ, въ затѣ началось движеніе, приглашали на танцы, становились на мѣста и всѣ три женщины, мать и дочери, съ различными впечатлѣніями исчезли въ вихрѣ бала.

XI.

Возвратясь въ Парижъ, Режисъ де-Фаганъ былъ жестоко разочарованъ и огорченъ при видѣ опустѣлаго сада и закрытыхъ ставень перваго этажа. Полина Гюлэнъ уѣхала, увезла съ собой всѣхъ домашнихъ и хотя Антипъ присутствовалъ при этомъ отъѣздѣ, однако не могъ дать никакихъ объясненій или указаній.

— Мы уѣзжаемъ, сказала горничная Анна.

— Куда-же?

— Въ Гавръ.

И больше никакихъ объясненій.

Фаганъ ушамъ не вѣрилъ! Гавръ! Чтò ей дѣлать въ Гаврѣ, когда тамъ жилъ ея мужъ?

— Да вѣдь онъ былъ здѣсь, мужъ-то, говоритъ Антипъ,—даже Анна сказывала, будто онъ пріѣзжалъ чтобы взять мальчика... но потомъ уѣхалъ одинъ... а барыня два дня спустя.

Чему вѣрять? Чтò думать?

Онъ провелъ дома всѣ первые дни, послѣ своего пріѣзда, съ тоской и безпокойствомъ ожидая письма. Каждое утро, открывая окно, онъ смотрѣлъ въ садъ съ неопредѣленною надеждой увидать на дужайкѣ играющаго Мориса, съ глазами устремленными на окно своего большаго друга. Но нѣтъ, не слышно было дѣтскихъ игръ на опустѣлой дужайкѣ, съ каждымъ днемъ казавшейся ему все больше, а вьющаяся кругомъ сада дорожка, по которой такъ часто ходилъ онъ вмѣстѣ со своею дорогою Полиной, коротая время въ безконечныхъ дружески вѣжныхъ разгово-

ворахъ, дорожка эта заростала травой, уныло свидѣтельствуя объ отъѣздѣ хозяевъ, о запущеніи.

Но однажды, по странному виду, съ которымъ лакей вошелъ внезапно въ комнату, Режисъ подумалъ, что Антипъ узналъ что-нибудь новое, и сердце его дрогнуло.

— Нѣтъ, баринъ; но вотъ нѣчто гораздо страннѣе... сегодняшнія газеты рассказываютъ, что баринъ сошелъ съ ума.

Выговоривъ эту фразу особеннымъ тономъ, которымъ обыкновенно говорилъ съ де-Фаганомъ объ его неудавшейся пиесѣ, Антипъ отдернулъ занавѣски окна и подаль своему барину двѣ наиболѣе распространенныя парижскія газеты. Въ нихъ извѣщали, почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ, что вслѣдствіе перемежающейся лихорадки, схваченной въ Корсикѣ, знаменитый драматическій писатель, Режисъ де-Фаганъ, сошелъ съ ума. Первые признаки умопомѣшательства обнаружались во время одного бала въ Аяччіо.

— Ахъ! шляха.... закричалъ Режисъ, тотчасъ узнавъ злостную выдумку своей жены и, раздраженный до крайности, онъ сталъ отдавать Антипу цѣлый рядъ противурѣчивыхъ приказаній несвойственнымъ ему суровомъ тономъ; но вдругъ замѣтивъ растерянный взглядъ бѣднаго малаго, лицо котораго ясно говорило „ужь не помѣшался ли въ самомъ дѣлѣ баринъ“, Режисъ остановился.

Этотъ взглядъ лакея послужилъ ему хорошимъ урокомъ указавъ, какимъ образомъ слѣдовало держать себя въ обществѣ, предъ публикой.

Подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, уступая своему вспыльчивому характеру, де-Фаганъ конечно отправился бы въ редакцію газетъ и, гнѣвно возвысивъ голосъ, сталъ бы требовать удовлетворенія, оправдывая такимъ образомъ напечатанную гнусную клевету. Не надо было однако преувеличивать спокойствія и равнодушія, которыя не замедлили бы приписать болѣзненному состоянію, меланхоліи, полному упадку духа.

Въ обѣихъ редакціяхъ предъ нимъ извинились довольно плоско: это извѣстіе было сообщено имъ по телеграфу изъ самаго Аяччіо; на слѣдующій же день будетъ помѣщено опроверженіе и если онъ пожелаетъ, редакція готова произвести слѣдствіе... что будетъ весьма легко сдѣлать.... Слѣдствіе? Къ чему?... Это было бы придавать слишкомъ важное значеніе глупой выдумкѣ, пустой мистификаціи... И кругомъ него, въ конторахъ

редакціи, повторяли слова „выдумка, мистификація“, пронизывающимъ, испытующимъ взглядомъ смотря ему прямо въ глаза, прислушиваясь къ каждому слову, слѣди за малѣйшимъ движеніемъ его. А, полая тварь! она умѣла распространять ядовитую клевету! Противъ всякой другой клеветы можно было бы возстать, привести доказательства, но противъ этой!...

Почти весь день Фаганъ провелъ на бульварѣ, возбуждая всеобщее любопытство и удивленіе, что онъ гуляетъ на свободѣ, между здоровыми и живыми; значить, ему удалось-таки убѣжать!...

Въ клубѣ его встрѣтили слишкомъ радушно, какъ товарища, котораго почти не надѣялись видѣть. Онъ остался обѣдать, острить, пообѣщать новую піесу къ предстоящему ежегодному празднеству и затѣмъ показавшись въ фойе двухъ, трехъ театровъ, возвратился въ свой клубъ какъ разъ къ тому времени когда туда собиравлись молодые франты, собраты по профессиональной ирѣ барона Рушца, и усѣвшись за игорный столъ, просидѣлъ за картами до самаго утра, какъ бы желая доказать на дѣлѣ, что онъ не былъ помѣшанъ.

Возвратясь домой, онъ открылъ окно, выходящее въ садъ. Начинало разсвѣтать. Гдѣ-то на верхушкѣ вяза, пчезавшаго въ туманѣ, шѣлъ дроздъ и тонкимъ острымъ клювомъ, казалось, вырисовывалъ арабески своей пѣснi.

Фаганъ оставался погруженнымъ въ долгое раздумье, пропкнутый тяжелою, гнетущею тоской, пзнемогая отъ усталости. Какимъ одинокимъ чувствовалъ онъ себя, странствуя цѣлый день по этому громадному Парижу! Сколько мужскихъ и женскихъ лицъ встрѣтилъ онъ и между ними ни одного близкаго, роднаго!

Онъ чувствовалъ сплывшій ознобъ во всемъ тѣлѣ. Было ли то слѣдствіе окончательнаго упадка духа, или утренняго тумана, которымъ пропитано было тонкое сукно его сюртука? Только имъ овладѣло какое-то необъяснимое болѣзненное состояніе, которое вмѣсто того, чтобы клонить его ко сну, напротивъ, возбуждало и мысли и нервы. Онъ закрылъ окно и подъ вліяніемъ этого страннаго чувства принялся писать длинное письмо своей старшей дочери, единственное сердце, которому онъ могъ довѣриться, гдѣ могъ почерпнуть жизненные силы.

„Не хочу оставлять тебя ни одинъ день, моя дорогая Роза, подъ впечатлѣніемъ той ужасной новости, которую вы должны были узнать изъ газетъ. Нѣтъ, благодаря Бога, ни сумашествіе, ни возможность сумашествія не грозятъ мнѣ. Отецъ твой все

тотъ же, какимъ ты его всегда знала, съ ясными мыслями и свѣтлымъ взоромъ за работой, какъ всегда. Въ настоящую минуту онъ оканчиваетъ новую піесу и въ головѣ его уже зарождаются другія. Вся эта исторія стояла мнѣ дня и ночи, потерянныхъ среди Парижа, гдѣ я показывался всюду чтобы доказать полное равновѣсіе моего ума. Сегодня утромъ въ газетахъ будетъ опроверженіе, а завтра объ этомъ перестанутъ говорить. Тѣ, которые желали погубить меня этою вѣроломною выдумкой, жестоко ошиблись, вообразивъ, что въ наше время, да еще при моей популярности, возможно повтореніе печальнаго происшествія, случившагося во время второй имперіи, съ несчастнымъ адвокатомъ Санданомъ, котораго продержали десять лѣтъ взаперти, подъ предлогомъ умопомѣшательства. А! въ какую ловушку попались бы эти ненавистники, эти сумасброды, еслибъ изъ жажды мести я принялъ предложеніе редакціи и разрѣшилъ бы произвести слѣдствіе. Но ненависть отнимаетъ слишкомъ много времени.... Я же всю жизнь мою посвятилъ труду, и это большое благо, видишь ли.

„Я такъ одинокъ! Я даже лишень этого сосѣдства, которое до сихъ поръ мѣшало мнѣ чувствовать тоску домашней пустоты. Г-жа Гюлэнъ уѣхала, взявъ съ собою сына, вѣроятно, чтобы избѣжать жестокаго закона, возвращавшаго ребенка отцу. А вѣдь совѣтникъ де-Мальвиль человекъ чести. Какъ могла придти ему мысль, ему и его товарищамъ по суду, рѣшая дѣло о развѣздѣ, прибавить это ужасное условіе, по которому ребенокъ переходитъ въ руки отца съ десятилѣтняго возраста до конца образованія? Какая ужасная перспектива для бѣдной женщины. Думать, что быть-можетъ ея больного малютку запрутъ въ какой-нибудь отдаленный лицей или другое заведеніе съ строгими правилами, по-дальше отъ заботливаго присмотра и нѣжности матери... Какъ знать, быть-можетъ, въ немъ нашли бы признаки злости, непослушанія, вслѣдствіе которыхъ признали бы необходимымъ заключить его въ Метрей, эту каторгу, называемую общезаптіемъ; а то, пожалуй, вздумаютъ опредѣлить въ морскую школу и тогда отбѣздъ, изгнаніе... Бѣдная г-жа Гюлэнъ, какъ хорошо понимаю я, зачѣмъ увезла она своего ребенка и спрятала его гдѣ-нибудь въ глуши. И вотъ, такимъ образомъ, я лишень чуткой, женской дружбы, съ каждымъ днемъ становившейся для меня дороже. Чувствую также отсутствіе маленькаго Морпса, забавлявшаго меня милою болтовней. Своими ласками, предупре-

длительностью и милостивымъ личикомъ онъ напоминалъ мнѣ тебя въ эти годы, когда по случаю легкаго нездоровья ты оставалась дома и приходила читать къ моему столу; съ какою гордостью подавала ты мнѣ толеты, тяжелыя книги, или помогала мнѣ работать, протигивая карандашъ, или коробку съ перьями! А Нинетта, помнишь ли, когда, сидя на коврѣ, на вышнемъ канустиномъ кочнѣ, она „убирала нашу библіотеку“, ставя книги вкось, смѣшивая всѣ сочиненія и производя трогательный ералашъ, который я заставлялъ уважать, не позволялъ возстановлять порядокъ. И вотъ всѣ эти прелестныя, очаровательныя глупости, всѣ эти воспоминанія, хранившіяся въ уголкѣ моего сердца, снова воскресли предо мной при видѣ маленькаго Мориса. Я никогда не могъ бы вообразить себѣ, чтобъ отъѣздъ этого мальчика былъ такъ чувствителенъ для меня.

„Это признакъ старости, дорогая моя. О! да, конечно, старости. Мнѣ уже сорокъ пятый годъ. Въ эти годы человѣкъ перестаетъ жить доходами, а начинаетъ затрачивать капиталъ дней своихъ и здоровья. Силы уже не обновляются, какъ прежде, каждое горе оставляетъ свою морщину, всякое волненіе подтачиваетъ здоровье, потрясаетъ первую систему. Грустно сознаться, дитя мое, но лучшая часть моей жизни прошла, наибольшіе успѣхи достигнуты. Теперь, въ перспективѣ упадокъ мужества, уменьшеніе шансовъ, а сзади нетерпѣливыя толчки тороящейся, прожорливой молодежи. Въ наши времена быстро становясь старую ключей. А сдѣлавшись ею, тяжело не имѣть ни домашняго очага, ни семьи. Теперь, когда пишу тебѣ, еслибы ты знала, какъ скученъ, какъ грустенъ мой „home!“ И какъ пріятно было бы сознаніе, что въ сосѣдней комнатѣ спятъ жена и ребенокъ, которыхъ боишься разбудить шумомъ шаговъ. Но нигдѣ ничего, никого, даже внизу.

„Ты скажешь, что они были у меня, этотъ домашній очагъ, эта семья и что я не сумѣлъ сохранить ихъ. Но кто же въ этомъ виноватъ? Никогда не жаловался я, никогда не говорилъ тебѣ ничего противъ твоей матери, которая со своей стороны не соблюдала той же осторожности. Однако тебѣ надо будетъ узнать, какимъ образомъ я принесъ себя въ жертву и, что бы объ этомъ ни думать судъ, несправедливо было осудить меня на одиночество, между тѣмъ какъ жена моя... Ахъ! Господи, начинаю говорить тебѣ о судьяхъ, когда ты сама выходишь замужъ за одного изъ нихъ и даже очень красиваго, насколько я успѣлъ замѣтить въ вечеръ

карнавала въ вашихъ официальныхъ салонахъ. Отецъ, сдѣлавшій мнѣ визитъ третьяго дня, тоже очень понравился мнѣ; толстенькій человекъ, не слишкомъ величественный для президента, не глухой, съ пронырливыми глазами, длинною сѣдою бородой и демократическими идеями, которымъ онъ и обязанъ своему необыкновенному успѣху въ службѣ. Но денегъ у него ни гроша. Онъ счастливъ, что я уже давно подумалъ о приданомъ для моей Розы; не входя въ подробности дѣлъ, скажу тебѣ, что предоставляю вамъ доходъ съ моихъ наиболѣе успѣшныхъ пьесъ *Les jardins enchantés* изъ репертуара Opéra-Comique и *M. et M-me Dacier* въ Comedie-Française, по меньшей мѣрѣ двадцать тысячъ франковъ въ годъ. Отецъ твоего Гастона остался повидимому доволенъ: я показалъ ему альбомъ съ вашими портретами въ различные возрасты, онъ былъ отъ нихъ въ восхищеніи и поговариваетъ уже о Нинеттѣ для своего младшаго сына, который готовится въ Saint-Cyr. ¹ Будь же совершенно счастлива, дѣло слажено, если только не узнаю отъ де-Мальвиля, съ которымъ у меня назначено rendez-vous, что г-нъ Реморн-отецъ бѣглый изъ Нумей и сразу бомбардированный въ президенты за исключительныя услуги. Конечно, мнѣ слѣдовало бы начать съ этого, освѣдомиться объ отцѣ болѣе подробно, но этотъ Мальвиль, единственное знакомое мнѣ лицо въ парижскомъ судѣ, устраиваетъ въ Лиллѣ большое Вагнеровское празднество и возвратится сюда только чрезъ нѣсколько дней. Но тогда все будетъ сейчасъ же покончено, условлено и дѣти мои обвиняны, какъ можно скорѣе. Тогда я поговорю съ ними объ одномъ проектѣ, объ одной мечтѣ, преслѣдующей меня... Впрочемъ, почему бы не сообщить тебѣ это теперь же, съ условіемъ, что все останется между нами, если это покажется тебѣ несбыточнымъ?

„Какъ ты думаешь, не хорошо ли было бы втроемъ поселиться въ Версалѣ. Назначеніе Гастона, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣдуетъ въ весьма близкомъ будущемъ; вы только что успеете пожениться и нанять близъ парка хорошенькій домъ въ два этажа между дворомъ и садомъ. Я займу второй этажъ, вы—первый, каждый будетъ у себя, кухня отдѣльная, когда пожелаемъ, можемъ обѣдать вмѣстѣ, въ большой залѣ нижняго этажа. Понимаешь ли, какъ я былъ бы счастливъ? Имѣть дочь мою такъ близко, слышать ея шаги, звонкій смѣхъ, это искупило бы

¹ Военная школа.

столько грустныхъ дней, проведенныхъ вдали отъ нея. А для васъ это было бы такъ удобно!

„Бѣдный отецъ такъ мало стѣснилъ бы васъ! захотятъ видѣть его—стукъ-стукъ въ потолокъ; окажется онъ лишнимъ,—скорѣй восвою. А когда явится бѣбѣ и вамъ захочется выѣхать вечеромъ, кто будетъ смотрѣть за нимъ, за домою, за прислугой?.. дѣдушка... И въ то же время, вдали отъ докучливыхъ людей, отъ заемщиковъ, отъ актеровъ, выпрашивающихъ роль и директоровъ лихорадочно подгоняющихъ пьесу, надъ которою трудишься, счастливый дѣдушка занимался бы себѣ въ тишинѣ и уединеніи, зарабатывая хорошее припаное Нинеттѣ. Нѣтъ, никогда бы я не былъ такъ счастливъ, такъ радъ и зная твое хорошее сердце, думаю, что ты также была бы довольна.“

На письмо отца Роза де-Фаганъ со слѣдующею же почтой написала отвѣтъ такого содержанія:

„Мы были въ восхищеніи, дорогой отецъ, узнавъ, что газеты ошиблись и что ты никогда не страдалъ умственнымъ расстройствомъ. Но позволю твоей большой дочери немного пожурить тебя и согласенъ, что если умъ твой и здравъ, то поведеніе твое не всегда бываетъ серьезно. Сознайся, поведеніе твое въ префектурѣ съ этими молодыми людьми, въ послѣдній вечеръ карнавала, переходило границу всякаго приличія; и мама, и кузенъ, которыхъ ты поставилъ въ такое неловкое положеніе, имѣли право сердиться на тебя. Извини, что говорю тебѣ это; въ твои годы это значитъ вести жизнь слишкомъ водевильную. Выраженіе это принадлежитъ Гастону, который однако любитъ тебя всею сердцемъ и высококаго мнѣнія о твоихъ произведеніяхъ. Но нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ: бѣгать по улицамъ въ маскѣ съ этимъ мальчишкой Рушущемъ, входить въ домъ, который по столькимъ причинамъ закрытъ для тебя!.. подумай-ка, папочка... И потомъ, господину Ла-Постеролю сказали, что ты еще собираешься написать комедію на его женитьбу и твой разводъ?... Возможно ли это?..

„Послѣ этой нотаціи, вполнѣ заслуженной, перейдемъ на болѣе веселые предметы. Я очень была тронута твоими распоряженіями насчетъ моего приданого, считая и жалованіе Гастона, мы будемъ жить настоящими вельможами. Но какъ жаль, что мысль твоя о совмѣстной жизни несполнима. Это было бы дѣйствительно прерасно, любя другъ друга, какъ мы; только

тысяча вещей, о которыхъ ты не подумалъ, препятствуютъ этому соединенію. Боже мой! Не состоитъ ли вся жизнь изъ множества лишеній и разочарованій! Если ты постоянно будешь между нами, какъ сдѣлаетъ мама, чтобы видѣть меня, не рискуя ежеминутно встрѣтить тебя? А эти встрѣчи были бы настолько же непріятны для васъ, насколько непріличны въ глазахъ свѣта и даже прислуги, также и для кузена, который былъ бы принужденъ или воздержаться отъ всякаго визита, или при каждомъ его появленіи ты долженъ бы взбѣгаться къ себѣ; не говоря уже о моихъ личныхъ чувствахъ, Гастонъ по дѣламъ службы долженъ часто видѣться съ господиномъ Ла-Постеролемъ. Ему мы обязаны успѣхомъ и мѣстомъ, когда же онъ будетъ членомъ государственнаго совѣта и мама вмѣстѣ съ нимъ и Нинеттой будутъ жить въ Парижѣ, мы постоянно будемъ посѣщать другъ друга.

„Дорогой отецъ мой, твоя мечта дѣйствительно была лишь мечтой; не думай о ней и утѣшься тѣмъ, что дочери твои все-таки часто будутъ видѣться съ тобой, и не только черезъ воскресенье, какъ было рѣшено судомъ.

„Разумѣется Гастонъ ничего не знаетъ о твоёмъ проектѣ; ему слишкомъ тяжело было бы отвѣтить тебѣ нѣтъ: онъ очень благодаренъ тебѣ за всю твою доброту и поручилъ мнѣ попросить тебя сдѣлать ему маленькое одолженіе. Надо бы узнать цѣну жемчуга, для свадебной корзинки. Я желала бы три нитки съ рубиновымъ фермуаромъ. Посмотри, дорогой отецъ, полиціи, и узнай объ этомъ. Въ концѣ письма ты найдешь списокъ нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ порученій; почти не извиняюсь за безпокойство, я такъ привыкла быть избалованною лучшимъ и нѣжнейшимъ изъ отцовъ...“

Онъ плохо прочелъ послѣднія строки: слезы застлали ему глаза. Бѣдная дѣвочка! не отъ нея было это безсердечное письмо, съ нравоучительными сентенціями! Оно было продиктовано ей, ея перомъ водили; и за Розой, сидящей за своимъ столомъ обтянутымъ голубымъ шелкомъ, онъ видѣлъ предательскую улыбку г-жи Ла-Постероль, онъ слышалъ, какъ ея сухой, отрывистый голосъ приказывалъ, поправлялъ...

Боже мой! да, прекрасная пѣса вышла бы изъ его исторіи!.. Пѣса, которая заставляла бы плакать всѣхъ отцовъ и быть-можетъ даже нѣсколькихъ матерей и которая называлась бы: *Разводъ отца Горио*.¹

¹ Намекъ на романъ Бальзака *Le père Goriot* (прим. переводчика).

XII.

— Не знаю, сударь, пойду посмотрю.

Фаганъ не могъ не подивиться этому невозмутимому апломбу лакея, который не зная, дома ли его баринъ, тогда какъ въ передней, за оглушительными руладами фортепіано, слышался незабвенный голосъ совѣтника де-Мальвиля, завывавшій, таявкавшій, мяукавшій и ржавшій послѣднюю партитуру своего любимаго композитора.

Среди музыкальнаго грохота, отъ котораго дрожали стекла, человѣкъ возвратился и тѣмъ же невозмутимымъ тономъ попросилъ де-Фагана войти.

Совѣтникъ Гаренъ де-Мальвиль, сидя за фортепіано, повернулъ въ сторону входившаго длинное, нервное лицо неопредѣленныхъ лѣтъ, какъ всѣ тѣ лица, на которыхъ страданіе оставило глубокіе слѣды, съ отцѣтшими глазами и кривымъ, чернымъ ртомъ, который музыка Вагнера раздвигала на подобіе пасти голоднаго звѣря; отрывистые звуки его пѣнія и его сумазбродные жесты виолы согласовались съ крайнимъ безпорядкомъ, который царствовалъ въ его рабочемъ кабинетѣ, гдѣ музыкальныя партитуры и книги правовѣднія кучами лежали на мебели, загроможда вѣю комнату такъ, что не только въ нихъ было бы трудно разобраться, но даже повернуться трудно было.

— Режисъ, другъ мой, послушайте-ка это... второй актъ изъ Тристана и Изольды... Сцена любви... *Isolde... Geliebte...*

Сидя на кучѣ книгъ, Фаганъ терпѣливо переносилъ этотъ гармоническій душъ, зная заранѣе, что ничто не остановитъ игры маньяка, который чуть ли не при каждомъ тактѣ не пускалъ восторженные крики, сладострастные вопли...

— Уколъ, другъ мой... уколъ морфія, опьяняющій и укачивающій, усыпляющій... *Endlich... Endlich...*

Наконецъ, когда Тристанъ и Изольда, совѣмъ изнеможенные, разстались, судья меломанъ, повернувшись на своемъ винтовомъ табуретѣ, спросилъ Режиса объ его дѣлахъ, о здоровьѣ.

— Не важно?.. Да, я вижу это... холостая жизнь... жизнь артиста... Почему не послѣдовать бы примѣру вашей жены? Она вотъ вышла же вторично замужъ... шутовка... Да вотъ кто бреничитъ Вагнера!.. Кстати, а ваши дочери? расскажите же мнѣ о вашихъ дочеряхъ.

— Именно, господи́нь совѣтникъ...

Его старшая выходила замужъ, вступала въ семейство магистратовъ Ремори. Онъ явился, надѣясь узнать отъ него насколько почтенны и достойны уваженія эти люди.

Совѣтникъ щелкнулъ своею длинною, бритою губой.

— Ремори, уважаемъ ли?.. Да, если хотите... но чиновникъ новаго покроя... не прошедшій по ступенямъ іерархій... Наконецъ, единственный изъ нашихъ президентовъ, который носить бороду, тогда какъ господи́нь Преміеръ, вступившій въ должность притѣхъ же условіяхъ, обрлся изъ уваженія къ традиціямъ учрежденія... вы видите теперь, каковъ вашъ Ремори, и если сынъ походить на отца...

Тутъ онъ сталъ рисовать картину парижскаго суда, съ точки зрѣнія прежнихъ и новыхъ порядковъ, и такъ подробно, что де-Фаганъ, который былъ уже не въ духѣ, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, немедленно ушелъ бы домой, еслибы не вопросъ, который просился у него съ языка, настоящій *post-scriptum* его визита и который онъ, наконецъ, рѣшился сдѣлать, собираясь уходить. Дѣло шло объ... Гюлэнъ... да именно Гюлэнъ... о судебномъ рѣшеніи по поводу одного формальнаго разѣзда, быть-можетъ совѣтникъ еще не забылъ о немъ... не припомнить ли...

— Помню ли я?.. Еще бы!.. Гюлэнъ, изъ Гавра... альтъ перваго сорта, человѣкъ, знавшій Баха чуть ли не лучше всѣхъ во Франціи; правда, онъ не такъ былъ надокъ на Вагнера, однако все-таки пообѣщаль миѣ пріѣхать въ этомъ году въ Байретъ, бѣдняга...

— Почему такъ?.. чтò съ нимъ случилось?

— Да онъ умеръ... больше ничего...

— Умеръ?.. да... когда же? спросилъ заикающимся голосомъ де-Фаганъ.

— Съ мѣсяцъ тому назадъ. Онъ писалъ миѣ четвертаго утра, а застрѣлился въ тотъ же день вечеромъ, въ постели. А! то былъ человѣкъ страстный, бредилъ любовью!..

И вернувшись къ фортепiano, совѣтникъ скрипиль ротъ и закатывая глаза, принялся снова мяукать: *Isolde! Geli-i-i-ebte!*.. въ то время, какъ де-Фаганъ, огорошенный, ослѣвленный, направлялся къ двери, натыкаясь на партитуру и объемистые словари.

Умеръ! Теперь все объяснялось. Полина дѣйствительно отиравлась въ Гавръ; она вынуждена была уѣхать изъ Парижа по

дѣламъ наслѣдства... После нѣсколькихъ мѣсяцевъ траура, ради приличія, эта прелестная женщина могла сдѣлаться его женой! Теперь ничто уже этому не препятствовало. Ревность Розы? пустое ребячество... два поцѣлуя, да лишній браслетъ въ свадебную корзинку и она исчезнетъ... Умерь!.. умерь!.. Возможно ли, чтобы такое мрачное слово было причиной такой свѣтлой радости?.. Какъ въ бреду вышелъ онъ отъ совѣтника Мальвиля и, разговаривая самъ съ собой, отправился внизъ по улицѣ Saints-Pères, по направленію къ набережной. Да, значить, все ничего, не мѣшаютъ ни годы, ни вынашіе зубы, ни посѣдѣвшіе волосы. Двадцать лѣтъ тому назадъ, выходя отъ своей невѣсты въ тотъ день, когда родители ея отвѣтили, что она согласна и онъ тоже, нѣтъ даже въ тотъ день онъ не чувствовалъ себя радостнѣе и счастливѣе. Никогда небо не казалось ему такимъ прекраснымъ, какъ въ этотъ розово-сѣрый апрѣльскій вечеръ, при весеннемъ щебетаніи птицъ и легкой пушистой зелени тюльрійскихъ деревьевъ!

Во всемъ существѣ своемъ онъ чувствовалъ это внезапное порывистое, весеннее возрожденіе, отъ котораго усленно билось сердце, прерывалось дыханіе... Онъ приписывалъ это перемѣнѣ воздуха, теплаго, возбуждающаго, но въ особенности счастью, этому неожиданному счастью, ожидавшему его. Онъ видѣлъ уже большіе голубые глаза, полные любви и нѣги, онъ представлялъ себѣ, какъ она будетъ одѣта въ тотъ счастливый день, какъ онъ будетъ пить чай въ маленькой гостиной съ тѣмъ успокоительнымъ чувствомъ вновь обрѣтеннаго очага и откуда ему не надо будетъ уйти. Всѣ эти чудесныя грезы освѣщали лицо его такую радостью, что ему показалось два, три раза, что улыбка его возбуждала улыбку прохожихъ.

Остановившись у витрины въ rue de la Paix, не столько чтобы взглянуть на брилліанты, сколько для того, чтобы собрать свои мысли, какъ вдругъ слова „*rapdon, cher maitre*“, произнесенныя заразъ мужскимъ и женскимъ голосомъ, заставили его бысто обернуться. Предъ нимъ стояла нарочка, актеръ и актриса, супруги Кувершель, женатые уже лѣтъ двадцать и сдѣлавшіеся легендарными на бульварѣ своею взаимною нѣжностью и восхищеніемъ другъ другомъ; жена, авгажированная въ театрѣ Vaudeville, прохворавъ два послѣдніе года, была забыта публикой и даже замѣщена кѣмъ-то на сценѣ; и какимъ трогательнымъ образомъ мужъ выпрашивалъ у де-Фагана роль для своей жены! Какъ

восхвалялъ онъ и красоту ея, и гениальный талантъ! Какимъ восхищеннымъ, любящимъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на это бѣдное, отцвѣтшее, изможденное лицо, глаза котораго съ двойною признательностью женщины и артистки иѣжно благодарили его.

Обѣщавъ роль и мужу, и женѣ, Фаганъ посмотрѣлъ вслѣдъ этой парѣ, удалявшейся веселыми шагами, не какъ свѣтскіе супруги врозь, чинно идя рядомъ, а подручку, прижавшись другъ къ другу; видно было, что только смерть могла ихъ разъединить. И это были актеры, мелкія, тщеславныя души, надъ ребячествомъ и глупостью которыхъ онъ такъ часто смѣялся; и вотъ у нихъ, у этихъ скромныхъ актеровъ, находилъ онъ идеаль брачной жизни, о которомъ мечталъ. А! еслибы Полна захотѣла, сколько чудныхъ лѣтъ можно было бы прожить такъ вмѣстѣ, несмотря на жизнь, на свѣтъ...

— Барниъ не боленъ? было первымъ вопросомъ Антипа, при видѣ страннаго лица своего хозяина, когда онъ возвратился вечеромъ въ свое отдаленное жилище.

„О! нѣтъ, нисколько... только этотъ лихорадочный жаръ, этотъ избытокъ жизни и теплоты, который душитъ его, разрываетъ грудь...“

И вотъ, сядя за столъ, тарелки и скатерть вдругъ завертѣлись у него въ глазахъ, въ ушахъ зазвенѣло. Де-Фаганъ почувствовалъ, что задыхается, хотѣлъ было подойти къ окну, чтобъ открыть его, какъ вдругъ Антипъ, привлеченный глухимъ шумомъ паденія, увидалъ своего господина на полу безъ чувствъ, какъ пораженнаго громомъ.

ХІІІ.

Режисъ очнулся въ кровати въ ясный и свѣтлый день. Онъ не могъ дать себѣ отчета, съ какихъ поръ находился въ этомъ безсознательномъ состояніи, прерывавшемся отъ времени до времени лихорадкой, бредомъ и страшными кошмарами, давившими его краснымъ цвѣтомъ пожаровъ и потоковъ крови, блѣднѣвшихъ, затѣмъ превращавшихся въ теплое или ледяное наводненіе, смотря по состоянію температуры его членовъ.

Въ этомъ хаосѣ мыслей два образа рѣзко и ясно выдѣлялись предъ нимъ: дочеря его, то милая и ласковая, то, съ жесткимъ выраженіемъ на лицахъ и сухими глазами, онъ равнодушно

смотрѣли на его страданія, не протянувъ ему ни разу руки, не утоливъ жажду его ни одною каплей воды...

Наконецъ, собравъ немного мысли, онъ сталъ глядѣть прищурившись на длинный лучъ солнца, падавшій широкою золотистою полосой на свѣтлый коверъ его комнаты, аккуратно прибранной, съ полуоткрытымъ окномъ и спущенными занавѣсками, сквозь которыя видѣлась тѣнь пролетающихъ птицъ и медленное движеніе качавшихся вѣтвей.

У самаго окна сидитъ женщина, вся въ черномъ, наклонившись къ свѣту, опутивъ глаза на работу. Фагану, съ его кровати, виденъ лишь бѣлый затылокъ и туго сплетенная коса съ рыжеватымъ отбѣскомъ; но онъ тотчасъ же узналъ Полину Гюльзъ, у ногъ которой, сидя на скамеечкѣ, читалъ Морисъ.

Ночь столькихъ ужасныхъ, волнующихъ видѣній, впечатлѣніе, произведенное этою чарующею картиной, было такъ сладко, такъ приятно, что онъ боялся, какъ бы все это не измѣнилось, не исчезло въ лихорадочномъ бреду. Онъ закрываетъ глаза и снова открываетъ ихъ и предъ нимъ все то же видѣніе, освѣщенное пробивающимся изъ-за занавѣсокъ лучомъ солнца. Только на этотъ разъ Морисъ поднялъ голову, глаза ихъ встрѣтились, засвѣтились улыбкой, и мальчикъ одинъ, безъ костылей, бросился къ объятію своего друга.

Полина также приблизилась, протянула ему руки и, взглянувъ на нее. Режисъ замѣтилъ, что она немного поблѣднѣла, что контуры лица ея нѣсколько сгузились въ этой черной траурной рамкѣ и во взорѣ ея добромъ и честномъ появилось новое, незнакомое ему, выраженіе грусти.

Слабый, растроганный, онъ со слезами на глазахъ цѣлуетъ ея руки...

— Другъ мой... другъ мой... И свободна... свободна, наконецъ!.. лепечетъ онъ чуть слышно, привлекая ее къ себѣ.

— О! пить. Режисъ, не надо... никогда не надо говорить объ этомъ, говорила она, освобождаясь отъ него.

Конечно, воспоминаніе этой потрясающей драмы было еще такъ свѣжо, такъ естественна была эта осторожность, что Фаганъ заговорилъ сейчасъ о другомъ, спросилъ давно ли она вернулась... Недѣлю?... неужели... цѣлую недѣлю около него и онъ не узналъ ея... не почувствовалъ ея присутствія...

Въ день пріѣзда вечеромъ она застала бѣднаго Антипа, совѣмъ растеряннаго, въ поискахъ за сидѣлкой; тогда, вспомнивъ

о тѣхъ часахъ, которые Режисъ провелъ съ ея ребенкомъ, она рѣшила сама быть его сестрой милосердія до тѣхъ поръ, пока m-ле де-Фаганъ явится замѣнить ее.

— Ахъ, да! моп дочерп... Гдѣ же онѣ?

Онѣ стали волноваться, щеки его загорѣлись. Г-жа Гюлэнъ старалась успокоить его... Антпъ послалъ телеграмму съ первыхъ же дней его болѣзни; но вѣдь Корсика не близко... быть-можетъ море было слишкомъ бурно... не нашлось никого проводить ихъ... Да и потомъ, какъ знать, между письмами, полученными де-Фаганомъ во время болѣзни, быть-можетъ и найдется отвѣтъ отъ дочерей?

И дѣйствительно, между полученными письмами оказались двѣ короткія записки со штемпелемъ Корсики и подписью „Ninette“. Г-жа Гюлэнъ прочитала ихъ вѣтерпѣливому отцу въ слухъ; онѣ были еще слишкомъ слабы, чтобы разобрать ихъ самъ.

Въ своемъ первомъ письмѣ, эта бѣдняжка Нина была такъ опечалена внезапною болѣзнію отца, отплытіемъ эскадры также,—но она надѣялась, что отецъ поправится скоро и эскадра не замедлитъ возвратиться. Роза была въ Бастіи съ кузеномъ, чтобы проститься съ молодымъ Ремори, который вскорѣ отправлялся на континентъ.

Вторая записка возвѣщала объ ихъ близкомъ приѣздѣ въ Парижъ. въ сопровожденіи г. и г-жи Ла-Постероль, и тогда онѣ сейчасъ же прибѣгутъ повидать своего дорогаго папочку. Затѣмъ слѣдовала цѣлый списокъ совѣтовъ относительно предосторожностей, которыя ему слѣдовало принимать въ свѣжіе туманные вечера, гуляя по саду, говорилось о способѣ употребленія извѣстной фланели, съ адресомъ магазина, гдѣ можно было ее достать.

— Все это очень мило, прошепталъ де-Фаганъ, который слушала чтеніе, лаская шелковистую, бѣлокурую головку маленькаго Мориса.—очень мило, только пока онѣ сообрали, я уже нѣсколько разъ успѣлъ бы умереть, не повидавшись съ нимъ.

Г-жа Гюлэнъ не стала настаивать, боясь увеличить его горе. которое она чувствовала. было глубоко, и, оставивъ его одного съ ребенкомъ, вышла въ соседнюю комнату, куда уже съ минуту Антпъ старался вызвать ее, дѣлая для этого самыя энергичныя жесты.

Тамъ стояла mademoiselle, длинная и сухопарая дѣва, въ очкахъ, которая пришла освѣдомиться о здоровьѣ де-Фагана.

— Отъ кого?.. спросила г-жа Гюлэнъ.

— Отъ дочерей его, дерзко отвѣтила Англичанка.

— Такъ онъ въ Парижѣ?..

— Должно-быть...

— Господину де-Фагану лучше, продолжала Полина понизивъ голосъ, боясь, что отецъ услышитъ.—но если онъ узнаетъ, что дочери его въ Парижѣ отъ кого-нибудь другаго, а не отъ нихъ самихъ, это могло бы убить его. Передайте это вашимъ барышнямъ.

Смѣривъ взглядомъ Полину Гюлэнъ, которая смотрѣла на нее своимъ яснымъ взоромъ, гувернантка, повернувшись на каблукахъ своихъ четырехугольныхъ башмаковъ, вышла не сказавъ ни слова, даже не поклонившись.

Въ ожиданіи свадьбы ихъ дочери и назначенія главы семейства въ государственный совѣтъ, Ла-Постероли жили уже три дня въ англійскомъ *family*, въ улицѣ Куръ-ла-Ренъ. Когда они пріѣхали, первую мыслью Розы былъ отецъ; она сейчасъ же готова была отправиться къ нему вмѣстѣ съ Нинной, еслибы не возраженія матери, въ которой поспѣшность эта возбудила ревность...

„Болезнь могла быть заразительная, особенно для людей, пріѣхавшихъ издалека, съ чистаго воздуха... Надо было навести справки, посмотреть, узнать.“

— Но мы все уже знаемъ, мама... это воспаление легкихъ... отъ него не заражаются...

Тогда г-жа Ла-Постероль, величественно закусивъ губы, сдѣлала намекъ на счетъ извѣстной особы, которую дочери его могли встрѣтить у де-Фагана, что было бы противъ всякихъ приличій.

Роза протестовала.

— Г-жа Гюлэнъ? О! все уже давно кончено... Я даже думаю, что ея нѣтъ въ Парижѣ.

Чтобъ увѣриться въ этомъ, мать послала *mademoiselle* на бульваръ Босежуръ узнать, что и какъ, она возвратилась оттуда вполне довольная своимъ визитомъ, и уже издала, съ улицы дѣлала зонтикомъ знаки ожидавшимъ ее на балконѣ тремъ дамамъ.

— Г-жа Гюлэнъ приняла меня лично, сказала она торжествующимъ тономъ.

— Такъ и знала, что это не было кончено, проговорила мать.

— Если за нимъ ухаживаетъ эта дама, онъ не нуждается въ насъ, сказала притворно равнодушнымъ голосомъ Рѣза.

— Тѣмъ болѣе, что ему гораздо лучше, прибавила mademoiselle.

— Такъ мы не пойдѣмъ къ нему? спросила Нинетта съ безпокойствомъ.

— Ты если желаешь... а я нѣтъ.

— Напрасно, замѣтила младшая, думая о всевозможныхъ матеріальныхъ вопросахъ, къ которымъ старшая сестра была совершенно равнодушна.

Однако Нинѣ не удалось поколебать рѣшенія сестры.

Дни шли за днями. Режисъ не вставалъ еще, но теплый воздухъ и всеобщее весеннее возрожденіе способствовали его выздоровленію. Сидя на кровати, онъ начиналъ уже принимать нѣкоторыхъ знакомыхъ, стараясь, по совѣту доктора, говорить какъ можно меньше. Онъ проводилъ цѣлыя часы въ прѣ въ домино съ Морисомъ, или же въ полусвѣтѣ своей тихой прохладной комнаты слушалъ, какъ г-жа Гюленъ читала ему вслухъ подъ аккомпанпментъ воркующихъ за окномъ голубей. Иногда, прерывая вдругъ игру или начатую страницу, больной, сдвинувъ брови, высказывалъ вслухъ свои думы.

— Наконецъ, что же случилось?.. Почему онъ не пишутъ мнѣ болѣе?..

Мысль о дочеряхъ мучила его.

Но нѣсколько словъ, нѣсколько неопредѣленныхъ объясненій, брошенныхъ какъ бы невзначай его другомъ, живо разсѣвали его безпокойство, не столько выдуманнами ею предлогами, сколько ея ласкающимъ голосомъ и чарующимъ взглядомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ они знали другъ друга, никогда не былъ онъ такъ обвороженъ, такъ очарованъ ею, какъ теперь, хотя Поллина ничего для этого не дѣлала; напротивъ, она отнимала у него руки всякій разъ, какъ онъ хотѣлъ взять ихъ, тщательно избѣгая прежнихъ разговоровъ относительно женитьбы, любви и въ особенности малѣйшаго намека на послѣднія трагическія происшествія, касающіяся смерти Гюлена, ея поѣздки и вообще всѣхъ вопросовъ, интересовавшихъ и безпокоившихъ Режиса и о которыхъ онъ не рѣшался спрашивать ее.

Но однажды, когда они были одни и она сидѣла у открытаго окна за вышиваніемъ, высовываясь помпунтно въ садъ, откуда

раздавались радостные крики и бѣготня ребенка, де-Фаганъ вздохнулъ на своей кровати.

— Ахъ, этотъ садъ... Какъ грустно было мнѣ найти его опустѣлымъ по возвращеніи изъ Коренки!.. и такъ какъ она не отвѣчала,—почему было не предупредить меня, хоть строчкой или словомъ?.. прибавилъ онъ.

— Я уѣхала въ такомъ волненіи... Г-жа Гюлэнъ говорила не поднимая глазъ,—эта телеграмма отъ моего свекра такъ поразила меня: „Гюлэнъ умираетъ, пріѣзжайте скорѣй.“ Сперва я не могла этому повѣрить и думала, что это просто ловушка... Поэтому въ то время, какъ я отправлялась въ Гавръ одна, Анна увозила ребенка къ себѣ въ деревню, въ глубь Вогезовъ. Но телеграмма не обманывала, когда я пріѣхала, онъ былъ уже мертвъ.

Никогда еще не говорила она такъ много. Но то, что ему въ особенности хотѣлось узнать—это, почему мужъ ея возвратился къ ней въ домъ послѣ той ужасной сцены? Объ этомъ она не проронила ни слова.

И въ головѣ его мелькали странныя мысли и подозрѣнія...

— Почему онъ застрѣлся, вы не знаете? спросилъ онъ и почувствовалъ неловкость своего вопроса.

— Нѣтъ... не знаю... съ усиліемъ отвѣтила она,—быть-можетъ онъ тиготился этою ненавистью... этимъ безвыходнымъ положеніемъ, въ которомъ мы находились... Ахъ! несчастный!..

— Съ какою жалостью вы говорите о немъ, прошепталъ Фаганъ закусивъ губы,—ужъ не любили ли вы его еще?

— Развѣ вы думаете, что онъ умеръ бы еслибъ я любила его еще?.. спросила она, продолжая смотрѣть въ сторону,—нѣтъ, нѣтъ... Но видѣть его на этой кровати, съ лицомъ обожженнымъ выстрѣломъ, тогда какъ два дня до этого...

— Два дня до этого?..

Она встала, не окончивъ фразы и посмотрѣла въ окно на нравнаго сына.

— А отецъ, бѣдный отецъ его, сказала она, снова сядя на стулъ,—еслибы вы видѣли его предъ этимъ смертнымъ одромъ, предъ тѣмъ, что было его сыномъ, вы бы тоже пожалѣли его... Эти нѣсколько дней, которые провела въ Гаврѣ, я не оставляла его ни на минуту, даже чтобы написать письмо. Да и къ тому же я не знала, что вы вернулись, и потомъ...

Она еще разъ выглянула въ садъ.

— Я что-то не вижу Мориса, сказала она.

Звонокъ раздавшійся на лѣстницѣ возвѣстилъ о приходѣ гостя.

Въ такихъ случаяхъ г-жа Гюлэнъ уходила въ сосѣдную комнату во избѣжаніе пересудовъ насчетъ близости ея отношеній къ больному. Поспѣшно собирая разбросанныя вещи своей рабочей корзинки, она уже собиралась исчезнуть, но онъ сдѣлалъ ей знакъ „нѣтъ, останьтесь“. Разговоръ слишкомъ интересовалъ его, ему хотѣлось довести его до конца.

Послышались торопливые, легкіе шаги, хлопнула дверь, и въ комнату внезапно вбѣжалъ Морисъ съ торжествующимъ крикомъ: „вотъ онѣ... вотъ Рѣза и Нинетта!..“ Онъ увидалъ съвозъ стекла, какъ онѣ звонили у двери и, радуясь и за себя, и за Фагана, которому спѣшилъ сообщить эту радостную вѣсть, ребенокъ билъ въ ладоши, затѣмъ, пославъ воздушный поцѣлуй матери, онъ побѣжалъ на встрѣчу дѣвушкамъ. Нинетта, загнувъ голову, со спущенною вуалью, появилась первая и, отстраняя мальчика равнодушнымъ движеніемъ, обратилась къ отцу:

— Это мы, отецъ.

Она остановилась среди комнаты оглянувъ г-жу Гюлэнъ съ головы до ногъ, какъ будто совсѣмъ не ожидала встрѣтить ее здѣсь.

— Дочери мои! . дочери мои!.. воскликнулъ де-Фаганъ, взволнованный, открывая объятія.

Но Рѣза, переступивъ въ свою очередь порогъ комнаты, останавливается подобно сестрѣ.

— Ну-же, дѣти мои? Чтѣ это значить? спрашиваетъ де-Фаганъ взволнованнымъ голосомъ.

— Это значить, отецъ мой, говоритъ Рѣза, положивъ одну руку на плечо младшей сестры и протянувъ другую условленнымъ мелодраматическимъ жестомъ,—это значить, что мы не останемся здѣсь ни минуты, если ты не прикажешь этой женщиѣ выйти.

Взявъ своего мальчика, уже спрятавшагося въ ея платье, Полина Гюлэнъ собиралась было увести его, когда де-Фаганъ быстро остановилъ ее за руку.

— Выйти вамъ, преданной, неутомимой, вамъ, которая спасла меня, ухаживала за мной, когда всѣ оставили меня... Нѣтъ, скорѣе пускай выйдутъ онѣ, эти скверныя дѣвчонки, онѣ, которыя оставили бы меня умирать безъ единого слова, безъ единого взгляда...

Полина попробовала было остановить его...

— Да, я знаю, вы всегда защищаете ихъ... молодость... слабость... софиты тѣхъ негодницъ... Я долго вѣрилъ этому, но теперь конечно... скверныя дѣвочки, говорю я вамъ, безжалостныя дѣвочки... А! что онѣ со мной сдѣлали... Какое безчисленное множество ударовъ нанесли мнѣ онѣ прямо въ сердце...

И вдругъ, внезапно смягчившись и перемѣнивъ тонъ и выраженіе глазъ, онѣ проговорили:

— Роза... прощу тебя... извинись предъ этою честною женщиной, которую ты такъ несправедливо оскорбляла... Сдѣлай это, моя Роза...

Г-жа Гюленъ съ гордостью и достоинствомъ хотѣла протестовать.

— Да, да, надо... я такъ хочу... сказалъ онѣ.—это мои дѣти, они должны слушаться меня. Ты слышишь Роза... Нинетта, я приказываю тебѣ...

Нервительность старшей замѣчалась по колебанію ея длиннаго туловища, но ревность взяла свое.

— Нѣтъ, только не это, никогда.

— А ты Нинетта, дорогая моя?

— О! я, какъ сестра...

— Такъ уйдите же, злыя, неблагодарныя... уйдите скверныя дѣвочки... Чтобъ я никогда болѣе не видѣлъ васъ, никогда... Я разошелся съ женой, разойдусь теперь также и съ моими дѣтьми. Скажите же это вашей матери... Никогда болѣе... слышите... никогда...

Лицо его пекалось глубокими морщинами, голосъ сталъ хрипнуть и, унавъ въ изнеможеніи на подушку, продолжая держать руку Полины въ своихъ рукахъ, онѣ еще разъ простоналъ: „никогда болѣе“. Въ это время Роза выходила рыдая, а за нею Нинетта съ сухими глазами и возмущеннымъ лицомъ.

XIV.

Былъ теплый іюньскій день. Въ глубинѣ Обсерваторской аллеи, подъ густымъ зеленымъ сводомъ каштановыхъ деревьевъ, г-жа Ла-Постероль съ нервнымъ нетерпѣніемъ постукивала своимъ каблучкомъ по асфальту широкаго тротуара.

Вся въ черномъ, съ чулокъ до самаго зонтика, въ до-бѣла

наудренномъ парикѣ, какъ бы въ роли будущей бабушки, дама эта казалось была равнодушна къ восхищеннымъ и удивленнымъ взглядамъ проходившихъ живописцевъ и студентовъ, оглядывавшихся, прежде чѣмъ войти въ сосѣднюю залу фехтованія, на эту пожилую особу, со столь вызывающе-молодыми глазами и солидною поступью капитана корабля, самоувѣренно расхаживающаго по палубѣ своего судна.

Она поминутно смотрѣла на микроскопическіе часы вставленные въ кожаный браслетъ.

— Пять... десять минутъ шестаго... двадцать минутъ шестаго... ворчала она сквозь зубы, спрашивая себя, долго ли ей придется еще ждать, когда въ началѣ аллеи показался де-Фаганъ. Онъ медленно подвигался впередъ, какъ человѣкъ, вышедшій въ первый разъ на воздухъ послѣ долгой болѣзни.

Со времени разрыва съ дочерью Фаганъ упорно отказывался видѣться съ нѣмъ; поэтому, ея—супруга его выпросила это rendez-vous, чтобы переговорить о нѣкоторыхъ вещахъ, касающихся свадьбы дочери, и Полина Гюлэнъ, благоразумная и добрая, какъ всегда, желая сблизить его съ дочерью, рѣшилась проводить Фагана до Люксембургскаго сада, гдѣ осталась вмѣстѣ съ Морисомъ дожидаться его.

Какъ только г-жа Ла-Постероль увидѣла поблѣднѣвшее худое лицо де-Фагана, его почти сѣдые тонкіе усы, она подбѣжала къ нему и, подчеркивая жестокость своей мысли злораднымъ смѣхомъ, проговорила:

— Высохъ, мой бывшій супругъ...

И все же, по обыкновенію, со своимъ сладкимъ кошачьимъ ужимкамъ, она сдѣлала видъ, что интересуется его здоровьемъ.

Онъ, думая объ ея вѣроломныхъ продѣлкахъ, особенно о послѣдней, самой жестокой—его разрывѣ съ дочерью,—почувствовалъ къ ней одновременно и пренебреженіе, и гнѣвъ и также—по причинѣ его слабости—страхъ, какъ будто онъ находился предъ злымъ гениемъ своей жизни или колдуномъ, скрывающимся въ глубинѣ этой темной аллеи.

— Это хорошо, что вы пришли... начала она, идя рядомъ съ нѣмъ въ ногу.

— Такъ какъ по законамъ приличія ей нельзя было явиться къ де-Фагану, ни ему къ ней, она подумала объ ихъ старой аллеѣ для рѣшенія ихъ общихъ интересовъ...

— Почему было не обратиться къ моему нотаріусу. Вѣдь я условился съ нимъ насчетъ всего, быстро прервалъ онъ ее.

— И въ этихъ благородныхъ распоряженіяхъ я тотчасъ узнала джентльмена, которымъ вы всегда и были...

Но дѣло шло не объ однихъ деньгахъ; надо было условиться насчетъ обѣда и церемоніальнаго шествія. О томъ, гдѣ будетъ подписанъ контрактъ. У него-ли? у нея-ли? Въ обонхъ случаяхъ одинаково неудобно. Тогда она вспомнила о родителяхъ молодого человека, о семьѣ Ремори... Онъ согласенъ былъ на это? Хорошо... Теперь другое... Бракосочетаніе, — разумеется церковное — назначено въ церкви Магдалины, и первое желаніе Розы, это — войти въ церковь подъ руку съ отцомъ.

— Она знаетъ, что должна для этого сдѣлать, сказалъ Фаганъ внезапно остановившись и дѣлая повелительный жестъ.

Г-жа Ла-Постероль принудила глаза.

— Извинительную записку г-жѣ Гюльенъ, я полагаю!..

— Непремѣнно.

— О! Роза охотно согласится на это! Она такъ мечтаетъ объ этой рукѣ знаменитаго отца! сказала она хорошенько подчеркивая послѣднія слова, желая дать ему понять, что это было изъ тщеславія, а не изъ любви къ нему. — И такъ какъ обстоятельства мнѣ благопріятствуютъ мнѣ, я подамъ руку президенту Ремори, прибавила она.

— И мы будемъ тамъ оба? спросилъ де-Фаганъ, пораженный.

— А то какъ же? вѣдь мы выдаемъ замужъ наше дитя... Они шли нѣкоторое время молча.

— Странно все-таки, проговорилъ онъ. — А вашъ мужъ, а Ла-Постероль?... Въ голосѣ его слышалась пропія.

— Именно, Ла-Постероль... И я хотѣла поговорить съ вами о немъ... невозможно будетъ обойти его... моего мужа — отчима Розы. И къ тому же, вѣдь это онъ устроилъ свадьбу. Предъ поступленіемъ въ магистратуру, Гастонъ Ремори состоялъ при его кабинетѣ... Не находите ли вы, что ему слѣдовало бы фигурировать въ шествіи?

— Ничего не имѣю противъ этого. .

И погрузившись вдругъ въ глубокія, безконечныя размышленія, де-Фаганъ оставлялъ безъ вниманія болтовню г-жи Ла-Постероль, которая, потрясая зонтикомъ и браслетами, восхваляла семейство Ремори, президента, президентшу и этого прелестнаго сень епрскаго юношу, который уже увивался за Нинеттой.

— Еще свадьба впереди, другъ мой; еще случай для rendez-vous подъ этими высокими деревьями... Я люблю ихъ, эти деревья... а вы?..

Онъ не отвѣтилъ, думая о безчсленныхъ мрачныхъ встрѣчахъ, предстоящихъ ему, и въ самой глубинѣ этихъ широкихъ аллей ему представлялся образъ его прежней жены, мѣнявшійся и старѣвшійся съ каждымъ разомъ, дѣлаясь съ каждымъ разомъ все злѣе и злѣе.

Вдругъ она сразу прервала его размышленія этимъ неожиданнымъ вопросомъ:

— А вы, дружокъ мой, Фаганъ, когда думаете вы жениться? Ничто не препятствуетъ вамъ болѣе, я думаю, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Гюленъ.

Онъ вздрогнулъ и испытующимъ взоромъ взглянулъ ей прямо въ глаза.

— А! вы знаете?..

— И даже множество вещей вамъ неизвѣстныхъ, готова биться объ закладъ...

По легкой дрожи ея рта и взгляду брошенному искоса, онъ понялъ, что она собирается нанести ему новый ударъ. Но какое-то скверное любопытство подстрекало его.

— Что же, посмотримъ... что неизвѣстно мнѣ?

— Да, наиримѣрь, почему застрѣлился мужъ этой прекрасной Полны?.. Я увѣрена, что вы объ этомъ не догадываетесь... Такъ вотъ, онъ застрѣлился—это его подлинныя выраженія въ прощальномъ письмѣ къ другу—потому что онъ не въ силахъ былъ пережить счастья, которому никогда не суждено было повториться... Поняли вы... нѣтъ, не правда ли?..

Несчастный Фаганъ такъ хорошо понялъ или вообразилъ, что понялъ, что принужденъ былъ сѣсть на ближайшую скамейку, чувствуя, что ему дѣлается дурно.

— Это совершенно естественно... Первый выходъ, ноги еще слабы... говорила г-жа Ла-Постероль.

Фаганъ указалъ ей на мѣсто возлѣ него.

— Нѣтъ, merci, я предпочитаю... отвѣтила она на его приглашеніе съ безразличною гримасой Парижанки.

И стоя предъ нимъ, опершись на свой изящный зонтикъ, слегка покачиваясь всѣмъ тѣломъ, она продолжала свой разговоръ.

— Такъ вотъ... приближалась минута, какъ вы знаете, когда ребенокъ долженъ былъ по закону, къ великому отчаянію

матери, перейти въ грубыя лапы мужа. Вдругъ Гюльнъ, влюбленный болѣе чѣмъ когда-либо, является къ женѣ,—это случилось, когда вы были въ Кореникѣ, и... я повторю вамъ приблизительно его слова: «если вы согласны на то, что я желаю, я уѣзжаю и вы никогда не услышите обо мнѣ; кроме того, я оставляю въ рукахъ вашихъ свидѣтельство въ томъ, что отказываюсь отъ всѣхъ моихъ правъ на нашего ребенка».

— Но вѣдь это нелѣзно—подобное свидѣтельство не имѣетъ никакого значенія... Ни одинъ судъ въ мірѣ...

— Знаю, знаю... Но ни г-жа Гюльнъ, ни ея мужъ не знали этого, вѣроятно. Это говорилъ мнѣ совѣтникъ де-Мальвиль... Ну, вотъ, я выдала теперь моего автора—пу что жъ, рассказъ отъ этого покажется достовѣрнѣе... Итакъ, Мальвиль говорилъ мнѣ, что такого рода мирныя соглашенія встрѣчаются такъ же часто между свѣтскими людьми, какъ и между крестьянами, и что въ концѣ концовъ, въ этой странѣ, гдѣ знаніе законовъ обязательно для всѣхъ, очень немногіе знакомы съ необходимѣйшими изъ нихъ. Но возвратимся къ нашимъ Гюльнамъ. Несчастливая, ужаснувшись при мысли, что у нея возмуть сына, согласилась на то, что человекъ этотъ просилъ у нея, и женщину принесла въ жертву матери. Это тяжело, но сознайтесь, что подробности этой ночи были бы интересны для казуистовъ. Ненависть къ мужу, это положимъ. Только вѣдь онъ уже не былъ ея мужемъ... они законнымъ образомъ были разведены... и уже лѣтъ пять она сама жила, какъ вдова... Да къ тому же она приближалась къ такимъ годамъ, когда наши женщины понимаютъ любовь...

О! отравительница, съ какимъ искусствомъ внукала она свой ядъ!.. И какъ слѣдила за его дѣйствіемъ на этомъ поблѣднѣвшемъ, ввалившемся лицѣ, которое внушило бы жалость всякой другой.

— И видите, ночь эта показалась такою прекрасною этому счастливому мужу, что вернувшись въ Гавръ у него не хватило духу сѣсть на парохоль и онъ предпочелъ умереть, чѣмъ жить послѣ счастья, которому не суждено было повториться, какъ онъ говоритъ въ своемъ писемѣ къ Мальвилю.

— Какъ бы тамъ ни было, проворчалъ сквозь стиснутые зубы Фаганъ, подымаясь со скамьи,—какъ человекъ, которому довѣряютъ предсмертныя тайны, онъ неподобенъ вашъ Мальвиль.

— Это вѣрно, сказала она со своимъ сквернымъ смѣхомъ.—

Стоить лишь сыграть ему Вагнера, и онъ готовъ предать всего себя, все и вся

Сдѣлавъ молча нѣсколько шаговъ, одинъ подлѣ другаго и замѣтя его задумчивость, она напомнила, что имъ надо было разстаться.

— Дѣти здѣсь, близко, сказала она, взявъ его за руки, — хотите видѣть ихъ?

Одну минуту онъ колебался.

— Нѣтъ... въ другой разъ, сказалъ онъ съ сердцемъ.

— Прекрасно... До скораго свиданія, дружокъ мой. Фаганъ.

Она оставила его на перекрестѣ и легкою поступью направилась къ углу бульвара Port-Royal, гдѣ ее ожидало большое открытое ландо, изъ котораго видѣлись разноцвѣтные яркіе зонтики.

— Одна? спросила Роза, огорченная, что ей не удалось увидѣть отца.

— Нужды нѣтъ! все условлено, отвѣтила г-жа Ла-Постероль отрывисто, взявъ широкую руку, которую Mademoiselle протягивала ей чтобы помочь войти въ экипажъ.— Ахъ! этотъ добрый малый, продолжала она, ничуть не злопамятенъ... онъ согласенъ подписать контрактъ, прѣхать на свадьбу...

— А мое приданое, спросила Нинетта, — говорилъ ли насчетъ моего приданого.

— Конечно... Но лучше всего то, что я кажется сдѣлала свадьбу съ его невозможною дамой. Нина звонко засмѣялась подъ своею вуалеткой.

— О! если конкуренціи нѣтъ...

— Бѣдный папа, прошептала Роза, когда узнала, что причина возбуждавшая ея ревность была устранена.

Онъ же шелъ въ это время по цвѣтущимъ зеленѣющимъ скверамъ, освѣщеннымъ лучами заходящаго солнца, направляясь къ Люксембургу, гдѣ ждали его г-жа Гюлэнъ и ея сынъ. Дорогой смотря на высокую рѣшетку сада, заноры которой бросали неопредѣленные длинные темныя тѣни, онъ подумалъ о другѣ ждавшемъ его за этимъ предлѣомъ, казавшимся такимъ широкимъ, но обманчивымъ, и это напоминало ему ихъ собственную судьбу, съ препятствіями, которыми она была усыпана. Онъ понималъ теперь почему эта прелестная и делькатная Полпна, которая, казалось, любила его, тогда когда не была свободна, внезапно отказывала ему въ своей любви теперь, сдѣлавъ

нись вдовой и вполнѣ свободною. Конечно, это только преувеличенная щепетильность, онъ сумѣетъ современемъ побѣдить ее своею неустанною привязанностью.

И онъ сѣвши, весь сіяющій, наслаждался съ тонкимъ чутьемъ выдоравливающего этимъ теплымъ днемъ и благоуханіемъ цвѣтовъ освѣженнымъ поливкой. Но сдѣлавъ два шага, ему припомнились слова г-жи Ла-Постероль. Идѣ дѣйствовать, переходить изъ одной жилы въ другую.... Ночь, цѣлую ночь, въ объятіяхъ этого человека!

Конечно, это была жертва съ ея стороны, такъ какъ она любила его, его, де-Фагана. Она любила его, это было очевидно. Отдаваясь другому она, значить, дала всемъ сердцемъ своимъ, всемъ существомъ, и это добровольно, потому что человекъ этотъ не имѣлъ никакихъ правъ на нее и дѣйствительно не былъ болѣе ея мужемъ уже нѣсколько лѣтъ.

Болѣе не мужъ!... Лишь этими тремя словами, пущенными подъ кожу тою негодницей, лишь этими тремя словами какъ сумѣла она заставить его страдать!.... Болѣе не мужъ, то-есть уже не тотъ, къ которому она чувствовала отвращеніе, не тотъ, который возмущалъ все ея существо, но что-то новое, неизвѣстное на этомъ строгомъ вдовьемъ ложѣ, и, какъ говорила г-жа Ла-Постероль, въ годы, когда женщина.... О эти большіе голубые глаза, замрающіе подъ ласками другаго, эти трепещущія бѣломраморныя плечи... Протѣвъ воли, все это представлялось ему постоянно.

И Полина хорошо знала это. Она знала что, еслибъ они повѣчались, это тяжелое видѣніе преслѣдовало бы ихъ обоихъ, испортило бы, омрачило бы ихъ счастье. Да, она была права, и теперь онъ самъ раздѣлялъ ея щепетильность. Но онъ не рѣшался все-таки объявиться со своимъ другомъ.... Вѣдь наконецъ чувство это могло же измѣниться; ихъ взаимная нѣжность со временемъ уменьшила бы его и, какъ знать, быть-можетъ въ одинъ прекрасный день, какъ сегодня, любовь восторжествуетъ; унесетъ все, изгладитъ все однимъ могучимъ порывомъ чистаго, возрождающаго пламени.

Онъ приближался къ воротамъ Люксембургскаго сада, куда медленно привели его эти грустныя, тяжелыя размышленія.

— Свѣрная женщина! какъ умѣешь ты заставить сочтаться человѣческую кровь, произнесъ онъ сквозь зубы, обернувшись

прежде чѣмъ войти въ садъ и протянувъ грозно сжатый кулакъ по направленію къ Обсерваторской аллеѣ.

Маленькая ручка, скользящая въ его руку, увлекла его къ саду, какъ будто другъ его со своей отдаленной скамейки угадалъ его страданія и послалъ ему Мориса, чтобъ оторвать его отъ этихъ жестокихъ думъ.

— Господи, какой вы блѣдный, сказала ему г-жа Гюленъ, когда онъ подошелъ къ ней.

Она освѣдомилась не было ли ему холодно и голосъ ея выдавалъ невысказанное безпокойство, этотъ инстинктивный страхъ женщины предъ опасностью, которую отъ нея скрываютъ и о которой она догадывается. Чтò могло быть это? Какая новость пскажала черты его до такой степени.

— Еслибы вы сѣли на минутку... Быть-можетъ это отъ усталости.

— Напротивъ, походимъ. Миѣ надо чувствовать вашу руку на моей.

Онъ замѣтилъ, что она дрожала и была смущена не менѣе его. Слѣдовало ли, противъ его давишняго рѣшенія, объясниться откровенно сейчасъ же, выйти изъ этой неизвѣстности давившей ихъ сердца?

Мальчикъ бѣгалъ впереди ихъ, они же машинально слѣдовали за нимъ съ правой террасы на лѣвую, гдѣ играла музыка, и которая была переполнена гуляющими до самыхъ балюстрадъ, аккорды доносились до нихъ сквозь листву вмѣстѣ съ криками дѣтей и ласточекъ.

Прогулка казалась ему такою пріятною въ минуты затихшаго этого заходящаго дня, женщина, шедшая съ нимъ рядомъ—такъ свѣжа въ своемъ траурномъ платьѣ, съ такимъ же цвѣтомъ лица, какъ у ея ребенка, что у Фагана не достало духу прервать эту чудную гармонию, и онъ удовольствовался простымъ разговоромъ о подробностяхъ свадьбы его дочери.

— А! другъ мой, какъ вы были правы... Къ какому хаосу понятій приводитъ разводъ и какія странныя усложненія онъ ведетъ за собой. Черезъ нѣсколько дней Роза выйдетъ замужъ и свадьба ея будетъ сыграна по всеѣмъ правиламъ... Но родители разведены, и вотъ какое необыкновенное зрѣлище представить собой это бракосочетаніе...

Онъ забавлялся, описывая свадебное шествіе. Во главѣ онъ, отецъ, ведя невесту; за ними г-жа Ла-Шостероль—маменька, по

не носившая болѣе одной фамиліи съ дочерью... Наконецъ Ла-Постероль, человекъ всѣхъ приличій, но все же фигурирующій въ шестій и, чувствуя себя на своемъ мѣстѣ, несколько не стѣпенный.

— Вы представляете себѣ, какъ вся эта процессія поднимается по безконечной лѣстницѣ церкви Магдалины, какъ входитъ внутрь... пламя безчисленныхъ восковыхъ свѣчей, прекрасные звуки музыки, встрѣчающіе весь этотъ диссонансъ.. Ахъ, еслибы Парижъ умѣлъ еще смѣяться!..

Онъ, де-Фаганъ, не смѣялся, чувствуя, что родительская любовь его оскорблена и дочери потеряны имъ окончательно. Полина хотѣла было защитить ихъ снова, но по лицу де-Фагана пробѣжала быстрая, горькая до слезъ, улыбка.

— Нѣтъ, другъ мой, вы ошибаетесь. Дѣти мои заполонены этою злою женщиной, онѣ не принадлежать мнѣ болѣе. Мой адвокат предсказываетъ мнѣ это. Долгая муравьиная работа, ежедневные мелкіе удары. И подумать, что до конца моей жизни я связанъ съ этою тварью, которая никогда не оставитъ меня въ покоѣ!.. Мы увидимся съ ней на свадьбѣ Инны; позднѣе, сдѣлавшись дѣдами, встрѣтимся на крестинахъ. Вы увидите, она будетъ моею кумой; кума, которая научитъ моихъ внуковъ ненавидѣть меня, такъ же, какъ она научила этому дочерей моихъ... Ахъ разводъ! Этотъ разрывъ узъ, который, помните, я праздновалъ, какъ избавленіе, которому такъ радовался и которымъ такъ гордился... Но когда есть дѣти, это далеко не выходъ.

Г-жа Гюлэнъ грустно кивнула головой и прибавила:

— Съ дѣтми и простой развѣздъ ¹ не лучше... и въ дѣйствительности онъ только кажущійся, фиктивный... ребенокъ всегда стоитъ между отцомъ и матерью.

Это было сказано тѣмъ глубокимъ голосомъ, которымъ она повѣряла свое истинное горе и между тѣмъ какъ обыкновенный звукъ его былъ чистъ и ясенъ, какъ все существо ея.

— Тогда что же?.. Что дѣлать? пропенталь Фаганъ.

Послѣ долгаго молчанія, въ которомъ зампрали послѣдніе аккорды марша пѣзъ *Ложрина*, онъ окончилъ вслухъ ихъ невысказанную общую мысль:

— Да, смыслъ брака, все счастье его состояло бы въ томъ,

¹ *L'expatriation des corps.*

чтобы сказать себѣ, выбирая жену: „Когда я умру, вотъ плечо, на которое склоню свою голову для вѣчнаго сна, вотъ губы, которыя закроютъ мнѣ глаза. Но я хочу, чтобы плечо это было чисто, губы свѣжи и только для меня одного“, вотъ какъ я понимаю бракъ.

Полина грустно вздохнула. Это было ея единственнымъ отвѣтомъ, но въ которомъ ясно высказывалось сочувствіе и одобреніе.

Сойдя съ широкой округленной террасы, они бродили вокругъ бассейна фонтана, трепещущаго подъ розоватымъ небомъ, полнымъ грусти наступающихъ сумерекъ. Этотъ трепетъ невольно сообщался и пмъ, и даже мальчикъ, который, переставъ бѣгать, крѣпко прижимался къ черному платью матери.

— Не возвратится ли намъ, сказала она черезъ минуту.— Для перваго выхода этого больше, чѣмъ достаточно...

— Ну такъ вернемтесь... отвѣтилъ Фаганъ тѣмъ же унылымъ голосомъ.

У выхода, во всеобщемъ шумномъ движеніи выходившей толпы, въ то время, какъ онъ взглядомъ искалъ свободную карету, де-Фаганъ замѣтилъ г-жу Ла-Постероль съ дочерью, вѣроятно запоздавшихъ на музыкѣ. Они сѣли въ экипажъ; ихъ яркіе туалеты вмѣстѣ съ нѣсколькими вычурнымъ ландо привлекали любопытныхъ, чѣмъ Роза и Нипетта, казалось, очень гордились.

— Уйдемте, тихо сказалъ Фаганъ своей спутницѣ...

Видѣть своихъ дѣтей такъ близко, нарядныхъ и блестящихъ, и не имѣть возможности поцѣловать ихъ, для него было слишкомъ тяжело! И дѣйствительно, не жертвой ли развода былъ этотъ человекъ, смотрѣвшій, какъ дочери его, ихъ мать, его настоящая семья быстро удалялись въ этомъ ландо, откуда слышались взрывы смѣха и развѣвались свѣтлыя ленты, между тѣмъ какъ онъ, полный сомнѣній и колебаній, въ раздумьѣ стоялъ возлѣ этой женщины и этого ребенка, оба въ глубокомъ траурѣ, котораго онъ не раздѣлялъ и который ясно говорилъ насколько они были и, повидному, должны были остаться чужды другъ другу.

Альфонсъ Додэ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

П и с ь м о II.

Чрезвычайныя сессіи 1891 г. впервые затянулись до открытія обыкновенныхъ сессій въ новомъ году. Собственно говоря, надѣялись закончить обсужденіе бюджета до 12 января, но это оказалось невозможнымъ и пренія продолжались до 23 января.

Обыкновенныя сессіи 1892 г. открылись двумя заслуживающими вниманія рѣчами. Президентъ сената г. Леруайе былъ воодушевленъ желаніемъ уничтожить всякія недоразумѣнія между членами. Онъ указывалъ на то, что сенатъ твердо присоединился къ новымъ идеямъ и учрежденіямъ: онъ доказывалъ, что сенатъ, обсуждая вопросы, которые, подобно вопросамъ бюджетнымъ, въ высшей степени важны, какъ для настоящаго, такъ и для будущаго Франціи, одновременно служатъ и республикѣ, и странѣ; еслибы сенатъ не созивалъ своей ответственности, онъ лишалъ бы конституцію ея величайшей силы, и лучшаго изъ всѣхъ обезпеченій. Президентъ сената высказалъ еще и слѣдующее: „Если сенатъ порою отвергалъ или измѣнялъ рѣшенія, которыя онъ считалъ чрезчуръ поспѣшными или недостаточно зрѣлыми, то онъ поступалъ такъ не изъ недовѣрія къ духу преобразований, но потому, что онъ считаетъ, что всякія улучшенія должны быть приняты общественнымъ мнѣніемъ прежде, чѣмъ получить законодательную санкцію, и что они должны совершаться безъ скачковъ, безъ торопливости, дабы при первомъ толчкѣ не быть унесенными потокомъ слѣпой реакціи.“

Президентъ сената далъ понять, что социалистическая контръ-

революція, наиболѣе опасная изъ всѣхъ революцій, представляеть собою отрицаніе и насильственное уничтоженіе пидвидуальныхъ вольностей. Если не слѣдить за нею, если не пытаться подавлять ея требованій, то можно дойти до допущенія образованія привилегированныхъ корпорацій болѣе опасныхъ для отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ привилегіи стараго режима. Вопросъ о свободѣ личнаго труда и вопросъ о свободѣ трудящихся были бы вопросами поконченными. Рѣчь эта является предостереженіемъ, которое, надѣюсь, будетъ услышано.

Президентъ палаты депутатовъ со своей стороны напомнилъ своимъ слушателямъ о законодательныхъ работахъ минушаго года. Общій таможенный тарифъ и бюджетъ на 1892 годъ были главнѣйшими вопросами.

„Въ краткіе свободные промежутки, говорилъ ораторъ,—представляшіеся намъ между преніями по этимъ двумъ вопросамъ, палата спѣшила заняться нѣкоторыми другими нетерпящими отлагательствами вопросами. Относительно всегда близкихъ вашему сердцу интересовъ по національному труду и національной оборонѣ вы пересматривали законъ о работѣ дѣтей и несовершеннолѣтнихъ женщинъ, вы вотпрвали предложенія: относительно пенсіонныхъ и другихъ кассъ, учрежденныхъ въ пользу служащихъ и рабочихъ; относительно гигиены и безопасности рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ; относительно вознагражденій рабочимъ изъ слѣдуемыхъ предпринимателямъ суммъ.“

Далѣе президентъ палаты депутатовъ говорилъ о примиреніи и констатировалъ, что представители порою столь разбѣдненные между собой своими политическими взглядами, всегда бываютъ единодушны въ чувствахъ патріотизма, національныхъ горестей и радостей. Онъ краснорѣчиво привелъ воспоминаніе, которое никогда не изгладится изъ вашей памяти:

„Едва нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ при извѣстіи сочувственныхъ манифестацій, воспринятыхъ влами отъ насъ скромнѣйшими изъ нашихъ солдатъ и лучшими изъ нашихъ офицеровъ, вся Франція единымъ сердцемъ почувствовала продолжительный трепеть надежды. Услыхавъ одно утѣшительное слово, она оказалась лояльно и горячо благодарною какъ нація великодушная, почувствовавшая справедливую гордость вслѣдствіе того, что ее поняли въ ея стремленіяхъ, что ее почтили въ ея вновь пріобрѣтенной силѣ.“

„Это удовлетвореніе, данное нашему долгову терпѣнію и

нашимъ продолжительнымъ успіямъ, она приняла подъ развернутымъ знаменемъ республики, и это вполнѣ справедливо, потому что республика соединила всѣхъ патріотовъ для отчаянной защиты чести; потому что, ставъ выше всякихъ ссоръ и честолюбій, она соединила всѣхъ своихъ законодателей и правителей въ дѣлѣ нашего военного возрожденія; потому что въ будущемъ, соединивъ вокругъ себя всѣхъ Французовъ, она сдѣлаетъ ихъ необходимыми для лежащаго передъ нами двойственнаго назначенія, заключающагося въ томъ, чтобы заставить торжествовать въ нашей демократіи справедливость, а среди націй прочный миръ, основанный на уваженіи права.“

Въ своей рѣчи онъ коснулся также мимоходомъ учений и химеръ стараго теократическаго социализма въ Парагваѣ. Но въ то же время онъ высказалъ осужденіе и прочимъ социалистамъ, коллективистамъ, утопистамъ и другимъ.

При послѣднемъ обсужденіи въ сенатѣ бюджета были высказаны горячія порицанія нынѣшнему управленію въ Алжирѣ. Дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ преувеличеній и стремленій дѣлать общіе выводы изъ частныхъ. Однако, безъ сомнѣнія, надлежитъ произвести тамъ нѣкоторыя преобразованія, а именно въ судопроизводствѣ и сборѣ налоговъ. Генераль-губернаторъ г. Камбонъ уже обѣщавъ упростить налоги и облегчить снособъ ихъ взиманія. Что же до болѣе специальныхъ вопросовъ, то въ скоромъ времени они будутъ предметомъ основательныхъ преній, которыя состоятся послѣ обширнаго слѣдствія, которое ведетъ въ настоящее время г. Жюль Ферри. Я, со своей стороны, твердо убѣжденъ въ томъ, что сенатъ достигнетъ того, что предложить серьезныя и положительныя разрѣшенія этихъ вопросовъ.

Касательно общественныхъ работъ собраніе горячо рукоплескало превосходной рѣчи президента финансовой коммисіи г. Лубе, совѣтовавшаго энергически отказываться во всѣхъ недостаточнo оправданныхъ расходахъ. Правительство присоединилось къ этому совѣту и обѣщало относиться съ крайнею осмотрительностью къ невыполненнымъ еще работамъ. Важное преобразование пошлинъ по судопроизводству подало поводъ къ преніямъ. Они были ведены юристомъ и краенорѣчивымъ ораторомъ, г. Траръ. Благодаря его энергіи и его компетенціи, преобразование это принято. Оно удовлетворитъ требованіямъ дѣловаго міра и положитъ понецъ порицанія со стороны экономистовъ. Такимъ образомъ опекумѣрныя пошлины въ судахъ уменьшены и по мелкимъ

процессамъ, по которымъ относительно приходилось платить больше чѣмъ по крупнымъ, теперь надо будетъ платить несравненно меньше. Это сокращеніе, столь же нравственное, сколь и полезное, будетъ хорошо принято во Франціи.

Въ то время, какъ сенатъ ревностно работалъ надъ заключеніемъ бюджета, въ палатѣ депутатовъ произошла весьма бурная сцена. Это случилось 19 января. Г. Лоръ обратился къ президенту совѣта министровъ съ запросомъ касательно вопроса о томъ какія мѣры думаетъ принять правительство по поводу взводимыхъ газетой *L'Intransigeant* обвиненій противъ членовъ кабинета, такъ какъ органъ г. Ромфора уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ позволяетъ себѣ самыя рѣзкія выходки противъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Констана, осыпая его всевозможными оскорбленіями. Президентъ совѣта министровъ жаловался на эти отвратительныя статьи, но заявилъ, что онъ не можетъ допустить, чтобъ авторъ запроса читалъ ихъ съ трибуны, ибо тѣмъ самымъ придалась бы еще бѣльшая гласность. Онъ обращается въ данномъ случаѣ къ палатѣ, которая не должна превращать трибуну въ дискредитирующій правительство органъ. Г. Лоръ воспротивился предварительному запросу и прямо заявилъ, что еслибы палата депутатовъ его вотировала, то она пожертвовала бы, не колеблясь, извѣстною вольностью для прикрытія члена правительства, заклеяннаго общественнымъ мнѣніемъ. При этихъ словахъ г. Констанъ, потерявъ всякое хладнокровіе, бросился на г. Лора и принялся колотить его кулаками. Послѣдовавшая затѣмъ сцена не поддается никакому описанію. Президентъ палаты депутатовъ объявилъ засѣданіе закрытымъ. Смятеніе продолжалось въ корридорахъ палаты и повлекло за собою нѣсколько дуэлей на слѣдующій день. При возобновленіи засѣданія г. Констанъ взомель на трибуну, чтобъ извиниться за свою рѣзкую вспышку, заставившую его забыть должное къ палатѣ уваженіе. Онъ выразилъ надежду, что палата приметъ его извиненія, такъ какъ за цѣлыя семнадцать лѣтъ онъ ни разу не заслуживалъ ни замѣчанія, ни призыва къ порядку. Инцидентъ закончился вотумомъ предварительнаго запроса большинствомъ 338 голосовъ противъ 44. Правая отъ голосованія воздержалась. Г. Лоръ на слѣдующій день прислалъ своихъ секундантовъ къ г. Констану, который велѣлъ ему передать, что нѣтъ никакого основанія для дуэли между ними. Тогда поколоченный и весьма недовольный депутатъ подалъ на министра жалобу президенту

палаты, прося его сообщить ее генеральному прокурору. Затѣмъ онъ самъ отправился къ генеральному прокурору, который ему отвѣтилъ, что его жалобѣ не будетъ дано хода.

Къ счастью подобныя бурныя сцены происходятъ очень рѣдко, такъ какъ онѣ были бы способны поколебать достоинство парламентскаго режима. Кажется, во Франціи еще не было ничего подобнаго этому инциденту. Онъ напоминаетъ намъ объ отвѣтахъ болѣе сильныхъ, чѣмъ побой. Къ числу такихъ отвѣтовъ принадлежатъ, напримѣръ, слова г. Гизо его обвинителямъ: „Ваши оскорбленія никогда не окажутся на высотѣ моего презрѣнія“.

Послѣ этой бурной сцены успокоившаяся палата депутатовъ приняла поправки, сдѣланныя сенатомъ въ преобразованіи судебныхъ расходовъ, приступила къ обсужденію двухъ предложеній касательно отмены драматической цензуры и затѣмъ, такъ же какъ и сенатъ, прекратила свои засѣданія съ 23 января по 16 февраля.

За нѣсколько дней предъ тѣмъ въ газетахъ былъ напечатанъ весьма важный манифестъ о положеніи церкви во Франціи. Онъ былъ подписанъ пятью кардиналами-архіепископами: тулузскимъ, реймскимъ, ренскимъ, парижскимъ и діонскимъ. Шестой и послѣдній кардиналъ-архіепископъ, архіепископъ алжирскій, долженъ былъ присоединиться къ этому манифесту нѣсколько дней спустя. Манифестъ этотъ имѣетъ въ высшей степени важное значеніе. Онъ состоялъ изъ двухъ частей. Въ первой части на заявленіе о томъ, что республика не желаетъ ни притѣснять религіи, ни пренятствовать отиравленію культа, ни посягать на свободу совѣсти, манифестъ отвѣчалъ, что картина законовъ и мѣръ, вотируемыхъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ противъ церкви, доказываетъ, что такая политика находилась въ полномъ противорѣчій съ католическою вѣрой. Во второй своей части манифестъ заявлялъ, что долгъ католиковъ состоитъ въ томъ, чтобы заключить перемиріе и прежде всего рѣшительно ставъ на конституціонную почву защищать свою вѣру, которой угрожаетъ опасность. Это то, что совѣтовалъ папа Левъ XIII. Церковь не желаетъ ни становиться между правительствомъ и гражданами для сокращенія прерогативъ политической власти, ни составлять государство въ государствѣ, ни вызывать разрыва между собой и республикой. Манифестъ заканчивался слѣдующими словами:

„Увѣженіе законовъ страны, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ они сталкиваются съ требованіями совѣсти; уваженіе пред-

ставителей власти, открытое и лояльное принятіе политическихъ учреждений; но въ то же время твердое сопротивленіе захватамъ со стороны свѣтской власти въ области духовной; дѣятельная и великодушная прелатность дѣламъ, которыя имѣютъ своею цѣлью доставленіе христіанскому обществу соответственныхъ его жизни элементовъ, а именно дѣламъ преподаванія, обращенія и милосердія: наконецъ, вѣрность избирательному долгу, выполнение котораго всеми хорошими людьми обезпечиваетъ національное представительство, дѣйствительно соответствующее желанію страны и способное производить въ законодательствѣ необходимыя для политическаго міра преобразованія.

„Таковы обязанности, которыя сами собою представляются въ настоящее время совѣсти и патриотизму всехъ французскихъ католиковъ.“

Въ первую минуту республиканская печать, повидному, взглянула на этотъ манифестъ, какъ на обвинительный актъ, направленный противъ правительства, и объявила, что онъ находится въ явномъ противорѣчій съ намѣреніями Льва XIII. Она требовала отъ кардиналовъ обнародованія письма папы къ архіепископу Парижскому. Католическіе органы отвѣчали, что такого письма не существуетъ. Республиканскія умѣренныя газеты со своей стороны признали, что манифестъ этотъ имѣетъ то огромное достоинство, что онъ ясно ставитъ вопросъ объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ. Теперь извѣстно чего желаетъ церковь и извѣстно также и то, что она находится въ согласіи съ папой.

25 января, подъ заглавіемъ „Подкладка пнтриги“ въ *Figaro* появилась статья, заявляющая, что декларанія пяти кардиналовъ есть актъ сопротивленія политикѣ папы съ цѣлью избавленія Парижскаго архіепископа изъ опаснаго положенія, въ которое онъ всталъ вслѣдствіе оказаннаго ему покровительства монархическому избирательному комитету, который, повидному, скрывается подъ именемъ *Союза христіанской Франціи*. Статья эта, приписываемая бывшему редактору газеты *La Défense* г. Анри де Гу (Нонх), есть не болѣе, какъ сказка. Проектъ, о которомъ мечтали парижскій нунцій монсенъеръ Феррата касательно коллективнаго присоединенія епископства къ теперешней формѣ правленія, рвеніе Нансійскаго епископа, заставившаго его отказаться отъ этого проекта, письмо папы къ Парижскому архіепископу съ требованіемъ прекратить соглашеніе прелатовъ съ

графомъ д'Оссонвилль и вождями правой, все это, повторяю еще разъ, не болѣе какъ сказка. Графъ д'Оссонвилль отвѣтилъ на эту статью формальнымъ опроверженіемъ, написаннымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Парижъ, 25 января.

„Г. редакторъ, въ сегодняшнемъ номерѣ *L'igaro* напечатана пространная статья, гдѣ нѣсколько разъ упоминается мое имя, что влѣяетъ мнѣ въ обязанность отвѣтить, но крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается меня.

„Невѣрно, будто одинъ изъ епископовъ сообщилъ мнѣ письмо, писанное его святѣйшествомъ Львомъ XIII къ его высокопреосвященству кардиналу Ришару.

„Невѣрно, будто я ознакомился съ деклараціей пяти кардиналовъ инымъ путемъ, чѣмъ черезъ газеты.

„Что касается проекта, который будто бы былъ мнѣ *оуиенъ* однимъ изъ членовъ кабинета графа Парижскаго и который я будто бы принялъ, проекта, состоящаго въ томъ, чтобы лишить хлѣба сорокъ тысячъ священниковъ и заставить закрыть десять тысячъ церквей для подготовленія возвращенія монархіи, то вѣрность свѣдѣній, обнаруживаемая авторомъ статьи касательно уже опровергнутыхъ мною двухъ пунктовъ, указываетъ, сколько вѣры слѣдуетъ придавать какъ этому, такъ и всѣмъ прочимъ его сообщеніямъ.“

Одинъ депутатъ г. Гюббаръ требуетъ, чтобы правительство отвѣтило на декларацію пяти кардиналовъ неотложностью проекта касательно ассоціацій. Вопросъ этотъ отложенъ до возобновленія сессій. За первымъ возбужденіемъ наступило нѣкотораго рода успокоеніе, и весьма возможно, что въ скоромъ времени во всей деклараціи будутъ видѣть лишь одинъ главный пунктъ: торжественное присоединеніе къ мнролюбивымъ инструкціямъ святѣйшаго престола и обращенное къ католикамъ приглашеніе стать на конституціонную почву для защиты религіозныхъ интересовъ. Въ общемъ кардиналы желали сказать: во первыхъ, что принимая нынѣшній образъ правленія, католики не принимаютъ ничего такого, что было бы противно правамъ церкви; во вторыхъ, что защищая всѣми законными средствами права церкви, католики не борются противъ теперешнихъ учрежденій. Ничего не можетъ быть болѣе точнаго и болѣе яснаго.

Въ юніѣ 1883 года папа Левъ XIII протестовалъ предъ президентомъ республики противъ уничтоженія всякаго религіознаго

элемента въ школахъ, больницахъ, казармахъ, противъ закона о разводѣ и противъ обязательной военной службы для духовенства. Онъ просилъ президента употребить свое вліяніе дабы сдѣлать возможнымъ продолженіе столь умѣреннаго и доброжелательнаго положенія, принятаго святѣйшимъ престоломъ по отношенію къ Франціи и ея правительству. Г. Греви отвѣтилъ Льву XIII письмомъ, которое стоить привести, такъ какъ послѣдніе инциденты придаютъ ему современный интересъ:

„Святѣйшій отецъ, я получилъ письмо, которое вамъ святѣйшество оказали мнѣ честь написать касательно религіозныхъ дѣлъ во Франціи.

„Никто болѣе меня не сожалѣетъ о томъ характерѣ, который они приняли, и никто пламеннѣе меня не желаетъ разрѣшенія, которое примирило бы между собою интересы церкви съ интересами государства.

„Ваше святѣйшество вполне справедливо жалуется на антирелигіозныя страсти. Онѣ, разумѣется, существуютъ рядомъ съ противоположными чувствами огромнаго большинства Французовъ. Но страсти эти, которыя я отрицаю, можно ли отрицать, что онѣ возникли главнымъ образомъ изъ-за враждебнаго положенія, принятаго нѣкоторою частью духовенства по отношенію къ республикѣ, какъ при ея возникновеніи, такъ и при борьбѣ, которую ей приходилось выдерживать за свое существованіе, которую ей ежедневно приходится вести со своими заклятыми врагами?

„Въ этомъ печальномъ столкновеніи противоположныхъ страстей я, къ сожалѣнію, имѣю весьма малое вліяніе на враговъ церкви; а ваше святѣйшество весьма большое на враговъ республики. Еслибы вы благоволили удержать ихъ въ томъ политическомъ нейтралитетѣ, который составляетъ вашу великую и мудрую идею, заставили бы насъ сдѣлать рѣшительный шагъ къ желанному умиротворенію.

„Въ нашемъ обращеніи къ президенту республики вашему святѣйшеству не слѣдуетъ терять изъ вида роли, предназначенной главѣ исполнительной власти французскою конституціей.

„Что же касается до правительственныхъ мѣръ, то вслѣдствіе своей неотвѣтственности президентъ долженъ воздерживаться отъ всякаго личнаго дѣйствія. Онъ можетъ только предлагать свои совѣты министерству и обязанность эту онъ исполняетъ.

„Что же до законовъ и парламентскихъ рѣшеній, то онъ всту-

нается въ нихъ только черезъ своихъ министровъ, которымъ самимъ придется считаться съ большинствомъ обѣихъ палатъ.

„Тѣмъ не менѣе, благодаря времени, которое приносить съ собой размысленіе и опытъ, благодаря обнаруживаемымъ парламентомъ склонностямъ, благодаря усиліямъ правительства, воодушевленнаго самими умѣренными и самыми миролюбивыми чувствами, возможно предвидѣть менѣе трудныя дни, и если ваше святѣйшество будете продолжать держаться того положенія, которое, благодаря вашей благосклонности и вашему высокому пониманію дѣлъ и духа времени, вы изволили принять при почтительномъ одобреніи всѣхъ просвѣщенныхъ друзей религій и общественнаго міра, и если враждебная часть духовенства кончитъ тѣмъ, что сложитъ оружіе, мы можемъ надѣяться на то, что эти прискорбныя ссоры скоро окончатся, и наступитъ, наконецъ, счастливое умиротвореніе.

„Я прошу у вашего святѣйшества позволенія не вдаваться въ подробности всѣхъ пунктовъ, которыхъ вы касаетесь въ вашемъ письмѣ. Есть многое, съ чѣмъ я долженъ согласиться, относительно другаго мнѣ можетъ-быть пришлось бы сдѣлать почтительныя возраженія. Но характеръ моего назначенія не позволяетъ мнѣ лично входить въ обсужденіе, которое по закону принадлежитъ отвѣтственнымъ министрамъ. Я сообщилъ вамъ письма вашего святѣйшества, прося ихъ обратитъ живѣйшее вниманіе на всѣ выраженные вами неудовольствія. Я убѣжденъ, что они сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобъ устранить ихъ.“

Какъ въ интересахъ Франціи, такъ и въ интересахъ церкви желательно, чтобъ это умиротвореніе, которое приведетъ къ такимъ счастливымъ послѣдствіямъ, наконецъ осуществилось.

Какъ и вамъ уже это сообщалъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ, кандидатъ, избранный третьимъ финистерскимъ округомъ на мѣсто монсеньера Фрейтеля, это ректоръ варяжскаго католическаго университета ученый монсеньеръ Гюльстъ. Вступленіе лица духовнаго въ палату депутатовъ полагаетъ поводъ къ горячимъ спорамъ. Одни отвергаютъ полезную сторону подобнаго факта. Другіе же справедливо отвѣчаютъ, что если всеобщее голосованіе посылаетъ въ палату депутатовъ юрисконсультовъ, офицеровъ, инженеровъ, то далеко небезразлично, чтобъ оно послало туда же и выдающагося прелата, который могъ бы внести нѣкоторый свѣтъ въ вопросы, въ которыхъ такъ часто бываетъ заинте-

ресована религія. Слово его можетъ просвѣщать умы, укрѣплять и утѣшать католиковъ. Это далеко не ничтожная сторона вопроса, который столь горячо дебатруется въ настоящую минуту. Желательно было бы, чтобы монсеньёръ Гюльетъ просто граничился своею естественною ролью защитника католическихъ интересовъ и тщательно избѣгалъ бы дѣйствовать какъ членовъ партіи. При этомъ, только при этомъ, условіи будетъ онъ въ состояніи оказать услуги церкви.

Въ послѣднихъ числахъ января наши пограничныя желѣзнодорожныя станціи и наши порты были завалены пришедшими изъ-за границы товарами, чтобы избѣгнуть новыхъ таможенныхъ пошлинъ, вступившихъ въ силу, начиная съ 1 февраля. Пришлось всюду увеличить количество таможенныхъ служащихъ и устроить дополнительные поѣзда. Режимъ торговыхъ договоровъ отжилъ свое время. Одна только страна Швеція-Норвегія согласилась заключить съ нами конвенцію, обезпечивающую нашему обмѣну нѣкоторую прочность. Прочія страны временно даютъ намъ положеніе наиболѣе благопріятствуемой націи. Съ Нидерландами состоялось соглашеніе на тѣхъ же условіяхъ, которыя существуютъ между Франціей и Англійей со времени вотивація закона отъ 27 февраля 1882 г. Бельгійское правительство представило палатамъ проектъ, уполномочивающій его временно примѣнять къ немѣющимъ съ Бельгіей договоры странамъ режимъ наиболѣе благопріятствуемой націи. Въ Швейцаріи состоитъ подобный же *modus vivendi*. Съ Греціей состоялось дружественное соглашеніе до будущаго 31 іюля.

Пользованіе французскимъ минимальнымъ тарифомъ распространяется на Англию, Германію, Австро-Венгрію, Россію, Турцію, Данію.

Переговоры съ Испаніей встрѣтили затрудненія, которыя до сихъ поръ оказалось невозможнымъ разрѣшить.

Однако, судя по свѣдѣніямъ, которыя я считаю вѣрными, возможно, что все таки въ концѣ концовъ найдутъ почву для соглашенія. Испанскій посланникъ, герцогъ де-Мандосъ и г. Рибо взо веѣхъ силъ хлопочуть объ этомъ. Сторонники свободной торговли предсказываютъ намъ большія неудачи. Они говорятъ, что наша страна бросаетъ вызовъ судьбѣ, и что дѣло рукъ протекціонистовъ есть дѣло гибельное. Подождемъ немного. Еслибы было доказано, что пріобрѣтенные результаты не соотвѣтствуютъ надеждамъ, то Франція достаточно разсудительна, чтобы не

спорить противъ очевидности и не откажется отъ новаго преобразования. Что всюду немножко забываютъ, такъ это то, что нынѣшніе сенаторы и депутаты въ огромномъ большинствѣ были избраны постѣ обѣщанія съ ихъ стороны избирателямъ противиться новымъ договорамъ и передѣлать старые тарифы. Такимъ образомъ это не есть движеніе какой-нибудь школы, а движеніе, возникшее въ самомъ сердцѣ страны.

* * *

Г. Аври Жоли, одинъ изъ нашихъ самыхъ видныхъ криминалистовъ, уже обратившій на себя вниманіе превосходными трудами, которые Французская Академія и Академія нравственныхъ наукъ удостоили награды и, какъ кажется, принимавшій участіе въ московскомъ съѣздѣ, напечаталъ у издателя Серфа замѣчательный трудъ, озаглавленный *Борьба съ преступленіемъ*. Книга эта является дополненіемъ къ его двумъ трудамъ *Преступленіе* и *Преступная Франція*. На этотъ разъ рѣчь идетъ о дѣйстви обществу противъ преступленія, о выборѣ наказаній и лучшемъ выполненіи наказаній. Это поле изученія значительно расширилось и значительно преобразовалось. Г. Аври Жоли дѣлаетъ его общій обзоръ, начиная съ обереженія нравственности дѣтей и съ пераправленія тѣхъ, которые не могли быть убережены съ раннихъ лѣтъ. Затѣмъ слѣдуютъ первый проступокъ, заключеніе въ тюрьму, тюремная жизнь, выходъ изъ тюрьмы, возвращеніе въ общество, тяжкія преступленія, ссылка и т. д. Это полная энциклопедія, наполненная любопытными фактами, наблюдаемыми по всей Европѣ и оживляемыми сначала и до конца внимательною, тщательною и исполненною интереса психологіей. Заключеніемъ является то, что преступники всегда стремятся составить особый міръ, съ которымъ правильное общество можетъ справиться только подъ условіемъ его разчлененія.

Г. Альберъ Сорель продолжаетъ свою обширную *Исторію Европы и Французской революціи*, которая доказываетъ, что авторъ обширностью и разнообразіемъ своихъ познаній, основательностью и добросовѣстностью своихъ изслѣдованій и своихъ мнѣній является однимъ изъ лучшихъ историковъ нашего времени. Заключеніемъ четырехъ первыхъ томовъ является правленіе побѣдоноснаго Бонапарта. Война и анархія легко вели къ военной диктатурѣ націю, которая жаждала порядка и побѣды. Армія

сдѣлалась всѣмъ отечествомъ; теперь она дѣлалась всею республикой. Бонапартъ отличался своими триумфами. Впрочемъ, ему нравилось олицетворять собой французскую революцію. Онъ олицетворялъ въ себѣ также и народныя страсти Французовъ: ненависть къ Англіи, стремленіе къ завоеваніямъ, любовь къ славѣ. Онъ одновременно былъ и народомъ и арміею, но онъ властвовалъ и надъ тѣмъ и надъ другою. Онъ понималъ, что народу нуженъ человѣкъ, который былъ бы живымъ изображеніемъ его принциповъ, и такимъ онъ представлялъ себя.

Уважаемый и компетентный авторъ *Rivarola* и замѣчательныхъ очерковъ объ эмиграціи, Маріи Антуанеттѣ и проч., г. Лескюръ любезно познакомилъ меня съ нѣкоторыми мѣстами своей книги, которую онъ собирается издать въ „Собраніи великихъ писателей“ о „Шатобріанѣ“. Мѣсто это относится къ отставкѣ великаго писателя въ 1804 году, когда онъ былъ назначенъ французскимъ министромъ въ Вале: 15 марта 1804 года, говоритъ г. Лескюръ, новый министръ отправился въ Тюильрійскій дворецъ, чтобы проститься съ первымъ консуломъ. Онъ былъ пораженъ перемѣной въ лицѣ Бонапарта, свидѣтельствовавшей о глубокомъ внутреннемъ волненіи. Первый консулъ на мгновеніе остановился невдалекѣ отъ Шатобріана, какъ будто сбился заговорить съ нимъ, потомъ вдругъ ушелъ въ другую залу со смущеніемъ, которое вызвало въ Шатобріанѣ тревожныя предчувствія. Двадцатаго марта онъ выходилъ изъ Тюильрійскаго сада близъ павильона Марсала въ улицу Риволи.

„Тамъ между половиною двѣнадцатаго и двѣнадцатю часами дня, рассказываетъ онъ, я услышалъ какъ какой-то мужчина и какая-то женщина выкрикивали официальное извѣстіе; прохожіе останавливались внезапно пораженные слѣдующими словами: „Судъ спеціальной военной созванной въ Венсеннѣ комиссіи, присуждающей къ смертной казни *Людовика-Антуана Бурбонскаго, родившагося 2 августа 1772 года въ Шантильи*.“ Меня поразило какъ громомъ этимъ крикомъ. Онъ измѣнилъ мою жизнь такъ же какъ онъ измѣнилъ и жизнь Наполеона. Я вернулся домой и сказалъ г-жѣ Шатобріанъ: „Герцогъ Эпінскій разстрѣленъ“. Я сѣлъ къ столу и сталъ писать прошеніе объ отставкѣ. Г-жа Шатобріанъ не возражала. Она находила вполне естественнымъ, что ея мужъ забывалъ опасность, грозившую какъ ему, такъ и ей, и думалъ только о чести. Пришелъ одинъ пріятель г. Кюзель де Куссергъ, которому удалось добиться опущенія

нѣсколькихъ безпоземныхъ гнѣвныхъ фразъ. Редакція отставки имѣла мало значенія, говорить въ своихъ мемуарахъ Шатобріанъ: мое мнѣніе и мое преступленіе заключались въ самомъ фактѣ моего прошенія объ отставкѣ: Бонапартъ не ошибся на этотъ счетъ.“

Дѣйствительно, текстъ этого адресованнаго министру иностранныхъ дѣлъ г. Талейрану письма имѣлъ мало значенія; мало значенія имѣлъ приведенный поводъ или вѣрнѣе избранный предлогъ, заимствованный изъ числа уважительныхъ и банальныхъ извиненій, которыми пользуются въ политикѣ, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія. Подававшій въ отставку министръ ссылался на плохое состояніе здоровья жены, невозволявшее ему покидать ее. Онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго намска на преступленіе, не позволявшее ему болѣе служить правительству, виновному въ этомъ. Но нельзя было ошибиться и въ томъ, что говорило это письмо, не прочесть того, чего оно не говорило! Вслѣдствіе этой отставки, которая удивила и раздражила перваго консула до такой степени, что это страшило друзей Шатобріана, но не его самого. Шатобріанъ вернулся въ частную жизнь, но не въ ея неизвѣстность. Къ удивленію своему, пощаженный громовымъ ударомъ, который онъ самъ готовъ былъ вызвать, онъ снова принялся за работу, наслаждался вновь пріобрѣтенною независимостью и не находилъ, чтобы она обоилась ему слишкомъ дорого... Самъ по себѣ Шатобріанъ представляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ личностей. Талантъ г. Лескюра прибавитъ еще болѣе интереса и сдѣлаетъ изъ этой книги одну изъ лучшихъ всей коллекціи Ашетта. Книга эта скоро появится.

Изъ новыхъ книгъ я рекомендую вамъ *Les Contemporains* г. Жюль Леметра, это рядъ справедливыхъ и тонкихъ наблюдений касательно многихъ французскихъ писателей. Рекомендую вамъ еще книгу *Michel-Ange* г. Эмиля Оливье, представляющую собою краснорѣчивое описаніе произведеній великаго художника и профирку сложившихся о немъ легендъ. Это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ пріятныхъ для чтенія произведеній. Въ хорошенькомъ очеркѣ г. Мошье объ одномъ директорѣ оперы во времена директоріи Буэ де-Трейшъ я нашелъ весьма забавныя замѣтки относительно трудностей управленія театромъ. Судите сами по нижеслѣдующему докладу министра внутреннихъ дѣлъ:

„Гражданинъ Лансъ страдаетъ нервными припадками, мѣшающими ему изучать что бы то ни было;

„дѣвица Шовинья страдаетъ подагрой въ колѣнкѣ и только-что перенесла ужасную операцію въ челюсти;

„гражданинъ Больё страдаетъ жабой;

„гражданинъ Сентъ-Аманъ страдаетъ заваломъ уже три мѣсяца и работать не въ состояніи;

„г-жа Брашю, помогающая при родахъ, простудилась настолько, что лежитъ въ постели;

„гражданинъ Дешей все еще страдаетъ болью въ ногѣ и по всей вѣроятности не поправится до конца зимы;

„у дѣвицы Арманъ сильный насморкъ, препятствующій ей писать;

„у г-жи Малляръ сильнѣйшая горловая боль;

„у гражданка Шерона дизентерія;

„гражданка Адриена, къ которому пришли сказать, что ему завтра играть въ *Эдитъ*, нашла въ постели, страдающимъ лихорадкой.

„Если ко всѣмъ этимъ болѣзнямъ вы прибавите, что гражданинъ Вестри и дѣвица Шалеруа находятся въ отсутствіи,—они играютъ въ Лондонѣ. — то вы найдете, гражданинъ-министръ, что я долженъ испытывать большое затрудненіе, чтобы пускать въ ходъ машину!“

„Машина“ довольно неудачное названіе для бывшего королевубійцы, содѣйствовавшаго пусканію въ ходъ машины на площади Революціи! Но изреченіе Мольера всегда вѣрно: „Весьма странныя для управленія животныя, эти комедіанты!“

Изъ новыхъ романовъ назову *Fantôme d'Orient* Пьера Лоти, свидѣтельствующаго объ удивительномъ мастерствѣ столь субъективнаго и столь богато одареннаго писателя. *La Terre Promise* г. Поля Бурже печатается въ *Revue Illustrée*. То, что я уже прочелъ, кажется мнѣ прекрасно написаннымъ, какъ и всѣ произведенія этого автора. Безъ сомнѣнія, его можно упрекнуть въ нѣсколько чрезмѣрной изысканности, но есть ли это недостатокъ въ настоящія времена полной литературной распушенности?

Зола написалъ предисловіе къ переводу *Денни и трудъ* графа Л. Н. Толстаго, вотъ оно:

„Я не пишу никакого авторитета, чтобы приступить къ такому обширному предмету, говоритъ г. Зола. Я занялся имъ, когда писалъ мой романъ *Денни*. Поднятая здѣсь задача столь обширна, столь серьезна, что нельзя имѣть дерзости рассмотреть ее на какихъ-нибудь нѣсколькихъ страницахъ. Поэтому, такъ какъ

вы желаете знать мой взглядъ, я скромно ограничусь сообщеніемъ моего впечатлѣнія при чтеніи новаго произведенія Толстаго.

„Что меня всего болѣе заинтересовало, такъ это тѣ страницы, гдѣ онъ остается могущественнымъ аналитомъ, глубокимъ психологомъ *Войны и Мира* и *Анны Карениной*. Я разумѣю его посѣщенія ночлежныхъ домовъ Москвы, его лихорадочныя скитанія среди ужасовъ нищеты большого города. Тутъ есть поразительныя картины, достойныя великаго художника, какимъ онъ еще продолжаетъ оставаться. Затѣмъ, какой превосходный анализъ милостыни со всѣмъ тѣмъ, что она почти всегда заключаетъ въ себѣ личнаго тщеславія и тѣмъ, что она часто оставляетъ послѣ себя неловкости и недовольства противъ самого себя! Для меня это живыя страницы книги, осмѣлюсь сказать, страницы полезныя, которыя заставляютъ видѣть и которыя останутся.

„Но обратимся къ самой мысли. Толстой примыкаетъ къ старинному, но все еще усиливающемуся движенію, осуждающему древнее милосердіе и обращающему только къ справедливости. Передъ ужасными мірскими страданіями долгое время полагали, что подаеніе составляетъ единственное возможное облегченіе. Въ настоящее время признается, что милостыня есть вещь плохая, ничего не излѣчивающая и только еще болѣе растрavляющая рану. Требуется справедливость, желающая, чтобы всѣ люди имѣли одинаковую сумму страданій и радостей. Толстой, опирающийся во всемъ на Евангеліе, можетъ-быть въ данномъ случаѣ находится въ противорѣчій съ вѣковымъ христіанскимъ милосердіемъ: народъ богачей, поддерживающій народъ бѣдняковъ, эта почва, на которой социальное знаніе, несмотря на страшныя потрясенія, въ теченіе восемнадцати вѣковъ, могло устоять, не падая. Но безъ сомнѣнія онъ отвѣтилъ бы, что онъ всегда стоитъ за милосердіе, но за милосердіе полное.

„Система Толстаго, впрочемъ, весьма несложная. Деньги вещь плохая, отъ нихъ слѣдуетъ избавиться и избавиться разомъ. Деньги настолько плохи сами по себѣ, что даже давать ихъ другимъ значитъ портить этихъ другихъ, значитъ совершать дѣло общественнаго растлѣнія. Слѣдовательно, ихъ просто слѣдуетъ уничтожить. Затѣмъ, надобно жить въ деревнѣ, потому что города составляютъ гнѣздо нравственной и физической заразы. А когда не будетъ денегъ, не будетъ городовъ, всѣ будутъ работать и

жить своимъ трудомъ. Это будетъ золотымъ вѣкомъ, человѣчество вступитъ въ эру справедливости и блаженства.

„Везъ сомнѣнія Толстой правъ. Трудъ есть великій законъ, источникъ жизни, онъ составляетъ силу человѣческаго прогресса; а деньги, это простое условное средство обмѣна; если онѣ были однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ цивилизаціи, то онѣ также повлекли за собою всѣ гадости и всѣ несправедливости. Словомъ, еслибъ ихъ возможно было уничтожить, еслибы завтра же всѣ народы принялись за трудъ, стали бы жить, какъ братья, о, разумѣется, какой возгласъ облегченія вырвался бы у бѣднаго наконецъ освобожденнаго человѣчества! Мы всѣ, и прибавлю, уже очень давно согласны относительно общихъ мѣстъ, что воздухъ въ большихъ городахъ зараженный, что роль денегъ проклятая, что окончательнымъ счастьемъ было бы жить среди полей, каждому трудами рукъ своихъ.

„Весь ужасъ заключается въ томъ, что стремленія эти остаются безплодными. Волей-неволей слѣдуетъ допустить, что исторія создается естественными непобѣдимыми силами. Если какая-нибудь рѣка течетъ на западъ, то это потому, что этого требуетъ почва и ничто въ мірѣ, за исключеніемъ измѣненія очертанія земли, не можетъ заставить ее обратиться вспять и течь на востокъ. Такъ и деньги суть произведенія соціальной почвы. Онѣ составляли и до сихъ поръ составляютъ одно изъ условій нашего существованія. Я допускаю ихъ уничтоженіе, въ крайнемъ случаѣ я воображаю себѣ общество, въ которомъ онѣ не будутъ играть никакой роли. Но какая циклопическая работа заставитъ человѣчество обратиться противъ теченія времени, чтобы снова его направить въ этомъ смыслѣ!

„Итакъ, Толстой, подобно всѣмъ благороднымъ жаждущимъ справедливости мечтателямъ, отлчно указываетъ на зло и на то, въ чемъ состояло бы всемірное счастье. Но только идеальная земля находится не здѣсь, и нѣтъ ни дорогъ, ни мостовъ, чтобы добраться туда. Тщетно искалъ я въ его книгѣ совокупности практическихъ мѣръ, новаго соціального договора, увѣ! будучи увѣренъ ничего не найти. Я вполне понимаю, что говоритъ намъ Толстой: „Я отыскалъ средство. Я отдѣлываюсь ото всѣхъ моихъ денегъ и принимаюсь за трудъ. Пусть всякій сдѣлаетъ то же, и человѣчество спасено.“ Считаетъ ли онъ это возможнымъ? и допустивъ, что всѣ послѣдуютъ его примѣру, развѣ на завтра же не возникнутъ самыя тревожныя задачи? Это

мысли народнаго проповѣдника, который ходить по дорогамъ, проповѣдуя новый законъ, въ горячности своей вѣры не принимаемая въ соображеніе фактовъ. Правда, иногда эти избранники производятъ мировые перевороты вопреки тому, что кажется здравымъ смысломъ. И мнѣ нѣсколько совѣстно исполнять роль человека разсудительнаго.

„Вотъ въ общемъ, что заставляетъ меня полагать мой слабый разсудокъ. Деньги могутъ исчезнуть, трудъ тогда сдѣлается необходимою, единственнымъ условіемъ существованія для каждаго. Но рѣшить это не одинъ какой-нибудь человекъ, даже не миллионъ людей. Соціальный переворотъ совершится въ свое время, когда историческія силы пожелають этого. Еще разъ, нельзя измѣнить направленія теченія рѣки, необходимо чтобы вѣчный переворотъ создалъ ей новое русло. Все современное соціалетическое движеніе вѣдетъ, въ концѣ концовъ, къ отбѣгѣ денегъ и ко всеобщему закону труда. Нѣкоторые признаки могутъ заставить думать, что человѣчество подвигается къ идеальной землѣ, о которой мечтаетъ Толстой. Когда до нея достигнутъ? завтра? черезъ десять вѣковъ? Жизнь имѣетъ предъ собою вѣчность, вѣка это не болѣе, какъ дни въ хотѣ человѣчества.“

Увы! человѣчество идетъ не къ идеальной землѣ. Шумъ, который слышенъ, требованія, которые раздаются, не предвѣщаютъ ни мира, ни единенія. Чего люди требуютъ громкими криками, такъ это денегъ. Что ихъ гложетъ, что ихъ терзаетъ, что ихъ приводитъ въ бѣшенство, такъ это *auri sacra fames*. Не словами можно ихъ успокоить и остановить. Если они не боятся ни Бога, ни властелина, то кто же въ состояніи загородить имъ путь? Возвратите имъ вѣру, верните ихъ къ чувству уваженія и долга!..

* * *

Итекній мѣсяць былъ свидѣтелемъ появленія и исчезновенія множества театральныхъ новиннокъ. Въ театрѣ *Vaudeville* давали комедію *Les Jobards*, которая, къ моему удивленію, выдержала крайне ограниченное количество представленій. Пьеса была хорошая, умная и трогательная. Какимъ образомъ она не имѣла успѣха?

Въ театрѣ *Gymnase le Monde où l'on flirte* очень скоро замѣнила *La Menteuse* гг. Альфонса Додэ и Леона Энинокъ. Сюжетъ заимствованъ изъ прелестной повелли въ *Remmes d'Artistes*.

Авторы вывели типъ таинственной женщины, которая постоянно и постоянно лжетъ и умраетъ не выдавъ своей тайны. Они предположили, что сынъ графини Ноттье позволилъ увлечь себя какой-то авантюристкѣ. Онъ думалъ, что она въ разводѣ съ мужемъ и женился на ней вопреки желанію матери. Онъ допустилъ, чтобъ она давала уроки музыки въ видѣ помощи ему къ поддержанію ихъ существованія. Онъ не замѣтилъ, что она носитъ богатые туалеты и разныя драгоценности, не соответствующія ихъ средствамъ. Онъ ее любилъ, любилъ слѣпою и безумною любовью. Но, наконецъ, катастрофа разразилась. При мысли, что явится ея прежній мужъ и что всѣ ея гадости разоблачатся, несчастная принимаетъ ядъ. Но въ эту минуту все открывается и обезумѣвшій мужъ приступаетъ къ ней съ разспросами: „Кто ты? откуда ты? что ты явилась дѣлать въ моей жизни?“ Но она умраетъ безмолвно и когда появляется одинъ пріятель, обманутый мужъ бросается къ нему въ объятія съ возгласомъ: „Она умерла, а я не знаю кто она!“ Пріятель смотритъ на нее и холодно говоритъ: „Это, это моя жена!“ Сцена весьма драматична и ведется весьма сильно. Но она не дала того, что отъ нея ожидали авторы. Они ввели въ свою драму священника, который въ ней исполняетъ весьма симпатичную роль. Несмотря на значительный талантъ піеса *La Menteuse* не имѣетъ того успѣха, котораго было бы желательно для театра *Gymnase*.

Театръ *Vaudeville* имѣлъ настоящій триумфъ піесой *La Famille Pont-Biquet*, комедія буффъ г. Биссона, которую анализировать трудно. Съ васъ должно быть достаточно видѣть, какъ слѣдственный судья, желая вырвать своего будущаго зятя изъ-подъ обаянія одной актрисы, самъ поддается ей. Послѣ цѣлаго ряда самыхъ смѣшныхъ сценъ, все устранивается пріятнымъ бракомъ.

Театръ *Odéon* далъ намъ новый переводъ *Макбета* г. Сержа Клерка, который очень близко придерживается англійскаго текста. Но стихосложеніе до того геометрично и до того холодно, что піеса успѣха не имѣла. Это жаль, потому что дирекція позаботилась о превосходной постановкѣ трагедіи.

Перехожу къ первому представленію въ *Theatre Français* піесы г. Ришлена *Par le Glaive*, драмы, написанной въ стихахъ. Піеса имѣла успѣхъ. Хотя она представляетъ собой одновременно и драму, и оперу, и трагедію, успѣхъ ея былъ дѣйствительный, такъ какъ положенія въ ней вообще захватывающія, а стихи превосходные. Сцена происходитъ въ Равеннѣ въ 1359 г.

Страда, побочный сынъ бывшаго Равеннскаго короля и братъ низложеннаго наследника престола Гвидо, поклялся снова возстановить Гвидо на престолѣ. Нефѣта Гвидо, Ринальда, считала своего жениха умершимъ и рѣшилась для спасенія своего юнаго брата Риццо выйти замужъ за похитителя престола Конрада Волка. Равенна стонетъ подъ правленіемъ тирана и оплакиваетъ измѣну Ринальды. Страдѣ приходитъ въ голову мысль женить Гвидо на дочери одного буржуа, Біанкѣ, для обезпеченія согласія между дворянствомъ и народомъ. Онъ составляетъ заговоръ и заманиваетъ Ринальду въ ловушку. Она доказываетъ свою невинность. Страда заставляетъ ее снова занять свое мѣсто при Конрадѣ, пока не настанетъ часъ мщенія. Но Гвидо, снова свидѣвшійся съ Ринальдой, желаетъ вырвать ее изъ объятій тирана. Страдѣ удается убѣдить Ринальду въ томъ, что спасеніе страны должно стоять выше всего. Благородная женщина жертвуетъ собою. Она даетъ себя убить, какъ будто она виновна, но предъ смертью обручаетъ Гвидо и Біанку. Жертва эта кажется чудовищно великою, но мы не должны забывать, что дѣло происходитъ въ Средніе Вѣка. Конрадъ Волкъ слишкомъ часто разыгрываетъ *влюбленнаго волка* и больше кричитъ, чѣмъ кусается. Но какъ бы то ни было, зрители были увлечены положительно красивыми сценами, благородными стихами, великолѣпными костюмами и восхитительными декораціями.

Въ оперномъ театрѣ ренетируютъ *Солѣмбо* Рейера и говорить будто дирекція потратила 300.000 фр. на постановку этой пьесы.

Опера Маскани *Caralleria Rusticana* не имѣла здѣсь успѣха. Обветшалыя формы старой итальянской школы, легкіе голосовые эффекты, неловкости въ инструментовкѣ. Въ ней только много жизни и много шума. Это свидѣтельство о легкости и неопытности. Романсы Сантуцци и интермедія были приняты хорошо.

* * *

Парижскіе кружки открыли свои двери. Въ Волнейскомъ кружкѣ прекрасная выставка, гдѣ я замѣтилъ превосходныя картины гг. Каролуса-Дюрана, Дусе, Виртса, Сэна, Люкь-Оливье, Мерсона и Бенжамена Констана; великолѣпныя статуи гг. Леонара и А. Милле. Въ кружкѣ художническаго союза я восхищался твореніями гг. Фриана, Даньянъ-Бувере, Буте де-Мувеля, Детайля

и Стивенса, статуями и бюстами гг. Карлеса, Сентъ-Марсо и Мерсье. Мы вѣроятно ихъ снова увидимъ на предстоящихъ выставкахъ салоновъ.

Выставка акварелистовъ въ Сезской улицѣ воспитательна. Портреты г. Кювильиона, кардиналы г. Вибера, ландшафты г. Аришьи, цвѣты г. Дюэза, положительно очаровательны. Стопло бы упомянуть о каждой вещи въ отдѣльности.

Скульпторъ Роденъ скоро закончитъ статую Бальзака, брошенную Шаю. Великій романшетъ будетъ изображенъ стоя, со сложенными на груди руками, съ поднятою кверху головой, гордо задрапированный своимъ монашескимъ одѣяніемъ.

Мы лишились трехъ выдающихся художниковъ: скульптора Кристофа, гравёра Эркеля-Дююна, художника-живописца Мюллера, который особенно извѣстенъ своею драматическою картиной: *Воззваніе осужденныхъ во время Террора*.

Художникъ Бонна замѣстилъ въ качествѣ президента общества французскихъ художниковъ скончавшагося Балльи, оставившаго въ своемъ духовномъ завѣщаніи 40.000 франковъ, богатыми художниковъ. Вице-президентомъ избранъ г. Поль Дюбуа. Наконецъ, Академія Изящныхъ Искусствъ замѣстителемъ директора работъ въ Парижѣ знаменитаго Альфана избрала г. Лафнестра, художественныя критики котораго цѣнятся весьма высоко.

Ничего еще не рѣшено относительно наслѣдія Мейссонье. Будетъ ли оно продано? Будетъ ли оно передано государству? Будетъ ли изъ него сдѣланъ отдѣльный музей? Кто можетъ это сказать? Что до меня, то я только знаю, что мастерская на бульварѣ Малербъ содержитъ болѣе пятисотъ превосходныхъ произведеній, картинъ, акварелей и рисунковъ. Въ мастерской въ Пуасси произведеній почти столько же. Было бы крайне печально видѣть, еслибъ эти художественныя богатства разсѣялись при продажѣ съ аукціона!

А. Вельшингеръ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

5 февраля.

Истекшій театральнйй сезонъ впервые познакомиль московскую публику съ пьесами Ибсена. На театрѣ г. Корша поставлена была драма *Нора*, а Г. П. Оедотова, для своего бенефеца, поставила на сценѣ Малаго Театра драму *Съверные Богатыри*. Мало того. Москвѣ пришлось видѣть *Нору* въ двухъ различныхъ исполненіяхъ. Сначала эту драму сыграла труппа г. Корша. Потомъ ее исполнила на итальянскомъ языкѣ „труппа города Рима“, причемъ роль Норы играла г-жа Дузе.

Нора—молодая, замужняя женщина. Она восемь лѣтъ состоитъ въ бракѣ и имѣеть двухъ маленькихъ дѣтей. Мужъ ея, адвокатъ Гельмеръ, пользуется общимъ уваженіемъ и почетомъ. Въ ту минуту, какъ открываεται дѣйствіе, онъ только-что избранъ на видную должность директора банка. Нора совершенно счастлива. Должность директора не только представляетъ почетное положеніе, но и соединена съ большимъ окладомъ. Нора и ея мужъ могутъ теперь жить ни въ чемъ себѣ не отказывая, между тѣмъ какъ до настоящаго времени имъ приходилось по временамъ довольно трудно. Гельмеръ долженъ былъ такъ много работать, что даже заболѣлъ отъ переутомленія и былъ близокъ къ смерти, еслибъ его не спасла жена.

Исторія этого спасенія и составляетъ завязку драмы.

Врачи объявили, что Гельмеру необходимо предпринять путешествіе въ теплый климатъ и провести тамъ нѣкоторое время. Но больному нельзя было открывать опасности его положенія. Нора приняла все на себя. Она увѣрила мужа, что путешествіе необходимо для ея здоровья и что она получила отъ своего отца

деньги необходимы для поѣздки. На самомъ дѣлѣ Нора тайкомъ заняла эти деньги у одного очень темнаго человѣка по фамиліи Гюнтеръ. Человѣкъ этотъ не иначе соглашался на ссуду, какъ подъ условіемъ, чтобъ отецъ Норы поставилъ на вексель свой бланкъ. По роковому стеченію обстоятельствъ, отецъ тоже былъ боленъ. И вотъ Нора сдѣлала подлогъ. Она не только подписалась подъ руку отца, но еще, по разсѣянности, поставила число прямо ее уличающее, число приходившееся *послѣ* кончины ея отца.

Деньги были получены, путешествіе—предпринято, Гельмеръ—выздоровѣлъ и опять принялся за работу, не подозрѣвая ни малѣйшимъ образомъ, какую тайну скрываетъ отъ него жена. За то для Норы начался рядъ систематическихъ обмановъ и постоянныхъ волненій. Чтобъ уплачивать проценты и мало-по-малу погашать капиталную сумму долга, она должна была дѣлать сбереженія изъ денегъ, выдаваемыхъ ей мужемъ на хозяйственные и личные расходы. Теперь, когда Гельмеръ будетъ получать большое жалованіе и, слѣдовательно, давать женѣ болѣе денегъ, теперь у Норы точно какая-то гора сваливается съ плечъ. Нора бысто развяжется со своимъ долгомъ.

Но тутъ-то и начинается усложненіе, прямо ведущее къ драмѣ. Гюнтеръ, заимодавецъ Норы, служитъ въ томъ банкѣ, куда ея мужъ избранъ директоромъ. Это первое мѣсто, какое онъ получилъ послѣ того, какъ на долгое время лишился общественнаго довѣрія вслѣдствіе находженія подъ слѣдствіемъ и судомъ. Это первая ступень къ возстановленію добраго имени, и Гюнтеръ дорожитъ своимъ ничтожнымъ мѣстомъ въ банкѣ съ такою же страстностію надежды, съ какою утопающій хватается за соломинку. Между тѣмъ одно изъ первыхъ мѣропріятій Гельмера, въ его новомъ качествѣ директора, состоитъ въ томъ, чтобъ уволить Гюнтера.

Вы, разумѣется, уже предчувствуете, что будетъ дѣлать Гюнтеръ. Онъ является къ Норѣ, объясняетъ ей подлогъ въ подписи, рассказываетъ, какія послѣдствія влечетъ за собою такое дѣяніе и отдастъ на ея выборъ одно изъ двухъ. Или Нора уговоритъ мужа оставить Гюнтера на службѣ, или же она не сдѣлаетъ этого и тогда Гюнтеръ письменно сообщитъ Гельмеру тайну Норы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ могутъ быть два исхода. Гельмеръ станетъ упорствовать въ своемъ рѣшеніи. Тогда Гюнтеръ подастъ прокурору заявленіе о подлогѣ и возбудитъ противъ Норы скандальный процессъ. Или же Гельмеръ не будетъ упорствовать

согласится, во избѣжаніе скандала и огласки, оставить Гюнтера на службѣ. Тогда Гюнтеръ будетъ постоянно держать Гельмера въ рукахъ, заставитъ его давать ему помышенія по службѣ и исполнять всѣ его желанія. Не Гельмеръ, а Гюнтеръ будетъ управлять банкомъ. Но что бы ни случилось, а вексель Норы навсегда останется у Гюнтера. Уплата денегъ не представляетъ въ этомъ случаѣ никакой важности. Важно имѣть въ рукахъ оружіе, могущественное средство такъ для нападенія, такъ и для защиты.

Нора начинаетъ упрямивать мужа, чтобъ онъ не увольнял Гюнтера отъ должности. Гюнтеръ можетъ ему повредить. Онъ работаетъ въ различныхъ „безсознательныхъ“ газетахъ, которыя готовы напечатать всякія сплетни и всякую клевету. Но Гельмеръ неумолимъ. Вонервыхъ, въ банкѣ уже извѣстно, что онъ хочетъ уволить Гюнтера. Еслибъ онъ измѣнилъ свое рѣшеніе, то это прямо приписали бы какимъ-нибудь постороннимъ влияніямъ и ходатайствамъ. Вовторыхъ, Гюнтеръ ведетъ себя совершенно безтактно. Когда-то, въ молодости, онъ и Гельмеръ были на „ты“. Теперь Гюнтеръ при всѣхъ служащихъ банка на каждомъ шагу говоритъ „ты“ Гельмеру. Чтобы прекратить всѣ разговоры по этому предмету, Гельмеръ посылаетъ Гюнтеру письменное увѣдомленіе объ его увольненіи. Въ отвѣтъ на это Гюнтеръ опускаетъ въ устроенный при квартирѣ Гельмера ящикъ для писемъ и газетъ роковое письмо, содержащее тайну Норы.

Нужно сознаться, что фигура Гюнтера въ значительной степени напоминаетъ фигуры злодѣевъ въ французскихъ мелодрамахъ. Весь механизмъ ея чисто мелодраматическій. Гюнтеръ тайкомъ появляется и исчезаетъ, приходитъ то ночью, то съ задняго крыльца. Эта фигура имѣетъ только задатки самобытности и жизненности. Въ ходѣ пьесы она является условною фигурой злодѣя, вишнимъ механизмомъ двигающимъ дѣйствіе. Но сцена съ письмомъ — превосходна. Передняя квартиры Гельмера и устроенный въ двери ящикъ для писемъ и газетъ все время находятся на виду у зрителя. Сквозь стеклянную стѣнку этого ящика видно все, что опускается въ него снаружи. У зрителя невольно захватываетъ духъ, когда онъ, вмѣстѣ съ Норой, сосредоточиваетъ все вниманіе на этомъ ящикѣ. Будетъ или не будетъ опущено въ него письмо? Письмо падаетъ въ ящикъ на нашихъ глазахъ. Ключъ отъ ящика у Гельмера. Онъ одинъ отпираетъ его. Нѣтъ возможности предотвратить разоблаченія

тайны. Но есть возможность замедлить открытіе. И вотъ Нора, подь предлогомъ, что не достаточно хорошо знаетъ тарапеллу, которую ей завтра придется танцовать на костюмированномъ балу, умоляетъ мужа прорепетировать съ ней этотъ танецъ. Она беретъ съ него слово, что онъ, въ продолженіи этихъ сутокъ, будетъ заниматься только ею. Начинается репетиція тарапеллы. Пріятель Гельмера, докторъ Ранкъ, играетъ на фортепіано: Нора танцуетъ. Она не помнитъ себя и кружится, какъ вакханка. Волосы ея раскатываются и рассыпаются по плечамъ. Мужъ безпрестанно ее останавливаетъ и наконецъ требуетъ, чтобъ она перестала танцовать. А между тѣмъ пріятельница Норы, молодая вдова, бывшая невѣста Гюнтера, которой Нора повѣрила свою тайну, отирается уговаривать Гюнтера, чтобъ онъ потребовалъ назадъ свое письмо. Она не застаётъ его дома. Онъ уѣхалъ куда-то до вечера слѣдующаго дня. За это время пріятельница Норы успѣваетъ одуматься. Она приходитъ къ убѣжденію въ необходимости объясненія между Гельмеромъ и его женой. Невозможно, чтобы Нора долѣе сохраняла свою тайну. Она должна наконецъ все открыть мужу. И вотъ, когда Нора и Гельмеръ возвращаются ночью съ бала, пріятельница объявляетъ объ этомъ Норѣ и уходитъ. Письмо Гюнтера все еще лежитъ въ ящикѣ.

Объясненіе должно произойти. Это очевидно. Попытайтесь предусмотрѣть, какъ оно будетъ протекать и чѣмъ кончится.

Винювата ли Нора предъ мужемъ? Да, до извѣстной степени. Она виновна въ томъ, что не была откровенна съ нимъ, скрыла отъ него существованіе сдѣланнаго ею долга. Но побужденія ея были такъ хороши, а умолчаніе, по крайней мѣрѣ на первое время, такъ необходимо, что Гельмеръ, разумѣется, долженъ простить жену. Остается подлогъ подписи.

Это—несчастіе, а не преступленіе. Ни одинъ судъ въ мірѣ не призналъ бы Нору виновною за этотъ подлогъ, прежде всего уже потому что Гюнтеръ, единственное лицо, которому подлогъ этотъ могъ бы причинить вредъ, не потерпѣлъ отъ него никакого вреда. Онъ самымъ справнымъ образомъ получилъ свои уплаты. Ради кого дѣлался подлогъ? Ради Гельмера. Зачѣмъ дѣлался онъ? Для спасенія его жизни. Есть ли возможность предполагать, что мужъ оттолкнетъ отъ себя жену вслѣдствіе этого? Нѣтъ, это невозможно. Но еще менѣе возможно, чтобы Гельмеръ дозволилъ устрашить себя наругиваніями Гюнтера, сталъ бы вступать съ

нимъ въ какія-либо сдѣлки. Пусть Гюнтеръ заявилъ бы о подлогѣ. Пусть дѣло пошло бы въ судъ. Здѣсь немедленно выяснилось бы дѣйствительное основаніе возбужденной жалобы. Нора была бы оправдана, Гюнтеръ на вѣкъ погибъ бы въ общественномъ мнѣніи. Кто знаетъ? Есть очень много вѣроятностей въ пользу того, что Гюнтеръ, какъ умный человѣкъ, совсѣмъ не довелъ бы дѣло до суда. На его сторонѣ слишкомъ мало шансовъ.

Слѣдовательно: мужъ долженъ простить жену въ той части ея вины, которая касается непосредственно его. Съ другой стороны, онъ долженъ поддержать ее въ несчастіи, какое она сама навлекла на себя. Ихъ обоимъ, мужа и жену, постигло испытаніе. Гельмеръ обязанъ поддержать Нору въ этомъ испытаніи.

Остается Нора. Здѣсь возможны два исхода. Или она, что всего естественнѣе, сама все разскажетъ мужу, въ виду невозможности долге сохранять тайну, — или же, подъ влияніемъ страха и стыда, будетъ молчать и предоставитъ говорить нисьму Гюнтера. Конечный результатъ долженъ быть одинаковъ въ обоихъ случаяхъ. Благодарныя слезы облегченія, раскаяніе, внутреннее очищеніе и просвѣтленіе, полная готовность понести законную кару за преступное дѣяніе, свѣтлая и сознательная нравственная рѣшимость, смѣняющая страхъ, колебанія, извороты. Полное сближеніе съ мужемъ и полная съ нимъ солидарность, которой до настоящаго времени мѣшало существованіе тайны, отсутствіе откровенности и истекающая отсюда ложь въ отношеніяхъ. Замѣйте при этомъ, что Нора, по ея собственнымъ словамъ, невыразимо любитъ своего мужа, любитъ до такой степени, что для его спасенія рѣшается лишитъ себя жизни.

Все наши предположенія оказываются несостоятельными. Совершается именно то, чему мы не могли вѣрить. Прочитавъ письмо и узнавъ о проступкѣ Норы, Гельмеръ отталкиваетъ отъ себя жену и объясняетъ, что съ этой минуты онъ находится во власти Гюнтера:

— Ты уничтожила все мое счастье: ты испортила всю мою будущность. Я нахожусь во власти безсовѣстнаго человѣка; онъ можетъ дѣлать со мной что хочетъ, требовать отъ меня чего ему угодно, приказывать и повелѣвать мнѣ по своему усмотрѣнію. Я долженъ молча все это переносить и терпѣть. Что касается до тебя и меня, то должно казаться, какъ будто между нами ничего не произошло. Разумѣется, только въ глазахъ свѣта.

Ты останешься въ моемъ домѣ; это понятно само собою. Но я не позволю тебѣ воспитывать дѣтей; я не рѣшусь ввѣрить ихъ тебѣ. Все кончено. Съ этого дня уже нѣтъ счастья. Дѣло плетъ лишь о томъ, чтобы спасти осколки, остатки, внѣшность...

Это совершенно необъяснимый поворотъ въ характерѣ Гельмера, котораго авторъ рисовалъ намъ въ продолженіе двухъ первыхъ актовъ человѣкомъ высокой нравственности, твердымъ, энергичнымъ, непоколебимымъ. Невольно кажется, что Ибсенъ, пессимистъ по преимуществу, не могъ преодолѣть себя и въ этомъ случаѣ, не могъ довести до конца изображенія положительнаго типа изъ современной жизни. Какъ бы то ни было, но положеніе внезапно мѣняется. Нора ожидала, что мужъ заступится за нее, мало того, приметъ всю вину на себя. Чтобы избавить его отъ этого самопожертвованія, она хотѣла пожертвовать собой, лишиться себя жизни. Теперь оказывается, что Гельмеръ думаетъ только о себѣ. Когда тутъ же ночью получается новое письмо Гюитера, въ которомъ тотъ возвращаетъ Норѣ ея вексель, Гельмеръ восклицаетъ:

— Нора! Я спасенъ! Я спасенъ!

— А я? спрашиваетъ Нора.

— Разумѣется, ты также. Мы спасены оба.

И онъ опять мѣняетъ тонъ.

— Теперь мы только будемъ радоваться и повторять: миновало, миновало! Ты не слышишь, Нора? Ахъ, понимаю, милая, бѣдная Нора. Ты еще не вѣршишь, что я тебѣ простилъ. Но я тебѣ въ самомъ дѣлѣ простилъ, Нора. Клянусь тебѣ: я все тебѣ простилъ. Я знаю, ты дѣлала все изъ любви ко мнѣ. Ты любила меня такъ, какъ жена должна любить мужа. Ты только не умѣла обсудить средства. Неужели ты думашь, что менѣе дорога мнѣ, если не можешь дѣйствовать самостоятельно? Нѣтъ! Опрись на меня; я буду тебѣ совѣтникомъ и руководителемъ. Я былъ бы не мужчиною, еслибъ именно твоя женская беспомощность не дѣлала тебя вдвое болѣе привлекательною въ моихъ глазахъ. Какъ можешь ты думать, чтобы у меня достало духа оттолкнуть тебя, даже сдѣлать тебѣ упрекъ! Ты не знаешь природы настоящаго, дѣйствительнаго мужчины, Нора. Для него заключается нѣчто невыразимо-пріятное и успокоительное въ сонаниіи, что онъ простилъ свою жену, простилъ искренно, отъ всего сердца. Черезъ это она какъ бы двойнѣ становится его собственностью; она какъ бы вновь рождается черезъ него,

дѣлается въ одно и то же время его женой и его ребенкомъ. Этими станешь ты теперь для меня, ты, бѣдное, безпомощное существо. Не бойся ничего, Нора; будь только откровенна со мной,—и тогда я буду твоею волей и твоею совѣстью.

Все это ему слѣдовало говорить раньше. Мы тогда повѣрили бы ему. Теперь мы не имѣемъ уже къ нему этого довѣрія. Намъ кажется, что онъ говоритъ фразы. Минуту тому назадъ онъ отнималъ у Норы даже ея дѣтей. Теперь онъ все простилъ и все остается попрежнему, хотя, въ сущности, ничего не измѣнилось. Исчезли только доказательства преступленія, совершеннаго Норой, исчезла возможность огласки и скандала, вмѣшательства судебной власти, сплетенъ и пересудъ. Но преступленіе осталось содѣяннымъ. Осталось налицо и все, въ чемъ Гельмеръ упрекалъ свою жену: ложь и обманъ по отношенію къ нему въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, прирожденная, безсознательная, наслѣдственная безирравственность, перенесенная къ Норѣ отъ отца. Что же онъ такое, этотъ Гельмеръ? Отвратительный эгоистъ? Мелочной человѣкъ, исполняющій лишь вишія требованія моральнаго этикета, человѣкъ, выше всего ставящій мнѣніе общества, перимѣющій дѣйствительныхъ, глубокихъ и прочныхъ нравственныхъ устоевъ? Характеръ Гельмера усложняется еще одною чертой, про которую авторъ упоминаетъ нѣсколько разъ. Въ немъ необыкновенно сильно развито чувство красоты. Присутствіе этого чувства настолько характерно для Гельмера и настолько извѣстно его знакомымъ, что его пріятель, докторъ Ранкъ, эпизодическая фигура пьесы, человѣкъ медленно разрушающійся вслѣдствіе какой-то отвратительной наслѣдственной болѣзни, говоритъ Норѣ:

— Самое ужасное въ моей болѣзни то, что кончинѣ будетъ предшествовать обезображеніе. На этотъ случай вотъ вамъ краткое наставленіе. Гельмеръ, при его тонкой натурѣ, имѣетъ рѣшительное отвращеніе ко всему безобразному. Я не хочу, чтобъ онъ входилъ ко мнѣ въ комнату, когда я буду боленъ. Ни подъ какимъ видомъ.

Отвращеніе Гельмера къ безобразному переносится имъ изъ области явленій физическихъ также и въ область явленій нравственныхъ. Одно изъ первыхъ чувствъ его послѣ того, какъ онъ прочелъ роковое письмо Гюнтера, есть содраганіе предъ безобразіемъ поступка Норы:

— Въ продолженіи цѣлыхъ восьми лѣтъ ты была притворщицей,

лгушей, преступницей. Сколько въ этомъ безобразіи, отвратительнаго безобразія!

Съ намѣреніемъ или безъ намѣренія вводитъ Ибсенъ эту черту въ характеръ Гельмера, не только вводитъ, но и подчеркиваетъ? Трудно допустить, чтобъ это совершалось безъ намѣренія. Но еще труднѣе рѣшить, въ чемъ состоитъ здѣсь намѣреніе автора: должно ли художественное чувство Гельмера быть причислено къ его достоинствамъ, или же служить оно къ ослабленію его характера, какъ элементъ разнѣживающій, какъ свойство, заставляющее его придавать особое значеніе всему внѣшнему. Какъ бы то ни было, но Гельмеръ послѣдняго акта не тотъ, какими мы знали его въ началѣ, какими, повидимому, хотѣлъ закрѣпить его авторъ въ нашихъ представленіяхъ. Очертанія его фигуры замутняются, дѣлаются расплывчатыми и неопредѣленными. Такими же становятся и очертанія Норы. Различіе лишь въ томъ, что Гельмеръ до конца остается живымъ лицомъ, даже онустившись въ нашихъ понятіяхъ, между тѣмъ какъ Нора, внезапно поднимаясь, утрачиваетъ несомнѣнную жизненность, присутствующую ей въ двухъ первыхъ актахъ, превращается въ носительницу отвлеченной идеи, дѣлается проповѣдницей социальнаго тезиса, принадлежащаго не ей, а самому автору.

Знаете что дѣлаетъ Нора? Она тутъ же, ночью, навсегда покидаетъ мужа. Зачѣмъ дѣлаетъ она это? Затѣмъ, что она внезапно разлюбила его и не можетъ оставаться съ мужчиной, который изъ мужа станетъ для нея постороннимъ человѣкомъ. Но предварительно она излагаетъ предъ Гельмеромъ и предъ нами цѣлую теорію „кукольной семьи“.

— Ты меня никогда не понималъ, говорить она мужу,—отецъ также не понималъ меня. Вы оба сдѣлали мнѣ много вреда. Сначала отецъ, потомъ ты. Вы никогда меня не любили. Вамъ лишь доставляло удовольствіе быть влюбленными въ меня. Когда я жила въ домѣ отца, онъ сообщалъ мнѣ все свои взгляды и такимъ образомъ они становились моими. Если у меня являлось мое собственное мнѣніе, то я скрывала его, ибо самостоятельныя мнѣнія съ моей стороны были бы неприятны отцу. Онъ называлъ меня своею куклой и игралъ со мною, какъ я въ свою очередь играла съ моими куклами. Потомъ я изъ рукъ отца перешла въ твои руки. Ты все устраивалъ по твоему вкусу; такимъ образомъ я получила тѣ же вкусы, какъ ты. Впрочемъ, я притворялась въ этомъ отношеніи. А можетъ-быть и не притво-

рилась. Было и то, и другое. Миѣ кажется, что я жила въ твоёмъ домѣ, какъ живутъ бѣдняки: изо дня въ день. Я жила тѣмъ, что дѣлала предъ тобой фокусы: ты самъ хотѣлъ этого. Я никогда не была счастлива. Я только была весела. А ты былъ ласковъ со мною. Но наша семья была кукольная семья. Въ домѣ отца со мною обращались, какъ съ маленькою куклой, здѣсь — какъ съ большою. Наши дѣти въ свою очередь были моими куклами. Миѣ было весело, когда ты игралъ со мною, дѣтямъ было весело, когда я играла съ ними. И вотъ въ чемъ состоялъ нашъ бракъ.

Мужъ не могъ воспитать Нору: она точно также не можетъ вѣяться за воспитаніе своихъ дѣтей. Она утратила вѣру въ обязанности жены и матери. Она вѣритъ только въ одно: въ то, что она человѣкъ, или, по крайней мѣрѣ, можетъ имъ сдѣлаться. Она не знаетъ, что такое религія. Она не знаетъ, что такое нравственное чувство, по крайней мѣрѣ, предпочитаетъ не говорить про это. Она не понимаетъ законовъ и не понимаетъ общества. Она не вѣритъ въ то, что говорить люди, не вѣритъ въ то, что написано въ книгахъ. Ей нужно самой раздумать о разныхъ вещахъ, самой изучить общество и рѣшить что правда и что ложь. Что будетъ она дѣлать? Нора не знаетъ этого: она знаетъ лишь, что ей нужно уйти изъ этого дома и начать новую жизнь.

И она уходитъ ночью изъ дома. Пьеса кончена.

Последнее объясненіе Норы съ мужемъ представляетъ удивительную смѣсь вѣрныхъ наблюдений и парадоксовъ. Легко сказать: я скрывала предъ отцомъ мои собственные мнѣнія. Но именно въ молодости собственные мнѣнія скрываются всего труднѣе, развѣ только они на самомъ дѣлѣ существуютъ. Почему было отцу Норы неприятнымъ выраженіе собственныхъ мнѣній со стороны дочери? Если это было такъ, то это былъ какой-то пеключительный человѣкъ. Что препятствовало Норѣ смѣть и излагать свои собственные мысли, когда она вышла за Гельмера? Что мѣшало ей вдумываться въ жизнь и ея явленія насколько они открывались ей? Уже ли же не было, среди всего круга ея знакомыхъ, семей не похожихъ на кукольныя, отношеній между мужьями и женами столь противоположныхъ тѣмъ, какія существовали между ей и Гельмеромъ, чтобы различіе это не бросилось ей въ глаза, не вызвало бы потребности смѣть съ мужемъ ранѣе то объясненіе, какое смѣть она теперь. объясненіе, которое бы привело, разумеется, къ совершенно другимъ результатамъ. Я только фокус-

начала предъ тобою, говоритъ Нора своему мужу. Возможно ли, чтобы это фокусничанье въ продолженіе цѣлыхъ восьми лѣтъ не наложило на Нору своей печати, не превратилось бы во вторую природу, не вызвало бы ранѣе одного изъ двухъ: совершенной нравственной испорченности, или же неодолимой потребности протеста? Возможно ли, чтобы Нора только играла съ своими дѣтьми, какъ съ куклами, чтобы въ ней не существовало материнскаго чувства, чтобы она могла навсегда покинуть домъ даже не простившись съ дѣтьми? Характеръ Норы задуманъ очень интересно. Не подлежитъ сомнѣнію, что для Норы первыхъ двухъ актовъ авторъ имѣлъ предъ глазами оригиналы въ самой жизни. Но развязка драмы и въ особенности уходъ Норы среди ночи, развязка эта взята не изъ жизни. Это нѣчто искусственно придуманное, гдѣ на мѣсто живой психологіи становится кабинетная конструкція.

Само собой разумѣется, что мнѣ не приходится на мысль подробно сравнивать русское исполненіе *Норы* съ итальянскимъ. Публика приходила въ восторгъ отъ того, какъ г-жа Дузе исполняла роль Норы. На мой взглядъ дѣйствительно художественное впечатлѣніе производила лишь та сцена III акта, гдѣ Нора молча выслушиваетъ упреки мужа послѣ прочтенія имъ письма Гюнтера. Мимика г-жи Дузе была здѣсь поразительна. На нашихъ глазахъ лицо ея точно застывало въ какомъ-то медленно овладевавшемъ ею чувствѣ ужаса, а чувство это также постепенно распространялось по физіономіи артистки, какъ въ лѣтнее время бѣжитъ по дугу тѣнь отъ внезапно надвинувшейся тучи. Трудно идти далѣе въ искусствѣ мимическаго выраженія. Но за то не менѣе трудно представить себѣ большее противорѣчіе между сѣверинкой Норой и тѣми специфически итальянскими манерами, съ какими, какъ впрочемъ вездѣ и всегда, г-жа Дузе играла Нору первыхъ двухъ актовъ. Можно сомнѣваться, чтобы Нора послѣдней сцены, сцены объясненія съ мужемъ, имѣла тотъ характеръ рѣзкости и озлобленности, какой придала этой сценѣ г-жа Дузе. Если эта сцена вообще выпадаетъ изъ основнаго характера Норы по своему содержанію, то г-жа Дузе еще болѣе подчеркнула это выпаденіе. Получилось нѣчто очень красивое сценически, но психологическое противорѣчіе выступило черезъ это еще сильнѣе. Въ русскомъ исполненіи роль Норы была поручена г-жѣ Потоцкой, наружность и лѣта которой необыкновенно подходятъ къ этой роли. Г-жа Потоцкая сначала

то конца изображает Нору женщиной-ребенкомъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ основнымъ тономъ совершаются и всѣ переходы Норы отъ одного порядка чувствъ къ другому, причемъ вездѣ чувствуется какая-то удивительная искренность. Это послѣднее обстоятельство необыкновенно содѣйствуетъ сценическому смягченію объясненія Норы съ мужемъ. Слова остаются. Но они смягчаются тономъ, получаютъ какой-то молельный оттѣнокъ. Черезъ это самая сцена объясненія нѣсколько ближе подвигается къ зрителю. Она не становится правдоподобнѣе въ послѣдней своей части. Но благодаря той женственности, какую вноситъ г-жа Потоцкая въ роль Норы, у зрителя невольно является „двоуправка“ къ этой сценѣ. Зритель говоритъ себѣ, что Нора еще, можетъ-быть, одумается, придетъ на слѣдующій день проститься съ дѣтьми, допустить мужу уговорить себя, начнетъ новую жизнь въ своей собственной семьѣ. Такого рода мысли, разумѣется, никогда не придутъ на умъ человѣку, только читающему пьесу Ибсена. Но въ томъ-то и заключается громадное различіе между читателемъ и зрителемъ драматическаго произведенія, что читатель легко допускаетъ полкунить себя автору, между тѣмъ какъ у зрителя въ виду наглядно происходящаго перель нимъ дѣйствія являются безопадные и неумолимые запросы наипростѣйшаго здраваго смысла. Возможно ли, съ точки зрѣнія этихъ запросовъ, допустить, чтобы мужъ ночью отпустилъ свою жену изъ дома одну, въ состояніи страшнаго перваго возбужденія и не пошелъ бы проводить ее, если ужъ не какъ жену, то просто, какъ молодую женщину, которая можетъ подвергнуться оскорбленію на улицѣ? Вотъ вопросъ, который не придетъ въ голову ни одному читателю, который навязывается какому зрителю и, въ логической послѣдовательности, влечетъ за собою цѣлый рядъ предположеній о томъ, что же будетъ дѣлать Гельмеръ на слѣдующее утро. Смотри на исполненіе г-жи Потоцкой, мы всѣ рѣшили, что Гельмеръ отправится разыскивать Нору, что, можетъ-быть, оба начнутъ новую жизнь, и начнутъ ее — вмѣстѣ.

Другая пьеса Ибсена, *Сѣверные Богатыри* (*Die Nordische Heerfahrt*), поставленная на Маломъ театрѣ, значительно уступаетъ *Норѣ* по интересу содержанія. Это исторія Зигфрида и Брунгильды, сокращенная и видоизмѣненная. Зигурдъ (Зягфрильдъ), добывая для своего товарища Гуннара (Гюнтера) жену, красавицу Юрдисъ, убилъ для этого медвѣдя страшной свирѣ-

пости и силы, сторожившаго двери ея комнаты. Онъ дѣлаетъ это въ платьѣ Гуннара и Иордисъ не подозрѣваетъ обмана до той поры, пока, на шпур, жена Зигурда не выдаетъ при всѣхъ роковой тайны. Въ то же время Иордисъ, тайно любившая Зигурда, узнаетъ отъ него самого, что онъ также любилъ ее. Иордисъ, не имѣя возможности соединиться съ Зигурдомъ на этомъ свѣтѣ, убиваетъ его и себя, чтобы вмѣстѣ улетѣть въ Валгаллу. Но Зигурдъ, умирая, объявляетъ, что онъ христіанинъ и что пути ихъ расходятся даже за предѣлами земной жизни. Этотъ послѣдній мотивъ, несомнѣнная модернизация внесенная въ любовное объясненіе между Зигурдомъ и Иордисъ, равно какъ введеніе совершенно чуждаго сагъ эпизода о крестьянахъ, поджигающихъ домъ Гуннара, вносятъ въ драму Ибсена элементы, несоотвѣтствующіе величественной и мрачной торжественности основнаго сказанія, между тѣмъ какъ самая цѣль сочиненія этой пьесы была, по словамъ Брандеса, близко знакомаго съ Ибсеномъ, не столько художественная, сколько обличительно-соціальная. Ибсенъ хотѣлъ, въ лицѣ героевъ своей драмы, противопоставить „обличительное зеркало“ безхарактерности, безстрастности и нерѣшительности современнаго поколѣнія людей.

С. Васильевъ.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Столѣтіе рожденія Россини. 1792—1892 гг.

18 (29) февраля 1792 года въ маленькомъ итальянскомъ городкѣ Пезаро, въ семействѣ бѣднаго странствующаго музыканта Джузенне Россини и жены его Анны, урожденной Гвидарини, родился сынъ Джоакимо, которому суждено было сдѣлаться плодомъ всей Европы, даже всего цивилизованнаго міра, и гениальнѣйшимъ представителемъ итальянской музыки въ нашемъ столѣтіи. Въ Италіи вкусъ къ опернымъ представленіямъ распространенъ, какъ иигда въ другомъ мѣстѣ; не только всякій маленькій городокъ имѣетъ свой оперный сезонъ, но, сверхъ того, существуютъ въ лѣтнее время сцены на открытомъ воздухѣ, гдѣ даются небольшія комическія оперы, со входною платой въ 25—50 сантимовъ и, во всякомъ случаѣ, не дороже одной лиры, то есть франка. Для самой сцены сколачивается легкая постройка, родъ маленькаго балаганчика, оркестръ помѣщается предъ нимъ на открытомъ воздухѣ, слушатели также, за исключеніемъ крытой галлерей изъ досокъ, идущей вокругъ всего мѣста представленія. Оркестръ иногда состоитъ всего изъ нѣсколькихъ смычковъ: двухъ или трехъ первыхъ скрипокъ, одной или двухъ вторыхъ, одного альты, віолончели и контрбаса. Капельмейстеръ, дирижируя правой рукой, лѣвою дополняетъ на піанино гармонію, играя духовые инструменты. Намъ случилось слышать на такой сценѣ чрезвычайно популярную въ Италіи, среди простаго народа, оперу Риччи: *Crispino e la Comare*; оркестръ состоялъ

всего изъ семи смычковъ, остальное дополняли капельмейстеръ на пианино, но исполнители главныхъ партій пѣли сравнительно весьма недурно, недурень былъ и хоръ, хотя и очень немногочисленный. Первые мѣста стоили 50 сантимовъ, съ правомъ получить, сверхъ того, стаканъ пива за ту же плату. Впрочемъ, обыкновенно даже и на такихъ представленіяхъ оркестръ бываетъ значительно больше и состоитъ изъ 12—15 человекъ. На такихъ сценахъ и въ такихъ оркестрахъ подвизались родители Россини: отецъ игралъ на валторнѣ, а мать пѣла вторымъ партіи. Говорятъ, что маленький Россини, начиная съ десятилѣтняго возраста, участвовалъ въ такихъ оркестрахъ, играя вторую валторну вмѣстѣ съ отцомъ. Невѣроятно скудный заработокъ, доставляемый такою артистическою дѣятельностью, составлялъ весь заработокъ семьи Россини. У мальчика оказался хорошій голосъ, и въ 1804 г. онъ началъ учиться въ Болоньѣ у Анджело Тезеи пѣнію и игрѣ на фортепьяно, зарабатывая деньги пѣніемъ сопрановыхъ соло въ различныхъ церквахъ. Въ два года онъ научился отлично читать съ листа и порядочно аккомпанировать. Съ этими познаніями онъ сдѣлался хормейстеромъ и побывалъ въ нѣсколькихъ небольшихъ городкахъ съ оперною труппой, но у него скоро пропалъ голосъ, онъ вернулся въ Болонью и поступилъ 8 (20) марта 1807 г. въ музыкальный лицей, то есть консерваторію этого города. Учителемъ молодого Россини сдѣлался аббатъ Маттеи, ученый контрапунктистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сухой педантъ. Такой учитель былъ мало пригоденъ для богато одареннаго, живаго юноши. Спусти много лѣтъ Россини, вспоминая малоуспѣшность своихъ контрапунктическихъ занятій, обвинялъ въ этомъ систему преподаванія аббата Маттеи; о себѣ Россини говорилъ, что онъ въ то время чувствовалъ большую склонность къ сложнымъ комбинаціямъ старыхъ мастеровъ контрапункта. Какъ бы то ни было, съ элементарными формами простаго контрапункта Россини ознакомился, и, услышавъ отъ учителя, что съ такими познаніями можно писать оперы, но не церковную музыку, юноша рѣшилъ, что ему больше нѣтъ надобности учиться, ибо сочинять онъ намѣревался оперы. Такимъ образомъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ лицей, Россини покинулъ его и возвратился въ родной городъ Пезаро. Во время пребыванія въ лицей Россини написалъ кантату *Il Pianto d'Armonia*, которая была исполнена въ Болоньѣ въ августѣ 1808 г. Въ Пезаро нашлись покровители, доставившіе случай написать одно-

актную оперу для театра San-Mosè въ Венеціи, поставленную осенью 1810 г. Опера называлась *La Cambiale di matrimonio*. Черезъ годъ, осенью 1811 г., Россини удалось поставить въ Болоньѣ комическую оперу *L'Equivoco stravagante*, не имѣвшую, впрочемъ, успѣха, но въ томъ же году, въ Римѣ, имѣла большой успѣхъ другая опера: *Demetrio e Polibio*. Въ слѣдующемъ 1812 г. Россини написалъ пять оперъ одноактныхъ и двухактныхъ. Громкая слава молодого композитора начинается съ 1813 г., когда на сценѣ театра Fenice, въ Венеціи, была поставлена опера *Tamkreo*, первая изъ обоеденныхъ въслѣдствіи всю Европу. *Арія di tanti palpiti* приобрѣла громадную популярность. Критики указывали, правда на значительные недостатки, шаблонность нѣкоторыхъ приемовъ, какъ-то: эффекты *crescendo*, банальныя кабалетты и т. п. Но публика не придавала подобнымъ вещамъ значенія, такъ что голосъ критики былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь. Самъ Россини мало дорожилъ мнѣніемъ специалистовъ, ему нуженъ былъ громкій успѣхъ, и онъ достигъ его въ полнѣйшей мѣрѣ: почти на 20 лѣтъ онъ сталъ идоломъ публики, сначала итальянской, а потомъ и европейской.

Въ дальнѣйшей карьерѣ Россини замѣчательны 1816 и 1817 гг., когда имъ было написано семь оперъ и въ томъ числѣ *Севильскій цирюльникъ*, *Отелло*, *Ченерентола* и *Сорока-воровка*, остальные были менѣе замѣчательны. *Севильскій цирюльникъ* былъ написанъ для Рима въ 1816 г. и встрѣтилъ сначала весьма враждебный приемъ. На этотъ же сюжетъ существовала опера Паезіэлло, написанная имъ въ Петербургѣ и пользовавшаяся большою популярностью въ Италіи. Почитатели Паезіэлло, бывшего еще въ живыхъ, сочли дерзостью со стороны молодого композитора попытку вступить въ соперничество со старымъ, уважаемымъ мастеромъ — и въ день перваго представленія оперы Россини устроилъ ему такую враждебную демонстрацію, что на второе представленіе Россини не явился, отговариваясь нездоровьемъ. Когда уже онъ спалъ крѣпкимъ сномъ, вдругъ шумъ подъ окнами и шаги идущихъ по лѣстницѣ людей разбудили его; испуганный Россини думалъ, что сторожники Паезіэлло не хотятъ его оставить въ покоѣ даже въ его квартирѣ, но оказалось, что это были исполнители его оперы: Гарчіа, Замбони и Боттичелли, пришедшіе сообщить ему, что „Цирюльникъ“ имѣетъ колоссальный успѣхъ и что подъ окнами собралась толпа зрителей съ факелами, желающихъ выразить свое удивленіе его таланту.

Начиная съ 1815 г. Россини жилъ преимущественно въ Неаполѣ, потому что тамошній импрессаріо театровъ, Барбайя, назначилъ ему 12.000 франковъ въ годъ содержанія, а Россини за это обязанъ былъ ежегодно писать двѣ новыя оперы и руководить постановкой нѣкоторыхъ изъ прежнихъ. Барбайя завѣдывалъ не одними неаполитанскими театрами, нѣсколько лѣтъ сряду въ его распоряженіи находились, сверхъ того, театръ *La Scala* въ Миланѣ и вѣнская итальянская опера. Въ 1822 г. Россини былъ въ Вѣнѣ по случаю постановки тамъ его оперы *Зельмира*, имѣвшей блестящій успѣхъ. Вообще въ Вѣнѣ со стороны двора, аристократіи и публики Россини былъ сдѣлать такой восторженный пріемъ, какого тамъ никогда не встрѣчалъ никакой другой композиторъ, ни раньше, ни позже. Возвратившись изъ Вѣны, Россини въ 1823 г. поставилъ въ Венеціи *Семирамиду*, послѣднюю оперу, написанную имъ для Италіи. Сравнительно съ прежними его операми, *Семирамида* отличалась гораздо болѣе тщательною работою, богатствомъ и разнообразіемъ формъ, такъ что для итальянской публики она оказалась уже слишкомъ сложною, тяжелою,—вслѣдствіе чего, она имѣла лишь посредственный успѣхъ. Россини былъ оскорбленъ этимъ и, рѣшивъ перенести свою дѣятельность на новую почву, покинулъ Италію и отправился въ Лондонъ, гдѣ пробылъ пять мѣсяцевъ и получилъ за это время отъ концертовъ и спектаклей 250.000 франковъ—сумму, о какой въ Италіи онъ не могъ и мечтать. Въ октябрѣ того же года Россини поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ министръ королевскаго двора предлагалъ ему мѣсто директора театра итальянской оперы.

Переселеніе въ Парижъ составило важную эпоху въ жизни Россини, и его послѣдующая композиторская дѣятельность носитъ нѣсколько иной отпечатокъ сравнительно съ прежнею. Слава его предшествовала ему въ Парижѣ, а его оперы, исполняемыя таковыми артистическими силами, какъ Горчіа, Рудини, Лаблашъ, Малибранъ, Паста, Зонтагъ и Гризци,—имѣли успѣхъ едва ли не болѣшій, нежели въ Италіи. Къ числу самыхъ горячихъ поклонниковъ Россини въ Парижѣ принадлежали многіе изъ самыхъ видныхъ тогдашнихъ представителей литературы, не знавшихъ предѣловъ своимъ восторгамъ. Стендаль (Beyle) издалъ въ 1822 г. біографію Россини, въ которой ставитъ его конечнымъ звеномъ всего музыкальнаго развитія Европы; романистъ Меркв превозноситъ его не менѣе горячо; наконецъ, Бальзакъ въ своей *Massimilla Doni* по поводу хора сцены тьмы въ *Moussen* восклицаетъ:

цать: „*Vieux nuit es allemands, Handel, Sébastien Bach, et toi-même, Beethoven, à genoux!*...“ Самъ Россини цѣнилъ себя, кажется, върше нежелалъ его панегиристы и не смѣшилъ выступать съ какимъ-либо произведеніемъ, написаннымъ для Парижа, если не считать маленькой одноактной пьесы *Il Viaggio a Reims*, написанной лѣтомъ 1825 г. по случаю празднествъ коронаванія Карла X. Назначенный директоромъ итальянской оперы въ Парижѣ, Россини оказался совѣтъ не на своемъ мѣстѣ, ему не хватало ни знанія дѣла, ни энергій, и его двухлѣтнее управление отозвалось самымъ печальнымъ образомъ на положеніи театра, такъ что министръ двора, герцогъ Ларошфуко, принужденъ былъ войти въ соглашеніе съ Россини и назначить его главноуправляющимъ королевскую музыку и инспекторомъ ишійа во Франціи; эти должности не были связаны ни съ какими обязанностями, кромѣ полученія жалованья 20.000 франковъ въ годъ и права на пенсію въ томъ случаѣ, еслибы по какимъ-либо обстоятельствамъ эти должности были упразднены.

Уступая желаніямъ своихъ поклонниковъ, но не отваживаясь еще приняться за сочиненіе французской оперы, Россини передѣлалъ для французской сцены двѣ изъ своихъ прежнихъ: *Mao-meto II* и *Mosè*. Первая изъ нихъ подъ названіемъ *de Siège de Corinthe* была дана въ 1826 году. Сравнительно съ итальянскою редакціей опера подверглась значительнымъ передѣлкамъ: многое было написано вновь, другое измѣнено, инструментовка тщательно пересмотрѣна. Еще больше измѣненій было въ *Mosè*, данномъ въ 1827 году. Обѣ оперы имѣли блестящій успѣхъ. Въ слѣдующемъ году была поставлена небольшая французская опера *le Comte Ory*, одно изъ лучшихъ и граціознѣйшихъ произведеній Россини, и, наконецъ, въ 1829 году *Guillaume Tell*. Этому произведенію Россини посвятилъ столько труда, какъ никакому другому ранѣе, но успѣхъ его былъ неособенно великъ въ первое время и совѣтъ не соответствовалъ ожиданіямъ Россини и его друзей. *Tell* была послѣднею оперой, написанною композиторомъ, въ 37-лѣтнемъ возрастѣ достигшимъ апогея своей славы, прожившаго послѣ того еще 40 лѣтъ, но уже ничего не писавшаго для сцены. Нѣсколько позже *Tell* пользовался громаднымъ успѣхомъ въ Парижѣ и во всей Европѣ, но это не измѣнило рѣшенія его автора. Такое внезапное и безпримѣрное въ исторіи музыки самоотреченіе объясняли различнымъ образомъ. Самъ Россини говорилъ своимъ друзьямъ такъ: „Лпшній успѣхъ мнѣ

ничего не прибавить, а неуспѣхъ можетъ повредить; я не нуждаюсь въ первомъ и не хочу подвергаться риску второго“. Такое объясненіе отчасти объясняетъ дѣло; несмотря на феноменальную музыкальную даровитость, лишенный, какъ музыкальнаго, такъ и общаго образованія, но богато надѣленный практическимъ умомъ, Россини относился къ искусству, какъ скептикъ, котораго къ дѣятельности поощрялъ только успѣхъ, приносившій славу и деньги. Прежде успѣхъ этотъ былъ несомнѣненъ, ибо Россини царилъ безраздѣльно, противопоставить ему возможно было развѣ только Вебера съ его *Фрейшюцемъ*, но блестящіе успѣхи Вебера были непродолжительные и въ 1826 году онъ скончался. Въ Италиі въ началѣ столѣтія опасныхъ соперниковъ не было, во Франціи также; но ко времени постановки *Вильгельма Телля* обстоятельства измѣнились. Въ Италиі явились Беллини и Доницетти, во Франціи Оберъ въ 1828 году создалъ себѣ громкое имя своею *Фенеллой*, а вслѣдъ за *Вильгельмомъ Теллемъ* явился Мейерберъ съ *Робертомъ-Дьяволомъ*, имѣвшимъ успѣхъ неслыханный. Бороться съ такими соперниками было трудно. Быть-можетъ Россини, какъ непосредственный талантъ, стоялъ даже выше опаснѣйшаго изъ нихъ, Мейербера, но послѣдній выступалъ во всеоружіи огромной техники и многосторонняго образованія, что давало ему рѣшительное преимущество. Весьма вѣроятно, что практической умъ Россини подсказалъ ему самое благоразумное рѣшеніе, сохранившее за нимъ неприкосновеннымъ до конца его дней ореолъ славы, могшій иначе потускнѣть, а пожалуй и совсѣмъ угаснуть. Какъ бы то ни было, композиторская дѣятельность Россини почти совсѣмъ закончилась въ 1829 году. Послѣ того имъ были написаны *Stabat mater* въ 1841 году и месса, сочиненная еще раньше, но исполнявшаяся публично только послѣ его смерти. Къ этому можно прибавить еще *Soirées musicales*, сборникъ романсовъ для одного и двухъ голосовъ, и три небольшіе хора. Въ 1836 году Россини возвратился въ Италию, жилъ нѣсколько времени въ Миланѣ, потомъ поселился въ Болоньѣ, куда его привлекали воспоминанія юности. Онъ прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ спокойно, но событія 1848 года заставили его покинуть этотъ городъ. По натурѣ своей онъ чувствовалъ антипатію ко всякимъ революционнымъ движеніямъ, и шумныя волненія, происходившія тогда въ Болоньѣ, внушали ему одно враждебное чувство, что такъ возстановило противъ него патриотовъ, что Россини пришлось

бѣжать во Флоренцію. Его здоровье разстроилось, ему сталъ приходиться на мысль Парижъ и, наконецъ, въ 1853 онъ возвратился туда и остался тамъ до конца жизни. Въ Парижѣ здоровье его возстановилось и онъ прожилъ въ покоѣ и довольствѣ еще шестнадцать лѣтъ до своей кончины, послѣдовавшей 1 ноября 1868 года. Россини былъ однимъ изъ богатѣйшихъ и эlegantнѣйшихъ мелодистовъ среди оперныхъ композиторовъ. Въ настоящее время на сценахъ даются немногія его сочиненія, почти только *Севильскій цирюльникъ* и *Вильгельмъ Телль*, особенно первая опера, составляющая главное его право на безсмертіе. Самъ онъ говорилъ, что изъ его сочиненій въ потомствѣ уцѣлѣютъ развѣ только второй актъ *Телля*, послѣдній актъ *Отелло* и весь *Цирюльникъ*; такое сужденіе доказываетъ, что Россини не заблуждался въ своихъ успѣхахъ, не довѣрялъ своимъ панегиристамъ и сохранилъ способность произнести вполне вѣрное сужденіе о своихъ собственныхъ произведеніяхъ.

Н. Кашкинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОИЩА.

Есть ли въ Россіи голодь?—Идеаль и дѣйствительность по поводу ученія и дѣятельности графа Л. Н. Толстаго.—Шанство и социальный вопрос.—Паденіе министерства во Франціи.—Рѣчь императора Вильгельма, безпорядки въ Берлинѣ, жестокое обращеніе съ солдатами въ германской арміи.—Г. Тапщевъ о Стамбуловѣ.—Окончаніе спора съ *Московскими Вѣдомостями*.

Правительство, печать и общество повидимому однаково озабочены однимъ и тѣмъ же вопросомъ и поглощены борьбой съ народнымъ бѣдствіемъ. Теперь казалось бы уже не можетъ быть сомнѣнія относительно дѣйствительности этого бѣдствія. И несмотря на это, еще нерѣдко приходится слышать сомнѣнія въ существованіи голода и увѣренія, что размѣры неурожая преувелпчены. Много еще есть людей, которые не хотятъ видѣть бѣдствія и потому не видятъ его. Совершенно серьезно спрашиваютъ — покажите намъ голодающихъ, какъ будто это такъ же легко и просто сдѣлать, какъ показать какое-нибудь зданіе, картину или животное, какъ будто голодающіе составляютъ особую породу людей, которыхъ, какъ негровъ или Индійцевъ, можно привезти и показывать.

Но главное затрудненіе для такого демонстративнаго доказательства состоитъ въ томъ, что показывать голодающаго можетъ только тотъ, кто не можетъ его накормить. Вотъ почему знакомство большинства людей хоть сколько-нибудь достаточныхъ съ голодающими носитъ болѣе или менѣе отвлеченный характеръ. Большинство, сознавая невозможность помогать всѣмъ нуждающимся, ограничивается немногими ближайшими, которые именно благодаря этому перестаютъ быть, если не нуждающимся, то, по крайней мѣрѣ, голодающими въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Иначе и быть не можетъ. Нельзя ни ожидать, ни требовать, чтобы всѣ люди матеріально обеспеченные посвятили себя исклю-

чительно развѣсиванію лицъ наиболѣе потерѣвшихъ отъ неурожаа и помощи имъ. Но даже не находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ мѣстностями потерѣвшими отъ неурожаа нельзя не знать, что тамъ, гдѣ ничего не родилось и гдѣ нѣтъ почти никакихъ заработковъ, *должны быть голодъ* и что если его еще нѣтъ, то исключительно благодаря мѣрамъ правительства, которыя являются поэтому не преувеличенными, а волюмъ необходимыми.

Любопытно, что въ печати либеральныя и народолюбивыя *Новости* приняли на себя не легкую задачу доказывать, что голода у насъ не существуетъ, а есть только состояніе обостренной нужды. Можетъ-быть и такъ, но до сихъ поръ обостренную и неудовлетворенную нужду въ нищѣ принято было называть голодомъ. Допустимъ, что люди не ѣвшіе нѣсколько дней, или скудно питавшіеся негодными пищевыми продуктами, непытають не голодъ, а состояніе „обостренной спорадической нужды“, жаль только, что *Новости* не опредѣляютъ, когда можно признать переходъ этого состоянія въ дѣйствительный голодъ, до или послѣ смерти нуждающагося.

Если же *Новости* хотять сказать только, что хотя у насъ и есть теперь голодающіе, но число ихъ настолько не велико, что нельзя говорить о голодѣ въ смыслѣ общественнаго бѣдствія, то въ такомъ случаѣ онѣ напрасно не указываютъ, сколько сотъ тысячъ или миллионъ голодающихъ должно быть въ странѣ, чтобы признать существованіе въ пей голода.

Итакъ, замѣчаетъ *Вѣстникъ Европы*, по поводу взгляда *Новостей* на спорадическую обостренную нужду, „голода въ Россіи нѣтъ, а есть только обостренная спорадическая нужда; вся ошибка произошла отъ того, что столичные корреспонденты давно не бывали въ деревнѣ и не сумѣли повясть неожиданно печальное зрѣлище, которое она имъ представла. Но развѣ о голодѣ говорили до сихъ поръ только столичные корреспонденты? Развѣ мы не слышимъ о немъ съ самаго начала осени отъ коренныхъ обитателей деревни, хорошо знакомыхъ съ ея обычнымъ видомъ и давно привыкшихъ распознавать различныя степенн ея нужды?.. Какъ бы то ни было, увѣрить, что слово голодъ является вездѣ только средствомъ разжалобить правительство, сравнивать Россію съ колоссальною губкой, легко и безслѣдно всасывающею въ себя самыя тяжкія бѣдствія—значить поощрять поверхностное беззаботное отношеніе къ народной бѣдѣ, безъ того уже слишкомъ

распространенное въ нашемъ обществѣ. Въ этой бѣдѣ необходимо различать два элемента: *постоянный*, устранимый только постепенно путемъ сложныхъ законодательныхъ мѣръ, и *временный*, требующій неотложныхъ, единопдушныхъ и энергичныхъ успій правительства, общества и частныхъ лицъ“.

Несмотря на справедливость этого замѣчанія, на исключительность настоящаго положенія, которую признаетъ и *Вѣстникъ Европы*, онъ не въ состояніи отрѣшиться отъ своихъ теоретическихкихъ взглядовъ, хотя они явно непримѣнимы къ даннымъ обстоятельствамъ, по поводу циркуляра генерала Баранова. Редакція повидному колеблется и не знаетъ, какъ отнестись къ нему, когда онъ говоритъ, что земскій начальникъ не долженъ считать себя ни мировымъ судьей, ни чиновникомъ, и долженъ помнить, что во всѣхъ экстренныхъ случаяхъ, гдѣ онъ видитъ необходимость поступиться буквой того или другаго правила для достиженія успѣха дѣла, онъ долженъ принять на себя это отступление. „Допущеніе смертныхъ случаевъ отъ голода или доведеніе населенія до отчаянія не могутъ быть оправданы никакими ссылками на нумера входящихъ и исходящихъ журналовъ... Безъ промедленія и безо всякихъ формальностей земскій начальникъ долженъ моментально придти на помощь своимъ средствамъ и затѣмъ потребовать ее изъ подлежащихъ учреждений“, говоритъ генералъ Барановъ.

Не возражая противъ сущности высказанной въ этихъ словахъ мысли, *Вѣстникъ Европы* не можетъ не пожалѣть даже и здѣсь о томъ, что въ циркулярѣ слишкомъ подчеркивается мысль о различіи между земскимъ начальникомъ и мировымъ судьей.

Точно также по поводу отрѣшенія отъ должности председателя Лукояновской земской управы онъ не можетъ удержаться отъ сожалѣнія объ этомъ отрѣшеніи съ точки зрѣнія формально-юридическихкихъ гарантій правосудія, забывая о практическихъ результатахъ, которые дало бы соблюденіе всѣхъ формальностей.

Въ журналѣ засѣданія 17 ноября буквально сказано слѣдующее, говоритъ *Вѣстникъ Европы*: „Успѣху продовольственнаго дѣла въ Лукояновѣ много повредила мѣстная земская управа, болѣе чѣмъ сомнительная дѣятельность которой, въ особенноти председателя управы Валова, вынудила меня, то-есть губернатора, ходатайствовать о примѣненіи чрезвычайной мѣры; уже послѣдовало Высочайшее соизволеніе на удаленіе г. Валова отъ должности.“

„Изъ этого короткаго сообщенія не видно, продолжаетъ *Вѣстникъ Европы*, ни основаній, ни даже существа обвиненія, не видно было ли истребовано отъ г-на Валова объясненіе, всегда, даже въ маловажныхъ случаяхъ, предшествующее дисциплинарному взысканію, не видно почему ответственность пала только на г-на Валова, тогда какъ опороченъ образъ дѣйствій всей уѣздной управы, не видно, наконецъ, почему болѣе чѣмъ сомнительная, то-есть заключающая въ себѣ признаки преступности, дѣятельность предсѣдателя и членовъ Лукояновской земской управы не сдѣлана предметомъ судебного преслѣдованія.“

Всего это не видно, можетъ-быть, только тому, кто въ чрезвычайной мѣрѣ принятой губернаторомъ видитъ лишь опороченіе земской управы, непріятность для ея предсѣдателя, несоблюденіе обычныхъ правилъ дисциплинарнаго судопроизводства, а не мѣру, принятую въ видахъ обезпеченія продовольствія уѣзда. Неужели *Вѣстнику Европы* неизвѣстно, что при обычномъ способѣ возбужденія подобныхъ дѣлъ они длятся по десятку и болѣе лѣтъ, и не только въ голодный годъ, но и въ обычное время большая часть заинтересованныхъ въ нихъ лицъ успѣваетъ умереть до ихъ окончанія. Еслибы губернаторъ не рѣшился отступить отъ установленнаго въ законѣ порядка, все населеніе успѣло бы умереть съ голоду, прежде чѣмъ состоялось бы постановленіе о претаніи суду уѣздной управы. Въ настоящее время государство, общество и частныя лица должны дѣйствовать согласно, но для этого они должны, по крайней мѣрѣ теперь, относиться съ довѣріемъ другъ къ другу. Только государство могло дать тѣ громадныя средства, которыя необходимы, чтобъ обезпечить существованіе массы населенія, но только при содѣйствіи общества и частныхъ лицъ возможно обезпечить относительно правильное распределеніе этихъ средствъ и вникать въ отдѣльные случаи исключительной нужды.

* * *

Нѣтъ вымысла, фантазіи или суевѣрія, которые не могли бы найти себѣ въ наши дни самой благодарной почвы. Наука, такъ рѣшительно отвергающая все сверхъестественное, сама готова широко открыть ему двери лишь бы оно измѣнило свое названіе и вмѣсто чуда называлось бы физическимъ, психическимъ, патологическимъ или какимъ угодно явленіемъ. Не будучи въ состояніи проникнуть глубже поверхности виѣшнихъ чисто

матеріальныхъ явленій, „ученые“ провозгласили однако всѣ прежнія вѣрованія суевѣрїями, а религіозный и метафизическій фазисъ окончательно пережитымъ въ человѣческомъ развитіи.

Ограниченіе дѣйствительности сферой доступныхъ нашимъ чувствамъ матеріальныхъ явленій не могло не сузить и не признать идеаловъ той части человѣчества, которая повѣрила этимъ научнымъ теорїямъ.

При такого рода теорїяхъ только благодаря непослѣдовательности можно было сохранять еще какія бы то ни было высшія стремленія или этическія требованія; животный эгоизмъ былъ единственнымъ послѣдовательнымъ выводомъ изъ этихъ теорій. Но какъ бы низко ни падалъ по временамъ уровень умственнаго и нравственнаго развитія общества, оно не можетъ долго оставаться въ такомъ состояніи и ищетъ изъ него выхода, но не можетъ найти его; прежніе идеалы развѣчаны, дискредитованы, а новыхъ не существуетъ, все то, что предлагаетъ ему „наука“, иногда удивляетъ, но не волнуетъ и не увлекаетъ его, потому что это дѣло расчета и наблюденія. А между тѣмъ потребность идеала остается неудовлетворенною, и вотъ общество жадно бросается на каждое слово, въ которомъ слышатся ему новые идеалы. При этомъ оно обыкновенно увлекается не столько глубиною и послѣдовательностью мыслей, которыя не могутъ непосредственно дѣйствовать на чувства, сколько страстностью и искренностью говорящаго, и въ этомъ заключается разгадка тѣхъ общественныхъ явленій, которыя могутъ иногда ввести въ заблужденіе и заставить принять причину за слѣдствіе.

Вліяніе графа Л. Н. Толстаго, возрастающее съ каждымъ годомъ, составляетъ несомнѣнно явленіе любопытное. Тотъ, кто внимательно читалъ его послѣднія произведенія и кто можетъ относиться къ нимъ критически, едва ли можетъ сомнѣваться, что причина такого небывалаго у насъ вліянія книги на множество людей, вліянія до того сильнаго, что оно заставляетъ ихъ иногда совершенно переменить свой прежній образъ жизни, заключается не столько во внутреннемъ содержаніи этихъ произведеній, сколько въ формѣ выраженія, въ тонѣ съ одной стороны и въ подготовленности почвы съ другой. Въ самомъ дѣлѣ, этическія и социальныя ученія графа Толстаго не отличаются ни систематичностью и строгою послѣдовательностью, ни полною новизной. Въ сочиненіяхъ Ж. Ж. Руссо можно уже найти ббльшую часть теорій и взгля-

довь, которые мы встрѣчаемъ у графа Толстаго, у Руссо эти взгляды находятъ даже болѣе философское выраженіе. Но можетъ-быть именно благодаря этому качеству дѣйствіе ихъ мѣнѣе непосредственно.

Руссо старается быть вездѣ строго логичнымъ, у него есть, правда, множество увлекательныхъ и краснорѣчивыхъ мѣстъ, но они входятъ въ его систему, какъ составныя части, мѣсто которыхъ заранѣе опредѣлено и разсчитано, и вотъ почему, какъ только поколеблена одна изъ частей его ученія, все остальное начинаетъ колебаться и теряетъ свою убѣдительность. Даже въ повѣсти Руссо постоянно чувствуется обдуманность и преднамѣренность. Сила Л. Н. Толстаго заключается, наоборотъ, въ искренности и непосредственности чувства—непосредственности, которая заставляетъ читателя не слѣдить за тѣмъ, что продумано авторомъ, а думать вмѣстѣ съ нимъ. Нередко послѣ чтенія онъ можетъ убѣдиться, что мысли эти невѣрны, что онѣ противорѣчатъ другимъ его убѣжденіямъ, или несомнѣннымъ фактамъ, но во время чтенія онъ почти всегда находится подъ обаяніемъ этой непосредственности и искренности. Понятно, что для того, чтобы отблаться потомъ отъ этого обаянія и проверить свои впечатлѣнія, нужна критическая работа, которую не каждый желаетъ, да и не каждый можетъ исполнить. Для того же, кто узналъ въ прочитанномъ свои тревоги, свои сомнѣнія, кому почудилось тамъ рѣшеніе мучившихъ его вопросовъ, критическая работа можетъ казаться не только бесполезною, но и несправедливою, ему тяжело было бы отказаться отъ этихъ взглядовъ, даже еслибъ онъ долженъ былъ убѣдиться въ ихъ ошибочности, потому что

Тѣмъ мелкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Одна изъ особенностей людей мыслящихъ, живущихъ сознательною, а не исключительно животною жизнью, состоитъ въ томъ, что они никогда не могутъ вполне довольствоваться настоящимъ и всегда стремятся впередъ въ надеждѣ на лучшее. Философія и религія одинаково сходятся въ томъ, что послѣднія высшія цѣли человѣчества недостижимы въ этой жизни, которая можетъ быть лишь переходною ступенью къ высшимъ формамъ бытія. Неудовлетворенность настоящимъ не составляетъ свойства исключительно религіознаго и философскаго мышленія,

которое щеть удовлетворенія высшихъ потребностей человѣчества въ сферѣ вѣчнаго, непреходящаго; а между тѣмъ, какъ только къ дѣйствительной жизни предъявляются невыполнимыя требованія, они становится неизбежнымъ источникомъ противорѣчій и страданія.

Было бы однако весьма нежелательно избавиться отъ этихъ страданій цѣною самаго стремленія къ совершенству: такого рода покой былъ бы уже не покоемъ, а животнымъ равнодушіемъ.

Вотъ почему всякое истинное и искреннее стремленіе къ идеалу затрогиваетъ и захватываетъ все живое, не удовлетворяющееся окаменѣвшими формами, такъ-называемой, практической жизни. Нужды нѣтъ, что идеаль недоступимъ и часто неясно сознавъ даже тѣмъ, кто его выставляетъ, какъ цѣль человѣческой дѣятельности.

Чѣмъ болѣе отодвигались на второй планъ религіозныя и метафизическія задачи, чѣмъ болѣе положительныя науки старались оттѣснить ихъ въ область фантазій, тѣмъ сильнѣе чувствовалась въ обществѣ потребность чѣмъ-нибудь замѣнить ихъ. Пренія вѣрованія и пренія стремленія, которыя уступали мѣсто наивному скептицизму, унаслѣдованному отъ восемнадцатаго вѣка, оставляли въ умахъ невыносимую пустоту, которую не въ состояніи были пополнить чисто внѣшніе, хотя и блестящіе успѣхи положительныхъ наукъ.

Въ этой неудовлетворенности всѣхъ высшихъ потребностей, въ этомъ исчезновеніи всѣхъ старыхъ идеаловъ и отсутствіи новыхъ заключается, можетъ-быть, причина успѣха въ нашъ вѣкъ самыхъ невѣроятныхъ гипотезъ и ученій.

Посмотримъ теперь въ чемъ состоитъ тотъ „возвышающій обманъ“, который дѣлаетъ ученіе графа Толстаго столь дорогимъ для его послѣдователей и придаетъ такую силу его проповѣди?

Въ томъ, что Л. Н. Толстой пытается перенести христіанскій идеаль изъ сферы вѣчнаго и сверхчувственного, которая для многихъ потеряла уже реальное значеніе, въ сферу земнаго и временнаго. Въ этомъ заключается и сильная, и слабая сторона проповѣди графа Толстаго: она приспособляетъ Евангеліе къ умственному уровню современнаго общества. Это болѣе или менѣе бессознательное приспособленіе идетъ весьма далеко. Страшно видѣть, до какой степени въ этомъ отношеніи гр. Толстой подчиняется рѣшеніямъ такъ-называемой науки, къ которой онъ же относится такъ пренебрежительно въ другихъ случаяхъ.

Но именно эта слабость съ точки зрѣнія философской сторона его ученія придаетъ особую доступность и убѣдительность его проповѣди въ средѣ общества, которое привыкло подчиняться научнымъ приговорамъ еще болѣе безирекословно.

Еслибы проповѣдь гр. Толстаго могла вліять на людей сохранившихъ твердую вѣру въ сверхчувственное мистическое божественное значеніе христіанскихъ истинъ, ее можно было бы считать вреднымъ заблужденіемъ, такъ какъ высшій идеаль она замѣняла бы низшимъ: но не къ убѣжденнымъ и вѣрующимъ христіанамъ относится эта проповѣдь, а къ обществу, христіанскому только по названію, къ обществу, гдѣ не только господствуетъ полный индифферентизмъ, но гдѣ самая вѣра и проявленія ея перѣдко служатъ средствами для достиженія совершенно земныхъ цѣлей. Въ сравненіи съ такою практическою вѣрой, заблужденія графа Толстаго являются неистиннѣ возвышающимъ обманомъ. Съ точки зрѣнія религіозной, ученіе графа Толстаго есть, конечно, глубокое заблужденіе, но съ этой точки зрѣнія нельзя судить о немъ, потому что его исходная точка совсѣмъ иная, равно какъ и его задачи.

Что касается основанія его этики, то мы не станемъ подробно разсматривать его теорію о непротивленіи злу. Дѣятельность самого графа Толстаго за послѣдніе мѣсяцы можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ этой теоріи. Если не надо бороться со зломъ, почему же надо помогать голодающимъ, и если надо, то какъ? достаточно ли накормить ихъ? Такого рода сомнѣнія являлись еще графу Толстому нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, судя по письму его, напечатанному въ *Новостяхъ*; но достаточно было болѣе близкаго соприкосновенія съ дѣйствительностью, чтобы всѣ такіа сомнѣнія исчезли и остался только вопросъ: какимъ образомъ дѣйствительно помочь дѣйствительному бѣдствію?

Какого бы мѣнія мы ни держались о пользѣ или вредѣ нравственнаго вліянія гр. Толстаго на общество, несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ онъ первый указалъ простѣйшій и практической способъ пособія голодающимъ, такой путь, гдѣ помощь вѣрше всего достигаетъ цѣли и гдѣ менше всего вѣроятны злоупотребленія.

Другая вѣрвая и важная мысль, которая была высказана графомъ Толстымъ однимъ изъ первыхъ, состоитъ въ томъ, что нельзя и не слѣдуетъ кормить хлѣбомъ тѣхъ, кто можетъ его заработать,

что такого рода кормленіе не только практически не осуществимо, но и развращающе подѣйствовало бы на энергію народа, еслибы могло быть выполнено; что народъ самъ долженъ напрягать всѣ силы, чтобы бороться съ постигшимъ его бѣдствіемъ, а люди матеріально обезпеченные могутъ только помочь ему въ этой борьбѣ; правда, что въ своемъ увлеченіи индивидуалистической точкой зрѣнія, сводящей все къ личной нравственности, Л. Н. Толстой почти проглядѣлъ роль государства, значеніе и сила котораго яснѣе всего сказываются въ такіе моменты, какъ переживаемый нами.

Только благодаря государству миллионы людей не умерли уже голодною смертію. Задача выпавшая на долю государства была бы совершенно не по силамъ частной благотворительности; всѣ частныя пожертвованія являются совершенно недостаточными въ сравненіи съ размѣрами дѣйствительной нужды.

До тѣхъ поръ пока дѣло идетъ о личной индивидуальной нравственности, любовь и состраданіе несомнѣнно представляютъ этической идеаль, къ которому можно и должно стремиться и степень приближенія къ которому зависеть не столько отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько отъ личнаго характера каждаго.

Совсѣмъ другое дѣло въ сложныхъ, общественныхъ и государственныхъ жизненныхъ условіяхъ, гдѣ вопросы не могутъ рѣшаться непосредственнымъ личнымъ чувствомъ и необходимо тонкое и спокойное взвѣшиваніе справедливости и общей пользы; конечно, эта польза находится во времени и потому значеніе ея съ точки зрѣнія религіозной или метафизической можетъ казаться ничтожнымъ, но какъ бы то ни было, для рѣшенія житейскихъ отношеній она имѣетъ рѣшающее значеніе.

Для религіи и метафизики, государства и учрежденія, какъ ничто временное и преходящее, почти не существуютъ.

Только непреходящее индивидуальное въ человѣкѣ, его сущность или душа, составляютъ для нихъ ничто реальное. Совсѣмъ другое дѣло въ политикѣ и въ положительномъ правѣ: послѣднія высшія задачи лежатъ совершенно внѣ ихъ сферы. Они имѣютъ дѣло не съ человѣческой сущностью, а съ человѣческими отношеніями, они должны разсматривать эти отношенія не между идеальными людьми, какими они должны были бы быть, а между живыми людьми, какъ они есть, со всѣми ихъ пороками, слабостями и увлеченіями.

Именно эту сторону въ отношеніи идеала къ дѣйствительной

жизни и уносится изъ виду гр. Толстой и даетъ этимъ поводъ ко многимъ умашленнымъ и неумашленнымъ недоразумѣніямъ и даже къ смѣшенію его ученія съ антигосударственными теоріями, съ которыми оно не имѣетъ ничего общаго. Государство является для него не гражданскою силой, положительно препятствующею осуществленію новаго и лучшаго соціальнаго порядка, о которомъ мечтаютъ революціонеры всевозможныхъ оттѣнковъ, а только излишнимъ ненужнымъ учрежденіемъ, безъ котораго жизнь человѣчества могла бы идти такъ же успѣшно, если бы не успѣшнѣе, поэтому мы напрасно стали бы искать у него какихъ-нибудь опредѣленныхъ взглядовъ на лучшую форму государственнаго устройства, на общественныя учрежденія: на законодательство—все это излишне, все это ненужно, нужна только личная нравственность.

Оно и понятно; вся задача государства состоитъ въ борьбѣ со зломъ, а гр. Толстой находитъ, что не только въ частной жизни, но и въ общественной бороться со зломъ не слѣдуетъ, для него война или смертный приговоръ произносимыи судьями являются такимъ же убійствомъ, какъ и всякое другое, а принужденіе во имя общественной пользы и безопасности такимъ же насильемъ, насиліе же, по его мнѣнію, не можетъ оправдываться никакими цѣлями. Такого рода взглядъ можетъ быть несогласнымъ съ дѣйствительностью, онъ можетъ быть полонъ внутренними противорѣчіями, но основать на немъ революціонную пропаганду совершенно невымыслимо потому, что всякая революція есть именно не что иное, какъ *насильственный переворотъ*. Только намѣренно искажая или скрывая эту сторону теоріи гр. Толстаго, можно смѣшивать ее съ антигосударственными ученіями, стремящимися къ испроверженію существующаго порядка.

Можно спорить противъ мнѣній Л. Н. Толстаго и опровергать его заблужденія, но въ смыслѣ государственномъ заблужденія эти какутел намъ тѣмъ менѣе опасны, чѣмъ болѣе они очевидны. Отрицаніе государства въ той формѣ и въ томъ смыслѣ какъ оно является у гр. Толстаго, по нашему мнѣнію, бесполезно и такъ же безопасно, какъ еслибы кто-нибудь вздумалъ отрицать силу тяжести и находить ее ненужною, предполагая совершенно иной, а не дѣйствительный міръ.

Утвержденіе о бесполезности государства основано у гр. Толстаго, очевидно, на предположеніи о людяхъ такихъ, какими они должны быть, а не такихъ, каковы они въ дѣйствительности

Не дѣлайте зла и зло не будетъ, говоритъ гр. Толстой, и слѣдовательно бесполезно будетъ то учрежденіе, которое должно бороться съ нимъ. Ошибочность этого аргумента очевидна для каждаго: недостаточно сказать не дѣлайте зла, чтобы зло перестало дѣлаться, и недостаточно даже самому перестать его дѣлать для того, чтобы перестали его дѣлать другіе. Еслибы такого предписанія было довольно, то на землѣ уже почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ наступило бы царствіе Божіе, о которомъ и до сихъ поръ Церковь продолжаетъ только молиться.

Какъ бы ни было сужено и умалено понятіе религіи въ ученіи графа Толстаго, если разсматривать съ точки зрѣнія практической нравственности, несомнѣнно, что оно весьма близко къ идеаламъ христіанства. Ошибка состоитъ только въ томъ, что Л. Н. Толстой отрицаетъ то, что христіанствомъ признается какъ фактъ, въ томъ, что, не касаясь области сверхчужественнаго, онъ требуетъ преслѣдованія на землѣ такого идеала, осуществленіе котораго здѣсь невозможно. Конечно, идеаль лишь до тѣхъ поръ и можетъ быть идеаломъ, пока онъ не становится дѣйствительностью, но съ другой стороны, необходимо, чтобы была возможность приближенія къ нему, иначе онъ не будетъ ничѣмъ отличаться отъ чистой фантазіи.

Между положительными требованіями закона, и даже религіи, и послѣдними высшими религіозными и нравственными идеалами остается еще широкое поле дозволеннаго; чѣмъ выше ставится для каждаго человѣка его нравственная задача, тѣмъ болѣе суживается для него сфера дозволеннаго. Не было бы бесполезно, и даже опасно, виѣшнимъ образомъ суживать чрезмѣрно эту сферу; вмѣсто высшей степени совершенства получились бы грѣхъ и преступленіе, а стремленіе къ такому идеалу, приближеніе къ которому непосильно, вызвало бы въ самомъ непродолжительномъ времени только отчаяніе, полное равнодушіе и апатію.

Высшіе, хотя и недостижимые, идеалы необходимы человѣчеству, какъ путеводная звѣзда, по которой оно можетъ судить о другихъ, менѣе далекихъ цѣляхъ, но смѣшеніе ихъ съ положительными требованіями закона и нравственности не можетъ не повести къ постояннымъ противорѣчіямъ, грозя превратить идеаль въ утопію.

Мы не разъ уже имѣли случай говорить о замѣчательныхъ статьяхъ А. Леруа Болье въ *Revue des deux Mondes*.

Въ январьской книжкѣ этого журнала онъ помѣстилъ вторую статью о панствѣ и демократіи, гдѣ разсматриваетъ государственннй социализмъ и отношеніе къ нему римскаго престола. Онъ старается совмѣстить полное уваженіе къ панскому авторитету съ научною независимостью, не допускающею возможности перенесенія догмата непогрѣшимости на почву экономическихъ и социальныхъ вопросовъ.

„Можно, говоритъ онъ, сдѣлать нѣчто лучшее, чѣмъ курить фиміамъ передъ мудростью первосвященника въ хвалебныхъ формулахъ, неваряющихся какъ дымъ. Пана насыщенъ поклоненіемъ, и еслибъ онъ не боялся оскорбить набожность сыновъ своихъ, онъ сказалъ бы намъ, что съ него довольно ладана, и что онъ усталъ слушать людей, которые говорятъ съ нимъ только стоя на колѣняхъ.“

Руководствуясь этимъ соображеніемъ и воздавая дань почитенія мудрости и умѣренности пана въ социальныхъ вопросахъ, Леруа Болье позволяетъ себѣ, однако, нѣкоторыя отклоненія отъ этихъ взглядовъ, а иногда и легкую иронію, онъ вообще менѣе интервенціонистъ и менѣе демократъ чѣмъ пана, менѣе чѣмъ пана довѣряетъ современному государству.

Изучая взгляды пана на отношеніе государства къ социальнымъ и экономическимъ вопросамъ, Леруа Болье замѣчаетъ въ нихъ нѣкоторое колебаніе, которое, по его мнѣнію, „объясняется скорѣе трудностями предмета, чѣмъ нерѣшительностью пана. Всякая интервенціонистическая теорія осуждена на такія колебанія подъ опасеніемъ впасть въ социализмъ. Допустивъ въ принципѣ вмѣшательство государства, можно избѣгнуть социализма только круто удаляясь отъ него каждый разъ, когда готовъ коснуться его: въ этомъ состоитъ неудобство самаго принципа, онъ тяжелъ, онъ гнететъ васъ, онъ грозитъ увлечь своею тяжестью.“

Указывая на опасность обоготворенія государства, обоготворенія, которое въ наши дни сказывается съ новою силой и въ народѣ и въ обществѣ и заставляеть ихъ только отъ государства ожидать всевозможныхъ благъ, онъ замѣчаетъ: „Мы возвращаемся быстрыми шагами къ апотеозѣ кесарей, съ тою только разницей, что вмѣсто поклоненія государству въ лицѣ челоуѣка, состоящаго изъ плоти и крови, народы, поклоняются сами себѣ въ абстракціи, падая въ прахъ передъ

анонимнымъ подомъ, въ которомъ наши демократы сами себя обоготворяютъ. Но эта статолатрія, да простятъ намъ этотъ варваризмъ, кажется намъ несомвѣстимою съ духомъ христіанства, которое никогда не соглашалось воздавать кесарю то, что принадлежитъ Богу.“

Вотъ что заставляетъ Леруа Болье относиться весьма сдержанно къ расширенію сферы государственной дѣятельности; такое расширеніе кажется ему особенно нежелательно съ точки зрѣнія религіозной, оно могло еще быть допущено, когда государство подчинялось церкви, или, по крайней мѣрѣ, шло съ нею рука объ руку, когда оно олицетворялось въ Лудовикѣ Святомъ или Филиппѣ Второмъ, но современное государство не называется уже ни Лудовикомъ Святымъ, ни Филиппомъ II, ни Фердинандомъ II. Вчера государство называлось Гладстономъ, Тисою, Орбанъ, Ферри, а какъ оно будетъ называться завтра, какъ оно будетъ называться черезъ десять лѣтъ? Никому это неизвѣстно, Риму не болѣе чѣмъ Парижу. Средневѣковое государство стараго режима даже при самыхъ гордыхъ своихъ притязаніяхъ и самыхъ дерзкихъ захватахъ не стыдилось преклоняться передъ Богомъ, оно признавало, что власть его исходитъ отъ Бога, если не отъ церкви. Оно считало себя обязаннымъ заставлять уважать божественные законы. Даже тогда, когда государство отказывалось слѣдовать за папой или за духовенствомъ, оно хотѣло все-таки сохранить руководительство Евангелія и Христа. Понятно, что въ такую эпоху церковь склонна была расширять предѣлы власти государства.

Но обстоятельства совершенно измѣнились съ тѣхъ поръ. Подъ государствомъ папа разумѣтъ въ своей энцикликѣ, *Immortale Dei*, не то или другое правительство, установленное у того или другаго народа, а всякое управленіе, соотвѣтствующее требованіямъ естественнаго разума и божественной премудрости, какими онъ самъ изобразилъ ихъ въ энцикликѣ о христіанскомъ учрежденіи государствъ.

Но это христіанское государство согласное съ требованіями естественнаго разума и божественной премудрости, гдѣ оно? спрашиваетъ Леруа Болье, о немъ осталось только воспоминаніе, такъ какъ осуществленія его папа не можетъ, конечно, искать въ Россіи; но не пчезнувшія или фантастическія государства, а государства современныя долженъ онъ былъ имѣть въ виду въ своихъ энцикликкахъ.

„А это современное государство, продолжаетъ Аеруа Болле, мы не доверяемъ ему, свѣтѣйшій отецъ, мы не доверяемъ ему не только какъ граждане, но и какъ христіане, и вы простите намъ это недовѣріе, потому что мы чувствуемъ, что вы и сами его раздѣляете; это современное государство, монархическое или республиканское, государство бюрократическое, проникающее повсюду государство избирательное, акеальное и политекальное, измѣнчивое, безсвязное, капризное, захватывающее то, что принадлежитъ семьямъ, частнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ, мы боимся чрезмѣрнаго расширенія компетенціи этого государства. Мы слишкомъ хорошо его знаемъ, чтобы отдаться ему. Намъ по опыту извѣстно, какъ тяжела и неуклюжа его рука, насколько способны дѣйствія его насильственны, придиричны, произвольны и тиранничны, какъ они самоадѣянны и какъ дорого обходится.

„Сама церковь, ваши епископы, ваши священники, ваши монахи, сами вы, свѣтѣйшій отецъ, могли отчасти испытать это. Вы знаете, что оно такъ часто дѣлало изъ вашихъ школъ, изъ вашихъ братствъ, изъ вашихъ монастырей, изъ вашихъ новіціатовъ.— Вашъ излюбленный учитель святой Оома говорилъ про государство, что оно есть служитель Бога въ добрѣ, *minister Dei in bonum*. Но всегда ли современное государство становится служителемъ Бога?

„Ваші почтенные предшественники, а иногда и сами вы, свѣтѣйшій отецъ, строго упрекали людей, которые смѣютъ называться либералами, людей, которые въ политикѣ, какъ и въ религіи, защищаютъ свободу въ томъ, что вмѣстѣ со свободой добра они требуютъ свободы зла и признаютъ за заблужденіемъ такія же права, какъ за истиной. Всегда ли упрекъ этотъ былъ основателенъ, это другой вопросъ, въ данномъ случаѣ неважный, но замѣйте, свѣтѣйшій отецъ, современное государство, государство атеистическое, государство франмасонское, какъ утверждаютъ многіе изъ вашихъ сыновъ, новое государство, народившееся изъ демократіи; мы не разъ уже видѣли, какъ оно оставляло свободу только тому, что вы называете зломъ и признавало права только за тѣмъ, что вы считаете заблужденіемъ. Со стороны церкви забывать объ этомъ казалось бы намъ болѣе чѣмъ христіанскимъ великодушіемъ. Но вы лучше насъ знаете, свѣтѣйшій отецъ, что должна дѣлать церковь.

„Современное государство не вдохновляется ни христіанскою

вѣрой, ни божественнымъ закономъ, ни идеальной справедливостью, которую вы предписываете ему, въ качествѣ руководителей,—оно вдохновляется большею частью только духомъ партій и минутными увлеченіями, его законъ и правило не справедливость, а избирательныя выгоды, оно не только не составляетъ безпристрастно спокойной власти, возвышающейся надо всеми классами и справедливо заботящейся объ интересахъ всѣхъ, какъ вы рекомендуете ему, то государство, которое мы знаемъ, которое мы видимъ на дѣлѣ у насъ во Франціи, то, о которомъ ваше святѣйшество можетъ судить въ Италіи, государство это по существу своему пристрастное, возникнувъ изъ управленія партій, оно такъ-сказать уже по опредѣленію своему пристрастно (парціально).“

Все это заставляетъ автора относиться скептически къ государственному вмѣшательству при разрѣшеніи социальныхъ вопросовъ. Какимъ же образомъ можетъ Левъ XIII относиться довѣрчивѣе и сочувственнѣе къ такому вмѣшательству, несмотря на явно враждебное отношеніе современнаго государства къ церкви?

Дѣло здѣсь, повидямому, не столько въ религіозныхъ и нравственныхъ соображеніяхъ, сколько въ политическихъ. Вмѣшательство государства въ вопросы социальные даетъ папству поводъ или предлогъ для вмѣшательства въ дѣла государственныя. Въ социальной борьбѣ, руководя милліонами вѣрующихъ, папство можетъ сдѣлаться болѣе могущественною политическою силой, чѣмъ когда бы то ни было, силой тѣмъ большею, что, представляя собою лишь духовный авторитетъ, оно совершенно неуязвимо со стороны свѣтской власти.

Есть ли такое руководство борьбой изъ-за временныхъ матеріальныхъ благъ истинное призваніе намѣстника святаго Петра, это другой вопросъ, но несомнѣнно, что онъ можетъ играть въ ней выдающуюся роль и, повидямому, не намѣренъ отъ нея отказываться.

Весьма интересно, что Левъ XIII въ концѣ своей дѣятельности беретъ за рѣшеніе вопроса, который не совсѣмъ удачно пытался рѣшить Вильгельмъ II въ началѣ своего царствованія. Но если рѣчи императора, облеченнаго громадною матеріальною властью, не всегда являются дѣломъ, а часто помѣхой дѣлу, то несомнѣнно, что для ватиканскаго добровольнаго узника проповѣдь составляетъ главную, если не единственную возможную форму политической дѣятельности. Папы не могутъ дѣлать такихъ крутыхъ поворо-

товъ въ своемъ политическомъ міросозерцаніи, какъ свѣтскіе государи, особенно тогда, когда они предъ всеѣмъ свѣтомъ оглашаютъ это міросозерцаніе, хотя бы и предоставляя вѣрующимъ католикамъ самимъ рѣшить, за что считать это міросозерцаніе: за ученіе ли церкви, или за личное мнѣніе того, кто облеченъ папскою властью?

Надо отдать справедливость Льву XIII, что, оставляя подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ вопросъ о томъ, какъ онъ высказывается, въ качествѣ ли непогрѣшимаго намѣстника св. Петра или только въ качествѣ христіанскаго философа, онъ оставляетъ достаточный просторъ своимъ наследникамъ и даетъ имъ возможность постепенно приготовить католическій міръ къ измѣненію церковной политики.

Самая эта мудрость и предусмотрительность имѣютъ въ себѣ однако нѣчто не вполне привлекательное. Въ такое время, когда вѣра колеблется, папа не рѣшается, повидимому, несмотря на свою непогрѣшимость, говорить, какъ власть имѣющей, онъ только совѣтуетъ, и то не вполне опредѣленно, онъ не ограничивается назиданіями, касающимися чисто религіозныхъ вопросовъ, а вопросовъ политическихъ касается довольно глухо, предоставляя личной инициативѣ или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Несмотря на вселенскій характеръ папскихъ энцикликъ, почему-то кажется, что онѣ имѣютъ въ виду преимущественно Францію, эту старшую дочь католической церкви, находящуюся теперь въ особенно затруднительномъ и неопредѣленномъ положеніи.

Понятно, что не всеѣмъ опредѣленныя наставленія папы говорящаго о правахъ и обязанностяхъ христіанскаго государства, но не указывающаго, гдѣ такое государство находится, нашли больше сочувствія въ официальныхъ сферахъ, чѣмъ въ убѣжденныхъ католикахъ.

Новости выражаютъ сожалѣніе, что послѣднія папская энциклика опоздала нѣсколькими днями, такъ какъ она могла будто бы предупредить министерскій кризисъ во Франціи,—едва ли это такъ. Едва ли папскія указанія могли примирить правую съ правительствомъ, которое только терпѣло церковь изъ политическихъ соображеній. Тѣмъ менѣе могло оно удовлетворить лѣвую, которая видѣла въ этой терпимости уступку и потворство монархистамъ и клерикаламъ.

Министерство успѣшно вело внѣшнюю политику Франціи, но

этого недостаточно, и палата, повидимому, не безъ основанія думаетъ, что эта внѣшняя политика мало зависить отъ личнаго состава кабинета; положеніе въ настоящее время слишкомъ ясно. Никто не желаетъ войны, но въ случаѣ нарушенія мира группировка державъ очевидна сама собой, и какъ въ интересахъ страны, такъ и въ интересахъ мира необходимо только поддерживать существующія отношенія.

Вотъ почему министерскій кризисъ, весьма серьезный для внутренняго положенія Франціи, едва ли можетъ оказать какое-либо вліяніе на иностранную политику, если только онъ не повлечетъ за собою слишкомъ крупныхъ безпорядковъ внутри страны, чего едва ли есть основаніе опасаться въ настоящее время.

Кто замѣнитъ у власти гг. Фрейсине и Констана, для иностранныхъ державъ почти безразлично, если только новое правительство не пожелаетъ вступить на путь политики приключеній, но послѣ смерти генерала Буланже это мало вѣроятно.

* * *

Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ Германскій императоръ пробовалъ мирнымъ образомъ рѣшить социальный вопросъ и самъ сталъ во главѣ социальнаго движенія, но идеалы Вильгельма II, какъ не трудно было предвидѣть, оказались не совсѣмъ тѣми, о которыхъ мечтали социаль-демократы. Большинство Германскаго народа со своей стороны не только не приняло съ восторгомъ новаго курса, даннаго кораблю новымъ кормчимъ, но отнеслось къ нему скептически, опасаясь тѣхъ подводныхъ камней и мелей, на которые вель этотъ курсъ. Сомнѣнія и опасенія эти, усиливающіяся съ каждымъ днемъ, стали настолько общими, что императоръ отвѣтилъ на нихъ въ новой застольной рѣчи съ увлеченіемъ, къ которому не успѣло пріучить даже его горячее краснорѣчіе.

„Къ сожалѣнію, сказалъ онъ, стало обычнымъ на все нападать и все осуждать что бы правительство ни дѣлало. Подъ самымъ пустымъ предлогомъ нарушается спокойствіе людей и отравляется радость, которую они находятъ въ жизни и въ процвѣтаніи всего нашего обширнаго отечества. Эти нападки и эти осужденія вызываютъ въ концѣ концовъ у нѣкоторыхъ людей мысль будто наша страна самая несчастная и хуже всѣхъ управляемая въ мірѣ, и что проживать въ ней — настоящее мученіе. Не лучше

ли было бы еслибы недовольные и брюзжащіе люди отрясли германскій прахъ со своихъ туфель и поскорѣе удалились отъ нашихъ скверныхъ и жадныхъ поряковъ? Этимъ они исправили бы свое положеніе, а намъ доставили бы большое удовольствіе.“

Въ заключеніе императоръ выразилъ убѣжденіе, что одними ходячими фразами стѣлать ничего нельзя, а на постоянныя непріязненные нападки на новый курсъ отвѣтить: „Мой курсъ правильный и я буду имъ идти и впредь; я твердо увѣренъ, что вѣрные Бранденбургцы мнѣ въ этомъ помогутъ“.

Но вѣрные Бранденбургцы отвѣтили на это уличнымъ бунтомъ въ Берлинѣ, продолжавшимся нѣсколько дней, несмотря на внимательство вооруженной силы. Не есть ли это первое появленіе тѣхъ духовъ, которыхъ вызвалъ неопытный заклинатель и съ которыми уже не въ силахъ справиться?

Въ печати появились сообщенія о жестокомъ обращеніи съ солдатами въ германской арміи; по этому поводу происходили въ рейхстагѣ горячія пренія, окончившіяся пораженіемъ канцлера, старавшагося защищать существующіе порядки съ точки зрѣнія поддержанія военной дисциплины.

Самый фактъ жестокости не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ онъ удостовѣренъ оффиціальными документами. Можно спорить только о значеніи этихъ фактовъ. Конечно, съ точки зрѣнія военной дисциплины время Фридриха Великаго, современное обращеніе съ солдатами тамъ можетъ считаться даже гуманнымъ. Но вопросъ о жестокомъ обращеніи съ солдатами, о способахъ поддержанія военной дисциплины получаетъ въ наше время совѣмъ иное значеніе въ виду того, что всеобщая воинская повинность, распространившаяся на все страны Европы, совершенно измѣнила характеръ и отношенія въ теченіе многихъ вѣковъ существовавшія въ военной службѣ. Войско выиграло въ численности, но оно перестало существовать какъ особое сословіе, со своими правами, со своими обычаями, со своими особыми понятіями о чести и о долгѣ: если нѣкоторыя особенности продолжаютъ еще держаться въ силу инерціи и традицій, то онѣ все-таки постепенно сглаживаются съ теченіемъ времени. Хорошо это или худо—другой вопросъ, но это во всякомъ случаѣ фактъ, съ которымъ необходимо считаться. Невозможно ожидать отъ людей, поступающихъ въ полкъ только временно, чтобъ они относились къ своему дѣлу совершенно такъ же, какъ еслибы они намѣревались посвятить ему всю свою жизнь.

Главные постоянные интересы ихъ остаются внѣ его, но и это дѣлаетъ для нихъ еще болѣе чувствительнымъ и тяжелымъ то положеніе, которое не является неизбежнымъ, не связано окончательно со всею ихъ жизнью и невыгода котораго не покупается какими-нибудь пными преимуществами.

Но и по другимъ соображеніямъ всеобщая воинская повинность дѣлаетъ особенно необходимою крайнюю осторожность въ выборѣ мѣръ для поддержанія дисциплины въ войскахъ.

Тогда какъ прежнія арміи составляли нѣчто замкнутое, болѣе или менѣе оторванное отъ остальной массы населенія, живущее своею жизнью, имѣющее свои особые интересы, современные арміи составляютъ только часть народа въ каждой семьѣ, есть члены, которые входятъ или входили въ составъ этой арміи. Все что происходитъ въ войскѣ не можетъ поэтому не интересовать самымъ живымъ образомъ всю массу населенія и не можетъ не быть ей извѣстно. Нельзя однако ожидать отъ народа, чтобъ онъ ясно сознавалъ важность и необходимость военной дисциплины особенно въ мирное время, а между тѣмъ для государственной безопасности она имѣетъ громадное значеніе, и вотъ необходимо является нѣкоторое противорѣчіе между взглядомъ правящихъ сферъ и отношеніемъ къ войску народныхъ массъ. Сторонники всеобщей воинской повинности думаютъ, что посредствомъ ея можно дисциплинировать народъ, но, кажется наоборотъ, она скорѣе ослабитъ дисциплину въ войскахъ. Что же касается тѣхъ болѣе чѣмъ строгихъ мѣръ для поддержанія ея, обращенія которыхъ обсуждались въ германскомъ рейхстагѣ, то онѣ могутъ только еще болѣе ослабить ее, вызывая неизбежную реакцію не только среди общества, но и среди болѣе просвѣщенныхъ начальствующихъ лицъ арміи.

Если ненормальное положеніе, создавшееся почти повсемѣстно въ отношеніяхъ народа и арміи, продлится еще нѣсколько десятилѣтій, то легко можетъ случиться, что арміи, единственное назначеніе которыхъ состоитъ въ охранѣ внѣшней и внутренней безопасности, станутъ сами источникомъ серьезныхъ опасеній. Если теперь уже по поводу ихъ возникаютъ даже въ германскомъ рейхстагѣ вопросы, по которымъ правительство остается въ меньшинствѣ, что же будетъ тогда, когда социалистамъ удастся достигнуть новыхъ успѣховъ, въ чемъ едва ли возможно сомнѣваться, и когда они, разумѣется, постараются привлечь армію на свою сторону.

Въ той борьбѣ съ социализмомъ, которая предстоить почти всемъ государствамъ, не обойдется, конечно, безъ самыхъ острыхъ столкновений, и рѣшающую роль придется играть вооруженной силѣ; этого не должны бы забывать тѣ правительства, которыя, увлекаясь идеей вѣшняго могущества и страшась болѣе или менѣе призрачныхъ опасностей, создаютъ внутри государства опасность гораздо болѣе серьезную. Чтобы порядокъ былъ обезпеченъ въ странѣ, войско должно быть послушнымъ орудіемъ, рукой правительства, оно должно оставаться совершенно чуждо всякой политикѣ, это аксіомы, но какъ достигнуть согласованія съ ними, когда сегодняшній солдатъ завтра становится избирателемъ, когда объ его интересахъ заботится и принимаетъ его подъ защиту не правительство, которому онъ обязанъ безпрекословнымъ повиновеніемъ, а оппозиціонныя партіи парламента? Положеніе дѣйствительно серьезное; казалось бы стѣнить подумать о немъ и постараться сформировать армію, которая могла бы дѣйствительно быть твердою охраной порядка, а не заботиться только о численномъ ея увеличеніи посредствомъ насильственнаго привлеченія въ нее самыхъ разнородныхъ элементовъ, могущихъ внести въ нее только политиканство и разложеніе.

Только до тѣхъ поръ пока армія составляетъ нѣчто цѣльное и замкнутое, чуждое всякихъ мѣстныхъ или партійныхъ интересовъ, до тѣхъ поръ она можетъ дѣйствительно достигать своего назначенія. Быть временно вошномъ такъ же невозможно, какъ временно быть священникомъ, потому что въ дѣло это надо положить все свои интересы: вотъ почему почти во все времена богослуженіе и охрана отечества носили болѣе или менѣе замкнутый сословный характеръ.

Современные законы и современныя ученія, сглаживающіе не только болѣе или менѣе искусственныя сословныя различія, но и такія которыя основываются на самой природѣ вещей, создали аномалію, послѣдствія которой не успѣли еще проявиться во всей своей силѣ.

* * *

Въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* г. Татищевъ, обсуждая невзгоды, постигшія Болгарію вообще и г. Стамбулова въ особенности, вспоминаетъ свое свиданіе съ болгарскимъ диктаторомъ, когда онъ разыгралъ относительно его роль Кассандры.

„Не легко было г. Стамбулову, говорить онъ по поводу развязки дѣла съ Шадурномъ,—рѣшиться на уступку ставящую его въ прямое противорѣчіе съ началомъ самостоятельности Болгаріи, тѣмъ самымъ началомъ, за поборника и представителя котораго онъ выдаетъ себя предъ своими сторонниками. Въ эту тяжкую для него минуту болгарскій министръ-президентъ не могъ не вспомнить того, что мы говорили ему при свиданіи полтора года назадъ, а именно, что потворство нынѣшнихъ друзей Болгаріи никогда не пойдетъ далѣе признанія Кобурга болгарскимъ княземъ и что онъ, Стамбуловъ, встрѣтится съ дружнымъ ихъ противодействіемъ каждый разъ, когда зайдетъ рѣчь объ осуществленіи въ той или другой степени притязаній Болгаръ на независимость ихъ родины.“

Сожалѣя о томъ, что г. Стамбуловъ не сумѣлъ оцѣнить услугъ, оказанныхъ Болгаріи Россіей, г. Татищевъ продолжаетъ: „Если въ запальчивомъ самоищѣніи г. Стамбуловъ упускалъ изъ виду эту несомнѣнную истину, когда дерзко порывалъ историческія узы, связующія новорожденную Болгарію съ великодушною ея освободительницею, то едва ли онъ станетъ отрицать ее въ настоящую минуту. Чья бы рука ни нанесла ему рану, приковывающую его нынѣ къ болѣзненному одру, онъ не можетъ не предаваться горькимъ размышленіямъ, случая то къ чему стремился съ результатомъ добытымъ на самомъ дѣлѣ, и чѣмъ искреннѣе было увлеченіе, тѣмъ мучительнѣе должно быть разочарованіе.“

Что касается Россіи, то, какъ ни велика сострадательность Русскихъ людей, въ настоящее время они вѣроятно не особенно интересуются тѣмъ, насколько горьки размышленія г. Стамбулова и насколько мучительно постигшее его разочарованіе.

Но если не только г. Стамбуловъ, но и политическіе противники его *„такіе же, какъ и онъ* поборники самобытности отечества“, какъ утверждаетъ г. Татищевъ, то для Россіи нѣтъ никакого основанія вмѣшиваться въ болгарскія дѣла, такъ какъ результаты во всякомъ случаѣ оказались бы одни и тѣ же. Это единственный практическій выводъ, который можно сдѣлать изъ статьи г. Татищева.

Московскія Видомости съ помощью опытныхъ юристовъ совсѣмъ запутались въ своихъ разсужденіяхъ объ уголовщинѣ и послѣ нѣсколькихъ попытокъ отвѣтить на указанія нами противорѣчія, вдругъ открыли теперь, что отвѣчать совсѣмъ не слѣдовало, такъ какъ возраженія наши будто бы не относятся къ дѣлу: это, конечно, самый простой, хотя и не самый убѣдительный способъ окончанія спора.

Итакъ, споръ нашъ конченъ, но даръ проникновенія почтенной редакціи заставляетъ ее видѣть на этотъ разъ уже въ *Русскомъ Обозрѣніи* какіе-то воображаемые намеки и инсинуація.

„На этотъ разъ, говорятъ *Московскія Видомости*, редакторъ *Русскаго Обозрѣнія* провинилъ и иную далеко не рыцарскую сторону своихъ публицистическихъ приемовъ. Мы подразумѣваемъ ту инсинуацію, которую онъ позволилъ себѣ по отношенію къ нашимъ сотрудникамъ, тѣ „намекы темные на то, чего не вѣдаетъ никто“, тѣ вздорныя подпольныя сiletки, которымъ мѣсто не на страницахъ уважающаго себя журнала и не среди порядочнаго общества.“

Мы не сомнѣваемся, что строки эти вызваны уваженіемъ *Московскіихъ Видомостей* къ обычаямъ порядочнаго общества, но намъ кажется, что онѣ напрасно забываютъ, что въ *Русскомъ Обозрѣніи* не было ничего похожаго на то, что онѣ намъ приписываютъ.

Вотъ единственное мѣсто статьи нашей, въ которомъ мы упоминаемъ объ анонимныхъ постоянныхъ сотрудникахъ *Московскихъ Видомостей*:

„Что же касается тѣхъ постоянныхъ сотрудниковъ *Московскихъ Видомостей*, которые обладаютъ такимъ тонкимъ слухомъ, что слышать то, что для другихъ неудовимо,—спорить съ ними нельзя потому, что не только ихъ убѣжденія, но и сами они представляютъ нѣчто совсѣмъ неудовимое. Хотя они теперь и избрали для себя временное помѣщеніе въ редакціи *Московскихъ Видомостей*, но ими ихъ *кагонъ*, и окончательный отвѣтъ на всѣ свои возраженія они могутъ найти въ универсальной антикритикѣ Шопенгауэра, которая уже помѣщена нами въ прошломъ году въ номерѣ 8 *Русскаго Обозрѣнія*.“ (См. стр. 735—738.)

Московскія Видомости несогласны, вѣроятно, съ нашимъ взглядомъ на анонимность, но не знаемъ, какую инсинуацію или какія подпольныя сiletки онѣ могли усмотрѣть въ нашихъ

словахъ или въ тѣхъ страницахъ Шопенгауэра, на которыя мы сослалпсь.

Правда, что Шопенгауэръ выражается очень рѣзко и утверждаетъ, что нападать анонимно на людей анонимно не писавшихъ, очевидно безчестно, что съ такими анонимными критиками не только можно, но и должно обходиться безъ всякихъ стѣсненій, такъ какъ право на нѣкоторое уваженіе имѣеть только тотъ, кто даетъ видѣть кто онъ такой, а не нападаетъ тайкомъ на людей порядочныхъ; правда, что онъ ничего не имѣеть даже противъ того срыванія шапки-невидимки съ анонимныхъ писателей, такъ какъ, по его мнѣнію, такія ночныя птицы при дневномъ освѣщеніи должны вызвать большое веселье въ публикѣ; но мы не видимъ почему *Московскія Вѣдомости* могутъ принимать все это близко къ сердцу, если онѣ не раздѣляютъ мнѣнія Шопенгауэра объ анонимности вообще, или не чувствуютъ за собою какой-нибудь особой провинности въ этомъ отношеніи. Мы со своей стороны, считая анонимность обычаемъ весьма прискорбнымъ, никогда не чувствовали охоты къ птицеловству и потому предоставляемъ постояннымъ анонимнымъ сотрудникамъ *Московскихъ Вѣдомостей* писать сколько угодно въ какихъ угодно видахъ и подъ какими угодно именами.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Положеніе продовольственнаго дѣла. — Бюджетные результаты минувшаго года. — Внѣшняя торговля.

Чѣмъ ближе надвигается весна, тѣмъ болѣе обостряется экономическое положеніе нуждающагося населенія пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей. Правительство оказываетъ обильную помощь бѣдствующимъ. По свѣдѣніямъ *Правительственнаго Вѣстника* (№ 35), отпущено по 1 февраля на продовольствіе и обмѣненіе полей въ 17 неурожайныхъ губерніяхъ 123.020.500 рублей. Но вопросъ заключается не въ одномъ только обиліи денежныхъ средствъ, а также въ покупкѣ и своевременной доставкѣ хлѣба на мѣста, что, въ виду приближающейся весенней распутицы, представляетъ немаловажныя затрудненія.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, слѣдуетъ докупить на продовольствіе 11.621.000 пудовъ; кромѣ того, закуплено, но не доставлено еще 12.783.000 пудовъ, что составитъ въ общей сложности 24.404.000 пудовъ. Для обмѣненія полей слѣдуетъ докупить 12.056.000 пудовъ, и закуплено, но не доставлено 7.908.000 пудовъ. Такимъ образомъ на мѣстахъ не хватаетъ для обмѣненія полей 19.964.000 пудовъ. А вмѣстѣ съ продовольствіемъ необходимо доставить въ нуждающіяся губерніи 44.370.000 пудовъ. Удастся ли своевременно доставить такое значительное количество хлѣбныхъ грузовъ, передвигаемыхъ главнымъ образомъ по желѣзнымъ дорогамъ, доказавшимъ уже свою неспособность къ развитію усиленнаго товарнаго движенія?

Правда, что не все это количество требуется доставить въ

короткій срокъ, до наступленія распутицы. Часть продовольственнаго хлѣба, назначаемая для потребленія въ маѣ и іюнѣ, можетъ быть перевезена и въ теченіе апрѣля: отъ этого запозданія не произойдетъ еще особенныхъ затрудненій, если только насыпанный въ вагоны хлѣбъ не будетъ прѣтъ и портиться. Гораздо важнѣе чтобы до наступленія распутицы, или, какъ считаетъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, къ 15 марта было доставлено 19.964.000 пудовъ зерна для обсемененія полей и 9.020.000 пудовъ необходимые для обезпеченія продовольствія до 1 мая; всего 28.984.000 пудовъ. Своевременною доставкой этого хлѣба въ значительной степени обусловливается результатъ урожая яровыхъ въ пострадавшихъ губерніяхъ, гдѣ не хватаетъ сѣмянъ для посѣва.

Въ теченіе января было доставлено для продовольствія и обсемененія 17.648.000 пудовъ, причемъ съ желѣзныхъ дорогъ поступило 5.716.000 пудовъ. Теперь въ продолженіе полутора мѣсяцевъ требуется доставить 28.984.000 пудовъ и притомъ большую часть, судя по мѣстамъ покупокъ, желѣзными дорогами. Быть-можетъ, какъ покупка, такъ и доставка хлѣба будутъ выполнены самымъ блистательнымъ образомъ. Но признаемся, опытъ предыдущихъ мѣсяцевъ возбуждаетъ значительныя сомнѣнія въ этомъ, и удовлетворительное выполненіе продовольствія скорѣе было бы пріятною неожиданностью, нежели ожидавшимся фактомъ.

Вообще обезпеченіе въ нынѣшнемъ тяжеломъ году народнаго продовольствія съ самаго начала получило не вполне правильную постановку. Не говоря уже о неудовлетворительномъ выполненіи своихъ обязанностей земскими учрежденіями, допустившими значительныя неправильности и произволъ въ продовольственномъ дѣлѣ, нельзя умолчать о запоздавшемъ отпускѣ продовольственныхъ суммъ. Изъ опубликованныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній видно что къ 1 октября было ассигновано на продовольствіе и обсемененіе полей 31.851.500 рублей; въ теченіе октября и ноября разрѣшено продовольственныхъ ссудъ на 23.917.765 рублей и въ декабрѣ, и январѣ на 67.251.235 рублей. Быть-можетъ постепенная выдача ссудъ имѣетъ свои преимущества, быть-можетъ примененіе ея обусловливалось опасеніями, что одновременная покупка хлѣба въ громадныхъ количествахъ будетъ способствовать еще большому повышенію и безъ того высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Однако и постепенныя ассигнованія привели

не къ лучшимъ результатамъ. Когда сталъ выясняться неблагоприятный урожай, пока земства ходатайствовали объ ассигнованіи имъ необходимыхъ средствъ для покупокъ хлѣба, ловкая спекуляція успѣла захватить мѣстные запасы по низкимъ цѣнамъ, перепродавая ихъ впоследствии, съ громаднымъ барышомъ, земствамъ. Многіе изъ хлѣбныхъ спекулянтовъ очень удачно поправили свои пошатнувшіяся было дѣла, другіе изъ мелкихъ торгашей перешли въ разрядъ крупныхъ купцовъ, наконецъ, нѣкоторые просто приумножили свои и безъ того обильные достатки. И такія послѣдствія явились даже при честной перепродажѣ хлѣба, не говоря уже о широко практиковавшихся фальсификаціяхъ, когда вмѣсто зерна сбывалась половина сора или просто земли.

Еще полгода тому назадъ, въ іюль мѣсяцъ, мы высказывали мнѣніе, на основаніи сообщенныхъ компетентными людьми свѣдѣній что и въ неурожайныхъ губерніяхъ имѣются довольно крупные запасы хлѣбныхъ товаровъ, на которые преимущественно и слѣдовало бы обратить вниманіе земскимъ учрежденіямъ, увлекшимся поекамъ хлѣба въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Теперь, по официальнымъ свѣдѣніямъ, оказывается, что въ теченіе только января доставлено для нуждающагося населенія съ мѣстныхъ рынковъ 2.666.000 пудовъ хлѣба, или половина всего доставленнаго за это время количества. Такимъ образомъ и теперь населеніе продовольствуется въ значительной степени мѣстнымъ хлѣбомъ, съ тою только разницею, что приходится приобрѣтать его изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, по значительно повышенной цѣнѣ противъ первоначальной.

Значительную помощь въ снабженіи хлѣбомъ бѣдствующаго населенія оказали введенные Денартаментомъ Желѣзнодорожныхъ Дѣлъ льготные хлѣбные тарифы на доставку продовольствія въ нуждающіяся мѣстности. Но въ то же время эти тарифы имѣли и свою невыгодную сторону, способствуя отвлеченію вниманія земскихъ учреждений отъ мѣстныхъ рынковъ и перетягивая покупки хлѣба въ болѣе отдаленные районы. Земскимъ агентамъ и комиссіонерамъ было выгоднѣе приобрѣтать хлѣбъ за тысячи верстъ, гдѣ контроль за дѣйствіями былъ гораздо слабѣе, нежели на глазахъ уравы. Вслѣдствіе этого и началась доставки, подъ наименованіемъ хлѣба, сора и мусора, потребовавшая, наконецъ, вмѣшательства въ продовольственное дѣло прокурорскаго надзора. Кромѣ того, едва ли не было ошибочнымъ

введеніе льготныхъ тарифовъ сперва исключительно только для земскаго хлѣба, съ распространеніемъ ихъ уже впоследствии на грузы частныхъ отправителей. Департаментъ Желѣзнодорожныхъ Дѣлъ даетъ по этому вопросу слѣдующее объясненіе:

„Надлежащій выборъ районовъ для земскихъ заготовокъ имѣеть весьма важное значеніе въ томъ отношеніи, что можетъ избавить земство отъ излишней переплаты денегъ за хлѣбъ, между тѣмъ какъ земскія покупки, производимыя въ мѣстностяхъ не имѣющихъ избытка въ хлѣбѣ, или въ такихъ, гдѣ, помимо земства, хлѣбъ закупается хлѣбными торговцами для того же района, для котораго покупаетъ земство, будутъ имѣть слѣдствіемъ возвышеніе цѣнъ и истощеніе мѣстныхъ свободныхъ запасовъ. Льготный тарифъ предоставляетъ земствамъ такое преимущество, что они имѣють полную возможность подвозить хлѣбъ изъ такихъ районовъ, которые для хлѣбныхъ торговцевъ, уплачивающихъ болѣе высокую провозную плату, совершенно недоступны, и если земства воспользуются вполне предоставленною имъ льготой и будутъ привозить хлѣбъ изъ такихъ болѣе отдаленныхъ районовъ, то, помимо сбереженія на цѣнѣ, доставять въ свой районъ такой хлѣбъ, который не могъ въ него достигнуть обыкновеннымъ торговымъ путемъ. Поэтому, подвозя хлѣбъ изъ отдаленныхъ районовъ, земства не только не повліяють своими покупками на повышеніе цѣнъ въ своемъ районѣ и въ томъ, который снабжаетъ его округъ, но, увеличивая хлѣбные запасы, прямо повліяють на пониженіе цѣнъ. Въ виду всего изложеннаго представляется весьма желательнымъ, чтобы земства для своихъ заготовокъ обратили преимущественное вниманіе на отдаленные районы и воспользовались вполне тою тарифною льготой, которая имъ предоставлена.“

Въ теоріи ожидалось, что льготные тарифы, удешевляя доставку земскаго хлѣба, окажутъ вліяніе на пониженіе мѣстныхъ цѣнъ. Но практика доказала противное. Земскія покупки производились безо всякаго намѣченнаго впередъ плана, безъ соблюденія единства дѣйствій. Кинувшись толпами въ однѣ и тѣ же мѣстности, земскіе агенты, по свидѣтельству *Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли*, наперерывъ одниъ передъ другимъ повышали цѣны, одниъ у другаго выхватывали изъ-подъ рукъ хлѣбные товары, которые, вслѣдствіе такой усиленной конкуренціи, еще болѣе поднялись въ цѣнѣ. Поднявъ цѣны въ юго-западномъ краѣ, земскіе агенты одновременно кинулись на

Кавказъ, и здѣсь повторилось то же самое, съ тою лишь разницей, что дѣло осложнилось спекулятивными протѣлками нѣкоторыхъ мѣстныхъ торговыхъ фирмъ, забравшихъ хлѣбъ за нѣсколько дней до появленія агентовъ, перепродавая его потомъ земствамъ по возвышенной цѣнѣ. Вотъ что сообщалъ въ свое время по этому поводу *Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли*: „На Кавказѣ цѣны на рожь и низшіе сорта озимой пшеницы всю недѣлю шли на повышение, вслѣдствіе прибытія значительнаго числа покупателей изъ неурожайныхъ губерній и усиливающейся спекуляціи на рожь со стороны крупныхъ фирмъ и скупщиковъ”. Это сообщеніе официальный журналъ сопровождалъ слѣдующимъ поясненіемъ: „цѣны на рожь и низшіе сорта пшеницы сильно повысились, вслѣдствіе спекуляціи со стороны болѣе крупныхъ скупщиковъ и конторы бр. Валлеръ и К^о и Луи Дрейфусъ и К^о. Представитель послѣдней фирмы скупилъ въ теченіе нѣсколькихъ дней большую часть наличной ржи, до 20.000 четвертей, по 8 руб. 80 коп.—9 руб. 20 коп. за четверть, а запрашиваетъ теперь по 11 руб. 25 коп.—11 руб. 50 коп. Луи Дрейфусъ и К^о арендовали уже восемь амбаровъ и намѣреваются производить въ широкихъ размѣрахъ закупки продовольственныхъ хлѣбовъ въ виду неизбежнаго повышения цѣнъ на послѣдніе. Въ настоящее время можно купить рожь небольшими партіями по 9 руб. 50 коп.—9 руб. 75 коп., тогда какъ недѣлю назадъ цѣна стояла не выше 8 руб. 50 коп.—8 руб. 80 коп. за четверть.“

Отсутствіе единства дѣйствій парализовало въ продовольственномъ вопросѣ значеніе льготныхъ тарифовъ и, несмотря на значительно удешевленную доставку хлѣбныхъ грузовъ, снабженіе продовольствіемъ нуждающихся мѣстностей обошлось довольно дорого, не говоря уже о дурномъ качествѣ доставленныхъ продуктовъ. Можно предполагать, что вслѣдствіе неудовлетворительной организаціи дѣла переплата составила въ среднемъ не менѣе 10 коп. на рубль, что, въ общемъ итогѣ, даетъ крупную сумму въ 12½ милліоновъ рублей, которая будетъ улачиваться нуждавшимся въ помощи населеніемъ.

Недостатокъ опредѣленнаго плана въ земскихъ заготовкахъ хлѣбныхъ товаровъ отразился значительными затрудненіями въ доставкѣ ихъ на мѣста. Не имѣя свѣдѣній ни о размѣрахъ предстоящихъ хлѣбныхъ закупокъ, ни о намѣченныхъ для этого районахъ, желѣзныя дороги оказались неподготовленными къ

принявшему громадные размѣры хлѣбному движенію въ восточныя губерніи. Судя по тому что къ 1 сентября, когда, по окончаніи жатвы, обыкновенно наблюдается наплывъ хлѣбныхъ товаровъ на рынки, сопровождающійся пониженіемъ цѣвъ, было ассигновано на продовольствіе и озное обмѣненіе полей только 22 милліона рублей, можно думать, что неурожаи предполагался менѣе значительнымъ противъ оказавшагося. Хотя Министрство Путей Сообщенія, тотчасъ по полученіи свѣдѣній о встрѣченыхъ хлѣбнымъ движеніемъ затрудненіяхъ, приняло мѣры къ усиленію подвижнаго состава и пропускной способности на главнѣйшихъ линіяхъ, но усиливавшійся притокъ грузовъ сопровождался возрастающими затрудненіями, увеличеніемъ задержекъ на станціяхъ. Наконецъ хлѣбныя залежи приняли такіе громадные размѣры, что потребовалось установленіе обходныхъ направленій, со включеніемъ даже морской транспортровки, и послѣдовала командировка главнаго желѣзнодорожнаго инспектора, полковника Вендриха, съ обширными полномочіями для устраненія встрѣчающихся препятствій. Полковникъ Вендрихъ освободилъ южныя дороги отъ хлѣбныхъ залежей и перекинулъ грузы Сѣвернаго Кавказа въ прилегающія южныя губерніи. Но этимъ далеко еще не были устранены затрудненія въ своевременной доставкѣ продовольствія въ нуждающіяся губерніи. На дорогахъ оказалось до 10.000 груженыхъ вагоновъ съ хлѣбомъ, ожидающихъ очереди доставки въ неурожайныя мѣстности. Между тѣмъ пролегающія тамъ линіи настолько забиты хлѣбными грузами, что производятъ дальнѣйшую приемку ихъ въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ, несмотря на то, что на нѣкоторое время даже вовсе остановили перевозку другихъ грузовъ. Оказалось, что и установленіе обходныхъ направленій и усиленный подъемъ залежей на югъ не улучшили продовольственного снабженія нуждающихся губерній вслѣдствіе того, что лѣтницу начали мести снизу, не усиливъ сначала перевозочныхъ средствъ и пропускной способности проходящихъ въ неурожайномъ районѣ линій.

Вотъ какія свѣдѣнія сообщаютъ по этому вопросу *Русскія Вѣдомости*: „До какой степени въ настоящее время забиты наши желѣзныя дороги можно судить по слѣдующимъ даннымъ относительно желѣзнодорожныхъ путей, примыкающихъ къ городу Орлу. 30 января на линіи Орловско-Грязской желѣзной дороги стояло, какъ говорятъ, груженыхъ вагоновъ: на станціи Грязи 600 вагоновъ, на станціи Елецъ 350 и на станціи Орель 1.200. Въ

тотъ же день на линіи Орловско-Витебской дороги, между станціями Орель-Брянскъ, скопилось 1.140 вагоновъ, а Московско-Курская дорога не имѣла возможности принять 30 января 300 вагоновъ, принятыхъ уже по документамъ. 31 января между Брянскомъ и Орломъ стояло 1.104 вагона, изъ которыхъ въ 441 вагонѣ заключался земскій хлѣбъ, въ 404 хлѣбъ частныхъ отправителей и 259 вагоновъ груза. Теперь грузы съ южныхъ желѣзныхъ дорогъ, дойдя до Орла, направляются по двумъ направленіямъ: часть на Тулу, а другая, большая, на Елецъ. Благодаря этому Орловско-Грязская желѣзная дорога настолько загромождена, что управляющій помянутою дорогою послалъ, какъ говорятъ, куда слѣдуетъ телеграмму о томъ, что Орловско-Грязская дорога отказывается принимать грузы за невозможностью направлять ихъ по названному желѣзнодорожному пути.⁴

Кіевлянинъ (№ 39) высказываетъ слѣдующія соображенія по этому весьма важному вопросу: „Къ началу 1890 года, по оффиціальнымъ даннымъ Министерства Путей Сообщенія, вся русская желѣзнодорожная сѣть располагала 142.000 товарныхъ и багажныхъ вагоновъ; но если исключить отсюда вагоны находящіеся въ ремонтѣ и занятые перевозкой кладей для хозяйственныхъ нуждъ самихъ дорогъ, то можно считать, что для торговаго движенія имѣется не болѣе 100.000 вагоновъ. Десятая часть этой силы приведена въ инертное положеніе, выбыла изъ строя, находится въ плѣну на неопредѣленное время. Но этого мало: 11.000 вагоновъ не только стали бесполезными для работы, но наносятъ огромный вредъ, потому что они затормозили пути. Одиннадцать тысячъ вагоновъ—это 6½ милліоновъ пудовъ груза, назначеннаго для прокормленія голодающаго населенія и вмѣсто того праздно лежащаго и портящагося. Если этотъ хлѣбный грузъ захватить оттепель, масса его начнетъ гнѣться и гнить. Такія пертурбаціи даромъ не проходятъ, такіе клубки легко запутать, но распутывать ихъ гораздо труднѣе.“

Кіевлянинъ замѣчаетъ, что во всей неурядицѣ желѣзныя дороги обвиняютъ распоряженія полковника Вендриха: „Полковникъ Вендрихъ, утверждаютъ желѣзнодорожные инженеры, экстренными мѣрами двинулъ массу хлѣбныхъ грузовъ съ окраинныхъ дорогъ, главнымъ образомъ съ Владикавказской, гдѣ эти грузы хотя лежали, но не мѣшали движенію другихъ грузовъ, перебросилъ ихъ на пути внутри Имперіи, но не рассчиталъ провозоспособности этихъ путей. Между тѣмъ въ восточныхъ губер-

віяхъ дорогъ мало и онѣ не разчитаны на большое движеніе. Выброшенные такимъ образомъ грузы не далеко ушли; они застряли въ разныхъ пунктахъ и загромодили проходъ другимъ грузамъ. Дальнѣйшее накопленіе ихъ шло съ такою же быстротой, какъ подъемъ воды въ потокѣ, теченіе котораго преграждено. Такимъ образомъ загроможденіе дорогъ создано искусственно. Оно не имѣло бы мѣста, еслибы грузы перевозились постепенно.“

Не вдаваясь въ рѣшеніе вопроса, кто правъ, кто виноватъ, *Кіевлянинъ* приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Желѣзныя дороги оказались несостоятельными для разрѣшенія такой задачи, которая представляется группою сравнительно съ работой рельсовыхъ путей въ военное время. Не менѣе бесспорно и то, что въ моментъ усиленной работы обнаружилась дезорганизація и что принятія мѣры и экстренныя распоряженія, вмѣсто улучшенія положенія дѣла, довели его до полной анархіи. Эти факты до такой степени печальны, тревожны и опасны, что они естественно породили крайнюю тревогу въ обществѣ, которую нельзя оставить безъ разъясненія. Каждый естественно спрашиваетъ: что же будутъ дѣлать наши желѣзныя дороги въ случаѣ мобилизаціи? Не окажутся ли всѣ графики военного движенія бумажными проектами? Съ другой стороны, если обыкновенная желѣзнодорожная организація и іерархія оказались настолько ненадежными и неустойчивыми, что для перевозки хлѣба пришлось выбросить ихъ за бортъ и создать диктатуру полковника Вендриха, то какими силами мы будемъ возить войска съ обозомъ, провіантомъ и прочее? Никакой диктаторъ тутъ ничего не сдѣлаетъ, потому что онъ не можетъ замѣнить тысячи лицъ, управляющихъ огромнымъ и сложнымъ механизмомъ, пзъ которыхъ каждое должно быть на своемъ мѣстѣ, знать свое дѣло.“

Трудно подыскать какія-либо возраженія противъ такой вѣской аргументаціи.

Подобное же мнѣніе высказываютъ и спеціальныи техническій журналъ *Инженеръ*, приводя слѣдующее объясненіе нынѣшнихъ затрудненій въ перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ: „Вотъ для примѣра забивается какой-нибудь участокъ Сызрано-Вяземской дороги, онъ вызываетъ загроможденія сосѣднихъ станцій, движеніе поѣздовъ замедляется, летятъ по всей Россіи денешки о сложении отвѣтственности за срочность доставки, а затѣмъ и о прекращеніи приѣма съ сосѣднихъ дорогъ. Пока эти денешки достигаютъ своего назначенія, вагоны все пруть на загроможденный участ-

токъ и распространяютъ это загроможденіе кругомъ себя все дальше и дальше. Затѣмъ другія дороги прекращаютъ погрузку и пріемъ на эту частную, закупорившую себя дорогу, и въ результатѣ не десятки, не сотни, а многія тысячи вагоновъ являются имобилизованными и загромождающими станціонныя пути. Движеніе пугается на широкомъ пространствѣ отъ загроможденнаго центра, недостача вагоновъ усиливается все болѣе и болѣе, пока запертаыя массы вагоновъ не двинутся. И благодарите Бога, если за это время пуганица обойдется только маловажными происшествіями безъ человѣческихъ жертвъ. Шансы на происшествія въ это время усиливаются въ громадной степени, и хотя по каждому происшествію найдется непосредственный мѣстный виновникъ, но главнымъ виновникомъ всегда будетъ тотъ, кто допустилъ и не предупредилъ загроможденія. Онь первый и поддежить карѣ! Поэтому все движеніе данной сѣти должно быть регулируемо по пропускной способности труднѣйшаго въ отношеніи провозоспособности участка и форсировать движеніе на другихъ участкахъ сѣти далѣе этого предѣла никоимъ образомъ не слѣдуетъ. Въ подобномъ горячемъ (да и въ обыкновенное) время часто увлекается изъ виду, что одно увеличеніе количества подвижнаго состава и числа разъѣздовъ на дорогѣ не всегда достаточно для увеличенія дѣятельности дороги, что для этого требуется полное соответствіе всѣхъ средствъ дороги, какъ въ отношеніи развитія станціонныхъ путей, средствъ водоснабженія, мастерскихъ, телеграфа и проч., безъ чего одно увеличеніе подвижнаго состава вызываетъ лишь моментальный эффектъ, быстро смѣняющійся новымъ ослабленіемъ дѣятельности. Если же вмѣняющійся уже на дорогѣ подвижной составъ почему-либо утилизируется не въ достаточной степени, то всякое новое увеличеніе паровозовъ и вагоновъ на такой дорогѣ въ большинствѣ случаевъ можетъ оказать только вредъ и скорѣе уменьшить провозоспособность дороги, чѣмъ увеличить таковую. Все это старыя истины, но которыя часто забываются.“

Какъ пріобрѣтеніе, такъ и доставка продовольственныхъ запасовъ оставляютъ желать значительныхъ улучшеній. Къ сожалѣнію, обезпеченіе народнаго продовольствія затрудняется иногда и неудачными распоряженіями мѣстной администраціи. Такъ напримѣръ, *Новое Время* сообщаетъ слѣдующія извѣстія изъ Тамбовской губерніи, гдѣ въ теченіе одной недѣли послѣдовали три распоряженія, которыя произвели большой переполохъ въ мѣстной

торговлѣ. „Сначала изъ Тамбова во всѣ города губерніи по всѣмъ ея желѣзнодорожнымъ станціямъ послано было по телеграфу запрещеніе вывозить изъ уѣздовъ всякаго рода хлѣба, въ обработанномъ и необработанномъ видѣ. Распоряженіе это вызвало чрезвычайную панику: всѣ, у кого былъ на рукахъ хлѣбный товаръ, особенно тѣ, которые купили для вывоза или продажи на срокъ, не знали, что предпринять; цѣны ослабли. Полагали, что этою паникой воспользуются мѣстные земства для продовольственныхъ и сѣменныхъ закупокъ. Но земства покупали въ это время хлѣбъ на югъ и юго-западъ Россіи, оставляя мѣстный хлѣбъ для земствъ другихъ губерній и для вывоза на рынки внѣ Тамбовской губерніи. Черезъ три дня послѣ перваго распоряженія послѣдовало второе: оставлялось въ силѣ запрещеніе относительно ржи, ржаной муки, пшеницы, низшихъ сортовъ пшеничной муки, проса, низкихъ сортовъ шпена, отрубей и овса; остальные хлѣбные продукты и масляничныя сѣмена были освобождены отъ запрета. Владѣльцы хлѣбныхъ партій вздохнули свободнѣе и цѣны стали приходить къ обыкновеннымъ размѣрамъ. Еще четыре дня—и запретъ былъ снятъ со всего. Цѣны пришли къ прежнему уровню. Какихъ результатовъ имѣлось въ виду достигнуть такими чрезвычайными мѣрами, —до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ, но обнаружившимся, вслѣдствіе этихъ мѣръ, пониженіемъ цѣнъ мѣстныхъ земства не воспользовались.“

Если только это извѣстіе не является плодомъ досужаго вымысла газетнаго корреспондента, а сообщаетъ дѣйствительные факты, то нельзя не удивиться страннымъ распоряженіямъ тамбовской администраціи, недостигающимъ никакой цѣли и только вызывающимъ спекулятивныя колебанія цѣнъ. Вообще запрещеніе вывоза хлѣба изъ уѣздовъ одной губерніи въ другую не можетъ имѣть серіознаго значенія, такъ какъ отдѣльныя губерніи представляютъ лишь части одного общаго государственнаго организма, причемъ пострадавшія мѣстности продовольствуются за счетъ ссудъ выданныхъ изъ общегосударственныхъ средствъ. Подобное искусственное ограниченіе причиняетъ болѣе вреда, нежели пользы, такъ какъ стѣсняетъ естественное тяготѣніе отдѣльныхъ районовъ къ рынкамъ сбыта, уменьшая выручку мѣстнаго населенія. Административное раздѣленіе далеко не всегда совпадаетъ съ экономическимъ тяготѣніемъ однихъ мѣстностей къ другимъ и введеніе искусственныхъ торговыхъ условій всегда сопровождается невыгодными послѣдствіями для общегосудар-

ственныхъ интересовъ. Еслибы по всѣхъ губерніяхъ ввести ограниченіе вывоза мѣстныхъ продуктовъ, то населеніе одиѣхъ разорилось бы отъ недостатка сбыта, въ другихъ пришлось бы голодать ему. Примѣненіе временныхъ ограниченій имѣло бы еще смыслъ въ томъ случаѣ, еслибы предпринималось въ интересахъ удешевленія закупки хлѣба для мѣстнаго продовольствія. Но оказывается, что тамбовское земство предпочитаетъ покупать хлѣбъ на югѣ. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ можетъ мотивироваться введеніе такой стѣснительной мѣры, надѣлавшей не мало шума?

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обратило особенное вниманіе на неудовлетворительную постановку продовольственного дѣла и старательно изыскиваетъ способы къ упорядоченію его, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ разосланный губернаторамъ слѣдующій циркуляръ отъ 31 января текущаго года:

„При существующихъ продовольственныхъ затрудненіяхъ, съ надлежащею опредѣленностью обнаружился существенные недостатки въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ по народному продовольствію. Признавая, вълѣдствіе сего, воплѣ своевременнымъ подвергнуть, согласно указаніямъ опыта, подробному обсужденію помянутыя узаконенія, я долгомъ считаю обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбой войти въ обстоятельное разсмотрѣніе настоящаго дѣла въ образованномъ подъ вашимъ предѣлательствомъ продовольственномъ совѣщаніи, и о результатахъ представить мнѣ донесеніе съ вашимъ заключеніемъ. Для ближайшихъ вашихъ соображеній, полагаю, не лишнимъ сообщить, что въ ряду возникшихъ въ послѣднее время по продовольственной части вопросовъ, наиболѣе существенными и заслуживающими особаго вниманія представляются нижеслѣдующіе:

„1) Какая система могла бы наилучшимъ образомъ обезпечить населеніе продовольственными и сѣменными средствами? Если таковою будетъ признана система натуральныхъ запасовъ, то въ какомъ размѣрѣ должно быть засыпано зерно, по какому расчету и какими мѣрами достигнуть надлежащаго пополненія магазеновъ?

„2) Какія мѣстныя учрежденія, или органы ихъ, должны завѣдывать продовольственнымъ дѣломъ, и на кого возложить контроль, съ надлежащею въ обоихъ случаяхъ отвѣтственностью?

„3) Какимъ образомъ установить неослабный надзоръ за хлѣбозанасными магазинами, въ видахъ содержанія ихъ въ должномъ

порядкѣ? Должны ли они остаться только сельскими, или же принадлежать болѣе значительному району, съ цѣлью централизаціи самого дѣла?

„4) Какъ организовать правильную раздачу ссудъ съ тѣмъ, чтобъ онѣ доходили своевременно и полностью до нуждающагося?

„5) Слѣдуетъ ли сохранить круговую поруку при выдачѣ продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ, и если возможна ея замѣна иную формой обезпеченія возврата ссуды, то какую именно?

„6) Способы болѣе точнаго опредѣленія дѣйствительно нуждающихся въ ссудѣ, порядокъ составленія списковъ ихъ, кто долженъ быть внесенъ въ число ѣдоковъ, и въ какомъ размѣрѣ должно производить выдачу?

„7) Какъ обезпечить продовольственныя и сѣменныя потребности населенія, не входящаго въ составъ сельскихъ обществъ?

„8) Какими мѣрами достигнуть того, чтобы порядокъ и срокъ взиманія податей не обусловливали необходимости одновременной продажи крестьянами своихъ продуктовъ и переполненія таковыми хлѣбныхъ рынковъ?

„9) Слѣдуетъ ли организовать обязательныя общественныя запашки, съ цѣлью обезпеченія продовольственныхъ нуждъ населенія, и если слѣдуетъ, то какимъ образомъ ихъ организовать и какъ установить размѣръ и способы нарѣзки, для аренды потребныхъ для сего земельныхъ участковъ?

„10) Какой долженъ быть порядокъ завѣдыванія, и какая организація мѣстныхъ общественныхъ работъ, на случай неурожаевъ, и какія могутъ быть изысканы для сего денежныя средства? Указать наиболѣе полезныя работы.

„11) Какъ организовать во время неурожаевъ доставку подвозимаго зерна гужомъ въ амбары со станцій желѣзныхъ дорогъ и съ мѣстныхъ рынковъ: въ видѣ ли натуральной повинности, или за опредѣленную плату?

„12) Какими способами обезпечить рабочій скотъ отъ безкормицы?

„Приведенные вопросы, конечно, далеко не исчерпываютъ всѣхъ сторонъ, которыя надлежало бы разсмотрѣть при реформѣ продовольственной части, и ваше превосходительство, несомнѣнно, не ограничите сужденія въ свѣщаніи только этими вопросами, обративъ вниманіе и на все то, что, по мнѣнію вашему, можетъ послужить правильной постановкѣ продовольственнаго дѣла въ будущемъ.“

Этимъ циркуляромъ намѣченъ планъ разработки продовольственнаго вопроса, причемъ она не стѣсняется приведенными пунктами, ибо приглашается обратить вниманіе „на все то, что можетъ послужить правильной постановкѣ продовольственного дѣла въ будущемъ“. Можно ожидать, что серьезное всестороннее изслѣдованіе внесетъ, наконецъ, порядокъ въ эту важную отрасль хозяйственной дѣятельности государства.

Едва ли гдѣ-либо продовольственный вопросъ имѣетъ столь громадное значеніе, какъ въ Россіи, гдѣ подавляющее большинство населенія находится въ прямой зависимости отъ результатовъ своей земледѣльческой производительности, гдѣ другіе промыслы развиты весьма слабо и гдѣ сельское населеніе имѣетъ очень скудные сбереженія. Требуется неослабное внимательное наблюденіе за результатами земледѣльческой производительности, за размѣрами урожая. Между тѣмъ наша сельскохозяйственная статистика до сихъ поръ находится въ довольно плачевномъ состояніи, несмотря на обиліе изслѣдователей. Собирають статистическія свѣдѣнія земства, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ, и въ результатъ почти всегда оказывается довольно крупное разногласіе между данными. Остановимся для примѣра на результатахъ урожая главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Саратовской губерніи за 1891 годъ (въ четвертяхъ):

	Земскія свѣдѣнія ¹ .	М-ва Внутр. Дѣлъ ² .	М-ва Госуд. Имущ. ³ .
Рожь	2,108,264	2,781,100	3,550,000
Пшеница	620,922	653,100	900,000
Овесь	868,739	975,100	850,000
Ячмень	15,546	51,200	90,000
Гречиха	18,133	18,300	70,000
Итого.	3,631,004	4,478,800	5,460,000

Разница между приведенными статистическими данными достигаетъ 50%. По которой изъ этихъ свѣдѣній слѣдуетъ признать болѣе достоверными, которымъ изъ нихъ слѣдуетъ отдать пред-

¹ Карта урожая 1891 годъ въ Саратовской губерніи, составленная по распоряженію начальника губерніи: генераль-лейтенанта А. П. Косича.

² Пленумъ Центрального Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: *Гласное раздѣленіе урожая 1891 года*, стр. 25.

³ Пленумъ Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности: *1891 годъ въ сельскохозяйственной статистикѣ*, Выпускъ II, стр. XII—XV.

почтеніе при опредѣленіи размѣровъ урожая? Едва ли будетъ ошибкой замѣтить, что всѣ эти свѣдѣнія не даютъ точныхъ данныхъ и вслѣдствіе этого произведенные на основаніи ихъ выводы представляются довольно шаткими. Очень возможно, что и встрѣченныя затрудненія по продовольственному дѣлу въ значительной мѣрѣ обусловливались неудовлетворительностью свѣдѣній о результатахъ урожая. Во всякомъ случаѣ едва ли было бы удобно на будущее время оставить нашу сельскохозяйственную статистику въ нынѣшнемъ положеніи, когда ея свѣдѣнія могутъ имѣть лишь только относительное значеніе, не выясняя дѣйствительнаго положенія дѣла.

Несмотря на неурожайъ въ 17 земледѣльческихъ губерніяхъ, исполненіе государственнаго бюджета за минувшій годъ даетъ весьма удовлетворительные, можно сказать, блестящіе результаты, трудно оправдываемые обстоятельствами. Опубликованныя въ *Вѣстникѣ Финансовъ, Промышленности и Торговли* (№ 7) предварительныя кассовыя свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ и расходахъ съ 1 января по 1 декабря сообщаютъ, что за отчетный періодъ поступило обыкновенныхъ доходовъ 776.263.000 руб., менѣе противъ соотвѣтственнаго времени предыдущаго 1890 года на 32.688.000 руб. Но при этомъ для однообразія счетоводства приходится ввести слѣдующую поправку: „въ суммѣ 808.951.000 руб. обыкновенныхъ доходовъ за 1890 годъ заключаются 9 милл. руб. прибылей Государственнаго Банка за 1888 г., тогда какъ прибыли Банка за 1889 годъ, въ суммѣ 4.939.000 руб., перечислены въ доходъ казны лишь въ декабрѣ минувшаго 1891 года, а потому въ печатаемыхъ нынѣ свѣдѣніяхъ о доходахъ не значатся. Если, для сравненія, таковыя 4.939.000 руб. присоединить къ поступившимъ въ первые одиннадцать мѣсяцевъ минувшаго года 776.263.000 руб., то обыкновенныхъ доходовъ за 1891 годъ составитя 781.202.000 руб., противъ 808.951.000 руб., поступившихъ за то же время въ 1890 году, менѣе на 27.749.000 рублей.“

Обыкновенные расходы псчисляются за 11 мѣсяцевъ въ 712.957.000 руб. противъ 734.814.000 руб. въ 1890 году, то есть меньше на 21.757.000 руб. Если дѣлать сопоставленіе на основаніи простаго сравненія одиннадцатимѣсячныхъ результатовъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, принимая въ соображеніе, что за цѣлый 1890 годъ получилось превышеніе доходовъ надъ расходами въ 65.906.219 руб. 79 коп., то для минувшаго года

приходилось бы ожидать избытка доходовъ около 60 милліонъ рубль. Но подобный выводъ едва ли можно признать правильнымъ, такъ какъ значительное пониженіе въ 1891 году расходовъ можетъ оказаться случайнымъ, пополнимымъ усиленіемъ ихъ въ теченіе льготнаго срока и по заключеніи смѣтъ. Такъ напримѣръ, въ теченіе 1890 года было израсходовано только 769.091.734 руб. 64 коп. За то въ счетъ росписи этого года исполнено расходовъ въ 1891 году 34.806.845 руб. 33 коп. и предстояло еще къ отпуску по заключеніи смѣтъ 73.880.970 руб. 26 коп. Такимъ образомъ общій итогъ обыкновенныхъ расходовъ 1890 года выражается суммой въ 877.779.550 руб. 23 коп. или болѣе противъ выполненныхъ въ теченіе отчетнаго года расходовъ на 108.687.815 руб. 59 коп.

Гораздо болѣе точные выводы можно получить принявъ для сравненія слѣдующія основанія. Обыкновенные доходы достигли въ 1890 году 943.685.770 руб. Поступленіе доходовъ за 11 мѣсяцевъ 1891 года отстало на 27.749.000 руб., причѣмъ для каждаго мѣсяца уменьшеніе составляетъ около 5 милл. руб. За цѣлый годъ доходы 1891 года уменьшатся не болѣе какъ на 35—38 милл. руб., предполагая, что въ декабрѣ послѣдуетъ еще большее ослабленіе поступленій. Такимъ образомъ итогъ обыкновенныхъ доходовъ за минувшій годъ достигнетъ 905—903 милл. руб. Обыкновенные расходы по росписи на 1891 годъ были начислены въ 898.889.021 р., болѣе противъ смѣты 1890 года на 8.838.482 руб. Но за счетъ 1890 года израсходовано только 877.779.550 руб. 23 коп. По аналогіи можно ожидать, что за 1891 годъ расходы не превысятъ 885—887 милл. руб. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе не предусмотрѣнное росписью уменьшеніе во вторую половину 1891 года расходовъ по государственному долгу, вслѣдствіе конверсій и досрочнаго погашенія нѣкоторыхъ выѣшнихъ займовъ. Въ виду этого, итогъ обыкновенныхъ расходовъ за 1891 годъ, вѣроятно, окажется не болѣе 880 милл. руб., и можно ожидать избытка доходовъ въ 25—28 милл. рублей. Такіе результаты нельзя не признать блестящими для неурожайнаго года, когда интенный доходъ, выкупные платежи и подати за 11 мѣсяцевъ дали уменьшеніе въ 32.468.000 рублей.

Не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, что кромѣ обыкновеннаго имѣется еще чрезвычайный бюджетъ, выполняемый не пѣзъ податныхъ средствъ населенія, а за счетъ специальныхъ кредитныхъ операцій. За минувшій годъ, вслѣдствіе неурожая, чрезвычай-

чайные расходы достигли весьма крупныхъ размѣровъ, повышаясь до 121.156.000 руб. противъ 76.485.000 руб. за 11 мѣсяцевъ 1890 года. Министерство Финансовъ сообщаетъ, что въ теченіе 5 мѣсяцевъ, съ 1 іюля по 1 декабря, израсходовано на продовольственныя потребности и обезѣмненіе полей, сверхъ спеціального продовольственнаго капитала, 39.653.000 рублей. Съ прибавленіемъ расходовъ, выполненныхъ въ декабрѣ, продовольственныя выдачи достигнуть вѣроятно 55—60 милл. рублей. Трудно думать, чтобы нуждающееся нынѣ населеніе могло въ скоромъ времени возмѣстить правительству выданныя имъ продовольственныя ссуды. Всего вѣроятно, что большую часть этихъ расходовъ придется списать со счетовъ, принявъ ихъ на общегосударственныя средства. Такимъ образомъ значительная часть чрезвычайныхъ расходовъ падеть на обыкновенный бюджетъ, и выполненные съ этою цѣлью кредитныя операціи будутъ покрываться изъ общихъ податныхъ средствъ. Поэтому, при оцѣнкѣ бюджетныхъ результатовъ, правильнѣе было бы отнести по крайней мѣрѣ половину продовольственныхъ расходовъ правительства на обыкновенный бюджетъ, ассигновавъ для этой цѣли имѣющій получиться избытокъ доходовъ надъ расходами. Во всякомъ случаѣ такое назначеніе имѣло бы не менѣе производительное значеніе. Чѣмъ, напримѣръ, ассигнованіе остатка на досрочное погашеніе билетовъ Государственнаго Казначейства.

Судя по плохимъ результатамъ урожая минувшаго года, можно было ожидать весьма значительнаго уменьшенія отпуски русскихъ товаровъ на иностранныя рынки. Однако, опубликованныя Департаментомъ Таможенныхъ Сборовъ свѣдѣнія о вѣншей торговлѣ по европейской границѣ за время съ 1 января по 1 декабря сообщаютъ, что вывозъ товаровъ изъ Россіи не только не уменьшился, но даже представляетъ довольно значительное увеличеніе противъ соответственнаго времени предыдущаго года. Стоимость вывоза за 11 мѣсяцевъ 1891 года исчисляется въ 669.146.000 руб., противъ 642.335.000 руб. въ 1890 году. Иностранннй привозъ опредѣляется только въ 321.013.000 рублей противъ 351.366.000 въ 1890 году. Такимъ образомъ торговый балансъ даетъ въ пользу Россіи 348.133.000 рублей противъ 290.969.000 руб. въ предыдущемъ году.

Уменьшеніе провоза иностранныхъ товаровъ, конечно, находится въ зависности отъ ухудшенія русскаго вексельнаго курса.

который, по свѣдѣніямъ *Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли* (№ 6), испытывалъ въ минувшемъ году слѣдующія колебанія:

	Лондонъ.	Берлинъ.	Парижъ.	Полуимперіали.
Январь.....	85,30	41,925	33,85	6,84
Февраль.....	84,78	41,60	33,55	6,80
Мартъ.....	83,75	41,05	33,20	6,72
Апрѣль.....	84,75	41,50	33,525	6,77
Май.....	84,50	41,30	33,35	6,73
Іюнь.....	90,80	44,20	35,60	7,25
Іюль.....	94,75	46,30	37,20	7,65
Августъ.....	93,50	45,80	36,80	7,57
Сентябрь.....	94,00	46,50	37,15	7,60
Октябрь.....	100,50	49,25	39,60	8,02
Ноябрь.....	102,60	50,30	40,725	8,22
Декабрь.....	101,40	49,75	40,225	8,13

Какое вліяніе оказываетъ вексельный курсъ на обороты виѣшней торговли можно судить по тому, что за первые шесть мѣсяцевъ 1891 года, при высокомъ курсѣ, было ввезено иностранныхъ товаровъ на 188.579.000 руб. противъ 178.626.000 руб. въ 1890 году. Но за то въ послѣдніе пять мѣсяцевъ, когда послѣдовало значительное ухудшеніе курса, иностранный ввозъ достигъ лишь 132.434.000 руб. противъ 172.740.000 руб. въ предыдущемъ году.

Что касается увеличенія отпуски русскихъ товаровъ, то успѣхъ его, при запрещеніи вывоза хлѣбовъ, обусловливается: во-первыхъ, назначеніемъ льготнаго двухнедѣльнаго срока для ржи, въ теченіе котораго были отпущены весьма значительныя количества этого хлѣба; во-вторыхъ, поздною остановкой вывоза другихъ хлѣбовъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые зерновые продукты были отпущены въ 1891 году въ большемъ количествѣ противъ 1890 года¹. Наконецъ много способствовало увеличенію стоимости нашего отпуски повышеніе въ 1891 году цѣнъ на хлѣбные товары. Когда средняя стоимость пуда различныхъ хлѣбовъ опредѣлялась при вывозѣ 1890 года въ 81,93 коп., въ 1891 году

¹ Такъ, напримѣръ, пшеницы вывезено въ 1891 году 176.059.000 пудовъ, въ 1890 году 173.611.000 пуд., кукурузы въ 1891 году 28.238.000 пуд., въ 1890 году 18.706.000 пудовъ; гороха въ 1891—6.355.000 пуд., въ 1890—3.107 пуд.; муки пшеничной въ 1891—3.015.000 пуд., въ 1890—2.637.000 пудовъ.

она повышается до 90,⁴⁸ коп. Хотя за одиннадцать мѣсяцевъ 1891 года было отпущено только 388.782.000 пудовъ хлѣба, противъ 394.692.000 пудовъ въ 1890 году, но за то стоимость ихъ достигаетъ 351.774.000 руб., тогда какъ въ 1890 году она исчислялась лишь въ 319.962.000 рублей. Высокая цѣна съ избыткомъ покрыла количественное уменьшеніе.

Вообще неурожай не оказалъ особеннаго вліянія на экономическое положеніе Россіи въ мпнувшемъ году. Несомнѣнно однако что онъ въ гораздо большей степени отразится на экономической дѣятельности текущаго года, ослабивъ государственные доходы и уменьшивъ обороты вѣшной торговли. Но въ Россіи благосостояніе населенія обуславливается главнымъ образомъ результатами урожая. Обильный въ нынѣшнемъ году сборъ хлѣбовъ можетъ значительно улучшить положеніе дѣла, увеличивъ достатки сельскаго населенія.

Л. Вороновъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Государственный Банкъ. Исследование его устройства, экономического и финансово значенія. Власія Судейкина. Петербургъ, 1891. XVIII 520 стр.

Авторъ этого обширнаго труда, посвященнаго изслѣдованію устройства и операций нашего Государственнаго Банка, идетъ значительно дальше той программы, которая имъ намѣчена въ заголовкѣ его сочиненія, воспроизводя предъ читателемъ всю исторію нашихъ кредитныхъ учреждений въ связи съ исторіей и организаціей таковыхъ въ Европѣ, съ момента ихъ возникновенія и кончая голомъ изданія труда.

Свой трудъ авторъ подраздѣляетъ на пять отдѣловъ, носящихъ названіе главъ: этого дѣленія будемъ держаться и мы при разборѣ даннаго сочиненія.

Первая глава имѣетъ характеръ чисто-теоретическій, касаясь задачъ и организаціи центральныхъ банковъ вообще. Давъ понятіе о значеніи для страны центральнаго банка, какъ регулятора денежнаго обращенія и оплота кредита всей страны, авторъ приходитъ къ заключенію, что нашъ Государственный Банкъ въ своей дѣятельности не удовлетворяетъ нѣкоторымъ самымъ существеннымъ запросамъ экономической жизни, главнымъ образомъ, въ силу своей несамостоятельности, представляя изъ себя не что иное, какъ органъ Министертва Финансовъ, отчего свободны всѣ наиболѣе выдающіеся центральные европейскіе банки. Опуская приводимый авторомъ очеркъ исторіи и организаціи нѣкоторыхъ главнѣйшихъ европейскихъ банковъ, какъ-то: Англійскаго, Французскаго, Имперскаго Германскаго и Австрого-

Венгерскаго, прослѣдимъ взглядъ его на тѣ начала, которыя лежатъ въ основаніи ихъ устройства и дѣятельности. Главнѣйшею общемою чертою въ организаціи европейскихъ банковъ является право выпуска банковыхъ нотъ, хотя и лишенныхъ характера денежныхъ знаковъ, но являющихся лучшимъ платежнымъ средствомъ при частныхъ операціяхъ. Регулированіе выпусковъ банковыхъ нотъ, въ виду сохраненія къ нимъ довѣрія и безпрепятственнаго и немедленнаго ихъ реализованія, принимаетъ на себя правительство, предъявляя къ банкамъ обязательныя требованія, касающіяся какъ количества выпускаемыхъ нотъ, такъ и извѣстнаго отношенія между ними и металломъ. Привилегія выпуска нотъ, такимъ образомъ, даетъ банкамъ возможность обладать крупными оборотными средствами, избавляя въ то же время отъ необходимости привлеченія вкладовъ подъ проценты и заставляя сосредоточивать ихъ дѣятельность на поддержкѣ денежнаго и кредитнаго обращенія, чему особенно способствуетъ являющаяся возможность помѣщать оборотные капиталы на учетъ векселей и на переучетъ для частныхъ кредитныхъ учреждений, а это, по мнѣнію автора, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ каждаго центрального банка. Ставя далѣе право выпуска нотъ европейскими банками въ числѣ коренныхъ различій между ними и нашимъ Государственнымъ Банкомъ гдѣ оборотныя средства создаются преимущественно платными вкладами, авторъ отмѣчаетъ и то различіе, которое можно наблюдать въ способѣ помѣщенія оборотныхъ капиталовъ.

Вторая глава посвящается историческому очерку нашихъ кредитныхъ учреждений, начиная съ XVIII столѣтія и кончая послѣдними годами. При сравнительномъ изученіи исторіи старыхъ кредитныхъ учреждений и Государственного Банка, авторъ приходитъ къ заключенію, что „въ основаніи операцій старыхъ казенныхъ кредитныхъ учреждений, осужденныхъ на полное забвеніе съ переходомъ къ новому времени, и Государственного Банка лежатъ почти тѣ же начала, невѣрность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію“.

Первый періодъ развитія банковаго дѣла въ Россіи начинается съ открытія двухъ банковъ въ 1754 году, носившихъ чисто сословный характеръ—одного въ Петербургѣ, для ссудъ дворянству, другаго въ Петербургскомъ портѣ для ссудъ купечеству. Дѣятельность этихъ банковъ была настолько ничтожна, что не оставила почти никакого слѣда въ исторіи нашего банковаго

дѣла. Въ 1757 году появились такъ-называемые „вексельные обороты“, причемъ имѣлось въ виду облегчить обращеніе металлическихъ денегъ и укрѣпить государственнй кредитъ. Въ 1758 году былъ учрежденъ такъ-называемый „Мѣдный Банкъ“, имѣвшій цѣлью переводы денегъ. Насколько этотъ банкъ не удовлетворилъ своему назначенію, можно видѣть уже изъ того, что вексели были исключительно именныя, и для полученія внесеннаго капитала требовалось заявленіе не менѣе, какъ за годъ. Правительство, сознавая все несовершенство существующихъ кредитныхъ учрежденій, рѣшило произвести коренную реформу банковаго дѣла, и въ 1762 году даже вышелъ указъ объ основаніи Государственнаго Банка съ правомъ выпуска банковыхъ билетовъ на сумму пять милліоновъ рублей, но политическія событія того времени заставили отложить выполненіе этой задачи до болѣе благоприятнаго времени. Въ 1767 году возникъ у насъ въ зачаточномъ состояніи первый эмиссіонный банкъ, названный „Ассигнаціоннымъ“. Правительство, выпуская ассигнаціи, первоначально предполагало имѣть въ нихъ орудіе обращенія, но въ скоромъ же времени, усмотрѣвъ въ этихъ выпускахъ средство для покрытія своихъ текущихъ потребностей, средство, имѣющее значительное преимущество передъ налоговой системой, стало пользоваться ими, руководствуясь однимъ финансовыми цѣлями. Учрежденіемъ Ассигнаціоннаго Банка заканчивается первый періодъ развитія нашего банковаго дѣла, которому дается слѣдующая характеристика: „на основаніи фактовъ прошлой исторіи, можно прийти къ слѣдующимъ выводамъ: 1) ассигнаціи принимались во внутреннихъ сдѣлкахъ наравнѣ съ деньгами, но для того, чтобы не допустить до пользованія ими крестьянъ и при помощи ихъ не вытѣснить металлическихъ денегъ изъ обращенія, выпускались ассигнаціи крупныхъ достоинствъ; 2) достоинство ихъ обезпечивалось разнѣннымъ мѣднымъ фондомъ и обязательнымъ пріемомъ въ платежахъ податей; 3) ассигнаціи свободно разнѣнивались въ отдѣленіяхъ банка и воеводскихъ канцеляріяхъ; 4) что же касается до устройства кредитныхъ учрежденій, то ихъ операціи совершенно не находились въ связи съ выпускомъ ассигнацій, вслѣдствіе чего онѣ были совершенно лишены всякой власти къ принятію тѣхъ или другихъ мѣръ къ регулированію выпусковъ бумажныхъ денегъ.“

Промежутокъ времени отъ 1786 до 1849 года авторъ называетъ

вторымъ періодомъ въ исторіи развитія банковъ и денежнаго обращенія. Въ 1786 году, вмѣсто ассигнаціонныхъ банковъ, учреждается одинъ Государственный Банкъ, не носящій уже исключительно эмиссіоннаго характера, но получившій право совершать цѣлый рядъ банковыхъ операцій, гдѣ долгосрочныя ссуды соединялись бы съ выпускомъ ассигнацій. Вотъ программа тѣхъ новыхъ операцій, которыя были дарованы вновь учрежденному банку: „1) продавать и закупать мѣдь какъ внутри Россіи, такъ и внѣ; покупать изъ-за границы золото и серебро; 2) завести монетный дворъ и бить золото и серебро; 3) производить учетъ векселей какъ биржевыхъ, такъ и учетныхъ; 4) выпускать серебряныя деньги съ небольшимъ лажемъ; 5) приобрѣтенные капиталы переводить и оставлять внѣ государства для подкрѣпленія внутренняго и внѣшняго торга“. Не останавливаясь на разборѣ того, насколько неудовлетворительна была организація какъ этого новаго учрежденія, такъ и основаннаго въ 1817 году Коммерческаго Банка, а равно и тѣхъ мѣръ, которыя предлагались и принимались специалистами того времени вплоть до коренной реформы 1860 года, отмѣтимъ заключительныя слова автора, резюмирующія дѣятельность старыхъ кредитныхъ учреждений: „Исторія старыхъ кредитныхъ учреждений, говоритъ онъ, представляетъ интересъ не только съ исторической точки зрѣнія, разъясняя, что и почему было сдѣлано,—нѣтъ она имѣетъ непосредственное крупное значеніе при рѣшеніи занимающаго насъ вопроса, упрочивая взглядъ, что едва ли возможно думать о прочномъ восстановленіи металлическаго обращенія до тѣхъ поръ, пока центральный органъ кредита не будетъ сдѣланъ дѣйствительнымъ регуляторомъ денежнаго обращенія въ качествѣ болѣе независимаго учрежденія... Вся прошлая исторія приводитъ къ тому выводу, что при такой организаціи кредитныя учрежденія не могутъ явиться регуляторами денежнаго обращенія, а возвышается ихъ финансовое значеніе въ ущербъ правильнаго развитія всей народно-экономической жизни.“

Въ началѣ третьей главы, авторъ, выяснивъ вообще задачи каждаго центрального банка и сведя ихъ къ тремъ основнымъ функціямъ: 1) регулированіе денежнаго и кредитнаго обращенія страны; 2) содѣйствіе промышленности и торговлѣ, черезъ снабженіе капиталами и выдачу ссудъ; 3) поддержка частныхъ кредитныхъ учреждений, приходитъ къ заключенію, что нашъ Государственный Банкъ, преслѣдуя въ принципѣ тѣ же задачи,

de facto является безсильнымъ въ сферѣ денежнаго обращенія, что находится въ прямой зависимости отъ подчиненія его финансовымъ потребностямъ государства. Придавая большое значеніе размѣру основнаго капитала для центрального банка, во-первыхъ, на случай большихъ и внезапныхъ востребованій вкладовъ, во-вторыхъ, въ виду его функций регулированія денежнаго обращенія, авторъ смотритъ на относительную незначительность основнаго капитала нашего Государственнаго Банка (въ настоящее время около 25 милліоновъ), какъ на одинъ изъ крупнѣйшихъ его недостатковъ. Высказавъ свой взглядъ на значеніе основнаго капитала, авторъ приводитъ свои мнѣнія и относительно помѣщенія этого капитала, наиболѣе соответствующаго его назначенію, то-есть помѣщеніе его въ ссуды исключительно краткосрочныя.

Говоря далѣе о вкладахъ, какъ объ одномъ изъ видныхъ источниковъ оборотнаго банковаго капитала и указавъ ихъ важное значеніе для экономической жизни народа, такъ какъ свободные капиталы получаютъ производительное назначеніе, будучи всегда къ услугамъ производства и обмѣна, авторъ дѣлитъ ихъ на двѣ категоріи съ нѣкоторыми подраздѣленіями. Вклады на храненіе. Этотъ видъ вкладовъ въ нашемъ Государственномъ Банкѣ имѣетъ нѣсколько существенныхъ недостатковъ, напимѣръ: не принимаются вклады отъ имени нѣсколькихъ лицъ, также отъ малолѣтнихъ и состоящихъ подъ опекой; банкъ лишень права распорядиться по порученію вкладчика принадлежащими ему суммами въ предѣлахъ, опредѣленныхъ волей вкладчика и правлами банка. Не можемъ не отмѣтить привольный авторомъ отрадный фактъ, что отношеніе Государственнаго Банка къ публикѣ не заставляетъ желать ничего лучшаго, напимѣръ для выдачи вклада требуется maximumъ часть времени, тогда какъ даже во французскомъ банкѣ вклады выдаются лишь на слѣдующій день, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдача задерживается и на нѣсколько дней. Другой видъ вкладовъ—вклады для пользованія, авторъ подраздѣляетъ на нѣсколько видовъ. Изъ этихъ видовъ—вклады вѣчные, по мнѣнію автора, особенно нежелательны для банка, въ виду постояннаго платимаго за нихъ высокаго процента при измѣняющейся выгодности ихъ помѣщенія. Въ настоящее время въ практикѣ нашего Государственнаго Банка подобныя вклады обращаются въ счетъ источниковъ дохода государственнаго казначейства, съ переменной ихъ на 4% непрерывно-доходные билеты. Наибольшее значеніе для оборотныхъ

средствъ банка пмѣютъ вклады срочные и до востребованія; послѣдніе въ практикѣ Государственнаго Банка дѣлятся на безсрочные и текущій счетъ, какого дѣленія не признаютъ банки англійскій и германскій. Государственный Банкъ принимаетъ срочные вклады пзъ 4% на 5 лѣтъ и пзъ 4½% на 10 лѣтъ; считая минимальною суммой вклада 400 рублей. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что желательно было бы понизить минимальную сумму вкладовъ до 100 руб. въ виду привлеченія, хотя мелкихъ, но прочныхъ капиталовъ, исходя пзъ той аксіомы, что наибольшую степень прикрѣпленности отлпчаютъ мелкіе вклады, выбираемые въ псключительныхъ случаяхъ. Что касается вкладовъ безсрочныхъ, наименьшая величина ихъ опредѣляется въ 30 руб., причемъ для возвращенія ихъ вкладчику требуется предварительное заявленіе за три дня и больше, смотря по суммѣ вклада; плата процентовъ по такимъ вкладамъ производится лишь за полные мѣсяцы, считая отъ перваго числа одного мѣсяца до перваго слѣдующаго. Текущіе счета составляютъ характерную черту дѣятельности Англійскаго банка, гдѣ расчеты совершаются почти псключительно при помощи чековъ, при полномъ отсутствіи наличныхъ денегъ, ограничиваясь однимъ переводомъ ихъ въ банковыхъ книгахъ съ однихъ счетовъ на другіе. Въ Государственномъ Банкѣ текущіе счета двухъ родовъ: безпроцентные и процентные, причемъ эти счета въ балансахъ банка раздѣляются. Къ безпроцентнымъ текущимъ счетамъ относятся всѣ суммы Министерства Финансовъ. Другой видъ безпроцентныхъ текущихъ счетовъ образуется пзъ суммъ, получаемыхъ отъ учета векселей, если заемщикъ не заявилъ о своемъ желаніи помѣстить ссуду на текущій счетъ; сюда же относятся и вообще всѣ суммы, почему-либо остающіяся въ банкѣ и не выданныя заемщику и т. п. По мнѣнію автора, этотъ видъ оборотныхъ средствъ банка, въ виду его незначительности, видной роли играть не можетъ.

Обращаясь къ практикѣ европейскихъ банковъ, авторъ одобрительно смотритъ на принятое съ текущаго года Государственнымъ Банкомъ рѣшеніе не платить процентовъ по текущимъ счетамъ, хотя и находить эту мѣру нѣсколько преждевременною въ виду относительной незначительности основнаго капитала, имѣющаго значеніе чисто страховое, на случай непредвидѣннаго востребованія вкладовъ. Наше законодательство отнеслось серьезно къ этому важному вопросу, ограничивъ для

частныхъ банковъ пріемъ вкладовъ отношеніемъ 1 : 10, но совершенно освободило отъ этого ограниченія Государственный Банкъ, что, по мнѣнію автора, составляетъ немалый недостатокъ нашего банковаго законодательства. Познакомивъ читателя въ короткомъ очеркѣ съ образованіемъ оборотныхъ средствъ Государственнаго Банка, авторъ такъ говоритъ о тѣхъ поправкахъ, которыя были бы, по его мнѣнію, цѣлесообразны въ нашемъ законодательствѣ по этому вопросу: „Предлагаемыя нами измѣненія состоятъ: 1) въ увеличеніи собственнаго капитала банка до такой суммы, которая давала бы возможность ему не быть въ такой зависимости отъ движенія вкладовъ, какъ теперь. Это легко дѣлается безъ обремененія Государственнаго Казначейства, посредствомъ причисленія прибылей, получаемыхъ отъ операций, къ капиталу; 2) необходимо навсегда прекратить пріемъ процентныхъ текущихъ счетовъ отъ частныхъ банковъ и крупныхъ фирмъ частныхъ лицъ, а взамѣнъ платежа процентовъ предоставить имъ особыя выгоды по пріему вкладовъ на храненіе и по выполненію порученій вкладчиковъ; 3) ограничить сумму пріема платныхъ вкладовъ, предоставивъ взамѣнъ вкладнымъ билетамъ Государственнаго Банка особыя преимущества сравнительно съ таковыми же частныхъ банковъ, по пріему ихъ въ обезпеченіе по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ и, наконецъ, 4) постепенно понизить проценты по срочнымъ вкладамъ.“

Покончивъ съ вопросомъ объ оборотныхъ средствахъ Государственнаго Банка, авторъ переходитъ къ изслѣдованію наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ ихъ помѣщенія.

Къ числу наивыгоднѣйшихъ ссудъ, принимая во вниманіе ихъ скорую реализуемость, относится учетъ векселей. Такое важное значеніе учету авторъ придаетъ сообразно принятому имъ взгляду на вексель, на который онъ смотритъ исключительно, какъ на созданіе непрерывнаго производства или обмѣна, имѣющихъ въ виду увеличеніе количества продуктовъ и расширенія объема торговли; подобнаго взгляда на вексельную систему, жалуется авторъ, современное общество еще не вполне усвоило, не разграничивая понятія великой ссуды отъ ссуды подъ вексель, что и помѣшало выработкѣ тѣхъ началъ, которыми необходимо руководиться при офѣикѣ банковской политики Государственный Банкъ учитываетъ преимущественно простые векселя (съ бланкомъ другаго лица) въ отличіе отъ банковъ европейскыхъ, гдѣ главную роль при учетѣ играютъ векселя переводные, что прямо обуслов-

ливается характеромъ торговопромышленной жизни, посящей у насъ въ противоположность Европѣ болѣе обособленный, мѣстный характеръ. Говоря о количествѣ подписей на векселѣ, авторъ высказывается противъ необходимости третьей подписи, говоря, что двѣ хорошія подписи есть не меньшая гарантія аккуратной уплаты, какъ и три. При опредѣленіи сроковъ учета необходимо принимать во вниманіе бытовыя условія страны и состояніе путей сообщенія, хотя банковая политика по мѣрѣ возможности должна стремиться къ возможно большому уменьшенію сроковъ учета, чѣмъ преимущественно отличается Англійскій банкъ. Что касается величины учитываемаго векселя, то наиболѣе желателенъ учетъ мелкихъ векселей, каковая система прямо вытекаетъ изъ главной задачи каждаго центрального банка—помогать мелкой торговлѣ и промышленности. Въ Государственномъ Банкѣ унаслѣдована отъ старыхъ кредитныхъ учреждений совершенно противоположная традиція, что „банкъ и конторы учреждены для пособія высшему, такъ-сказать, купечеству, производящему оптовую торговлю, а не мелкимъ торгашамъ“, хотя въ ст. 32 Устава и говорится: „значительность суммы векселя, при благонадежности векселедателя, не можетъ служить препятствіемъ“. Государственный Банкъ учитываетъ векселя: основанные на торговыхъ сдѣлкахъ, по переводу—денежные и иностранные, акцептованные въ Россіи, но онъ не имѣетъ права учитывать простые векселя съ обезпеченіемъ. Изъ векселей землевладѣльцевъ Государственный Банкъ учитываетъ векселя лишь тѣхъ, продажи которыми сельско-хозяйственныхъ продуктовъ носятъ промысловый характеръ. Кредитоспособность векселедателей рѣшаетъ учетно-ссудный комитетъ, собирающійся два раза въ недѣлю; векселя учитываются на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ и только въ видѣ исключенія, каждый разъ по особому разрѣшенію, срокъ можетъ быть возвышенъ до девяти мѣсяцевъ. Находя эти сроки слишкомъ продолжительными, авторъ видитъ въ нихъ одинъ изъ главнѣйшихъ тормазовъ къ выполненію банкомъ своихъ обязательствъ по размѣну кредитныхъ рублей и устранинію кризисовъ.

Говоря далѣе о покупкѣ иностранныхъ траттъ и придавая имъ большую силу въ борьбѣ съ кризисами, авторъ находитъ, что портфель иностранныхъ векселей особенно нуженъ нашему Государственному Банку, призванному блюсти цѣнность кредитнаго рубля и неразрывно съ нимъ связаннаго вексельнаго курса. Долгое время Государственный Банкъ былъ почти пассивенъ по отно-

шею къ вексельному курсу, который былъ предоставленъ случайности; лишь два года тому назадъ онъ получилъ право оперировать въ покупкѣ иностранныхъ траттъ, но результаты его дѣятельности въ этомъ направленіи, къ сожалѣнію, неизвѣстны, за недостаткомъ опубликованныхъ данныхъ. Разсужденіе объ учетѣ векселей оканчивается нѣкоторыми сравнительными статистическими данными, ясно свидѣтельствующими насколько въ данномъ случаѣ мы отстали отъ Европы: въ нашемъ Государственномъ Банкѣ было учтено векселей около 250 тысячъ, въ Австро-Венгерскомъ до $1\frac{1}{2}$ милліона, во Французскомъ до 5 милліоновъ; общая сумма учтенныхъ векселей у насъ достигла отъ 250 до 300 милліоновъ рублей, такимъ образомъ средняя сумма векселя 1 тыс. руб., что прямо указываетъ на преобладаніе крупныхъ векселей предъ мелкими. Находя причину этого явленія въ недостаточномъ количествѣ отдѣленій банка, что объясняется дороговизной ихъ содержанія, г. Судейкинъ рекомендуетъ, какъ средство устраненія этого недостатка, устройства агентуръ, преимущественно по вексельнымъ операціямъ, въ мѣстностяхъ, не имѣющихъ отдѣленій, что давно уже съ успѣхомъ практикуется въ Австро-Венгріи. Не входи въ подробности излагаемыхъ свѣдѣній о другихъ ссудныхъ операціяхъ, приведемъ мнѣніе автора относительно общаго характера этихъ операцій: „операція ссудъ подъ залогъ возбуждаетъ противъ себя не мало возраженій: во первыхъ, она неудобна съ практической стороны, такъ какъ представляетъ значительныя затрудненія для крупныхъ банковъ, требуя надзора надъ предметами, обезпечивающими ссуду въ случаѣ выдачи ссудъ подъ товары и, кромѣ того, при выдачѣ ссуды необходимо дѣлать ихъ оцѣнку, что требуетъ излишнихъ расходовъ со стороны банка; далѣе, тутъ могутъ допускаться оцѣнки выше дѣйствительной стоимости товара. Вторыхъ, въ случаяхъ невыполненія обязательствъ, обезпеченія, подъ которыя выданы ссуды, трудно реализуемы, особенно это бываетъ затруднительно во время политическихъ и экономическихъ затрудненій, когда деньги, вслѣдствіе всеобщаго на нихъ запроса и неувѣренности даже въ ближайшемъ будущемъ, являются дорогими. По этой причинѣ уставы, основанные на продолжительномъ банковомъ опытѣ, ограничиваютъ объемъ ссудныхъ операцій, что особенно необходимо въ томъ случаѣ, когда на банкъ возлагается постоянная обязанность размѣна банковыхъ нотъ или же принятіе подготовительныхъ мѣръ къ упро-

ченію денежно-кредитной системы, какъ это предполагается по закону у насъ“.

Касаясь вопроса объ отношеніяхъ Государственнаго Банка къ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ касательно переучета, перезалога, выдачи ссудъ и т. п., авторъ строго разграничиваетъ эти операціи, возможные и для частныхъ лицъ, отъ операцій лицъ юридическихъ, каковыми преимущественно являются частныя кредитныя учрежденія, причемъ замѣчаетъ, что нигдѣ частныя кредитныя учрежденія не пользуются такимъ широкимъ кредитомъ со стороны центрального банка, какъ у насъ, и не только въ періодъ кризисовъ, но и въ обыкновенное время. Къ видамъ кредитовъ, принятыхъ въ Европѣ, частныя кредитныя учрежденія получили у насъ въ семидесятыхъ годахъ еще новый видъ, такъ-называемые „трехмѣсячные открытые кредиты“, или на современномъ языкѣ „спеціальныи текущій счетъ“. Такая чрезмерно покровительственная политика Государственнаго Банка, совершенно противоположная тенденціямъ европейскихъ центральныхъ банковъ, которые, наоборотъ, находятся въ постоянной финансовой борьбѣ съ частными кредитными учрежденіями, была вызвана сначала извѣстными экономическими условіями, но, къ сожалѣнію, „Государственный Банкъ не ограничивалъ размѣровъ кредита необходимостью, а предоставлялъ широкій кредитъ въ ущербъ для себя и ко вреду самихъ банковъ, такъ какъ добытыя ими фиктивные средства поддерживали спекулятивное настроеніе банковъ и поощряли ихъ къ рискованнымъ операціямъ“. Указавъ на недостатки нашей кредитной системы, авторъ задается вопросомъ, какихъ принциповъ долженъ держаться Государственный Банкъ въ своихъ отношеніяхъ къ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, и даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Принципа самопомощи и частной пользы. Государственный Банкъ не долженъ заботиться о поддержаніи частныхъ банковъ, помогать имъ необходимо лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда дѣйствительно грозитъ опасность кредитному учрежденію; въ обыкновенныхъ же условіяхъ, предоставленіе частнымъ банкамъ оборотныхъ средствъ наноситъ лишь ущербъ Государственному Банку. Оказывая помощь частнымъ банкамъ, Государственный Банкъ долженъ сначала убѣдиться, заслуживаетъ ли ее данное кредитное учрежденіе: иначе ему придется поддерживать гнилыя учрежденія, лишеныя задатковъ жизненности. Государственный, какъ центральный

для всей Имперіи банкъ, въ своихъ отношеніяхъ къ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, долженъ имѣть въ виду, что на немъ лежатъ важныя народно-экономическія дѣла, къ достиженію которыхъ должны быть исключительно направлены всѣ его усилія и стремленія“.

Столь важный вопросъ, какъ отношеніе Государственнаго Банка къ правительству, по мнѣнію автора, является у насъ въ менѣе удовлетворительномъ состояніи, чѣмъ въ Европѣ. Авторъ признаетъ, что правительство должно оказывать всевозможное покровительство центральному банку различными путями, давая ли право выпуска нотъ, дѣлая ли безпроцентныя вклады, стѣпенія ли въ извѣстныхъ случаяхъ операціи частныхъ банковъ, но при всемъ этомъ требуется строгое урегулированіе этихъ отношеній, во избѣжаніе печальныхъ послѣдствій какъ для банка, такъ и для государства. Теоретически руководящимъ принципомъ этихъ отношеній долженъ служить взглядъ банка на государственное казначейство, какъ на частное лицо во всѣхъ операціяхъ ссуды и займа; на практикѣ дѣло обстоитъ иначе—правительство всегда злоупотребляетъ своими правами, смотря на банкъ, какъ на орудіе своихъ личныхъ выгодъ въ ущербъ интересамъ экономической жизни народа. Отношеніе нашего Государственнаго Банка къ Министерству Финансовъ двоякое: съ одной стороны, банкъ является какъ бы агентурой въ продажѣ процентныхъ бумагъ, уплатѣ по купонамъ и т. п., не неся характера подчиненности; съ другой стороны, являясь кассой государственныхъ доходовъ и давая правительству краткосрочныя и долгосрочныя ссуды, послѣднія въ видѣ выпуска кредитныхъ билетовъ за его счетъ, Государственный Банкъ съ этой стороны, по мнѣнію автора, въ виду его полной зависимости отъ Министерства Финансовъ, заставляетъ желать лучшаго.

Оканчивая историческую и теоретическую часть своего труда, авторъ далѣе предлагаетъ собранныя и сведенныя имъ обширныя статистическія данныя, наглядно выясняющія ходъ операцій Государственнаго Банка и результаты его дѣятельности. Въ подтвержденіе своего взгляда на недостаточность основнаго капитала Государственнаго Банка и происходящихъ отсюда потерь, вызванныхъ форсированнымъ привлеченіемъ вкладовъ, авторъ приводитъ слѣдующія цифровыя данныя объ этихъ потеряхъ по годно, за періодъ времени 1875—1888 годъ включительно.

	1875.	1876.	1877.	1878.	1879.	1880.	1881.
Потерь въ тыс. руб.	1.550.	1.863.	1.628.	1.244.	2.033	1.543.	1.350.
Количество отдѣлений, понесших потерн	21.	20.	30.	25.	29.	31.	36.
	1882.	1883.	1884.	1885.	1886.	1887.	1888.
Потерь въ тыс. руб.	2.004.	1.760.	1.737.	2.295.	3.771.	2.210.	1.237.
Количество отдѣлений, понесших потерн	36.	34.	42.	48.	65.	57.	49.

Разсматривая отношеніе Государственнаго Банка къ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, авторъ дѣлаетъ такіе выводы: „частные банки наиболѣе помѣщаютъ ихъ средства въ кассу Государственнаго Банка въ теченіе марта, апрѣля, мая, іюня и августа мѣсяцевъ и такимъ образомъ увеличиваютъ размѣры его оборотныхъ средствъ. Характерная черта направляемыхъ ими вкладовъ на текущій счетъ заключается въ крупныхъ колебаніяхъ на протяженіи немногихъ мѣсяцевъ. Эти колебанія, достигающія свыше 300%, указываютъ на подвижность даваемыхъ вкладовъ. Приведенныя данныя въ достаточной мѣрѣ указываютъ, что Государственный Банкъ во все время своего существованія служилъ тѣмъ резервуаромъ, въ который текли легко подвижныя оборотныя средства частныхъ кредитныхъ учрежденій, не находя соответствующихъ помѣщеній въ торгово-промышленной жизни страны“. Развитіе вексельной операціи въ Государственномъ Банкѣ, по мнѣнію автора, со временъ старыхъ кредитныхъ учрежденій идетъ быстрыми и большими шагами, хотя отлпчается крайнею неравномѣрностью, причиною чего авторъ прежде всего ставитъ появленіе въ 1865 г. въ Петербургѣ частныхъ кредитныхъ учрежденій, которыя, при помощи различныхъ льготныхъ условій, довольно успѣшно стали конкурировать съ Государственнымъ Банкомъ; другою причиною этой неравномѣрности авторъ называетъ временныя затрудненія частныхъ кредитныхъ учрежденій.

Въ виду открытія цѣлаго ряда частныхъ кредитныхъ учрежденій, слѣдовало бы ожидать отвлеченія части учетной операціи отъ Государственнаго Банка, на самомъ же дѣлѣ не произошло никакой существенной перемѣны, что приходится объяснять тѣми переучетами, которые совершили въ Государственномъ Банкѣ частныя кредитныя учрежденія. „Если объемъ учетной

операциі, вмѣстѣ съ другими срочными бумагами за первое пятилѣтіе, принять за 100, то ростъ учетной операциі выразится слѣдующимъ образомъ:

1860—64	1865—69	1870—74	1875—79	1880—84	1885—88.
100.	174.	382.	437.	561.	640.

Затрогивая вопросъ: удовлетворяетъ ли Государственный Банкъ предначертаніямъ своего устава, что вексельнымъ кредитомъ могутъ пользоваться лишь торговые классы, авторъ, за неимѣніемъ прямыхъ данныхъ, подходитъ къ его рѣшенію косвенно, приводя данныя, опредѣляющія, какая преимущественно торговля, крупная или мелкая, пользуется учетомъ векселей въ банкѣ. Отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ авторъ находитъ въ среднемъ размѣрѣ учетныхъ векселей по банку, его конторамъ и отдѣленіямъ съ 1860 по 1888 г. Не выписывая самой таблицы, приведемъ тѣ выводы, къ которымъ, на основаніи ея, приходитъ авторъ: 1) въ виду крупныхъ размѣровъ, учетъ преимущественно производится крупными торговцами и промышленниками, или лицами, учитывающими векселя исключительно денежнаго характера; 2) наименѣе предъявляются къ учету векселя крупныхъ размѣровъ, отъ 20—30 тысячъ рублей, менѣе $\frac{1}{2}\%$ всего количества; 3) въ отдѣленіяхъ провинцій, не ведущихъ торговли, требующей значительныхъ капиталовъ, средний размѣръ векселей значительно ниже. Говоря о средней цифрѣ векселей, авторъ приводитъ нѣсколько могущихъ затемнить болѣе или менѣе ихъ истинный смыслъ причинъ: 1) въ составъ кліентовъ Государственнаго Банка входятъ обширѣйшія торговыя предпріятія, какъ, на примѣръ: земельные банки, крупныя сахарныя заводы и т. п.; 2) большинство ссудо-сберегательныхъ товариществъ кредитуется не въ формѣ переучета мелкихъ векселей, а подъ учетъ векселей крупныхъ, подписанныхъ членами правленія; 3) переучетъ въ Государственномъ Банкѣ, предъявляемый частными кредитными учрежденіями.

Е. Нелидовъ.

Н. Ѳ. Каптеревъ. *Отношенія іерусалимскаго патріарха Досифея съ Русскимъ правительствомъ (1669—1707 г.)* Москва. 1891. 359+91 стр. (приложенія: 23 документа).

Русская церковь, воспринявъ христіанскую вѣру отъ Грековъ, долго находилась подъ властью константинопольскаго патріарха, и сначала жила, дѣйствовала и развивалась не только по началамъ греко-восточнаго православія, но и подъ прямымъ воздѣйствіемъ своихъ просвѣтителей. Это послѣднее значительно ослабѣло съ учрежденіемъ на Руси патріаршества; однако же и послѣ этого момента связи наши съ Востокомъ никогда не прекращались. Нерѣдко сами патріархи являлись на Москву по разнымъ причинамъ, главнымъ образомъ для сбора милостыни, и это повело къ весьма важнымъ слѣдствіямъ въ церковно-просвѣтительномъ и даже въ политическомъ отношеніяхъ. Замѣчая различныя церковныя неустроенія, они побуждали Московское правительство къ устраненію ихъ и вообще къ болѣе широкому и всестороннему образованію, и по возвращеніи на родину иногда становились нашими тайными политическими агентами, сообщавшими нужныя свѣдѣнія въ Россію, или помогавшими нашимъ посламъ. Такъ Теофанъ іерусалимскій оправдалъ исправленія нашего Потребника, произведенныя Діонсіемъ Троицкимъ вмѣстѣ съ Иваномъ Насѣдкой и Арсеніемъ Глухимъ, и тѣмъ освятилъ все это дѣло и далъ ему надлежащее направленіе, указавъ, что оно должно совершаться чрезъ слпченіе съ греческими подлинниками. Онъ же оказывалъ Россіи и разныя политическія услуги, когда чрезъ посланцевъ и въ своихъ отпискахъ на Москву доносилъ о замыслахъ „Турскаго царя“ противъ „Украины“ (въ 1637 г.), или о турецко-армянскихъ планахъ (въ 1638 г.)

Ясно изъ этого, какое высокое значеніе для церковно-гражданской исторіи должно имѣть выясненіе нашихъ отношеній къ православному Востоку. Особенно это нужно сказать о патріархѣ

іерусалимскомъ Досноѣѣ, сношеніи котораго съ Россіей были болѣе живы, дѣятельны и постоянны. Одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, всегда неутомимый и ревностный по православію до самоотверженія, въ высшей степени подвижной, изъѣздившій вдоль и поперекъ все православныя земли, все и всюду знавшій, Досноѣѣ былъ человекъ съ высокоразвитымъ сознаниемъ важности іерусалимскаго патріарха, котораго онъ считалъ охранителемъ, благодѣтелемъ и руководителемъ въ религіозныхъ дѣлахъ всего православнаго міра. Естественно, что его взоры обращались на Россію, ибо въ ней онъ видѣлъ оплотъ православія и залогъ объединенія и крѣпости силъ православныхъ народностей. Рисуя весьма возвышенный идеаль Русскаго царя и патріарха, онъ думалъ, что они *должны* имѣть въ виду обще-православную миссію, но могутъ осуществить ее единственно при томъ условіи, если и русскую жизнь будутъ во всемъ направлять сообразно православно-христіанской странѣ и свои поведенія станутъ простираеть на весь православный міръ и всюду содѣйствовать его торжеству надъ иновѣріемъ. Понятно, что Досноѣѣ долженъ былъ зорко слѣдить за всемія проиходившимъ въ Россіи и принимать живое и непосредственное участіе въ ея дѣлахъ и шотн рогрессу и по вызову самого Русскаго правительства и, какъ человекъ весьма просвѣщенный, энергичный и глубоко православный, оставилъ замѣтный слѣдъ въ русской исторіи въ различныхъ отношеніяхъ.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется дѣятельность этого патріарха по документально-солидному и ученому сочиненію профессора Кантерева. Прежде всего Досноѣѣ проявилъ свое вліяніе по дѣлу Никона и много способствовалъ торжеству правды надъ греческою лестию при его разрѣшеніи, столкнувшись съ Паисіемъ Лигаридомъ. Не менѣе того онъ заботился и о надлежащемъ православно-греческомъ просвѣщеніи Русскихъ, предохраняя ихъ отъ вліянія и пронагаанды латинства и отъ всякаго неосторожнаго и опаснаго сближенія съ иновѣрнымъ Западомъ. Для сего онъ всячески старался воспрепятствовать наплыву въ Москву южно-русскихъ ученыхъ, людей латинской образованности, и усилленно хлопоталъ объ открытіи здѣсь греческой типографіи для печатанія русскихъ книгъ, снабжалъ противолатинскими и антилютеранскими сочиненіями, какія ему удалось издать въ Яссахъ, присылалъ печатныхъ мастеровъ и греческія рукописи. Когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII столѣтія наше

правительство рѣшило открыть въ Москвѣ правильно-устроенную высшую школу, Доснѣей ревностно трудился надъ устраненіемъ вторженія въ нее латинскихъ элементовъ и отправилъ на Русь ученыхъ братьевъ Сафронія и Іоаннікія Лихудовъ, игравшихъ столь видную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Іерархическое устройство русской церкви также было предметомъ попеченій неутомимаго Доснѣя: рекомендуя государю Петру идеаль великаго, церковнаго представителя московскаго, онъ совѣтовалъ увеличить количество каедръ въ Россіи и искоренить новшества и безпорядки, развившіеся въ южной Руси. Не менѣе значительна и политическая служба этого патріарха. При сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ онъ часто руководилъ всею дѣятельностію нашихъ пословъ (Возницинъ, Украинцевъ, графы Голлицынъ и Толстой), освѣдомлялъ ихъ о положеніи дѣлъ въ Турціи и давалъ добрые совѣты и полезныя наставленія. При этомъ онъ и самъ нерѣдко посылалъ нашимъ царямъ и канцлерамъ отписки и донесенія о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ съ соотвѣтствующими указаніями по этому поводу и по внутреннимъ дѣламъ Россіи, наиримѣръ, объ устройствѣ и укрѣпленіи Азова, объ отношеніяхъ къ казакамъ и т. под. Наряду съ этимъ Доснѣей никогда не забывалъ и Іерусалимской патріархіи, и искалъ помощи ей со стороны Русскаго правительства, и вообще и особенно по вопросу о возвращеніи святыхъ мѣстъ, отнятыхъ у православныхъ католиками.

Изъ этого слабаго и конспективнаго обзорѣнія содержанія книги профессора Каптерева легко усмотрѣть ея важное научное значеніе,—тѣмъ болѣе, что она написана по свѣжимъ и совершенно новымъ документамъ, доселѣ неизвѣстнымъ въ литературѣ („греческія дѣла и греческіе статейные списки, турецкія дѣла и турецкіе статейные списки“, рукописные сборники С.-Петербургской и Московской синодальныхъ бібліотекъ и друг.), а потому представляетъ много оригинальнаго, освѣщая темныя стороны предпетровскаго и Петровскаго времени, разясняя смутное, дополняя и исправляя принятое и т. п. Дѣло специалистовъ и специальныхъ журналовъ—подробная оцѣнка этого солиднаго ученаго труда, но въ общемъ смыслѣ его важность несомнѣнна для всякаго при всѣхъ возможныхъ недостаткахъ и недосмотрахъ, которые въ немъ откроетъ тщательная критика. По отношенію къ матеріаламъ мы могли бы указать, что у автора не видно пользованія собственно греческими источниками, необходимыми

при обработкѣ такой темы: а личность Досноея, по нашему мнѣнію, заслуживала бы болѣе подробной біографически-исторической характеристики помимо и независимо отъ его касательства къ Россіи. Нельзя также не пожалѣть, что г. Кантеревъ, списавшій себѣ почетное имя по вопросу о связяхъ Руси съ Востокомъ (напримѣръ, его сочиненіе „Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“), не предпослалъ болѣе широкаго изображенія нашихъ предшествующихъ сношеній и положенія русской церкви за избранный періодъ, чтобы тѣмъ яснѣе опредѣлились роль и значеніе участія Досноея. Равнымъ образомъ можно бы пожелать и необходимо было ожидать какихъ-нибудь общихъ выводовъ изъ столь старательнаго и ученаго изслѣдованія, которое въ настоящемъ видѣ намъ представляется и начинающимся, и кончающимся *ex abrupto*.

Профессоръ Н. В. Покровскій. *Евангеліе въ памятникахъ иконографіи преимущественно византійскихъ и русскихъ*. Свб. 1892. II+LXI+496 стр. in quarto мажор. Съ 226 ¹ рисунками въ текстѣ и 12 таблицами.

Сочиненіе это, принадлежащее перу извѣстнаго ученаго профессора, посвящено памятникамъ христіанскаго иконографическаго искусства въ области различныхъ сюжетовъ евангельской исторіи, распределеннымъ по отдѣльнымъ ея эпизодамъ въ хронологически-генетической послѣдовательности и объясненнымъ съ изумительною научною тщательностію на основаніи богатаго.—часто совершенно новаго,—иконаграфическаго матеріала и литературныхъ извѣстій соответствующихъ эпохъ. Вопросъ этотъ, слишкомъ мало разработанный и въ весьма многихъ пунктахъ совсѣмъ незатронутый и русскою и даже западною наукой, требовалъ отъ автора прежде всего возможно обильнаго и полнаго количества фактическихъ данныхъ, безъ чего нельзя сдѣлать въ этомъ предметѣ ни одного шага, и эта задача нашла себѣ блестящее осуществленіе въ разсматриваемомъ трудѣ. Г. Покровскій

¹ На самомъ дѣлѣ въ книгѣ только 225 рисунковъ, такъ какъ № 156, долженствующій воспроизводить кощунственное изображеніе распятаго Христа (Graffito), открытое въ 1856 году на Палатинскомъ холмѣ, въ Римѣ, выпущенъ авторомъ уже по опечатаніи книги (четверка 315—316 вставная), очевидно, по вниманію къ немощной совѣсти нѣкоторыхъ братьевъ. Значить, и въ ученыхъ сочиненіяхъ у насъ это пока еще необходимо...

предпринялъ цѣлый рядъ путешествій съ этою цѣлью въ Россіи, Греціи, Турціи и Западной Европѣ и открылъ памятники, долѣе мало или вовсе неизвѣстные, и получилъ возможность исправить неточности въ существующихъ уже изданіяхъ и оцѣнкѣ ихъ; къ сожалѣнію, недостаточность матеріальныхъ средствъ не позволила ему опубликовать всего своего собранія, но и то, что мы имѣемъ теперь, издано съ совершенствомъ, какое только мыслимо въ русскомъ книжномъ дѣлѣ. Вся эта коллекція—далѣе—тщательно расклассифицирована по евангельскимъ эпизодамъ, строго систематизирована и обработана въ археологическо-генетическомъ порядкѣ въ связи съ общимъ ходомъ развитія христіанскаго искусства и постепеннымъ ростомъ церковно-богословскаго знанія. Работа крайне сложная, утомительная и кропотливая, но исполнена она съ поразительнымъ самоотверженіемъ и научною фундаментальностью, впрочемъ, чуждою сухой спеціализаціи и дающею просторъ болѣе широкимъ научнымъ выводамъ. Въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ нѣкоторые недостатки на первыхъ порахъ положительно неизбежны, такъ какъ все зависитъ отъ обилія и качества иконографическихъ памятниковъ, но каковы бы ни были новыя открытія въ этой области, самое сочиненіе едва ли когда-нибудь утратитъ свое чисто спеціальное значеніе и всегда будетъ авторитетно-руководительнымъ пособіемъ для дальнѣйшихъ работъ.

Держась принципа: *scribitur ad narrandum, non ad probandum*, авторъ направлялся къ цѣлямъ чисто археологическимъ и историческимъ, но поелику „изученіе опытовъ прошедшаго полезно для начертанія плановъ будущаго“, то его трудъ не лишень и важнаго практическаго интереса. При отсутствіи опредѣленнаго взгляда на характеръ и задачи церковнаго иконописанія, при господствѣ полнаго произвола и слѣднаго подражанія Западу, царящихъ нынѣ въ этой сферѣ, когда достоинства внутренняго содержанія часто приносятся въ жертву (иногда грубому) реализму, когда заимствованныя иконографическія формы и композиціи подчасъ становятся прямо въ разладъ съ преданіями восточной церкви, когда въ храмахъ постепенно исчезаетъ поучительная символика древнихъ стѣнописей, а въ церковныхъ иконостасахъ ненужная орнаментика вытѣсняетъ иконографію (стр. V—VI), въ это время иконописно-художническаго патанія и свободно-творческаго фантазирования, болѣе пригоднаго для салонныхъ картинъ, солидное и объективно-научное сочиненіе г. Покров-

скаго можетъ не мало содѣйствовать отрезвленію, установленію истиннаго воззрѣнія на это высокое дѣло и урегулированію его сообразно научно-религіозной нормѣ, по которой „икона есть напоминаніе: что для грамотныхъ—книга и для слуха—слово, тоже для не грамотныхъ и для зрѣнія—икона“ (*св. Іоаннъ Дамаскинъ*, De imagin. orat. I). Необходимо только пожелать, чтобы имѣющіе уши слышать услышали...

По указаннымъ выше особенностямъ сочиненіе г. Покровскаго принадлежитъ къ специальной области церковной иконографіи (научной и практической) и исторіи искусствъ и навсегда останется здѣсь наставникомъ, достойнымъ удивленія, но есть въ немъ сторона и общепитересная, имѣющая болѣе широкое значеніе. Дѣло въ томъ, что христіанская иконопись не являлась сразу, какъ нѣчто заранѣе и опредѣленно данное, но развивалась и вырабатывалась постепенно на почвѣ научно-религіознаго вѣросознанія. Христіанское творчество не было въ то же время и продуктомъ ничѣмъ не руководившейся фантазіи живописцевъ и мастеровъ, а неизмѣнно отражало въ себѣ господствовавшее или нарождавшееся пониманіе пзвѣстныхъ евангельскихъ фактовъ и событій и шло прямо на встрѣчу религіозно-научнымъ потребностямъ времени. И это имѣетъ тѣмъ болѣшую важность, что иконографическое искусство въ Византіи въ равной мѣрѣ не подвергалось строго-догматической формулировкѣ, неизмѣнно влекущей за собою единообразную шаблонность, чуждую мысли и жизни: въ союзѣ съ религіей и служа ей цѣлямъ оно имѣло достаточно простора самобытно воспроизводить духъ и общія воззрѣнія своей эпохи, не впадая въ необузданность субъективнаго баловства нынѣшнихъ художниковъ, такъ какъ стояло въ тѣсной связи съ идеями и понятіями, уже воплещными въ общее обращеніе. Отсюда мы видимъ, что элементъ личнаго творчества игралъ здѣсь служебную роль и простирался почти исключительно на форму иконописной композиціи, не касаясь ея содержанія, воплощавшаго религіозно-научную дѣйствительность. Понятно теперь, что всецѣло питаемая послѣднею, христіанская иконографія яснѣйшимъ образомъ и наглядно отображаетъ предъ нами послѣдовательный ростъ религіозно-научнаго знанія и, раскрываясь пзъ литературныхъ памятниковъ, сама не рѣдко разъясняетъ ихъ и помогаетъ намъ въ надлежащемъ пониманіи различныхъ церковно-историческихъ періодовъ. Въ ней именно предъ нами рисуется постепенный переходъ отъ эпохи простой сердечной вѣры къ эпохѣ

пытливаго знанія и преемственныя ступени въ его развитіи на протяженіи вѣковъ. Всего очевиднѣе это для обыкновеннаго читателя въ переходныя времена, напримѣръ, въ западномъ иконографическомъ искусствѣ самаго начала возрожденія. „Изучая эти памятники запада то въ видѣ рабскихъ копій съ образцовъ византійскихъ, то съ явными слѣдами попытокъ выйти изъ шаблонной колеи подражанія, то, наконецъ, въ видѣ произведеній, въ которыхъ византійская основа переработана на новый ладъ, мы, говоритъ почтенный профессоръ (стр. II),—наблюдаемъ борьбу двухъ культуръ, въ которой новая культура старается сломить старую. Моментъ весьма важный не только для исторіи византійскаго искусства, но и византійскаго просвѣщенія вообще.“

Изъ всего сказаннаго сейчасъ вытекаетъ то заключеніе, что изслѣдованія въ области церковной иконографіи, въ родѣ разсматриваемаго нами, служатъ къ надлежащему воспроизведенію (если можно такъ выразиться) церковно-христіанской культуры и должны имѣть общенаучное и литературное значеніе и достоинство.

Отмѣчая своимъ слабымъ перомъ всѣ подобныя качества сочиненія г. Покровскаго, мы далеки отъ мысли произносить о немъ специальное рѣшительное сужденіе, какое оно, безъ сомнѣнія, найдетъ въ средѣ нашихъ и западныхъ компетентныхъ авторитетовъ. Единственная цѣль наша—обратить на него вниманіе неспеціалистовъ, выразить наше личное уваженіе къ этому великому труду и засвидѣтельствовать то пріятное удовольствіе, какое доставило намъ знакомство съ этимъ ученымъ произведеніемъ.

Александръ Голубцовъ. *Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны*. Москва. 1891. V+384 стр.

Это истинно ученое изслѣдованіе посвящено частному, но весьма важному эпизоду русской церковной исторіи,—и этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ опредѣляется высокое научно-историческое значеніе этого сочиненія. Центръ его составляетъ изложеніе споровъ православныхъ нашихъ богослововъ съ лютеранскими, каковыя споры совершенно естественно и неизбежно возникли по поводу сватовства Датскаго королевича Вальдемара за русскую царевну Ирину Михайловну въ половинѣ XVII вѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ „разнесенная розно“ удѣльная Русь собра-

лась въ единое государство подъ державою князя Московскаго,— брачный вопросъ сдѣлался для послѣдняго особенно труднымъ. Повидно, что онъ не считалъ удобнымъ жениться и „послать“ дома, не желая возвышать своего слугу до несвойственной ему ступени—въ ущербъ чести своего рода—и для избѣжанія государственныхъ неурядицъ, связанныхъ съ такимъ неожиданнымъ превозношеніемъ своей новой родни надъ другими государственными сановниками и чиновниками; но съ другой стороны, и брачныя связи съ иноземцами могли причинить не мало церковно - гражданскихъ хлопотъ, ибо всѣ западные иновѣрцы въ древности приравнивались у насъ къ *бесерменамъ* (изычникамъ и іудеямъ), почему и браки съ ними признавались дозволенными только подъ условіемъ принятія тѣми православія, что не всегда можно было достигнуть легко. Отсюда видно, что по поводу брачныхъ дѣлъ Московскихъ государей въ значительной мѣрѣ вырабатывались и опредѣлялись политическія отношенія Руси къ иностраннымъ государствамъ, а вмѣстѣ съ этимъ и научное церковно - религіозное сознаніе постепенно достигало надлежащей точки зрѣнія на инославныя иновѣданія, путемъ такихъ столкновеній съ ними точнѣе выясняя для себя свое содержаніе въ отличіе отъ иновѣрныхъ религіозныхъ воззрѣній. Такіе случаи были толчкомъ къ развитію собственнаго религіознаго сознанія, готоваго замереть при полной замкнутости и отчужденности отъ остальнаго міра, заставляли ближе узнать свои силы и слабости и, въ заботахъ объ усовершенствованіи первыхъ, побуждали устранить послѣднія. Въ нихъ заключался одинъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ и къ нашему церковно-религіозному прогрессу въ научномъ смыслѣ.

Теперь ясно, что и дѣло королевича Вальдемара, важное для гражданско-политической исторіи Россіи, имѣетъ не меньшій (если не большій) интересъ и въ церковно-религіозномъ отношеніи. Но между тѣмъ, какъ „гражданская“ старина этого эпизода уже обратила вниманіе нашихъ ученыхъ и достаточно раскрыта въ почтенныхъ трудахъ С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, Дм. В. Цвѣтаева,—собственно церковная никогда еще не была предметомъ болѣе или менѣе спеціальнаго изслѣдованія, такъ что дѣльной исторіи „преній о вѣрѣ“ до сихъ поръ не было. а въ томъ, что писалось нѣкоторыми (митр. Евгеній и Макарій, А. В. Горскій и К. И. Невоструевъ, И. И. Соколовъ—теперь епископъ Сергій,—гг. Никольскій, Цвѣтаевъ) по этому поводу.

не обвинялось и трети памятниковъ данной полемики. Г. Голубцовъ ставитъ своею задачею „восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей церковно-исторической наукѣ, воспроизвести пренія о вѣрѣ въ порядкѣ слѣдованія ихъ одного за другимъ—въ связи съ явленіями, имъ предшествовавшими и за ними слѣдовавшими, опредѣлить характеръ религіознаго спора и значенія его для своего времени“ (стр. III), помогая тѣмъ самымъ и гражданской исторіи, гдѣ доселѣ по этому пункту было не мало смутнаго, вследствие недостатка документальнаго и всесторонняго изученія „Вальдемарова сватовства“.

Все изслѣдованіе автора распадается на восемь главъ и ведется въ такомъ порядкѣ. Сначала г. Голубцовъ указываетъ причины, побудившія царя Михаила Ѳеодоровича искать жениха своей старшей дочери Иринѣ за границей, и опредѣляетъ, почему и какъ въ древней Руси возникъ и получилъ силу взглядъ, что выходъ православной княгини за иностраннаго принца считался возможнымъ лишь при томъ условіи, если послѣдній, крещенный обливательно, будетъ перекрещенъ погружательно (гл. I). Гл. II представляетъ самую исторію сватовства нашей царевны за сына датскаго короля Христіана IV Вальдемара, пріѣхавшаго для этого въ Россію (21 января 1644 г.); но здѣсь ему царь тотчасъ же сдѣлалъ предложеніе перекреститься, а тотъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, — и это послужило сигналомъ къ спеціально богословскимъ спорамъ о взаимныхъ отношеніяхъ православія и лютеранства. Такимъ образомъ, чисто матримоніальный вопросъ перешолъ въ научно-полемическую сферу, — и авторъ далѣе (гл. III) вполне естественно говоритъ о научныхъ средствахъ тогдашней Москвы для выполненія столь неожиданной задачи; особенно подробно останавливался на „Изложеніи на Люторы“ инока Ивана Насѣдки и Кирилловой книгѣ. Гл. IV посвящена тщательному изложенію попытокъ царя и бояръ склонить Вальдемара къ перекрещиванію и внимательному анализу двухъ посланій патріарха Іосифа, научно-доказывавшаго принцу религіозную необходимость такого поступка. Гл. V—VII даютъ детальное и документальное представленіе всего хода четырехъ устныхъ преній нашихъ богослововъ съ Вальдемаровымъ пасторомъ Фельгаберомъ съ конца мая 1644 г. по начало іюля 1645 г. въ связи съ новыми давленіями царя на принца, который тщетно просилъ себѣ отпуска на родину, когда его отецъ Христіанъ IV искалъ защиты у патріарха константинопольскаго, чтобы на

Москвѣ не притѣснили насильственно его сына къ „перемѣнѣ вѣры“. Въ заключительной VIII главѣ мы находимъ конечные результаты всего добросовѣстнаго изслѣдованія, гдѣ авторъ говоритъ о томъ значеніи, какое имѣло дѣло Вальдемара для нашихъ предковъ. Веденныя съ обѣихъ сторонъ съ упорствомъ—до послѣдней ноты отстоять свое и ни въ чемъ не уступить противнику, пренія не привели къ желательному результату по спорному вопросу и въ практическомъ смыслѣ только обострили уже существовавшую сильную вражду нашу ко всѣмъ западнымъ провозмѣщамъ, что обнаружилось съ начала царствованія Алексѣя Михайловича. Но былъ и одинъ весьма важный результатъ. „Полемика съ научно-образованнымъ придворнымъ проповѣдникомъ (Фельгаберомъ), какъ нельзя лучше, убѣдила передовыхъ московскихъ русскихъ людей, что, не имѣя у себя школъ и академій, не зная языковъ и свободныхъ наукъ, съ одними объемистыми сборниками въ рукахъ, съ одними, хотя бы и весьма обширными, познаніями въ божественныхъ писаніяхъ, они не могли заграждать уста врагамъ православія. Недостатокъ своего домашняго образованія, самымъ нелѣпнымъ образомъ давши себя почувствовать въ борьбѣ съ ученымъ настороомъ, не могли не сознавать теперь наши предки... Въ лучшихъ людяхъ все это могло вызвать не одно только сознаніе недостатковъ своего образованія, но и настоятельную потребность изученія вѣры, языковъ и свободныхъ наукъ, могло пробудить у нихъ мысль о необходимости ввести у себя настоящее образованіе съ помощію ученыхъ Грековъ и Кіевлянъ (которые и раньше—по приглашенію царя Михаила Феодоровича—существенно помогали имъ въ спорѣ). Для передовыхъ личностей, стоявшихъ и имѣвшихъ стоять во главѣ управленія государствомъ, обидные и неоднократные упреки Русскимъ со стороны Датчанъ въ невѣжествѣ, въ неимѣніи школъ и академій не прошли безслѣдно, но имѣли значеніе руководящихъ указаній, своего рода программы для ихъ будущей дѣятельности въ области просвѣщенія“ (стр. 359,360). И авторъ далѣе со всегдашнею документальностію и обычною основательностію доказываетъ и иллюстрируетъ эту мысль изложеніемъ успленной дѣятельности Московскаго печатнаго двора по изданію учебныхъ книгъ съ сентября 1645 года до смерти патріарха Іосифа († 15 апрѣля 1652 г.) и тѣхъ попытокъ, какія были предприняты съ цѣлью завести у насъ правильную школу съ помощію ученыхъ Грековъ и Кіевлянъ.

Изъ представленнаго нами обзорѣнія содержанія сочиненія г. Голубцова легко убѣдиться, что авторъ вѣрно понялъ свою задачу и выполнилъ ее съ безукоризненною тщательностію. Не ограничиваясь узкими рамками избранной темы, онъ далъ ей весьма широкую постановку и всѣсторонне раскрылъ ее въ связи съ предыдущими и слѣдовавшими за „дѣломъ Вальдемара“ событіями, которыя чрезъ это получили новое и болѣе правильное освѣщеніе. Но само собою понятно, что главное его вниманіе все-таки было сосредоточено на отдѣльномъ эпизодѣ, а отсюда естественно, что въ нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ онъ не избѣжалъ незначительныхъ недостатковъ и не всегда обставлялъ ихъ съ совершенною документальностію, въ общемъ составляющею отличительное достоинство этого труда. Несомнѣнно, напримѣръ, что споры по поводу сватовства за Вальдемара не мало содѣйствовали пробужденію сознанія о необходимости правильного научнаго образованія, но это была не единственная причина, и потому автору, для полноты изслѣдованія, нужно было бы выдѣлить этотъ факторъ изъ всѣхъ другихъ и указать его сравнительное значеніе, чего онъ не далъ въ идеально-желательной мѣрѣ. Намъ лично не мало удивило также и то, что, подробно говоря о религіозныхъ отношеніяхъ Русскихъ къ иноземцамъ до половины XVII вѣка по вопросу о перекрещиваніи, г. Голубцовъ трактуетъ почти исключительно о католикахъ-латинахъ и удѣляетъ протестантамъ лишь нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній всего на двухъ страницахъ (29—30), между тѣмъ исключительнымъ предметомъ преній 1644—1645 гг. было именно „люторство“. Но во всякомъ случаѣ взятый вопросъ авторъ разслѣдовалъ во всей полнотѣ (насколько этого можно требовать по существующимъ источникамъ), и его выводы всегда покоятся на строго проверенныхъ научныхъ данныхъ и въ большей части должны стать прочнымъ научнымъ достояніемъ. И это тѣмъ понятнѣе, что онъ никогда не пишетъ со словъ другихъ безъ справокъ съ соответствующими документами и, пользуясь уже изданными памятниками, успѣлъ собрать много интереснаго и цѣннаго матеріала, подвергъ его старательному критическому разбору и въ своемъ сочиненіи использовалъ его съ замѣчательною научною критичностію и проникательностію. ¹ Онъ

¹ Чтобы дать другимъ возможность самостоятельно заниматься по избранному предмету, авторъ имѣетъ въ виду выпустить отдѣльно „памятники преній о

нифль подь руками нужнѣй ему рукописный матеріалъ изъ Архива Министерства Иностраннѣхъ Дѣлъ и сборники библіотекъ: Московской Синодальной, Императорской Публичной, Румянцевскаго Музея, В. М. Удольскаго, Общества исторіи и древностей російскихъ, четырехъ духовныхъ академій, Архангельской духовной семинаріи, Флорищевой пустыни и Е. В. Барсова. Постоянно и неуклонно работы по перво-источникамъ, столь старательно собраннымъ, авторъ перѣдко и въ существенныхъ пунктахъ поправляетъ своихъ предшественниковъ (хотя и не вдается въ полемику, а всегда противопоставляетъ ихъ ошибочнымъ сужденіямъ и взглядамъ неоспоримые факты) и вноситъ въ русскую литературу по взятому предмету весьма много новаго, наиримѣрь, въ главахъ II и особенно III и IV, а главы V—VIII представляютъ совершенную новинку.

Трудъ высоко добросовѣстный и всецѣло самостоятельный, сочиненіе г. Голубцова ни на шагъ не отстуетъ отъ документовъ. Но авторъ такъ изучилъ и продумалъ ихъ, съ такимъ господствомъ возобладать надъ своимъ обширнымъ и сырымъ матеріаломъ, что онъ никогда не связываетъ свободы его оригинальной мысли и не затрудняетъ изложенія. Напротивъ, рѣчь его всегда течетъ стройно и плавно, можно сказать, даже изящно,—и все изслѣдованіе читается съ самымъ живымъ увлеченіемъ.

Н. Глубоковскій.

вѣрѣ“, вызванныхъ дѣломъ Вальдемара. Цѣнное въ научномъ отношеніи,— это изданіе вмѣстѣ съ самымъ изслѣдованіемъ будетъ весьма не бесполезно и въ практическомъ опытѣ—для полемики съ нашими рационалистическими сектами: молоканствомъ, штундизмомъ и т. п.

Графъ П. Бутурлинъ. *Двадцать сонетовъ*. Кіевъ. 1891.

Новый сборникъ стихотвореній гр. Бутурлина, выпущенный, къ сожалѣнію, въ количествѣ всего 100 экземпляровъ, заслуживаетъ упоминанія. Уже въ первыхъ стихотвореніяхъ этого поэта обнаружались особенности его дарованія: художественное пониманіе формы и умѣніе совладать съ нею. Эти же черты обращаютъ на себя вниманіе и въ его сонетахъ. Какъ форма стѣсненная не только количествомъ строкъ, но и чередованіемъ рیمъ, сонетъ представляетъ особыя трудности, съ которыми нашъ авторъ справился очень удачно. Вторыя части сонетовъ (шести-строчія) разработаны имъ съ разнообразіемъ, изяществомъ и вкусомъ, напоминающими старинныхъ мастеровъ. Мы находили у него чередованіе рیمъ а, а, в, с, в, с и а, а, в, с, с, в, и а, в, в, а, сс. Единственное о чемъ можно пожалѣть, это что авторъ пишетъ не традиціоннымъ пятистопнымъ, а шестистопнымъ ямбомъ. Но достоинства сонетовъ гр. Бутурлина не ограничиваются одною техникой. Форма ихъ вполне отвѣчаетъ содержанію. Мысли автора поэтичны, образы свои онъ не придумываетъ, а видитъ. Вотъ для примѣра одинъ изъ его сонетовъ:

На почтовой станціи.

Средь красныхъ георгинъ стояла стройно ты,
Какъ тополь молодой твоей родной Украины,
И съ гибкой граціей красы необычайной
Поила медленно осенніе цвѣты.

Предъ этой тихою поэмой простоты
Я, какъ любовникъ, мѣлѣ, я,—путникъ лишь случайный
И были для меня какой-то чудной тайной
За садомъ въ хатѣ, тамъ, и жизнь твоя—и ты...

Я зналъ, что мигъ пройдетъ, что въ тучѣ черной пыли
Подъ пѣсню ямщика умчусь я въ даль степей,
Гдѣ взоръ лучистый твой, да грезы только были;

Я зналъ, что мигъ пройдетъ,—пройдетъ немного дней,
Погубить образъ твой забвенья злая сила
Въ душѣ, гдѣ мигъ одинъ царцей-ты царила.

Образами стихотвореній, содержаніе конхъ составляетъ незрительный образъ, а извѣстное настроеніе, могутъ служить:

Золото, Донъ-Жуанъ и три сонета подъ общимъ заглавіемъ *Царевичъ Алексѣй Пестровичъ въ Неаполь*. Въ послѣднихъ названныхъ стихотвореніяхъ изображается душевное состояніе несчастнаго царевича въ тотъ моментъ, когда Толстой уговариваетъ его подчиниться волѣ отца и вернуться въ отечество. На далекой чужбинѣ Алексѣй впервые позналъ:

„Что въ мірѣ есть краса, что въ жизни есть покой,
„Спасенье отъ невзгодъ и счастье свободы...

Отъ этихъ новыхъ и дорогихъ ему благъ онъ отказался бы охотно, чтобы вернуться хоть и къ разгнѣванному, но любящему отцу. Но онъ понимаетъ Петра:

„Нешадный, точно смерть, и грозный какъ стихія
„Онъ—не отецъ! онъ—царь! онъ—новая Россія!

И сознавая это, предвидя свою судьбу, царевичъ покоряется. Высокій трагизмъ момента переданъ гр. Бутурлинымъ превосходно и не только желаніе, но и симпатія читателя привлечена на сторону Алексѣя.

Дарованіе гр. Бутурлина и усидчивый его трудъ, замѣтный по тщательной отдѣлкѣ его стихотвореній, даютъ основаніе ожидать отъ него новыхъ вкладовъ въ нашу поэтическую литературу.

Ал. Саломонъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ первый,

Я Н В А Р Ъ.

Стр.

Русскій туристъ въ Западной Европѣ въ началѣ XVIII вѣка.	
Гл. I—IX. А. Брикнера.....	5
Стихотворенія. А. А. Фета.....	39
Махди Судана и царство дервишей. А. В. Елисева.....	44
Ревность. (Изъ семейныхъ неприяностей, посвящается М. Н. Б.....) Гл. I—XXII. М. В. Крестовской.....	89
Сельско-хозяйственные вопросы. Гл. VIII. А. С. Ермолова.	159
Новая Сандрильона. Романъ. (Изъ французскихъ нравовъ.) Гл. I—IV. Гр. Е. А. Салиаса.....	213
Разводъ. (Современные нравы.) Альфонса Додэ. Переводъ съ рукописи П. Гальперина-Каминскаго. Гл. I—III..	241
Стихотвореніе. Гр. А. К. Толстаго.....	291
Христіанская церковь и римскій законъ. (Въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ.) Ю. А. Кулаковскаго.....	294
Стихотворенія Ив. Э. Э. Ухтомскаго.....	324
Салли Доузъ. Романъ Бретъ-Гарта. (Переводъ съ рукописи. Ө. Д.) Прологъ. Гл. I—II.....	326
Памяти К. Н. Леонтьева. В. С. Соловьева.....	352
Недосягаемая звѣзды. Разсказъ Зудерманна. (Переводъ съ нѣмецкаго).....	357
Литературная собственность въ Сѣверо-Американскихъ Сое- диненныхъ Штатахъ. Гл. I—III. А. А. Борзенко.....	384
Письма изъ Парижа. (Спеціальная корреспонденція.) Пись- мо I. Г. Вельшингера.....	404
Театральная хроника. С. Васильева.....	420
Музыкальное обозрѣніе. Н. Д. Кашкина.....	427
Современная лѣтопись. Кончина Великаго Князя Констан- тина Николаевича.—Общественныя работы, какъ по- мощь голодающимъ.— <i>Новое Время</i> и г. Дрейфусъ.— <i>Московскія Вѣдомости</i> и православіе.—Отчетъ оберъ- прокурора Св. Синода.—Переходъ въ православіе принца Кобургскаго.—Инцидентъ гг. Константа и Лора.	429
Экономическое обозрѣніе. Л. Н. Воронова.....	451

Критика и библиографія:

- 1) А. Рубинштейнъ. *Музыка и ея представители*. (Разговоръ о музыкѣ). Изд. П. Н. Юргенсона. 185 стр. **Н. Д. Кашкина**..... 470
- 2) Г. Рей-Лестренджъ: *Палестина подь владычествомъ мусульманъ. Описаніе Сиріи и Святой Земли въ 650—1500 н. по средневѣковымъ арабскимъ географіямъ*.—(Gay Lestrangle's *London Palestine under the Moslems etc with maps and illustrations, published for the committee of the Palestine Exploration Fund 1890*).—**П. А. Фонъ-Фрикенъ: Итальянское искусство въ эпоху возрожденія**. Часть первая. Москва. 1891 г. **М. П. Соловьева**..... 476
- 3) Edouard Lockroy. *de Moltke, ses mémoires et la guerre future*. Paris. 1892. (Sixième édition.) Эдуардъ Локруа. *Мольтке, его мемуары и будущая война*. Парижъ. 1892. (Шестое изданіе.) **В. А. Духовецкаго**... 482
- ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Ф Е В Р А Л Ь

Стр.

Легендарные характеры. (Опытъ систематическаго обзорѣнія.) Н. С. Лѣскова	485
Махин Судана и царство дервишей. (Окончаніе.) А. В. Елисѣева	552
По Святой Землѣ. М. П. Соловьева	598
Чему учить насъ голодь? Н. В. Головина	638
Стихотвореніе. Кн. Э. Э. Ухтомскаго	660
Характеръ современной журналистики. Д. А. Корочевскаго ..	661
Неурожаи прошлаго вѣка. (По архивнымъ матеріаламъ.) П. В. Безобразова	692
Новая Сандрильона. Романъ. (Изъ французскихъ правовъ.) Гл. VI—X. Гр. Е. А. Салиаса	745
Изъ путевого дневника. (Въ Египтѣ.) ***	766
Салли Доузъ. Романъ Бретъ-Гарта . (Переводъ съ рукописи. В. Д.) Гл. III—V.....	785
Разводъ. (Современные нравы.) Альфонса Додз . Переводъ съ рукописи Н. Гальперина-Кампскаго . (Окончаніе.) Гл. X—XIV.....	814

III

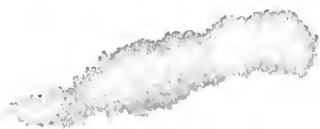
Письма изъ Парижа. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо П. Г. Вельшингера	854
Театральная хроника. С. Васильева.....	874
Музыкальное обозрѣніе. Н. Д. Кашкина.....	886
Современная лѣтопись. Есть ли въ Россіи голодъ?—Идеаль и дѣйствительность по поводу ученія и дѣятельности графа Л. Н. Толстаго.—Папство и социальный вопросъ.—Паденіе министерства во Франціи.—Рѣчь императора Вильгельма, безпорядки въ Берлинѣ, жестокое обращеніе съ солдатами въ германской арміи.—Г. Татищевъ о Стамбуловѣ.—Окончаніе спора съ <i>Московскими Вѣдомостями</i>	893
Экономическое обозрѣніе. Л. Н. Воронова.....	916
Критика и библіографія:	
1) <i>Государственный Банкъ</i> . Изслѣдованія его устройства, экономическаго и фпнансоваго значенія. Власія Судейкина. Петербургъ, 1891. XVII+520 стр. Е. К. Нелидова	934
2) И. Н. О. Каптеревъ . <i>Сношенія іерусалимскаго патріарха Досифея съ Русскимъ правительствомъ (1669—1707 и.)</i> Москва. 1891. 359+91 стр. (приложенія: 23 документа).— П. Профессоръ Н. В. Покровскій . <i>Евангеліе въ памятникахъ иконографіи преимущественно византійскихъ и русскихъ</i> . Спб. 1892. II+LXI+496 стр. in quarto majore. Съ 226 рисунками въ текстѣ и 12 таблицами.— Ш. Александръ Голубцовъ . <i>Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Прини Михайловны</i> . Москва. 1891. V+384 стр. Н. Н. Глубоковскаго	947
3) Графъ П. Бутурлинъ . <i>Двадцать сонетовъ</i> . Кіевъ. 1891. А. П. Саломона	959
ОБЪЯВЛЕНІЕ.	

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЕТСЯ
ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ
СТИХОТВОРЕНІЙ КНЯЗЯ Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВА.

Ц ѣ н а 2 р.

Складъ изданія въ редакціи «Русскаго Обозрѣнія»,
Тверской бульв., д. Зыкова.

О ПОДПИСКѢ НА 1892 ГОДЪ

И Л

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ выходитъ безъ предварительной цензуры, 15 числа каждаго мѣсяца, книжками по тридцати листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) **Ивъщная словесность**: оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д. 2) **Науки**: философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч. 3) **Обозрѣніе**: внутреннее, экономическое и иностранное. 4) **Хроника**: литературная, научная, музыкальная, театральная и художественная. 5) **Критика**, библиографія. 6) **Корреспонденціи**.

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ПРИНИМАЮТЪ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: А. Н. Апухтинъ, Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, П. И. Вейнбергъ, В. П. Желиховская, В. П. Клюшниковъ, М. В. Крестовская, Коть-Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ, Н. С. Лѣсковъ, К. Орловскій, Я. П. Полонскій, гр. Е. А. Салиасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣвъ, А. Стернь, А. А. Фетъ, А. П. Чеховъ, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Въ научно-политическомъ отдѣлѣ: П. В. Безобразовъ, Л. Б. Бертенсонъ, А. А. Борзенко, Ѳ. И. Буслаевъ, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Веселовскій, А. И. Восойковъ, Л. Н. Вороновъ, С. М. Георгіевскій, К. Ѳ. Головинъ, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ, Н. Я. Гротъ, И. И. Дубасовъ, С. А. Ермоловъ, Н. А. Звѣревъ, Н. Ю. Зографъ, гр. П. А. Капнистъ, Н. Д. Кашнинъ, А. И. Кирпичниковъ, А. А. Кирѣвъ, Д. А. Коропчевскій, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, Е. Л. Марковъ, А. И. Незеленовъ, Э. Л. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ и др.

ИНОСТРАННЫЕ СОТРУДНИКИ:

Бретъ-Гартъ (Bret-Harte), П. Бурже (Paul Bourget), М. де-Вогюэ (Melchior de-Vogüé), Г. Вельшингеръ (Høpfi Welschinger), Г. Аликсъ (Gabriel Alix), П. Леруа-Больэ (Paul Leroy-Beaulieu), Э. Гартманъ (Eduard von Hartmann), Г. Джемсъ (Henry James), Ж. Симонъ (Jules Simon), В. Стэдъ (William Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Съ пересылкой и доставкой во всеѣ города Россійской Имперіи	15 р. 50 к.	8 р. — к.
За границу.....	19 " — "	10 " — "

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **Москва, Тверской бульваръ, домъ Зыкова, № 46**, въ книжныхъ магазинахъ: *Новаго Времени*, Вольфа, Оглоблина (въ Кіевѣ), въ конторѣ И. Печковской и у всеѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Для подписывающихся въ конторѣ журнала допускается разсрочка.

При перемѣлѣ адреса городскіе подписчики, переходя въ иногородные, оплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.

Заявленія о несправности доставки сообщаются въ редакцію журнала не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги.

Издатель Н. Боборыкинъ.

Редакторъ князь Д. Цертелевъ.

AP
50
R86
g.3
Feb.

Russkoe obozriènie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

